

ISSN 1728-1938

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2020 * Том 19 * № 1

RUSSIAN SOCIOLOGICAL
REVIEW

2020 * Volume 19 * Issue 1

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
ЦЕНТР ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2020
Том 19. № 1

ISSN 1728-1938

Эл. почта: puma7@yandex.ru

Адрес редакции: ул. Старая Басманская, д. 21/4, к. А205, Москва 105066

Веб-сайт: sociologica.hse.ru

Тел.: +7-(495)-772-95-90*12454

Редакционная коллегия

Главный редактор

Александр Фридрихович Филиппов

Зам. главного редактора

Марина Геннадиевна Пугачева

Члены редколлегии

Светлана Петровна Баньковская

Андрей Михайлович Корбут

Наиль Галимханович Фархатдинов

Редактор веб-сайта

Наиль Галимханович Фархатдинов

Литературные редакторы

Максим Сергеевич Фетисов

Перри Франц

Корректор

Инна Евгеньевна Кроль

Верстальщик

Андрей Михайлович Корбут

Международный редакционный совет

Николя Айо (Университет Фрибура, Швейцария)

Джеффри Александер (Йельский университет, США)

Яан Вальсинер (Университет Ольборга, Дания)

Виктор Семенович Вахштайн (РАНХиГС, Россия)

Гэри Дэвид (Университет Бентли, США)

Дмитрий Юрьевич Куракин (НИУ ВШЭ, Россия)

Александр Владимирович Марей (НИУ ВШЭ, Россия)

Питер Мэннинг (Северо-восточный университет, США)

Альбер Ожьеен (Высшая школа социальных наук, Франция)

Энн Уорфилд Роулз (Университет Бентли, США)

Ирина Максимовна Савельева (НИУ ВШЭ, Россия)

Никита Алексеевич Харламов (Университет Ольборга, Дания)

Учредители

- Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
- Александр Фридрихович Филиппов

О журнале

«Социологическое обозрение» — академический рецензируемый журнал теоретических, эмпирических и исторических исследований в социальных науках. Журнал выходит четыре раза в год. В каждом выпуске публикуются оригинальные исследовательские статьи, обзоры и рефераты, переводы современных и классических работ в социологии, политической теории и социальной философии.

Цели

- Поддерживать дискуссии по фундаментальным проблемам социальных наук.
- Способствовать развитию и обогащению теоретического словаря и языка социальных наук через междисциплинарный диалог.
- Формировать корпус образовательных материалов для развития преподавания социальных наук.

Область исследований

Журнал «Социологическое обозрение» приглашает социальных исследователей присыпать статьи, в которых рассматриваются фундаментальные проблемы социальных наук с различных концептуальных и методологических перспектив. Нас интересуют статьи, затрагивающие такие проблемы как социальное действие, социальный порядок, время и пространство, мобильности, власть, нарративы, события и т. д.

В частности, журнал «Социологическое обозрение» публикует статьи по следующим темам:

- Современные и классические социальные теории
- Теории социального порядка и социального действия
- Методология социального исследования
- История социологии
- Русская социальная мысль
- Социология пространства
- Социология мобильности
- Социальное взаимодействие
- Фрейм-анализ
- Этнometодология и конверсационный анализ
- Культурсоциология
- Политическая социология, философия и теория
- Нарративная теория и анализ
- Гуманитарная география и урбанистика

Наша аудитория

Журнал ориентирован на академическую и неакадемическую аудитории, заинтересованные в обсуждении фундаментальных проблем современного общества и социальных наук. Кроме того, публикуемые материалы (в частности, обзоры, рефераты и переводы) будут интересны студентам, преподавателям курсов по социальным наукам и другим ученым, участвующим в образовательном процессе.

Подписка

Журнал является электронным и распространяется бесплатно. Все статьи публикуются в открытом доступе на сайте: <http://sociologica.hse.ru/>. Чтобы получать сообщения о свежих выпусках, подпишитесь на рассылку журнала по адресу: farkhatdinov@gmail.com.

RUSSIAN SOCIOLOGICAL REVIEW

2020
Volume 19. Issue 1

ISSN 1728-1938

Email: puma7@yandex.ru

Web-site: sociologica.hse.ru/en

Address: Staraya Basmannaya str., 21/4, Room A205, Moscow, Russian Federation 105066

Phone: +7-(495)-772-95-90*12454

Editorial Board

Editor-in-Chief

Alexander F. Filippov

Deputy Editor

Marina Pugacheva

Editorial Board Members

Svetlana Bankovskaya

Nail Farkhatdinov

Andrei Korbut

Internet-Editor

Nail Farkhatdinov

Copy Editors

Maxim Fetisov

Perry Franz

Russian Proofreader

Inna Krol

Layout Designer

Andrei Korbut

International Advisory Board

Jeffrey C. Alexander (Yale University, USA)

Gary David (Bentley University, USA)

Nicolas Hayoz (University of Fribourg, Switzerland)

Nikita Kharlamov (Aalborg University, Denmark)

Dmitry Kurakin (HSE, Russian Federation)

Alexander Marey (HSE, Russian Federation)

Peter Manning (Northeastern University, USA)

Albert Ogiens (EHESS, France)

Anne W. Rawls (Bentley University, USA)

Irina Saveliyeva (HSE, Russian Federation)

Victor Vakhshtayn (RANEPA, Russian Federation)

Jaan Valsiner (Aalborg University, Denmark)

Establishers

- National Research University Higher School of Economics

- Alexander F. Filippov

About the Journal

The Russian Sociological Review is an academic peer-reviewed journal of theoretical, empirical and historical research in social sciences.

The Russian Sociological Review publishes four issues per year. Each issue includes original research papers, review articles and translations of contemporary and classical works in sociology, political theory and social philosophy.

Aims

- To provide a forum for fundamental issues of social sciences.
- To foster developments in social sciences by enriching theoretical language and vocabulary of social science and encourage a cross-disciplinary dialogue.
- To provide educational materials for the university-based scholars in order to advance teaching in social sciences.

Scope and Topics

The Russian Sociological Review invites scholars from all the social scientific disciplines to submit papers which address the fundamental issues of social sciences from various conceptual and methodological perspectives. Understood broadly the fundamental issues include but not limited to: social action and agency, social order, narrative, space and time, mobilities, power, etc.

The Russian Sociological Review covers the following domains of scholarship:

- Contemporary and classical social theory
- Theories of social order and social action
- Social methodology
- History of sociology
- Russian social theory
- Sociology of space
- Sociology of mobilities
- Social interaction
- Frame analysis
- Ethnomethodology and conversation analysis
- Cultural sociology
- Political sociology, philosophy and theory
- Narrative theory and analysis
- Human geography and urban studies

Our Audience

The Russian Sociological Review aims at both academic and non-academic audiences interested in the fundamental issues of social sciences. Its readership includes both junior and established scholars.

Subscription

The Russian Sociological Review is an open access electronic journal and is available online for free via <http://sociologica.hse.ru/en>.

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Свет и власть: Паноптикон как политическая форма и ее вариации	9
Святослав Касиэ	
Пробелы идентичности: как и почему нация ускользает от государства	35
Кирилл Телин, Кирилл Филимонов	
«Задача политики... выразить словами то, что в жизненном опыте ускользнуло от сконструированной реальности»: интервью с Люком Болтански.	74
Люк Болтански, Олег Хархордин	

СТАТЬИ И ЭССЕ

«Стрела времени» и «линии жизни»: деконструкция линейности	85
Наталья Веселкова, Михаил Вандышев, Елена Прямикова	
Социология подозрительности: теория рекомендательных отношений с примерами из академической жизни	106
Михаил Соколов	

«ИГРА ПРЕСТОЛОВ» В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Социальный порядок и политическая теология в «Игре престолов»: чем культовый сериал интересен для теоретической социологии	139
Олег Кильдишов	
Карлик, евнух и банкир: интуиции модерного государства в Вестеросе.	160
Александр Марей	
«Игра престолов»: культурный пессимизм как рецепт успеха	183
Аксель Кристиан Хорн	
Структура повествования и постклассическая реальность в фэнтези-саге Дж. Р. Р. Мартина «Песнь льда и пламени» и киносериале «Игра престолов» . .	193
Лариса Пискунова, Игорь Янков	
Не только мать, жена и королева: этические и политические стратегии женских персонажей в цикле романов «Песнь льда и пламени» Дж. Мартина .	209
Мария Марей	

СОЦИОЛОГИЯ СПОРТА

- Глобальное, национальное и местное в восприятии гражданами чемпионата мира по футболу 2018 227
Александр Долганов, Елена Трубина

КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИЯ

- Война и госпитали: почему менялась архитектура последние 300 лет 256
Мария Федорова

ОБЗОРЫ

- Исследование смысла в организациях: предпосылки и элементы концепции sensemaking K. Вейка 283
Елена Гудова

РЕЦЕНЗИИ

- Экономика обогащения и структура товаров 305
Ольга Добрянская
- «Цифровой капитализм» и старая сказка о потерянном времени 318
Эдуард Сафонов
- Российское поколение миллениалов 328
Александр Субботин

IN MEMORIAM

- Оттхайн Рамштедт (Otthein (Otto-Heinrich) Rammstedt)
(26.01.1938, Дортмунд — 27.01.2020, Мангейм) 339
Александр Филиппов
- Теодор Шанин (29.10.1930, Вильно — 04.02.2020, Москва) 342
Александр Никулин
- «В центре всего должен быть вопрос этики...»: интервью с Теодором Шаниным 345
Теодор Шанин, Александр Никулин, Марина Пугачева

Contents

POLITICAL PHILOSOPHY

Light and Power: The Panopticon as a Political Form and its Variations	9
<i>Svyatoslav Kaspe</i>	
Identity Gaps: How and Why a Nation Eludes A State	35
<i>Kirill Telin, Kirill Filimonov</i>	
“The Mission of Politics . . . is to Put into Words the Experience that has Eluded a Constructed Reality”: Interview with Luc Boltanski	74
<i>Luc Boltanski, Oleg Kharkhordin</i>	

ARTICLES AND ESSAYS

The Arrow of Time and the Line of Life: The Deconstruction of Linearity	85
<i>Natalya Veselkova, Mikhail Vandshev, Elena Pryamikova</i>	
Towards a Sociology of Suspicion: A Theory of Recomendational Relations with Applications to the Academic World	106
<i>Mikhail Sokolov</i>	

«GAME OF THRONES» IN SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE

Social Order and Political Theology in the <i>Game of Thrones</i> : What Makes the Cult Series Interesting for Theoretical Sociology.	139
<i>Oleg Kildyushov</i>	
Dwarf, Eunuch, and Banker: The Intuitions of the Modern State in Westeros . . .	160
<i>Alexander Marey</i>	
<i>Game of Thrones</i> : Cultural Pessimism as a Winning Formula	183
<i>Axel Christian Horn</i>	
The Narrative Structure and Postclassical Reality in George R. R. Martin’s Epic Fantasy Novels <i>A Song of Ice and Fire</i> and the Television Series <i>Game of Thrones</i> . .	193
<i>Larisa Piskunova, Igor Yankov</i>	
Not Just Mother, Wife, and Queen: The Ethical and Political Strategies of Female Characters in George R. R. Martin’s <i>A Song of Ice and Fire</i>	209
<i>Maria Marey</i>	

SOCIOLOGY OF SPORT

- The Global, the National, and the Local in the Citizens' Perceptions
of the 2018 World Cup 227
Alexander Dolganov, Elena Trubina

CULTURAL SOCIOLOGY

- War and Hospitals: Why Their Architecture has Changed during the Last Three
Centuries 256
Mariia Fedorova

REVIEWS

- Finding Sense in Organization Studies: Assumptions and Features of K. Weick's
Sensemaking Approach 283
Elena Gudova

BOOK REVIEWS

- Economy of Enrichment and the Structure of Commodities 305
Olga Dobryanskaya
- "Digital Capitalism" and the Old Fairytale about Lost Time 318
Eduard Safronov
- Russian Generation of Millennials 328
Alexander Subbotin

IN MEMORIAM

- Otthein (Otto-Heinrich) Rammstedt (26.01.1938 — 27.01.2020) 339
Alexander Filippov
- Teodor Shanin (29.10.1930 — 04.02.2020) 342
Alexander Nikulin
- "The Question of Ethics should be at the Core of Everything . . .":
Interview with Teodor Shanin 345
Teodor Shanin, Alexander Nikulin, Marina Pugacheva

Свет и власть Паноптикон как политическая форма и ее вариации*

Святослав Каспэ

Доктор политических наук, профессор, департамент политики и управления,
факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Главный редактор журнала «Полития»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: kaspe@politeia.ru

После Мишеля Фуко бентамовский Паноптикон стал общепризнанным образом современного государства. Статья посвящена некоторым аспектам этой сильной метафоры, не принятых в расчет ни Фуко, ни большинством других исследователей. Вопрос об источниках света в Паноптиконе, также понимаемого метафорически, как условие осуществления власти и одновременно ее легитимности, позволяет описать следующие вариации государственной политической формы: опирающаяся на «политическую религию» (смежная с тоталитарным феноменом), секулярная (смежная с либерализмом) и основанная на «гражданской религии» (наиболее неоднозначная из всех). Ключевой переменной тут является тот или иной способ сопряжения политического и сакрального. Если в досовременную эпоху презумировалась открытость политических форм для воздействий, исходящих из области сакрального, то в современных государствах политическое достигает автономии, эмансируясь от сакрального, а в наиболее радикальном варианте занимая его место. Автор полагает, что в будущем наибольшую устойчивость продемонстрируют те вариации государственной политической формы, в которых эта автономизация не завершена, в которых связь между политическим и сакральным поддерживается, хотя и в ограниченном виде. То есть те, в которых практикуется «гражданская религия».

Ключевые слова: Паноптикон, Фуко, Бентам, политическая форма, политическая религия, секулярное государство, гражданская религия

© Каспэ С. И., 2020

© Центр фундаментальной социологии, 2020

DOI: 10.17323/1728-192X-2020-1-9-34

* Я благодарен Игорю Каспэ, Сергею Медведеву и Юрию Рудневу за ценные консультации, которыми я пользовался в процессе работы над этим текстом.

Он представляет собой кольцевую цистернообразную структуру со стеклянной крышей, в которой камеры расположены вдоль внешней стены и обращены к помещенной в центре ротонде; стража, располагающаяся в ротонде, может держать под постоянным наблюдением всех обитателей камер.

«Encyclopedia Britannica»

У каждого дома есть окна вверх.
Борис Гребенщиков

Стены рухнут.
Яцек Качмарский

После Мишеля Фуко образ Паноптикона, придуманного Иеремией Бентамом в конце XVIII века как «новый принцип строительства», «применимый к учреждениям любого типа, предназначенным для содержания под надзором персон любого рода; в частности, к пенитенциарным учреждениям, тюрьмам, промышленным предприятиям, работным домам, домам призрения, лазаретам, мануфактурам, больницам, сумасшедшим домам и школам» (Bentham, 1995: 29), стало принято трактовать расширительно — как «диаграмму механизма власти, сведенной к ее идеальной форме» (Фуко, 1999: 300–301) и «общий принцип новой „политической анатомии“» (Там же: 305). «Новой» — государственной, относящейся не к политической организации как таковой, а именно к государству как к исторической политической форме, о чем свидетельствует вся логика и структура книги «Надзирать и наказывать» и с чем согласно большинство интерпретаторов. «Фуко показал, что „паноптизм“ представляет собой характеристическую особенность современного государства. Он отвел паноптической тюрьме ключевое место в своем описании перехода от монархии раннего модерна к капиталистическому государству модерна позднего» (Schofield, 2009: 70).

Бентам, видимо, подразумевал возможность такого переноса смысла, претендую ни более ни менее как на открытие «нового способа приобретения одним разумом беспримерной власти над другими» (Bentham, 1995: 31), «превосходство которого состоит в величайшей мощи, сообщаемой им любому учреждению, соченному пригодным для его применения» (Ibid.: 93). Но все же для него Паноптикон был прежде всего техническим проектом, предназначенным к вполне предметному, материальному воплощению, а самые крайние свои упования Бентам ограничивал максимально широким распространением подобных сооружений. Фуко превратил Паноптикон в метафору; в этом качестве он и фигурирует в дальнейшем рассуждении.

Метафора здесь понимается, во-первых, по Аристотелю, то есть предельно широко — как «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» (Περὶ ποιητικῆς, 1457b). Александр Ф. Филиппов (отталкиваясь от некоторых положений Жерара Женетта) показал и саму воз-

можность, и преимущества такого отвлечения от более поздних и более тонких дистинкций, специфицирующих понятие метафоры уже по собственным родам и видам: эта стратегия применима тогда, когда «различия метафор, метонимий, анафор и проч.» не имеют отношения «к сути исследования» (Филиппов, 2008: 180). Как, например, сейчас. Во-вторых, метафора здесь понимается по Джорджу Лакоффу и Марку Джонсону, то есть тоже расширительно, но в ином измерении. «Метафоры — это не просто сущности, за которыми можно что-то увидеть <...> обращение к метафорам остается единственным способом восприятия и осознания в опыте большей части действительности» (Лакофф, Джонсон, 253). Большой или не большой, сказать трудно; но к действительности общества, непредставимой и неописуемой иначе как более или менее изощренная абстракция и вместе с тем властно определяющей человеческую жизнь, вплоть до ее экзистенциальных и телесных аспектов, это точно относится.

Среди многообразных метафор социальной и, в частности, политической организации (может ли быть уверенно проведена грань между социальным и политическим?) метафоры пространственные — а Паноптикон, безусловно, является именно таковой — обыкновенно выделяются как особенно «сильные». «Социальное пространство как такое предрасположено к тому, чтобы позволять видеть себя в форме пространственных схем, а повсеместно используемый для разговоров о социальном пространстве язык изобилует метафорами, заимствованными из физического пространства» (Бурдье, 1993: 39). Собственно, насквозь метафоричен и сам устоявшийся оборот «социальное пространство» (см.: Филиппов, 2008: 167–194). Вся социология пространства, с неизбежностью переходящая в своем развитии «из социологии элементарных взаимодействий в политическую социологию» (Там же: 251), работает именно с метафорами и лишь через их посредство интерпретирует те или иные социальные и политические факты.

Таким образом, Паноптикон есть метафорическая интуиция определенной политической формы (подробно об этой категории см.: Каспэ, 2016: 3–53; Ильин, 2014, 2015; Шмерлина, 2019), известной как государство. Бентам имел дело с ее, так сказать, перинатальной стадией; Фуко описывал эту форму уже как нечто вполне состоявшееся. Интуиция впечатляющая и многообещающая — хотя бы потому, что по своему структурному строению она хорошо корреспондирует с влиятельной парадигмой социального анализа, оперирующей понятиями (опять же метафорическими) «центр» и «периферия». Особенно — в версии этой парадигмы, восходящей к Эдварду Шилзу (Shils, 1975; Ben-David, Clarke, 1977; Greenfeld, Martin, 1988; о ее потенциале см.: Каспэ, 2007: 30–44, 2012: 38–47). Впрочем, сам Фуко уже в следующем после выхода «Надзирать и наказывать» году двинулся в иную сторону, увлекшись образом «власти без короля» (Foucault, 1976: 120)¹, условие возможности которой, как вдруг было объявлено вопреки очевидной центрированности Паноптика, «не следует искать в изначальном существовании некой центральной

1. А не «без трона», как почему-то значится в русском переводе (Фуко, 1996: 190).

точки, в каком-то одном очаге суверенности, из которого расходились бы лучами производные и происходящие из него формы» (Фуко, 1996: 191–192)². Объяснения, данные по этому поводу еще год спустя (Фуко, 2002а), трудно счесть удовлетворительными, хотя некоторые их аспекты заслуживают внимания. Дальнейшая судьба метафоры оказалась предсказуемой: в основном потоке фукольдианских штудий образ Паноптикона воспроизводится в основном механически, как одно из многих гениальных прозрений мэтра. Чуть ли не единственный сюжет, в исследованиях которого, так называемых *surveillance studies*, этот образ применяется операционально, а иногда даже критически, — современные практики тотального цифрового наблюдения (см.: Zureik, 2003; Wood, 2007). Ни дальше, ни глубже дело почти не идет³. Чтобы сдвинуться с мертвой точки, имеет смысл, не забывая, конечно, о Фуко, вернуться тем не менее к началу. К Бентаму⁴.

Итак, Паноптикон — инструмент наблюдения и *ipso facto* власти; бесспорно. Условием наблюдения и *ipso facto* власти является видимость наблюдаемого; тоже бесспорно, просто физически и физиологически. Между прочим, этот трюизм охватывает не только Паноптикон — например, Пьер Манан в качестве важнейшей характеристической черты города как политической формы называет *синоптизм*, сквозную мультилатеральную обозримость: «граждане знают друг друга в лицо, потому что видят друг друга <...> все политические пружины города находятся, так сказать, на виду» (Манан, 2004: 76). Здесь Манан опирается на Аристотеля: «Население государства... должно быть легко обозримо» (Політика, 1327а). Значащееся по традиционному недоразумению в русском переводе «государство» — именно город, *πόλις*. Однако для Манана город — не только полис, но «самая политическая из политических форм» (Манан, 2004: 76), «отправной пункт всякого политического размышления, точка отсчета, к которой надо постоянно возвращаться <...> первоначальный очаг европейской и западной политики, которая даже свое название получила от него» (Там же: 75). Более того, между городом и государством есть преемственная связь, некогда намеренно прочерченная между античностью и современностью как бы поверх промежуточных между этими эпохами политических форм, — когда «захотели установить свободу... единственной известной

2. Слова «очаг» (*foyer*) и «расходились бы лучами» (*rayonnaient*), переведенные абсолютно точно, стоит отметить и запомнить.

3. Некоторые ссылки к Паноптикону Фуко (но не Бентама) делал Джорджо Агамбен в контексте своих размышлений о *homo sacer* (см.: Ek, 2006). Это исключение из правила следует отметить; но именно как исключение. Еще одним исключением является предисловие Мирана Божовича к великолепному изданию бентамовских «Panopticon Writings» (Božović, 1995). Направление мысли Божовича в отдельных аспектах очень близко к моему (хотя в некоторых других совершенно с ним не совпадает). Также, но скорее в качестве курьеза, нужно упомянуть радостные «похороны» Паноптикона, устроенные Зигмунтом Бауманом в 1998 г. (рус. пер.: Бауман, 2004: 72–81). Впрочем, наивный оптимизм, внущенный ему тогда процессами глобализации, в его позднейших работах, особенно в последней (Бауман, 2019), сменился более пессимистическими, т. е. более трезвыми оценками грядущих перспектив.

4. Сходная задача ставилась в: Brunon-Ernst, 2012. Однако интересующие меня аспекты сюжета в этом сборнике не рассматривались.

формой для этого был полис» (Там же: 77). «Античный город требовал небольшого и однородного населения, чтобы оставаться „синоптическим“. Современное Государство, если оно хочет быть свободным, требует, чтобы его население было многочисленным и разнообразным. Поэтому оно выглядит как город, намеренно и искусственно растянутый и размытый» (Там же: 78). Конечно, обитатели Паноптикона, в отличие от граждан полиса, как раз *не видят* друг друга — «дьявольская разница». Фуко мог сколько угодно настаивать на том, что в Паноптиконе «не имеет значения, кто отправляет власть. Любой индивид, выбранный почти наугад, может запустить машину» (Фуко, 1999: 294–295), что в нем «власть по своей сущности больше не отождествляется с обладающим ею индивидом», что она «превращается в машинерию, у которой нет владельца» (Фуко, 2002а: 235); однако это звучит до странности неубедительно. Для любого обитателя Паноптикона в любой произвольно выбранный момент времени совершенно ясно, отправляет ли он власть или является дисциплинируемым ею объектом, находится ли он в периферийной ячейке или в центральной башне, надзираемый ли он или надзиратель. Направление взгляда, т.е. асимметрия господства-подчинения, имеет значение не меньшее (хотя и не большее), чем сама констатация важности взгляда — оптики власти и власти как оптики. Отсюда понятно, что синоптизм и паноптизм не противоположны, а комплементарны друг другу и «совместно, именно совместно обеспечивают исполнение ключевых контрольных функций в современных обществах» (Mathiesen, 1997: 219). Паноптикон и Синоптикон (неологизм Томаса Матисена) представляют собой аверс и реверс одной политической формы, конституируемой определенным способом *shaping and sharing*, «образования и распределения власти» (Lasswell, Kaplan, 1950: XIV). Власти как возможности взгляда, возможности или невозможности видеть и быть увиденным — и, в зависимости от того, как именно эта возможность образуется и распределяется, способной об оборачиваться разными сторонами.

Но условием видимости чего и кого бы то ни было является свет, освещенность наблюдаемого объекта. Откуда же берется свет в Паноптиконе — свет, без которого вся эта машинерия просто не может работать?

Бентам уделяет этому вопросу удивительно мало внимания. Лежащий в основе всей конструкции и концепции прием, безусловно, элегантен. «В каждой ячейке (cell) по внешнему периметру имеется окно, достаточно большое не только для того, чтобы освещать самоё ячейку, но и для того, чтобы этот свет достиг соответствующей части помещения надзирателя (inspector's lodge)⁵» (Bentham, 1995: 35). Обращенная к снабженной соосными окнами центральной башне внутренняя сторона ячейки представляет собой «железную решетку, достаточно легкую для того, чтобы ничто за ней не было бы укрыто от взгляда надзирателя». В ней же находится дверь, необходимая «для первичного помещения в ячейку ее обитателя

5. Оно же ротонда, или центральная башня.

(to admit the prisoner⁶ at his first entrance)» (Ibid.). Возможность выхода из ячейки в тексте не упоминается — за одним примечательным исключением, о котором будет сказано ниже. «Света, поступающего таким образом сквозь камеры и промежуточное пространство, будет достаточно для... надзирателя» (Ibid.), однако не для того, чтобы обитатели ячеек видели и знали, за кем из них прямо сейчас наблюдают из центральной башни и находится ли в ней кто-нибудь вообще. Так и достигается желаемый результат: «Благодаря эффекту контражурного света из башни, стоящей прямо против света, можно наблюдать четко вырисовывающиеся фигурки пленников в камерах периферийного “кольцевого” здания. Сколько камер-клеток, столько и театриков одного актера, причем каждый актер одинок, абсолютно индивидуализирован и постоянно видим. Паноптическое устройство организует пространственные единицы, позволяя постоянно видеть их и немедленно распознавать. <...> Яркий свет и взгляд надзирателя пленят лучше, чем тьма, которая в конечном счете защищает заключенного. Видимость — ловушка» (Фуко, 1999: 292–293).

Действительно эффектно; но эффективно ли? Из чего, собственно, следует, что естественного света, проникающего через наружные окна (размеры которых к тому же ограничены необходимостью соблюсти «прочность всего здания», а также «соображениями экономии» (Bentham, 1995: 35), что, учитывая возможности строительных технологий XVIII века, исключает сплошное остекление), через решетки (которые на наружных окнах тоже, надо полагать, присутствуют), через решетчатую внутреннюю стену (достаточно надежную, а значит, никак не невесомую), да еще и через ограду кольцевой галереи, проходящей вдоль всех внутренних стен и обеспечивающей надзирателям и стражникам беспрепятственный доступ в любую камеру, будет довольно для обеспечения той постоянной и абсолютной видимости, ради которой все и затевается? Если же принять во внимание еще и климатические условия Туманного Альбиона⁷, и перемещение угла и вектора падения солнечных лучей в течение светового дня, и то, что большую часть года этот день весьма краток, то достаточность для нужд Паноптикона естественной инсоляции становится совсем сомнительной. Не слишком увеличивает ее и световой фонарь (*sky-light*), располагающийся в крыше сооружения точно над центральной башней (Ibid.: 41), а значит, чрезвычайно подверженный осадкам и иным загрязнениям, — он предназначен скорее для удобства и комфорта надзирающего персонала (например, при регулярном открытии обеспечивающий вентиляцию),

6. Слово «prisoner» не оставляет сомнений ни в допустимости перевода *cell* также как «камеры», ни в том, какое из возможных назначений всего сооружения рассматривалось Бентамом как приоритетное.

7. Да и Белоруссии; именно старший брат Бентама Сэмюэл, управляя расположенными недалеку от города Кричев поместьями князя Потемкина, начал (но не закончил) сооружение чего-то вроде рабочего дома для нерадивых поселян, ставшего прообразом Паноптикона. Свои (видимо, сильные) впечатления от этой постройки, полученные в 1787 г. во время поездки к брату, Бентам-младший и преобразовал в проект Паноптикона, начав отсылать в Англию первые «Panopticon Letters» прямо из Кричева.

чем для повышения качества наблюдения за узниками⁸. И уж совершенно нереалистичным (опять же с учетом скучности технологий XVIII века) выглядит расчет Бентама на искусственное освещение — на «небольшие, снабженные рефлекторами лампы, размещенные снаружи каждого окна центральной башни, отбрасывающие свет в соответствующие ячейки и способные распространить и на ночное время дневную безопасность» (*Ibid.*: 35). В таком Паноптиконе в лучшем случае царил бы постоянный сумрак, но никак не беспощадно пронизывающий все его уголки свет.

Как справлялись с этим затруднением вдохновленные образом Паноптикона строители реальных сооружений, вопрос интересный (см.: Evans, 1971), но относящийся скорее к истории архитектуры. Однако Паноптикон — не просто архитектурный проект, и вопрос его освещенности — не только инженерный. Если признается, что Паноптикон — продуктивная метафора политической формы, то отдельные его аспекты необходимо понимать также метафорически. Метафорой чего является свет в Паноптиконе (и во всем строе западной политической мысли), вполне понятно. Конечно, это *свет истины*, дарующий способность различения объектов и распознавания форм, как материальных, так и символических. Отождествление истины и света имеет настолько давнюю историю (включающую и платоновскую темную пещеру, противопоставленную сияющему миру идей, и многочисленные иудеохристианские образы), что дополнительная экспликация тут вряд ли нужна. И это та самая *истина-как-власть и власть-как-истина*, о которой много рассуждал Фуко⁹ («Производства истин нельзя отделить от власти и механизмов власти, как потому, что эти механизмы власти делают возможными и продуцируют эти производства истин, так и потому, что эти производства истин сами оказывают властные воздействия» (Фуко, 2002b: 286)), а задолго до него сообщили евангелисты («свет миру» (Ин. 8:12), «путь, истина и жизнь» (Ин. 14:6), которому потому и дана «власть над всякою плотью» (Ин. 17:2), который потому и есть «Господь господствующих и Царь царей» (Откр. 17:14)). Присутствие света делает возможным процессуальное действие власти (нельзя действовать и властвовать вслепую, на ощупь, не различая объектов и инструментов воздействия) и одновременно удостоверяет сам статус власти, легитимирует факт правления как правления истинного. Какой из этих моментов первичен, а какой вторичен, сказать трудно — равно важны оба.

Если так, то, мысленно варьируя метафору Паноптикона (не обязательно всю целиком; здесь в качестве переменной выбран свет, а мог бы быть, например, звук — в акустике Паноптикона тоже много интригующего), можно отыскивать и отслеживать соответствующие вариации релевантной ей политической формы, *et vice versa*. Это взаимное обращение образов и смыслов, денотатов и референ-

8. Интересно, что Бентам тем не менее настаивает на его необходимости.

9. И *власть-как-свет* тоже. Отмеченные выше образы «очага» суверенности и испускаемых им «лучей», пусть даже самим Фуко без объяснения причин отвергнутые, автоматически отсылают к тому же символическому комплексу.

тов, категорий практики и категорий анализа (см.: Брубейкер, Купер, 2010: 136–139) представляет собой своеобразный, но вполне правомерный способ «восприятия и осознания в опыте», по цитированному выражению Лакоффа и Джонсона, политического (да и человеческого вообще).

Суть производимых далее интеллектуальных операций может быть прояснена через обращение к особенностям тех составляющих специфический подкласс метафор, которые Ричард Браун называл «замороженными» (Brown, 1977: 87), Джон Сёрль — «мертвыми» (Сёрль, 1990: 313), Лев Гудков — «стертыми» (Гудков, 1994: 396), Ханс Блюменберг — «абсолютными» (Blumenberg, 2010: 3), а Филиппов — «постоянными» (Филиппов, 2008: 185). Многочисленные нюансы, в которых различаются все эти дефиниции (и разворачивающиеся из них авторские построения), менее существенны, чем общее между ними — указание на то, что в некоторых случаях «различение реальности и тропа не может быть произведено, поскольку составляющий суть последнего „перенос значения“ представляет собой... не односторонний, разовый процесс, но замкнутый на себя цикл. Ни начальная, ни конечная точки этого движения смысла не поддаются обнаружению» (Каспэ, 2007: 21). В этих случаях выявляет себя «не столько сохранение определенного состава вечных символов, устойчивых переносных значений, сколько неизбежность балансирования между прямым и переносным смыслами» (Филиппов, 2008: 186). Какие именно метафоры и по каким именно причинам приобретают подобные свойства, а какие — нет, совершенно неясно. Этого нельзя установить не только *a priori*, но и *a posteriori*. Поэтому ничто не воспрещает в порядке мысленного эксперимента попытаться запустить цикл «переноса значения», «балансирования между прямым и переносным смыслами», осциллирующего¹⁰ перемещения фокуса внимания между физической и метафизической архитектоникой Паноптикона искусственно и принудительно. То, что проделывалось (а потом реконструировалось и интерпретировалось) с метафорами, например *theatrum mundi* (см.: Pearce, 1980; Penskaya, Küpper, 2019) или *body politic* (см.: Harvey, 2007), может быть повторено и с метафорой Паноптикона — почему нет? Она, конечно, не «постоянная», «абсолютная» etc. (впрочем, ни из чего не следует, что однажды она не будет таковой признана). Однако нельзя ли применить к ней тот же метод, который позволяет успешно вскрывать огромное многообразие знаков, значений, означаемых и означающих, контейнированных в метафорах, уже признанных «постоянными», «абсолютными» etc.? Далее применяется именно он.

До появления современного государства, в предшествовавших ему западных политических формах (городской, феодальной, имперской) вопрос об источнике удостоверяющего и легитимирующего политическую власть света (i.e. истины) не возникал или возникал только в экстраординарных ситуациях. Потому что сама эта власть в общем случае не была автономной (в буквальном смысле слова — самозаконной). Источники света истины, среди прочего сообщавшего силу и по-

¹⁰. За это точное слово я отдельно благодарен Александру Ф. Филиппову — самостоятельно я подобрать его не смог.

литической власти, располагались в области сакрального. Пространство последней было, таким образом, разомкнуто в вертикальном измерении, открыто вверх (почему именно в вертикальном и именно вверх, обсуждать и подтверждать, на-верное, совсем излишне — не на Мирчу же Элиаде тут ссылаться?) С одной стороны, такая сакральная санкция укрепляла институты политической власти, а в ее отсутствие другие механизмы легитимации, например электоральные, стохастические (жребий) или династические, как правило, обнаруживали свою слабость. С другой стороны, тем самым создавалось «окно уязвимости» любой политической власти для оценочных суждений, (гипотетически) исходящих свыше и (фактически) транслируемых акторами, преуспевшими в присвоении себе права донесения до дальнего мира велений мира горнего¹¹. Именно об этом говорил Шмуэль Айзенштадт в своей интерпретации событий и последствий «осевого времени»: «Политический порядок... стал восприниматься как нечто подчиненное в отношении порядка трансцендентного. Отсюда и внутренние перестройки политической сферы в соответствии с представлениями о порядке трансцендентном. <...> Исчез образ „богоцаря“ как воплощения единого космо-земного устройства, уступив место мирскому правителю, подотчетному в принципе высшему порядку. Стало быть, явилась и возможность призывать правителя к ответу» (Айзенштадт, 1992: 50). Или современник Юстиниана константинопольский монах Агапит, из постулируемого факта специфического богоподобия Царя — «властью же сановною подобен есть Богу вышнему, не иметь бо на земли вышшаго себе» — делавший отнюдь не комплиментарный, а вполне рестриктивный, дисциплинирующий вывод: «И достойно емоу не гордѣти, зане тлѣнен есть, нипакы гнѣватися, зане яко Богъ есть, по образу божественоу честенъ есть» (Семенов, 1893: 111–112; развернутый анализ см.: Живов, Успенский, 1994: 112–116).

В государстве пространство власти замыкается — не только в более очевидном горизонтальном, территориальном и земном (*earthly!*) измерении (см.: Tilly, 1975: 27; Opello, Rosow, 1999: 37; ван Кревельд, 2006: 11; и особенно Badie, 1995), но и в вертикальном. Перестав апеллировать к трансцендентному, но по-прежнему нуждаясь в легитимации, государство начинает трансцендировать само себя (см.: Каспэ, 2007: 155–178). Именно аутотрансценденция более, чем что-либо еще, сообщает государству, в терминах Никласа Лумана, свойства самореферентности и аутопойетичности (Луман, 2007). Выражаясь предельно упрощенно и прямолинейно и отвлекаясь, в интересах экономии места, от многочисленных нюансов, государство не просто эмансирируется от Бога, но претендует занять его место.

11. В несколько тяжеловесной терминологии Шилза, функционерами «земных-трансцендентных» (*earthly-transcendental*) центров. Они, сталкиваясь с амбициями «правительств, носителей экономического могущества, политических элит и производных от них всех институтов, обычно претендующих на то, что они также... суть агенты распространения и поддержания справедливости в мире <...> могут подтверждать справедливость этих претензий... либо подвергать их критике за расхождения с требованиями трансцендентного центра» (Shils, 1988: 255). Айзенштадт лаконично обозначил этот тип акторов как «clerics» (Eisenstadt, 1982: 294), что в цитируемом дальнее русском переводе превратилось в «духовные сословия».

Стать богом — пусть «смертным», по предупреждению Томаса Гоббса (Гоббс, 1991: 133), но богом. Или даже бессмертным¹².

Паноптикон хорошо иллюстрирует этот процесс десакрализации и ресакрализации политического в государстве — через отсоединение последнего от вне-положного сакрального и дальнейшее приписывание качеств сакрального ему самому уже как собственных. Сама радиально-кольцевая структура Паноптикона не может не вызывать ассоциаций со «сферой Паскаля», «центр которой везде, окружность — нигде» (Паскаль, 1995: 132). Для Паскаля эта бесконечная сфера стала образом природы и поводом для трагических размышлений о ничтожестве, слабости и одиночестве человека; однако в Средние века она была метафорой самого Божества (см.: Жильсон, 2004: 237); а в XVIII веке, практически одновременно с тем, как Бентам начинает разрабатывать свой *проект*, аббат Сьеес в знаменитой брошюре «Что такое третье сословие?» делает ту же сферу образом новой, еще только чаемой «политической анатомии»: «Я представляю себе Закон в центре гигантской сферы; все граждане без исключения находятся на равном от него расстоянии и занимают на ней равные места» (Sieyès, 1970: 209; см. также: Ямпольский, 2004: 404). В результате этой серии преобразований многое меняется: «Центр, конечно, уже не везде — это центр... государства, имеющий четкую территориальную привязку. Окружность также не нигде — она зrima, она образована всей совокупностью граждан, подвластных транслируемому центром Закону. Этот закон, впрочем, уместнее писать со строчной буквы — коль скоро речь идет уже не об универсальном Законе вселенского устройства, а лишь о его частном, ограниченном, партикулярном изводе» (Каспэ, 2007: 176). Само пространство власти уплощается, перестает быть *иерархическим* в прежнем, буквальном, смысле *священновластия*: «В Паноптиконе всевидящий и всемогущий центральный наблюдатель/властитель недоступен ответному наблюдению, скрыт, таинствен, то есть обладает очевидно нуминозными, сакральными характеристиками; но показательно, что расположен он при этом в одной плоскости с наблюдаемыми» (Там же). Однако базальная топология формы сохраняется, а значит, вопрос о месте, статусе и формате присутствия сакрального в Паноптиконе является далеко не праздным.

Божович отвечает на этот вопрос прямо: «Универсум Паноптикона поддерживает *фикция Бога*» (Воžovič, 1995: 11) — «Deus absconditus¹³, ревностно скрывающе-го свое лицо» (*Ibid.*). Почему Бог? Потому что сам замысел Паноптикона состоял в сообщении персоналу центральной башни «беспримерной власти» и «величайшей мощи» (уже цитированные в начале статьи выражения Бентама), требующей от подвластных безусловного повиновения и, самое главное, его получающей —

12. Особенno ясно это видно в националистических программах, трактующих национальное государство как сотериологическое предприятие: «Своей способностью объединять мертвых, живых и еще не родившихся в единую общность судьбы... национализм дает человечеству светскую версию бессмертия» (Смит, 2004: 26).

13. Скрытого Бога (*лат.*).

такого абсолютного, предельного повиновения, которого прежде не мог обеспечить ни один властитель, распорядитель и администратор. Потому что это было не в человеческих силах. Потому что абсолютного повиновения ранее требовал только трансцендентный Бог. Почему фикция? Потому что трансцендирование фигуры надзирателя, осуществляемое сколь угодно изобретательными, но чисто техническими средствами, не делает его действительно трансцендентным. «Для Бентама вселенная не есть фикция, порожденная Божественным воображением; напротив, *сам Бог есть фикция, порождаемая воображением субъектов (subjects)*¹⁴ этой вселенной» (Ibid.: 20). И тем не менее, «хотя Бог Паноптикона не существует, его действие реально (he nevertheless has real effects) <...> без него вселенная Паноптикона обрушилась бы. Можно даже сказать, что реальное действие Бога Паноптикона представляет собой следствие его онтологического статуса фикции» (Ibid.). Сам Божович поясняет эту мысль так¹⁵: «Если бы „скрытый“ Бог явил себя в Паноптиконе, если бы несомненная с точки зрения узников *вездесущность Бога* оказалась бы заменена реальным присутствием инспектора как сопоставимого с ними самими существа (то есть такого же безвластного), он перестал бы на них воздействовать <...> Инспектор может поддерживать бесперебойное функционирование Паноптикона лишь постольку, поскольку он подобен Богу, поскольку он, с точки зрения узников, наделен божественными атрибутами (*вездесущность, всеведение etc.*) — короче говоря, постольку он воображаем узнику-ми» (Ibid.: 22–23). Это, конечно, верно. Но ведь если бы Паноптиконом правил не функциональный, а подлинно трансцендентный Бог, зачем-то ограничивший себя ролью тюремщика (то есть, наверное, уже не Бог, а его противоположность), или если бы инспектор мог избавиться от своего «онтологического статуса фикции» (который, конечно, ни для одного узника не секрет), «бесперебойное функционирование» Паноптикона было бы тем более гарантировано, безо всякой функциональности. Пространство Паноптикона организовано так, что он и впрямь становится машиной, производящей сакральное, в точном социологическом значении термина. Но даже настолько эффективное трансцендирование производит лишь сакральное, так и не достигающее трансцендентности. Место Бога в Паноптиконе вынужденно занимает всего лишь инспектор — потому что Бог это место не занимает. Однако само место в центре, хотя и пусто, остается свято, просто в силу структурных и функциональных причин — и порождает и исходящие из него эманации, и направленные на него проекции.

Между прочим, в посвященной Паноптикону беседе с Фуко «Око власти» Мишель Перро настойчиво пыталась подтолкнуть его к тому же умозаключению: «Кого же Бентам помещает в башню? Не Божье ли это око? Но Бог почти не при-

14. То есть одновременно и акторов, действующих лиц, и подвластных, подчиненных, покорствующих чужой воле. О смысловой амбивалентности термина «субъект» см.: Каспэ, 2016: 106–114.

15. Предварительно проведя аналогии с размышлениями Бентама о функциональной сущности правовых норм, не то что не мешающей, а поддерживающей их действие, и привидений и призраков, самой пугающей чертой которых является именно несуществование.

существует в его сочинении, и религии отводится второстепенная роль» (Фуко, 2002а: 237). Фуко от обсуждения этой темы уклонился, переведя разговор с фигуры Бога на фигуру короля, то есть с власти трансцендентной на власть посюстороннюю — по сути, на того же инспектора. Такое решение выглядит разумно, поскольку в действительности, вопреки утверждению Перро, статус религии в Паноптиконе для Бентама был, может быть, и не центральной (как навязчивы пространственные метафоры!), но существенной проблемой — а углубленный ее анализ, видимо, выходил за пределы желаний и/или способностей Фуко.

В первой версии проекта Паноптикона (а их было несколько) Бентам замечает, что центр сооружения, находящийся прямо под световым фонарем, «подойдет для размещения часовни (chapel). Заключенные останутся в своих камерах, а окна башни... будут широко распахнуты. Достоинства этого места, связанные со светом и свежим воздухом, будут зависеть от того, останется ли оно свободным и не будет ли использоваться в профанных целях. Поэтому целесообразно отвести его исключительно для богослужений и регулярного преподания тайнств. <...> Во время служб световой фонарь, все остальное время открываемый при каждой возможности, должен быть закрыт» (Bentham, 1995: 41). Однако в 1791 году Бентам просит архитектора Уилли Ривли изобразить обновленный дизайн Паноптикона — не в последнюю очередь потому, что помещение часовни в его центре оказывается не таким легким делом, какказалось поначалу¹⁶. Ведь в этом случае проповедник не смог бы ни видеть всю свою паству, ни обращаться к ней одновременно (даже придание ему равномерного вращательного движения стало бы лишь паллиативным решением, да и произвело бы вместо нуминозного комический эффект). С другой стороны, и значительная часть окормляемых лишилась бы возможности не только видеть лицо капеллана (а оно, в отличие от лица *Deus absconditus*, как раз должно быть видимо), но даже воспринимать его душеспасительные речи, что было подтверждено соответствующими экспериментами (*Ibid.*: 98). Поэтому Бентам жертвует и строгой центрированностью Паноптикона¹⁷, и единообразным распорядком его функционирования, смещая позицию проповедника ближе к периферии сооружения и рекомендуя на время служб выводить тех заключенных, чьи камеры располагаются за его спиной, на внутренние кольцевые галереи, а затем возвращать их обратно (*Ibid.*: 99–100). Причем, чтобы соблюсти императив невидимости узников друг для друга, еще и облачать их на то же время в специальные маски (*Ibid.*: 100) (надо полагать, всех узников, а не только перемещаемых, — ведь остающиеся в камерах тоже не должны быть опознаны). Тот замысловатый асимметричный вид, который в результате принял сооружение, поначалу задуманное как почти идеально концентрическое¹⁸, словами опи-

16. Подробный обзор эволюции проекта Паноптикона см.: Semple, 1993; Steadman, 2007.

17. Фуко это обстоятельство полностью проигнорировал. О предположениях относительно причин такого невнимания см.: Chwe, 2001: 66–73.

18. Идеально концентрическим оно, впрочем, не было и тогда — ведь надо было предусмотреть техническую возможность входа инспектора и его подчиненных в центральную башню и выхода из нее наружу (хотя бы в целях периодической смены персонала, снабжения материальными ресурсами,

сать трудно (лучше обратиться к богато иллюстрированной, в том числе разрезами, планами и аксонометрическими проекциями, работе Филипа Стедмана). Тот хаос, в который погрузили бы реальное, а не воображаемое учреждение попытки осуществить на практике все эти многосложные маневры и хлопотные телодвижения (привязанные к церковному календарю, а значит, далеко не только еженедельные), вообразить как раз легко.

Бентам был готов измышлять новые и новые, все более громоздкие ухищрения (описанные здесь лишь конспективно), поскольку для него необходимость сохранить обитателям Паноптикона доступ к «благам спасения» (*salvation goods*) (о термине см.: Stoltz, 2008), по отношению к самому Паноптикону трансцендентным, то есть не в нем и не его администрацией произведенным, была непререкаемой: «Обязательность часовни в исправительном заведении подлежит признанию, а не доказыванию. Если установлена церковь какого бы то ни было толка, пенитенциарная система (*system of penitence*¹⁹), лишенная средств к регулярному поддержанию набожности, превратится в форменное недоразумение» (Bentham, 1995: 97). Он был готов делать это даже ценой создания колossalных неудобств для администрации заведения — неудобств, которые реальная, не воображаемая администрация вряд ли согласилась бы терпеть. Она и не согласилась; архитектура настоящих британских (и не только британских) мест заключения пошла по другому пути, используя не циркулярную, а радиальную модель, впервые осуществленную в 1840–1842 годах в знаменитой Пентонвилльской тюрьме (в которой, кстати, и проблема часовни была решена намного более изящно (Steadman, 2007: 24, 27)). Но и управители паноптиконов метафорических, т.е. политий, конформных Паноптикону, тоже искали способы преодолеть аналогичные затруднения — связанные с дефицитом освещенности (как условия властвования) и избытком трансценденции (нарушающей герметичность, самореферентность, самодостаточность и вообще совершенство рукотворного микрокосма). Эти затруднения если не совсем идентичны, то очень близко соположены.

Бентам, в силу обстоятельств своего времени, не мог вообразить самого радиального их разрешения, хотя мысль его направлялась именно в эту сторону. Он не мог вообразить ни полного отказа от *естественного*, то есть трансцендентного по отношению к Паноптикону, освещения в пользу *искусственного* (впрочем, введя последнее в качестве дополнительного инструмента власти), ни полного отказа от внешнего источника «благ спасения», поглощения фигуры капеллана фигурой инспектора (впрочем, отказавшись от первоначального плана поместить кафедру

эвакуации отходов etc.). Для этого Бентаму потребовался отдельный радиальный коридор, ведущий прямо в центр сооружения из-за пределов внешней стены. Отсюда следует, что для обеспечения подобной форме полного совершенства инспектор должен был бы либо присутствовать в башне предвечно и навеки, еще раньше сотворения и заселения Паноптикона и до самого истечения отведенных ему времен и сроков, либо попадать в нее каким-то иным способом, не отражаемым в планарной проекции. Например, сверху — через центральный проем, размыкающий это пространство в сторону неба. Или снизу — по той же вертикальной оси, но с противоположной небу стороны.

19. Одно из значений второго слова — «покаяние».

проповедника прямо под обращенным к небу центральным проемом и разорвав тем самым интуитивную ассоциацию между естественным светом и *светом истины*). Радикальное решение было найдено уже в XX веке — в режимах, чаще всего именуемых тоталитарными (этот термин используется здесь не как констатация достигнутой абсолютной тоталитарности — она не достигалась нигде и никогда и вряд ли достижима в принципе, а как указание на тотализирующую интенцию, выраженную в такой степени, которая делает ее конститутивным признаком режима). Однако для задач, решаемых в этом тексте, более целесообразно говорить о феномене «политической религии», охватывающем почти тот же круг явлений.

Политическая религия есть форма исключающей и интегристской сакрализации политики. Она отказывается от сосуществования с иными политическими идеологиями и движениями, отрицает автономию индивида по отношению к коллективу, предписывает обязательное повиновение своим заповедям и участие в своем политическом культе, а также освящает насилие как легитимное средство борьбы с врагами и инструмент возрождения. Она враждебно относится к традиционным институционализированным религиям, стремясь либо уничтожить их, либо установить с ними отношения симбиотического сосуществования — в том смысле, что политическая религия пытается инкорпорировать религию традиционную в свою собственную систему верований и мифов, отводя ей подчиненную или вспомогательную роль (Gentile, 2005: 30).

В паноптиконах, где восторжествовали *политические религии*, источники внешнего, дневного, естественного света были полностью замурованы — их заменил бьющий в глаза и мозг электрический свет «истины власти». Из камер особо строгого содержания окна исчезли вообще; в других окна оказались дополнительно прикрыты наружными козырьками (так называемыми «намордниками»), не позволяющими узникам видеть хотя бы кусочек неба. Никакие независимые агенты «земных-трансцендентных» центров сюда не допускаются, а если допускаются, то лишь симулятивно, под условием обслуживания интересов надзирающей и наказывающей инстанции «земного» центра²⁰.

Все это в высшей степени рационально. Паноптикон достигает полной гармонии и полной стабильности лишь тогда, когда это пространство замыкается окончательно, когда его обитатели лишаются всякой надежды, всякой памяти о каком-то еще мире, кроме тюрьмы, о каком-то еще свете, кроме искусственного, и о какой-то еще истине, кроме истины власти. Сама власть остается невидимой именно потому, что испускает собственный, пронизывающий всё и всё сокрушающий свет — то есть производит, по названию книги Артура Кёстлера, «слепящую тьму». Здесь можно вспомнить и направленную в глаза допросную лампу, не позволяющую увидеть вопрошающего, и круглоугольное многоваттное осве-

20. Ср. фантасмагорическую вставную новеллу «Улыбка Будды» в романе Александра Солженицына «В круге первом».

щение карцеров и боксов. И то, что лучшим местом в камере традиционно считается находящееся у окна (каким бы оно ни было) или в углу, то есть подальше от источника искусственного освещения — являющегося, как понятно любому заключенному, орудием власти и несвободы. И, конечно, оруэлловский локус постижения предельных истин о мире и человеке — «комнату 101», в которой «нет темноты». Доводя метафору до пределов прочности, можно даже заподозрить, что в такие пространства, буквально и фигурально отрезанные от всякого света *свыше*, начинает проникать иной от свет — *снизу*. Фуко, похоже, подразумевал нечто подобное, когда использовал применительно к Паноптикону вообще-то не своюственную ему лексику, без обиняков назвав «дьявольской» как «саму идею», так и «все ее применения, для которых она послужила поводом» (Фуко, 2002а: 235). Впрочем, классические тоталитарные режимы и эксплицитно являющие себя политические религии, конечно, представляют собой экстремумы развития подобной версии Паноптикона. Не так далеко заходят, но клонятся в ту же сторону упоминавшиеся выше современные практики тотального цифрового наблюдения, гораздо более мягко, но с сопоставимой эффективностью уничтожающие само понятие о частной жизни, не доступной всевидящему, всевластному и анонимному взгляду. И привлечение к их интерпретации образа Паноптикона, и разговоры о «дигитальном тоталитаризме» (Qiang, 2018; Hendricks, Vestergaard, 2019) совершенно оправданны. Китай, с его построенными на основе постоянного автоматизированного контроля за поведением индивидов индексами социальной благонадежности, находится в авангарде процесса экспансии этих вполне паноптических приемов. И, видимо, не случайно — исчерпав возможности классической версии тоталитаризма, но не будучи отвергнутой как таковая, тоталитарная интенция ищет и находит альтернативные способы реализации. То, что в этом отношении Китаю с большей или меньшей решительностью подражает почти всей остальной мир, заставляет предположить, что идеал полной проницаемости человеческого существования для «ока власти» вовсе не ушел в прошлое, и попытки строительства таких паноптиконов будут продолжены.

Однако большинство современных государств пошло по другому, не столь радикальному пути. В той модификации Паноптикона, которая соответствует стандартному секулярному государству, его обитателям предоставляется свобода проделывать в стенах своих ячеек проемы и отверстия различной формы и размера (либо не проделывать никаких) и даже принимать у себя визитеров, несущих то или иное духовное послание, — но при условии, что все это остается их сугубо личным делом. В этом и состоял главный смысл и результат секуляризации — «не только в отделении Церкви от государства, но и в отделении общества от Церкви»²¹, в геттоизации любых трансцендентных видений (*transcendental visions*), по Айзенштадту, в их запирании в частной сфере. Власть, центральная башня в этом наружном свете не нуждается, и он не должен ее достигать, что-

21. Формулировка взята из лекций Алексея Салмина по сравнительной политологии, читавшихся им в Высшей школе экономики в 1999–2000 годах.

бы не скомпрометировать. Равным образом не нужен и прозрачный, тем более открывающийся потолочный плафон — какие бы то ни было воздействия *свыше* исключены, поскольку признание их необходимости *унизило бы* государство. Световой фонарь наглоухо заделан; государство, претендующее быть воплощением чистого *ratio* (он же *raison d'État*)²², обходится собственным «светом Разума», который одновременно предлагают считать «естественным» — и источаемым самим же государством (грубо говоря, надлежит верить, что «лампа дневного света» дает действительно дневной свет). Допуская проникновение в Паноптикон некоторого количества света извне, *секулярное государство* в порядке самоограничения отказывается от его использования в своих целях. О контражурной видимости речь уже не идет; надзиратели обходятся собственной люминесценцией центральной башни. Но этот свет далеко не достигает той беспощадной интенсивности, которая предполагается в модели *политической религии*. Плотность и жесткость дисциплинирующего контроля здесь гораздо ниже, степень свободы и самодеятельности обитателей намного выше, почему *секулярное государство* и стало со временем ассоциироваться с государством *либеральным*, хотя по своему происхождению и содержанию эти детерминанты вовсе не совпадают. По уровню практически достижимой освещенности эти паноптиконы близки к Паноптикону Бентама, если бы он был воплощен в камне, — сумеречному пространству, где надзиратели едва различают узников, а узники надзирателей. Власть в них функционирует как «темный центр», описанный Жаном Старобински (Starobinsky, 1979: 56–57), причем возникающий «на месте традиционного расположения источника света» (Ямпольский, 2004: 395). Тоталитарные государства обычно противопоставляются либеральным как полюса диахотомии, и «слепящая тьма» первых действительно антагонистична «темному свету» вторых. Но в более широком контексте оба эти полюса, как и вся диахотомия в целом, возникают в одном и том же пространстве — в Паноптиконе.

Вариации модели *секулярного государства* в диапазоне от твердого лаицизма на французский манер до случаев признания за отдельными религиями официального или даже государственного статуса возможны. Однако, хотя случаи эти в «свободном мире» и довольно многочисленны (Pew Research, 2017), влияние таких религий на «распределение и образование власти»rudimentарно, пренебрежимо мало и подвержено дальнейшему ослаблению. Гораздо больший интерес представляет третья, наиболее изощренная модификация Паноптикона — *гражданская религия*, в программном и проективном ключе описанная Жан-Жаком Руссо (Руссо, 2000: 311–322), концептуализированная на языке современных социальных наук Робертом Белла (Bellah, 1967, 1992), в самом чистом виде осуществленная в США, но в менее чистом — и в других местах (см.: Liebman, Don-Yihya, 1983; Cristi, Dawson, 2007; Hvithamar, Warburg, Jacobsen, 2009; Beiner, 2011).

22. «Государство — это шествие Бога в мире; его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю» (Гегель, 1990: 284).

Гражданская религия есть форма сакрализации коллективного политического целого, не идентифицирующаяся с какой-либо политической идеологией или политическим движением, утверждающая отделение Церкви от государства и, хотя и постулирующая существование действически понимаемого сверхъестественного существа, соседствующая с традиционными религиозными институтами, не отождествляясь с каким-либо из вероисповеданий, а представляя себя как *общегражданский символ веры*, действующий поверх партий и конфессий. Она признает широкую индивидуальную автономию по отношению к освящаемому ею сообществу и в основном поощряет достижение спонтанного консенсуса в соблюдении заповедей публичной этики и коллективного служения (*liturgy*) (Gentile, 2005: 30).

В таком Паноптиконе не пренебрегают ни одним источником света. Верхнее отверстие оставлено открытым, и поступающий через него свет озаряет прежде всего центральную башню, к тому же лишенную перекрытия, как бы увенчанную открытой площадкой, вполне позволяющей видеть надзирателя (в модели *секулярного государства* это, скорее всего, тоже так; однако постоянные сумерки позволяют узникам констатировать само присутствие фигуры наблюдателя, но не дают уверенно определить характер его занятий и направление его взгляда — что и предполагалось Бентамом). Одновременно дозволен и даже рекомендован частный доступ к внешнему свету, через индивидуальные оконные проемы в стенах ячеек. В этой комбинации центральная башня перестает быть «темным местом»; она видима каждому обитателю в его собственном ракурсе. Остекление наружных окон может даже иметь почти какую угодно (обитателю ячейки) окраску, то есть пропускать внутрь Паноптикона лишь часть видимого спектра; однако постулируется, что все эти световые потоки, сливаясь с падающим на центральную башню свыше, образуют единый в многообразии (*E pluribus unum*, как значится на Большой государственной печати Соединенных Штатов) *свет истины* — лишь бы его слагаемые отвечали весьма широкому критерию «минимального monotheизма» (Chapp, 2012: 53). Центральная башня оборудована еще и собственными осветительными приборами, но их природа неясна — то ли это исключительно тот же самый свет *свыше*, транслируемый внутрь Паноптикона через хитроумную систему зеркал, то ли к нему все-таки примешивается (в неизвестной пропорции) искусственный свет, который опять-таки предлагается считать естественным. Еще раз испытывая метафору на прочность, можно даже предположить, что здесь используются своего рода фотоэлементы, преобразующие естественный свет в искусственный, в результате чего основанный на *гражданской религии* Паноптикон получает доступ к восполняемым источникам энергии. Существенный момент; ведь основная загадка паноптиконов двух первых видов (опирающихся на *политическую религию* и *секулярных*) состоит именно в неясности вопроса об источниках энергии, необходимой для поддержания искусственного освещения. Пусть это будет свет Разума; но ведь иногда он (точнее, вера в него) затмевается, и тогда в таких паноптиконах (обоих видов!) наступают времена разброда и шатания, как

случилось с советским проектом в период истощения потенциала коммунистической идеологии и как происходит прямо сейчас с проектом европейским — ведь и тот, и другой позиционировались как апофеоз чистой рациональности. Блэкаут в Паноптиконе нарушает все его функционирование и подталкивает его обитателей к бунту — не обязательно беспощадному и не всегда бессмысленному, но, как правило, сопряженному с поисками нового света. Популистская волна, захлестнувшая «свободный мир» в начале XXI века, хорошо укладывается в эту объясняющую рамку (об основаниях видеть в популизме *религиозно-политическое движение* см.: Каспэ, 2019). В самом деле, откуда берется ток, бегущий по проводам Паноптикона? Дает ли его постоянно работающий реактор (впрочем, ядерная цепная реакция тоже конечна; и звезды гаснут) — тогда что распадается в этом реакторе? Или нуждающийся в конструктивно предусмотренной перезарядке аккумулятор — тогда где розетка, к которой он подключается, и откуда энергия в ней? Или это всего лишь одноразовый элемент питания, со временем неизбежно иссякающий?

Почему все это важно, какой прок в подобных спекулятивных упражнениях? Во-первых, проблема освещенности Паноптикона — как условия видимости — высвечивает (*sic!*) проблему легитимности власти в современном государстве, сопрягая ее и с проблемой эффективности государственного управления, и, между прочим, с проблемой демократии. Именно потому путь *гражданской религии* обеспечивает избравшим его паноптиконам сравнительно более высокие показатели по всем трем параметрам, что тут комплементарно и субсидиарно используются все возможные ресурсы освещения. Тема демократии до сих пор не затрагивалась и, безусловно, не может вместиться в этот текст; приходится ограничиться всего одним замечанием. Если считать конститутивным признаком демократии *пустоту центра*²³ (вместе, например, с Клодом Лефором — см.: Lefort, 1986: 279; Лефор, 2000: 26, 285; подробно о «пустом центре» см.: Каспэ, 2016: 135–167), то именно в таком Паноптиконе, в котором персонал центральной башни до некоторой степени видим для обитателей ячеек и даже до некоторой степени сменяется по их воле²⁴, этот признак выражен наилучше отчетливо. В нем «никто, ни один актор и ни один субъект — ни индивид, ни какой бы то ни было альянс индивидов, вне зависимости от своей численности и ресурсной мощи, — не может представить себя единственным выразителем и транслятором демократических ценностей, единственным распорядителем и управителем демократических институтов, единственным пророком демократической трансценденции» (Там же: 150). Поэтому «демократия имеет форму тора». Проще выражаясь, бублика. Пространство демократии отде-

23. Вновь пространственная метафора — и специфичная для определенной политической формы, то есть играющая в ней роль одновременно дескриптивную, аскриптивную и прескриптивную (см.: Каспэ, 2016: 16–17).

24. Что совершенно не исключает образования более или менее замкнутой элиты, *ruling class*, по Чарлзу Р. Миллсу, — то есть касты надзирателей, ротирующейся в соответствии с принципом «вращающихся дверей» (*revolving doors*).

лено и от внешней среды, и от собственного средоточия» (Там же: 151). Как и пространство Паноптикона.

Во-вторых, собирается ли человечество всю свою дальнейшую историю провести в паноптиконах (i.e. государствах) — сперва возникших на Западе, но потом ставших генеральным и глобальным стандартом политической формы, модульными структурными элементами мирового порядка, задающими «базовую „референтную сетку“ всех политических процессов в мире» (Мельвиль (ред.), 2007: 13)? Ведь именно в них были достигнуты небывалые прежде уровни безопасности, достатка, комфорта, технологического прогресса... и, между прочим, свободы. Не во всех; но в некоторых.

Если да, то надо думать о способах обеспечения их устойчивости, прямо зависящей от уровня освещенности. Если нет, надо думать о том, что будет, когда стены паноптиконов рухнут. И о том, какие паноптиконы падут последними. И о других политических формах, которые придут им на смену. Или, в конце концов, о шансах на выживание в эпоху *formless forms*, наступление которой в смутных и оттого еще более пугающих выражениях предрекал Шелдон Уолин (Wolin, 2004: 559). Поэтому что утрата формы будет означать конец *автономного политического*, как мы его знаем. А *автономное политическое* и есть Паноптикон.

Литература

- Айзенштадт С. Н. (1992). «Осевая эпоха»: возникновение трансцендентных видений и подъем духовных сословий // Максименко В. И., Рейснер Л. И. (ред.). Ориентация — поиск: Восток в теориях и гипотезах. М.: Восточная литература. С. 42–62.*
- Бауман З. (2004). Глобализация: последствия для человека и общества / Пер. с англ. М. Л. Коробочкина под ред. Е. В. Яновской. М.: Весь мир.*
- Бауман З. (2019). Ретротопия / Пер. с англ. В. Л. Силаевой под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ.*
- Брубейкер Р., Купер Ф. (2010). За пределами «идентичности» // Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. (ред.). Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство. С. 131–192.*
- Бурдье П. (1993). Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение / Пер. с франц. Н. А. Шматко // Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos. С. 33–52.*
- Гегель Г. В. Ф. (1990). Философия права / Пер. с нем. Я. Г. Столпнера и М. И. Левиной. М.: Мысль.*
- Гудков Л. Д. (1994). Метафора и рациональность. М.: Русина.*
- Гоббс Т. (1991). Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Пер. с англ. А. Н. Гутермана // Гоббс Т. Сочинения. Т. 2. М.: Наука. С. 3–590.*

- Живов В. М., Успенский Б. А. (1994). Царь и Бог: семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. М.: Гнозис. С. 110–218.
- Жильсон Э. (2004). Философия в средние века: от истоков патристики до конца XIV века / Пер. с франц. А. Д. Бакурова. М.: Республика.
- Ильин М. В. (2014). Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I) // Полития. № 4. С. 58–70.
- Ильин М. В. (2015). Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (II) // Полития. № 1. С. 82–102.
- Каспэ С. И. (2007). Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований.
- Каспэ С. И. (2012). Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН.
- Каспэ С. И. (2016). Политическая форма и политическое зло. М.: Школа гражданско-го просвещения.
- Каспэ С. И. (2019). Они народ: популизм как Реформация. URL: <http://www.liberal.ru/articles/7324> (дата доступа: 30.09.2019).
- Кревельд М. ван (2006). Расцвет и упадок государства / Пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. М.: ИРИСЭН.
- Лефор К. (2000). Политические очерки: XIX–XX вв. / Пер. с франц. Е. А. Самарской. М.: РОССПЭН.
- Луман Н. (2007). Социальные системы: очерк общей теории / Пер. с нем. И. Д. Газиева под ред. Н. А. Головина. СПб.: Наука.
- Манан П. (2004). Общедоступный курс политической философии / Пер. с франц. В. И. Божовича. М.: Московская школа политических исследований.
- Мельвиль А. Ю. (ред.). (2007). Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО-Университет.
- Паскаль Б. (1995). Мысли / Пер. с франц. Ю. А. Гинзбург. М.: Изд-во имени Сабашниковых.
- Руссо Ж.-Ж. (2000). Об общественном договоре, или Принципы политического права / Пер. с франц. А. Д. Хаютина и В. С. Алексеева-Попова // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, КАНОН-пресс-Ц. С. 195–322.
- Семенов В. (1893). Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб: Типография Императорской Академии Наук.
- Сёрль Дж. Р. (1990). Метафора / Пер. с англ. В. В. Турковского // Арутюнова Н. Д., Журинская М. А. (ред.). Теория метафоры. М.: Прогресс. С. 307–341.
- Смит Э. (2004). Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили, И. Окуневой под ред. А. В. Смирнова. М.: Практис.

- Филиппов А. Ф. (2008). Социология пространства. СПб.: Владимир Даль.
- Фуко М. (1996). Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / Пер. с франц. С. Табачниковой. М.: Касталь.
- Фуко М. (1999). Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Нагумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem.
- Фуко М. (2002а). Око власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1 / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М.: Праксис. С. 220–248.
- Фуко М. (2002б). Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1 / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М.: Праксис. С. 278–302.
- Шмерлина И. А. (2019). «Социальная форма»: контуры концепта // Полития. № 3. С. 6–32.
- Ямпольский М. Б. (2004). Физиология символического. Кн. 1: Возвращение Левиафана. М.: Новое литературное обозрение.
- Badie B. (1995). La fin des territoires: essai sur le désordre international et sur l'utilité du respect. Р: Fayard.
- Beiner R. (2011). Civil Religion: A Dialogue in the History of Political Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bellah R.N. (1967). Civil Religion in America // Daedalus. Vol. 96. № 1. P.1–21.
- Bellah R.N. (1992). The Broken Covenant: American Civil Religion in a Time of Trial. Chicago: University of Chicago Press.
- Ben-David J., Clarke T. N. (eds.). (1977). Culture and its Creators: Essays in Honor of Edward Shils. Chicago: University of Chicago Press.
- Bentham J. (1995). Panopticon Writings. L.: Verso.
- Blumenberg H. (2010). Paradigms for a Metaphorology. Ithaca: Cornell University Press.
- Božović M. (1995). Introduction: «An Utterly Dark Spot» // Bentham J. Panopticon Writings. L.: Verso. P. 1–28.
- Brown R. H. (1977). A Poetic for Sociology: Towards a Logic of Discovery for the Human Sciences. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brunon-Ernst A. (ed.) (2012) Beyond Foucault: New Perspectives on Bentham's Panopticon. Aldershot: Ashgate.
- Chapp C.B. (2012) Religious Rhetoric and American Politics: The Endurance of Civil Religion in Electoral Campaigns. Ithaca: Cornell University Press.
- Chwe M.S. (2001). Rational Ritual: Culture, Coordination, and Common Knowledge. Princeton: Princeton University Press.
- Cristi M., Dawson L.L. (2007). Civil Religion in America and in Global Context // Beckford J. A., Demerath III N. J. (eds.). The SAGE Handbook of the Sociology of Religion. L.: SAGE. P. 267–292.
- Eisenstadt S. N. (1982). The Axial Age: The Emergence of Transcendental Vision and the Rise of Clerics // Archives européennes de sociologie. Vol. 23. № 2. P. 294–314.

- Ek R.* (2006). Giorgio Agamben and the Spatialities of the Camp: An Introduction // *Geografiska Annaler. Series B: Human Geography*. Vol. 88. № 4. P. 363–386.
- Evans R.* (1971). Bentham's Panopticon: An Incident in the Social History of Architecture // *Architectural Association Quarterly*. Vol. 3. № 2. P. 245–261.
- Foucault M.* (1976). *Histoire de la sexualité*. Vol. 1: *La volonté de savoir*. P.: Gallimard.
- Gentile E.* (2005). Political Religion: A Concept and its Critics — A Critical Survey // *Totalitarian Movements and Political Religions*. Vol. 6. № 1. P. 19–32.
- Greenfeld L., Martin M.* (eds.). (1988). *Center: Ideas and Institutions*. Chicago: University of Chicago Press.
- Harvey A. D.* (2007). *Body Politic: Political Metaphor and Political Violence*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
- Hendricks V. F., Vestergaard M.* (2019). Epilogue: Digital Roads to Totalitarianism // *Hendricks V.F., Vestergaard M.* (eds.). *Reality Lost: Markets of Attention, Misinformation and Manipulation*. Cham: Springer. P. 119–137.
- Hvithamar A., Warburg M., Jacobsen B. A.* (eds.). (2009). *Holy Nations and Global Identities: Civil Religion, Nationalism, and Globalisation*. Leiden: Brill.
- Lasswell H. D., Kaplan A.* (1950). *Power and Society: A Framework for Political Inquiry*. New Haven: Yale University Press.
- Lefort C.* (1986). *The Political Forms of Modern Society*. Cambridge: MIT Press.
- Liebman C. S., Don-Yihya E.* (1983). *Civil Religion in Israel: Traditional Judaism and Political Culture in the Jewish State*. Berkeley: University of California Press.
- Mathiesen T.* (1997). The Viewer Society: Michel Foucault's «Panopticon» Revisited // *Theoretical Criminology*. Vol. 1 № 2. P. 215–232.
- Opello W. C., Rosow J. S.* (1999). *The Nation-State and Global Order: A Historical Introduction to Contemporary Politics*. Boulder: Lynne Rienner.
- Pearce H. D.* (1980). A Phenomenological Approach to the *Theatrum Mundi* Metaphor // *PMLA*. Vol. 95. № 1. P. 42–57.
- Penskaya E., Küpper J.* (eds.) (2019). *Theater as Metaphor*. Berlin: De Gruyter.
- Pew Research Center (2017). Many Countries Favor Specific Religions, Officially or Unofficially. URL: <https://www.pewforum.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/09/FULL-REPORT-FOR-WEB.pdf> (дата доступа: 30.09.2019).
- Qiang X.* (2018). The Rise of China as a Digital Totalitarian State. URL: <https://www.washingtonpost.com/newstheworldpost/wp/2018/02/21/china-internet/> (дата доступа: 30.09.2019).
- Schofield P.* (2009) Bentham: A Guide for the Perplexed. L.: Continuum.
- Semple J.* (1993). *Bentham's Prison: A Study of the Panopticon Penitentiary*. Oxford: Oxford University Press.
- Shils E.* (1975). *Center and Periphery: Essays in Macrosociology*. Chicago: University of Chicago Press.
- Shils E.* (1988). Center and Periphery: An Idea and its Career, 1935–1987 // *Greenfeld L., Martin M.* (eds.). *Center: Ideas and Institutions*. Chicago: University of Chicago Press. P. 250–282.

- Sieyès E.* (1970). *Qu'est-ce que le Tiers état?* Genève: Droz.
- Starobinski J.* (1979). *Les emblèmes de la raison.* P.: Flammarion.
- Steadman P.* (2007). The Contradictions of Jeremy Bentham's Panopticon Penitentiary // *Journal of Bentham Studies.* Vol. 9. № 1. P. 1–31.
- Stolz J.* (ed.). (2008). *Salvation Goods and Religious Markets: Theory and Applications.* Bern: Peter Lang.
- Tilly Ch.* (1975). *Reflections on the History of European State-Making // Tilly Ch.* (ed.). *The Formation of National States in Western Europe.* Princeton: Princeton University Press. P. 3–83.
- Wolin S.* (2004). *Politics and Vision: Continuity and Innovation in Western Political Thought.* Princeton: Princeton University Press.
- Wood D. M.* (2007). Beyond the Panopticon? Foucault and Surveillance Studies // *Cramp-ton J. W., Eden S.* (eds.). *Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography.* Aldershot: Ashgate. P. 245–264.
- Zureik E.* (2003). Theorizing Surveillance: The Case of the Workplace // *Lyon D.* (ed.). *Surveillance as Social Sorting: Privacy, Risk, and Digital Discrimination.* L.: Routledge. P. 31–56.

Light and Power: The Panopticon as a Political Form and its Variations

Svyatoslav Kaspe

Doctor of Sciences in Politics, Professor, School of Politics and Governance, National Research University — Higher School of Economics
 Editor-in-Chief in the Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics "Politeia"
 Address: Myasnitskaya str, 20, Moscow, Russian Federation 101000
 E-mail: kaspe@politeia.ru

After Michel Foucault, Bentham's Panopticon became a widely recognized image of the modern state. The article focuses on some aspects of this strong metaphor that were not taken into account by Foucault or most other researchers. The question of the sources of light in the Panopticon, also understood metaphorically as a sine qua non for the exercise of power and for its legitimacy at the same time, allows to describe such variations of the state's political form that is based on either a "political religion" (adjacent to a totalitarian phenomenon), or secular (adjacent to liberalism) and based on the "civil religion" (the most complicated of all). A key variable here is the mode to interface the political and the sacred. If in the pre-modern era the openness of political forms for influences emanating from the sacred was presumed, in modern states the political reaches autonomy; the political becomes emancipated from the sacred, and occupies its place in the most radical scenarios. The author argues that in the future, the highest sustainability will be demonstrated by those variations of the state political form in which this autonomy is not completed, or where the connections between the political and the sacred are maintained, albeit at a reduced level, that is, those in which "civil religion" is practiced.

Keywords: the Panopticon, Foucault, Bentham, political form, political religion, secular state, civil religion

References

- Badie B. (1995) *La fin des territoires: essai sur le désordre international et sur l'utilité du respect*, Paris: Fayard.
- Bauman Z. (2004) *Globalizacija: posledstvija dlja cheloveka i obshhestva* [Globalization: The Human Consequences], Moscow: Ves mir.
- Bauman Z. (2019) *Retrotopia* [Retrotopia], Moscow: WCIOM.
- Beiner R. (2011) *Civil Religion: A Dialogue in the History of Political Philosophy*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Bellah R. N. (1967) Civil Religion in America. *Daedalus*, vol. 96, no 1, pp. 1–21.
- Bellah R. N. (1992) *The Broken Covenant: American Civil Religion in a Time of Trial*, Chicago: University of Chicago Press.
- Ben-David J., Clarke T. N. (eds.) (1977) *Culture and its Creators: Essays in Honor of Edward Shils*, Chicago: University of Chicago Press.
- Bentham J. (1995) *Panopticon Writings*, London: Verso.
- Blumenberg H. (2010) *Paradigms for a Metaphorology*, Ithaca: Cornell University Press.
- Bourdieu P. (1993) Fizicheskoe i social'noe prostranstvo: proniknovenie i prisvoenie [Social Space and the Genesis of Appropriated Physical Space]. *Sociologija politiki* [Sociology of Politics], Moscow: Socio-Logos, pp. 33–52.
- Božović M. (1995) Introduction "An Utterly Dark Spot". Bentham J., *Panopticon Writings*, London: Verso, pp. 1–28.
- Brown R. H. (1977) *A Poetic for Sociology: Towards a Logic of Discovery for the Human Sciences*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Brubaker R., Cooper F. (2010) Za predelami "identichnosti" [Beyond "Identity"]. *Mify i zabluzhdenija v izuchenii imperii i nacionalizma* [Myths and Misconceptions in Studies of Nationalism and Empire] (eds. I. Gerasimov, M. Mogilner, A. Semenov), Moscow: New Press, pp. 131–192.
- Brunon-Ernst A. (ed.) (2012) *Beyond Foucault: New Perspectives on Bentham's Panopticon*, Aldershot: Ashgate.
- Chapp C. B. (2012) *Religious Rhetoric and American Politics: The Endurance of Civil Religion in Electoral Campaigns*, Ithaca: Cornell University Press.
- Chwe M. S. (2001) *Rational Ritual: Culture, Coordination, and Common Knowledge*, Princeton: Princeton University Press.
- Creveld M. van (2006) *Rascvet i upadok gosudarstva* [The Rise and Decline of the State], Moscow: IRISEN.
- Cristi M., Dawson L. L. (2007) Civil Religion in America and in Global Context. *The SAGE Handbook of the Sociology of Religion* (eds. J. A. Beckford, N. J. Demerath III), London: SAGE, pp. 267–292.
- Eisenstadt S. N. (1982) The Axial Age: The Emergence of Transcendental Vision and the Rise of Clerics. *Archives européennes de sociologie*, vol. 23, no 2, pp. 294–314.
- Eisenstadt S.N. (1992) "Osevaja epoha": vozniknovenie transcendentnyh videnij i pod'em duhovnyh soslovij [The "Axial Age": The Emergence of Transcendental Vision and the Rise of Clerics]. *Orientacija — poisk: Vostok v teorijah i gipotezah* [Orientation — Inquiry: The East in the Theories and Hypotheses], Moscow: Vostochnaja literatura, pp. 42–62.
- Ek R. (2006). Giorgio Agamben and the Spatialities of the Camp: An Introduction. *Geografiska Annaler. Series B. Human Geography*, vol. 88, no 4, pp. 363–386.
- Evans R. (1971) Bentham's Panopticon: An Incident in the Social History of Architecture. *Architectural Association Quarterly*, vol. 3, no 2, pp. 245–261.
- Filippov A. F. (2008) *Sociologija prostranstva* [Sociology of Space], Saint-Petersburg: Vladimir Dal.
- Foucault M. (1976) *Histoire de la sexualité. Vol. 1: La volonté de savoir*, Paris: Gallimard.
- Foucault M. (1996) *Volja k istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti* [Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality], Moscow: Castal.
- Foucault M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tjur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison], Moscow: Ad Marginem.
- Foucault M. (2002a) Oko vlasti [Eye of Power]. *Intellektualy i vlast'. P. 1* [Intellectuals and Power, Part 1], Moscow: Praxis, pp. 220–248.

- Foucault M. (2002b) *Vlast' i znanie* [Power and Knowledge]. *Intellektualy i vlast'*. P. 1 [Intellectuals and Power, Part 1], Moscow: Praxis, pp. 278–302.
- Gentile E. (2005) Political Religion: A Concept and its Critics — A Critical Survey. *Totalitarian Movements and Political Religions*, vol. 6, no 1, pp. 19–32.
- Gilson E. (2004) *Filosofija v srednie veka: Ot istokov patristiki do konca XIV veka* [History of Christian Philosophy in the Middle Ages], Moscow: Respublika.
- Greenfeld L., Martin M. (eds.) (1988) *Center: Ideas and Institutions*, Chicago: University of Chicago Press.
- Gudkov L. (1994) *Metafora i racional'nost'* [Metaphor and Rationality], Moscow: Rusina.
- Harvey A. D. (2007) *Body Politic: Political Metaphor and Political Violence*, Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
- Hegel G.W.F. (1990) *Filosofija prava* [Philosophy of Right], Moscow: Mysl'.
- Hendricks V. F., Vestergaard M. (2019) Epilogue: Digital Roads to Totalitarianism. *Reality Lost: Markets of Attention, Misinformation and Manipulation* (eds. V. F. Hendricks, M. Vestergaard), Cham: Springer, pp. 119–137.
- Hobbes T. (1991) Leviathan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva cerkvnogo i grazhdanskogo [Leviathan; or, The Matter, Forme and Power of a Common-Wealth Ecclesiastical and Civil]. *Sochinenia. T. 2* [Works, Vol. 2], Moscow: Nauka, pp. 3–590.
- Hvithamar A., Warburg M., Jacobsen B. A. (eds.) (2009) *Holy Nations and Global Identities: Civil Religion, Nationalism, and Globalisation*, Leiden: Brill.
- Ilyin M. (2014) Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenah i civilizacionnyh prostranstvah (I) [Alternative Political Forms in Historical Times and Civilizational Spaces (I)]. *Politeia*, no 4, pp. 58–70.
- Ilyin M. (2015) Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenah i civilizacionnyh prostranstvah (II) [Alternative Political Forms in Historical Times and Civilizational Spaces (II)]. *Politeia*, no 1, pp. 82–102.
- Yampolsky M. (2004) *Fiziologija simvolicheskogo. Kn. 1: Vozvrashhenie Leviathana* [Physiology of the Symbolic, Vol. 1: Return of Leviathan], Moscow: New Literary Observer.
- Kaspe S. (2007) *Centry i ierarchii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma* [Centers and Hierarchies: The Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form], Moscow: Moscow School of Political Studies.
- Kaspe S. (2012) *Politicheskaja teologija i nation-building: obshchie polozhenija, rossiskij sluchaj* [Political Theology and Nation-Building: A General Provisions, a Russian Case], Moscow: ROSSPEN.
- Kaspe S. (2016) *Politicheskaja forma i politicheskoe zlo* [Political Form and Political Evil], Moscow: School of Citizen Education.
- Kaspe S. (2019) *Oni narod: populizm kak Reformacija* [They the People: Populism as Reformation]. Available at: <http://www.liberal.ru/articles/7324> (accessed 30 September 2019).
- Lasswell H. D., Kaplan A. (1950) *Power and Society: A Framework for Political Inquiry*, New Haven: Yale University Press.
- Lefort C. (1986) *The Political Forms of Modern Society*, Cambridge: MIT Press.
- Lefort C. (2000) *Politicheskie ocherki: XIX–XX vv.* [Essays on the Politics: 19th–20th Centuries], Moscow: ROSSPEN.
- Liebman C. S., Don-Yihya E. (1983) *Civil Religion in Israel: Traditional Judaism and Political Culture in the Jewish State*, Berkeley: University of California Press.
- Luhmann N. (2007) *Social'nye sistemy: ocherk obshhej teorii* [Social Systems: Essay in General Theory], Saint Petersburg: Nauka.
- Manent P. (2004) *Obshchedostupnyj kurs politicheskoy filosofii* [The Popular Course of Political Philosophy], Moscow: Moscow School of Political Studies.
- Mathiesen T. (1997) The Viewer Society: Michel Foucault's "Panopticon" Revisited. *Theoretical Criminology: An International Journal*, vol. 1, no 2, pp. 215–232.
- Melville A. (ed.) (2007) *Politicheskij atlas sovremennosti: opyt mnogomernogo statisticheskogo analiza politicheskikh sistem sovremennoy gosudarstv* [Political Atlas of the Modern World: An Experiment

- in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States], Moscow: MGIMO.
- Opello W. C., Rosow J. S. (1999) *The Nation-State and Global Order: A Historical Introduction to Contemporary Politics*, Boulder: Lynne Rienner.
- Pearce H. D. (1980) A Phenomenological Approach to the *Theatrum Mundi* Metaphor. *PMLA*, vol. 95, no 1, pp. 42–57.
- Penskaya E., Küpper J. (eds.) (2019) *Theater as Metaphor*, Berlin: De Gruyter.
- Pascal B. (1995) *Mysli* [Thoughts], Moscow: Sabashnikovy Press.
- Pew Research Center (2017) Many Countries Favor Specific Religions, Officially or Unofficially. Available at: <https://www.pewforum.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/09/FULL-REPORT-FOR-WEB.pdf> (accessed 30 September 2019).
- Qiang X. (2018) The Rise of China as a Digital Totalitarian State. Available at: <https://www.washingtonpost.com/newstheworldpost/wp/2018/02/21/china-internet/> (accessed 30 September 2019).
- Rousseau J.-J. (2000) Ob obshhestvennom dogovore, ili Principy politicheskogo prava [On the Social Contract; or, Principles of Political Law]. *Ob obshhestvennom dogovore* [On the Social Contract], Moscow: TERRA—Knizhnyj klub, KANON-press-C, pp. 195–322.
- Schofield P. (2009) *Bentham: A Guide for the Perplexed*, London: Continuum.
- Searle J. R. (1990) Metafora [Metaphor]. *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor] (eds. N. Arutjunova, M. Zhurinskaya), Moscow: Progress, pp. 307–341.
- Semenov V. (1893) *Drevnjaja russkaja Pchela po pergamennomu spisku* [The Ancient Russian “Bee”, by the Parchment Copy], Saint Petersburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk.
- Semple J. (1993) *Bentham’s Prison: A Study of the Panopticon Penitentiary*, Oxford: Oxford University Press.
- Shils E. (1975) *Center and Periphery: Essays in Macrosociology*, Chicago: University of Chicago Press.
- Shils E. (1988) Center and Periphery: An Idea and its Career, 1935–1987. *Center: Ideas and Institutions* (eds. L. Greenfeld, M. Martin), Chicago: University of Chicago Press, pp. 250–282.
- Shmerlina I.A. (2019) “Social’naja forma”: kontury koncepta [“Social Form”: Contours of Concept]. *Politeia*, no 3, pp. 6–32.
- Sieyès E. (1970) *Qu'est-ce que le Tiers état?*, Genève: Droz.
- Smith A. (2004) *Nacionalizm i modernizm* [Nationalism and Modernism], Moscow: Praxis.
- Starobinski J. (1979) *Les emblèmes de la raison*, Paris: Flammarion.
- Steadman P. (2007) The Contradictions of Jeremy Bentham’s Panopticon Penitentiary. *Journal of Bentham Studies*, vol. 9, no 1, pp. 1–31.
- Stolz J. (ed.) (2008) *Salvation Goods and Religious Markets: Theory and Applications*, Bern: Peter Lang.
- Tilly Ch. (1975) Reflections on the History of European State-making. *The Formation of National States in Western Europe* (ed. Ch. Tilly), Princeton: Princeton University Press, pp. 3–83.
- Wolin S. (2004) *Politics and Vision: Continuity and Innovation in Western Political Thought*, Princeton: Princeton University Press.
- Wood D. M. (2007) Beyond the Panopticon? Foucault and Surveillance Studies. *Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography* (eds. J. W. Crampton, S. Eden), Aldershot: Ashgate, pp. 245–264.
- Zhivotov V., Uspensky B. (1994) Tsar i Bog: semioticheskie aspekty sakralizacii monarha v Rossii [Tsar and God: Semiotic Aspects of the Sacralization of the Monarch in Russia]. Uspensky B., Izbrannye trudy. T. 1 [Selected Works, Vol. 1], Moscow: Gnosis, pp. 110–218.
- Zureik E. (2003) Theorizing Surveillance: The Case of the Workplace. *Surveillance as Social Sorting: Privacy, Risk, and Digital Discrimination* (ed. D. Lyon), London: Routledge, pp. 31–56.

Пробелы идентичности

Как и почему нация ускользает от государства

Кирилл Телин

Научный сотрудник кафедры государственной политики, факультет политологии,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Адрес: Ленинские Горы, д. 1, г. Москва, Российская Федерация 119991
E-mail: kirill.telin@gmail.com

Кирилл Филимонов

Младший научный сотрудник, Центр политологии,
Институт социально-политических исследований Российской Академии наук
Адрес: ул. Фотиевой, д. 6, к. 1, г. Москва, Российская Федерация 119333
E-mail: kirill.filimonov.spbu@outlook.com

Одним из самых популярных конструктов, связывающих политическую теорию с запросами участников политического процесса, является концепт «национальной идентичности», призванный обеспечить воспроизведение социально-политического порядка в целом и легитимацию специфических политических курсов в частности. В поле внимания данного аналитического обзора находится этот последний, частный аспект темы «национальной идентичности». Авторы помещают его в контекст классической проблемы политического порядка, акцентируя внимание на способности государства проводить политику, базирующуюся на общности ценностей, убеждений и моделей поведения, риторическим оформлением которой и становится дискурс «национальной идентичности». Отправной точкой критики становится аргументированное сомнение в способности государства претендовать на монополию в деле воспроизведения политического порядка, апеллируя при этом к неустойчивой и чаще всего мнимой общности представлений о «нации». Это сомнение, безусловно, очевидно для политической философии и социальных наук. Однако редко можно найти ситуации, когда столь дискутируемая проблема политической теории конвертируется в объективные сложности для государства, избравших стратегию «колонизации» публичной сферы. Эти трудности выражаются в том числе и в растущей неопределенности статусов всех агентов политики идентичности. В статье отмечается, что именно в силу выбранной стратегии «колонизации» «нация» ускользает от государства, а искомые ориентиры, такие как «стабильность» или «порядок», остаются недостижимыми. Авторы заключают, что политика консолидации и достижения максимальной «управляемости», апеллирующая к дискурсу «национальной идентичности» и проводимая правительствами в эксклюзивном порядке, неизбежно носит выхолощенный характер, а ее реализация связана скорее с рейтинговыми и материальными целями лиц, принимающих решения, нежели с достижением социальной интеграции.

Ключевые слова: национальная идентичность, государство, политическая стабильность, дискурс, государственная политика, социально-политический порядок

«Национальная идентичность» сегодня является одной из самых популярных и распространенных политических категорий, обеспечивающих устойчивую связь академического дискурса политической теории и практик, осуществляемых акторами политического процесса во всем мире. Россия и Китай (Walton, 2012), Венгрия (Stein, 2017) и США (Prager, 2015), Филиппины (Teehankee, 2016) и Уганда (Mwakikagile, 2009) при всем многообразии различий, присущих политическим традициям и порядкам этих стран, имеют по меньшей мере одну общую черту, характеризующую их политический процесс: в каждой из этих стран работа с «национальной идентичностью» признается отдельной, значимой задачей государственной политики и является важным элементом политической повестки.

Работа по «изобретению» или «открытию» «национальных идентичностей» ведется даже там, где на первый взгляд о какой-либо «нации», в ее традиционном понимании (Uberoi, 2015), не может идти и речи; где-то такая работа осуществляется преимущественно официальными структурами, где-то, напротив, оппозиционными движениями и маргинальными сообществами. Тем не менее в условиях, когда ценности, убеждения и модели человеческого поведения, основополагающие для государственных систем, оказываются изменчивыми и непостоянными¹, у правительства остается все меньше возможностей для того, чтобы доминировать в публичной сфере и контролировать общественное развитие. Поэтому часто — особенно в случае «возвращения этатизма» — они вынуждены прибегать к различным идеально-дискурсивным ресурсам «исторической памяти» и «символической политики», которые, как предполагается, могут помочь сохранить контроль над поведением большинства участников политического процесса и представлениями граждан о том, что их объединяет. «Национальную идентичность» в данном случае мы определяем как *клишированный элемент публичного дискурса, обращение к которому подразумевает наличие политической ассоциации, базирующуюся на чувстве принадлежности к «нации» и на проистекающей из этого чувства общности ценностей, убеждений и моделей поведения*². Мы полагаем, что ее «популярность» совсем не противоречит ограниченности государственных возможностей по формированию политических ассоциаций.

Консолидационный потенциал «национальной идентичности» — как показывают исследования «политики идентичности» (Попова, 2016, 2018; Ачкасов, 2013; Малинова, 2005) и как будет продемонстрировано далее — нередко используется для социально-политической мобилизации и для легитимации политических курсов; в этом отношении ее популярность несомненна, более того, можно кон-

1. Характерно, что причиной таких изменений могут являться как процессы глобализации и связанные с ними неолиберальные реформы, так и обратные им тренды «локализации» и «консервативного поворота».

2. В представленном «дискурсивно-конструктивистском» определении «национальной идентичности» мы основываемся на следующих работах и подходах: «историографический» обзор дискурса «национальной идентичности» (Mandler, 2006), дискурсивный анализ наций и национализма (Lane Bruner, 2005) и критика «мягкого конструктивизма» в исследовании идентичностей (Brubaker, Cooper, 2000).

сттирировать, что с каждым новым кризисом глобализации она лишь увеличивается. Предваряя нашу оценку подобного подхода к государственной политике, по сути претендующего на управление идентификациями участников политического процесса (Филимонов, 2017), заметим, что хотя использование консолидационного потенциала «национальной идентичности» и не лучшим образом сказывается на расходах государственного бюджета, этот ресурс интеллектуальной экспансии этатизма в публичной сфере все еще продолжает оставаться предпочтительным — в силу устойчивой, хотя и необоснованной веры в его «восполнимость»³. Политики, инициирующие тематизацию «национальной идентичности» в публичной сфере, часто убеждены в том, что использование этого клише может автоматически повлиять на развитие политического процесса: начиная от возможности сформировать комплекс впечатлений о государстве, вышедшем на «уровень европейского правового поля» и способном «сохранить разнообразие межэтнических отношений» (Михайлов, 2016), и заканчивая созданием структур, ответственных за соответствующую политику и чаще всего принимающих форму некоей «временной президентской комиссии по выработке и утверждению идентичности» (Kremlin.ru, 2016), получающей под этим благовидным предлогом, статус и ресурсы на реализацию определенного курса.

Можно, конечно, сменить угол зрения и наблюдать другой аспект развития политического процесса, а именно — ту его часть, которая относится к повседневной активности граждан, не включенных в непосредственное принятие решений и работу государственных систем. Можно даже предположить, что поиски «национальной идентичности» могут базироваться и на реально существующем социальном запросе, а не только на волонтеристском решении отдельных политиков. Действительно, «прогрессистские шоки», связанные с «глобализацией» (Olivier et al., 2008; Roudometof, 2016) или реформами по модернизации национальной экономики (Заостровцев, 2018), затрагивают интересы не только истеблишмента, но и граждан, заставляя их искать инструменты и ресурсы не только для личной занятости и поддержания собственного благосостояния, но и для консолидации и борьбы за свои интересы. Некоторые исследователи в связи с этим предлагают рассматривать политику идентичности как *публичную политику* (Семененко, 2016).

Однако зачастую ситуация складывается таким образом, что в государственных системах, переживающих политическую трансформацию, принятие решений по вопросам социально-политического развития люди предпочитают делегировать «профессиональным» агентам. Это происходит по разным причинам: как из-за дефицита ресурсов для политической вовлеченности, так и в силу устоявшихся

3. В этом мы солидарны с позицией Ю. Хабермаса, который не склонен позитивно оценивать настичивые попытки политических администраторов эксплуатировать культуру и традиции для разрешения политических кризисов (Хабермас, 2010: 43).

убеждений⁴. Например, в России сегодня, по данным социологических исследований, подавляющее большинство граждан не считает себя ответственными за происходящее в стране (Левада-Центр, 2016) — подобная «безответственность» естественно предполагает, что ответственность и дискреционные полномочия переходят к некоторому стороннему игроку, и в российских условиях этим игроком становится хорошо знакомый «Левиафан» государства. В восточноевропейских странах, таких как Польша или Венгрия, граждане охотно поддерживают право-консервативных популистов, которые обещают «решить проблему мигрантов», «побороть тиранию Брюсселя» или «восстановить чувство национального достоинства» (Bennike, Veilmark, 2016) — конечно, без уточнений и конкретизации того, как именно эта цель будет достигнута.

Неопределенность статуса агентов, «ответственных» за «политику идентичности», лишь усиливается в условиях, когда для многих «национальная идентичность» отождествляется с лояльностью государству — т. е. ассоциативные связи граждан с «нацией» воспринимаются как патриотизированная форма государственной легитимности. В данной ситуации Р. Брубейкер, призывающий разделять понятие «нации» и сразу два понятия «национальности» — 1) как институционализированного политического порядка, *nationhood*, и 2) как условного явления, *nationness*, — отмечает, что в современном мире существование нации не является необходимостью для национализма, поскольку «нация» нередко закреплена за государством (Brubaker, 1996). В ряде случаев «нация считается соположенной государству, она воспринимается как институционально и территориально оформленная государством», — пишет Брубейкер (Брубейкер, 2010: 102); ему вторит В. С. Малахов, подчеркивающий, что минимум одно из наиболее распространенных значений «национализма» как такового и представляет собой «идеологию становления государства... идеиное обеспечение процесса „собирания“ государства» (Малахов, 2005: 16–17). В свою очередь, С. Диннен прямо указывает, что процессы государственного и национального строительства, по сути различные, тем не менее представляют собой «двуединую черту современных национальных государств (*nation-states*)» (Dinnen, 2007: 2), а Р. Утц замечает, что некоторые авторы хотя и различают эти два процесса, но тем не менее рассматривают «национальное строительство» как термин, в политическом дискурсе эквивалентный тому, что в академических дискуссиях называется «государственным строительством» (von Bogdadny et al., 2005: 581). А. И. Миллер (Миллер, 2017б), Х. Линц, А. Степан и Й. Ядав (Stepan, Linz, Yadav, 2010) также указывают, что наряду с «национальным

4. Именно поэтому вызывают сомнение попытки рассматривать политику идентичности, руководствуясь аналитической моделью *публичной политики*. И хотя в рамках данной статьи, по итогам анализа политики «национальной идентичности», мы также констатируем необходимость большей вовлеченности граждан в процессы принятия решений, это не отменяет ситуации, когда ценность модели публичной политики снижается в условиях очередного цикла экспансии государства в публичную сферу, а также в условиях «демократического дефицита» и кризиса управляемости, из него проистекающего. Подробнее эту парадоксальную для государственных систем ситуацию разбирает в своей работе Стейн Ринген (Ринген, 2016).

государством» (nation-state) может существовать противоположная форма социальной интеграции, в которой своеобразная «генеалогическая» связь государства и нации имеет обратную полярность: в условиях «государства-нации» (state-nation) первая часть порождает вторую, а не нация «творит» государство. «Целью политики в нации-государстве является утверждение единой, мощной идентичности сообщества как членов нации и граждан государства. Для этого государство проводит гомогенизирующую ассимиляторскую политику в области образования, культуры и языка», — пишет Миллер (Миллер, 2017б), вызывая тем самым критику оппонентов, в частности В. А. Тишкова (Тишков, 2007).

Стоит отметить, что в обсуждении «национальной идентичности» необходимо принимать во внимание все отмеченные выше траектории, поскольку на конкретном этапе развития политического процесса она может являться как продуктом национального движения и различных «политик идентичности» (см. украинский проект конца XIX — начала XX века или басконскую идентичность, де-факто «сформулированную» С. Араной (Хенкин, 2013)), так и конструкцией, чье функционирование инициируется бюрократическим аппаратом и государственными структурами (как в разбираемых А. Степаном примерах Индии, Испании или Бельгии (Stepan, 2008)).

Таким образом, неопределенность, присутствующая в теории и практике формирования «национальной идентичности», заставляет нас более пристально рассмотреть вопросы о статусах основных участников этого процесса, и особое внимание в рамках нашего анализа мы уделим государству, его роли и возможностям в соответствующей политике. Мы начнем с анализа того, какое отношение имеют правительства и их бюрократические аппараты к формированию и использованию потенциала «национальной идентичности» (1), и, попутно рассматривая текущую ситуацию, в которой государство наряду с другими участниками политического процесса стремится быть доминирующим агентом (2), попытаемся ответить на вопрос, насколько успешным может быть подобное доминирование в деле формирования «национальной идентичности», прежде всего, на примере современной России (3).

Нация в руках государства

«Государство и нация — это не два социальных субъекта, а один. Современное государство не существует без нации, нет и современной нации без государства», — писал в 2001 г. В. Б. Пастухов (Пастухов, 2000), и это замечание лучше всего отражает то состояние, в котором оказались два этих социально-политических феномена к началу XXI века. Несмотря на социологические исследования «микронаций» (Bonnett, 2018) и весьма многочисленные примеры «наций без государства» (курды, палестинцы, баски, тибетцы, уйгуры и т. д.), большинство теоретиков и лиц, принимающих решения, убеждены в том, что «государство» и «нация» просто обречены быть соседями и дополнять друг друга. Безусловно,

это связано с тем резким разрастанием и усилением государства, которое произошло в XX веке. Как вслед за Дж. Скоттом (Scott, 2009) отмечает Н. Силаев, именно в предыдущем столетии происходит «возникновение современных национальных демократических государств, обладающих... властью как способностью править, «прорастая» сквозь общество, регулировать все больше сфер жизни, вытесняя иные регуляторные механизмы» (Силаев, 2014: 153). Я.-В. Мюллер указывает, что Первая мировая война потребовала «беспрецедентного усиления государственной власти» (Мюллер, 2013: 37) — и по ее окончании это усиление отнюдь не повернулось вспять; более того, национальное государство, явившееся на свет как норма, требовало безусловного признания своего суверенитета и новой «деспотической власти» (Мюллер, 2013: 83). Этот рожденный из пепла колосс более не ограничивался одной лишь бюрократией или хозяйственным регулированием — его интересовали и массовая культура, и система просвещения, и переустройство природы, и даже изменение природы человека (как минимум его сознания и нравов). Представления людей о природе «общественного» и возможных ассоциациях между индивидами не могли не стать объектом вмешательства (и даже вторжения) государства — более того, инкорпорирование граждан и переключение фокуса их внимания на новые формы такой ассоциации стало ключевыми задачами послевоенного времени. «Национализм в конечном итоге был определен... как течение, стремящееся соединить культуру и государство, обеспечить культуру своей собственной политической крышей, и при этом не более чем одной», — пишет Э. Геллер, — современное индустриальное государство может функционировать только при участии мобильного, грамотного, культурно-унифицированного, взаимозаменяемого населения» (Геллер, 1991). Новое государство нуждалось в новом населении, чьи представления о себе и своем месте в мире будут опираться уже не на локальные особенности, не на этническую и религиозную принадлежность, а на лояльность государственному аппарату.

В этом, однако, заключалась и определенная проблема. Актуализация своеобразного «казенного чувства», заменяющего привычные идентификации, представляется задачей куда более сложной, чем внедрение единых метрологических систем, — но, как замечает Дж. Скотт, даже внедрение унифицированных измерений наподобие метра или килограмма порой встречало серьезное сопротивление со стороны общества, требуя дополнительных ресурсов и дополнительного времени (Скотт, 2005). Тем более непросто было бы предлагать гражданам такую картину мира, где исторический, ценностный и нравственный аспекты общественной жизни сводятся к одному только *расположению* относительно государства. Р. Брубейкер и Ф. Купер указывают, что «государство является важным „идентификатором“ не потому, что создает „идентичности“ в „сильном“ значении — в общем, оно этого делать не может, — но потому, что у него имеются материальные и символические ресурсы, чтобы навязать категории и классификационные схемы...» (Брубейкер, 2010: 152).

Таким образом, самую идею «нации» и «национализма» вполне можно рассматривать в контексте формирования идентичности, которая, с одной стороны, соответствовала бы масштабу новых сообществ, далеко превосходящих прежние феодальные образования (или ограничивавших группы верующих сообразно зоне контроля светских властей), а с другой — формулировала бы в понятных и психологически комфортных рамках идею объединения людей, крайне непохожих друг на друга. В теоретической перспективе это удачно выразили Э. Кедури, полагавший национализм доктриной, признающей необходимость организации людей внутри реальности национального государства (Кедури, 2010), и Э. Геллнер, замечавший, что «национализм является выражением объективной потребности в однородности» и «проявляется только в среде, где государство уже воспринимается как нечто само собой разумеющееся» в тот момент, когда «раздробленная система аграрных обществ... заменяется новым типом Вавилона» (Геллнер, 1991); в характерно прикладном отношении на связь национальной идентичности с государственным строительством намекает знаменитый афоризм Д'Адзельо: «Италию мы создали, осталось создать итальянцев» (Gigante, 2011).

Сказанное позволяет частично нивелировать ту дивергенцию, которая присутствует в исследованиях национализма и национальной идентичности со времен Ф. Майнеке, указавшего на различие *Kulturnation* («нации, основанной на культурном наследии») и *Staatsnation* («базируется преимущественно на объединяющей силе общей политической истории и конституции») (Meinecke, 1962). Ведь ни «культурное наследие», ни «общая политическая история» не имеют автономной субъектности — и то и другое с очевидностью нуждается в носителях и интерпретаторах, *res incorporales*, которые формировали бы содержание упомянутых категорий и придавали бы им естественный, «псевдонародный» характер (May, McGill, 2014). Безусловно, объективное существование безгосударственных наций позволяет предположить, что в ряде случаев национальная культура и соответствующие ей модели идентификации могут быть созданы до, а не после формирования государственных институтов — однако даже в этом случае мотив политического конструирования нации никуда не исчезает, как и стремление *founding fathers* к ее государственному оформлению (с последующим неминуемым перевоплощением).

Таким образом, «национальная идентичность» многим обязана государству, в том числе своим нынешним привычным пониманием. Но значит ли это, что она остается в его руках — и по-прежнему зависит от воли правительственные или законодательных институтов? Как бы того ни хотелось некоторым государственным деятелям, ответ на данный вопрос не будет однозначно положительным: в истории можно найти слишком много примеров того, как национальные мотивы выходили из-под контроля официальных структур.

Именно по причине зрелости «нации» и ее авторитета, «государство» — в лице правительства, бюрократического аппарата и лиц, принимающих решения, — чаще всего не способно ее контролировать. Государству не дано предугадать, как любой шаг его могущественных «идеологических аппаратов» (Альтюссер, 2011) от-

зовется в общественной жизни, и какую бурю пожнет тот, кто сеет ветер национализма. Ведь упомянутая выше способность к «навязыванию» отнюдь не означает устойчивости, а способность задействовать в «производстве идентичности» разрозненные, разнопорядковые и подчас противоречащие друг другу традиции не означает результативности этих усилий, часто впечатляющих лишь на бумаге.

Д. Ливен показывает, к примеру, как националистический курс погубил сразу несколько могущественных империй, став одним из источников постоянного социального напряжения (Ливен, 2010: 301–304), хотя поначалу представлялся очевидным решением некоторых социально-политических проблем; О. Яси, оставаясь в рамках той же оптики, в работе «Распад Габсбургской монархии» описал, как пробужденные ради сохранения Австро-Венгрии локальные национализмы в конечном счете погубили ее, став одним из мощнейших центробежных факторов в развитии этого государства (Яси, 2011). Можно вспомнить и более современные примеры того, как на постсоветском пространстве национальные мотивы становились поводом для продолжительных конфликтов и войн (Большаков, 2008), равно как и для многочисленных и далеко не всегда удачных реформ, доктрин и стратегий.

При этом, однако, и для политического истеблишмента, и для значительного числа обывателей категории «национального» и «государственного» нередко объединяются в нечто общее или даже воспринимаются как синонимы. Связь даже не государства в целом, а конкретного политического режима с общенациональными интересами порой представляется и презентуется настолько естественной, что даже для поддержки своего воспроизведения режим охотно пользуется аргументами «внутреннего суверенитета», а правом обозначения «национальных интересов» во внешней политике не обладает никто, кроме специально «уполномоченных» структур. Никто, кроме государства, — подчеркивают ангажированные интеллектуалы, — не может задавать ориентиры национальной идентичности; для подтверждения этой позиции актуализируется огромное множество [псевдо]мифов и манипулятивных приемов (Поздняков, 1994, 1995).

Небезынтересным случаем такого рода позиции является доминирующая интерпретация отечественной истории, в которой именно государство выполняет по отношению к социальному пространству роль единственного «гласного»; и даже если оно лишается монополии на выражение общего мнения, то, по крайней мере, сохраняет за собой право носителя мнения «правильного». Б. С. Новосельцев справедливо указывает, что еще в XIV веке «на роль центра собирания русских земель претендовало несколько государственных образований» (Новосельцев, 2018) и теоретически возможными представлялись разные траектории развития страны и общества; однако победа в этом конкурсе политических амбиций централизованного Московского государства ознаменовала собой его торжество не только над политическими соперниками, но и над собственным населением, надолго лишившимся возможностей децентрализации, развития «регионального интереса» (Туровский, 2005), и той минимальной степени плюрализма, которая присутство-

вала в британской «конкурирующей олигархии» или в континентальных институтах сословного представительства по испанскому или французскому образцу.

Резюмируя обзор возможностей государства в процессе формирования «национальной идентичности», а также способностей правительства обеспечивать консолидацию участников политического процесса — апеллируя на деле лишь к риторике «национального», — мы можем присоединиться к ранее упомянутым авторам, выражающим сомнение в эффективности и результативности политик, базирующихся на оппортунистической эксплуатации культурных традиций (Хабермас, 2010) и на сомнительных способностях к использованию ресурсов легитимности (Ринген, 2016). В данном случае можно лишь подчеркнуть обоснованность этих сомнений — несколькими наблюдениями того, как реализуется политика формирования «национальной идентичности».

Во-первых, отметим, что практически нигде правительство не оказалось в состоянии создать принципиально новую модель идентификации, оторванную от ранее сложившейся мифологии и стереотипизации, — причем далеко не всегда «национального» плана. Пантеон национальных героев практически всегда включает исторические фигуры, которые никак не соотносили себя с «нацией», будь то Арминий, Пересвет или Эль Сид⁵; более того, национализм охотно адаптирует и другие формы «примордиальной» культуры, такие как религиозные культуры, языковые отличия и даже унаследованные от предшествующих исторических периодов границы, которые могут отнюдь не совпадать с языковыми ареалами и расселением этносов. Что отличает сербский язык от хорватского? Как религиозные взгляды бошняков влияют на их идентичность? Эти вопросы, интересные и сами по себе, приобретают особое звучание в контексте их использования государственным аппаратом соответствующих стран. Даже Советский Союз, который некоторые авторы характеризовали как радикальный тоталитаризм (Almond, Powell, 1966: 217), не смог завершить проект создания нового «воображаемого сообщества» — советского народа — без возвращения к ранее отвергнутым фигурам имперской истории, например, таким как Петр I или М. И. Кутузов (хотя на заре советской государственности именно это он и пытался сделать) (Лебина, 2016; Martin, 2001; Bukharin, Preobrazhenskiy, 1920). Обращаясь к творческому наследию Р. Якобсона и Э. Хобсбаума, мы могли бы охарактеризовать подобные неудачные попытки в лучшем случае как «афазийные» (Ушакин, 2009) и «условно связанные с действительностью или фактами прошлого» (Hobsbawm, Ranger, 1983). По всей видимости, главная причина подобного положения — явная переоценка значимости административного вмешательства в общественную жизнь; как отмечает Дж. Скотт, «чем более схематичен, неадекватен и упрощен формальный порядок, тем он менее гибок и более уязвим по отношению к любому возмущению вне его узких

5. См., например, работы Э. Хобсбаума: «...открытие народной традиции и ее превращение в «национальную традицию» какого-нибудь забытого историей крестьянского народа почти всегда было делом энтузиастов, принадлежавших к (иноязычному) правящему классу или образованной элите...» (Хобсбаум, 1988: 165–166).

параметров» (Скотт, 2005) — а в Новое и Новейшее время «неоднократно приходилось наблюдать в природе и обществе провалы неадекватных и стереотипных упрощений, навязанных государственной властью» (Скотт, 2005).

В политической теории (как, вероятно, и на практике) принято считать, что возможности государства в воспитательной и образовательной сфере крайне широки и соответствующие социальные системы воспитания, образования и науки представляются довольно удачным дополнением к административному аппарату правительства. Так, например, Л. Альтюссер направную относил систему просвещения к идеологическим аппаратам государства (Альтюссер, 2011), а саксонский географ О. Пешель говорил, что победа Пруссии в войне с Австрией — победа прусского учителя над австрийским. Однако наличествующий опыт программ по навязываемой государством «политике памяти» заставляет сомневаться в том, что историческим процессом возможно управлять одним лишь написанием школьных учебников. Так называемая «фолк-хистори» (*folk history*) на деле нередко оказывается куда более жизнеспособной, чем патронируемые государством трактовки, а широко внедряемые, например, в современной России праздники — от Дня народного единства (4 ноября) до Дня семьи, любви и верности (8 июля) — практически не привлекают общественного внимания. Даже социалистическая Югославия при всей пассионарности своего лидера И. Б. Тито не смогла «вообразить» единое общество, устойчиво воспроизводящее новые национальные ориентиры; и, напротив, Веймарская республика так и не смогла избавиться от *Dolchstoßlegende*, конспирологической теории «удара в спину», согласно которой Германия проиграла Первую мировую лишь в результате внутренней «глупости или измены» (Diest, Feuchtwanger, 1996).

Ярким примером недостаточности одних лишь государственных усилий по реформированию образовательной политики является уже упоминавшийся советский опыт: все политические противоречия 1920–1930-х гг. постепенно начинали влиять и на историографию, и на преподавание истории. «Пора перейти к ознакомлению с историей человека большими мазками, — писал видный революционер Ю. Ларин, — подробности надо оставить для любителей, найдется достаточно охотников читать исторические книжки в свободное время» (Ларин, 1924: 83–84)⁶. Уже в середине 1930-х такой нигилистический подход, впрочем, власти вынуждены были отвергнуть, поскольку строить новое общество в чистом поле оказалось несколько труднее, чем могло показаться у стен Зимнего дворца. Историк В. Б. Кобрин вспоминает характерное выражение академика С. Б. Веселовского: «Вот были люди, которые говорили, что они марксисты, и утверждали, что в прошлом России ничего хорошего не было. Потом пришли другие люди и тоже называют себя марксистами, и говорят, что в прошлом в России все было прекрасно. Так если сами марксисты не могут понять, в чем марксизм, что же делать нам, немарксистам?»

6. Еще более характерные цитаты и высказывания можно найти в обзорной работе Ю. В. Кривошеева и А. Ю. Дворниченко, посвященной этому периоду и обладающей характерным названием «Изгнание науки» (Кривошеев, Дворниченко, 1994).

(Кобрин, 1992: 171). Как указывает М. М. Бадретдинова, долговременная дискуссия вокруг школьного исторического образования завершилась лишь в 1934 году приятием Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (Бадретдинова, 2005), в котором указывалось на необходимость «соблюдения историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат» (Совет народных комиссаров СССР, 1934) — притом что в начале 1920-х гг. речь шла о том, чтобы пересмотреть «программы школы под углом зрения идеологии пролетариата, выбросить из них все то, что не нужно рабочим и крестьянам, не нужно потому, что ничем не поможет им лучше организовать жизнь, сделать ее счастливее, полнее, не научит понять, что и как надо делать в данный момент» (Крупская, 2014: 67).

Вторым обстоятельством, препятствующим покорному сползанию «национального» в руки государственных деятелей, является сам характер государственной политики в этой области. Правительственные программы поражают формализмом, однобокостью и редукционизмом, проявляющимися повсеместно: от ценностного содержания программ до их инструментария, механизмов реализации и критериев, по которым оценивается эффективность их реализации. Так, в отечественной Стратегии национальной политики до 2025 года конкретные инициативы вряд ли можно охарактеризовать как напрямую связанные с национальной идентичностью, определяемой, сверх прочего, через выражения «единый культурный (цивилизационный) код» и «сохранение русской культурной доминанты» (Президент РФ, 2012), а программы поддержки так называемых «малых народов» привлекают куда больше внимания профильных ведомств, чем вопросы самоидентификации большей части граждан; при этом критерии оценки Стратегии чаще всего выглядят как «увеличение количества мероприятий» или «число участников Северо-Кавказского молодежного форума „Машук“». Нередко стратегические идеи такого рода оказываются не более чем спекуляцией, направленной на рост рейтинга посредством полемических средств, или попросту пространными декларациями по острой теме; с этим согласен, к примеру, международник Дж. Франкель, указывающий, что те же «национальные интересы» нередко становятся инструментом оправдания и легитимации текущей внешней политики (Frankel, 1970: 30–35), какой бы волонтиристской и субъективной она ни была.

Приходится констатировать, что в большинстве случаев государственные инициативы, посвященные национальной идентичности, оказываются в лучшем случае плацдармом для ожесточенных дискуссий и столкновений с действующей оппозицией; нельзя сказать, что подобные начинания совсем уж бесполезны для общественного развития, однако они совершенно точно слабо связаны с изначально объявляемыми государством целями. ГДР, Югославия, Сомали, Конго, Ливия — во всех этих, безусловно, отличающихся случаях общей характеристикой государственного распада были дефекты национальной политики и неуместный

«оптимизм» нормативных документов, ей посвященных (в случае, если таковые документы, конечно, существовали).

Так, В. С. Дубина отмечает, что «господствовавшая в Восточной Германии реальная политическая культура имела мало общего с официальной идеологией» (Дубина, 2009); по опросам 1968 года, при всем возможном искажении за счет конформных ответов респондентов, 42% опрошенных в ГДР называли своим отечеством «всю Германию», а не только Германскую Демократическую Республику (Niemann, 1993: 310; Staab, 1997), а к 1990 году соответствующая доля выросла до 66% (притом что «прежде всего восточными немцами» себя в 1990 году считало 28% опрошенных) (Yoder, 1999). Справедливости ради можно отметить, что, согласно цифрам все той же Дж. Йодер, уже через 5 лет ситуация изменилась радикальнейшим образом, однако и это может быть связано с провалами немецкой государственной политики в части интеграции Восточной Германии и построения единого немецкого общества без учета сложившихся обстоятельств повседневности (Hogwood, 2000). В Югославии ситуация с национальным проектом была еще более драматичной: в 1961 году как «югославов» себя определяли 1,7% (!) опрошенных, в 1981 году этот процент вырос аж до 5,4% (Mrden, 2002), а в 1991 году, перед самым распадом страны, «югославская» идентичность была ключевой для 6,6% населения (Andrew, 2011). Этот уровень можно с полной уверенностью определить как неприемлемо низкий, и, несмотря на то что к распаду Югославии привел еще и тяжелый экономический кризис, нельзя исключать из рассмотрения и этнонациональные факторы дезинтеграции.

И в-третьих, стоит заметить, что сегодня все больше дискуссий вызывает способность государства в одиночку продвигать целостные программы социально-экономического реформирования и модернизации. Строго говоря, реализация какой бы то ни было политики требует вовлечения более широкого, чем собственно органы государственной власти, круга агентов и, соответственно, учета их интересов. В некоторых случаях даже масштабные государственные вложения могут приводить к негативным эффектам наподобие пузырей и спекуляций с портфельными инвестициями⁷. Программы в области политики «национальной идентичности» — не исключение, а скорее еще более показательный пример. Даже не касаясь совершенно монструозных формулировок Стратегии национальной политики («Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межэтническому взаимодействию на исторической территории Российской государства сформировалась духовная общность различных народов... [которую] объединяет

7. Российская Счетная палата каждый год обнаруживает значительные проблемы с эффективностью освоения бюджетных средств: в 2016 году общий объем «частично устранимых нарушений» составил порядка 700 млрд рублей (ТАСС, 2017) — это больше, чем все бюджетное финансирование здравоохранения в том же году (Чернова, 2016). По поводу отдельных государственных программ, таких, например, как создание особых экономических зон (воспринимаемое как одна из главных надежд на модернизацию экономики), вердикт контрольных органов еще жестче: ни финансовые показатели, ни результативность немалых государственных инвестиций и затрат в части создания ОЭЗ и рабочих мест не выдерживают критики (Счетная палата, 2016).

основанный на сохранении историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код» (Президент РФ, 2012)), можно заметить, что конкретные инициативы в области ее реализации характеризуются удивительными ориентирами. По программе переселения соотечественников в Россию приезжает едва ли четверть ожидаемого потока репатриантов (Трифонова, 2018), а бюрократическая волокита, сопровождающая ее, вызвала критические замечания даже со стороны президента РФ В. В. Путина (Путин, 2012). Целевые индикаторы другой государственной программы, «Реализация государственной национальной политики», — абсолютное количество проведенных в ее рамках мероприятий или рост «доли граждан, подтверждающих отсутствие в свой адрес дискриминации». Подпрограмму «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России» предлагается оценивать по «количеству участников мероприятий, направленных на укрепление общероссийского гражданского единства» и «численности участников мероприятий, направленных на этнокультурное развитие народов России» (Правительство РФ, 2016).

Столь выраженный формализм, отличающий государственный подход к «национальной идентичности, заслуживает пристального внимания экспертов. Он позволяет сделать выводы о сложностях, которые испытывают государства, колонизирующие публичную сферу (Сморгунов, 2012) и претендующие на роль ведущих агентов политического процесса. Отвечая на один из ключевых вопросов этой статьи — об успешности этой стратегии доминирования, избранной современными государствами для политической консолидации, — мы можем лишь повторить тезис о сомнительном характере подобного предприятия, добавив, что именно эта траектория развития ведет к ситуации, в которой «нация» ускользает от государства, и что такая стратегия совершенно точно не является валидной и работоспособной⁸.

Deus ex machina: «дело государево и земское»

В разрешении этой сложной ситуации, во многом вызванной претензией «национального государства» на «управляемость», отправной точкой могла бы стать политика, поощряющая расширение круга агентов политического процесса, влияющих на принятие государственных решений. Подобный подход, разумеется, далеко не революционная новелла и в социальных исследованиях, и в политической практике — практически в любом учебном пособии можно встретить упоминание того, что в разрешении проблем государственного управления происходит неминуемое обращение как минимум к коллективным ресурсам (Дегтярев,

8. Не вдаваясь в детальный разбор этого аспекта темы, отметим лишь, что описанный подход большинства современных правительств, в том числе российского, к политике «национальной идентичности» чаще всего базируется на модели New Public Management, которую, по оценкам ряда экспертов, уже давно, в силу ряда причин, следовало бы «вывести из оборота» (Куприяшин, 2018). Подробнее о современных подходах к «администрированию» гражданского участия можно прочитать в отдельных исследовательских обзорах (Yang, 2016).

2004). Стандарты популярной сегодня концепции «качественного управления» (Good Governance) (ESCAP, 2009), развивая линию вовлечения общества в принятие решений, требуют от государственной деятельности не только прозрачности (transparency) и подотчетности (accountability), но и непосредственного участия (participation) граждан на основе оперативности (responsiveness) управлеченческих структур и ориентации последних на консенсус (consensus orientation). Впрочем, и за пределами представлений о good governance такие авторы, как, например, Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон и Р. Торвик, указывают на значимость взаимодействия государства с общественными силами (Acemoglu et al., 2016); весьма иронично комментирует такой контакт Д. Слейтер: «Специалисты по Европе обычно боятся хищных государственных элит, которые пытаются поглотить общество, тогда как специалисты по Азии, как правило, боятся хищной общественной элиты, которая пытается поглотить государство» (Слейтер, 2016). Российское общество, вопреки распространенным представлениям, также не оставалось в стороне от подобных отношений: в подтверждение здесь можно привести вечевые или соборные практики и распространность на Руси XVI века выражения «дело государево и земskое» (Кром, 2018).

Поэтому вполне естественно, что на нормативном уровне политика «национальной идентичности» подразумевает вовлечение общественных структур в орбиту государственных решений. Так, Стратегия национальной политики, действующая в Российской Федерации, указывает, что ее цели «достигаются совместными действиями общества и государства» через «объединение усилий государственных и муниципальных органов и институтов гражданского общества» (Президент РФ, 2012). В этом и других документах под такими институтами понимаются средства массовой информации, религиозные организации, политические партии, образовательные и научные учреждения, диаспоры и этнонациональные объединения (вплоть до землячеств), а также экспертные ассоциации и «фабрики мысли».

Все перечисленные субъекты, безусловно, могут играть значимую роль в процессе формулирования и реализации государственной политики, в т. ч. и в области «национального». Проблема заключается лишь в том, как эта «возможность» конвертируется в имеющиеся механизмы принятия соответствующих решений. К сожалению, формальное подчеркивание «вовлечения институтов гражданского общества» вовсе не означает реализации этого светлого намерения на практике.

С теоретической точки зрения негосударственные субъекты могут действовать в рамках минимум двух возможных стратегий. С одной стороны, они могут «подхватывать» инициативы органов государственной власти, становясь ее проводниками, интерпретаторами и реализаторами; с другой — негосударственные структуры и организации могут заполнять своими действиями те «ниши», где правительственные решения и нормативные начинания неэффективны и неизнеспособны (с вероятностью того, что действия негосударственных акторов могут не поддерживать, а, напротив, противодействовать вектору государствен-

ной политики). Вполне вероятно, что вовлечение внешних по отношению к государственной политике игроков будет связано с удовлетворением их собственных интересов и достижением собственной выгоды, как у «политических предпринимателей» в концепции Дж. Кингдона (Kingdon, 1984); возможная в таком случае этическая критика (наподобие обвинений в преследовании «частных», а не «общественных» интересов) не должна подменять рационального рассмотрения подобной активности с точки зрения решения общественных проблем и роста общественного же блага. Возможно, что с обычательской точки зрения участвовать в государственном управлении могут только те акторы, которые с упорным постоянством «выстреливают» высокими нравственными императивами; однако даже в этом случае придется признать, что такие комиссивы (Серль, 1986) вовсе не тождественны эффективному решению общественных проблем.

На практике такие акторы, как, например, академическое сообщество и общественные организации, могут помогать органам государственной власти не только определять конфигурацию национальной политики в части ее отдельных положений или валидных инструментов, но и формировать такой образовательный стандарт, который способствовал бы продвижению и распространению национальной идентичности и ее составляющих, корректируя, тем самым, политическую культуру и воспитывая новые поколения граждан (в т. ч. будущих государственных служащих) в «национально ориентированном» ключе. Вместе с тем те же структуры могут критиковать отдельные положения представляемого в публичном пространстве официального «национального» дискурса, и последствия такого решения будут амбивалентны: с одной стороны, они будут ослаблять текущую, «деспотическую» (Mann, 1984) конфигурацию механизмов идентичности, а с другой — обозначая болевые точки последней, будут не только выявлять слабые места, но и предлагать возможные направления динамической ревизии идентичности и ее адаптивной стабилизации. На недопустимый разрыв между академическими исследованиями и нормативными практиками строительства российской нации уже много лет указывают Е. Иванов (Иванов, 2006), А. И. Соловьев (Соловьев, 2019) и В. А. Тишков (Тишков, 2003); получающийся в итоге результат одностороннего «национального строительства» оказывается нежизнеспособной абстракцией,зывающей, сверх прочего, раздражение различных политических сил.

СМИ — государственные и негосударственные — могут более эффективно конвертировать политические декларации и нормативные акты в понятные и позитивно воспринимаемые референтными аудиториями решения, а также расширять пространство обсуждения положений и оснований национальной идентичности до пределов всего публичного дискурса, тем самым совершенствуя и «шлифуя» обсуждение этой идентичности и внедряемых ее элементов. В том числе и по этой причине траты государственных бюджетов на информационную политику достаточно велики⁹ — и, к слову, существенно больше, чем затраты по государственной

9. Так, в России одно только финансирование программы «Информационное общество (2011–2020 гг.)» составляет 125 млрд рублей в 2018 г. и по 101 млрд в 2019 и 2020 гг. (Российская газета, 2017), а фе-

программе Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (за период 2017–2025 гг. — всего 24,3 млрд рублей (Правительство РФ, 2016)), хотя подобная ситуация не является каким-то исключительно российским прецедентом¹⁰. Трудно переоценить и влияние средств массовой информации на распространение политически значимых новостей, формирование доминирующего публичного лексикона и понятийно-категориального аппарата и, наконец, «литературного языка» как одного из фундаментальных элементов всей национальной идентичности: не случайно дискуссия о положении языка в дихотомии «базис vs надстройка» в сталинском СССР вылилась на страницы газеты «Правда», где 4 июня 1950 г. выступил сам Председатель Совета Министров СССР, обличавший «аракчеевский режим и теоретические прорехи в языкоznании» (Сталин, 1950). Язык, таким образом, был и остается главным связующим звеном в теории и практике «политики идентичности», ключевым фактором формирования «национальной идентичности» (Джозеф, 2005: 22) и одним из главных фронтов борьбы за ее создание; и трудно вообразить на этом фронте более влиятельные силы, чем средства массовой информации — как государственные, так и наиболее масштабные из негосударственных.

Частым искушением для государственной национальной политики является привлечение к ее формированию диаспор и этнонациональных сообществ — главными аргументами в пользу этого взаимодействия являются, во-первых, авторитет, которым располагают определенные деятели в пределах таких групп, а во-вторых, сложившаяся система социальных связей, которую чиновники рассчитывают использовать для достижения собственных¹¹ целей. В такой государственной структуре, как Федеральное агентство по делам национальностей, созданной в 2015 году, существует профильный Отдел по взаимодействию с диаспорами, землячествами и некоммерческими организациями (ФАДН, 2019); в состав одного только Московского координационного совета региональных землячеств при Правительстве Москвы входит не менее 90 региональных общественных объединений — землячеств, объединяющих выходцев из регионов Российской Федерации и стран СНГ (Официальный сайт мэра Москвы, 2019). При этом за годы существования

деральные субсидии агентству «Россия Сегодня» и АНО «ТВ-Новости» (телеканал RT, ранее Russia Today) за период 2018–2020 гг. составляют совокупности 75 млрд руб.

10. Так, затраты US Agency for Global Media (Voice of America, Radio Liberty) на одно только международное вещание в 2018 г. составили порядка \$800 млн (US Agency for Global Media, 2019), годовые бюджеты Deutsche Welle и Agence France-Presse составляют не менее €300 млн (Deutsche Welle, 2019; Agence France-Presse, 2019) — цифры, вполне сопоставимые, например, с общеевропейским финансированием миграционной деятельности в рамках Internal Security Fund (ISF) или Asylum, Migration and Integration Fund (AMIF), имеющим куда более непосредственное отношение к вопросам национальной самоидентификации и внутренней политики.

11. Данное прилагательное, безусловно, может резать глаз тем читателям, кто убежден: чиновники и государственные служащие неукоснительно поддерживают нейтралитет и не преследуют в своей трудовой деятельности собственных эгоистических целей; однако работы Дж. Скотта, Э. Де Сото, Ф. Хайека или Д. Гребера убедительно показывают, что это не так (Скотт, 2005; Де Сото, 2008; Хайек, 2006; Гребер, 2016).

подобных структур проблема противостояния и даже противоборства общенациональной идентичности (вне зависимости от того, называть ее «русской» или «российской») и региональной этнонациональной идентичности (прежде всего, в национальных республиках) нисколько не утратила остроты: несмотря на противоречивые социологические данные (Алексеенко и др., 2015), некоторые авторы указывают, что в жизненных ситуациях многие жители, к примеру, Чеченской Республики предпочитают правила шариата или адата в противовес государственному законодательству (Lazarev, 2018). Коллектив авторов во главе с Д. Неттлом указывает, что чрезмерная этнонациональная фрагментация (фракционализация) вредит не только экономическому развитию, но и социально-политической стабильности (Nettle et al., 2007); к такому же выводу приходят и многие другие исследователи, указывающие на высокий риск конфликтов в чересчур разнородной среде (Gerring, Hoffman, Zarecki, 2018). Кроме того, в некоторых случаях диаспоры, землячества и иные этнонациональные сообщества могут выполнять функции самоуправления, противопоставляя себя государственным институтам, а не обеспечивая комплементарное взаимодействие с ними; многие подобные структуры, являясь вполне дееспособными и мощными в части защиты собственных интересов, могут подменять интересы своих членов нуждами «старейшин» сообщества и публично отстаивать архаичные, фундаменталистские и способствующие политическому регрессу цели (Телин, 2016). Справедливости ради отметим возможность обратной ситуации: государство, осуществляя жесткую ассимиляционную политику или принимая дискриминационные решения, может сделать аномические и неассоциированные группы интересов (Almond, 1958) своим принципиальным противником (в т. ч. в вопросе политики идентичности).

В качестве дополнительных примеров «частно-государственного партнерства» в области национальной политики можно назвать и бизнес-структуры (финансово поддерживающие проекты в области культуры или представляющие национальные бренды и отстаивающие национальные интересы за рубежом), религиозные организации (нередко совмещающие общественное влияние с относительной независимостью от правительства) или творческие объединения. Однако более важно другое замечание. Любые взаимодействия, направленные на выстраивание или укоренение определенной национальной идентичности, будут эффективны и результативны лишь в одном случае — если у всех вовлеченных сторон будет наличевовать единое понимание стоящих перед такой деятельностью целей и задач, а также основных категорий, используемых в соответствующем дискурсе. Возможно представить себе диалог крайне правого предпринимателя специфических взглядов, писателя-«имперца» и руководителя федерального ведомства на условном мероприятии в рамках подпрограммы «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России»; трудно вообразить, что столь разные силы, представляющие принципиально различные позиции в отношении русского народа или российской идентичности, будут занимать консоли-

дированную стратегическую позицию — да еще и в отношении неопределенного предмета.

В ожидании Года

В конечном счете все усилия органов государственной власти и негосударственных субъектов в направлении формирования определенной «национальной» политики и соответствующей «национальной» идентичности в значительной степени сталкиваются с проблемой валидности и уместности использования подобных категорий в прикладном политическом процессе. Для теоретиков и исследователей существование «национального» очевидно уже потому, что этот феномен активно обсуждается и изучается; однако наличие богословских дискуссий — а за одно и кафедр теологии в университетах — вряд ли может рассматриваться как достаточное доказательство существования Бога. Серьезный вопрос заключается именно в том, насколько интеллектуальное пространство «национального» конвертируется в повседневное поведение граждан и насколько соответствующие психологические мотивы, установки и потребности перетекают в рутинные практики коллективного существования и общежития (Billig, 1995)? Что означает «национация» и «национальная идентичность» для среднестатистического жителя той или иной страны?

Каждущаяся спекулятивность такой постановки вопроса сходит на нет уже в конкретных сюжетах из практики социальной интеграции: выясняется, что многие представители молодого поколения не воспринимают «национальную» принадлежность как значимую переменную повседневной жизни (Fenton, 2007); в некоторых странах, воспринимаемых как образцы сравнительно недавней национальной консолидации, локальная и региональная идентичность сильнее общенациональной (к примеру, в Италии позиционирование себя как «флорентийца» и «тосканца» может быть куда более выраженным, чем «итальянство») (Antonsich, 2015), а сама национальная идентичность в повседневном восприятии людей может распадаться на отдельные самоценные элементы, не всегда сопрягающиеся в единую «национальную» схему. Э. Розенс указывает, например, что в постмодернистскую эпоху большее внимание людей притягивает местная (территориальная), гендерная или этническая идентичность (Roosens, 1989) — а ведь можно упомянуть многочисленные субкультуры, профессиональные сообщества или районы мегаполисов, которые делают палитру современной идентичности еще более пестрой. Примеры крымских татар или турецкой диаспоры в Германии весьма характерно выдают проблему редукционистского восприятия двух этих случаев как противоборства двух национальных идентичностей (российской и украинской — в случае спора о принадлежности Крыма и турецкой и немецкой — в случае Deutsch-Türken). Дополнительную сложность составляет и возможное наличие разных интеллектуальных традиций, объясняющих и раскрывающих категорию «национального», — эта проблема особенно актуальна для России, где до сих пор

переходят от очной к заочной полемике сторонники «российской идентичности», русские националисты и, наконец, сторонники позиции, что «Россия не была, не является и никогда не будет национальным государством» (Миллер, 2017а).

При всем скептическом настрое мы, безусловно, не собираемся утверждать иллюзорность национальных чувств и национальной идентичности как таковых; однако хочется заметить, что в некоторых случаях восприятие их как чего-то само собой разумеющегося и изначально встроенного в ткань общественных отношений ошибочно. Несколько дополняя приведенное ранее определение, «национальную идентичность», вслед за М. Биллигом можно понимать не столько как значимое и независимое социальное явление, представляющее собой обязательный и неотъемлемый элемент мировоззрения человека, сколько как «нисходящую риторическую стратегию, определяющую и конструирующую повседневный мир людей» (Antonsich, 2015) — нисходящую не в смысле «конца национализма», но в смысле определения, данного в начале настоящей статьи, и понимающего национальную идентичность как нуждающийся в актуализации («пробуждении») «клишированный элемент публичного дискурса». «Символическая иллюстрация такого заурядного национализма, — пишет Биллиг, — не страстно колыхающейся в сознании флаг, а флаг, незаметно висящий на общественном здании» (Billig, 1995: 8); далеко не всегда отождествление себя с нацией представляет собой заметный в повседневной жизни человека символический пласт. Риторический же аспект «национальной политики», равно как и размытость существующих инструментов оценки ее эффективности и результативности, приводит к тому, что ключевым становится ее рассмотрение с точки зрения целей, стоящих за инициированием соответствующей политики как *policy*. Почему, несмотря на весьма скромное влияние на процессы повседневной идентификации, различные государства раз за разом запускают очередные масштабные инициативы, связанные с дискурсом «национального»? Можно ли предположить, что ценностные мотивы обладают в данном случае некой особой притягательностью, заставляющей раз за разом обжигаться на невозможности реализовать собственные идеи и замыслы?

Безусловно, такая возможность вполне допустима — за многими государственными решениями, отличающимися как масштабом, так и сферой деятельности, может стоять сугубо идеалистическое целеполагание (в духе федерального закона «Об ответственном обращении с животными») или техническая нейтральность, подчас отождествляемая с функционированием структур исполнительной власти как таковых. Однако упрямое и многократное повторение одних и тех же инициатив, причем в режиме, когда новые государственные программы появляются еще до завершения ранее заявленных (Иноземцев, 2018), наводит на другое предположение: публично декларируемая миссия государственных решений (к примеру, в сфере национальной политики) может резко отличаться от действительных ее триггеров и целей. Исследователи указывают, что, к примеру, в положениях российской Стратегии государственной национальной политики «присутствует терминологическая и смысловая неопределенность» (Мочалов, 2013: 61), а по итогам

проводимых реформ отсутствуют как «общественный резонанс», так и «фиксируемые изменения» (Там же: 78) — притом что за последние годы были не только разработаны сама Стратегия и государственная программа «Реализация государственной национальной политики», но и созданы федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН) и «система мониторинга и раннего предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов» (РИА Новости, 2019). Кто-то называет причиной подобного положения некомпетентность лиц, принимающих решения (Сулакшин, 2008), но если предположить, что посылка о нейтральности и благонамеренности государственных структур неверна, а цепеполагание соответствующей политики ориентировано на освоение имеющегося экономического ресурса, сохранение имеющегося политического режима и увеличение рейтинга конкретных руководителей, механика выработки заведомо малоэффективных политик становится более объяснимой и даже по-своему рациональной.

«Бюрократии редко бывают нейтральными, — пишет Д. Гребер, — они почти всегда подчиняются определенным привилегированным группам или благоприятствуют им больше, чем остальным» (Гребер, 2016), и если коллектив авторов во главе с Ш. Портильо в статье 2019 года показывает, как такое благоприятствование проявляется на этапе рекрутинга служащих (Portillo, Bearfield, Humphrey, 2019), то другие исследователи рассматривают многочисленные механизмы «политизации» (politization) бюрократии (Hustedt, Houlberg Salomonse, 2014). Задолго до Гребера и Портильо на основе эмпирического опыта схожий тезис подчеркивал У. Нисканен, описавший не только стремление бюрократии увеличивать бюджетное финансирование собственной деятельности, но и желание чиновников формально расширять зону собственной ответственности. «Если в течение ряда лет растраты совершенно очевидны, но при этом не вызывают политической реакции, то следует допустить, что эти растраты, по-видимому, служат каким-либо другим политическим целям», — пишет Нисканен (Нисканен, 2004: 555), объясняя, что одной из таких целей может быть расширение дискреционного бюджета, т. е. общема средств, находящегося в распоряжении бюрократической единицы и нуждающегося в соответствующей легитимации (объяснении или даже оправдании)¹².

Типичный пример можно отыскать в одной из ключевых областей современной публичной повестки, привлекающей значительное внимание государствен-

12. А заодно и частично передаваемого «спонсорам» — Нисканен относит к таковым руководителей высших уровней, законодательные органы, контрольные комитеты и пр. Как с позиций общественного интереса можно объяснить решение Правительства РФ обязать всех российских водителей устанавливать на автомобили с шипованым комплектом резины знак «Ш» — притом что действовало оно чуть более полутора лет (с 24 марта 2017 года по 29 ноября 2018 года), а отменено по причине того, что «динамические характеристики движения транспортного средства в значительной мере определяются другими факторами» (Правительство РФ, 2018)? Маловероятно, что за время действия запрета состоялась (и осталась незамеченной) технологическая революция, мигом изменившая характеристики десятков миллионов транспортных средств, — и куда более симптоматично, что руководство Национального антикоррупционного комитета заявило прессе, что в этой истории «следует искать коммерческий интерес» (Белый, 2018).

ных органов, — речь о безопасности. Дефекты имеющегося нормативного регулирования в области безопасности, к примеру, в общественном транспорте, были наглядно продемонстрированы экспериментом петербургского метрополитена, запустившим, в ответ на признание своих станций «не соответствующим требованиям безопасности» (Петербургский метрополитен, 2017) досмотр пассажиров в полном соответствии с Постановлением Правительства РФ от 05.04.2017 № 410 «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов метрополитена» (Правительство РФ, 2017). Избежать транспортного коллапса в мегаполисе помогло только решение метрополитена выбрать для такого досмотра станции с низким пассажиропотоком: но и на них практика work-to-rule обернулась давкой, очередями и периодическим закрытием станций (Мерзликин, 2017). При этом еще до трагедии апреля 2017 года траты на обеспечение безопасности петербургского метрополитена составили не менее 2,5 млрд рублей (Федорова, 2018), и при этом как в Санкт-Петербурге, так и в Москве в городских конкурсах на поставку металлодетекторов участвовала одна-единственная компания (Кустикова, Сатановский, 2017).

Подобные истории, на первый взгляд совершенно не связанные с повесткой национальной идентичности и государственной национальной политики, на самом деле иллюстрируют озвученный ранее тезис: некоторые решения принимаются не для того, чтобы были достигнуты их публично заявленные цели, и чем более размытыми и неопределенными являются предмет и объект таких решений, тем больше вероятность того, что никаких «фиксируемых изменений» в результате титанической работы государственных учреждений так и не случится. «Когда правительство занимается предоставлением конкретных услуг... такие услуги зачастую имеют целью достижение определенных результатов», — пишет Ф. Хайек (Хайек, 2006: 158) и параллельно подчеркивает, что в целом современное государство может располагать «властью, совершенно не ограниченной законом, но зато подчиненной внутренним нуждам самодовлеющей и склонной к произволу машины» (Там же: 471); при этом «размытость используемых терминов» позволяет этой же машине «объявлять предметом общего интереса почти все что угодно» (Там же: 169). Потому не удивительно, что громогласное объявление очередных инициатив по «нациестроительству» может скрывать прагматические задачи воспроизводства политического режима, распределения бюджетных средств и роста рейтинга, — удивительно скорее то, что именно в отношении политики в области «национальной идентичности» такое предположение воспринимается как неприличное, хотя российские исследователи уже давно обратили внимание на, так скажем, «искаженный» характер городской политики (Попов, Пузанов, Полиди, 2018), аграрной политики (Малыш, 2018), структурной экономической политики (Ясин, 2018) и многих других решений.

Заключение

В статье 2015 года «Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности» В. А. Ачкасов, указывая, что сутью исторической политики являются «манипуляции с исторической памятью», показывает, что тем самым осуществляются и «манипуляции с групповой идентичностью» (поскольку идентификация, по его мнению, является «одной из функций коллективной исторической памяти») (Ачкасов, 2015). Развивая его тезис, в заключении настоящей статьи мы хотели бы подчеркнуть, что реальными (то есть разделяемыми лицами, принимающими решения) целями программ в области национальной идентичности, исторической политики и других социальных сфер, где с трудом выводимы конкретные, измеримые и однозначные показатели эффективности и результативности, могут являться не просто манипуляции с общественным мнением (вряд ли представляющие собой самоцель, «манипуляции ради манипуляций»), но вполне прагматичные действия, направленные на увеличение дискреционных бюджетов органов государственной власти, репутационные выгоды для отдельных политических лидеров или воспроизведение существующего политического режима (без внимания к тому, существует ли провозглашаемая на бумаге «нация» или нет).

Это еще больше усложняет обсуждение того, в какой степени согласуются между собой «национальная идентичность» как феномен социальной жизни и государственная политика, реализуемая в ее отношении. Основной наш тезис заключался в том, что расхождение между содержанием двух этих сторон одного, казалось бы, уравнения может приводить к драматичным последствиям — начиная с выхолащивания одного из самых распространенных оснований социальной консолидации и заканчивая полномасштабным кризисом политических институтов. Последнее заслуживает отдельного внимания: как У. Шейдел предполагает, что наиболее существенным сокращением материального неравенства в истории человечество «обязано» войнам, эпидемиям и другим трагическим событиям (Scheidel, 2017), так и теоретики национализма указывают, что «чувство национальной идентичности никогда не бывает сильнее, чем во время войны» (Evans, 2011), реальной (Carleton, 2016) или воспринимаемой (Masolo, 2002) «внешней угрозы», революции или распада предшествующей государственности (Schön, 2013). Иными словами, «джинн» национализма, выпущенный из теоретической бутылки и встроившийся благодаря официальной риторике в публичный дискурс, может превратиться в вызов той системе «казенного патриотизма», которая вызвала его к жизни, — вопреки ожидаемой «фасадности» и предусмотренному следованию в фарватере государственных программ. Это частичное «ускользание от государства» представляется куда более опасным, чем тривиальная бессодержательность амбициозных нормативных документов.

Литература

- Алексеева Т. А., Минеев А. П., Лошкарев И. Д. (2016). «Земля смятения»: квантовая теория в международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. № 3. С. 7–16.
- Алексеенко С. С., Сафин Ф. Г., Халиуллина А. И. (2015). Динамика изменения региональной и общероссийской идентичностей в полигэтничном регионе (по данным этносоциологических исследований в Республике Башкортостан в 1990–2014 гг.). URL: <https://avia.mstuca.ru/jour/article/view/420/346#> (дата доступа: 25.09.2019).
- Альтюссер Л. (2011). Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) / Пер. с нем. С. Рыднина // Неприкованный запас. № 3. С. 14–58.
- Ачкасов В. А. (2013). Политика идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. № 4. С. 71–77.
- Ачкасов В. А. (2015). Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 18. № 2. С. 181–192.
- Бадретдинова М. М. (2005). О воспитательной роли школьных курсов истории: отечественные традиции и примеры современной реализации // Современные методы в современном преподавании. М.: Гос. публ. ист. библиотеки России. С. 149–156.
- Белый М. (2018). Афера года: на знаке «Ш» заработали 2,5 миллиарда рублей. URL: <https://ura.news/articles/1036274869> (дата доступа: 25.09.2019).
- Большаков А. Г. (2008). Замороженные конфликты постсоветского пространства: тупики международного миротворчества // Полития. № 1. С. 27–37.
- Брубейкер Р. (2010). Миры и заблуждения в изучении национализма // Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. (ред.). Миры и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство. С. 62–109.
- Бухарин Н. И., Преображенский Е. А. (1920). Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Петербург: Гос. изд-во.
- Геллнер Э. (1991). Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бредниковой и М. К. Тюнькиной под ред. И. И. Крупника. М.: Прогресс.
- Гребер Д. (2016) Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии / Пер. с англ. А. Л. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Де Сото Э. (2007). Иной путь: экономический ответ терроризму / Пер. с англ. Б. Пинскера. Челябинск: Социум.
- Дегтярев А. А. (2004). Принятие политических решений. М.: КДУ.
- Джозеф Дж. (2005). Язык и национальная идентичность / Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. № 4. С. 20–48.

- Дубина В. С. (2009). Насколько едина объединенная Германия? Восточные и западные немцы 20 лет спустя (По материалам немецкой печати). URL: http://www.perspektivy.info/book/naskolko_jedina_objedinennaja_germanija_vostochnye_i_zapadnye_nemcy_20_leto_spusta_po_materialam_nemeckoj_pechati_2009-12-02.htm (дата доступа: 25.09.2019).
- Заостровцев А. (2018). Парадигма модернизации: как ее понимать? Препринт М-68/18. СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб.
- Иванов Е. (2006). Различия национализм: проблемы метода как проблемы практики. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/53/05.pdf> (дата обращения 25.09.2019).
- Иноземцев В. Л. (2018). Несовременная страна: Россия в мире XXI века. М.: Альпина Паблишер.
- Кедури Э. (2010) Национализм / Пер. с англ. А. А. Новохатько. СПб.: Алетейя.
- Кобрин В. Б. (1992). Кому ты опасен, историк? М.: Московский рабочий.
- Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. (1994). Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX в. // Отечественная история. № 3. С. 143–158.
- Кром М. М. (2018). Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение.
- Крупская Н. К. (2014). Общее и профессиональное образование // Крупская Н. К. Трудовое воспитание и политехническое образование. М.: Директ-Медиа. С. 59–67.
- Купряшин Г. Л. (2018). Калейдоскоп административных реформ в Европе: Опыт и оценки элиты государственной службы // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 197–205.
- Кустикова А., Становский С. (2017). В рамках возможного. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/04/04/72014-illyuziya-bezopasnosti> (дата доступа: 25.09.2019).
- Ларин Ю. (1924). Интеллигенция и Советы: хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М.: Гос. изд-во.
- Лебина Н. Б. (2016). Советская повседневность: нормы и аномалии. М.: Новое литературное обозрение.
- Левада-Центр (2016). Ответственность и влияние. URL: <http://www.levada.ru/2016/07/13/otvetstvennost-i-vliyanie/> (дата доступа: 25.09.2019).
- Ливен Д. (2010). Империя, история и современный мировой порядок // Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. (ред.). Миры и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство. С. 283–324.
- Малахов В. С. (2005). Национализм как политическая идеология. М.: КДУ.
- Малинова О. Ю. (2005). Исследование политики и дискурса об идентичности // Политическая наука. № 3. С. 8–20.
- Малыш Е. В. (2018). Рентные стратегии импортозамещения в пищевой промышленности // Стратегии развития социальных общностей, институтов и тер-

- риторий: Материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 23–24 апреля 2018 г.). Т. 1. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. С. 239–243.
- Мерзликин П. (2017). В петербургском метро ввели досмотр, как в аэропортах. URL: <https://meduza.io/feature/2017/07/27/v-peterburgskom-metro-vveli-dosmotr-kak-v-aeroportah-rezultat-nebyvalye-ocheredi-na-vhod-davka-v-vestibulyah> (дата доступа: 25.09.2019).
- Миллер А. И. (2017а). «Россия не была, не является и никогда не будет национальным государством». URL: <https://republic.ru/posts/88426?code=e51f2fa35341dc260ca7eb9e587d3eb> (дата доступа: 25.09.2019).
- Миллер А. И. (2017б). Нация-государство или государство-нация? Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Natciya-gosudarstvo-ili-gosudarstvo-natciya-19200> (дата доступа: 25.09.2019).
- Михайлов В. А. (2016). «Российская нация» — это цель. URL: https://life.ru/t/мнения/925148/rossiiskaia_natsiia__eto_tsiel (дата доступа: 25.09.2019).
- Мочалов Т. Н. (2013). Формирование государственной национальной политики Российской Федерации: повестка дня, акторы и институты. Дисс. маг. пол. наук (41.04.04). М.: Высшая школа экономики.
- Мюллер Я.-В. (2013). Споры о демократии: политические идеи в Европе XX века / Пер. с англ. А. Яковleva. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Нисканен В. А. (2004). Пересмотр // Заостровцев А. П. (ред.). Вехи экономической мысли. Т. 4: Экономика благосостояния и общественный выбор. СПб.: Экономическая школа. С. 537–560.
- Официальный сайт мэра Москвы (2019). Московский координационный совет региональных землячеств при Правительстве Москвы подведет итоги работы за год. URL: <https://www.mos.ru/news/item/34297073/> (дата доступа: 25.09.2019).
- Новосельцев Б. С. (2018). Три возможных пути России. URL: <http://arzamas.academy/materials/464> (дата доступа: 25.09.2019).
- Пастухов В. Б. (2000). Национальные и государственные интересы России: игра слов или игра в слова? // Полис. № 1. С. 92–96.
- Петербургский метрополитен (2017). На нескольких станциях метрополитена проводится массовый досмотр. URL: <http://www.metro.spb.ru/news/item/id/1335> (дата доступа: 25.09.2019).
- Поздняков Э. А. (1994). Нация, национализм, национальные интересы. М.: Прогресс.
- Поздняков Э. А. (1995). Геополитика. М.: Прогресс, Культура.
- Попов Р. А., Пузанов А. С., Полиди Т. Д. (2018). Контуры новой государственной политики по отношению к городам и городским агломерациям России. URL: <http://www.urbaneconomics.ru/sites/default/files/ekoporopuzanopolidio22018.pdf> (дата доступа: 25.09.2019).
- Попова О. В. (2016). Эффективность политики идентичности современного политического государства // Сенюшкина Т. А., Баранов А. В. (ред.). Политическое

- пространство и социальное время: Сборник трудов конференции. Симферополь: Ариал. С. 157–159.
- Попова О. В. (2018). Модели идентичности политических акторов в современной России // Политическая наука. № 2. С. 173–194.
- Правительство РФ (2016). Постановление Правительства РФ № 1532 от 29 декабря 2016 г. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Реализация государственной национальной политики”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/ad5b6174ada13faeoebe68306fbc513486c95oab/ (дата доступа: 25.09.2019).
- Правительство РФ (2017). Постановление Правительства РФ № 410 от 5 апреля 2017 г. «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий метрополитенов». URL: <https://rg.ru/2017/04/11/transport-dok.html> (дата доступа: 25.09.2019).
- Правительство РФ (2018). Постановление Правительства РФ № 1414 от 24 ноября 2018 г. «Об изменениях в Правилах дорожного движения». URL: <http://government.ru/docs/34889/> (дата доступа: 25.09.2019).
- Президент РФ (2012). Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата доступа: 25.09.2019).
- Путин В. В. (2012). Строительство справедливости: социальная политика для России. URL: <https://www.kp.ru/daily/25833/2807793/> (дата доступа: 25.09.2019).
- РИА Новости (2019). В ФАДН рассказали о борьбе с разжиганием межнациональной розни URL: <https://ria.ru/20190718/1556641566.html> (дата доступа: 25.09.2019).
- Ринген С. (2016). Народ дьяволов: демократические лидеры и проблема повиновения / Пер. с англ. А. Матвеенко. М.: Дело.
- Российская газета (2017). На создание и поддержку СМИ в 2018 году направят 2,877 млрд. URL: [https://rg.ru/2017/10/11/na-sozdanie-i-podderzhku-smi-v-2018-godu-napraviat-2877-mldr.html](https://rg.ru/2017/10/11/na-sozdanie-i-podderzhku-smi-v-2018-godu-napravят-2877-mldr.html) (дата доступа: 25.09.2019).
- Российская Федерация (2017). Федеральный закон от 05.12.2017 № 362-ФЗ (ред. от 29.11.2018) «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=284360-121678&rnd=C2A7DB910440F5601B1F07203D8B510D&req=doc&base=LAW&n=312690&REFDOC=284360&REFBASE=LAW#9pwma8insk> (дата доступа: 25.09.2019).
- Семененко И. С. (2016). Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. № 4. С. 8–28.

- Серль Дж. (1986). Что такое речевой акт? / Пер. с англ. И. М. Козевой // Городецкий Б. Ю. (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс. С. 151–170.
- Серль Дж. (2002). Открывая сознание заново / Пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс.
- Силаев Н. (2014). Возвращение варварства // Россия в глобальной политике. № 5. С. 152–163.
- Скотт Дж. (2005). Благими намерениями государства: почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э. Н. Гусинского и Ю. И. Турчаниновой. М.: Университетская книга.
- Слейтер Д. (2016). Откуда берутся сильные государства? Примирение азиатской и европейской концепций. URL: <http://apn-nn.com/101699-526009.html> (дата доступа: 25.09.2019).
- Сморгунов Л. В. (2012). В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Совет народных комиссаров СССР (1934). Постановление Совета народных комиссаров СССР, Центрального комитета ВКП(б) от 15.05.1934 «О преподавании гражданской истории в школах СССР». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16624#0> (дата доступа: 25.09.2019).
- Соловьев А. И. (2019). Политическая повестка правительства, или Зачем государству общество // Полис. Политические исследования. № 4. С. 8–25.
- Сталин И. В. (1950). К некоторым вопросам языкоznания. URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/stalin/voprosy.html> (дата доступа: 25.09.2019).
- Сулакшин С. С. (ред.). (2008). Национальная идентичность России и демографический кризис: Материалы II Всероссийской научной конференции (г. Москва, 15 ноября 2007 г.). М.: Научный эксперт.
- Счетная палата (2016). За 10 лет ОЭЗ так и не стали единственным инструментом поддержки экономики. URL: http://audit.gov.ru/press_center/news/26369 (дата доступа: 25.09.2019).
- ТАСС (2017). Счетная палата выявила нарушения по исполнению бюджета на 700 млрд рублей. URL: <https://tass.ru/prmef-2017/articles/4311227> (дата доступа: 25.09.2019).
- Телин К. О. (2016). Исламизм и политические институты Ближнего Востока // Русская политология. № 1. С. 98–104.
- Тишкиров В. А. (2003). Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука.
- Тишкиров В. А. (2007). Российская нация и ее критики // Тишкиров В. А., Шнирельман В. А. (ред.). Национализм в мировой истории. М.: Наука. С. 558–601.
- Трифонова Е. (2018). Без «пинка сверху» соотечественникам не помочь. URL: http://www.ng.ru/politics/2018-03-19/1_7192_pinok.html (дата доступа: 25.09.2019).
- Туровский Р. Ф. (2005). Бремя пространства как политическая проблема России // Логос. № 1. С. 124–171.

- Ушакин С. (2009). Бывшее в употреблении: постсоветское состояние как форма афазии // Новое литературное обозрение. № 100. С. 760–792.
- ФАДН (2019) .Структура Федерального агентства по делам национальностей URL: <http://fadn.gov.ru/agency/struktura> (дата доступа: 25.09.2019).
- Федорова Н. (2018). Метро-2018: как изменилась система безопасности в мегаполитене Петербурга после прошлогоднего теракта. URL: <https://www.dp.ru/a/2018/04/02/Metro2018> (дата доступа: 25.09.2019).
- Филимонов К. Г. (2017). О конвергенции академических исследований и политических практик в «политике идентичности»: от эссециализма к управлению идентификацией политических сообществ // Politbook. №. 4. С. 162–178.
- Хабермас Ю. (2010). Проблема легитимации позднего капитализма / Пер. с нем. Л. В. Воропай. М.: Практис.
- Хайек Ф. (2006). Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева. М.: ИРИСЭН.
- Хенкин С. М. (2013). Баскский конфликт в прошлом и настоящем // Иberoамериканские тетради. Вып. 1. М.: МГИМО. С. 172–185.
- Хобсбаум Э. (1998). Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.: Алтей.
- Чернова Н. (2016). Теперь без иллюзий. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/10/19/70232-terer-bez-illyuziy> (дата доступа: 25.09.2019).
- Яси О. (2011). Распад Габсбургской монархии / Пер. с англ. О. А. Якименко и А. Г. Айрапетов. М.: Три квадрата.
- Ясин Е. Г. (ред.). (2018). Структурные изменения в российской экономике и структурная политика: Аналитический доклад. М.: НИУ ВШЭ.
- Acemoglu D., Robinson J. A., Torvik R. (2016). The Political Agenda Effect and State Centralization. URL: <https://economics.mit.edu/files/11528> (дата доступа: 01.08.2018)
- Agence France-Presse (2019). AFP Annual Report. URL: https://www.afp.com/communication/report_2018/AFP_annualreport_2018.pdf (дата доступа 25.09.2019).
- Almond G. (1958). Interest Groups in the Political Process // American Political Science Review. Vol. 52. № 1. P. 270–282.
- Almond G. A., Powell G. B. (1966). Comparative Politics: A Developmental Approach. Boston: Little, Brown.
- Andrew S. (2011). The Death of Tito: The Death of Yugoslavia? URL: <https://thevieweast.wordpress.com/2011/07/27/the-death-of-tito-the-death-of-yugoslavia/> (дата доступа 25.09.2019).
- Antonsich M. (2015). The «Everyday» of Banal Nationalism: Ordinary People's Views on Italy and Italian // Political Geography. Vol. 54. P. 32–42.
- Bennike C., Veilmark S. (2016). «Folk vil have stolthed, respekt, historie og mening. De vil have storhed!». URL: <https://www.information.dk/mofo/folk-stolthed-respekt-historie-mening-storhed> (русский перевод <https://inosmi.ru/social/20161212/238374944.html>) (дата доступа 25.09.2019).

- Billig M.* (1995). *Banal Nationalism*. L.: Sage.
- Bonnett A.* (2018). *Beyond the Map: Unruly Enclaves, Ghostly Places, Emerging Lands, and Our Search for New Utopias*. Chicago: University of Chicago Press.
- Brubaker R.* (1996). *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press. URL: https://is.muni.cz/el/1423/jaro2011/SOC788/um/BRUBAKER_Nationalism_reframed.pdf (дата доступа: 25.09.2019).
- Brubaker R., Cooper F.* (2000). Beyond «Identity» // *Theory and Society*. Vol. 29. № 1. P. 1–47.
- Carleton G.* (2016). *A Russia Born of War* // *Jensen L.* (ed.). *The Roots of Nationalism: National Identity Formation in Early Modern Europe, 1600–1815*. Amsterdam: Amsterdam University Press/ P. 153–166.
- Deutsche Welle* (2019). Wer finanziert die DW? URL: <https://www.dw.com/de/wer-finanziert-die-dw/a-279073> (дата доступа: 25.09.2019).
- Diest W., Feuchtwanger E. J.* (1996). The Military Collapse of the German Empire: The Reality Behind the Stab-in-the-Back Myth // *War in History*. Vol. 3. № 2. P. 186–207.
- Dinnen S.* (2007). The Twin Processes of Nation-Building and State-Building. URL: <http://hdl.handle.net/1885/141454> (дата доступа: 25.09.2019).
- ESCAP* (2009). What is Good Governance? URL: <https://www.unescap.org/resources/what-good-governance> (дата доступа 25.09.2019).
- European Parliament* (2018). EU Funds for Migration, Asylum and Integration Policies (Budgetary Affairs). URL: <http://bruegel.org/wp-content/uploads/2018/05/EU-funds-for-migration.pdf> (дата доступа 25.09.2019).
- Evans H. G.* (2011). War, Peace and National Identity. URL: <http://www.gevans.org/speeches/speech440.html> (дата доступа 25.09.2019).
- Fenton S.* (2007). Indifference towards National Identity: What Young Adults Think about Being English and British // *Nations and Nationalism*. Vol. 13. № 2. P. 321–339.
- Frankel J.* (1970). *The National Interest*. L.: Macmillan.
- Gerring J., Hoffman M., Zarecki D.* (2018). The Diverse Effects of Diversity on Democracy // *British Journal of Political Science*. Vol. 48. № 2. P. 283–314.
- Gigante C.* (2011). «Fatta l'Italia, facciamo gli Italiani»: appunti su una massima da restituire a d'Azeglio // *Incontri: Rivista europea di studi italiani*. Vol. 26. № 2. P. 5–15.
- Hobsbawm E., Ranger T.* (1983). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hogwood P.* (2000) After the GDR: Reconstructing Identity in Post-Communist Germany // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 16. № 4. P. 45–67.
- Hustedt T., Houlberg Salomonsen H.* (2014). Ensuring Political Responsiveness: Politicization Mechanisms in Ministerial Bureaucracies // *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 80. № 4. P. 746–765.
- Kingdon J. W.* (1984). *Agendas, Alternatives and Public Policies*. Boston: Little, Brown.
- Kremlin.ru (2016). Заседание Совета по межнациональным отношениям, 31.10.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53173> (дата доступа: 25.09.2019).

- Lane Bruner M. (2005). Rhetorical Theory and the Critique of National Identity Construction // *National Identities*. Vol. 7. № 3. P. 309–327.
- Lazarev E. (2018) Laws in Conflict: Legacies of War and Legal Pluralism in Chechnya. PhD Thesis. New York: Columbia University.
- Mandler P. (2006). What is «National Identity»? Definitions and Applications in Modern British Historiography // *Modern Intellectual History*. Vol. 3. № 2. P. 271–297.
- Mann M. (1984). The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results // *European Journal of Sociology*. Vol. 25. № 2. P. 185–213.
- Martin T. (2001). *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press.
- Masolo D.A. (2002). Community, Identity and the Cultural Space // *Rue Descartes*. Vol. 36. № 2. P. 19–51.
- May L., McGill E. (2014). *Grotius and Law*. Farnham: Ashgate.
- Meinecke F. (1962). *Weltburgertum und Nationalstaat*. Munich: Oldenbourg.
- Mrden S. (2002). Narodnost u Popisima — Promjenljiva i Nestalna kategorija // Stanovnistvo. Vol. 1. № 4. P. 177–103.
- Mwakikagile G. (2009). *Ethnicity and National Identity in Uganda: The Land and Its People*. Dar es Salaam: New Africa Press.
- Nettle D., Grace J. B., Choisy M., Cornell H. V., Guégan J.-F., Hochberg M. E. (2007). Cultural Diversity, Economic Development and Societal Instability. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0000929> (дата доступа 25.09.2019).
- Niemann H. (1993): Meinungsforschung in der DDR: die geheimen Berichte des Instituts für Meinungsforschung an das Politbüro der SED. Köln: Bund-Verlag.
- Olivier J., Thoenig M., Verdier T. (2008). Globalization and the Dynamics of Cultural Identity // *Journal of International Economics*. Vol. 76. № 2. P. 356–370.
- Portillo S., Bearfield D., Humphrey N. (2019). The Myth of Bureaucratic Neutrality: Institutionalized Inequity in Local Government Hiring. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0734371X19828431> (дата доступа: 25.09.2019).
- Prager D. (2015) Is National Identity Necessary in Modern America? URL: <http://www.nationalreview.com/article/424410/national-identity-necessary-modern-america-dennis-prager> (дата доступа: 25.09.2019).
- Roosens E. E. (1989). *Creating Ethnicity: The Process of Ethnogenesis*. Thousand Oaks: Sage Publications.
- Roudometof V. (2016). *Glocalization: A Critical Introduction*. L.: Routledge.
- Scheidel W. (2017). *The Great Leveler: Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century*. Princeton: Princeton University Press.
- Schön A. M. (2013). The Construction of Turkish National Identity: Nationalization of Islam and Islamization of Nationhood. URL: https://www.tilburguniversity.edu/sites/tiu/files/download/Anna%20Marisa%20Schoen%20-%20The%20Construction%20of%20Turkish%20National%20Identity_2.pdf (дата доступа: 25.09.2019)
- Scott J. (2009). *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press.

- Staab A.* (1997). Separation after Unification? The Crisis of National Identity in Eastern Germany. PhD Thesis. L.: London School of Economics and Political Science.
- Stein K. K.* (2017). Viktor Orbán's National Hungarian Identity Construct: Securitization of 2015–2016 European Migrant Crisis as Existential Threat. URL: <https://is.cuni.cz/webapps/zzp/detail/180940/> (дата доступа: 25.09.2019).
- Stepan A., Linz J., Yadav Y.* (2010). Crafting State-Nations: India and Other Multinational Democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Stepan A.* (2008). Comparative Theory and Political Practice: Do We Need a «State-Nation» Model as Well as a «Nation-State» Model? // Government and Opposition. Vol. 43. № 1. P. 1–25.
- Teehankee J.C.* (2016). Duterte's Resurgent Nationalism in the Philippines: A Discursive Institutional Analysis // Journal of Current Southeast Asian Affairs. Vol. 35. № 3. P. 69–89.
- Uberoi V.* (2015). The «Parekh Report»: National Identities without Nations and Nationalism // Ethnicities. Vol. 15. № 4. P. 509–526.
- US Agency for Global Media (2019) FY 2020 Congressional Budget Justification. URL: https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2019/03/USAGMBudget_FY20_CBJ_3-15-19.pdf (дата доступа: 25.09.2019).
- von Bogdandy A., Häußler S., Hanschmann F., Utz R.* (2005). State-Building, Nation-Building, and Constitutional Politics in Post-Conflict Situations: Conceptual Clarifications and an Appraisal of Different Approaches // Max Planck Yearbook of United Nations Law Online. Vol. 9. № 1. P. 579–613.
- Walton J.* (2012). Chinese Nationalism and Its Future Prospects: Interview with Yingjie Guo. http://www.nbr.org/downloads/pdfs/Outreach/Guo_interview_o6272012.pdf (дата доступа: 25.09.2019).
- Yang K.* (2016). Creating Public Value and Institutional Innovations across Boundaries: An Integrative Process of Participation, Legitimation, and Implementation // Public Administration Review. Vol. 76. № 6. P. 873–885.
- Yoder J.* (1999). From East Germans to Germans? The New Postcommunist Elites. L.: Duke University Press.

Identity Gaps: How and Why a Nation Eludes A State

Kirill Telin

Research Fellow, Public Policy Department, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University
Address: Leninskiye Gory, 1, Moscow, Russian Federation 119991
E-mail: kirill.telin@gmail.com

Kirill Filimonov

Junior Research Fellow, Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences
Address: Fotieva str., 6, bld. 1 Moscow, Russian Federation 119333
E-mail: kirill.filimonov.spbu@outlook.com

The concept of "national identity" is one of the most popular constructs linking political theory and policy agents' requests intended to maintain socio-political order in general, and to legitimize policy in particular. This aspect of legitimacy as explored through the national identity issue engages our attention in this review. The authors explore this aspect as applied to the problem of classical political order, focusing on state capacities and policymaking, accompanied rhetorically by a national identity discourse and based on common values, beliefs, and models of behavior. The review starts from a skepticism towards state capabilities and its claim to monopolize reproduction of a socio-political order which appeals to a volatile idea of a "nation." This is an obvious case for political philosophy and the social sciences, and also a strong example to illustrate the complexities that states face in the "colonizing" of a public sphere. The complexities are particularly expressed in a growing uncertainty of all statutes of identity-politics agents. The article emphasizes that precisely because of the "colonization" strategy, a "nation" eludes a state that loses its reference points such as "order" or "stability." The authors conclude that a policy of such a style described above will always be emasculated and fail to provide any kind of social integration.

Keywords: national identity, state, political stability, discourse, state policy, socio-political order

References

- Acemoglu D., Robinson J. A., Torvik R. (2016) The Political Agenda Effect and State Centralization. Available at: <https://economics.mit.edu/files/11528> (accessed 25 September 2019).
- Achkasov V. (2013) Politika identichnosti v sovremennom mire [Identity Politics in the Contemporary World]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6: Philosophy. Culturology. Political Science. Law. International Relations*, no 4, pp. 71–77.
- Achkasov V. (2015) Rol'"istoricheskoi politiki" v formirovaniy Rossiiskoi identichnosti [The Role of "Historical Politics" in the Creating of Russian Identity]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 18, no 2, pp. 181–192.
- Agence France-Presse (2019) AFP Annual Report. Available at: https://www.afp.com/communication/report_2018/AFP_annualreport_2018.pdf (accessed 25 September 2019).
- Alekseenko S., Safin F., Khaliulina A. (2015) Dinamika izmenenii regional'noi i obshcherossiiskoi identichnosti v polietnichnom regione (po dannym etnosotsiologicheskikh issledovanii v respublike Bashkortostan v 1990–2014 gg.) [The Dynamics of Changes of Regional and All-Russian Identities in the Polynational Region (Based on the Ethnosociological Studies in the Republic of Bashkortostan in 1990–2014)]. Available at: <https://avia.mstuca.ru/jour/article/view/420/346#> (accessed 25 September 2019).
- Alekseeva T., Mineev A., Loshkarev I. (2016) "Zemlia smiateniia": kvantovaia teoriia v mezhdunarodnykh otnosheniiakh? ["Land of Confusion": Quantum Physics in IR Theory?]. *MGIMO Review of International Relations*, no 3, pp. 7–16.
- Almond G. (1958) Interest Groups in the Political Process. *American Political Science Review*, vol. 52, no 1, pp. 270–282.
- Almond G. A., Powell G. B. (1966) *Comparative Politics: A Developmental Approach*, Boston: Little, Brown.
- Althusser L. (2011) Ideologiia i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlja issledovaniia) [Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards an Investigation)]. *Neprikosnovennyi Zapas*, no 3, pp. 14–58.
- Andrew S. (2011) The Death of Tito: The Death of Yugoslavia? The View East: Central and Eastern Europe, Past and Present. Available at: <https://thevieweast.wordpress.com/2011/07/27/the-death-of-tito-the-death-of-yugoslavia/> (accessed: 25 September 2019).
- Antonsich M. (2015) The "Everyday" of Banal Nationalism: Ordinary People's Views on Italy and Italian. *Political Geography*, vol. 54, pp. 32–42.
- Badretdinova M. (2005) O vospitatel'noi roli shkol'nykh kursov istorii: otechestvennye traditsii i primery sovremennoi realizatsii [On Educational Role of School Courses of History: Fatherland Traditions and Examples of Contemporary Realization]. *Sovremennye metody v sovremenном prepodavanii* [Contemporary Methods in Contemporary Teaching], Moscow: Russian State History Library, pp. 149–156.

- Belyi M. (2018) Afera goda: na znake "Sh" zarabotali 2,5 milliarda rublei [Affair of the Year: "Sh" Sign Makes 2,5 Billion Rubles]. Available at: <https://ura.news/articles/1036274869> (accessed 25 September 2019)
- Bennike C., Veilmark S. (2016) "Folk vil have stolthed, respekt, historie og mening. De vil have storhed!". Available at: <https://www.information.dk/mofa/folk-stolthed-respekt-historie-mening-storhed> (accessed 25 September 2019)
- Billig M. (1995) *Banal Nationalism*, London: Sage.
- Bolshakov A. (2008) *Zamorozhennye konflikty postsovetskogo prostranstva: tupiki mezhdunarodnogo mirotvorchestva* [Frozen Conflicts of the Post-Soviet Space: Deadlocks of International Peacekeeping]. *Politeia*, no 1, pp. 27–37.
- Bonnett A. (2018) *Beyond the Map: Unruly Enclaves, Ghostly Places, Emerging Lands, and Our Search for New Utopias*, Chicago: University of Chicago Press.
- Brubacker R. (1996) *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Brubaker R. (2010) *Mify i zabluzhdenija v izuchenii nacionalizma* [Myths and Delusions in Nationalism Research]. *Mify i zabluzhdenija v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Delusions in Empire and Nationalism Research] (eds. I. Gerasimov, M. Mogilner, A. Semenov), Moscow: New Press, pp. 62–109.
- Brubaker R., Cooper F. (2000) Beyond "Identity". *Theory and Society*, vol. 29, no 1, pp. 1–47.
- Bukharin N., Preobrazhensky E. (1920) *Azбука коммунизма: populyarnoye ob'yasnenie programmy Rossiijskoy kommunisticheskoy partii bol'shevikov* [The ABC of a Communism: Popular Explanation of Russian Communist Bolshevik Party program], Petrograd: State Press.
- Carleton G. (2016) A Russia Born of War. *The Roots of Nationalism: National Identity Formation in Early Modern Europe, 1600–1815* (ed. L. Jensen), Amsterdam: Amsterdam University Press, pp. 153–166.
- Chernova N. (2016) Teper' bez illuzii [Now without Illusions]. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/10/19/70232-teper-bez-illyuziy> (accessed 25 September 2019).
- De Soto H. (2008) *Inoi put'*: ekonomicheskii otvet terrorizmu [The Other Path: The Economic Answer to Terrorism], Cheliabinsk: Sotsium.
- Degtiarev A. (2004) *Priniatie politicheskikh reshenii* [Making of Political Decisions], Moscow: KDU.
- Deutsche Welle (2019) Wer finanziert die DW?. Available at: <https://www.dw.com/de/wer-finanziert-die-dw/a-279073>;
- Diest W., Feuchtwanger E. J. (1996) The Military Collapse of the German Empire: The Reality Behind the Stab-in-the-Back Myth. *War in History*, vol. 3, no 2, pp. 186–207.
- Dinnen S. (2007) The Twin Processes of Nation-Building and State-Building. Available at: <http://hdl.handle.net/1885/141454> (accessed 25 September 2019).
- Dubina V. (2009) Naskol'ko edina ob"edineniennaia Germaniia? Vostochnye i zapadnye nemtsy 20 let spustia (po materialam nemetskoi pechati) [How United is United Germany? Eastern and Western Germans 20 Years after (Based on Data of German Press)]. Available at: http://www.perspektivy.info/book/naskolko_jedina_objedinennaja_germanija_vostochnye_i_zapadnye_nemcy_20_leb_spusta_po_materialam_nemeckoj_pechati_2009-12-02.htm (accessed 25 September 2019).
- ESCAP (2009) What is Good Governance?. Available at: <https://www.unescap.org/resources/what-good-governance> (accessed 25 September 2019).
- European Parliament (2018) EU Funds for Migration, Asylum and Integration Policies (Budgetary Affairs). Available at: <http://bruegel.org/wp-content/uploads/2018/05/EU-funds-for-migration.pdf> (accessed 25 September 2019).
- Evans H.G. (2011) War, Peace and National Identity. Keynote Address to the Melbourne Festival of Ideas. Available at: <http://www.gevans.org/speeches/speech440.html> (accessed 25 September 2019).
- FADN (2019) Struktura Federal'nogo agentstva po delam natsional'nostei [Structure of Federal Agency for Ethnic Affairs]. Available at: <http://fadn.gov.ru/agency/struktura> (accessed 25 September 2019).
- Fedorova N. (2018) Metro-2018: kak izmenilas' sistema bezopasnosti v metropolitene Peterburga posle proshlogodnego terakta [Metro-2018: How Saint Petersburg Metro Security System has

- Changed after Last-Year Terror Attack]. Available at: <https://www.dp.ru/a/2018/04/02/Metro2018> (accessed 25 September 2019).
- Fenton S. (2007) Indifference towards National Identity: What Young Adults Think about Being English and British. *Nations and Nationalism*, vol. 13, no 2, pp. 321–339.
- Filimonov K. (2017) O konvergentsii akademicheskikh issledovanii i politicheskikh praktik v "politike identichnosti": ot essentzializma k upravleniiu identifikatsiiami politicheskikh soobshchestv [On Convergence in Academic Investigations and Political Practices of "Identity Politics": From Essentialism to Identification Governance of Political Communities]. *PolitBook*, no 4, pp. 162–178.
- Frankel J. (1970) *The National Interest*, London: Macmillan.
- Gellner E. (1991) *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism], Moscow: Progress.
- Gerring J., Hoffman M., Zarecki D. (2018) The Diverse Effects of Diversity on Democracy. *British Journal of Political Science*, vol. 48, no 2, pp. 283–314.
- Gigante C. (2011) "Fatta l'Italia, facciamo gli Italiani": appunti su una massima da restituire a d'Azeglio. *Incontri: Rivista europea di studi italiani*, vol. 26, no 2, pp. 5–15.
- Graeber D. (2016) *Utopiia pravil: o tekhnologiiakh, gluposti i tainom obaianii biurokratii* [The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity, and the Secret Joys of Bureaucracy], Moscow: Ad Marginem Press.
- Habermas J. (2010) *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma* [Legitimation Problems in Late Capitalism], Moscow: Praksis.
- Hayek F. (2006) *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsipov spravedlivosti i politiki* [Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy], Moscow: IRISEN.
- Hobsbawm E. (1988) *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism after 1780], Saint Petersburg: Aleteiia.
- Hobsbawm E., Ranger T. (1983) *The Invention of Tradition*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hogwood P. (2000) After the GDR: Reconstructing Identity in Post-Communist Germany. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 16, no 4, pp. 45–67.
- Hustedt T., Houlberg Salomonsen H. (2014) Ensuring Political Responsiveness: Politicization Mechanisms in Ministerial Bureaucracies. *International Review of Administrative Sciences*, vol. 80, no 4, pp. 746–765.
- Inozemtsev V. (2018) *Nesovremennaia strana: Rossiiia v mire XXI veka* [Non-time Country: Russia in the 21st Century World], Moscow: Alpina Publisher.
- Ivanov E. (2006) Razlichiaia natsionalizm: problemy metoda kak problemy praktiki. [Differenciating Nationalism: Problems of Method as Problems of Practice]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/53/05.pdf> (accessed 25 September 2019).
- Joseph J. (2005) lazyk i natsional'naia identichnost' [Language and National Identity]. *Logos*, no 4, pp. 20–48.
- Kedouri E. (2010) *Natsionalizm* [Nationalism], Saint Petersburg: Aleteiia.
- Khenkin S. (2013) Baskskii konflikt v proshlom i nastoashchem [Basque Conflict in Past and Present]. *Iberoamerikanskie tetradi*, no 1, pp. 172–185.
- Kingdon J. W. (1984) *Agendas, Alternatives and Public Policies*, Boston: Little, Brown.
- Kobrin V. (1992) *Komu ty opasen, istorik?* [For whom are You Dangerous, Historian?], Moscow: Moskovskii rabochii.
- Kremlin.ru (2016) Zasedanie Soveta po mezhnatsional'nym otnosheniiam [The Minutes of the Meeting of the Council for Interethnic Relations]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/53173> (accessed 25 September 2019).
- Krivosheev Y., Dvornichenko A. (1994) Izgnanie nauki: rossiiskaia istoriografija v 20-kh — nachale 30-kh godov XX v. [Expulsion of Science: Russian Historiography in the 1920s and early 1930s]. *Otechestvennaia istoriia*, no 3, pp. 43–58.
- Krom M. (2018) *Rozhdenie gosudarstva: Moskovskaia Rus' XV–XVI vekov* [Birth of the State: Moscow Russia in the 15th–16th Centuries], Moscow: New Literary Observer.
- Krupskaiia N. (2014) *Obshchee i professional'noe obrazovanie* [General and Professional Education]. *Trudovoe vospitanie i politekhnicheskoe obrazovanie* [Labour Education and Polytechnical Education], Moscow: Direkt-Media, pp. 59–67.

- Kupryashin G. (2018) *Kalejdoskop administrativnyh reform v Evrope: Opty i ocenki elity gosudarstvennoj sluzhby* [Kaleidoscope of Administrative Reforms in Europe: Experience and Assessments of the Elite of the Public Service]. *Issues of State and Municipal Administration*, no 1, pp. 197–205.
- Kustikova A., Satanovsky S. (2017) V ramkakh vozmozhnogo [Within Possible]. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/04/04/72014-illyuziya-bezopasnosti> (accessed 25 September 2019).
- Lane Bruner M. (2005) Rhetorical Theory and the Critique of National Identity Construction. *National Identities*, vol. 7, no 3, pp. 309–327.
- Larin Y. (1924) *Intelligentsia i Sovety: khoziaistvo, burzhuaziia, revoliutsiia, gosapparat* [Intellectuals and Soviets: Economy, Bourgeoisie, Revolution and State Apparatus], Moscow: State Press.
- Lazarev E. (2018) *Laws in Conflict: Legacies of War and Legal Pluralism in Chechnya* (PhD Thesis), New York: Columbia University.
- Lebina N. (2016) *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies. From the War Communism to Stalin's Years], Moscow: New Literary Observer.
- Levada Center (2016) *Otvetstvennost' i vliyanie: Opros Levada-tsentr, 13 iulia* [Responsibility and Influence: Levada Center Poll, July 13]. Available at: <http://www.levada.ru/2016/07/13/otvetstvennost-i-vliyanie/> (accessed 25 September 2019).
- Liven D. (2010) Imperija, istorija i sovremennyj mirovoj porjadok [Imperia, History, and Modern World Order]. *Mify i zabluzhdenija v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Delusions in Empire and Nationalism Research] (eds. I. Gerasimov, M. Mogilner, A. Semenov), Moscow: New Press, pp. 283–324.
- Malakhov V. (2005) *Natsionalizm kak politicheskaja ideologija* [Nationalism as Political Ideology], Moscow: KDU.
- Malinova O. (2005) Issledovanie politiki i diskurs ob identichnosti [Political Research and Identity Discourse]. *Political Science*, no 3, pp. 8–20.
- Malysh E. (2018) Rentnye strategii importozameshcheniia v pishchevoi promyshlennosti [Rental Import Substitution Strategies in the Food Industry]. *Strategii razvitiia sotsial'nykh obshchnostei, institutov i territorii: Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Ekaterinburg, 23–24 aprelia 2018 g.). T. 1 [Strategies for the Development of Social Communities, Institutions and Territories: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference (Ekaterinburg, April 23–24, 2018), Vol. 1], Ekaterinburg: Ural University Press, pp. 239–243.
- Mandler P. (2006) What is "National Identity"? Definitions and Applications in Modern British Historiography. *Modern Intellectual History*, vol. 3, no 2, pp. 271–297.
- Mann M. (1984) The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results. *European Journal of Sociology*, vol. 25, no 2, pp. 185–213.
- Martin T. (2001) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*, Ithaca: Cornell University Press.
- Masolo D.A. (2002) Community, Identity and the Cultural Space. *Rue Descartes*, vol. 36, no 2, pp. 19–51.
- May L., McGill E. (2014) *Grotius and Law*, Farnham: Ashgate.
- Meinecke F. (1962) *Weltburgertum und Nationalstaat*, Munich: Oldenbourg.
- Merzlikin P. (2017) V peterburgskom metro vveli dosmotr, kak v aeroportakh [Saint Petersburg Metro Introduced Inspection as in Airports]. Available at: <https://meduza.io/feature/2017/07/27/v-peterburgskom-metro-vveli-dosmotr-kak-v-aeroportah-rezulstat-nebyvalye-ocheredi-na-vhod-davka-v-vestibulyah> (accessed 25 September 2019).
- Mikhailov V. (2016) "Rossiiskaia natsiia" — eto tsel' ["Russian Nation" is a Goal]. Available at: https://life.ru/t/mneniiia/925148/rossiiskaia_natsiia_--_eto_tsel (accessed 25 September 2019).
- Miller A. (2017) "Rossiia ne byla, ne iavliaetsja i nikogda ne budet natsional'nym gosudarstvom" ["Russia was Not, is Not and will Never be the National State"]. Available at: <https://republic.ru/posts/88426?code=e51f2fa353411dc260ca7eb9e587d3eb> (accessed 25 September 2019).

- Miller A. (2017) Natsii-a-gosudarstvo ili gosudarstvo-natsii? [Nation-State or State-Nation]. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Natciya-gosudarstvo-ili-gosudarstvo-natciya-19200> (accessed 25 September 2019).
- Mochalov T. (2013) *Formirovanie gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii: povedka dnia, aktory i instituty* [Formation of the State National Policy of the Russian Federation: Agenda, Actors and Institutions] (PhD Thesis), Moscow: HSE.
- Moscow Mayor Official Website (2019) Moskovskii koordinatsionnyi sovet regional'nykh zemliachestv pri Pravitel'stve Moskvy podvedet itogi raboty za god [The Moscow Coordinating Council of Regional Earthlings under the Government of Moscow will Summarize the Results of Work for the Year]. Available at: <https://www.mos.ru/news/item/34297073/> (accessed 25 September 2019).
- Mrden S. (2002) Narodnost u popisima: promjenljiva i nestalna kategorija. *Stanovnistvo*, vol. 1, no 4, pp. 177–103.
- Müller J.-W. (2013) *Spory o demokratii: politicheskie idei v Evrope XX veka* [Debates on Democracy: Political Ideas in 20th Century Europe], Moscow: Gaidar Institute Publishing.
- Mwakikagile G. (2009) *Ethnicity and National Identity in Uganda: The Land and Its People*, Dar es Salaam: New Africa Press.
- Nettle D., Grace J. B., Choisy M., Cornell H. V., Guégan J.-F., Hochberg M. E. (2007) Cultural Diversity, Economic Development and Societal Instability. Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0000929> (accessed 25 September 2019).
- Niemann H. (1993) *Meinungsforschung in der DDR: die geheimen Berichte des Instituts für Meinungsforschung an das Politbüro der SED*, Köln: Bund-Verlag.
- Niskanen W. (2004) Peresmotr [Revision]. *Vekhi ekonomicheskoi mysli. T. 4: Ekonomika blagosostoianiiia i obshchestvennyi vybor* [Milestones of Economic Thought, Vol. 4: Welfare Economics and Public Choice] (ed. A. Zaostrovtsiev), Saint Petersburg: Economic School, pp. 537–560.
- Novoseltsev B. (2018) Tri vozmozhnykh puti Rossii [Three Possible Ways of Russia]. Available at: <http://arzamas.academy/materials/464> (accessed 25 September 2019).
- Olivier J., Thoenig M., Verdier T. (2008) Globalization and the Dynamics of Cultural Identity. *Journal of International Economics*, vol. 76, no 2, pp. 356–370.
- Oushakine S. (2009) Byvshee v upotreblении: postsovetskoe sostoianie kak forma afazii [Retrofitting the Past: The Post-Soviet Condition as a Form of Aphasia]. *New Literary Observer*, vol. 6, pp. 760–792.
- Pastukhov V. (2000) Natsional'nye i gosudarstvennye interesy Rossii: igra slov ili igra v slova? [Russia's National and State Interests: Playing Words or Playing with Words?]. *Polis: Policy Studies*, no 1, pp. 92–96.
- Popov R., Puzanov A., Polidi T. (2018) Kontury novoi gosudarstvennoi politiki po otnosheniiu k gorodam i gorodskim aglomeratsiam Rossii [Contours of New State Policy towards Cities and Urban Agglomerations of Russia]. Available at: <http://www.urbaneconomics.ru/sites/default/files/ekopopovpuzanovpolidio22018.pdf> (accessed 25 September 2019).
- Popova O. (2016) Effektivnost' politiki identichnosti sovremenennogo polietnicheskogo gosudarstva. [Effectiveness of the Identity Politics of the Modern Multi-ethnic State]. *Politicheskoe prostranstvo i social'noe vremja* [Political Space and Social Time] (eds. T. Senyushkin, A. Baranov), Simpheropol: Arial, pp. 157–159.
- Popova O. (2018) Modeli identichnosti politicheskikh aktorov v sovremennoi Rossii [Models of Identity of Political Actors in Modern Russia]. *Political Science*, no 2, pp. 173–194.
- Portillo S., Bearfield D., Humphrey N. (2019) The Myth of Bureaucratic Neutrality: Institutionalized Inequity in Local Government Hiring. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0734371X19828431> (accessed 25 September 2019).
- Pozdniakov E. (1994) *Natsiia, natsionalizm, natsional'nye interesy* [Nation, Nationalism, and National Interests], Moscow: Progress.
- Pozdniakov E. (1995) *Geopolitika* [Geopolitics], Moscow: Progress, Culture.

- Prager D. (2015) Is National Identity Necessary in Modern America?. Available at: <http://www.nationalreview.com/article/424410/national-identity-necessary-modern-america-dennis-prager> (accessed 25 September 2019).
- President of Russia (2012) Uказ Президента РФ N 1666 "О Стратегии государственности национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года" [On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period until the 2025]. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (accessed 25 September 2019).
- Putin V. (2012) Stroitel'stvo spravedlivosti: sotsial'naya politika dlia Rossii. [Building Justice: Social Policy for Russia]. Available at: <https://www.kp.ru/daily/25833/2807793/> (accessed 25 September 2019).
- RIA Novosti (2019) V FADN rasskazali o bor'be s razzhiganiem mezhnatsional'noi rozni [Federal Agency for Ethnic Affairs Told about the Fight against Incitement of Ethnic Discord]. Available at: <https://ria.ru/20190718/1556641566.html> (accessed 25 September 2019).
- Ringen S. (2016) *Narod d'ivolov: demokraticheskie lidery i problema povinoveniya* [The Nation of Devils: Democratic Leaders and the Problem of Obedience], Moscow: Delo.
- Roosens E. E. (1989) *Creating Ethnicity: The Process of Ethnogenesis*, Thousand Oaks: Sage.
- Roudometof V. (2016) *Glocalization: A Critical Introduction*, London: Routledge.
- Russian Federation (2017) Federal'nyi zakon N 362-FZ "O federal'nom biudzhete na 2018 god i na planovy period 2019 i 2020 godov" [On Federal Budget for Year 2018 and for Planned Period 2019 & 2020]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=284360-121678&rnd=C2A7DB910440F5601B1F07203D8B510D&req=doc&base=LAW&n=312690&REFDOC=284360&REFB ASE=LAW#9pwma8inskg> (accessed 25 September 2019).
- Saint Petersburg Metro (2017) Na neskolkikh stanciyah metropolitena provoditsya massovyj dosmotr [Mass Inspection is Carried Out at Several Metro Stations]. Available at: <http://www.metro.spb.ru/news/item/id/1335> (accessed 25 September 2019).
- Scheidel W. (2017) *The Great Leveler: Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century*, Princeton: Princeton University Press.
- Schetnaia Palata (2016) Za 10 let OEZ tak i ne stali deistvennym instrumentom podderzhki ekonomiki [For 10 Years Special Economic Zones did Not Become Efficient Instrument of Economy Support]. Available at: http://audit.gov.ru/press_center/news/26369 (accessed 25 September 2019).
- Schön A. M. (2013) The Construction of Turkish National Identity: Nationalization of Islam and Islamization of Nationhood. Available at: https://www.tilburguniversity.edu/sites/tiu/files/download/Anna%20Marisa%20Schoen%20-%20The%20Construction%20of%20Turkish%20National%20Identity_2.pdf (accessed 25 September 2019).
- Scott J. (2005) *Blagimi namereniami gosudarstva: pochemu i kak provalilis' proekty uluchsheniia usloviy chelovecheskoi zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed], Moscow: Universitetskaia kniga.
- Scott J. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*, New Haven: Yale University Press.
- Searle J. (1986) Chto takoe rechevoi akt? [What is a Speech Act?]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 17: Teoriia rechevykh aktov* [New in Foreign Linguistics, Issue 17: Speech Act Theory] (ed. B. Gorodetsky), Moscow: Progress, pp. 151-170.
- Searle J. (2002) *Otkryvaiia soznanie zanova* [The Rediscovery of the Mind], Moscow: Idea Press.
- Semenenko I. (2016) Politika identichnosti i identichnost' v politike: etnonatsional'nye rakursy, evropeiskii kontekst [Identity Politics and Identity in Politics: Ethno-national Perspectives, European Context]. *Polis: Political Studies*, no 4, pp. 8–28.
- Silaev N. (2014) Vozvrashchenie varvarstva [Return of Barbarism]. *Russia in Global Affairs*, no 5, pp.152–163.
- Slater D. (2016) Otkuda berutsia sil'nye gosudarstva? Primirenie aziatskoi i evropeiskoi kontseptsiii [Where are Strong States from? Dealing with Asian and European Conceptions]. Available at: <http://apn-nn.com/101699-526009.html> (accessed 25 September 2019).

- Smorgunov L. (2012) *V poiskakh upravlyayemosti: konseptsi i transformaciia gosudarstvennogo upravleniya v XXI veke* [In Search of Governability: Concepts and Transformation of Public Administration in the 21st Century], Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press.
- Solovyev A. (2019) Politicheskaya povestka pravitel'stva, ili zachen' gosudarstvu obshchestvo [Political Agenda of the Government, or Why the State Needs the Society]. *Polis: Political Studies*, no 4, pp. 8–25.
- Soviet Narodnykh Komissarov USSR (1934) Postanovlenie Soveta narodnykh komissarov SSSR, Tsentral'nogo komiteta VKP (b) (15.05.1934) "O prepodavanii grazhdanskoi istorii v shkolakh SSSR" [On Teaching of Civil History in USSR Schools]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16624#0> (accessed 25 September 2019).
- Staab A. (1997) Separation after Unification? The Crisis of National Identity in Eastern Germany (PhD Thesis), London: London School of Economics and Political Science.
- Stalin I. (1950) K nekotorym voprosam iazykoznaniiia [Concering Some Questions of Linguistics]. Available at: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/stalin/voprosy.html> (accessed 25 September 2019).
- Stein K. K. (2017) Viktor Orban's National Hungarian Identity Construct: Securitization of 2015–2016 European Migrant Crisis as Existential Threat. Available at: <https://is.cuni.cz/webapps/zzp/detail/180940/> (accessed 25 September 2019).
- Stepan A. (2008) Comparative Theory and Political Practice: Do We Need a "State-Nation" Model as Well as a "Nation-State" Model?. *Government and Opposition*, vol. 43, no 1, pp. 1–25.
- Stepan A., Linz J., Yadav Y. (2010) *Crafting State-Nations: India and Other Multinational Democracies*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Sulakshin S. (ed.) (2008) Natsional'naia identichnost' Rossii i demograficheskii krizis: Materialy II Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 15 noiabria 2007 g.) [Russian National Identity and Demography Crises: Proceedings of the Second All-Russian Scientific Conference (Moscow, November 15, 2007)], Moscow: Scientific Expert.
- TASS (2017) Schetnaia palata vyjavila narusheniia po ispolneniiu biudzheta na 700 mlrd rublei [Accounts Chamber Reveals Budget Law Violations on 700 Billion Rubles]. Available at: <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4311227> (accessed 25 September 2019).
- Teehankee J. C. (2016) Duterte's Resurgent Nationalism in the Philippines: A Discursive Institutional Analysis. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, vol. 35, no 3, pp. 69–89.
- Telin K. (2016) Islamizm i politicheskie instituty Blizhnego Vostoka [Islamism and Political Institutions of Middle East]. *Russian Political Science*, no 1, pp. 98–104.
- The Russian Government (2016) Postanovlenie Pravitel'stva RF N 1532 (29.12.2016) "Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii 'Realizatsia gosudarstvennoi natsional'noi politiki'" [On Validation of Russian State Programme "Realization of State National Policy"]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/ad5b6174ada13faeoebe68306fbc513486c950ab/ (accessed 25 September 2019).
- The Russian Government (2017) Postanovlenie Pravitel'stva RF N 410 (5.04.2017) "Ob utverzhdenii trebovaniu po obespecheniiu transportnoi bezopasnosti, v tom chisle trebovaniu k antiterroristicheskoi zashchishchennosti ob'ektorov (territoriyi), uchityvaiushchikh urovni bezopasnosti dlia razlichnykh kategorii metropolitenov" [On Validation of Requirements for Transport Security Provision, Including Anti-Terrorist Security of Buildings (Areas), Considering Levels of Security for Different Categories of Underground Rapid Transit]. Available at: <https://rg.ru/2017/04/11/transport-dok.html> (accessed 25 September 2019).
- The Russian Government (2018) Postanovlenie Pravitel'stva RF N 1414 (24.11.2018) "Ob izmeneniiakh v Pravilakh dorozhnogo dvizheniiia" [On Changes in Traffic Code]. Available at: <http://government.ru/docs/34889/> (accessed 25 September 2019).
- The Russian Newspaper (2017) Na sozdanie i podderzhku SMI v 2018 godu napraviat 2,877 mlrd. [2.877 Billion Rubles will be Send for the Creation and Support of the Media]. Available at: <https://rg.ru/2017/10/11/na-sozdanie-i-podderzhku-smi-v-2018-godu-napraviat-2877-mlrd.html> (accessed 25 September 2019).
- Tishkov V. (2003) *Rekviem po etnosu: issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnos: Research in Social and Cultural Anthropology], Moscow: Nauka.

- Tishkov V. (2007) Rossiiskaia natsiia i ee kritiki [Russian Nation and Its Critics]. *Natsionalizm v mirovoi istorii* [Nationalism in World History] (eds. V. Tishkov, V. Shnirelman). Moscow: Nauka, pp. 558–601.
- Trifonova E. (2018) Bez "pinka sverkhu" sootechestvennikam ne pomoch [No Help to Compatriots without a "Kick from the Top"]. Available at: http://www.ng.ru/politics/2018-03-19/1_7192_pinok.html (accessed 25 September 2019).
- Turovsky R. (2005) Bremia prostranstva kak politicheskaiia problema Rossii [Burden of Space as a Political Problem of Russia]. *Logos*, no 1, pp. 124–171.
- Uberoi V. (2015) The "Parekh Report": National Identities without Nations and Nationalism. *Ethnicities*, vol. 15, no 4, pp. 509–526.
- US Agency for Global Media (2019) FY 2020 Congressional Budget Justification Available at: https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2019/03/USAGMBudget_FY20_CBJ_3-15-19.pdf (accessed 25 September 2019).
- von Bogdandy A., Häußler S., Hanschmann F., Utz R. (2005) State-Building, Nation-Building, and Constitutional Politics in Post-Conflict Situations: Conceptual Clarifications and an Appraisal of Different Approaches. *Max Planck Yearbook of United Nations Law Online*, vol. 9, pp. 579–613.
- Walton J. (2012) Chinese Nationalism and Its Future Prospects. Interview with Yingjie Guo. Available at: http://www.nbr.org/downloads/pdfs/Outreach/Guo_interview_06272012.pdf (accessed 25 September 2019).
- Yang K. (2016) Creating Public Value and Institutional Innovations across Boundaries: An Integrative Process of Participation, Legitimation, and Implementation. *Public Administration Review*, vol. 76, no 6, pp. 873–885.
- Yasi O. (2011) *Raspad Gabsburgskoi monarkhii* [The Collapse of the Habsburg Monarchy], Moscow: Tri kvadrata.
- Yasin E. (ed.) (2018) *Strukturnye izmeneniiia v rossiiskoi ekonomike i strukturnaia politika: Analiticheskii doklad* [Structural Changes in the Russian Economy and Structural Policies: Analytical Report], Moscow: HSE.
- Yoder J. (1999) *From East Germans to Germans? The New Postcommunist Elites*, Durham: Duke University Press.
- Zaostrovtsiev A. (2018) Paradigma modernizatsii: kak ee ponimat'? [Modernisation Paradigm: How to Understand It?] (Preprint M-68/18), Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg.

«Задача политики... выразить словами то, что в жизненном опыте ускользнуло от сконструированной реальности»

Интервью с Люком Болтански

Люк Болтански

Профессор Высшей школы социальных наук, Париж

Адрес: Boulevard Raspail, 54, Paris, France 75006

E-mail: boltansk@ehess.fr

Олег Хархордин

PhD (Berkeley), профессор факультета политических наук,

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Адрес: ул. Гагаринская, д. 6/1А, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 191187

E-mail: kharkhor@eu.spb.ru

Люк Болтански приезжал в Россию в сентябре 2019 года в рамках поддержки публикации русского перевода его книги «Тайны и заговоры» (Изд-во ЕУСПб, 2019). Это был второй его визит в Россию, в рамках которого он прочитал три лекции. Лекция 7 сентября была посвящена самой книге. Лекция 10 сентября — его последней книге «Обогащение: критика товара» («Enrichissement: une critique de la merchandise»), написанной вместе с Арно Эскером (Gallimard, 2017). 13 сентября он прочел лекцию про соотношение методов критической социологии школы Пьера Бурдье и pragmatической социологии критической способности, которую они вместе с Лораном Тевено долго развивали в рамках Группы политической и моральной социологии. В этом обзоре двух разных методов он вернулся к теме своей книги 2009 года «О критике», заявившей тогда об этом новом синтезе. Вышедшая через три года «Тайны и заговоры» стала первой демонстрацией применения на практике этого нового синтеза Болтански. 14 сентября для уточнения нескольких вопросов прошедших лекций Люк Болтански дал интервью Олегу Хархордину, часть которого, посвященная книге «Тайны и заговоры», вышла на сайте gorky.media. Мы публикуем вторую часть этого длинного интервью, посвященную позднему периоду творчества одного из самых знаменитых французских социологов, проблематике книги «О критике», а также началу его академической карьеры — когда он был частью школы Пьера Бурдье.

Ключевые слова: Пьер Бурдье, критическая социология, pragmatическая социология критической способности

ОХ: Хотелось бы вернуться к двум вопросам, которые я задавал вчера, и рассмотреть их более систематическим образом. Первый из них касается конструирования социальной реальности. В последнее время эта тема начинает казаться немного скучной. После полувековой истории таких направлений, как этно-

© Boltanski L., 2020

© Хархордин О. В., 2020

© Центр фундаментальной социологии, 2020

DOI: [10.17323/1728-192X-2020-1-74-84](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-1-74-84)

* Интервью было переведено Анастасией Захаревич, отредактировано Олегом Хархординым.

тодология и всевозможные виды феноменологической социологии, рассуждения о том, что всё сконструировано и что конструирование происходит постоянно, кажутся уже не вполне продуктивными. В 2009 году ты ввел различие между «миром» и «реальностью», и таким образом тебе удалось частично скорректировать основные тезисы теории конструирования социальной реальности. Мне кажется, что в своей концепции ты прежде всего пытаешься сказать: представление, будто все люди в любых обстоятельствах повседневной жизни конструируют реальность, является ошибочным. Эту работу скорее выполняет некое действующее лицо, которое ты обозначаешь как институции, которым ты противопоставляешь организации или администрацию. Они обладают правом устанавливать официальную реальность, в которой мы живем и на которую полагаемся. В этом нет ничего плохого, ведь иначе у нас не было бы типизированной реальности, способной служить нам опорой. Но это означает, что ты не признаешь за обычными людьми возможности заниматься в повседневности типизацией, рутинизацией или квалифицированием их жизненных ситуаций, изучением которых всегда занималась этнометодология.

Получается, будто ты утверждаешь, что реальность конструируема, но конструировать ее могут только институты, а не люди в своей текущей практике. Я спросил об этом вчера во время твоей лекции. Такая позиция решает некоторые проблемы теории конструирования реальности, так как объясняет, почему в повседневной жизни люди могут без проблем действовать, не сталкиваясь постоянно с вопросом: почему этот факт или ситуация трактуются именно так, а не иначе? Люди в повседневной жизни могут вести себя непроблематичным образом, полагаясь на институты и на то, какими квалифицируется реальность. Но тогда ты в каком-то смысле забираешь из рук обычных людей возможность самим ее интерпретировать и конструировать. Тебе не кажется, что это элитистский подход, гораздо менее демократичный, чем у Бергера и Лукмана или у Гарфинкеля?

ЛБ: Ты ставишь сложный, фундаментальный вопрос, в том числе с политической точки зрения. Поэтому мой ответ вряд ли будет исчерпывающим. Полагаю, главным для идеи социального конструирования — как у Яна Хакинга в знаменной книге «Социальное конструирование... чего?» — стало то, что популярность этой проблематики обусловлена ее восприятием в качестве средства для деконструкции реальности¹. Это характерно для акторов, участвующих в коллективном процессе формирования групп или категорий (вспомним, например, феминизм), которые, чтобы себя конституировать, должны поставить под вопрос способ, которым реальность представляет себя, а значит, в этой оптике была сконструирована. Выходит, нужно деконструировать эту, не признающую их реальность, показав, что она была основана на предрассудках и заблуждениях. Центральная задача такой операции — которая есть операция политическая — это сконцентрироваться именно на схеме двух реальностей, о которой мы говорили в первой

1. Hacking I. (2000). *The Social Construction of What?* Cambridge: Harvard University Press.

части интервью, и связать идею сконструированной реальности с идеей обмана, скрывающего реальность истинную. В концептуальном плане это, на мой взгляд, не является удачной отправной точкой. Я не говорю, что этой концепции придерживались те, кто впервые заговорил о социальном конструировании реальности. Но можно вспомнить тысячи книг и статей, которые называются «Деконструирия Икс» или «Деконструирия Игрек» — к ним это чаще всего и относится. Точно так же вопрос конструирования реальности оказался связан с тем, о чем мы только что говорили². Говоря «конструирование», имеют в виду «обман», и доказательство тогда состоит в демонстрации того, что нечто, представляющее себя реальностью, является обманом. А отсюда может следовать подозрение, что за этим кроется некий «заговор» тех, кто в обмане заинтересован.

В этом же русле рассуждает Брюно Латур в «Кратком размышлении о современном культе фетишистских божеств» — там идет речь о религии, но не только³. Ее суть в следующем: вы считаете дикарей глупцами, которые слепо верят в фетиши, и хотите подвергнуть эту веру деконструкции. Однако слово «фетиши» (*«fétiche»*) Брюно Латур использует с измененной орфографией — *«faitiche»*⁴. Тем самым он хочет сказать, что с помощью таких «фетишей» мы делаем вещи и что можно ясно понимать, что мы их сделали, — то есть они сконструированы — но это не лишает их значимости. Точно так же и ученые прекрасно знают, что научные факты одновременно реальны и сконструированы. Это близко к тому, о чем я говорил вчера на лекции. Моя позиция как социолога — в том, что к институтам надо относиться как к социальным механизмам (*dispositifs sociaux*), которые люди создают так же, как условные «дикари» — свои «фетишистские» божества.

Наиболее часто при использовании темы сконструированности встает проблема нигилизма, которая, как мне кажется, имеет другое происхождение и идет от Ницше, а в социологию попала прежде всего благодаря Максу Веберу. Она очень хорошо представлена в социологии Бурдье. Итак, мы деконструируем социальный мир, чтобы демаскировать скрытые в нем формы господства. Ну и что дальше? Означает ли успешный результат, что мы раз и навсегда упразднили саму возможность господства, или что эта форма господства, которую мы только что разоблачили, будет неминуемо заменена другой? В этом проявляется ницшеанство Вебера с его глубинным пессимизмом, обусловленным, несомненно, крайне негативным, почти марксистским восприятием своего времени — притом что Вебер придерживался скорее националистических и консервативных взглядов.

Рядом с подобным мышлением располагаются модные сегодня во Франции концепции, ссылающиеся на Жана Бодрийара и Ги Дебора. В них скрыта апория. Опираются они на идею спектакля. То, что мы считаем реальным, представляет

2. О проблеме теорий заговора — в первой части интервью («Заговор — это один из инструментов критики»: интервью с Люком Болтански. URL: <https://gorky.media/context/zagovor-eto-odin-iz-instrumentov-kritiki-intervyu-s-lyukom-boltanski/>). — Прим. ред.

3. Latour B. (1996). Petite réflexion sur le culte moderne des dieux faitiches. P: Les Empêcheurs de penser en rond.

4. От франц. *faire* «делать», или *fait* «факт». — Прим. ред.

собой спектакль (и не более). «Войны в заливе не было» — иначе говоря, это был всего лишь спектакль. Но, чтобы эту повсеместную иллюзию можно было выявить и проанализировать, необходима точка опоры, которая не окажется просто видимостью. То есть не будет иметь характер спектакля. Речь, таким образом, идет о некой довольно сложной форме схемы двух реальностей, даже если ее хитроумные создатели обычно избегают упрощенной отсылки к неким «заговорам».

Действительно — возвращаясь к твоему вопросу — чтобы сохранить какие-то элементы этой идеи конструирования и не упираться в те же апории, я попытался разграничить такие понятия, как *реальность*, конструирование которой во многом является работой институций, и *мир*, охватывающий *все, что случается*. Так называемая «реальность» берет из мира элементы, которым институции придают форму и которые будут считаться релевантными. Однако люди живут не только в *реальности*, но также и в *мире*. Конечно, реальность в том виде, в каком ее поддерживают институты, отчасти ограничивает их опыт. Но люди — не зомби и не машины. В их распоряжении имеется критическая способность, позволяющая им замечать противоречия институционализированной реальности, или вещи, которые не работают, которые не вписываются в их опыт. В большей своей части опыт людей опирается на моменты, прожитые в ускользании от той реальности, что была сконструирована, и погруженные в «мир», о котором я только что сказал. Задача политики в этом случае — выразить словами то, что в жизненном опыте ускользнуло от сконструированной реальности и что укоренено в «мире», для того, чтобы поделиться этим с другими — с теми, кто, в свою очередь, мог переживать такое же. Это каждый раз уникальные, а потому разные переживания, но тем не менее их можно попытаться сблизить, отчасти опираясь на работу по их вербализации.

Примером здесь может послужить поэзия, у которой для подобной работы есть преимущество: она не подвержена ограничениям, свойственным аргументации. Поэзия открывает возможность видения и понимания через коллажи, сопоставления, ритмы, то есть она пользуется средствами, которые минуют и опережают всякую работу аргументации по приданию связности тексту. В современной поэзии, которую часто называют непонятной, особенно заметно то, что таинственным образом отсылает нас к вопросу, поставленному в третьей критике Канта. Неслучайно незнакомые между собой люди признают ценность стихотворения, которое каждый понял по-своему. Характер символики произведения, ритм, коллаж образов — все это, без сомнения, способно пробудить опыт, неподвластный аргументативному осмыслению, заставляя разных людей вспоминать пережитое и позволяя делиться теми переживаниями, в которые большинство погружены в *мире*. Эта способность воплощать «то, что лежит *вовне*» (*dehors*), до последнего времени признававшаяся за искусством, послужила для мыслителей Франкфуртской школы основой представления о нем как о том, что лежит *вовне* капитализма. Проблема, которую мы затрагивали на лекции по книге «Обогащение», заключается в том, что сегодняшний «капиталистический» пересмотр искусства, в особенности изобразительного, ослабляет его критический потенциал.

Возвращаясь к твоему вопросу, скажу, что способность самих людей к интерпретации, напротив, определяется тем обстоятельством, что опыт *мира* беспрестанно выходит за рамки опыта *реальности*. В частности, потому что происходящее в «мире» непрерывно меняется и ускользает от реальности как реальности сконструированной.

ОХ: Хотелось бы вернуться к вопросу о Бурдье и освобождении. Твоя книга «О критике» завершается весьма элегантной концепцией освобождения, которая предлагает нам очень хороший эмпирический критерий. Господствующий класс или группа — это те, кто при вынесении суждений о действиях других обладает возможностью выбора, что применить — букву или дух закона. Разумеется, по отношению к себе они применяют дух закона, а к угнетаемым — букву. Тогда освобождение превращается в ситуацию, когда угнетаемые обретают, наконец, способность заявить о своем праве на суд в соответствии с духом закона.

Если вместо слова «закон» использовать слово «правило», имея в виду правила жизни вместе, то тогда такой критерий господства и освобождения можно применить для оценки любого сообщества. В том числе и для круга Бурдье, занимавшегося социологией своим специфическим образом. Мой вопрос таков: когда ты начал делать социологию несколько по-другому по сравнению с остальными представителями этого круга, они сочли, что ты нарушаешь правила социологического метода (установленного, правда, школой Бурдье, а не Дюркгейма). В каком-то смысле они решили: он не должен принадлежать к нашей школе... И к тому, что он делает, мы будем применять «букву правила», он не вправе называться одним из нас. Ты же пытался им сказать: то, чем я занимаюсь, продолжает линию добротной социологии, поэтому ко мне следует применять дух социологического метода, а не букву правила школы Бурдье... Согласен ли ты с таким описанием?

ЛБ: Совершенно согласен. Расскажу забавный случай. Когда была создана Группа политической и моральной социологии (GSPM), то есть после 1985–1986 годов, я редко встречался с Бурдье, почти его не видел. Мы не враждовали, но, скажем так, — отдалились друг от друга. И однажды Розин Кристен, которая с ним работала и которой я симпатизировал, устроила нашу встречу, как будто невзначай, у него в кабинете в Коллеж де Франс — больше я там никогда не бывал, это было году в 1987-м...

ОХ: На рю Кардинал Лемуан?

ЛБ: Точно. Может, в 1988-м... Я тогда сказал Бурдье: «Послушайте, я ваш самый верный ученик». А он в ответ пробормотал что-то вроде: «Ну-ну, хорош ученик». Ты как раз об этом и говоришь.

Я думаю, что социология сталкивается с тем, что можно было бы назвать проблемой «двойного авторитета»⁵. И думаю, для нее как для дисциплины это очень опасно. С одной стороны, в нашей работе есть интеллектуальный, научный авторитет — и мы ориентируемся на него, отдавая приоритет методам, которые долж-

5. Или «двойной власти» (double autorité). — Прим. ред.

ны обеспечить принцип объективности и т. п. Но есть и второй авторитет — социальный и, можно сказать, политический, к чьей помощи мы также прибегаем. Это означает, что вся наша деятельность оправдана не только познавательными целями, но и соображениями блага — в отношении народа, прогресса, борьбы с господством. Но двойной авторитет губителен для авторитета (*Deux autorités — c'est destructeur de l'autorité*).

Двойной авторитет избыточен. Это избыточная сила. Излишек, оказывающий в итоге разрушительное действие, ведь чрезмерная сила граничит с насилием. Интеллектуальное насилие, «социология молотом», если перефразировать Ницше, есть форма власти, которую никогда нельзя обосновать просто ссылками на науку. Чтобы оправдать эту власть, науку следует увязать с чем-то другим — с Государством, с интересами Народа, Отчизны, Партии — не суть важно. В любом случае речь идет о борьбе с врагом и/или научным оппонентом, приравненным к врагу. Это, на мой взгляд, может иметь тяжкие последствия.

Разумеется, знакомясь с интеллектуальной историей коммунизма, с подобным сталкиваешься. Социологические проблемы обсуждались в самых высших кругах, и это очень странно. Об этом говорится в твоей книге — например, в связи с теориями ребенка — как его обсуждать на общем собрании коллектива. Это что-то невероятное! Впору воскликнуть: прекрасно, наконец-то миром правят интеллектуалы. Проблема в том, что если твою теорию считают ошибочной, ты получаешь не просто критику, ты отправляешься в лагерь. Так что налицо переизбыток авторитета, понимаешь?

Мне представляется, что этот вопрос и так причинил социологии довольно много вреда, поэтому настораживает, что он снова становится актуальным. Сегодня значение социологии во Франции во многом умаляют правые — их больше интересует экономика. А крайне правые и вовсе ее ненавидят, как и везде. И вот парадокс: есть бессилие — полный распад левых как организованной политической силы, стремящейся получить доступ к принятию решений, в частности, в качестве левого парламентского крыла. При этом возвращается сильное желание показать свою принадлежность к левому движению, выступить с критикой, пусть даже она не преследует политических целей (хоть и претендует на «радикальность», то есть направлена на современность в ее тотальности). Впрочем, такой возврат, особенно среди интеллектуалов, принимает все более схематичные формы. Нет даже попыток научного переосмысливания марксизма, как в 1970-е. Да и к марксизму теперь почти не обращаются.

Точно так же обращение к социологии как к инструменту критики становится все более схематичным и не учитывает целую плеяду мыслителей 1970-х годов, в частности, в области философии, феноменологии, аналитической философии, структурализма и т. п. Взять хотя бы пример социологии Бурдье. Сегодня мы чаще всего воспринимаем ее как социологию господства, причем в упрощенном изложении. Как правило, мы забываем, что именно Бурдье содействовал знакомству Франции с Ирвингом Гофманом, интеракционизмом и этнometодологией — при-

том что сам он относился к этим направлениям критически. В итоге наиболее интересные и последовательные новые решения мы видим в экологической критике — в частности, благодаря Латуру.

ОХ: Да-да, понимаю. Я тут кое-что нашел... [Показывает старый выпуск журнала «Исследования в области социальных наук»⁶, выпускавшегося школой Бурдье.]

ЛБ: Я был основателем этого издания. Начал — вернее, всё началось так...

ОХ: Как это получилось?

ЛБ: Да очень просто. Я тогда постоянно работал с Бурдье. Мы вместе готовили книгу.

ОХ: Какую? О фотографии?

ЛБ: Нет-нет, это было позже, после 1968 года. Я работал с ним с 1969 по 1976 год. Постоянно, особенно по ночам — он любил работать по ночам. Я приезжал к нему в пригород часам к 9–10 утра. Весь день мы о чем-нибудь болтали, а часов в 9 вечера, когда я собирался домой, начиналась настоящая работа — до утра. Еще мы работали в Доме наук о человеке. И уходили оттуда порой в 6 утра — будили охранника. Это хорошие воспоминания: он был веселым, умным и интересным человеком. И период был созидательный. Один из двух его самых плодотворных периодов. Сначала был алжирский этап — когда появился «Эскиз теории практики», а потом — время после 1968 года. Тогда мы собирались подготовить книгу о 1968 году, она так и не вышла, но многие ее фрагменты использованы в статьях и в работе Бурдье «Различение». В 1974 году мы поняли, что не можем свободно публиковаться, особенно во «Французском социологическом обозрении»⁷. И решили: так быть не должно, нам нужна собственная площадка, чтобы издаваться.

ОХ: Кажется, это было в 1975 году.

ЛБ: Идея журнала возникла в 1974 году. Журнал собирались выпускать с Жеромом Лендоном, возглавлявшим издательство «Минюи», он так и должен был называться — «Minuit», «Полночь». Вышли два номера... два или три... Бурдье написал статью для первого, я — для второго. Но формат был ограниченным — не то, что нужно, слишком мало страниц, невозможно было вместить все, что хотелось. В «Исследованиях» мы попытались отвести значительное место визуализации — в качестве способа анализа, а не иллюстраций.

ОХ: Возможно, я не видел первые номера. Там было много изображений?

ЛБ: Да, но в первых номерах были не просто иллюстрации. Например, в одной статье речь шла о свадебном торжестве, на котором собирались представители разных социальных классов. Во время праздника делались фотографии, но автор не хотел их публиковать, ведь люди узнавали бы на них себя. И тогда нашелся художник, автор комиксов, который все перерисовал. Кроме того, Бурдье написал статью, направленную против Альтюсса и его последователей. Художнику попросили поработать со снимками Эколь нормаль. Он изобразил миниатюрных Марков и добавил им реплики — пририсовал «пузыри» с фрагментами из «Не-

6. «Actes de la recherche en sciences sociales». — Прим. ред.

7. «La Revue française de sociologie». — Прим. ред.

мецкой идеологии». В подражание ситуационистам. Была также статья о Хайдегере, ставшая началом книги, в которой Бурдье критиковал философа. В то время мой брат Кристиан, художник, много работал с семейными альбомами. Мы нашли фотографии Хайдеггера и оформили их так, чтобы это напоминало семейный альбом с дурацкими подписями вроде «Хайдеггер щеголяет в костюме». Сегодня такое трудно представить, но в атмосфере, сохранившейся после 1968 года, это было возможно. Я перерабатывал большинство статей приглашенных авторов, которым не удавалось приспособиться к этому формату, подбирал изображения... Занимался я этим первые два года существования журнала. Системы распространения у нас не было. Мы рассыпали экземпляры друзьям на факультеты, там их продавали. Это напоминало *fanzine*⁸ — журнал комиксов — но только социологический. За два года в нашей группе накопились гигантские разногласия. Дело было прежде всего в том, что приходилось отказываться от поданных статей. Бурдье это надоело, он разогнал всю редакцию, и журнал обрел более профессиональный вид.

ОХ: Да, интересно. И последний вопрос — ты поднимал его в электронной переписке до приезда сюда... Ты рассчитывал найти своего рода параллели между посткоммунистической реальностью и нынешней ситуацией во Франции. Обнаружилось ли что-нибудь?

ЛБ: То, о чем я упоминал в письме, которое ты, очевидно, имеешь в виду, это скорее просто фантазия, не относящаяся к серьезной социологии, она из области чувств, настроения. Мне кажется, что сейчас недооценивают ту степень, в какой Франция, особенно в 1945–1946 годах и вплоть до 1980-х, была страной, где коммунистическая партия играла центральную роль. Общим горизонтом для идей, которые обсуждали, был вопрос коммунизма: придерживаться ли его или противостоять ему. Часто это было связано с идеалами этатизма и даже национализма и в 1960-х годах воплощалось в паре «коммунизм — голлизм». Это касается и интеллектуалов. Интеллектуальная жизнь была по большей части сосредоточена вокруг полюса, заданного коммунистической партией.

В рамках своей сегодняшней работы я недавно перечитал несколько книг, сыгравших важную роль в дебатах вокруг коммунизма, особенно в 1947–1955 годах: Мерло-Понти, Сартра, Камю, Аrona. Взять, например, Мерло-Понти и его работы «Гуманизм и террор» или «Приключения диалектики». Этот великий философ сотни страниц посвящает вопросам отношений рабочего как эмпирического индивида, рабочего класса, коммунистической партии Франции, советской коммунистической партии, СССР, сталинизма и так далее. Там все настолько сложно, что средневековый диспут относительно пола ангелов может показаться детским лепетом... Надо сказать, что такие дебаты практически непонятны современному читателю.

В этом контексте отрезок вокруг 1968 года теперь, по прошествии времени, можно назвать своего рода периодом «хитрости разума». Многие мыслители мо-

8. Развлекательный любительский журнал (*франц.*).

его поколения собирались совершить марксистскую революцию с учетом идей, привнесенных маоизмом, но никто толком не знал, что представляет собой этот маоизм, который был у всех на устах. Это было способом сохранить центральное значение вопроса о коммунизме — в том числе и против французской коммунистической партии. Когда Миттеран пришел к власти, пользуясь помощью коммунистов и общим одобрением левых, на самом деле он собирался упразднить коммунистическую партию, взяв при этом курс, который коммунисты поддерживали — особенно в вопросе национализации. Правые боялись коммунистов и восприняли гипотетический «возврат к коммунизму» совершенно серьезно. Некоторые в определенный момент даже решили, что лучше уехать из страны. Но вскоре миттерановское левое крыло обратилось в либеральную веру, включая в значительной мере и экономический либерализм. Во Франции последствия «падения Берлинской стены» на несколько лет опередили само событие. Но своеобразная ностальгия по коммунизму сохранилась и оказалась особенно стойкой оттого, что Франция как правовое государство не знала тех драматичных обстоятельств, в которых жили страны, где коммунизм правил. Страны «реального социализма», как тогда говорили.

Мне кажется, что многие мои ровесники, да и более молодые люди, сохранили приверженность модели политической жизни начала 1960-х годов, выстроенной вокруг двух противников и тайных союзников — коммунизма и голлизма, где голлизм воплощал традицию, католическую религию и национализм, а коммунизм — критику. И все это в довольно либеральных рамках, хотя во Франции традиция либерализма, центральная для англосаксонских стран, была не очень развита.

В этом плане после краха коммунизма разверзлась зияющая пропасть — даже для консерваторов. Я встречал людей, которые, придерживаясь совершенно консервативных взглядов, чуть ли не сожалеют об уходе коммунистов со сцены, прочитая: «Когда была компартия, народ был настроен оптимистично, рабочие были оптимистами, играли в футбол, не падали духом, не было всей этой дребедени — феминизма, анархизма...» Коммунистов и католиков связывало особого рода согласие, отчасти сложившееся в годы Сопротивления. Католики представляют во Франции серьезную силу, у которой тогда был едва заметный «левый крен». Сегодня французские католики в большинстве своем повернули вправо, а некоторые тяготеют к крайне правым.

Именно эти процессы я имел в виду, когда писал тебе, что разброд, который может ощущаться в такой стране, как Франция, в значительной степени — посткоммунистический. Но это была шутка. Не следует воспринимать ее слишком серьезно.

ОХ: Но ты говоришь, что для посткоммунистической ситуации во Франции отчасти характерно сближение крайне правых и крайне левых.

ЛБ: Да.

ОХ: Как ты это объясняешь?

ЛБ: Что касается французских крайне правых — существует удивительный феномен исторической памяти, объяснить его механизм довольно сложно. Мы не знаем, как люди вдруг обнаруживают в глубинах своего сознания темы, возникшие сотни лет назад и, казалось бы, забытые. Как это передалось? Эти люди — так сказать, «простые» — наверняка не читали авторов вроде Морраса или Дрюиона, ставших идеологами фашизма французского толка. В конце XIX века складывается образованное Моррасом движение под названием «Французское действие»⁹, которое будет играть огромную роль в интеллектуальной жизни Франции вплоть до 1950-х годов. До войны в нем участвовал, например, Бланшо.

ОХ: Подумать только, я не знал.

ЛБ: Да. L'Action française — это движение, которое сочетало в себе национализм, католицизм и одновременно было социальным, народным, причем во многом опиралось на антисемитизм, поскольку евреи олицетворяли деньги и «капитализм». В конце 1880-х годов Дрюмон написал книгу «Еврейская Франция», которая преследовала стратегическую цель. Дрюмон задался вопросом, что может объединить правых роялистов и анархо-синдикалистов из рабочей среды. Единственным объединяющим фактором, который он обнаружил, оказался антисемитизм. Тогда антисемитизм не считался позорным.

В L'Action française есть целое социальное направление, которое прежде всего является антилиберальным: главным образом в политическом понимании, но также — во всяком случае, на словах — в экономическом. Плохому международному капитализму, эксплуатирующему рабочих разных наций ради обогащения бесподобных евреев, L'Action française противопоставляет хороший корпоратизм, когда на небольших национальных предприятиях рабочие и хозяева объединены в одну семью.

Сегодня во Франции вновь заявляют о себе влиятельные авторы, среди которых есть те, кто сочувствовал коммунистам, но затем перешел от критики «неолиберализма» как неограниченного экономического либерализма к критике либерализма политического или того, что они называют культурным либерализмом, то есть общества, которое стремится к открытости и толерантности. Это влияние помогает насаждать отвращение к демократии, представляемой как лжедемократия. Такие авторы актуализируют тематику L'Action française, пусть не всегда осознанно. Опасность этих процессов в том, что они открывают возможность для слияния крайне правых и крайне левых — если и не через политические механизмы (по крайней мере, пока), то на уровне так называемых «мнений» (кстати, еще одно понятие, которое никто толком не может пояснить).

ОХ: Интересно ты оцениваешь посткоммунистическую Францию. Посмотрим, примут ли это читатели в России.

ЛБ: Олег, ты заставляешь меня говорить о вещах, не имеющих отношения к профессиональной и серьезной социологии. Ты меня провоцируешь!

9. L'Action française. — Прим. ред.

"The Mission of Politics . . . is to Put into Words the Experience that has Eluded a Constructed Reality": Interview with Luc Boltanski

Luc Boltanski

Professor, École des hautes études en sciences sociales (EHESS)

Address: Boulevard Raspail, 54, Paris, France 75006

E-mail: boltansk@ehess.fr

Oleg Kharkhordin

Professor, Department of Political Science, European University at St. Petersburg

Address: Gagarinskaia str, 6/1A, Saint Petersburg, Russian Federation 191187

E-mail: kharkhor@eu.spb.ru

Luc Boltanski visited Russia in September, 2019, to support the publication of the Russian translation of his book *Mysteries and Conspiracies: Detective Stories, Spy Novels and the Making of Modern Societies*. It was his second visit to Russia, where he delivered three lectures. The first lecture was dedicated to *Mysteries and Conspiracies*. The second lecture was dedicated to his last book *Enrichment: A Critique of Commodities*, which he wrote with Arnaud Esquerre. The third lecture focused on the relationship between the critical sociology of the Pierre Bourdieu school, and the pragmatic sociology of critical capacity promoted by Luc Boltanski together with his long-time collaborator, Laurent Thevenot, within their Group of Political and Moral Sociology. In this review of the two different approaches, he revisited the theme of his 2009 book *On Critique: A Sociology of Emancipation* which proclaimed the then-new theoretical synthesis. *Mysteries and Conspiracies*, published three years later, became the first demonstration of the practical implementation of this new model. On September 14, 2019, Luc Boltanski had an extensive talk with Oleg Kharkhordin wherein he clarified some issues of these lectures. The first part of this interview which was devoted to *Mysteries and Conspiracies* was published by the Russian on-line edition of gorky.media. Here, we publish the second part of this long interview covering the late writings of the famous French sociologist, the issues explored by his book *On Critique*, and the beginnings of his academic career when he was an active participant of the Pierre Bourdieu school.

Keywords: Pierre Bourdieu, critical sociology, pragmatic sociology of the critical capacity

«Стрела времени» и «линии жизни» Деконструкция линейности*

Наталья Веселкова

Кандидат социологических наук, доцент, департамент политологии и социологии,
кафедра прикладной социологии, Уральский федеральный университет
Адрес: ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620002
E-mail: vesselkova@yandex.ru

Михаил Вандышев

Кандидат социологических наук, доцент, департамент политологии и социологии,
кафедра прикладной социологии, Уральский федеральный университет
Адрес: ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620002
E-mail: m.n.vandyshev@urfu.ru

Елена Прямикова

Доктор социологических наук, директор Института общественных наук,
Уральский государственный педагогический университет
Адрес: пр. Космонавтов, д. 26, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620017
E-mail: pryamikova@yandex.ru

В статье анализируются данные социологического исследования, полученные методом «линий жизни» (ЛЖ) среди школьников и учащихся СПО небольших моногородов Свердловской области. Особое внимание уделяется эвристическим возможностям этого метода в изучении мобильности и конструировании нарратива прошлого, настоящего и будущего молодых людей. Статья преследует двоякую цель — во-первых, подвергнуть методической рефлексии опыт использования ЛЖ, во-вторых, обсудить содержательные находки, полученные с помощью этого метода. В анализ включены 230 рисунков студентов и школьников, обучающихся в образовательных учреждениях Краснотурьинска, Ревды и Первоуральска. Дан краткий обзор развития метода с обоснованием собственной (малоформализованной) версии. Представлена типология ЛЖ, построенная по критериям формальной структуры, она помогает анализировать смыслы (не)линейности, обращая внимание как на доминирующую логику, так и на разнообразие конфигураций. В классической и современной социологической теории прочно укоренились представления о линейности социальных изменений. На биографическом уровне движение, течение жизни также описывается с учетом линейности и направленности. Большинство рисунков наших участников выдержаны в линейной логике, однако внутри нее обнаруживается большое разнообразие, отдельно рассматриваются различные варианты отклонений от стандартной стрелки из прошлого в будущее. Представляют интерес элементы рисунков, свидетельствующие о территориальной идентичности. Использование местных названий придает рисункам конкретику и насыщенность, демонстрирует локальную компетентность участников.

© Веселкова Н. В., 2020

© Вандышев М. Н., 2020

© Прямикова Е. В., 2020

© Центр фундаментальной социологии, 2020

DOI: [10.17323/1728-192X-2020-1-85-105](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-1-85-105)

* Статья подготовлена в рамках проекта «Траектории мобильности трудоспособного населения малых и средних моногородов различного профиля». Проект реализуется при финансовой поддержке Российской фонда фундаментальных исследований (РФФИ), № проекта 18-011-00457, 2018–2020 гг.

Метод линии жизни позволяет, по мнению авторов, показать разнообразие и вместе с тем относительную изоморфность визуализаций биографии, помещающих ее в более широкие социальные контексты — в масштабы региона, страны или даже мира.

Ключевые слова: «линия жизни», жизненный путь, визуализация, идентичность, темпоральность, мобильность, моногород, учащаяся молодежь

Введение: вседесущность линейной метафорики

Западная культура пронизана воплощениями односторонне-линейного течения времени — от имманентной хронологии нарратива и до практики письма слева направо, включая (как изобретательно подмечено в: Sheridan, Chamberlain, Durius, 2011) и графику нотного стана. Выражение «стрела времени» утвердилось в научном обороте с 1928 года благодаря А. Эддингтону (Пригожин, Стенгерс, 2000: 225, прим. 1), его социологическому осмыслинию посвящены труды С. Кравченко (2009, 2015), рассматривающие общие представления о линейности социокультурной динамики и объясняющие ее через «стрелу времени» социологической теории. Так или иначе, эта метафора содержит идею собранной в пучок направленности изменений разнообразных социальных процессов — от социокультурной динамики социальной системы до индивидуальной биографии. Макросоциологические теории, особенно марксистского толка, активно разрабатывают идеи последовательной смены общественно-экономических формаций, стадий экономического роста (Белл, 2004; Rostow, 1971 и др.), культивирующие неотвратимость поступательного движения. Казалось бы, в совершенно других, эволюционистских теориях социальных изменений также работает линейный принцип, когда говорится о поиске лучшего способа адаптации к среде, хотя сами по себе векторы этой адаптации могут быть очень вариативными. Идея направленности движения в том или ином виде встречается едва ли не во всех макротеориях социальных изменений, фактически она становится осевой для построения социологии.

Уровнем ниже, на мезоуровне, речь идет о регионах, социально-территориальных общностях, каждая из которых может иметь свой особенный исторический путь. Такому движению в теоретической интерпретации опять же приписываются вышеупомянутые характеристики — линейность и направленность. На микроуровне рассматриваются траектории индивидуальных биографий, активность акторов и малых социальных групп. При всей видимой эмпирической хаотичности исследователям удается выделять тенденции, общие направления, характеризующие содержание и ведущие интенции деятельности акторов в конкретный исторический период. Одним из способов изучения таких тенденций является метод «линий жизни». Он позволяет получить осмысленное и обоснованное представление актора, исследовать конструирование нарратива прошлого, настоящего и будущего.

На первый взгляд «линия жизни» — это скромная схема, что она может рассказать? Нарисованная за пару минут, не выдает ли она на-гора лишь самые шаблонные представления (например, когда информант пошел в школу и куда собирается потом, если в опросе участвуют школьники)? При всей видимой скромности, линии жизни представляют собой концентрированные, как бы вырванные из контекста повседневности биографические каркасы. Они не столько упрощают/схематизируют, сколько упорядочивают повседневные практики. Рисование таких линий становится поводом для формирования выводов (хотя и не классического «подведения итогов», мемуаризации), концептуализации собственной жизни. Такой метод обращает нас к знаменитому разделению позиций наблюдения Н. Лумана (уровни наблюдения и место социологии в системе знания об обществе) и связанности наблюдения и понимания (Луман, 2007). Казалось бы, схематизированные и упрощенные рисунки парадоксальным образом превращаются в один из элементов сложноорганизованной темпоральной перспективы.

«Линия жизни» (ЛЖ) — это способ формализации и схематизации жизненной истории, аккумулирующий представления о составе жизненного пути через социально нормированные и лично значимые вехи и ведущие ценности. Вместе с тем событийный ряд и сама конфигурация рисунка могут многое сказать не только о психологии участников, но и о социальных приметах времени: какие события выделяются как значимые, где начинается прошлое и куда простирается будущее и т. п. Именно в таком социологическом качестве этот метод применяется в нашем исследовании социально-статусной и географической мобильности в моногородах, обнаруживая богатый познавательный потенциал.

В настоящей статье мы преследуем двоякую цель — во-первых, подвергнуть методической рефлексии опыт использования ЛЖ, во-вторых, обсудить некоторые содержательные находки, полученные с помощью этого метода. В анализ включены 230 рисунков¹ учащихся (63 студента колледжа, 167 школьников 9–11 классов, 113 юношей и 117 девушек) в Краснотурьинске, Ревде и Первоуральске. Это небольшие уральские моногорода (от 57 до 124 тыс. чел. населения), жизнь которых тесно (была) связана с деятельностью градообразующих предприятий в сфере металлургии, что могло бы (должно было) отразиться и в представленных линиях жизни, например, «получил образование, пошел работать на завод» и т. п.

ЛЖ создавались во время групповых дискуссий, наряду с другими графическими заданиями, так что они являются частью большого комплекса данных, однако сосредоточиться мы бы хотели на материалах именно ЛЖ, (почти) не прибегая к иным источникам.

1. Соотносится с объемом выборки, обычной для психологических исследований подобными методами: 237 — у Дж. Коэна, Ч. Э. М. Хансела и Дж. Сильвестера (Cohen, Hansel, Sylvester, 1954), 80 — у Г. Раппапорта и др. (Rappaport, Enrich, Wilson, 1985), 60 — у Б. де Вриса и Д. Ватта (de Vries, Watt, 1996); 96 — у А. Бон (Bohn, 2010), 98 на первом этапе и 83 на втором — у М. Ассинк и Й. Шрутса (Assink, Schroots, 2010).

«Линии жизни»: генеалогия метода и релевантные контексты

В теоретико-методологическом плане ЛЖ представляют собой, во-первых, вариант *рассказанной* (вербально и визуально) личности, что близко, но не сводится к понятиям *нарративной* и *территориальной идентичности* (Рикёр, 2008; Рождественская, 2010; Ечевская, 2015). Для нашей темы продуктивен задаваемый идентичностью «горизонт жизненных возможностей и способов их реализации» (Ечевская, 2015: 196). В остальном, поскольку нас интересует личный взгляд и формулировки информантов при вписывании себя в те или иные контексты, мы предпочтаем говорить о представлениях участников².

В том, что касается территориальности, с помощью ЛЖ мы пытаемся понять, какие *локальные наименования* и *символы* используют молодые люди в изложении своих историй, трактуя это как проявление локальной социальной компетентности (Веселкова, Пряников, Вандышев, 2016: 59, 234, 250–280).

Во-вторых, ЛЖ, конечно же, раскрывает представления о *жизненном пути*, его институциональную матрицу, включая базовый институт социального/биографического времени (Мещеркина, 2002; Веселкова, 2006; 2011). Особый аспект ЛЖ связан с изучением автобиографической памяти (Assink, Schroots, 2010).

Наконец, в-третьих, в ЛЖ нас интересует *мобильность*, причем не только карьерные шаги и притязания, традиционно изучаемые в перспективе жизненного пути, но и территориальные перемещения молодых людей (Данилова, 2016; 2017).

В техническом и процедурном плане ЛЖ — это: а) схематичное изображение жизненных событий в виде графика или рисунка, б) в хронологическом порядке. К этому следует добавить, что, как правило: в) картинка включает вербальные пояснения и г) входит в состав анкеты, интервью или групповых обсуждений (ср., например: Tasker, 2017: 4–5).

Метод ЛЖ уходит корнями в разработки по измерению восприятия времени, а также жизненного пути и жизненных событий, получившие название «линия времени». В 1950-е годы Дж. Коэн, Ч. Э. М. Хансел и Дж. Сильвестер использовали лист бумаги с уже начертанной линией (ок. 25 см), предлагая учащимся представить, что это вся их жизнь от «рождения» до «настоящего» и выполнить ряд заданий (Cohen, Hansel, Sylvester, 1954: 109)³. В отечественной науке классикой стала книга «Психологическое время личности» (1984), где Евгений Головаха и Александр Кроник представили методологию каузометрии, включавшую, правда, не линии, а графические «круги Коттла» и ряд других методик; в начале 1990-х на ее основе была создана компьютерная программа Lifeline, связывающая события

2. Что, впрочем, согласуется с трактовкой нарративной идентичности у Ольги Ечевской: «Нарративная идентичность понимается как представление человека о себе, артикулированное в контексте прошлого и настоящего в определенный момент времени, в специфической ситуации интервью», где событийная и рассказанная сторона одинаково важны и вместе «работают на создание непрерывной и осмыслинной истории жизни» (Ечевская, 2015: 197).

3. Советские ученые в 1940–1950-е годы также изучали восприятие времени (Элькин, 1959), но, насколько можно судить, без применения графических техник.

в причинно-следственные цепочки (Головаха, Кроник, 2008/1984; Кроник, Ахмеров, 2003).

В тех же 1984–1985 годах Герберт Раппапорт разработал свою «Линию жизни Раппапорта» для измерения плотности, растяжимости и воспринимаемой длительности времени жизни. Перед студентами горизонтально располагали полоску бумаги (ок. 61 см), символизирующую жизнь от рождения до смерти, где предлагалось зафиксировать значимый опыт с указанием возраста; далее следовало короткое интервью (Rappaport, Enrich, Wilson, 1985: 1611–1613). В модифицированной версии Брайана де Бриса и Дэвида Ватта точно так же используется заготовка с нарисованной линией, помеченная по краям «рождение» и «смерть». Участники определяют, где они находятся в настоящем и наносят на линию значимые события, давая их оценку по 5-балльной шкале от «очень приятного» до «неприятного» (de Vries, Watt, 1996: 85–86).

Таким образом, на начальных этапах преобладала довольно высокая степень формализации, но позднее Йохан Шрутс с коллегами в своем «методе интервью по линии жизни» решили перенести центр тяжести на разговор с информантами (Schroots, ten Kate, 1989; Assink, Schroots, 2010). В недавнем российском исследовании межпоколенной мобильности ЛЖ была организована по принципу полузакрытого вопроса: респондент мог просто отметить один из предложенных восьми вариантов линии либо нарисовать свой (Семенова, 2017: 20–22). Используемое нами методическое решение значительно менее формализовано: пустой лист А4 и набор фломастеров оставляют простор для творчества, ограниченного только инструкцией («Нарисуйте свою линию жизни — так, чтобы были прошлое, настоящее и будущее и по нескольку событий в прошлом, настоящем и будущем») и контекстом общего обсуждения. Другая особенность обусловлена форматом групповой дискуссии, который не предусматривает детального проговаривания каждого рисунка.

Типология линий жизни: «императив линейности» и его нарушения

В своем обобщающем обзоре Б. де Брис справедливо называет встроенным ограничением метода ЛЖ «императив линейности» (de Vries, 2013: 31). В нашем исследовании инструкция предписывает «рисовать линию», сам порядок перечисления модусов времени задает вектор от прошлого к будущему. В итоге, что вполне ожидаемо, большинство рисунков выдержаны в линейной логике, однако внутри нее обнаруживается большое разнообразие; особый интерес представляют «отклонения» от линейности.

Несмотря на то, что в отличие от Г. Раппапорта и др. мы не указывали, как именно рисовать, добрая половина ЛЖ (57%) содержит горизонтальную (чаще, но не всегда прямую) линию — это господствующий тип. Линейность представлена через возрасты и этапы жизненного пути — на протяжении жизни в целом или в период «детский сад — школа — колледж/вуз». Образование играет систе-

мообразующую роль в силу этапа жизненного пути информантов-учащихся, еще более актуализированную тем, что групповые дискуссии проводились в учебных заведениях.

Идею последовательности возрастов жизни прекрасно выражает рисунок 1: выстроенные на одной линии этапы от младенца до старика с его поредевшими волосами, очками, палочкой и вставной челюстью дополнены дорогой к смерти. Аналогичные образы мы получали и ранее в исследованиях взросления (Веселкова, Пряникова, 2005: 116–117; Ершова, Веселкова, Пряникова, 2014). На рисунке 1 могила с зеленью и цветами приближена к начальному пункту жизненного пути, как бы замыкая условный круг. Если малыш, ребенок и взрослый изображены по возрастающей, то новорожденный и старец показаны непропорционально большими, что дает представление об их если не большей значимости, то особом социальном и семейном положении⁴.

Вряд ли молодые люди намеренно воспроизводят иконографию популярных в середине XIX века литографий возрастов жизни человека (рис. 2)⁵, однако архетипичность визуализации хорошо прослеживается.

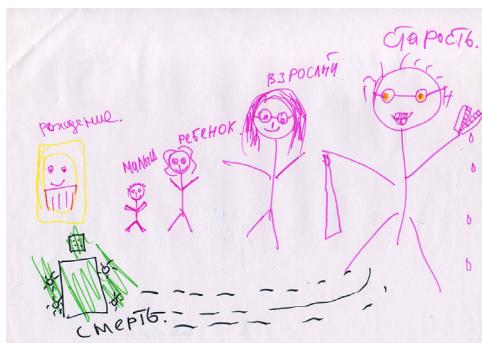

Рис. 1. Линейно-круговое представление этапов жизненного пути (КрЖ11/2-94)

Рис. 2. Литография Currier & Ives «Жизнь и возрасты человека». Сер. 1840-х гг.

Образ лестницы транслирует «карьерная карта» в образовательном центре завода, где занимаются студенты колледжа и проводились две групповых дискуссии (рис. 3). Рассчитанная на юношей, эта схема обещает карьеру от студента до начальника цеха, показывая, сколько времени занимает каждая ступень и к какому возрасту на нее можно попасть. Линии жизни студентов содержат (единичные) упоминания: «подняться на заводе», «поднятие по карьерной лестнице» (ПМК2-26, КрМК-20), но саму лестницу при этом не рисуют. Во всем массиве несколько

4. Используется шифр, где обозначен город (Кр — Краснотурьинск, П — Первоуральск, Р — Ревда), пол информанта, класс (9-й или 11-й) и школа либо колледж (1 или 2) и порядковый номер в каждом городе. Например, КрЖ11/2-94 — 11-классница из Краснотурьинска, ПМК2-26 — студент первоуральского колледжа.

5. Currier & Ives Lithograph — «Life and Age of Man» // WorthPoint. URL: <https://www.worthpoint.com/worthopedia/currier-ives-lithograph-life-and-age-of-man> (22.06.2019).

ЛЖ отдаленно ее напоминают, но только один рисунок 9-классницы изображает классическую лестницу-диагональ образовательной деятельности (ПЖ9/2-92). Очевидно, равномерное восхождение к одной цели не соответствует представлениям изучаемых молодых людей.

Направленность ЛЖ подчеркивается стрелками. В том или ином виде они присутствуют на 38% рисунков и практически всегда направлены в одну сторону. Любопытное исключение составляют два изображения, на которых под длинной горизонталью со стрелкой вправо прошлое снабжено дополнительным указателем влево, а будущее — вправо (рис. 4).

Рис. 3. Карьерную карту белого металлурга
(Первоуральск Он-Лайн, 2014)

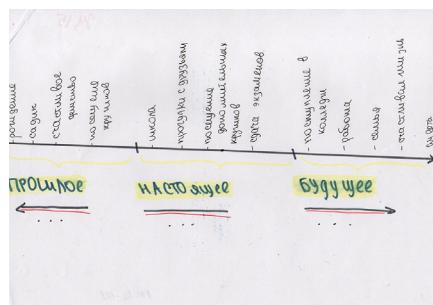

Рис. 4. Расходящиеся направления прошлого и будущего (РЖ9/2-109)

В нашей коллекции есть рисунок, в котором вся ЛЖ выполнена в виде стрелы, причем ориентированной вертикально вверх. Два нижних сектора занимают «детский сад» и «школа», а верхний — семья со схематичным изображением генеалогического дерева, в каждом круге присутствуют друзья и новые знакомства (рис. 5). В целом вертикальные линии довольно распространены и могут быть ориентированы как вверх, так и вниз (как на рис. 6).

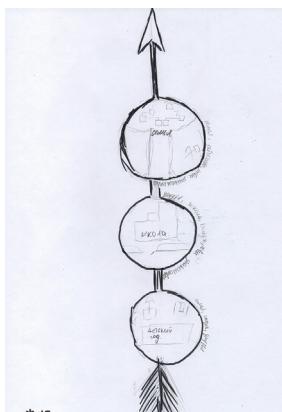

Рис. 5. Вертикаль в виде стрелы
(КрЖ9/2-103)

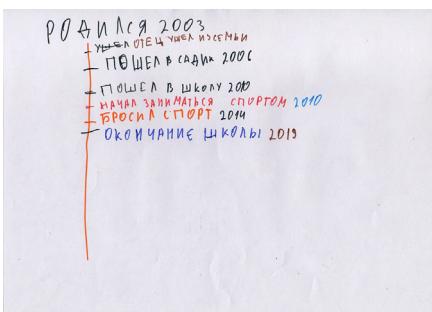

Рис. 6. Вербальный список с включением вертикальной прямой линии (ПМ9/2-78)

Если принять за точку отсчета укорененный базовый образ ЛЖ — прямую горизонтальную линию, то вертикаль и диагональ будут определенным отступлением. То же можно сказать о разнообразии формы, когда ЛЖ изображают извилистой, зигзагообразной, с резкими поворотами; но все это вариации линии. Около $\frac{1}{4}$ ЛЖ не содержат единой линии. Рассмотрим их подробнее.

Отклонение от стандартной стрелки из прошлого в будущее может быть связано с особенностями перехода с одного жизненного этапа на другой и/или непрозрачностью представлений о том, как этот переход может произойти.

Существенный для учащихся переход — между школой и работой. На рисунке 7 он отмечен единственной стрелкой, ведущей от вуза (УрФУ — Уральский федеральный университет) к заводу (ПНТЗ — Первоуральский новотрубный завод). Нарисованные в виде однотипных зданий, университет чуть поменьше, завод — чуть побольше, они находятся на правом, самом большом поле будущего (периоды времени не подписаны). До университета предстоит служба в армии, что символизирует человечек в каске и с автоматом слева от УрФУ. В среднем поле находится нынешняя фаза — ПМК (Первоуральский metallurgical колледж), здесь завода еще нет, хотя и колледж, и завод вместе реализуют программу дуального образования и наши групповые дискуссии проходили в образовательном центре на территории завода. Нередко студенты считают практику на предприятии своим опытом работы, однако на этом рисунке колледж представлен отдельно от завода.

Подобным образом организованный женский рисунок из того же учебного заведения (рис. 8), напротив, объединяет в настоящем колледж (ПМК) и «работу/ завод», все это в окружении «семьи», «диплома» и «песика» — здесь о переходе говорить не приходится, поскольку колледж и работа уже находятся бок о бок. А вот «хорошая работа» в будущем, которая идет в связке с саморазвитием и карьерой, связана с переездом в областной центр (Екб — Екатеринбург).

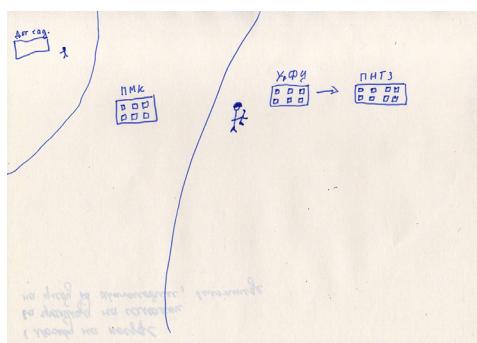

Рис. 7. Переход между образованием и работой (ПМК2-19)

Рис. 8. Образование и работа (ПЖК2-32)

В индустриальных моногородах среди практик профориентации распространены экскурсии в заводские цеха и музеи, рассказы о рабочих профессиях и поощрение династий. Предприятие заинтересовано в вовлечении подготовленных им кадров, однако, по предположению студентов, на завод после колледжа идет от 40 до 70%, а по словам эксперта — только 30% выпускников. Анализируя специфику образовательных стратегий молодых рабочих (в т. ч. и на уральском материале⁶), Ирина Тартаковская и Александрина Ваньке заключают, что СПО воспринимается молодыми людьми как способ относительно быстро и без особых материальных затрат получить профессию, но также и вариант взросления, уход из школы, «о которой многие из них сохранили не самые лучшие воспоминания» (Тартаковская, Ваньке, 2016: 18). Негативные ассоциации со школой имеются в рисунках и наших студентов (но не школьников). Таким образом, образование после школы остается важным звеном перехода, однако совсем не обязательно служит ступенькой для интеграции на градообразующем заводе. Конкретное предприятие вообще указывают крайне редко, предпочитая называть желаемую сферу деятельности или оценочные характеристики работы типа «хорошая», «приличная, достойная», «работа мечты». Работу родителей как реальную возможность повторения их судьбы почти не называют. При этом в своих пояснениях участники далеко не всегда ссылаются на плохие условия, например, уровень заработной платы, скорее ими руководит желание иначе выстроить свой вариант жизненной истории. Что-то новое, но пока еще неизвестное, входит в спектр возможных перспектив, в том числе связанных с местом: здесь и сейчас «скучная» определенность, там где-то — набор возможностей, многообещающая неопределенность, размывающая линейную предзданность жизненного пути.

Предельным отклонением является *отсутствие графики вообще*, когда присутствуют только слова или, наоборот, только *изображение без слов* (рис. 9, 10). Отказ от рисования не означает, однако, исчезновения линейности — она поддерживается последовательностью изложения событий, т. е. устройством нарратива вообще и биографического «повествования о себе» (Андреева, 2012) в частности. Еще сильнее линейная заданность подкрепляется включенностью в систему образования, как основного, так и дополнительного, и профессионального. Текст может быть организован горизонтально или вертикально, в виде списка, без каких бы то ни было графических элементов:

- «2010 год — н.в.: Я пошел в школу
- 2012 год — н.в.: старт карьеры футболиста
- 2012–2015 года: занимался танцами
- 2014 — н.в.: начал учить английский язык» (ПМ9/2-74).

Там, где линия есть, важной модификацией оказывается ее *разветвление*. В исследованиях жизненного пути заслуженным влиянием пользуется концепция

6. Уральский регион представлен Екатеринбургом и Нижним Тагилом, который авторы относят к «небольшим городам», что неверно — 356,8 тыс. жителей (на момент проведения интервью в 2015 году) помещают Нижний Тагил в категорию даже не больших, а крупных.

«возможных Я» Х. Маркус и П. Нуриус (Markus, Nurius, 1986), хорошо известно понятие поворотных пунктов, точек ветвления⁷. В середине XX века Н. Элиас связывал обилие развилок и перекрестков, принуждающих к выбору, с растущей специализацией. Н. Луман в своей общей теории социальных систем рассуждает о контингентности, альтернативности будущего. В наши дни В. Ильин также говорит о череде перекрестков, одни из которых затягивают в колею, другие склоняют к социальному серфингу, который распространяется, однако теперь благодаря депрофессионализации (Элиас, 2001: 180–184; Луман, 2007; Ильин, 2019: 32). При этом выбор в пользу одного варианта по-прежнему исключает все остальные, образуя «свалки непрожитых жизней» — выражение, позаимствованное Элиасом из произведения Р. М. Рильке 1905 года. Эта драматургия остается актуальной для концептуализации выбора по принципу «или-или» в ситуации множественности. Между тем исследования взросления показывают ценность «параллельной организации жизненного пути» по принципу «и то, и другое» (Веселкова, Пряников, 2005: 165–167).

В анализируемом массиве 14 ЛЖ (6%) содержат какие-либо развилики, при этом представлены оба способа совладания с множественностью, «альтернативный» и «параллельный». Рисунок 9 представляет пример альтернативной организации («или-или»). Здесь несколько последовательных развилок: от университета расходящиеся стрелки ведут к работе либо киберспорту, от работы — к одиночеству и от него к науке и наследию либо к семье и возможным внукам и т. д. На рисунок 10 от начальной точки одновременно исходят три линии — это пример параллельной организации («и то, и другое»), они тоже потом ветвятся: одна знаменует спорт и связанные с ним поездки, другая — школьную жизнь, третья — музыкальную школу.

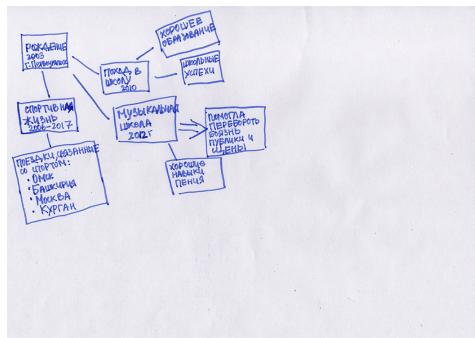

Рис. 9. «Альтернативное» разветвление линии жизни (ПМ10/2-96)

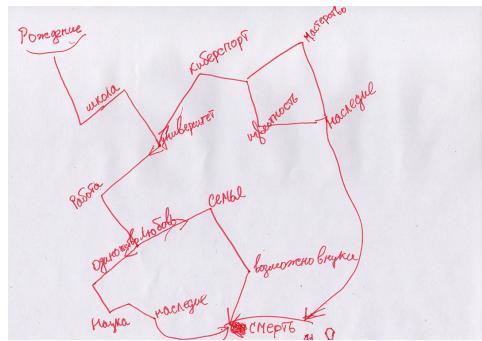

Рис. 10. «Параллельное» разветвление линии жизни (ПЖ9/2-89)

7. См., например, обзор: Чередниченко, 2013, 2014.

Альтернативная организация везде встречается только для будущего; параллельность присутствует и в прошлом, и в настоящем, и в будущем в виде написанных единым текстом событий.

Линия жизни 20-летнего студента колледжа подобно дереву, растет вертикально вверх. Верхние звенья содержат ветви: в «2019 закончил КИК — Сходил в армию», далее «переехал в другой город», откуда также отходит две ветки: «Устроился на приличную, достойную работу» и «Попробовать свой бизнес, свое дело» (рис. 11).

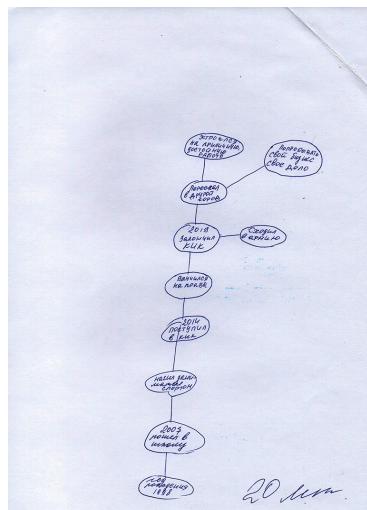

Рис. 11. Линия жизни как дерево, ветвящееся наверху (КрМ-К21)

Время линии жизни

События чаще всего маркируются календарными годами, реже — возрастом. В ряде случаев есть только качественное обозначение, т. е. название события, но встречаются и смешанные варианты. Так, 10-классница с точностью до дня отметила дату рождения, но из 14 последующих пунктов только два имеют количественную характеристику, это: «свадьба 22 года — дети 25 лет» (ПЖ10/2-110).

Наша методика оставляла за информантами выбор начального и конечного пунктов, эти позиции позволяют оценить как темпоральную глубину ЛЖ, так и влияние институциональных контекстов. В качестве начальной точки чаще всего фигурируют включение в систему образования — поступление в садик, школу либо рождение.

Господство системы образования проявляется и в определении конечной точки — для школьников это предстоящее окончание школы, за которым может

следовать пункт «поступить в колледж в своем городе» (ПМ-9/2-79) или в вуз в другом, более крупном городе. За пределами этой логики находятся такие немногочисленные, но характерные оценочные определения завершения ЛЖ, как «счастливая жизнь», «жить счастливо», «жить прекрасно». Инструкция не предписывала обязательно изобразить всю жизнь вплоть до смерти, однако 12% ЛЖ включают «смерть» («могилу», «конец жизни»).

Четко разделенные прошлое, настоящее и будущее (как на рис. 4, 7, 8) содержит только треть рисунков.

Настоящее редко предстает выделенным отдельным пунктом, как на рисунке 12. Не имея собственного содержания, оно обнажает здесь свою функцию растянувшейся на весь лист горизонтали предыдущей жизни и поворота к такому будущему, как «переезд и поступление в другой город (Екат, Мск, СПб)».

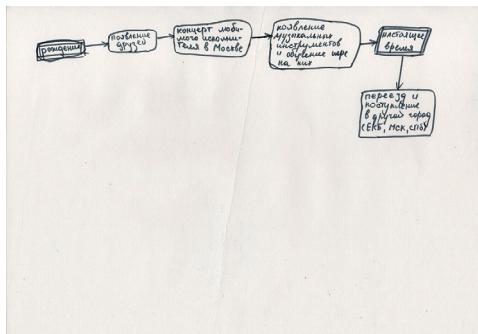

Рис. 12. Настоящее как поворотный пункт
(ПЖ10/2-115)

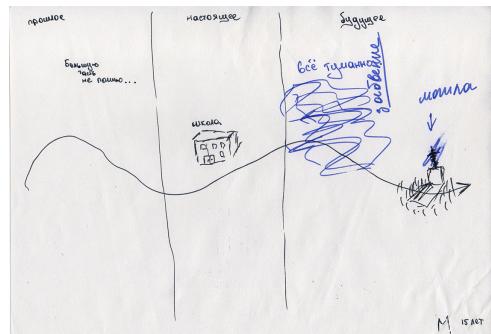

Рис. 13. Туманное будущее (ПМ9/1-38)

Более распространены рисунки, где настоящее — не точка, а протяженность, причем это может быть весьма продолжительный отрезок, охватывающий, скажем, школьную жизнь информанта-девятиклассника от 1-го класса до получения паспорта (ПМ9/1-40).

Будущее зачастую мало населено событиями. Рисунок при этом смещается влево и/или вверх (как на рис. 6), на листе остается свободное место именно в районе будущего.

Ближайшее будущее просматривается хорошо, более отдаленное — гораздо слабее: «2019 г. армия — 2020 г. работа — 2026 г. зак. вышку — 2030 г. накопить на бизнес — Туман» (КрМ-К2). Неопределенность будущего может быть выражена через знак вопроса в конце линии либо сопровождать каждый этап от экзамена в 9-м классе и до заключительного «семья работа дети» (ПМ9/1-41), а также через характерное наименование и изображение отрезка будущего — «все туманно...» как на рисунке 13, или «поживем — увидим» (ПМ10/2-95), «???Будущее неопределенно» (КрМ-К8), «как пойдет» (КрМ-К20). Ровная прямая линия в секторе бу-

дущего превращается в волнистое море и даже если наверху значатся отметки: «окончание 9-го класса — колледж (?) — переезд в др.город — смерть (?), под линией — «различное будущее. Понятия не имею, как жить» (КрЖ-9/1-56).

Неопределенность будущего имеет вариации. В одном случае это предельно абстрактное будущее, предстающее как пожелание или установка:

«я хочу, чтобы в жизни все стало хорошо» (ПМ9/2-81).

«все будет круто» (непосредственно после пункта «закончу школу поступлю в мед.институт», этот отрезок выделен волнистой линией, усеянной сердечками) (ПЖ9/2-91).

«я справлюсь. Все будет хорошо!» (верхняя ступенька идущей слева направо лестницы, выделенная красным, тогда как все остальное нарисовано синим) (ПЖ9/2-92).

В другом будущее имеет более конкретные черты или, скорее, опорные позиции вроде высшего образования или рода деятельности: «...высшее образование — жить в свободном режиме» (КрМК-12).

После «колледжа, завода и диплома» в настоящем молодой человек там описывает свое будущее: «Я биткойновый милиардер, Бизнес, Живу в Швецарии» (ПМК2-18, орфография источника).

Независимо от степени (не)определенности прорисовка будущего выглядит как мотивирующий образ, в котором социальная нормативность сочетается с личными предпочтениями.

Мобильность, активно обсуждавшаяся на групповых дискуссиях, присутствует на ЛЖ главным образом в прошлом (переезд в город проживания, поездки) и будущем (отъезд на учебу и/или переезд в другой город, путешествия или, как у 9-классницы из Первоуральска, в качестве редко встречаемой установки «вернуться в свой город» после окончания вуза (ПЖ9/2-93)).

Переезд в другой город связан с обучением в вузе и размещается в ближайшем будущем. Недавние исследования показывают, что, в отличие от направления подготовки и специальности, место обучения выбирается более осознанно (Маслевич, Сафонова, Минаева, 2018: 57–58), при этом ориентируются не столько на конкретный вуз, сколько на город (Веселкова, Мокерова, 2015). На ЛЖ информанты отмечают либо просто «переезд в другой город» в будущем, либо конкретнее: «переезд в Екатеринбург/Москву/Питер» (РЖ9/2-104), «Екб» (ПМ9/2-98), «Казань» (ПЖ9/1-54), «Жизнь в Санкт-Петербурге» (ПЖ9/1-47), «Moscow» (ПМ10/1-60).

Один из рисунков обнажает влияние родственников: «мой брат уехал в Питер» — сообщает краснотурынинский школьник (единственный пункт на отрезке прошлого) — и сам он тоже хочет «уехать в Туру или в Питер и получить образование» (единственный пункт в будущем) (КрМ9/2-98).

Некоторые молодые люди обозначают свое будущее заграницей, в связи с учебой: «учеба в вузе, практика заграницей» (ПМ10/1-59), «учиться за границей»

(ПМ9/1-40) (у этого подростка есть опыт заграничных поездок на отдых) или в целом «...жить в Европе» (ПМ9/2-99). Краснотурьинский школьник в будущем записал: «развиться как спортсмен, получить стабильную профессию, переехать заграницу» (КрМ9/2-100).

Путешествия в целом встречаются во всех отрезках ЛЖ (прошлом, настоящем и будущем) однократно:

«2012 первый раз поехал на море» (ПЖ9/2-90).

«поездка в Нижний Новгород к родственникам — 1-й класс» (ПЖ10/2-109).

«Выпускной класс, поездка в Минск 2019 г. (ПЖ9/2-85).

или несколько раз на одном рисунке:

«...2019 путешествия — 2021 университет (новые знакомства) — путешествия — 2025 работа — развитие себя — 2027 свадьба — путешествия...» (ПЖ9/2-86).

«Прошлое: Разные поездки, которые вспоминаю... Настоящее: ...Поездки в другие города... Будущее: ...Путешествия по миру. Посетить другие страны...» (РЖ9/2-96).

Некоторые ЛЖ усеяны поездками, которые и в будущем продолжаются «путешествиями» или потенциально связанной с ними работой (переводчик). Чтобы показать, какую долю они могут занимать от объема всех перечисленных событий, приведем несколько примеров полностью (эти ЛЖ прочерчены по линейке простым карандашом, завершаются стрелкой справа):

«5.02.2003 — 2011 г. пошла в школу — 2017 г. первый раз поехала на море — 2018 г. второй раз поехала на море — будущее. Сдать все экзамены — стать переводчиком» (КрЖ9/1-43).

«рождение 2003 г. — общение с другом — пошла в школу 2010 г. — поездка в Санкт-Петербург — поездка в Казань — знакомство с интернет-другом — лето 2013 — поездка в Испанию на конкурс 2018 г. — будущее (окончить 11 классов, путешествовать, завести семью) (КрЖ9/1-52).

Порой путешествия выглядят венцом жизненного пути: «...поступить на учителя — открыть студию танцев — написать книгу — путешествовать по миру» (КрЖ9/1-51), «...поступить в архитектурную академию — продвинуть муз.группу — окончить универ — найти работу — построить карьеру — построить семью — путешествовать» (ПЖ10/2-108).

Проявления мобильности представлены в позитивных тонах — притом что в других отношениях ЛЖ вполне допускают негатив (на уровне отдельных событий и целых периодов, как развод родителей, утрата близких, собственное нездровье, школа для иных студентов колледжей и т. п.), а локальный медийный фон изобилует негативными коннотациями (Данилова, Швингт, 2018).

Территориальная идентичность просвечивает в использовании местных названий, они придают рисункам конкретику и насыщенность, свидетельствуя о локальной компетентности. Если «Мисс Первоуральск» (ПЖ9/1-45) понятным образом сообщает о завоевании титула на городском конкурсе, то аббревиатуры и краткие названия, вполне уместные на схематичных изображениях, для непосвященного выглядят как требующий расшифровки набор невнятных знаков. Так, в спортивной истории первоуральских информантов можно встретить отсылку как к району города под названием Динас, где расположен завод «Динур» и однотипный спорткомплекс: «хожу на футбол 6 лет в своей хорошей команде «Динур» (ПМ9/2-79), так и к областному центру: «2017 школа Канделя... поступление в УралГУФК» (ПМ9/2-77). Речь идет о екатеринбургской детско-юношеской спортивной школе имени легендарного уральского баскетболиста, тренера Александра Ефимовича Канделя (1935–2005). УралГУФК выражает специфику уже не областную, а всего большого Урала, поскольку это вуз с головным отделением в Челябинске и филиалами в Екатеринбурге и Уфе.

Территориальная идентичность «светится» в упоминании Дня металлурга — одного из главных праздников металлургических моногородов. О локальной специфике свидетельствует и план краснотурьинского студента: «...устроиться в «Газпром» — создание семьи и благополучия жизни — уехать на Север — жить прекрасно» (КрМК-29). Филиал «Газпрома»⁸ в Краснотурьинске относится к числу желанных мест трудоустройства, а дорога «на Север» находится среди приоритетов развития территории. «Вертикаль, «Бизнес Детки. Кабэкс» на ревдинском рисунке (РЖ9/2-97) означает причастность автора к молодежному Совету «Вертикаль» при управлении образования городского округа Ревда и группе в социальной сети «ВКонтакте» «Бизнес Детки. Кабэкс» для ревдинских школьников 8–11 класс (13–16 лет).

Довольно необычное наполнение ЛЖ представляет обозначение прошлого и настоящего через улицы, где подросток жил ранее и живет сейчас (об этом шла речь на групповой дискуссии), будущее же представлено профессией, за которой идет смерть (Космонавтов — Строителей/Береговая — слесарь → смерть (ПМ9/1-34)).

Заключение

Прочно укорененная в культуре модерна линейная метафорика зrimo кристаллизуется в линиях жизни. Методики ЛЖ эксплуатируют на уровне эмпирических исследований образ стрелы времени. Рождение человека, его самоопределение, развитие и своеобразное затухание в конце жизни представляют собой стандартный набор шаблонов, следующих в определенном порядке. В наших групповых дискуссиях некоторые участники попытались уйти от привычного сюжета, который

8. «Газпром Трансгаз Югорск», Краснотурьинское линейное производственное управление магистральных газопроводов — филиал Общества с ограниченной ответственностью.

изначально задает последовательность отражения элементов жизненной истории. Один из таких вариантов — ветвление, иными словами, определение нескольких возможных вариантов развития событий. Такая альтернативность относится только к будущему, участники предполагают для себя возможные варианты развития событий. Вполне вероятно, что ЛЖ людей старшего возраста обнаружили бы иные особенности прорисовки различных этапов жизни с точки зрения их наполненности и наличия или отсутствия ветвления, но это задача другого исследования; встроенным ограничением анализируемого массива являются возрастные рамки, привязанные к звену образовательной системы — старшеклассники и студенты колледжей.

При всей слитности, цельности ЛЖ выявляется институциональный каркас темпорального порядка. Значение отдельных составляющих, характерных для возрастного периода участвующих в опросе, таких как обучение, поиск работы, сохраняется, но обозначаются и другие события, имеющие не менее важное значение для жизни молодых людей, например, такие как путешествия, переезд в другой город. Вертикальная и горизонтальная мобильности не просто соседствуют, они взаимодействуют на равноправных условиях. Неопределенность отдаленного будущего обозначается не только скучным событийным рядом, но и такими вербальными оценками, как «туман». Наконец, помещенные в тематический контекст групповых дискуссий, ЛЖ оказываются чувствительны к проблематике мобильности.

Типология ЛЖ, построенная по критериям формальной структуры, помогает анализировать смыслы (не)линейности, обращая внимание как на господствующую логику, так и разнообразие конфигураций. Понимание ЛЖ как визуального рассказа позволяет применять нарративные концепции, местные названия требуют обращения к понятиям территориальной идентичности/локальной компетентности.

В целом метод ЛЖ демонстрирует высокую продуктивность; здесь мы осветили только малую часть находок. За пределами статьи остались не только обычные при использовании ЛЖ социально-демографические различия, но и не столь часто обсуждаемые аспекты, как семантика цвета, эмоционально-оценочные характеристики и т. п. — представляющие собой перспективные направления дальнейшего развития темы.

Императив направленности социальных изменений, базирующийся на интенциональных или детерминистских представлениях о человеческом поведении, задает общий вектор социологического теоретизирования, пронизывает социологическую теорию от самого верха до самого низа (хотя некоторым нашим молодым людям — участникам исследования «тесно» в линейной перспективе, они пытаются изменить привычный порядок). Таким образом, идея направленности и линейности движения обладает определенным потенциалом связывания различных уровней социологической теории, а значит, исследование историй жизни позволяет ответить на вопросы более общего характера.

Литература

- Андреева Г. М. (2012). Презентации идентичности в контексте взаимодействия // Психологические исследования. Т. 5. № 26. URL: <http://psystudy.ru/index.php/pnum/2012v5n26/772>- (дата доступа: 28.06.2019).
- Бек У. (2000). Общество риска: на пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция.
- Белл Д. (2004). Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia.
- Веселкова Н. В. (2006). Отношение к будущему: штрихи к портрету темпоральной субъектности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 2. С. 11–15.
- Веселкова Н. В., Мокерова Е. В. (2015). Высшее образование: выбор вуза или города? // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. № 3. С. 41–46.
- Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. (2005). Социальная компетентность взросления. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.
- Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. (2016). Места памяти в молодых городах. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.
- Головаха Е. И., Кроник А. А. (1984). Психологическое время личности. Киев: Наукова думка.
- Головаха Е. И., Кроник А. А. (2008). Психологическое время личности. М.: Смысл.
- Данилова А. В. (2016). Использование геолокационных данных в исследовании по-вседневной мобильности горожан: опыт эмпирического исследования // Социология города. № 2. С. 34–44.
- Данилова А. В. (2017). Маршруты повседневных перемещений в досуговых практиках городской молодежи // Социология города. № 2. С. 20–29.
- Данилова А. В., Швиндт У. С. (2018). Дискурс мобильности в моногородах: по материалам СМИ и социальных медиа // Социология города. № 4. С. 76–89.
- Еришова Н., Веселкова Н., Прямикова Е. (2014). Растворенное взросление // Отечественные записки. № 5. С. 37–48.
- Ечевская О. Г. (2015). Жизненные истории и жизненные возможности: исследование социальных неравенств в оптике нарративной идентичности // Журнал исследований социальной политики. Т. 13. № 2. С. 195–210.
- Ильин В. И. (2019). Социальный серфинг как модель молодежного образа жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 28–48.
- Кравченко С. А. (2015). Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. М.: МГИМО-Университет.
- Кроник А. А., Ахмеров Р. А. (2003). Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл.
- Луман Н. (2007). Социальные системы: очерки общей теории / Пер. с нем. И. Д. Газиева под ред. Н. А. Головина. СПб.: Наука.

- Маслевич Т. П., Сафронова Н. Б., Минаева Н. Л. (2018). Инновационные методы привлечения абитуриентов (на примере исследования факторов мотивации) // Вестник Оренбургского государственного университета. № 6. С. 52–60.
- Мещеркина Е. Ю. (2002). Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий (анализ зарубежных концепций) // Социологические исследования. № 7. С. 61–67.
- Первоуральск Он-Лайн (2014). Группа ЧТПЗ презентовала «Карьерную карту белого металлурга». URL: <https://www.pervo.ru/pervouralsk/society/27431-gruppachtpz-prezentovala-karernuyu-kartu-belogo-metallurga.html> (дата доступа: 05.12.2019).
- Пригожин И., Стенгерс И. (2000). Время, хаос, квант: к решению парадокса времени / Пер. с англ. Ю. А. Данилова под ред. В. И. Аршинова. М.: Эдиториал УРСС.
- Рикёр П. (2008). Я-сам как другой / Пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Изд-во гуманитарной литературы.
- Рождественская Е. Ю. (2010). Нarrативная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: 4M. № 30. С. 5–26.
- Семенова В. В. (2017). Профессиональный успех: изменяющаяся саморефлексия современных профессионалов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Т. 9. № 14. С. 16–30.
- Тартаковская И., Ваньке А. (2016). Карьера рабочего как биографический выбор // Социологическое обозрение. Т. 15. № 3. С. 9–48.
- Чередниченко Г. А. (2013). Образовательные и профессиональные траектории молодежи: исследовательские концепты // Социологический журнал. № 3. С. 53–74.
- Чередниченко Г. А. (2014). Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М.: ЦСПиМ.
- Элиас Н. Общество индивидов / Пер. с нем. А. Антоновского, А. Иванченко, А. Круглова. М.: Практис.
- Элькин Д. Г. (1959). Восприятие времени // Психологическая наука в СССР. Т. 1. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР. С. 193–207.
- Assink M. H. J., Schroots J. J. F. (2010). The Dynamics of Autobiographical Memory Using the LIM Life-line Interview Method. Göttingen: Hogrefe.
- Bohn A. (2010). Generational Differences in Cultural Life Scripts and Life Story Memories of Younger and Older Adults // Applied Cognitive Psychology. Vol. 24. № 9. P. 1324–1345.
- Cohen J., Hansel C. E. M., Sylvester J. (1954). An Experimental Study of Comparative Judgments of Time // British Journal of Psychology. Vol. 45. № 2. P. 108–114.
- de Vries B., Watt D. (1996). A Lifetime of Events: Age and Gender Variations in the Life Story // International Journal of Aging and Human Development. Vol. 42. № 2. P. 81–102.
- de Vries B. (2013). Lifelines: A Review of Content and Context // International Journal of Reminiscence and Life Review. Vol. 1. № 1. P. 31–35.

- Markus H., Nurius P.* (1986). Possible Selves // *American Psychologist*. Vol. 41. № 9. P. 954–969.
- Rappaport H., Enrich K., Wilson A.* (1985). Relation between Ego Identity and Temporal Perspective // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 48. № 6. P. 1609–1620.
- Rostow W. W.* (1971). Politics and the Stages of Growth. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sheridan J., Chamberlain K., Dupuis A.* (2011). Timelining: Visualizing Experience // Qualitative Research. Vol. 11. № 5. P. 552–569.
- Schroots J. J. F., ten Kate C. A.* (1989). Metaphors, Aging and the Life-Line Interview Method // *Unruh D., Livings G. (Eds.). Current Perspectives on Aging and the Life Cycle. Vol. 3: Personal History through the Life Course*. London: JAI Press. P. 281–298.
- Tasker I.* (2018). Timeline Analysis of Complex Language Learning Trajectories: Data Visualisation as Conceptual Tool and Method // *Applied Linguistics Review*. Vol. 9. № 2–3. P. 449–473.

The Arrow of Time and the Line of Life: The Deconstruction of Linearity

Natalya Veselkova

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University
Address: Lenina str., 51, Ekaterinburg, Russian Federation 620000
E-mail: vesselkova@yandex.ru

Mikhail Vandyshov

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University
Address: Lenina str., 51, Ekaterinburg, Russian Federation 620000
E-mail: m.n.vandyshev@urfu.ru

Elena Pryamikova

Doctor of Sociological Sciences, Head of the Institute of the Social Sciences, Ural State Pedagogical University
Address: Prospekt Kosmonavtov, 26, Ekaterinburg, Russian Federation 620017
E-mail: pryamikova@yandex.ru

The article analyzes the data of sociological research obtained by the Life Line (LL) method among schoolchildren and students of secondary vocational education in small mono-towns of the Sverdlovsk region. Particular attention is paid to the heuristic capabilities of this method in the study of mobility and the construction of narratives of the past, present, and future of young people. The article pursues a twofold goal: first, to subject the experience of using LL to methodological reflection, and secondly, to discuss some research findings obtained using this method. A total of 230 drawings from students and schoolchildren from Krasnoturinsk, Revda, and Pervouralsk are included in the analysis. A brief review of the method's development is given, along with the rationale for the authors' (less-formalized) version. The typology of LL, constructed according to the criteria of a formal structure, helps to analyze the meanings of (non)

linearity, paying attention to both the prevailing logic and the variety of configurations. Classical and modern sociological theory has firmly-rooted ideas about the linearity of social change. At the biographical level, movement and the course of life are also described, taking linearity and direction into account. Most of the drawings of our participants adhere to linear logic; however, a great variety is found inside of it, and various options for deviations from the standard arrow from the past to the future are considered separately. Elements of the sketches testifying to territorial identity are of interest. The use of local names and toponyms gives the drawings a specificity and richness, and demonstrates the local competence of the participants. The life line method allows, in the authors' opinion, to demonstrate the diversity and the relative isomorphism of biographical visualizations at the same time, placing it in wider social contexts across a region, country, or even the world.

Keywords: life line, life course, visualization, identity, temporality, mobility, mono-town, youth studies

References

- Andreeva G. (2012) Prezentacii identichnosti v kontekste vzaimodejstvija [Identity Presentations in the Context of Interaction]. *Psichologicheskie Issledovaniya*, no 5. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/772>- (accessed 28 June 2019).
- Assink M. H. J., Schroots J. J. F. (2010) *The Dynamics of Autobiographical Memory Using the LIM Life-line Interview Method*, Göttingen: Hogrefe.
- Beck U. (2000) *Obshhestvo risika: na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity], Moscow: Progress-Traditsia.
- Bohn A. (2010) Generational Differences in Cultural Life Scripts and Life Story Memories of Younger and Older Adults. *Applied Cognitive Psychology*, vol. 24, no 9, pp. 1324–1345.
- Bell D. (1999) Grjadushhee postindustrialnoe obshhestvo: opyt social'nogo prognozirovaniya [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting], Moscow: Academia.
- Cherednichenko G. (2013) Obrazovatel'nye i professional'nye traektorii molodezhi: issledovatel'skie koncepty [Educational and professional trajectories of the youth: research concepts]. *Sociological Journal*, no 3, pp. 53–74.
- Cherednichenko G. (2014) *Obrazovatel'nye i professional'nye traektorii rossiyskoy molodezhi (na materialakh sotsiologicheskikh issledovanij)* [Educational and Career Trajectories of Russian Young People (Based on Sociological Research)], Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing.
- Cohen J, Hansel, C. E. M., Sylvester, J. (1954) An Experimental Study of Comparative Judgments of Time. *British Journal of Psychology*, vol. 45, no 2, pp. 108–114.
- Danilova A. (2016) Ispol'zovanie geolokacionnyh dannyh v issledovanii povsednevnoj mobil'nosti gorozhan: opyt jempiricheskogo issledovanija [Use of Location-Based Data in the Research of Citizens' Daily Mobility: Empirical Study Experience]. *Sociology of City*, no 2, pp. 34–44.
- Danilova A. (2017) Marshruty povsednevnyh peremeshhenij v dosugovyh praktikah gorodskoj molodezhi [Leisure practices and daily movement routes of young city dwellers]. *Sociology of City*, no 2, pp. 20–29.
- Danilova A., Shvindt U. (2018) Diskurs mobil'nosti v monogorodah: po materialam SMI i social'nyh media [The Discourse of Mobility in Mono-Cities: Using Materials from Mass and Social Media]. *Sociology of City*, no 4, pp. 76–89.
- de Vries B., Watt D. (1996) A Lifetime of Events: Age and Gender Variations in the Life Story. *International Journal of Aging and Human Development*, vol. 42, no 2, pp. 81–102.
- de Vries B. (2013) Lifelines: A review of content and context. *International Journal of Reminiscence and Life Review*, vol. 1, no 1, pp. 31–35.
- Echevskaya O. (2015) Zhiznennye istorii i zhiznennye vozmozhnosti: issledovanie social'nyh neravenstv v optike narrativnoj identichnosti [Life Stories and Life Chances: Social Inequalities in the Workers' Narrative Identities]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 13, no 2, pp. 195–210.
- Elias N. (2001) *Obshhestvo individov* [The Society of Individuals], Moscow: Praksis.
- Elkin D. (1959) *Vosprijatie vremeni* [The Perception of Time]. *Psihologicheskaja nauka v SSSR. T. 1* [Psychological Science in the USSR, Vol. 1], Moscow: RSFSR Academy of Sciences, pp. 193–207.

- Golovaha E., Kronik A. (1984) *Psihologicheskoe vremja lichnosti* [Psychological Time of Personality], Kiev: Naukova dumka.
- Golovaha E., Kronik A. (2008) *Psihologicheskoe vremja lichnosti* [Psychological Time of Personality], Moscow: Smysl.
- Ilyin V. (2019) Social'nyj surfing kak model' molodezhnogo obraza zhizni [Social Surfing as a Model of Youth Lifestyle]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 1, pp. 28–48.
- Kravchenko S. (2015) *Sociologicheskoe znanie cherez prizmu "strel'y vremeni": vostrebovannost' gumanisticheskogo poverota* [Sociological Knowledge through the Prism of the "Arrow of Time": The Relevance of the Humanistic Turn], Moscow: MGIMO-Universitet.
- Kronik A., Akhmerov R. (2003) *Kauzometrija: metody samopoznaniija, psihodiagnostiki i psihoterapii v psichologii zhiznennogo puti* [Cause Measurement: The Methods of Self-Cognition, Psychological Testing and Psychotherapy in the Life Course Psychology], Moscow: Smysl.
- Luhmann N. (2007) *Socialnye sistemy: ocherk obshhej teorii* [Social Systems: Essay on General Theory], Saint Petersburg: Nauka.
- Markus H., Nurius P. (1986) Possible Selves. *American Psychologist*, vol. 41, no 9, pp. 954–969.
- Maslevich T., Safronova N., Minayeva N. (2018) Innovacionnye metody privlechenija abiturientov (na primere issledovanija faktorov motivacii) [Innovative Ways of Applicants Attraction (Based on Research of Factors of Motivation)]. *Vestnik of the Orenburg State University*, no 6, pp. 52–60.
- Meshcherkina E. (2002) Zhiznennyj put i biografiya: preemstvennost sotsiologicheskikh kategorij [Life Course and Biography: Succession of Sociological Categories]. *Sociological Studies*, no 7, pp. 61–67.
- Prigogine I., Stengers I. (2000) *Poryadok iz khaosa: novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of Chaos: A New Dialogue of Man with Nature], Moscow: URSS.
- Rappaport H., Enrich K., Wilson A. (1985) Relation between Ego Identity and Temporal Perspective. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 48, no 6, pp. 1609–1620.
- Ricœur P. (2008) *Ya-sam kak drugoy* [Oneself as Another], Moscow: Humanities Literature Press.
- Rostow W. W. (1971) *Politics and the Stages of Growth*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Rozhdestvenskaya E. (2010) Narrativnaya identichnost' v avtobiograficheskem interv'yu [Narrative Identity in Autobiographical Interview]. *Sociology: 4M*, no 30, pp. 5–26.
- Semenova V. (2017) Professional'nyj uspeh: izmenjajushhajasja samorefleksija sovremennoj professionalov [Professional Success: Changing Self-Reflection of Qualified Professionals]. *INTER: INTERaction. INTERview. INTERpretation*, vol. 9, no 14, pp. 16–30.
- Sheridan J., Chamberlain K., Dupuis A. (2011) Timelining: Visualizing Experience. *Qualitative Research*, vol. 11, no 5, pp. 552–569.
- Schroots J. J. F., ten Kate C. A. (1989) Metaphors, Aging and the Life-Line Interview Method. *Current Perspectives on Aging and the Life Cycle, Vol. 3: Personal History through the Life Course* (eds. D. Unruh, G. Livings), London: JAI Press, pp. 281–298.
- Tartakovskaya I., Vanke A. (2016) Kar'era rabochego kak biograficheskij vybor [Working-Class Career as Choice Biography]. *Russian Sociological Review*, vol. 15, no 3, pp. 9–48.
- Tasker I. (2018) Timeline Analysis of Complex Language Learning Trajectories: Data Visualisation as Conceptual Tool and Method. *Applied Linguistics Review*, vol. 9, no 2-3, pp. 449–473.
- Veselkova N. (2006) Otnoshenie k budushhemu: shtrihi k portretu temporal'noj sub'ektnosti [Attitude towards the future: touches to the portrait of temporal subjectivity]. *South Ural State University Bulletin, Series: Social Sciences and the Humanities*, no 2, pp. 11–15.
- Veselkova N., Mokerova J. (2015) Vysshee obrazovanie: vybor vuza ili goroda? [Higher Education: The Choice of the University or the City?]. *Vestnik socialno-gumanitarnogo obrazovaniâ i nauki*, no 3, pp. 41–46.
- Veselkova N., Pryamikova E. (2005) *Sotsial'naya kompetentnost' vzrosleniya* [Social Competence of Growing], Ekaterinburg: Ural State University.
- Veselkova N., Pryamikova E., Vandyshov M. (2016) *Mesta pamjati v molodyh gorodah* [Sites of Memory in Young Towns], Ekaterinburg: Ural State University.
- Yershova N., Veselkova N., Pryamikova E. (2014) Rastyanutoye vzrosleniye [The Stretched Growing]. *Otechestvennye zapiski*, no 5, pp. 37–48.

Социология подозрительности

Теория рекомендательных отношений

с примерами из академической жизни

Михаил Соколов

Кандидат социологических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге

Адрес: ул. Гагаринская, д. 6/1а, Санкт-Петербург, Российская Федерация 191187

E-mail: msokolov@eu.spb.ru

В статье описываются некоторые общие свойства особой социальной формы — рекомендательных отношений, в которых один агент (рекомендатель) служит для другого (реципиента) источником информации о третьем (рекомендуемом). Распространенная в нашем обществе культура подозрений предполагает, что в этих условиях реципиент может стать жертвой говора между рекомендуемым и рекомендателем, в котором последний получает то, что принято называть «откатом». Готовность реципиента доверять рекомендателю определяется конфигурацией отношений в триаде и учитывает а) моральные дистанции между ними, аффективные и структурно заданные; б) осведомленность рекомендателя о том, что он служит источником информации о рекомендуемом; в) погруженность рекомендателя в другие роли; г) возможности возмездия и д) затрудненность кооперации между рекомендателем и рекомендуемым. Некоторые условия, на которых реципиент соглашается доверять рекомендателю, подразумевают экстернализацию хода мысли, позволяющую, за счет опоры на материальные следы, использовать эффектные инструменты возмездия. Утверждается, что экстернализация определяет, будет ли вся сигнальная система тяготеть к «инфляционной» (потеря «покупательной способности» каждым отдельным сигналом при сохранении его способности указывать на значимые атрибуты) или девальвационной (потеря способности указывать на значимые атрибуты) динамике. В статье используются примеры из сравнительного исследования академических рынков, символов академического статуса и механизмов контроля исследовательской продуктивности (ученые степени, показатели цитирования и т. д.).

Ключевые слова: социология недоверия, социология подозрительности, социология науки, стратегическая интеракция, Эрвин Гоффман, принципал-агентские отношения, научометрия, академический мир

Каждый раз, когда индивид попадает в поле зрения других, он становится для них источником информации о себе (Goffman, 1959: 1). И одновременно — для этих других и источником информации о них самих, но в еще большей степени — о третьих лицах, о которых он может сообщать что-то намеренно или вопреки своему желанию или вовсе без осознания этого. Мы можем внести в это изобилие возможностей некоторый порядок, выделить в подобном обмене сигналами три роли — А — реципиента информации, В — рекомендателя, того, от кого А получает эту информацию, и С — рекомендуемого, того, к кому информация относится

(Соколов, 2009). Так, А может узнать от В, что С — конверватор, знаток вин, человек, замеченный в нечестной игре в покер, и автор статьи, которую обсуждают в кулуарах Американской социологической ассоциации.

Теоретически здесь возможны все мыслимые комбинации физических тел и ролей. А, В и С могут быть разными индивидами. А и В могут быть одним человеком, а С — другим (в этом случае А оказывается частью разума, нуждающейся в информации о С, а В — другой частью разума, поставляющей ее), или А — одним человеком, а В и С — другим (объект одновременно сообщает информацию о себе), или А и С могут быть одной личностью, а В — другой (как в случае с психотерапевтом, сообщающим индивиду информацию о нем же), наконец, все трое могут располагаться в одной телесной оболочке — индивид испытывает самого себя, чтобы узнать, кем он является на самом деле¹.

Эрвин Гоффман, более чем кто-либо из социологов склонный рассматривать реальность как циркуляцию информационных потоков (Anderson, Hughes, Sharrock, 1985: 77), посвятил «Представление себя другим в повседневной жизни» и «Стратегическую интеракцию» случаям, когда А и В являются одним индивидом, а С — другим (индивиду, сознавая, что своим поведением сообщает аудитории информацию о себе, пытается отредактировать ее). В других его работах мы находим А и С, противостоящих В (например, в работах по конструированию идентичности в психиатрии, в которых другие становятся для индивида источником информации о нем самом), и, наконец, А и В и С в одной телесной оболочке, воплощенные в игроке в казино, проигрывающем деньги, но «выигрывающем» веру в то, что он обладает характером, который проявляется в способности невозмутимо принять потерю (Goffman, 1967). В этом тексте мы попробуем добавить еще одну вариацию этой схемы, которой Гоффман странным образом пренебрег — ситуацию, в которой А, В и С — это разные индивиды или целые группы индивидов. Мы увидим, что этот ход позволяет найти некоторое количество точек соприкосновения между формальной микросоциологией и областями исследований, которые до сих пор соприкасались с ней относительно слабо, а именно, принципал-агентскими отношениями, исследованиями «общего знания» и эпистемическими играми, информационной экономикой Спенса и Стиглица, а также социальными исследованиями науки. Некоторые сюжетные линии, которые возникают под таким углом зрения, могут быть прослежены далеко за пределами межличностного взаимодействия — традиционной области микросоциологии — в анализ мезо- или даже макросоциальных процессов, представляющих интерес для политической социологии, теории стратификации и социологии академических институтов. Целью

1. Вернее было бы сказать, что в любой ситуации, когда один индивид разузнает что-то о другом, всегда присутствует {AB}, {C} и одновременно {A} {BC} — один пытается извлечь информацию, полагаясь на свое суждение, второй транслирует ее, пытаясь отредактировать. Помимо двух внутренних В каждого из них, однако, может существовать внешний {B}, и именно он будет интересовать нас в этой статье. Можно расширить эту схему, добавив случаи, когда ее персонажи становятся нечеловеками — например, В — прибор, а С — природное явление. Мы, однако, не будем рассматривать эти случаи.

этой статьи будет показать, как выбранная перспектива придает теоретическое единство совершенно разрозненным на первый взгляд дискуссиям.

Далее мы рассмотрим по очереди проблемы, которые рекомендательные отношения ставят перед А (чья задача понять, в какой мере можно полагаться на рекомендации В), затем перед В (чья задача — сохранить веру А в себя) и, наконец, С (который хочет использовать то, что известно об отношениях А и В, для того, чтобы произвести лучшее впечатление на А). Мы также остановимся на том, как логика взаимоотношений между ними ведет к общей эволюции сигнальных систем, в рамках которых циркулирует социальная информация в данном обществе. Перед этим, однако, нам надо будет сказать несколько слов о природе информационных дистанций, которые обуславливают необходимость для А обращаться к услугам В.

В качестве эмпирических примеров используются данные проекта «Система статусного символизма в науке: сравнительно-исторический анализ и оценка эффективности», в ходе которого были взяты интервью у представителей социальных наук, затрагивавшие вопросы функционирования рынков академического труда и использования формальных индикаторов в управлении наукой в пяти странах (Великобритании, Германии, России, США и Франции), в котором автор участвовал в 2010–2011 годах (Соколов и др., 2015).

Откуда берутся дистанции?

Почему А может вообще потребоваться рекомендация от В для С? Простейшее объяснение состоит, разумеется, в том, что В может наблюдать С с меньшей дистанции, что позволяет ему оценить С точнее. Эта дистанция может быть трех видов — физическая, возникающая в силу локализации игроков во времени и пространстве, культурная (Schutz, 1976 [1945]; Collins, Evans, 2002), обязанная своим появлением неравномерной социальной распределенности знания, и моральная, отражающая готовность самого С делиться достоверной информацией о себе с В (Sahlins, 1972). А может не иметь контакта с С, с которым взаимодействует В. А может иметь этот контакт, но сомневаться, что поймет поступивший от В сигнал; А может подозревать, что С не захочет делиться с ним сведениями или намеренно исказит передаваемую ему информацию, но по той или иной причине согласится ее предоставить, если попросит В.

Виды дистанций, естественно, не исключают один другого. Скажем, классическая информационная асимметрия в экономике — пациент не может определить качество услуг врача, а врач знает, но не обязательно хочет этим знанием делиться — возникает из-за сочетания культурной и моральной дистанций (Akerlof, 1978; Stiglitz, 2000). Соблазнительно представлять себе человеческое сообщество как заключенное в трехмерное пространство, в котором каждая пара индивидов находится на определенном расстоянии друг от друга по каждому из измерений. К несчастью, этой простой картинкой ограничиться невозможно. Культурные

и моральные дистанции специфичны для определенной области взаимодействия (А может полностью доверять суждению В в одной области, но не доверять в другой — скажем, полностью доверять как врачу, но не доверять как отцу и мужу)². Кроме того, дистанция различается в зависимости от того, с чьей стороны она оценивается. А может считать В своим другом, а В — не считать А своим³. Часто, например, возможность для А получить информацию от В, поскольку тот пользуется доверием С, основано на том, что С, скорее всего, не знает, что В воспользуется этим доверием, чтобы передать сведения А (подумайте об офицере С, делящемся секретной информацией с другим офицером, В, не подозревая, что тот вражеский шпион)⁴.

Проблема А. Некоторые основные темы в социологии подозрительности

Теперь мы можем лучше представить себе ситуацию, в которой находится А, который хочет, например, воспользоваться услугами С, но не полагается полностью на своего внутреннего эксперта В в оценке его качеств. Он обращается к внешнему В, который обладает в его глазах репутацией специалиста в этом вопросе. Возьмем ситуацию, когда между А и С происходит рыночный обмен. Любая пара обменивающихся что-то на что-то субъектов А и С ориентируется на ожидаемую полезность (*expected utility*) обмениваемых благ. Если для обоих то, что они получат, кажется более ценным, чем то, с чем они расстанутся, то обмен может состояться, хотя его точные условия являются предметом переговоров. До обмена индивиды однако не знают в точности, что они получат⁵. В этом смысле А имеет основания быть

2. Значительная часть исследований в социологии профессий (Statt, 1982) и науки (Collins, Evans, 2002) посвящены тому, как исторически происходило делегирование авторитета суждения группам экспертов. Так, в результате подобного делегирования большинство взрослых членов современных обществ согласились с тем, что не имеют необходимых культурных ресурсов для вынесения суждения о собственном физическом здоровье. Шюцевские «культурные карты», таким образом, постоянно перерисовываются. Разумеется, обнаруживаются индивиды и субкультуры, которые отвергают доминирующее представление о распределении осведомленности и исходят из того, например, что могут диагностировать свои болезни не хуже докторов, а состояние глобального климата — не хуже климатологов. На примере климата мы видим, что разные культурные карты часто служат материалом для возведения социальных барьеров.

3. Моральными дистанциями свойственно находиться в отношениях двойной контингенции (Parsons, 1968; Vanderstraeten, 2002). Дистанции, которые проводит каждый индивид, производны от моральных дистанций, какими этот индивид их предполагает, они проводятся его контрагентом (я готов считать своим другом А, если он считает себя моим; при этом я отдаю себе отчет в том, что его дружба может симметричным образом зависеть от моей).

4. В некоторых отношениях, моральная дистанция кажется более фундаментальной, чем культурная и физическая, поскольку индивиды, морально близкие друг другу, обычно в состоянии изыскать средства для преодоления культурной дистанции, но не наоборот. Тем не менее это преодоление может сопровождаться такими издержками для обеих сторон, что они все-таки предпочтут прибегнуть к посредничеству В.

5. Говоря об оценке, мы подразумеваем две переменных — с одной стороны, математическое ожидание полезности объекта, с другой — вероятную ошибку этого ожидания. Индивиды могут иметь завышенные ожидания в отношении того, что они могут получить в результате обмена. Они также могут иметь правильное, но не слишком точное представление. Ожидаемая полезность не эквива-

готовым заплатить за услуги В, если тот увеличит точность его ожидания. Но это лишь начало истории.

На суждение В не всегда можно полностью полагаться в силу моральных рисков. Истоки недоверия к нему понятны, когда В и С являются одним и тем же лицом — А приходится обращаться к С с просьбой оценить самого себя и свои услуги⁶. Очевидно также, что, когда А и В являются одним лицом (индивидуал полагается на собственное суждение), аналогичная проблема обычно не возникает (если мы не имеем дела с поклонником Фрейда, допускающим, что одна часть его разума водит за нос другую). В случае, когда и А, и В, и С — разные субъекты, ситуация становится менее определенной. Есть некоторое количество причин, по которым на В нельзя полагаться. Во-первых, если предоставление услуги А связано с какими-то выигрышами для В (его услуги оплачиваются, А испытывает к нему благодарность и т. д.), то В может испытать искушение преувеличить собственную осведомленность. Во-вторых, В может вступить в сговор с С. Если В может повлиять на ожидания С, то, склонив их в свою пользу, В может рассчитывать на вознаграждение и от него⁷.

Чтобы решить, можно ли воспользоваться услугами В, А должен определить, насколько такой сговор вероятен. В этом смысле для использования внешнего эксперта В, ему приходится по-прежнему полагаться на своего внутреннего В, однако последнему достается экспертиза иного рода — метаэкспертиза (Collins, Evans, 2002), которая состоит, с одной стороны, в оценке того, стоит ли доверять суждению В, во-вторых, в том, можно ли доверять самому В⁸. Кажется, что доверие к самому В возможно при выполнении нескольких условий.

Лентна математическому ожиданию выигрыша, поскольку зависит также от возможности ошибки. Об ожидаемой ошибке можно думать как о функции дисперсии ожидаемого результата. Эксперименты со временем Д. Канемана и А. Тверски показывают, что значительное большинство людей предпочитают обменять жетон на банкноту в 50 долларов предложению обменять жетон на возможность сыграть в орлянку и выиграть 100 — если выпадет орел — и 0, если выпадет решка (Kahneman, Tversky, 2013). Хотя математическое ожидание одно и то же, точность прогноза влечет за собой значительные вариации в привлекательности каждой из опций. Желание минимизировать ожидаемую ошибку можно понимать как выражение избегания риска. Более изощренное понимание связывает ее с минимизацией ожидаемой досады (expected regret), на которую может рассчитывать индивид, совершивший ошибку (Sugden, 1985; Zeelenberg, 1999; Zeelenberg et al., 2018; Соколов, 2019). Избегание досады может, в действительности, провоцировать рисковое поведение — как когда индивид покупает лотерейные билеты (высокорисковое поведение), чтобы не ощущать сожалений, если вдруг окажется, что миллионный приз был совсем рядом. Каков бы ни был механизм, точная оценка предпочтительнее неточной.

6. Как если бы университет предложил своим профессорам самим оценивать, сколько их услуги стоят на открытом рынке.

7. Поступив так, В может оказать услугу одновременно А и С. Желание А иметь точную оценку чувств С по отношению к ней и желание С иметь высокую оценку не обязательно противоречат друг другу, так что В — Станарель в комедии дель арте — вполне может заслужить благодарность обоих, ничем не погрешив против морали. Однако в общем случае такое совпадение интересов маловероятно.

8. Метаэкспертиза также может быть отдана на аутсорсинг, например, Гарри Коллинзу и его коллегам из «Третьей волны» STS, но для того, чтобы решиться на это, необходима мета-метаэкспертиза.

- 1) Если А ощущает, что они находятся на нулевой моральной дистанции, и В не имеет причин вводить его в заблуждение.
- 2) Если В не знает, что служит для А источником информации.
- 3) Если выигрыш от возможного введения А в заблуждение будет для В сопряжен с большими потерями, связанными с тем, что функции рекомендателя вплетены в другие важные для него роли.
- 4) Если А верит, что В верит, что А поймет, если его доверие было обмануто, и сможет отомстить за это.
- 5) Если А предполагает, что В не удастся убедить С в своей способности манипулировать его, А, оценками, и обменять эти оценки на что-то, что есть у С.

Далее мы рассмотрим эти пункты по очереди.

Моральные дистанции. Как уже говорилось выше, А может довериться В, полагаясь на мысленную карту, которая определяет вероятные моральные дистанции между В и С и им самим, и позволяет оценить, кто из них может на кого рассчитывать. Моральные дистанции можно грубо разделить на два класса — аффективные и структурные (ср. с: Granovetter, 1985). Аффективные привязанности имеют своим истоком личные отношения (супругам редко предлагают стать рекомендателями друг друга, а им самим этикет предписывает воздерживаться от попыток выступить таковыми, чтобы не ставить других в неудобное положение, заставляя отвергать их советы). Однако они не обязательно проистекают из эмоциональной близости или личной привязанности. Иногда за предполагаемой честностью стоит структурная связь позиций. А может пытаться оценить урон, который нанесет самому В выбор им, А, неудачного действия⁹. Если они, в некотором критическом смысле, находятся в одной лодке, можно рассчитывать на то, что В даст лучший совет, который может. К несчастью, здесь, как и выше, А необходимо проникнуть в сознание В, определив, как тот представляет себе последствия для самого себя поступков А (может ли быть так, что В на самом деле не видит себя «сидящим в одной лодке» с ним). В предельных случаях, однако, связи могут быть достаточно сильными, чтобы позволить индивиду рекомендовать самого себя. Так, врач, предлагающий свои услуги тяжелобольному халифу, даже зная, что будет казнен, если тот не выздоровеет, безусловно, заслуживает доверия по части искренней уверенности в своих силах¹⁰. Таким образом, моральная дистанция

9. Изложение в терминах границ радикально упрощает природу проблемы. Скорее, А должен учитывать, какими будут следствия его поступков в свете информации, сообщенной В, для В, и оценивать, мог бы В предвидеть эти следствия и в какой степени В можно заподозрить в манипуляции информацией с целью заставить предпринять желательные для него, В, шаги. По идее, А даже может пытаться реконструировать подлинную информацию, исходя из ложной, которую В сообщает ему, опираясь на силу подобной дедукции. Примеры можно найти в бюрократических интригах, шпионской литературе и политической коммуникации. В обширном классе ситуаций, в котором В рекомендует С, однако все эти сложности сводятся к простой оценке того, может ли В быть связан с С настолько, чтобы зависеть ценность его услуг, поскольку ответные действия А относительно однозначны, и все стороны могут их предвидеть.

10. Теория рыночных сигналов основана на предположении, что за любым надежным сигналом стоит подобное равновесие — его испускание экономически оправдано только для того, в отноше-

отчасти определяется типом отношений между индивидами (эмоциональная близость), отчасти — взаимозависимостью (структурная близость), отчасти — их моральными качествами (принято считать, что некоторые люди находятся на такой дистанции ко всему прочему миру, что на их слово все и всегда могут полагаться (Shapin, 1995).

Неосведомленность. Помимо веры А в то, что В видит его интересы продолжением своих, А может полагаться на то, что В вовсе не придает значения возможности ввести его, А, в заблуждение — потому что не догадывается, что служит для А источником информации. Действительно, любой человек является для других источником самой разнообразной информации, по большей части совершенно неосознанно. Про посколькунувшегося можно сказать, что он рекомендует остальным поверхность как скользкую и ненадежную. Одна из возможностей для А получить от В, который компетентен в соответствующей сфере, точную характеристику С, состоит в том, чтобы тайком наблюдать за В, не знающим, что за ним наблюдают (поэтому все хотели бы знать, где обедают шеф-повара). Чтобы эта возможность была реализуема, однако, надо, чтобы А мог распознать оценку В, даже если причины этой оценки скрыты от него за культурным барьером. Ничего не знающий о зоологии А может оценить, например, что доклад зоолога-С завершился общими овациями — поскольку он знает, что такая овация. Однако условием этой возможности является то, что В действительно остается в неведении о своем влиянии на А. Во всяком случае, в некоторых сферах основной движущей силой при развитии сигнальных систем является распространение информации, что С осведомлен о том, что А опираются на некоторые виды сигналов¹¹.

Сверхдeterminация. С возможностью наблюдать за неосведомленным В связана следующая опция. В может знать о том, что служит источником информации о С для А, но не придавать этому особого значения, поскольку в появлении этой информации на свет преобладают другие и более важные соображения. Среди прочего, возможно, что, выдавая А рекомендации для С, он одновременно выдает их другим А₂ и А₃, которые для него существенно более важны и при этом более компетентны. С этим связаны естественные ограничения для процесса превращать свои рекомендации в предмет обмена. Если рекомендации, за которыми на-

нии кого данный сигнал является истинным (Spence, 1973; Spence, 2002). Проблема заключается в том, что равновесие сохраняется лишь до тех пор, пока существует уверенность, что сигнал будет считан. Теория рыночных сигналов, таким образом, объясняет, как уже сложившаяся сигнальная система может воспроизводиться, но вряд ли может объяснить, откуда возникает новая.

11. Самым известным примером такой динамики могут служить символы классового статуса (Goffman, 1951), которые радикально меняют свое значение или исчезают вовсе, как только информация о том, что они повсеместно распознаются как таковые, становится общим знанием. Возможно, что было время, когда аксессуар с логотипом известного производителя представлял собой просто сигнал, свидетельствующий о богатстве обладателя, способного потратить деньги на предмет заведомо бесполезный. Однако со временем символ богатства превратился в символ намерения произвести впечатление своего богатства, и даже хуже того, в подозрительный символ намерения произвести впечатление богатства за счет средств, которые обходятся дешевле, чем какой-либо альтернативный сигнал (собственный вертолет, например).

блюдает А, обращены к другим А₂, А₃ и т. д., более искушенным, чем он, он может надеяться, что В не решится на обман.

Если мы возьмем науку (и некоторые другие области социальной жизни), здесь рекомендации рекомендуют рекомендателя. Научная коммуникация является постоянным потоком выдачи учеными рекомендации друг другу. Любые признаки, показывающие в глазах А, что В считает работу С интересной и достойной внимания (прямые рекомендации, ссылки на нее, включение в обзоры, предоставление С публикационного пространства в журнале или пленарного выступления на конференции), являются символом академического статуса. Индивиды нетерпеливо ловят эти сигналы, считывают их и транслируют дальше, и в процентном отношении обмен такой информацией составляет значительную часть коммуникации между учеными.

Действительно, принято воображать ученых обсуждающими новые идеи, но есть подозрение, что эмпирическое исследование бюджетов академического времени показало бы, что они в основном пишут электронные письма по организационным вопросам и сплетничают, причем профессиональные неудачи других являются одной из любимых тем этих сплетен. Ситуации, когда известному ученому с завышенной самооценкой присыпают отказ в участии в конференции, менее известному ученому, после ободряющего письма от знаменитого редактора журнала (которым он успел похвастаться в фейсбуке) приходит *reject*, или очень крупный ученый соглашается выступить с постерным докладом на международной конференции — становятся готовыми сюжетами для обсуждения за их спиной. Каждый погруженный в атмосферу этих обсуждений представляет себе, какие незначительные поведенческие нюансы превращаются в этом контексте в статусные сигналы, как участники круглого стола напряженно следят, сколько раз следующие ораторы ссылались на выступления предыдущих, и переживают и обижаются, если их собственные реплики не привлекают внимания¹². Если индивиды, дающие друг другу рекомендации и ревниво следящие за рекомендациями, данными другими, принадлежат к одной дисциплине, то культурная дистанция между ними невелика, и каждый может оценить суждение каждого. В этом смысле объектом сплетен может стать не только С, который получил низкую оценку от В, но и В, который оценил С неадекватно¹³. Прочитав по совету другого человека бездарную статью, или пригласив по его настоянию на семинар негодного оратора, мы зададимся вопросом о его способности судить о качестве научной работы. Поскольку

12. Зацикленность на учете символов собственного признания повсеместно считается постыдной, но при этом повсеместно же и распространена. Многие крупные ученые были бы удручены, узнав, источником какого числа шуток является тот факт, что данные на их странице Российского индекса научного цитирования обновляются ежедневно.

13. Разумеется, происходящий в таком случае процесс восстановления когнитивного баланса, в духе теории Хайдера, будет работать в обе стороны — В может потерять часть своих позиций в глазах А, но А может убедить себя, что и С не так плох. В любом случае, однако, эта ситуация содержит риски для В, которых он попробует избежать. Соображение предложено автору Анжеликой Цивинской.

это есть часть профессиональных квалификаций ученого (и в том числе предположительно, коррелят качества его собственной работы), тот, чьими рекомендациями остались недовольны, теряет в наших глазах часть собственного авторитета, и как и любой другой компрометирующей информацией, этими сведениями мы рады поделиться с другими.

Существованием этого механизма можно объяснить ситуацию, которую в интервью описал американский профессор:

Вы знаете, в социологии [публикации] — это то, что нужно [чтобы найти работу]. Нужно чтобы тот, кто только закончил аспирантуру, публиковался в лучших журналах. И, знаете, я не уверен, что это признак здоровья дисциплины... Я думаю, что это свидетельство того, что отборочные комитеты (hiring committees) отдали идентификацию качества на аутсорсинг редакторам журналов. Отборочные комитеты просто чувствуют себя все менее и менее уверенными в своей способности разобраться в качестве кандидатов самим... Вы знаете, область [социологии] такая большая, что никто не может быть экспертом сразу во всем. И то, что [комитеты] делают — это, по сути, просят журналы сделать за них их работу. Поэтому иметь статью в лучшем журнале — это сигнал, который позволяет отборочным комитетам сортировать, во всяком случае, на уровне топовых университетов, сортировать кандидатов (профессор, США).

Доверие редактору профильного журнала, помимо небольшой дистанции, основано на том, что говорят редакции журнала с аспирантом маловероятен — статью слишком низкого качества заметят, и тень неизбежно падет на редактора.

Это не означает, что в научных дисциплинах способность испускать статусные сигналы не становится политическим инструментом. Особенно в так называемых дисциплинах с низким консенсусом мы сплошь и рядом находим свидетельства борьбы между школами и течениями, игнорирующими работы друг друга и на-деляющими тексты своих сторонников преувеличенной ценностью (Scheff, 1995). Однако наблюдатели часто надеются, что эти тенденции могут быть сбалансированы опасением потерять лицо вследствие плохих рекомендаций и общим для всех представителей дисциплины надеждой, что станут при жизни свидетелями того, как комната социальных секретов будет открыта. Это не предохраняет от манипуляций вовсе, хотя, предположительно, накладывает на них некоторое ограничение.

В целом действующее здесь правило выглядит так: чем выше ставки для В в активности, побочным следствием которой является производство сигнала для А, тем больше на него можно полагаться. Инвестиционный банкир, долларом сигнализирующий, какие стартапы кажутся ему перспективными, может считаться здесь эталоном¹⁴. С другой стороны, чем более изолирована активность по произ-

14. В истории фондовых рынков имеются (возможно, полумифические) истории о миллионных тратах, осуществлявшихся, чтобы подать ложный сигнал и заручиться миллиардовыми прибылями. История о Наташе Ротшильде, дающая понять, что Ватерлоо проиграно, скидывая свои акции, и тем

водству сигнала от иной деятельности, в которую вовлечен В, тем больше вероятность, что этот сигнал будет использован как объект продажи или обмена.

Последнюю возможность можно рассмотреть на примере защит диссертаций в России, которые представляли собой рекомендацию, выдаваемую диссертационным советом молодому члену корпорации. В другом месте автор с коллегами утверждали (Соколов и др., 2015: 10–16), что основной причиной девальвации степеней в России было то, что они а) служили скорее инструментом административного контроля над рынком академического труда (или рекламы для неакадемической аудитории), чем использовались как рыночный сигнал для коллег-наниматель; б) их защита была актом, которые мог произойти, по сути, вне поля зрения широкого круга коллег. Мы еще вернемся к этому далее.

Потенциал возмездия. А может полагаться на то, что В опасается, что А узнает о его, В, измене, и предполагает наличие у него, А, ресурсов для возмездия. Три ресурса в этом смысле находятся в его распоряжении — статистическое мышление, материальные следы и социальная (дез)организация. В может осознавать, что если дистанция, мешающая А самому наблюдать за С, физическая по своей природе, то А может прибегнуть к выборочным проверкам, тем самым обходя невозможность следить за С все время. Поскольку для В попасться один раз из 100 возможных часто ведет к потерям, не окупаящимся 99 удачными разами, то 1% случайных проверок со стороны А должен служить достаточным сдерживающим фактором.

Вторым ресурсом является обращение к материальным следам, которые расширяют временной диапазон этих инспекций и сохраняют некоторые из них для аудиторий, которые в принципе не могут наблюдать исходный эпизод¹⁵. Материальные следы, предположительно, способны сохранять отпечаток прошлых событий; аудиозапись, сделанная на скрытом записывающем устройстве, например, подтвердит, что я получил преступный приказ, который мне отказались отдать письменно.

Третьим ресурсом является социальная (дез)организация, подразумевающая сличение показаний нескольких В. Использование дезорганизации основано на том, что несколько В а) вряд ли имеют полностью совпадающие интересы; б) вряд ли в состоянии координировать свои версии событий, если эти версии отличаются от того, что каждый из них видел своими глазами. В нашей элементарной модели А обращается к В, чтобы получить оценку услуг С. Он может, однако, обратиться к нескольким В₁, В₂ и В₃. Если С попробует прибегнуть к подкупу, то для него сложность задачи многократно увеличится, поскольку, помимо того, чтобы заручиться помощью каждого из В по отдельности, ему придется добиться от каждого из них идентичных показаний. Для ряда В это увеличит риски, поскольку, помимо

самым обрушивая рынок, а затем в момент паники скрывающим его назад, может считаться архетипической. Трюк, понятно, был основан на абсолютной уверенности Ротшильда, что за каждым его действием следят внимательные глаза.

15. Современная бюрократия, как обнаруживают один за другим высокопоставленные преступники, вообще производит и сохраняет столько документов, что их последующее уничтожение становится уже совершенно невозможным.

того что А со временем может убедиться в том, что С не обладает желательными свойствами, они рисуют немедленно попасться на том, что их свидетельства не совпадают. Здесь, как и выше, основным инструментом против обмана оказывается неопределенность в отношении того, кто из участников уже знает или может узнать. Значительная часть практик правосудия основана на том, что успешная коллективная ложь является куда менее тривиальным социальным достижением, чем озвучивание правды¹⁶. Если добавить к этому возможное несовпадение интересов рекомендателей (для В1 желание скомпрометировать В2 в глазах А может превосходить желание поддержать С), добиться от них согласованной лжи непросто¹⁷.

Наука, опять же, представляет собой удачный пример. Теоретически всех ученых в данной дисциплине можно заподозрить в том, что они участвуют в общем заговоре с целью введения обывателей в заблуждение, рекомендуя друг друга и создавая кружок взаимного восхваления. Однако восхваление имеет обратной стороной создание статуса восхваляемого. Поскольку статус является *excludable* и позиционным благом — чем больше его у одного, тем меньше у другого — то каждый ученый испытывает внутреннее отторжение при мысли о том, чтобы делиться им без разбора. Данное ограничение проявляется еще более отчетливо в случаях, когда ученым приходится делить, например, исследовательское финансирование. Это позволяет надеяться, что большое число рекомендаций скапливаются все-таки в руках тех, кто в наибольшей степени продвигает повестку дисциплины в целом, преодолевая естественную враждебность ученых по отношению друг к другу.

Суммируя, социальная организация, обладающая наибольшей способностью убедить А, что нечто произошло, — это в некотором роде именно та организация, которую сложнее всего централизованно координировать, чтобы ввести кого-то в заблуждение. Действия участвующих в ней агентов вписаны во множество других порядков, которые, предположительно, не оставляют им даже времени задуматься о том, что они как-то влияют на восприятие А. Кроме того, даже осознай они это, все равно их интересы слишком антагонистичны, чтобы они могли выступить союзниками.

Эволюция некооперации. Наконец, А в своей оценке рисков того, что В вступит в спор с С, может учитывать, что С находится в положении, аналогичном его собственному. С приходится оценивать, не преувеличивает ли В свое влияние на

16. Это знал уже автор самого первого в истории детектива, герой которого поймал лжесвидетелей на том, что они не договорились, под дубом или мастиковым деревом Сусанна предавалась греху. Кроме того, кажется, что ложь в ситуации, когда часть участников излагает истинную версию событий, причем среди них есть общее знание о том, кто лжет, создает стресс, для преодоления которого нужна особая твердость духа (Lamont, 2009).

17. Надо добавить к этому то, что один из В — всегда внутренний эксперт А, о степени осведомленности которого внешний В и другие могут только догадываться. В целом самые изощренные коллективные фабрикации (Goffman, 1974) обычно терпят неудачу, поскольку никто в точности не знает, что знает их жертва.

А, можно ли надеяться, что он обманет доверие А в его, С, пользу¹⁸ и удастся ли С совершить возмездие, если В обманет его. В этом смысле продать С свои услуги для В является нетривиальным достижением, а А может сделать его еще более сложным, например, выбирая В, который до того был слабо связан с С и имеет немного шансов соприкоснуться с ним снова.

Примеры институциональных воплощений всех этих механизмов легко разглядеть в эволюции диссертационного комплекса в России. Те, кто отвечал за диссертационное законодательство, видели себя А, которым необходимо гарантировать себя от пополнений сомнительных В и недобросовестных С. Меры, направленные на повышение качества защиты диссертаций, представляли собой вариацию на одну из шести тем, которые читатель легко узнает: 1) требование широкой публикации, увеличивающее число потенциальных рекомендателей, которые могли бы почувствовать себя задетыми некомпетентностью работы нового члена цеха; 2) в том числе публикации в журналах, в которых редактор и рецензенты, выступающие как рекомендатели, в силу своей структурной позиции заинтересованы в поддержании высокого мнения об издании; 3) изоляции оппонентов и ведущей организации от связей с диссертантами; 4) требования к руководителю, оппонентам и членам диссовета, исключающие, что организаций начнут штамповывать диссертации в целях извлечения прибыли от роли недобросовестного рекомендателя; 5) передачу все большей роли экспертным советам ВАК, которые должны были перепроверять работу диссоветов на местах и которые, в силу удаленного положения в Москве, по идее не должны были иметь связей с нижестоящими¹⁹; 6) персональные кары для руководителей, оппонентов и членов диссоветов, чью работу экспертные советы ВАК забраковали.

18. Что вдвое проблематично, учитывая, что В сложнее претендовать на безупречные моральные качества в глазах С, которому он помогает обмануть А.

19. На самом деле, связи бигменов и бигвименов на местах с экспертными советами являлись совсем нередким делом. Вот как эта картина представляла в интервью с известным российским ученым: «Информант: В экспертном совете ВАК я не был никогда.

Интервьюер: А знаете ли вы что-нибудь о том, как он работает?

Информант: Ну конечно, до меня многие вещи доходят. Там членами экспертного совета мои хорошие люди были, друзья... До последних лет, конечно, там личные отношения имели значение. Но это, если схематично, на уровне блаты: я тебе, ты мне. На уровне блаты, на уровне знакомств, на уровне хорошего отношения... Более того, я один-единственный раз в жизни сам воспользовался этим. Я вообще слабые диссертации не выпускаю, если я научный руководитель. Но был один-единственный случай, когда по стечению обстоятельств надо было выпустить одну кандидатскую работу, которая, конечно, была слабенькой. Ну бывают слабые выпускницы. И потом ее вызвали на совет. Я позвонил и честно сказал: «Ребята, ну диссертация слабовата, я это сам знаю. С другой стороны, она не слабее тех, которые у вас проходят, это я тоже знаю. Вот если она не слабее тех, которые у вас проходят, то хорошо бы, чтобы она прошла». И она прошла... Хотя я хорошо знаю, что гораздо более сильную диссертацию зарубили, тот же экспертный совет. Даже я знаю две такие диссертации. Но по одной был жив академик NN. Я ему позвонил [говорю]: «NN, сильная докторская диссертация». Начал ему объяснять. Он говорит, не объясняйте. Мне достаточно вашего слова, что это достойная диссертация. Пусть обжалует в Президиум ВАК. Ну в общем, он получил докторскую диссертацию, действительно по-настоящему блестящая работа, он сейчас профессор двух ведущих вузов» (профессор, Россия).

Что влияет на предпочтение А того или иного механизма защиты? В этом пункте, видимо, принципиальное значение имеет то, с какого рода дистанциями мы имеем дело. Если дистанции сугубо физические, то угроза возмездия обманутого А может быть достаточной (покупатель фруктов узнает, правду ли ему сказал продавец (в данном случае, выступающий как В и С в одном лице) про сладость дыни, как только вернется домой)). Однако если она культурного или социализационного свойства, реалистически рассуждая, А может не рассчитывать когда-либо узнать, обманули его или нет (пациент не знает, удачно ли было лечение, по сравнению с применением другого лечения). В этих условиях, значительная часть институтов, которые основаны на потенциальном возмездии со стороны А при повторяющемся взаимодействии просто не работоспособны²⁰. Кроме того, символы, очевидные для инсайдеров в одной академической дисциплине, могут стать непрозрачны для А из другой дисциплины, и даже если они представлены в изобразилии, он не знает, какими воспользоваться:

В [университете] при начислении надбавок никто не учитывает порядок соавторства. А в public health все знают, что первый автор все написал, второй — скорее всего, руководитель первого, который тоже вложился, но третий автор просто написал комментарии вроде «переставьте этот абзац». А для тех, кто это не понимает, соавторство — круто (доцент, Россия).

При возникновении подобных проблем используются другие механизмы защиты, в которых основная роль отводится моральным дистанциям между А и В (А обращается к В, потому что он кажется носителем безупречного морального характера или, как он предполагает, является его близким другом), а также манипуляцией структурными переменными, привязывающими В к А (например, оповещение придворного врача о том, что он не переживет своего царственного пациента). В еще большей степени, впрочем, кажется, что акцент переносится на институциональные устройства, делающие сговор между В и С маловероятным — например, поощряющие разных В конкурировать за предложение А своего совета, критикуя в этом процессе один другого, или подбирая их так, чтобы исключить сильные связи между ними, благо принцип отбора является реальностью, судить о которой А вполне компетентен. Наконец, эта ситуация создает запрос на роль особых В+, которые могут указать А на реальность, которую тот способен наблюдать, хотя и не догадывался об этом прежде. В+ может открыть для А, что он компетентнее, чем сам думал.

Одним из таких В+ в истории академического мира был Юджин Гарфилд, заронивший идею о том, что цитирования могут быть превращены в систему сигналов, решающую проблемы А. Цитирования представляют собой рекомендации, кото-

²⁰ Одна из неоинституциональных теорий (Klein, 1997) объясняла феномен надежности эксперта и, шире, феномен репутации повторностью взаимодействия: покупатель и продавец встречаются однажды, но советчик (knower, В в терминологии этой статьи) может взаимодействовать с покупателем снова и снова, и в этом смысле больше озабочен соображениями продолжения кооперации.

рые одни ученые выдают другим ученым для третьих ученых. Существует обширная литература о феноменологии цитирования, обстоятельно исследующая, берет ли цитирующий автор цитируемого в заложники или платит ему дань уважения (Baldi, 1995; Bornmann, Daniel, 2008). Что бы из этого ни было ближе к правде, нельзя избежать того, что цитирующий всегда указывает на автора другого текста как на важный источник, пусть хотя бы в сугубо отрицательном смысле (критикуя кого-то, мы как минимум даем понять, что предполагаем, что ошибки критикуемого могут ввести в заблуждение кого-то другого). В случае с цитированиями особенно отчетливо заметно то, что рекомендатель всегда рекомендует самого себя в процессе рекомендации, стремясь, с одной стороны, избежать обвинений в незаконном присвоении чужих идей, а с другой — в незнамстве с текущей литературой²¹. И в том и в другом случае, однако, они будут скорее думать о реакции анонимных рецензентов и редакторов, об израсходованных печатных знаках, и о реакции тех, кто увидит или не увидит себя в списках литературы, чем о возможных подсчетах А. Если они думают о внешних А, которых они могут ввести в заблуждения, то этими А являются скорее их аспиранты, перед глазами которых они пытаются создать видимость интеллектуальной значительности, собственной и своих друзей. Кроме того, цитирования материальны и могут быть пересчитаны неограниченное количество раз в будущем. А может обратиться к специальному В, чтобы сосчитать их, но деятельность такого В будет в идеале целиком и полностью под контролем²². Наконец, в случае с цитированиями в число экспертов потенциально входит вся дисциплина, включить которую в сговор затруднительно.

В этой точке необходимо сделать важную оговорку. Рассуждения выше были задуманы как реконструкция обыденной теории, которая служит индивидам для того, чтобы упорядочивать мир вокруг себя, и описать то, как другие упорядочивают его. В этом, как и во многих других случаях, теоретик в социальных науках лишь систематизирует работу повседневного теоретика, который, во многих отношениях, стремится систематизировать для себя работу других теоретиков.

Однако то, что некоторая — иногда большая — часть агентов руководствуется некоторой теорией человеческого поведения, не значит, однако, что эта теория верна. Например, широко распространенное убеждение, что такими универсальными формами рекомендаций, как цитирования, российские социологи склонны в естественной ситуации обмениваться с теми, кто находится на небольшой моральной дистанции, или возвращать их как благодарность за экономическое покровительство, является скорее неверным в свете имеющихся данных (Сафонова, 2012). Это не значит, однако, что, будучи неверными, они не являются значимыми по своим последствиям. Чтобы изменить мир, теория не обязательно должна точ-

21. В этом смысле социальные науки отличаются от естественных. В естественных науках подозрением, от которого ученые стремятся защититься в первую очередь, являются обвинения в пла-тирате. В социальных — в том, что они не знают литературы или понимают ее неправильно (поэтому обвинения в том, что кто-то приписал Веберу идею, которой у того не было, встречаются чаще, чем обвинения в том, что кто-то присвоил веберовскую идею, не сославшись на первоисточник).

22. Во всяком случае, так кажется тем, кто никогда не подсчитывал цитирования.

но его описывать. Рассуждения тех, кто пытался гарантировать себя от злоупотреблений недобросовестными рекомендателями, явно изменили мир, пусть и не тем образом, на который те рассчитывали.

Если этот параграф был посвящен обыденной теории, то в следующих двух мы рассмотрим непредвиденные последствия основанной на этой теории практики.

Проблемы В. Принципал-агентские отношения и следствия экстернализации

Представьте себе В, который, с одной стороны, ощущает себя объектом подозрительности со стороны А, предполагающего, что его, В, рекомендации могут отражать личную заинтересованность в манипуляции оценками С, а с другой стороны — желает сохранить расположение этого А. Такой В в первую очередь заинтересован в том, чтобы иметь возможность полностью рационализировать задним числом свое решение, эксплицировав использованный алгоритм его принятия.

Примером может служить положение В в специфической ситуации, которую отображает рисунок 1 и которая известна как принципал-агентские отношения (Jensen, Meckling, 1984; Moe, 1984; применения к науке: Braun, 1997). На этой схеме А, находящийся на вершине иерархической пирамиды, руководит некоторым количеством С через передаточное звено в виде своих «лейтенантов» В. А отделяет от С физическая дистанция — невозможность одновременно наблюдать за работой многих людей — но также и культурная — он не понимает, чем эти люди занимаются. Чиновник, руководящий наукой, является образцовым примером такого А. Предположим, что В находятся — в смысле культурных дистанций — где-то на полдороге между А и С. Они могут наблюдать С, и они понимают в их работе значительно больше, чем А.

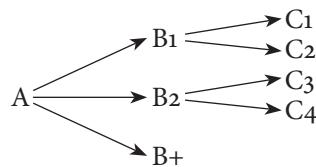

Рис. 1

А, желающий убедиться, что его подчиненные заняты делом, будет требовать у В отчета о деятельности С. Однако отчеты В, будут весьма ненадежной информацией. Во-первых, в ситуации, когда В отвечает за руководство С, плохие результаты последних являются и его собственными. С точки зрения моральных дистанций, таким образом, В расположен ближе к С, чем к А, и А не может не относиться к его показаниям с подозрением. Во-вторых, В и С находятся в отношениях, кото-

рые делают вероятной реализацию схемы, широко известной как «откат» — В завышает стоимость услуг С, деля с ним часть прибыли (не обязательно в виде денег — в академическом мире В может преувеличивать заслуги С, позволяя ему получить высокую зарплату за нестоящую работу, а тот будет расплачиваться по чтением к В как к лидеру научной школы). Возникновение такого говора особенно вероятно, если в других ситуациях роли С и В меняются, и подчиненные могут так или иначе оценивать работу руководителя, например, обращаясь с жалобами к А или выдвигая кандидатуру В на выборах²³. Добавим, что, поскольку в подобной цепочке знакомство В и С неизбежно, значительная часть «разделяй и властвуй» схем, основанных на анонимности и предотвращении кооперации, к ним заведомо не применима²⁴.

Все это делает В весьма подозрительным в глазах А (а часто и в глазах С, опасающихся, что В выслуживается, пренебрегая их, С, законными интересами) и заставляет В искать способы показать, что в его действиях нет ни произвола, ни корысти. Эта интенция обратна той, которую обычно приписывают индивидам в формальной организации — увеличению собственной дискреции. Разумеется, и та и другая интенция совершенно реальны, и чиновники парадоксальным образом имеют основания стремиться одновременно к увеличению собственной свободы маневра, и к ее сокращению в зависимости от обстоятельств²⁵. Идеалом для В является состояние, в котором дискреция все-таки сохраняется, хотя любое принятное решение можно задним числом рационализировать как если бы оно подчинялось правилам. Однако, как и большинство идеалов, этот малодостижим²⁶.

23. Процедура выборов ректора в российских университетах до 2006 года, при которой ректор избирался конференцией и утверждался учредителем, была типичным примером такой двойной зависимости и способствовала раздражавшей Минобрнауки тенденции ректоров выступать как избранные политики, служащие интересам своего избранника (Соколов, Лопатина, Яковлев, 2018).

24. В качестве спасительной меры А может обратиться за помощью к В₂ или В₃ с просьбой дать оценку В₁. Какими будут последствия этого шага, зависит от характера отношений между «лейтенантами». Если они регулярно участвуют в оценке друг друга, то имеются большие шансы формирования говора уже между ними — особенно если структурно выигрыш одного из них не уменьшает выигрыши всех остальных. Если, с другой стороны, они, скажем, конкурируют за ограниченный объем extractable ресурсов (например, они представляют конкурирующие ведомства, соревнующиеся за благосклонность диктатора), то диктатор не может доверять их оценке уже по противоположной причине — они могут приижать заслуги друг друга. И так и так В не слишком надежны.

25. В истории России имеется много примеров, когда даже реформы начинались или блокировались для увеличения дискреции. Примером может служить Министерство финансов Российской империи, долгое время блокировавшее реформу, регуляризированную пенсионное обеспечение чиновников, чтобы вынудить глав других ведомств приходить к министру хлопотать за своих подчиненных и в итоге ощущать себя в долгу (Раскин, 2001: 251). Если мы берем образование и науку в России, однако основной мотив введения институциональных новшеств, кажется, был противоположный — никто не хотел оказаться подозреваемым в том, что ведет себя как министр финансов из этого исторического анекдота.

26. Иногда, впрочем, этот идеал приближается к воплощению. Используя академический пример, возможность манипулировать весами категорий, учитываемых Показателями результативности научной деятельности (ПРНД), позволяло иногда администрациям институтов творить чудеса, вознаграждая одних и наказывая других (Соколов и др., 2015: 618–622).

У этого положения, однако, есть несколько непредвиденных последствий, которые мы разберем далее. Как остро осознает В, в потоке событий есть несколько несмешивающихся слоев. Есть (а) реальность, которую В фактически наблюдает; (б) есть то, что, как он предполагает, наблюдают другие люди, оказавшиеся в той же ситуации; (в) то, что В верит, что он сможет доказать другим людям, что происходит в данной ситуации. (б) и (в) не вполне тождественны — В может предполагать, что все распознают данный цвет как «синий» (или выражение на лице как глумливую улыбку), но если люди вокруг заявят, что это не синий, а зеленый, он не сможет доказать им, что они неправы. Напротив, решение задачи или головоломки может быть неочевидно, но В верит, что легко может доказать, что он видит то, чего другие не видят. Продолжением и развитием этих тем является (г) возможность доказать свою правоту некоторое время спустя. Здесь, как кажется, самой надежной гарантией является сохранение материальных следов завершившегося события. Если индивид и окружающие его люди разошлись по поводу природы завершившегося события, которое не оставило никаких вещественных следов, договориться не слишком много шансов²⁷.

Читатель мог уже заметить симметрию в положении А и В. А хочет убедиться, что В говорит правду; В хочет убедить А, что говорит правду. Для В задача принимает форму того, что можно назвать ретроспективной экстернализацией хода его мысли: он хочет впоследствии иметь возможность показать, почему он принял то или иное решение и тем самым доказать свою невиновность в умысле против А. Экстернализация является, как следует из названия, негативом интернализации — в первом случае что-то (например, поддерживаемые обществом моральные нормы) усваивается индивидом и он начинает судить себя самого так, как его судит общество. В случае экстернализации, происходит обратное — индивид пытается сделать ход собственной мысли видимым для других, причем часто других, живущих в другом времени. В добровольно ограничивает себя тем, что в завтра останется от сегодня. В этом смысле наше понимание таких вещей, как распространение формальных показателей деятельности в Академии требует переосмысления. Они часто интерпретируются как попытка достичь большей управляемой эффективности за счет навязывания объектам управления новой субъективности (Shore, Wright, 1999) или опоры на зарекомендовавшие себя практики самопознания (Power, 1997). Другие характеристики чисел, однако, могут быть важнее. С одной стороны, подсчитываемые величины обычно имеют характер записей на материальных носителях. С другой стороны, математические процедуры всегда могут быть воспроизведены, и в будущем А может убедиться, что В следовал в этом смысле инструкции; их применение есть ритуал демонстративного потребления собственной объективности (Porter, 1996).

27. Заметим что удивительным образом то, по поводу чего люди обычно не соглашаются, и то, по поводу чего они думают, что два человека могут легко не согласиться, — не всегда одни и те же вещи. Во всяком случае, в России большинство политически активных субъектов уверены, что любой разумный и честный человек не может не придерживаться тех же убеждений, что и они.

Почему для отношений между А и В может быть характерна большая или меньшая экстернализация и общая склонность видеть настоящее через призму будущего? Мы не можем предложить здесь какого-то универсального объяснения. Вероятно, влияние оказывает сфера деятельности. Причина, по которой наука была особенно восприимчива к эстетерIALIZации, возможно, состояла в том, что она является частью исследовательской коммуникации; ученый должен сделать ход своей мысли полностью воспроизведимым для своих коллег; эти профессиональные рефлексы — можно предполагать — легко переносятся в область администрирования. Аналогично некоторые профессиональные группы могут по самому роду своей деятельности быть склонны экстернализировать опыт (можно подумать, например, о юристах, способных видеть настоящее через фильтр, отделяющий зерна, из которых прорастут судебные доказательства, от плевелов).

Далее, могла иметь значение структурная ситуация, в которой находятся А, В и С. Некоторые типы взаимоотношений особенно стимулируют развитие интенсивных подозрений. Так, возвращаясь к примеру выше, положение в иерархической цепочке, в которой В приходится оправдывать свои действия и перед А, и перед С, между которыми он распределяет ресурсы и вознаграждения, кажется, особенно располагает к тому, чтобы обзавестись универсальной рационализацией, которая позволяла бы объяснять группам с прямо противоположными интересами, что В не стоит ни на чьей стороне, кроме интересов истины или общего дела.

Наконец, могут сказываться общекультурные факторы — общий градус недоверия, циркулирующего в системе, своего рода социetalная культура подозрения. В некоторых из стран, предположительно, преобладает общая убежденность в испорченности институтов (или скептицизм по поводу человеческой природы в целом); в других есть нечто вроде наивной веры в здоровье сообщества (локального, дисциплинарного, профессионального, национального (Delhey, Newton, 2005)). Всеобщая подозрительность предполагает, что любой В воспользуется своим положением посредника между А и С для извлечение прибыли. Существование такой культурной нормы объясняет, почему люди сохраняют веру в обыденные теории наподобие «теории отката», даже если теории эти явно неправдоподобны; однако сама предрасположенность нуждается в объяснениях, и мы еще далеко от того, чтобы получить их.

Некоторые последствия существования подобной веры описаны в «Моральных основаниях отсталого общества» Э. Бэн菲尔да (Banfield, 1958). Наиболее важно, видимо, то, что ей свойственно приобретать характер самоисполняющегося пророчества. Бэнфилд выводил истоки отсталости из аморальной семейственности, заключающейся в вере в то, что большинство людей руководствуются сугубо эгоистическими мотивами (и, надо прибавить, вере в то, что все вокруг верят в то, что все руководствуются подобными мотивами). Даже альтруист, заняв государственную должность, неизбежно становился коррупционером в такой системе, поскольку его уже считают таковым. Чиновники, которые сталкиваются с тем, что их считают взяточниками, могут начать брать взятки с тем, чтобы добавить к по-

зору хотя бы прибыль. С другой стороны, и чиновники, и их руководители могут стремиться с общего согласия к тому, чтобы полностью экстернализировать свой выбор, доказав, что они следовали механизированному алгоритму принятия решения, при котором их личные пристрастия не играли никакой роли²⁸.

Применительно к России представление о коррумпированности государственных (и любых иных) органов оказывается популярной темой как массовой культуры, так и социальных наук. Кажется что, в форме ли веры в *homo soveticus*, или в слегка загримированном виде под названием «(нео)патриотизм», или «плохие институты» (Pipes, 1999; Fisun, 2012; Гельман, 2016), идея национальной порочности обречена возвращаться бумерангом как в виде самоисполняющегося пророчества, так и сомнительной эффективности практик управления, которые лишь усугубляют ощущение общего кризиса. Управление в России традиционно осциллировало между крайностями формализма и верой в харизму и чистоту революционного духа, которые, при всей своей противоположности, существовали в симбиозе, поскольку слабость каждой легитимировала другую.

Проблема С. Инфляционная и девальвационная динамика

Перейдем теперь к ситуации С, который знает, что будет отрекомендован А на основании некоторого числа наблюдений со стороны В. Мы можем сказать, что его поведение в этой ситуации определяется прежде всего тем, (а) с какой точностью С известно, что именно В может наблюдать и (б) в какой мере рекомендатель связан необходимостью экстернализировать свои умозаключения, приводя их в рационализируемый в глазах А вид.

Осведомленность о сигналах, считываемых наблюдателем, приводит к явлению, которое стало в соответствующей литературе носить название «реактивность» (Espeland, Sauder, 2007), но задолго до того уже было широко известно любой бюрократии как «работа на показатели». Работа на показатели подразумевает понятное стремление С обзавестись именно теми атрибутами, на основании которых В строит свое умозаключение о нем. Соображения, изложенные выше, подводят нас к мысли, что это стремление может означать совершенно разную эволюцию самой системы сигналов в зависимости от того, насколько велика потребность В экстернализировать свои умозаключения²⁹. Для В введение правил экстернализации — это сокращение дискреции и возможность оправдать свой выбор, пусть даже ценой снижения его качества. Для С она означает также опреде-

28. Формализация академической оценки, возможно, добавляла силу эффекту самоисполняющегося пророчества, поскольку ставила подчиненных в положение, не оставляющее возможности для демонстрации гражданской или научной добродетели, и тем самым ослабляла барьеры на пути к обману (Etzioni, 1959).

29. Гипотетически критерии могут сохраняться в тайне от С (как, например, при собеседовании в каком-либо таинственном учреждении), однако практически продолжительное сохранение такой тайны является маловероятным; кроме того, подобная таинственность сводит на нет эффект принуждения С к ведению определенной формы жизни, на который А может надеяться (см. далее).

ленность в отношении критериев оценки, которые В применит или не применит, и обозначения «красных линий», за которые он точно не зайдет³⁰.

Мы можем предположить, что, когда множество С в похожей ситуации конкурируют за оценку множества А, степень экстернализации определяет развитие всей системы рекомендательных сигналов в одном из двух направлений — инфляционном или девальвационном. Инфляционная динамика подразумевает, что в условиях высокой конкуренции (например, на рынке труда, где предложение превышает спрос) претенденты на выигрыш обзаводятся все большим и большим числом качественных рекомендаций. Каждая следующая когорта кандидатов делает следующий шаг в гонке, приобретая новые и новые «сигналы», которые были бы избыточны для их предшественников. В результате, покупательная стоимость любого «сигнала» — способность гарантировать получение работы или гранта, понижается, хотя те атрибуты, на которые они указывают, остаются прежними.

Девальвационная динамика означает, что каждый символ со временем начинает означать все меньше и меньше, деградируя по мере того, как находятся новые способы приобрести его меньшей кровью³¹. В результате каждое следующее поколение обладателей сигнала платит за него все меньше и меньше. Исторической аналогией для инфляционного процесса будет обесценивание золота и серебра, наступившее в Европе после притока драгоценных металлов из Нового света. Качество драгоценного металла самого по себе не снижалось, но покупательная способность сделанной из него монеты при этом драматически сокращалась. Исторической аналогией для девальвационного процесса будет обесценивание монеты, происходившее из-за того, что государи поддавались соблазну начать добавлять в драгоценные металлы медь или свинец.

Наш тезис состоит в том, что экстернализация обычно влечет за собой девальвацию, выражющуюся в явлении, которое можно обозначить как *выравнивание по нижнему краю* (*alignment downward*)³². Всегда, когда мы обнаруживаем,

30. Эти линии стоят за целым семейством явлений и восприятий, которые не могут быть рассмотрены здесь, от бесстыдства (демонстративного пренебрежения тем, что все понимают, хотя никто не может доказать) до карго-культя (ощущаемого пренебрежения подлинным смыслом практик в пользу ее внешних форм).

31. Это использование экономической терминологии сами экономисты вряд ли одобрят. Тем не менее оно, кажется, имеет под собой некоторую содержательную основу, когда мы говорим о статусных сигналах. Применительно к валютам, инфляция (повышение цен) предполагает девальвацию (снижение стоимости единицы валюты). В случае со статусными сигналами, однако, инфляция может произойти и в отсутствие девальвации — то, что поколением раньше для выхода на рынок труда нужна была какая-то публикация, а сейчас — публикация в AJS, не обесценивает все остальные публикации *per se* (поскольку у них есть, так сказать, потребительная, а не только меновая стоимость), но сокращает их покупательную способность (Warren, 2019).

32. Это выравнивание можно считать вариацией на тему «рынка лимонов» (Akerloff, 1978). Если сигналы по своей природе способны отражать тонкие вариации в статусе, но аудитория способна различить только две градации — есть или нет — то самые-дешевые-позитивные сигналы в итоге вытеснят все остальные позитивные, а самые-дешевые-негативные — все остальные негативные. Скажем, если университеты варьируются по качеству образования, стоимости и уровню способностей, необходимых, что закончить их, но рынок труда реагирует только на наличие или отсутствие дипло-

что все атрибуты одного класса (степени, публикации, цитирования) признаются равными и рекомендателя обязывают быть слепым к нюансам в них, их обладатели лишаются возможности конкурировать за счет их качества. В этой ситуации, рекомендуемые могут конкурировать между собой только с помощью снижения издержек на приобретение соответствующего сигнала и быстрого наращивания их количества. Если работа отдается претенденту с наибольшим количеством публикаций, то выигрывает тот, кто первый установит связи с неразборчивыми турецкими и индонезийскими журналами. На помощь ему приходили *рекомендательные предприниматели*, услуги которых были возможны потому, что у В, распределяющего ресурсы от имени А, нет возможности отвергнуть того или иного рекомендателя. Так, подсчет публикаций в международных индексах цитирования порождает мусорный Скопус, а учет Хирш-индекса — торговлю ссылками³³.

И А, и некоторая часть В и С³⁴ могут стремиться противостоять девальвационному циклу. С одной стороны, они *ad hoc* перекрывают некоторые наиболее одиозные пути снижения издержек (скажем, изживают plagiat в диссертациях). Другим средством для них будет регулярный пересмотр сигналов, например, формальных показателей научной продуктивности. Они могут потребовать, например, учета не только числа публикаций, но и ожидаемого числа цитирований, или импакт-фактора журнала. Это позволяет уйти от равенства всех публикаций, правда, не от равенства всех цитирований или журналов данного ранга³⁵. Может ли сторона, изобретающая формы контроля, в этой гонке брони и снаряда изо-

ма о высшем образовании, рациональный индивид получит этот диплом в наименее требовательном вузе.

33. Опять же, здесь не следует не раздумывая поддаваться обаянию обыденной теории и предполагать, что, если выравнивание по нижнему краю возможно, оно обязательно произойдет. Так, манипуляции индексами цитирования и создание цитатных картелей являются глобально распространенной темой академического фольклора. В типичной цитате российского информанта, которая, впрочем, с таким же успехом могла бы быть произнесена его коллегой в любой другой стране: «Почему я к [библиометрии] плохо отношусь? Потому что формальные показатели... отражают только то, что они отражают. Я знаю, как, например, наши, то есть я знаю, как печатают, как публикуют статьи. Кто, сколько и почему публикует. Как возникают, почему, не знаю, цитатные картели возникают, вот каким образом происходит возгонка. Ну вообще, всякие рейтинги — это такая манипуляция. А реальная оценка исследователей в среде, она совершенно не совпадает с рейтингами» (директор института, Россия). Однако кажется, что цитатные картели чаще выступают как предмет фантазирования и проекций, чем руководство к действию, причем как руководство к действию они обычно воспринимаются индивидами, действующими от имени организации, а не от своего собственного. Обращение к мусорному Скопусу, кажется, чаще всего организуется централизованно университетскими администрациями, а в торговле ссылками замечены редакции хищнических журналов и сборников, но не индивиды. Академические организации — куда большие оппортунисты, чем индивиды, возможно, потому, что думающие за организацию индивиды не теряют способности к просчитыванию шагов, но теряют некоторую часть моральных ограничений.

34. Как правило, те, для кого приобретение высококачественных сигналов связано с меньшими издержками (Spence, 1973).

35. Следующим логическим шагом является приданье разного веса цитированиям в зависимости от характеристик цитирующего, не важно, издания или индивида.

брести метрику, которой другая сторона не сможет манипулировать, остается открытым вопросом^{36,37}.

Сравнительная история присуждения научных степеней может считаться хорошей иллюстрацией различий между инфляционной и девальвационной динамикаами. Если эти рассуждения верны, девальвация степеней в России имела своим истоком попытки регулирования рынка академического труда с исключительной опорой на их сугубо номинальное наличие. До недавнего времени правила требовали, чтобы профессор был доктором наук, а доцент — кандидатом, при этом степени, выдаваемые всеми учреждениями, были официально приравнены друг к другу³⁸. В этих условиях В, ответственный за кадровую политику учреждения, знает, что продвижение на профессорскую должность доктора Х не вызовет вопросов, а кандидата Y — вызовет (особенно если оно произошло в обход доктора X). Обратная сторона этой ситуации заключалась в том, что сам претендент представлял себе эти ограничения и знал, что предпочтеть ему, если он доктор, кандидата, будет невозможно, каким бы образом ни была заслужена его степень. Даже если В знает, что степень С₁ не равна степени С₂ (поскольку оппонентами С₁ выступили виднейшие ученые, и на его защиту собралась толпа старших профессоров, мечтающих услышать новое слово в науке, а С₂ защищался в совете под

36. Другая надежда защитить В от манипуляций связана с множественностью символов, а не с защищенностью каждого из них в отдельности. Можно надеяться — во всяком случае, многие ведомства надеялись на это — что, изобретя множество показателей, они поставят организации и индивидов в состояние, когда имитировать ведение определенной формы жизни сложнее, чем действительно вести ее. От настоящего, добросовестного носителя определенной роли — настоящего ученого, образцового университета — ожидается, что они будут действовать в соответствии с некоторой внутренней мотивацией, которая проявится во множестве поступков — ученые будут публиковаться, обновлять списки литературы к курсам, повышать квалификацию и ездить на конференции, а университеты — нанимать таких ученых и обеспечивать их ресурсами. Поскольку для фальсификации деятельности в каждом из этих направлений нужны услуги отдельного рекомендательного предпринимателя, когнитивная сложность и финансовая затратность имитации могут превысить сложность реального развития соответствующей мотивации. К этой надежде добавляется вера в то, что а) ученые ведут не слишком достойный образ жизни по невежеству, а не по злому умыслу, и что моральная ортопедия формальных показателей имеет и педагогическое измерение, подсказывая им, как стоит жить; и б) в любом случае, система множественных показателей способна оказать эффект естественного отбора, сделав университет привлекательным местом только для тех, кто соответствует некоторому типу. Примеры таких множественных блоков формальных требований в академическом мире пока изобилуют применительно к организациям (лицензионные и аккредитационные требования, «дорожные карты»), однако существуют способы их трансляции на уровень индивидов, во многом привязанных к этим первым («эффективные контракты»).

37. Университетские администраторы, ответственные за кадровую политику — заведующие кафедрами, деканы факультетов и директора институтов, разумеется, не являются пассивными исполнителями подобной политики отбора. Они деятельно и творчески пытаются обеспечить соответствие между нею и своими собственными планами, стимулируя защиту засидевшегося в кандидатах доцента, которому пора было бы стать профессором, и придерживая защиту доцента, который хотел бы защититься слишком рано. Тем не менее эта игра с правилами не отменяет того, что правила существуют и действуют.

38. Корни этой политики простираются еще в имперские времена. В постсоветский период формальные правила, указывавшие, что от профессора ожидается докторская степень, то действовали, то нет, но давление традиции было так сильно, что большинство вузов следовали им.

председательством своего научного руководителя, которому пришлось специаль- но проводить разъяснительную работу со всеми его членами, чтобы убедить их не голосовать «против»), это знание не может быть легитимным образом использовано при принятии решений. В подобных условиях у С нет возможности превратить защиту в символ особого отличия. Знающий это искушенный научный руководитель С будет поэтому рекомендовать диссертанту минимизировать усилия, брошенные на защиту, и (а) смотреть на свой труд как на «квалификационную работу», которую предпочтительнее приготовить из не слишком оригинальной статьи, добавив в нее объема; (б) руководствоваться при выборе оппонентов доступностью и покладистостью, и (в) советовать переписать разделы «актуальность» и «новизна» из какой-то другой тематически близкой работы (его собственной?), уже прошедшей проверку временем.

Картина иная в системах, где критерии отбора не зафиксированы жестко. Удивительным образом для архитекторов российского диссертационного комплекса, аналогичные процедуры в Германии, США или Франции выглядят совершенно незащищенными от манипуляций со стороны диссертанта и его научного руководителя. Там эти двое сами отбирают 3–5 членов комитета, которые и присваивают искомую степень. Защитным механизмом является осведомленность будущих работодателей о вовлеченных персоналиях и их способность реконструировать логику, которая стоит за отбором членов комитета. Те, кто собрал людей, заведомо лояльных или никому не известных, сами себе перекрывают путь на рынок труда. Вот как это описывает французский профессор:

В [мое] диссертационное жюри входил Бурдье, который был руководителем диссертации, и он пригласил также Раймона Будона и Франсуа Буррико. Не знаю, говорят ли вам что-то эти имена. Но это были ученые, чьи позиции были совершенно несовместимы с нашими подходами. Моя диссертация была под влиянием книги «Наследники». А Будон придерживался противоположной точки зрения, он защищал скорее идеи индивидуализма... Но есть некоторые важные принципы в том, что касается состава жюри. Оно должно быть разнообразным. Члены жюри не должны принадлежать к одной школе. Если бы кто-то решил сформировать жюри из Бурдье, Пассерона и Кастеля, это было бы абсурдно. Конечно, нельзя сказать, что они думают одно и то же, но в целом они принадлежат к одному направлению. Научный руководитель старается сделать «открытое» жюри, потому что если этого нет, он дискредитирует кандидата. Например, у меня есть коллега X, у него такая репутация, что в диссертационном жюри всегда заседают люди, близкие к его лаборатории. Это совсем нехорошо для кандидата (профессор, Франция).

Более того, поскольку предполагается, что диссиденты знают о том, что состав их комитета будет придирчиво изучаться, слабый комитет воспринимается как недвусмысленное признание в том, что, с точки зрения самого диссидентанта, сильный комитет не пропустил бы его работу. Фактически в склоняющейся к инфляционной логике системы использование девальвированного сигнала всегда ставит под

угрозу пользователя. Лучше не иметь никаких статей, чем иметь такие, которые демонстрируют, что у индивида нет надежды напечататься в хорошем журнале. Самое правильное, что может сделать руководитель для кандидата в этих условиях — собрать элиту своей дисциплины во всем ее разнообразии и воспользоваться ситуацией, заставив ознакомиться с текстом кандидата и прослушав его выступление. («Он [руководитель] мне говорил перед защитой: «Слушай, да это может быть единственный раз в жизни, когда тебя час будут слушать пять полных профессоров. Другого случая может не быть» (профессор, Германия).)

Экстернализация, таким образом, видимо, неизбежно влечет за собой девальвацию. Обратное неверно: отсутствие жестких и предзаданных критериев рационализации не обязательно подразумевает инфляционную динамику. Что именно произойдет в отсутствие таких критериев, будет зависеть от ряда факторов, например, наличия многочисленных С, конкурирующих за поддержку А. Здесь мы остановимся на влиянии одного фактора, значение которого в деталях рассмотрено в другом месте, — присутствие в академическом мире тех, кто был там назван *суворенными принципалами* (Соколов и др., 2015) — индивидов, совмещающих в себе свойства А и В. Представим себе А — высшую администрацию университета, которая озабочена наймом С — преподавателей. В этом она неизбежно полагается на В — деканов факультетов и завкафедрами. То, как будут вести себя В, определяется наличием эффективного контроля со стороны суворенных принципалов А₂, А₃ и далее, которые (а) воспринимают работу С непосредственно, не опираясь на советы какого-то внешнего В, поскольку находятся на небольшой культурной дистанции; (б) не нуждаются в том, чтобы рационализировать своей выбор; (в) в силу своей структурной позиции не могут быть кооптированы в систему обменов рекомендациями с В и С. Читатели, которые не планируют превращаться в писателей, аспиранты, которым еще далеко до выхода на рынок труда, или высокотехнологичные инвесторы имеют то общее, что В и С сложно как-то повлиять на их суждения, предлагая свои суждения взамен. Чем выше зависимость от подобных групп³⁹ и чем недвусмысленнее поступающая от них обратная связь, тем

39. Что представляет собой подобная зависимость? Иногда — как в случае притока денег от бизнеса — она носит экономический характер. В других случаях она в большей степени является символической (департаменты осуществляют наем, в первую очередь думая о последующем перемещении в reputационных рейтингах). Наконец, в третьих случаях она представляет собой гибрид — что-то, что на первый взгляд кажется конкуренцией за потребителя, при ближайшем рассмотрении оказывается борьбой за символический капитал (примером может служить конкуренция за аспирантов в американских университетах (Salanchik, Pfeffer, 1978)). Говоря об академическом мире, важной и не до конца объясненной переменной здесь является готовность индивидов воспринимать цели своего подразделения как свои собственные. Так, субъектами, конкурирующими за символические выигрыши на американском рынке академического труда, выступают департаменты, не индивиды — именно департамент нанимает «звезду». Поразительным контрастом между англо-американской академией и российской является готовность англо-американских ученых воспринимать интересы своего департамента как свои собственные и реагировать на угрозу его статусу как на угрозу собственному статусу, несмотря на то что, объективно говоря, их шансы на то, чтобы однажды покинуть его и перейти на новое место работы, довольно высоки. По контрасту, в российском случае мы не находим

в целом сильнее тенденция В интериоризировать их критерии на рефлекторном уровне и ориентироваться на них.

Для того чтобы инфляционная динамика проявилась в полной мере, необходимо, чтобы ключевые решения — например, о найме — принимались на уровне низовых подразделений, В, которые получали бы также соответствующую обратную связь и не были обязаны рационализировать решения в глазах вышестоящих А. Тогда, если критерии А совпадают с критериями А₂ и А₃, высшей администрации организации необязательно вмешиваться в политику низовых подразделений вовсе, поскольку те и без того ориентируются на модель поведения, которую та хотела бы им предписать. Если, однако, критерии разительно отличаются, В оказывается агентом множества принципалов с конфликтующими требованиями, а действия А могут принимать формы особенно жесткого формального контроля.

Заключение. К социологии подозрительности

За последние несколько десятилетий доверие превратилось в одну из популярных тем социологических исследований. Доверие, существующее в устойчивых сетях межличностных отношений, рассматривается как универсальное решение проблем неопределенности (Tilly, 2004), генерализованное доверие — как основная черта политической культуры (Inglehart, 1999), а изменение баланса между личным знакомством (familiarity), уверенностью (confidence) и доверием (trust) представляется как одно из центральных изменений социальной эволюции (Luhmann, 2000). По контрасту с этим недоверие (mistrust/distrust) редко становилось темой исследования. Первой причиной этого было то, что, по словам Флориана Мюльфреда, редактора первого сборника, посвященного проблемам антропологии недоверия, оно воспринималось лишь как «злой допельгангер» доверия, его негатив (Mühlfried, 2018: 7-9). Изучая одно, по умолчанию изучаешь и другое. Второй причиной недостатка интереса к недоверию может быть то, что оно рассматривается как своего рода естественное состояние. Недоверие не требует объяснений; доверие является невероятным социальным достижением и должно быть объяснено.

И то и другое восприятие недоверия упускает из вида одно важное обстоятельство. Доверие — во всяком случае, поскольку оно обращено на других людей — предполагает отсутствие оснований не доверять, а недоверие является результатом применения некоторого слова языка подозрительности. Мы доверяем другим людям, когда не представляем, зачем им хотелось бы нас обмануть. В этом смысле ни доверие, ни недоверие не являются естественными и первичными сами по себе; просто в некоторых отношениях мотив для возможного обмана естествен и легко приходит нам на ум (в любых операциях, в которых задействованы деньги или данные на выборах голоса), а в других требуется усилие воображения, чтобы представить себе, зачем кто-то хотел бы ввести нас в заблуждение (как

идентификации с факультетом, несмотря на то что для значительной части преподавателей он имеет все шансы остаться местом работы на всю жизнь.

когда прохожий спрашивает у незнакомца дорогу). Аналогично маленький ребенок не рождается по природе ни чрезмерно подозрительным, ни лишенным подозрительности, но он, с точки зрения взрослых, подозревает «неправильно». Социализация есть, среди всех прочих вещей, воспитание подозрительности, которая опирается на точную обыденную теорию человеческого поведения, наподобие той, которая была реконструирована в первой части этой статьи⁴⁰.

Эта обыденная теория представлена во множестве вариаций, которые легитимируют ту или иную конструкцию институтов. Примером, подтверждающим то, о чем говорилось в этой статье, могут быть конструкции систем формальной оценки научной продуктивности. Хотя они обычно понимаются как следствия одного и того же культурного тренда или импульса, внимательный взгляд способен различить множество вариаций. Британские Research Assessment Exercise, повсеместно рассматриваемые как прототип всех подобных систем (Сафонова, 2015), были основаны на подозрении, что ученые, предоставленные сами себе, будут исследовать мало и плохо. Чтобы заставить их исследовать больше и лучше, необходимо поставить их под регулярный контроль старших представителей их дисциплины, которые могли бы содержательно оценивать ограниченное число продуктов их труда (раз в 5–7 лет панель из ученых, номинированных дисциплинарными ассоциациями, читает по 4 текста, представленных каждым претендентом, и оценивает их по 5-балльной шкале). Итоговая оценка, что важно, выставляется департаменту, а не индивиду, и уже из них агрегируется оценка всего университета. Можно сравнить это с практиками институциональной оценки, обычными для России⁴¹, в которых а) дисциплинарные представительства не играют никакой роли и оцениваемые не могут влиять на кандидатуры тех, кто будет их оценивать; б) оценка осуществляется исключительно на основании статистических показателей; в) показатели никак не ограничивают (и фактически во всех отношениях стимулируют) максимизацию количества продуктов. Можно сказать, что британская и российская системы формальных показателей решают разные проблемы. Британская в первую очередь обращена против ленивых С, которых надо заставить шевелиться (при этом следя за тем, чтобы они не начали производить количество вместо качества). Российская направлена на то, чтобы сократить зависимость А от коррумпированных В, которые могут использовать оценку для получения «отката» от С — отсюда максимизация защит, направленных на предотвращение говора. Различия в словарях подозрительности обуславливают различия в конструкциях институтов, открывая широкие возможности для сравнительного исследования.

40. В интересной статье на эту тему Виктор Вахштайн (2015: 114–139) разделил шизоидную и параноидную подозрительность. Первая представляет собой подозрение, что мир не то, чем кажется, вторая — что люди не те, кем притворяются. Здесь мы имеем дело исключительно со второй разновидностью. Термин «параноидная» удачно намекает на последствия, которые имеет неправильная — с точки зрения окружающих — подозрительность для взрослого.

41. В России нет аналога RAE, однако соответствующие оценки являются частью Мониторинга эффективности образовательных организаций и других программ институциональной оценки и поддержки (НИУ, «5/100»).

Обыденные теории релевантны для социологического исследования, однако не только как объяснительные переменные, но и как широкие гипотезы, требующие систематической проверки. Социологи традиционно неуспешны в подтверждении изобретенных ими теорий, однако они гораздо более успешны в опровержении теорий, которые стоят за социальным порядком в знакомых нам формах. Если социологии суждено изменить мир, то она, очевидно, сделает это именно таким путем — лишая институты их привычных обоснований. Обыденные теории подозрений ждут подобной проверки.

Благодарности

Мои первые и главные благодарности — участникам проекта «Система статусного символизма в науке: сравнительно-исторический анализ и оценка эффективности» Катерине Губе, Татьяне Зименковой, Марии Сафоновой и Софье Чуйкиной, а также Программе фундаментальных исследований НИУ-ВШЭ, финансировавшей его.

Литература

- Вахштайн В. С. (2014). Дело о повседневности: социология в судебных прецедентах. М.: Университетская книга.
- Гельман В. Я. (2016). Политические основания «недостойного правления» в постсоветской Евразии (переосмысливая исследовательскую повестку дня) // Полития. № 3. С. 90–112.
- Раскин Д. Л. (2001). Российская империя XIX — начала XX века как система государственных учреждений, службы, сословий, государственного образования и элементов гражданского общества. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press.
- Сафонова М. А. (2012). Сетевая структура и идентичности в локальном сообществе социологов // Социологические исследования. № 6. С. 107–112.
- Сафонова М. А. (2015). Британский опыт управления исследовательской продуктивностью. RAE и его критика // Университетское управление: практика и анализ. № 6. С. 69–81.
- Соколов М. М. (2009). Несколько замечаний о девальвации ученых степеней: экономико-социологический анализ динамики символов академического статуса // Экономическая социология. Т. 10. № 4. С. 14–30.
- Соколов М. М. (2019). Элементы социологии досады и сожаления // Социологическое обозрение. Т. 18. № 4. С. 9–46.
- Соколов М. М., Губа К. С., Зименкова Т. В., Сафонова М. А., Чуйкина С. А. (2015). Как становятся профессорами: Академические рынки, карьеры и власть в странах. М.: Новое литературное обозрение.

- Соколов М. М., Лопатина С. Л., Яковлев Г. А. (2018). От товарищества к учреждениям: конституционная история российских вузов // Вопросы образования. № 3. С. 120–145.
- Akerlof G. A. (1978). The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // Diamond P. A., Rothschild M. (eds.). Uncertainty in Economics. New York: Academic Press. P. 235–251.
- Anderson R. J., Hughes J. A., Sharrock W. W. (1985). The Sociology Game. London: Longman.
- Auranen O., Nieminen, M. (2010). University Research Funding and Publication Performance: An International Comparison // Research Policy. Vol. 39. № 6. P. 822–834.
- Banfield E. (1958). The Moral Basis of a Backward Society. New York: The Free Press.
- Berman E. P., Hirschman D. (2018). The Sociology of Quantification: Where Are We Now? // Contemporary Sociology. Vol. 47. № 3. P. 257–266.
- Bornmann L., Daniel, H. D. (2008). What do Citation Counts Measure? A Review of Studies on Citing Behavior // Journal of Documentation. Vol. 64. № 1. P. 45–80.
- Braun D. (1993). Who Governs Intermediary Agencies? Principal-Agent Relations in Research Policy-Making // Journal of Public Policy. Vol. 13. № 2. P. 135–162.
- Collins H. M., Evans R. (2002). The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // Social Studies of Science. Vol. 32. № 2. P. 235–296.
- Delhey J., Newton K. (2005). Predicting Cross-National Levels of Social Trust: Global Pattern or Nordic Exceptionalism? // European Sociological Review. Vol. 21. № 4. P. 311–327.
- Espeland W. N., Sauder M. (2007). Rankings and Reactivity: How Public Measures Recreate Social Worlds // American Journal of Sociology. Vol. 113. № 1. P. 1–40.
- Espeland W. N., Stevens M. (2008). A Sociology of Quantification // European Journal of Sociology. Vol. 49. № 3. P. 401–436.
- Etzioni A. (1959). Authority Structure and Organizational Effectiveness // Administrative Science Quarterly. Vol. 4. № 1. P. 43–67.
- Fisun O. (2012). Rethinking Post-Soviet Politics from a Neo-patrimonial Perspective // Demokratizatsiya. Vol. 20. № 2. P. 87–96.
- Goffman E. (1959). The Presentation of Self in Everyday Life. New York: Doubleday Anchor.
- Goffman E. (1967). Where the Action Is // Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. New York: Pantheon Books. P. 140–270.
- Hicks D. (2012). Performance-Based University Research Funding Systems // Research Policy. Vol. 41. № 2. P. 251–261.
- Inglehart R. (1999). Trust, Well-Being and Democracy // Warren M. E. (ed.). Democracy and Trust. Cambridge: Cambridge University Press. P. 88–120.
- Jensen M., Meckling W. (1976). Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Information Structure // Journal of Financial Economics. Vol. 3. № 4. P. 305–360.
- Kahneman D., Tversky A. (1979). Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. Vol. 47. № 2. P. 263–292.

- Klein D.* (1997). Reputation: Studies in the Voluntary Elicitation of Good Conduct. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Lamont M.* (2009). How Professors Think: Inside the Curious World of Academic Judgment. Cambridge: Harvard University Press.
- Lamont M.* (2012). Toward a Comparative Sociology of Valuation and Evaluation // Annual Review of Sociology. Vol. 38. P. 201–221.
- Luhmann N.* (2000). Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // *Gambetta D.* (ed.). Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. Oxford: Oxford University Press. P. 94–107.
- Moe T. M.* (1984). A New Economics of Organizations // American Journal of Political Science. Vol. 28. № 4. P. 739–777.
- Mühlfried F. (ed.). (2018). Mistrust: Ethnographic Approximations. Bielefeld: Transcript.
- Pipes R.* (1999). Property and Freedom. New York: Albert A. Knopf.
- Porter T. M.* (1996). Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton: Princeton University Press.
- Powell W.* (1990). Neither Market nor Hierarchy: Network Forms of Organization // *Staw B. M., Cummings L. L.* (eds.). Research in Organizational Behavior, Vol. 12. Greenwich: JAI Press. P. 295–336.
- Power M.* (1997). The Audit Society: Rituals of Verification. Oxford: Oxford University Press.
- Rijcke S. D., Wouters P. F., Rushforth A. D., Franssen T. P., Hammarfelt B.* (2016). Evaluation Practices and Effects of Indicator Use: A Literature Review // Research Evaluation. Vol. 25. № 2. P. 161–169.
- Sahlins M.* (1972). Stone Age Economics. New York: Aldine.
- Salancik G. R., Pfeffer J.* (1974). The Bases and Use of Power in Organizational Decision Making: The Case of a University // Administrative Science Quarterly. Vol. 19. № 4. P. 453–473.
- Scheff T.* (1995). Academic Gangs // Crime, Law and Social Change. Vol. 23. № 2. P. 157–162.
- Schutz A.* (1976). The Well-Informed Citizen: An Essay on the Social Distribution of Knowledge // *Schutz A.* Collected Papers. Vol. 2. Dordrecht: Springer. P. 120–134.
- Shapin S.* (1995). A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth-Century England. Chicago: University of Chicago Press.
- Spence M.* (1973). Job Market Signaling // Quarterly Journal of Economics. Vol. 87. № 3. P. 355–374.
- Spence M.* (2002). Signaling in Retrospect and the Informational Structure of Markets // The American Economic Review. Vol. 92. № 3. P. 434–459.
- Starr P.* (1982). The Social Transformation of American Medicine. New York: Basic Books.
- Stiglitz J. E.* (2000). The Contributions of the Economics of Information to Twentieth Century Economics // Quarterly Journal of Economics. Vol. 115. № 4. P. 1441–1478.
- Sugden R.* (1985). Regret, Recrimination and Rationality // Theory and Decision. Vol. 19. № 1. P. 77–99.

- Tilly Ch.* (2004). Trust and Rule // *Theory and Society*. Vol. 33. № 1. P. 1–30.
- Vanderstraeten R.* (2002). Parsons, Luhmann and the Theorem of Double Contingency // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 2. № 1. P. 77–93.
- Warren J. R.* (2019). How Much Do You Have to Publish to Get a Job in a Top Sociology Department? Or to Get Tenure? Trends over a Generation // *Sociological Science*. Vol. 6. P. 172–196.
- Zeelenberg M.* (1999). Anticipated Regret, Expected Feedback and Behavioral Decision Making // *Journal of Behavioral Decision Making*. Vol. 12. № 2. P. 93–106.
- Zeelenberg M.* (2018). Anticipated Regret: A Prospective Emotion about the Future Past // *Oettingen G., Sevincer A. T., Gollwitzer P. M. (eds.). The Psychology of Thinking about the Future*. New York: Guilford Press. P. 276–295.

Towards a Sociology of Suspicion: A Theory of Recommendational Relations with Applications to the Academic World

Mikhail Sokolov

Professor, European University at Saint Petersburg

Address: Gagarinskaya str., 6/1a, Saint Petersburg, Russian Federation 191187

E-mail: msokolov@eu.spb.ru

The article explores a distinct social form — recommendational relations — in which an agent (a recommender) serves for another (a recipient) as a source of information on a third one (a recommendee). Our vocabulary of suspicion suggests that in a situation like that, a recipient may fall a victim of collusion between the recommender and the recommendee. The readiness of the recommendee to trust the recommendation depends on relations in the triad and, specifically, on (1) the moral distances between them; (2) the recommender's awareness of being a source of information on the recommendee; (3) the recommender's preoccupation with other roles; (4) the possibilities of the recipient's retaliation, and (5) the presence or absence of conditions for cooperation between the recommender and the recommendee. The character of distances between the agents (physical, cultural, or moral) determines which mechanisms of generating trust the recipient is most likely to rely on. It is further argued that some conditions on which a recipient may rely on from a recommender involve the latter's externalization of their thinking processes and the leaving of material traces of the decision-making algorithm, as such traces may serve as a basis for the recommender's retaliation. It is further argued that the degree of externalization is responsible for the overall dynamics of the signal system towards inflation (the decline of a particular signal's "purchasing power" without the decline of its information contents) or devaluation (the decline of a signal's ability to mark possession of certain qualities). Empirically, the article relies on the yields of a comparative study of academic markets, symbols of academic status, and the application of formal performance measures in five countries.

Keywords: sociology of suspicion, sociology of distrust, sociology of science, strategic interaction, Erving Goffman, principal-agent, common knowledge, scientometrics, performance indicators, academic world

References

- Akerlof G. A. (1978) The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism. *Uncertainty in Economics* (eds. P. A. Diamond, M. Rothschild), New York: Academic Press, pp. 235–251.
- Anderson R. J., Hughes J. A., Sharrock W. W. (1985) *The Sociology Game*, London: Longman.
- Auranen O., Nieminen, M. (2010) University Research Funding and Publication Performance: An International Comparison. *Research Policy*, vol. 39, no 6, pp. 822–834.
- Banfield E. (1958) *The Moral Basis of a Backward Society*, New York: The Free Press.
- Berman E. P., Hirschman D. (2018) The Sociology of Quantification: Where Are We Now?. *Contemporary Sociology*, vol. 47, no 3, pp. 257–266.
- Bornmann L., Daniel, H. D. (2008) What do Citation Counts Measure? A Review of Studies on Citing Behavior. *Journal of Documentation*, vol. 64, no 1, pp. 45–80.
- Braun D. (1993) Who Governs Intermediary Agencies? Principal-Agent Relations in Research Policy Making. *Journal of Public Policy*, vol. 13, no 2, pp. 135–162.
- Collins H. M., Evans R. (2002) The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience. *Social Studies of Science*, vol. 32, no 2, pp. 235–296.
- Delhey J., Newton K. (2005) Predicting Cross-National Levels of Social Trust: Global Pattern or Nordic Exceptionalism?. *European Sociological Review*, vol. 21, no 4, pp. 311–327.
- Espeland W. N., Sauder M. (2007) Rankings and Reactivity: How Public Measures Recreate Social Worlds. *American Journal of Sociology*, vol. 113, no 1, pp. 1–40.
- Espeland W. N., Stevens M. (2008) A Sociology of Quantification. *European Journal of Sociology*, vol. 49, no 3, pp. 401–436.
- Etzioni A. (1959) Authority Structure and Organizational Effectiveness. *Administrative Science Quarterly*, vol. 4, no 1, pp. 43–67.
- Fisun O. (2012) Rethinking Post-Soviet Politics from a Neo-patrimonial Perspective. *Demokratizatsiya*, vol. 20, no 2, pp. 87–96.
- Gelman V. (2016) Politicheskie osnovaniya "nedostojnogo pravleniya" v postsovetskoj Evrazii (pereosmyshliva issledovatel'skuyu povestku dnya) [Political Foundations of "Bad Governance" in Post-Soviet Eurasia: Rethinking Research Agenda]. *Politiya*, no 3, pp. 90–112.
- Goffman E. (1959) *The Presentation of Self in Everyday Life*, New York: Doubleday Anchor.
- Goffman E. (1967) *Where the Action Is. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*, New York: Pantheon Books, pp. 140–270.
- Hicks D. (2012) Performance-Based University Research Funding Systems. *Research Policy*, vol. 41, no 2, pp. 251–261.
- Inglehart R. (1999) Trust, Well-Being and Democracy. *Democracy and Trust*. (ed. M. E. Warren), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 88–120.
- Jensen M., Meckling W. (1976) Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Information Structure. *Journal of Financial Economics*, vol. 3, no 4, pp. 305–360.
- Kahneman D., Tversky A. (1979) Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. *Econometrica*, vol. 47, no 2, pp. 263–292.
- Klein D. (1997) Reputation: Studies in the Voluntary Elicitation of Good Conduct, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Lamont M. (2009) *How Professors Think: Inside the Curious World of Academic Judgments*, Cambridge: Harvard University Press.
- Lamont M. (2012) Toward a Comparative Sociology of Valuation and Evaluation. *Annual Review of Sociology*, vol. 38, pp. 201–221.
- Luhmann N. (2000) Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives. *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations* (ed. D. Gambetta), Oxford: Oxford University Press, pp. 94–107.
- Moe T. M. (1984) A New Economics of Organizations. *American Journal of Political Science*, vol. 28, no 4, pp. 739–777.
- Mühlfried F. (ed.) (2018) *Mistrust: Ethnographic Approximations*, Bielefeld: Transcript.
- Pipes R. (1999) *Property and Freedom*, New York: Albert A. Knopf.

- Porter T. M. (1996) Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life, Princeton: Princeton University Press.
- Powell W. (1990) Neither Market nor Hierarchy: Network Forms of Organization. Research in Organizational Behavior, Vol. 12 (eds. B. M. Staw, L. L. Cummings), Greenwich: JAI Press, pp. 295–336.
- Power M. (1997) The Audit Society: Rituals of Verification, Oxford: Oxford University Press.
- Raskin D. L. (2001) Rossijskaya imperiya XIX — nachala XX veka kak sistema gosudarstvennyh uchrezhdenij, sluzhby, slosloviy, gosudarstvennogo obrazovaniya i elementov grazhdanskogo obshchestva [Russian Empire of the Nineteenth — Early Twentieth Century as a System of Public Administration, Estates, Public Education, and Elements of the Civil Society], Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press.
- Rijcke S. D., Wouters P. F., Rushforth A. D., Franssen T. P., Hammarfelt B. (2016) Evaluation Practices and Effects of Indicator Use: A Literature Review. *Research Evaluation*, vol. 25, no 2, pp. 161–169.
- Safonova M. (2012) Setevaya struktura i identichnosti v lokal'nom soobshchestve sociologov [Network Structure and Identitites in a Local Community of Sociologists]. *Sociological Studies*, no 6, pp. 107–112.
- Safonova M. (2015) Britanskij opyt upravleniya issledovatel'skoj produktivnost'yu: RAE i ego kritika [The British Experience of Research Performance Assessment: The RAE and Its Critics]. University Management: Practice and Analysis, no 6, pp. 69–81.
- Sahlins M. (1972) Stone Age Economics, New York: Aldine.
- Salancik G. R., Pfeffer J. (1974) The Bases and Use of Power in Organizational Decision Making: The Case of a University. *Administrative Science Quarterly*, vol. 19, no 4, pp. 453–473.
- Scheff T. (1995) Academic Gangs. Crime, Law and Social Change, vol. 23, no 2, pp. 157–162.
- Schutz A. (1976) The Well-Informed Citizen: An Essay on the Social Distribution of Knowledge. Collected Papers, Vol. 2, Dordrecht: Springer, pp. 120–134.
- Shapin S. (1995) A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth-Century England, Chicago: University of Chicago Press.
- Sokolov M. (2009) Neskol'ko zamechanij o deval'vacii uchyonyh stepenej: ekonomiko-sociologicheskij analiz dinamiki simvolov akademicheskogo statusa [Some Notes on Devaluation of Academic Degrees: An Economic-Sociological Analysis of the Dynamics of Academic Status Symbols]. *Economic Sociology*, vol. 10, no 4, pp. 14–30.
- Sokolov M., Guba K., Zimenkova T., Safonova M., Tchouikina S. (2015) Kak stanovyatsya professorami: akademicheskie rynki, kar'ery i vlast' v piaty stranah [Becoming a Professor: Academic Markets, Careers, and Power in Five Countries], Moscow: New Literary Observer.
- Sokolov M., Lopatina S., Yakovlev G. (2018) Ot tovarishchestva k uchrezhdeniyam: konstitucionnaya istoriya rossijskih vuzov [From Partnerships to Bureaucracies: A Constitutional History of Russian universities]. *Educational Studies*, no 3, pp. 120–145.
- Sokolov M. (2019) Elementy sociologii dosady i sozhaleniya [Elements of Sociology of Regret]. *Russian Sociological Review*, vol. 18, no 4, pp. 9–46.
- Spence M. (1973) Job Market Signaling. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 87, no 3, pp. 355–374.
- Spence M. (2002) Signaling in Retrospect and the Informational Structure of Markets. *American Economic Review*, vol. 92, no 3, pp. 434–459.
- Starr P. (1982) The Social Transformation of American Medicine, New York: Basic Books.
- Stiglitz J. E. (2000) The Contributions of the Economics of Information to Twentieth Century Economics. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 115, no 4, pp. 1441–1478.
- Sugden R. (1985) Regret, Recrimination and Rationality. *Theory and Decision*, vol. 19, no 1, pp. 77–99.
- Tilly Ch. (2004) Trust and Rule. *Theory and Society*, vol. 33, no 1, pp. 1–30.
- Vakhstain V. (2014) Delo o povsednevnosti: sotsiologija v subednykh precedentakh [The Case of Everyday Life: Sociology in Legal Precedents], Moscow, Universitetskaya kniga.
- Vanderstraeten R. (2002) Parsons, Luhmann and the Theorem of Double Contingency. *Journal of Classical Sociology*, vol. 2, no 1, pp. 77–93.
- Warren J. R. (2019) How Much Do You Have to Publish to Get a Job in a Top Sociology Department? Or to Get Tenure? Trends over a Generation. *Sociological Science*, vol. 6, pp. 172–196.

- Zeelenberg M. (1999) Anticipated Regret, Expected Feedback and Behavioral Decision Making. *Journal of Behavioral Decision Making*, vol. 12, no 2, pp. 93–106.
- Zeelenberg M. (2018) Anticipated Regret: A Prospective Emotion about the Future Past. In: *The Psychology of Thinking about the Future* (eds. G. Oettingen, A. T. Sevincer, P. M. Gollwitzer), New York: Guilford Press, pp. 276–295.

Социальный порядок и политическая теология в «Игре престолов»

*Чем культовый сериал интересен
для теоретической социологии*

Олег Кильдюшов

Научный сотрудник, Центр фундаментальной социологии,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

Статья представляет собой обзор ряда работ представителей различных гуманитарных и социальных дисциплин, посвященных книжному циклу Джорджа Мартина «Песнь льда и пламени» и телесериалу «Игра престолов». Вначале анализируются эвристически наиболее продуктивные интеллектуальные реакции исследователей на «Игру престолов»: конкретные продукты, т. е. тексты, которые могут представлять интерес для теоретической социологии. В основной содержательной части изображенный в цикле Дж. Мартина институциональный и дискурсивный порядок рассматривается глазами классиков социальной теории модерна (Н. Макиавелли, Т. Гоббс, М. Вебер). Затем кратко затрагивается религиозная ситуация в Вестеросе, для ценностно-нормативной системы которой парадоксальным образом характерны как постсекулярность, так и всплеск религиозного фундаментализма. В качестве следующего шага обсуждается политическая теология в «Игре престолов», рассматриваемая из намеченной еще Карлом Шmittом перспективы на трансцендентную легитимацию политического. В заключение затрагивается когнитивный ландшафт Вестероса, состоящий из различных конкурирующих эпистем (мейстеры, септоны, «белые ходоки» и др.), что структурно воспроизводит ситуацию обществ позднего модерна.

Ключевые слова: Джордж Мартин, «Игра престолов», социальный порядок, препрезентативная культура, Макс Вебер, политическая теология

© Кильдюшов О. В., 2020

© Центр фундаментальной социологии, 2020

DOI: [10.17323/1728-192X-2020-1-139-159](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-1-139-159)

* В основу статьи положен одноименный доклад на Открытом семинаре по социальной теории «Logica Socialis», который состоялся в Центре фундаментальной социологии НИУ ВШЭ 29 марта 2019 года.

Публикация подготовлена в рамках проекта «От политической теологии до когнитивистики: новые альтернативы, новые вызовы или новые ресурсы социальной теории?», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

Реакция исследователей в области гуманитарного и социального знания на «Игру престолов»

С эвристической точки зрения продукты современной массовой культуры представляют для социологии интерес уже своей популярностью, способами структурирования потребительских сообществ, а также как дискурсивное пространство общественно-политических высказываний, проекций и импликаций, нуждающиеся в аналитическом прояснении со стороны социально-теоретического знания. В этом смысле обращение социальных ученых к исследованию «Игры престолов» можно рассматривать не только как облеченный в научообразную форму способ интеллектуального развлечения, но и как наглядную демонстрацию эвристического потенциала фундаментальной социологии.

Стоит ли говорить, что при анализе книжного цикла Джорджа Мартина «Песнь льда и пламени» и основанного на нем телесериала «Игра престолов» исследователи используют самые различные методологические стратегии и теоретические перспективы, существующие в рамках актуальных исследований массовой культуры. При этом долгое время внимание представителей академии к этим ее продуктам было довольно незначительным. Так, по подсчетам немецкого исследователя Яна Зеффнера, за 5 лет с выхода первого сезона (т. е. к середине 2016 года) в базе англоязычных статей по гуманитарным наукам JSTOR набралась всего 21 работа, посвященная самому успешному телепродукту канала HBO. Книги Мартина вызывали еще меньше интереса у исследователей — 15, из них конкретно цикл «Песнь льда и пламени» — всего 6. Поразительные цифры, ведь на тот момент уже был очевиден феноменальный успех телепопеи среди масс зрителей! Зато за последующие годы ситуация радикально изменилась, прежде всего применительно к сериалу: в 2017 году в данной базе фиксировалось уже 124 работы об «Игре престолов» — т. е. менее чем за год их число увеличилось в 6 раз! (Söffner, 2017: 11–12).

Сегодня научные работы о вселенной Дж. Мартина вряд ли поддаются точному подсчету, поскольку в различных базах данных можно обнаружить сотни публикаций, включая книги, журнальные статьи, главы в сборниках и доклады на различных конференциях. Понятно, что даже просто обозреть это постоянно увеличивающееся море литературы невозможно чисто физически, поэтому в качестве социально-теоретически релевантных назовем здесь лишь несколько работ западных авторов, часть из которых уже переведена на русский язык (Jacoby, 2012; Джейкоби, Ирвин, 2015; May et al., 2016a; Lushkov, 2017; Лушкова, 2018). Также в последнее время вышли ряд оригинальных исследований отечественных ученых (Шляхтин, 2019; Штейнман, 2019; Травин, 2020).

Помимо количественных показателей примечательна и дисциплинарная структура публикаций: как ни странно, среди авторов вышедших на Западе работ не всегда доминируют представители литературоведения или культурологии (Lowder, 2012; Лаудер, 2015). Часть академических или околоакадемических текстов можно скорее отнести к философии (Silverman, Arp, 2012; Лаудер, 2015), политиче-

ской теории (Rolet, 2014) и гендерным исследованиям (Frankel, 2014; Gjelsvik, Schubart, 2016), а также к разработкам исторической и мифологической проблематики в сериале в рамках медиевистской перспективы (Larrington, 2016, 2017; Ларрингтон, 2018, 2019) — что вполне ожидаемо. Менее ожидаемо, что среди пишущих о мире Семи королевств литературоведы и культурологи находятся явно в меньшинстве (Battis, Johnston, 2015a).

Показательно и то, кто именно пишет об «Игре престолов», — как правило, это представители смежных или вспомогательных дисциплин, в основном молодые авторы, еще не занимающие высоких и прочных позиций в рамках академической иерархии. Что это за дисциплины? Самые разнообразные — например, при анализе эпопеи Дж. Мартина оказались востребованы компетенции в области генеалогии, семиотики, исследований возраста, сравнительного религиоведения, теории фехтования и оружеведения (англ. Weaponology), почти неизбежных в таком случае специалистов в сфере гендерных исследований и еще более ожидаемых знатоков жанра фэнтези. Но также среди авторов встречаются знатоки сравнительного музыковедения — например, из текста одного из них можно узнать, что главная музыкальная тема сериала позаимствована Рамином Джавади из 8-й симфонии Антона Брукнера (II. Scherzo. Allegro moderato) (Weng, 2016). Вместе с сексологами и теологами иногда компанию им составляют представители различного рода компьютерных наук (компьютерной лингвистики). Еще встречаются социальные антропологи, исследователи в области теории медиа и теории коммуникации, как и филологи (например, специалисты в области англистики, германистики и скандинавистики) и историки-медиевисты. Кого не удалось встретить среди авторов — так это социологов-теоретиков. Это упоминание мы отчасти попытаемся исправить нашим обзором.

Здесь следует отметить, что возникшая на волне успеха сериала фанатская субкультура уже обзавелась соответствующей инфраструктурой в виде сайтов, энциклопедий¹, регулярных национальных и глобальных фанатских конгрессов — т.н. конвентов² и т.д. И вот — как бы параллельно этой организационной активности неакадемическим фандомом — заметны усилия молодых ученых, которые переводят свою страсть к сериалу в регистр (квази)академической активности. В частности, ими издаются различные сетевые журналы, сборники текстов и даже устраиваются научные конференции³.

В качестве главных тем в исследованиях вселенной Мартина затрагиваются вопросы структуры нарратива, конструирования эпического мира саги, концепты героев и гендерная проблематика. В силу эстетически крайне гибридного характера

1. Из русскоязычных ресурсов можно выделить два: <https://7kingdoms.ru/>, а также: https://gameofthrones.fandom.com/ru/wiki/Песнь_льда_и_пламени.

2. Так, в августе 2017 года в Хельсинки прошло мероприятие под названием WorldCon — мировой конвент фантастики и фэнтези, в котором принял участие Джордж Р. Р. Мартин, также посетивший Петербургскую фантастическую ассамблею.

3. В качестве примера можно привести первое в России академически релевантное обсуждение саги и сериала в формате конференции: <https://indicator.ru/humanitarian-science/nauka-vesterosa.htm>.

ра художественного высказывания авторов книжного цикла и телепродукта значительное внимание исследователи уделяют интертекстуальности, включающей прямые отсылки и аллюзии на самые разнообразные источники — исторические, мифологические, литературные. Судя по материалам публикаций, существует масса самых неожиданных контекстов и традиций, релевантных для научной реконструкции «рассказанного мира» эпоса Джорджа Мартина (May et al., 2016b: 13).

Смешение жанров *high fantasy* и исторического романа, типичный для научной историографии реализм в изображении структур господства и низовых культурных практик⁴ делают роман и сериал идеальным объектом анализа не только для литературоведов или медиевистов. Тщательно прописанные в них социальные институты, коррелирующие с реальным историческим и актуальным опытом читателей и зрителей, представляют интерес и для теоретической социологии. Неудивительно, что применяемые исследователями подходы в той или иной мере ориентированы на экспликацию социальности «Игры престолов» как презентативного продукта современной массовой культуры (Тенбрук, 2013): почему сериал в таком виде был создан и оказался востребован в обществе позднего модерна, в чем его социальный смысл, как на него реагирует вся социальная рамка западных обществ XXI века. Не меньший интерес для социальных ученых представляет то, что происходит внутри «рассказанного мира» саги, — как социологически устроено производство смыслов в книгах и эпизодах фильма, чем объяснить рыночный успех данных продуктов культурного производства. Здесь основное внимание направлено на анализ социальных взаимодействий внутри различных групп потребителей, фандомов и даже отдельных произведений.

Институциональный и дискурсивный порядок в цикле Дж. Мартина глазами классиков социальной теории модерна (Н. Макиавелли, Т. Гоббс, М. Вебер и др.)

Цикл книг Джорджа Мартина и телесериал Дэвида Бениоффа и Дэниела Уайса могут представлять интерес для теоретической социологии самим масштабом и даже глобальностью проекта фиктивного мира, причем очень реалистичного и детально проработанного не только с точки зрения мотивов действий героев, но и в отношении социальной структуры, правил социального действия, религиозных, культурных и повседневных практик, вплоть до одежды, еды и напитков. Исследователи видят здесь явные параллели с описанными Р. Бартом способами производства эффектов реальности через письмо в романах французского реализма (Барт, 1989).

Тщательно продуманные Мартином семейные, клановые, феодальные и иные социальные структуры легко опознаются как собственное историческое прошлое Запада. Таким образом, читателю и зрителю сугgerируется квазисоциологический

4. Многие исследователи подчеркивают характерную для письма Дж. Мартина «приверженность реализму»: Battis, Johnston, 2015b: 1–14.

взгляд на Весторос как структурно знакомое и отчасти запечатленное в западной культурной традиции пространство европейского позднего Средневековья или раннего модерна (Марей А., 2020). С личным опытом современных американцев и европейцев резонирует часто применяемая автором перспектива, в которой институты социализации вроде семьи предстают не только и не столько источником необходимых экономических ресурсов, культурных смыслов и общей мотивации действия, сколько репрессивными структурами, осуществляющими общественное принуждение в духе знаменитого анализа микрофизики дисциплинарной власти у Мишеля Фуко. Тем самым радикально проблематизируется не только существующий институциональный ландшафт, но и лежащий в его основе дискурсивный порядок, включая конститутивные для него когнитивные схемы и моральные коды. В результате становится невозможным представление о субстанциально хорошем и плохом. Тем самым книга и сериал выходят далеко за рамки привычных для жанра фэнтези стандартов и способов различения (Энглбергер, Хайеке, 2015).

В этом смысле общая симптоматика кризиса является в саге типично модерной. Иными словами, «Игра престолов» оказывается именно репрезентативным культурным продуктом в смысле Фридриха Тенбрука⁵, поскольку ориентируется на наше современное понимание перманентно-критического состояния всех сфер жизни. Этот глобальный кризис охватывает весь социальный космос и имеет различные измерения: внутри — и geopolитическое, экологическое и религиозно-ценностное, вплоть до семейных и личных проблем героев книжного и телевизионного эпоса.

При этом традиционным для жанра фэнтези событийным фоном является кризис предустановленного порядка, восстанавливаемый в конце нарратива усилиями героев («еи-катастрофа», в терминологии Толкиена). Как правило, эти кризисы связаны с нарушением привычного хода вещей внутриластной конструкции или общего баланса сил. Однако в случае вселенной Мартина феноменология распада не исчерпывается властно-институциональными моментами и не объясняется одним лишь непредумышленным нарушением предустановленной гармонии (May et al., 2016b: 14). Так, в сериале системный кризис охватывает буквально все пространство рассказанного мира, так что к началу 8-го сезона дестабилизованными оказываются все привычные формы социальных взаимодействий (включая семью, дружбу и даже правила ведения войны), а дискредитированными — все ранее существовавшие дискурсивные порядки (включая веру в Семерых и знания ордена мейстеров, о чем будет сказано ниже).

Как и в мире модерна, в «Игре престолов» нет никаких субстанционально понимаемых этических полюсов «добро» и «зло», задающих однозначные параметры

5. Ср.: «Культура является социальным фактом, так как она репрезентативна, т. е. производит идеи, значения и ценности, которые действенны в силу их фактического признания. Она охватывает те убеждения, представления, картины мира, идеи и идеологии, которые влияют на социальное действие, так как активно разделяются или пассивно принимаются» (Тенбрук, 2013: 101).

для моральной навигации статичных героев, которые выступали бы — подобно персонажам античных трагедий — скорее репрезентантами определенных ценностей, чем реальными человеческими характерами. При этом политическая и моральная амбивалентность протагонистов дополнительно усиливается типично martinovskim приемом «внезапной смерти», сначала так поразившей всех в случае «самого правильного» из них — Недда Старка, а потом ставшей привычной. Однако у читателей и зрителей саги нет уверенности не только в том, что герои успешно справляются со всеми испытаниями, но и в том, что они вообще доживут до конца цикла. Конечно, последующее воскрешение Джона Сноу, предательски убитого ортодоксально настроенными братьями Ночного дозора в 5-м сезоне телесериала, несколько смаZOало этот эффект, вызвав вполне обоснованные подозрения в маркетинговых мотивах подобного решения продюсеров канала HBO...

В любом случае довольно реалистичное изображение структурного кризиса системы и жизненного мира героев цикла значительно усиливается таким важным элементом martinovского нарратива, как опыт абсолютной контингентности. Для социологии тематизация контингентности не есть нечто-то новое. Например, в работах Никласа Лумана⁶ данное понятие отсылает к традиционному пониманию термина, восходящему еще к Аристотелю: речь идет о том, что не является ни необходимым, ни невозможным. Применительно к событиям сериала это означает, что в любой момент все могло быть другим и может стать другим. Используя терминологию Лумана, здесь можно говорить об эмерджентном социальном порядке (Luhmann: 1984: 157).

Как и в культуре модерна, в сериале после начала изложения конститутивный характер опыта контингентности проявляется во всех сегментах личной и социальной жизни, и даже в природе (наступление долгой зимы). Так что, несмотря на некоторую непоследовательность, неожиданная смерть главных героев выступает радикальной формой контингентности у Мартина⁷. Таким образом, философско-эпистемологически мир якобы средневекового Вестероса — это сильно модернизированный и социологизированный проект, не укладывающийся в узкие жанровые рамки фэнтези. В сериале проблематичными становятся базовые формы и ценности, характерные для моральных канонов всех исторически известных солидарных сообществ: даже дружба, верность и лояльность оказываются в серой зоне категориальной неопределенности — как, например, оценивать поступок Джейми Ланнистера, убившего Безумного короля Эйриса II Таргариена, защищать которого он поклялся в качестве королевского гвардейца?

6. Ср.: «Контингентным является то, что не является ни необходимым, ни невозможным; т. е. то, что может быть таким, каким оно есть, но также может быть иным. Тем самым понятие обозначает нечто данное (предстоящее, ожидавшееся, помысленное, выдуманное) с точки зрения возможности его иного бытия; оно обозначает предметы в горизонте возможных изменений». См.: Luhmann: 1984: 152.

7. См. в данной рубрике альтернативную интерпретацию, рассматривающую смерть в качестве заслуженного воздаяния за этическую недоброКачественность: Марей М., 2020.

Мир Мартина типично модерный уже потому, что его конструкция основана на тех же принципах имманентизма, реализма, перспективизма и эмансипации, характерных для языков самоописания и самолегитимации проекта современности⁸. Его обитатели так же постоянно находятся под принуждением к самоопределению, им приходится выходить за пределы привычных социальных ролей традиционного типа. Так, квазифеодальные структуры Семи королевств предполагают жестко предписанные роли и шансы для тех, кто находится внизу или с краю общества: как обычно, среди «дискриминируемых» находятся женщины и тем более девочки, калеки,bastards, чужаки и другие социальные аутсайдеры. Именно их вынужденные по природе и субверсивные по результату действия взрывают устоявшиеся рамки и ломают привычные сценарии, что в качестве агрегированного непреднамеренного эффекта приводит к изменению самой структуры субъектности, или агентности, в пространстве социальных взаимодействий внутри рассказанного мира (Brittnacher, 2016).

В качестве примеров такого рода самоэмансипации здесь могут быть названы многие персонажи Джорджа Мартина: евнух Варис, парвеню Петир Бейлиш по прозвищу Мизинец, дочери репрессированного десницы Арья и Санса Старк, физически неформатный наследник великого дома Сэмвел Тарли, наконец, главные герои —bastard Джон Сноу, политэмигрантка Дейнерис Таргариен и даже сама Серсея Ланнистер, нарушившая все мыслимые человеческие законы и божьи заповеди, и в результате узурпировавшая Железный трон. Появление новых субъектов социального и политического действия принципиально меняет прежнюю структуру агентности, казавшуюся столь ригидной: с доминирующих позиций вытесняются прежние представители гегемониальной власти, унаследовавшие свой социальный статус в соответствии с действующим в Вестеросе принципом первородства. Благодаря подобной — абсолютно модерной по своей природе — динамике не просто меняются социальные позиции тех или иных персонажей (May et al., 2016b: 18). Здесь достаточно вспомнить фрагмент из 10-й серии 3-го сезона («Мисса»), когда освобожденные рабы Юнкая признают Дейнерис Бурерожденную в качестве «матери».

Стоит ли говорить, что изменившийся властно-политический статус вчерашних аутсайдеров ставит под вопрос стабильность всего социального порядка, постепенно оставшегося без поддержки со стороны всех прежних институциональных и дискурсивных опор и скреп, которые во времена кризиса утратили былую силу и значимость. При этом и новым лидерам Вестероса приходится решать типичные для модерна проблемы политической легитимации собственных притязаний на господство, их необоснованности в трансцендентном и неукорененности в привычных рутинах и практиках. Например, та же Дейнерис Таргариен вынуждена теологически легитимировать свою власть путем тематизации уникальной

8. А. Марей фиксирует в sage лишь переход от Средних веков к раннему модерну: Марей А., 2020.

идентичности политического тела, которым она обладает в качестве «Матери драконов» (Petersen, 2016).

Неудивительно, что многими исследователями политических и социальных импликаций мира «Игры престолов» в свидетели призываются авторы, давшие классические образцы проблематизации модерна: Макиавелли, Гоббс и Вебер. Все они важны именно как теоретики типично современных имманентистских способов концептуализации политического, связанных с осознанием зависимости стабильности структур господства от фактического признания со стороны подданных, а также с фундаментальным различием между нормативным идеалом благого правителя и прагматическими интересами сохранения власти, как и между внешними образами и реальными способами ее функционирования.

Как верно подметил политолог Маркус Шульцке, некоторые места в сериале выглядят как прямые цитаты из того же «Государя» Никколо Макиавелли, например, из знаменитой главы 17, где тот ставит вопрос о приоритете для правителя любви или страха у подданных (Шульцке, 2015). Подобными вопросами о предпосылках признания задаются многие персонажи саги — трижды королева Маргери Тирелл, ее первый муж Ренли Баратеон, Дейнерис. В эксплицитной форме вполне макиавеллистский по духу дискурс о базовых добродетелях монарха (или, говоря современным HR-сленгом: скиллах и компетенциях лидера), квалифицирующих его для осуществления успешного правления, присутствует в яркой сцене разговора юного короля Томмена с его дедом лордом Тайвином Ланнистером (сезон 4, серия 3 «Разрушительница цепей»).

Также часто авторы, пишущие о политическом в «Игре престолов», обращаются к авторитету основателя социальной теории модерна Томаса Гоббса. Причем один из них, американский философ Грэг Литтманн, даже предложил проделать такой любопытный мысленный эксперимент: представим себе Гоббса в качестве майстера в Королевской Гавани! Что бы он советовал королю и лордам в момент политического кризиса в Вестеросе? Как бы он воспринял свержение династии Таргариенов (читай: Стюартов)? Чью сторону он занял бы в войне Пяти королей? (Литтманн, 2015).

Хотя, строго говоря, события цикла представляют собой процесс, обратный описанному самим Гоббсом в «Левиафане»: здесь мы видим не выход из естественного состояния путем учреждения государства, а, напротив, распад государства как доминирующей инстанции легитимного насилия, когда каждый получает обратно свое естественное право на самосохранение, вступая в прямую конкуренцию с аналогичным правом других рациональных эгоистов в условиях неограниченной «войны всех против всех» (Petersen, 2016: 231). Но и в таком, перевернутом виде представленная у Мартина картина высвобождения политического действия от любых ценностно-нормативных ограничений может считаться как типично нововременная и модерная (Stolleis, 1990). Ближе всего к позиции самого Гоббса в романе и фильме оказывается мастер над шептунами евнух Варис, для которого

стабильность порядка является самоценностью, несмотря на издержки конкретно-исторического Левиафана (сезон 1, серия 9 «Бейелдор»).

Классик социологии Фердинанд Тённис в своем знаменитом исследовании «Гemeinschaft und Gesellschaft» пишет, что «люди Гоббса и происходящие от них индивиды моего общества по природе суть враги, исключают и отрицают друг друга» (Tönnies, 1979: 105; Филиппов, 2009: 113, 2017). Таким Гоббсовым человеком — не в значении того, кто придерживается позиции британского философа, а в качестве воплощения описанного им в «Левиафане» социального типа — в сериале «Игра престолов» предстает Петир Бейлиш по прозвищу Мизинец. Именно он, преследуя собственные интересы, готов обрушить существующий порядок и спровоцировать полноценную гражданскую войну, невзирая на катастрофические последствия «войны всех против всех». При этом у Мизинца есть своя, абсолютно антигоббсианская по духу, концепция управляемого хаоса («Хаос — это лестница...»). Дестабилизируя посредством интриг сложившуюся рамку политического господства великих домов, рациональный эгоист Мизинец надеется значительно улучшить собственные шансы на возвышение уже в новых институциональных условиях. Мы знаем, что его надеждам помешала опять-таки довольно нежданная и даже в чем-то нелепая смерть в Винтерфелле в конце 7-го сезона, и не очень согласующаяся с его образом в предыдущих сериалах...

При этом лучше всего структура «довоенного» вестеросского общества проявляется в моменте неожиданной встречи Кейтилин Старк и Тириона Ланнистера в трактире (сезон 1, серия 4 «Калеки,bastарды и сломанные вещи»). В этом драматичном фрагменте Кейтелин из неприметной путешественницы за считаные минуты превращается в репрезентантку всего существующего социального порядка, которая успешно апеллирует к действующим структурам господства и лояльности:

- как подданная Семи королевств — к имени короля Роберта;
- как дочь верховного лорда Речных земель из дома Талли — к случайно оказавшимся поблизости обладателям силового ресурса в лице рыцарей, носящих гербы вассалов ее отца: в частности, это были воины леди Уэнт, лорда Бракена и лорда Фрея...

Вслед за многими авторами, пишущими об «Игре престолов», кратко бросим взгляд на существовавший к началу телесаги социальный и политический порядок глазами Макса Вебера, поскольку знаменитая веберовская типология легитимного господства позволяет проблематизировать некоторые моменты, ускользающие от теоретически невооруженного читателя и зрителя (Baumann, 2016). Назовем лишь некоторые из них:

- в нынешнем виде Семь королевств существуют около 300 лет — именно Эйегон I Таргариен, завоевавший Вестерос с помощью военно-воздушного *ultima ratio* в виде трех драконов, создал данный политический союз (кроме Дорна, присоединенного позже путем династических браков) (Марей А., 2020);

— таким образом, власть правителя на Железном троне легитимировалась устойчивой традицией, существовавшей на протяжении многих поколений (всего сменилось 17 королей из дома Таргариенов);

— при этом власть самого Эйегона Завоевателя и его прямых потомков относилась к харизматическому типу, поскольку легитимировалась их харизмой, проявляющейся в уникальной способности летать на драконах;

— однако после смерти последнего дракона (примерно за 150 лет до начала сериала) королевская власть Таргариенов базировалась исключительно на традиции;

— при этом устойчивость ей придавали повсеместно наличествующие структуры рациональной власти-знания ордена майстеров, существующие параллельно с феодальной системой личных связей.

В этом смысле Роберт Баратеон как типичный узурпатор изначально предстает в качестве правителя-харизматика, который постепенно утрачивает харизму. Его братья и мнимые сыновья претендуют на Железный трон вновь в рамках модели легитимации господства через традицию. Особо интересный случай представляют политические амбиции вдовы Роберта Серсеи Ланнистер — она не может легитимировать свои притязания ничем, кроме фактического силового контроля над столицей. В веберовском понимании здесь речь идет скорее не о господстве (*Herrschaft*) как устойчивой форме социальных отношений, а временном преимуществе в силе (*Macht*)⁹. Напротив, и Дейнерис, и Джон Сноу — типичные харизматики, лишь подкрепляющие свои притязания аргументами династического рода. Здесь достаточно вспомнить момент признания Джона королем Севера (сезон 6, серия 10 «Ветра зимы»).

Понятно, что выделенные Вебером основные типы легитимного господства не встречаются в чистом виде в реальной политической практике Вестероса и Эссоса, и это нужно учитывать при анализе структур господства в «Игре престолов». Так, отдельного рассмотрения из веберовской перспективы заслуживает организация власти за Стеной, в Вольных городах, у дотракийцев и железных людей и т. д.

После Старых и Новых богов: постсекулярность и религиозный фундаментализм в ценностно-нормативной системе «Игры престолов»

Исторически религия — это один из наиболее приоритетных объектов анализа для социологии, начиная с ее отцов-основателей. И понятно почему — в данной «предметной области» мы имеем дело с наиболее интенсивными социальными связями, ведущими к тому же в сферу трансцендентного. Именно поэтому сфера сакрального долгое время являлась привилегированным предметом изучения

9. Ср.: «Власть — это любая вероятность реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, на чем бы эта вероятность ни основывалась. Господство — это вероятность того, что определенные люди повинуются приказу определенного содержания» (Вебер, 2016: 109).

со стороны наук об обществе, включая социологию периода классики (Филиппов, 2019).

Ее особенности отражаются на институциональном дизайне и дискурсивных формах соответствующих обществ. Уже поэтому вера в Семерых как доминирующую конфессию Вестероса представляет определенный интерес для социологического взгляда хотя бы из-за ее роли в легитимации социального порядка Семи королевств. Именно она становится основным объектом религиоведческого и даже теологического анализа. Многие исследователи отмечают синтетический, синкретический характер веры в Семерых (Rüster, 2016).

При этом очевидно, что она и по нарративной структуре и по распространенности среди масс интенсивности религиозного переживания, а также по проблемности некоторых структурных моментов (всплески фанатизма, коррумпированность септонов, педофилия) вполне узнаваема для жителя современного западного мира. Джорджу Мартину удалось представить необычайно широкий набор типологически разных религий, действующих те или иные теологические и метафизические системы в качестве источника объясняющих мир моделей и метафор. При этом религии и популярные мифологии предстают в саге в основном в качестве политических инструментов в руках институтов сакральной и светской власти (Emig, 2016).

В целом для мира «Игры престолов» характерно амбивалентное отношение к проблемам веры, не поддающееся однозначной локализации по шкале религиозность — секулярность — постсекулярность. Политически обусловленная дискретность существующих во вселенной Мартина социальных порядков коррелирует с дискретностью религиозного ландшафта Вестероса и Эссоса, в рамках которого можно выявить зоны не только с сильно отличающейся интенсивностью религиозной жизни, но и разным потенциалом воздействия конфессий на поведение последователей: от почти полной неэффективности той же веры в Семерых до чудодейственных способностей по оживлению мертвых, демонстрируемых некоторыми служителями Владыки света (красная жрица Мелисандра, Торос из Мира, неоднократно воскрешавший Берика Дондариона) (Frenschkowski, 2016).

В целом плюралистические религиозные структуры обоих континентов выступают в саге прежде всего в качестве разнообразных форм властного дискурса. Иногда религиозная практика даже внутри одной деноминации демонстрирует значительную пластичность институциональных форм (ордена внутри веры в Семерых) — в зависимости от политической целесообразности, определяемой представителями секулярной власти (Söffner, 2017: 102).

Изучая тексты цикла Дж. Мартина «Песнь льда и пламени», также можно обратить внимание на один момент, связанный с вестеросской социологией знания/религии: если в телесериале «Игра престолов» во многих важных сценах заметно присутствие мастеров и почти полностью отсутствуют собственно носители сакрального знания, т. е. септоны, то в книгах следы культа Семерых обнаруживаются в самых неожиданных местах — так, священнослужители сопровождают прота-

гонистов в военном походе, небольшие септы есть не только в Винтерфелле, но и в Черном Замке на Стене и т. д. Кроме того, бросается в глаза асимметрия культов Старых и Новых богов — несмотря на общую религиозную толерантность в Вестеросе, мы не видим нигде официальных операторов традиционной религии Детей леса, Первых людей и одичалых, доминировавшей на всем континенте до прихода андалов с их верой в Семерых. Хотя весь Север и незначительная часть населения в южных землях продолжают поклоняться чар-древам в богощах, т. е. остаются в рамках анимизма, но все они не получают никакого духовного окормления со стороны каких бы то ни было волхвов или друидов. Крайне неравномерное присутствие трансцендентного в саге усиливается ценностным релятивизмом, делающим невозможным консенсус относительно объективного морального зла. Более того, некоторые религиозно легитимированные культурные традиции и практики напрямую связаны с насилием: Лошадиный бог дотракийцев, Утонувший бог железных людей, как и Владыка света, явно не препятствуют распространению зла во вселенной Дж. Мартина (Шоон, 2015).

Любая религия есть способ соединения в социально-природно-божественном космосе посюстороннего, секулярного и имманентного с потусторонним, сакральным и трансцендентным. Именно поэтому анализ религиозного ландшафта «Игры престолов» позволяет более отчетливо рассмотреть структуру социальных взаимодействий и саму социальную ткань гетерогенных сообществ Вестероса и Эссоса.

Политическая теология Дейнерис Таргариен

Не менее интересные выводы о вестеросском космосе может дать сопоставление тех способов, с помощью которых различные претенденты легитимируют свои притязания на Железный трон: генеалогия (Джоффри и Станис Баратеоны, Визерис Таргариен), доблесть (Станис), харизма (Ренли Баратеон), успех и удача (Роберт Баратеон, Тайвин Ланнистер), религиозное призвание (Мелисандра). При этом все они так или иначе соотносятся с действующей в Семи королевствах ценностной и правовой системой, из которой и черпают свои семантические содержания и прагматические ориентации. Именно поэтому они могут взаимно оспаривать права друг друга, оставаясь в рамках одной и то же политической реальности Вестероса, в отличие от последней представительницы великой династии, обосновывающей легитимность своей власти не имманентно, а скорее политико-теологически (Petersen, 2016: 232–233).

А какие оригинальные идеи на этом высококонкурентном рынке политических аргументов может предложить харизматичная дочь Безумного короля? Она открыто заявляет о трансцендентной природе своей власти, каковая, по Веберу, требует регулярного подтверждения избранности правителя в виде военных побед и политических успехов. В любом случае, как показывают перипетии аболиционистского режима Дейнерис Бурерожденной в городах Залива работников, ее несомненная харизма и даже наличие «штурмовой авиации» в виде драконов еще

не гарантируют стабильность отношений господства и подчинения между ней и ее подданными.

При этом в рамках восходящего к Максу Веберу подхода харизма как таковая лежит вне сферы моральных оценок и означает лишь необычные, внеобыденные способности определенного лица, квалифицирующие его на роль правителя. Это может быть природный магический дар или удачливость в войнах, подтверждающие связь данного человека с трансцендентными силами (духами, богами). Проблема здесь в крайней неустойчивости положения того, кто считается своими последователями избранным править. Ведь он должен быть особо музыкальным, говоря словами Вебера, т. е. чувствительным к динамике в той среде, где его власть считается легитимной по праву призыва свыше. Переформулируя другой известный тезис классика социологии, господство — это призвание, а не профессия (Baumann, 2016: 215).

Как показывает ее постоянно удлиняющаяся титулатура «Дейенерис из дома Таргариенов, именуемая первой, Неопалимая, Королева Миэрина, Королева Андалов, Ройнара и Первых Людей, Кхалиси Дотракийского Моря, Разбивающая Оковы и Мать Драконов» Дейенерис очень чувствительна к аккламациям подданных. Она отдает себе отчет, что жители Эссоса почитают ее не как законную наследницу Семи королевств, а как политического практика, осуществляющую одну ей ведомую программу радикальных реформ. Ведь она действительно революционным образом преобразует социальный и хозяйственный порядок на части континента¹⁰.

При этом она формулирует собственную политическую программу: «Ланнистеры, Баратеоны, Старки, Тиреллы — все они лишь спицы в колесе, сменяющие друг друга наверху... Я не собираюсь останавливать колесо. Я хочу его сломать» (сезон 5, серия 8 «Суровый дом»).

В отличие от всех упомянутых Дейенерис конкурентов из числа представителей великих домов, ее способы легитимации собственных притязаний на господство напоминают концепты в европейской истории идей, использовавшие аналоги или субSTITУты религиозно-трансцендентного для обоснования политического целеполагания. Именно такая дискурсивная практика дала право Карлу Шmittу сформулировать в начале 3-й части своего знаменитого трактата: «Все точные понятия современного учения о государствстве представляют собой секуляризированные теологические понятия» (Шmitt, 2000: 57).

Попытки Дейенерис восстановить политический порядок также опираются не на имманентную, а на трансцендентную легитимность: даже в освобождении рабов в Эссосе проявляется очевидный сoteriологический потенциал ее программы

¹⁰. Забавно, что некоторые исследователи обвинили ее в весторосоцентризме, выражавшемся в подавлении, вытеснении и уничтожении местного культурного своеобразия в ходе трансформации. Ср.: «Мир „Песни льда и пламени“ пронизан колониальными механизмами, которые проявляются и тем сами имплицитно проблематизируются даже там, где действительно происходит цивилизационный прогресс — например, когда Дейенерис освобождает рабов». См.: May et al., 2016b: 16.

переучреждения мира в Вестеросе. Очевидно, что, согласно как ее собственным интенциям, так и высказываниям ее ближайшего окружения, она позиционируется не просто как хорошая, законная и справедливая правительница, но и как мать и спасительница! Даже в глазах ее «штаба управления» — т. е. сира Джораха Мормонта, Вариса и Тириона Ланнистера — она является ни много ни мало последним шансом на спасение мира от дальнейшего разложения и распада.

В этом смысле заметна значительная динамика в ее понимании собственной миссии: первоначально она лишь воспроизводила чисто династически мотивированные притязания своего брата Визериса, структурно ничем не отличавшиеся от аргументов других претендентов — речь шла о восстановлении законной власти Таргариенов как создателей и носителей идеального порядка, так сказать, на правах реституции. Однако в ходе ее путешествия на восток Эссоса меняется характер ее притязаний на господство в Семи королевствах — теперь речь идет именно о спасении мира, описываемом в теологических категориях. Таким образом, дискурсивно она возвращается к Догоббсову, домодерному языку обоснования господства через трансцендентное.

Здесь можно увидеть определенный парадокс: несмотря на явно модернизованный характер ее социал-реформистской деятельности, по семантике и по структуре ее способ легитимации собственной власти относится скорее к жанру политической теологии и даже сотериологии. Более того, притязания Дейнерис на легитимное господство тесно связаны с ее уникальным магическим даром — способностью летать на огнедышащих драконах (аналог современной штурмовой авиации). В этом смысле здесь мы наблюдаем конститутивную роль домодерных дискурсивных (политико-теологических) и силовых ресурсов (магия), что несколько неожиданно для типично модерной, инструментально-рациональной политической культуры Семи королевств!

Вместо заключения. Чего не знает Джон Сноу, или Когнитивный ландшафт Вестероса между мейстерами, септонами и белыми ходоками

Подобно религиозному, эпистемологическому ландшафту сериала также чрезвычайно разнообразен: в нем заметны различные способы накопления, фиксации и трансляции знаний в рамках нескольких когнитивных порядков. Часто они существует как бы параллельно, принципиально несовместимы и порождают конфликт при попытках совмещения: например, мы можем только догадываться о власти-знании, мотивирующим белых ходоков на поход южнее Стены...

Исследователи также обращают внимание на жесткое институциональное разделение в Семи королевствах между носителями чисто секулярного знания (мейстеры) и знания сакрального (септоны и септы). Причем если механизм рекрутования первых довольно прозрачен — эти секулярные интеллектуалы («рыцари ума») получают академическую социализацию в специализированном учебном заведении (Цитадели), то откуда берутся вторые, не совсем понятно. Примечатель-

ны еще несколько моментов, связанных с подобным «разделением когнитивного труда»: изначально религиозный центр веры в Семерых также находился в Староместе, где находится и Цитадель мейстеров; несмотря на секулярность осваивающего мейстерами корпуса знания, они тем не менее являются членами столь же иерархически структуированного (великий мейстер — архимейстеры — обычные мейстеры), но при этом абсолютно светского ордена; кроме того, есть еще носители древнего магического знания, организованные в гильдию алхимиков и т. д.

Стоит ли говорить, что этот чрезвычайно сложный ландшафт вестеросского знания сразу вызывает вопросы об исторических аналогах в европейском Средневековье. И не только европейском — например, та же Цитадель мейстеров, выступающая в качестве высшей инстанции в области всех наук очень напоминает китайскую «академию» Ханьлинь, просуществовавшую более тысячи лет. В этой связи неизбежно встает вопрос, существовали ли исторические precedents подобного институционального отделения секулярного знания от знания сакрального, как мы его видим во вселенной Дж. Мартина?

В текстах цикла постоянно подчеркивается несовместимость различных модусов индивидуальной и культурной памяти. Так, на примере историописания, осуществляемого конкурирующими корпорациями мейстеров и септонов, чрезвычайно реалистично показана дискретность порядков знания. В этом смысле Джон Сноу «не знает» не только того, что «знает» одичалая Игритт. Как и у всех остальных героев, его взгляд на мир остается лишь одной из частных перспектив, принципиально не совпадающей с оптикой других protagonists. И их невозможно сложить в некий пазл единой картины мира. В этом смысле значительным упрощением и уплощением сложности вселенной Джорджа Мартина является произнесенное уже в 8-м сезоне сериала утверждение, что Бран — последняя опора, удерживающая от гибели мир людей, которому противопоставлен Король Ночи как абсолютное небытие.

Примечательно и то, что основанием гуманистического порядка опять-таки оказывается культурная память: уже давно утративший личностные черты Бран выступает в качестве института субстантивированного знания человечества о себе. Таким образом, цикл Дж. Мартина несет в себе элементы археологии знания и медиакритики (May et al., 2016b: 12). И в этом отношении вселенная сериала «Игра престолов» является абсолютно современным пространством конкурирующих «эпистемологических» программ и нарративов, легко опознаваемым жителем глобализированного мира начала XXI века.

В целом мастерски прописанный в произведениях Джорджа Мартина комплексный социальный мир с его функциональными институтами, механизмами господства и дискурсивными порядками является масштабным пространством человеческих взаимодействий. Различные способы обобществления человека путем регулярных интеракций с другими людьми традиционно вызывают профессиональный интерес у социологии как науки о социальном действии. Как я попытался показать в данном обзоре, «Игра престолов» является репрезентативным продуктом современной массовой культуры, позволяющим социальным ученым

в лабораторных условиях книжного текста и телевизионного сериала эффективно тематизировать реальные структурные проблемы обществ позднего модерна.

Литература

- Барт Р. (1989). Эффект реальности / Пер. с франц. С. Н. Зенкина // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс. С. 392–400.
- Вебер М. (2016). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1: Социология / Пер. с нем. под общ. ред. Л. Г. Ионина. М.: ВШЭ.
- Джейкоби Г., Ирвин У. (ред.). (2015). Игра престолов и философия / Пер. с англ. Н. И. Виленской. М.: АСТ.
- Ларрингтон К. (2018). Зима близко: средневековый мир «Игры престолов» / Пер. с англ. А. Козырева. М.: РИПОЛ классик.
- Ларрингтон К. (2019). Скандинавские мифы: от Тора и Локи до Толкина и «Игры престолов». М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Лаудер Дж. (ред.). (2015). За стеной: тайны «Песни Льда и Огня» Джорджа Р. Р. Мартина. М.: АСТ.
- Литтманн Г. (2015). Мейстер Гоббс едет в Королевскую Гавань // Джейкоби Г., Ирвин У. (ред.). Игра престолов и философия / Пер. с англ. Н. И. Виленской. М.: АСТ. С. 21–36.
- Лушиак А. (2018). Валар Моргулис: античный мир «Игры престолов». М.: РИПОЛ классик.
- Марей А. В. (2020). Карлик, евнух и банкир: интуиции модерного государства в Вестеросе // Социологическое обозрение. Т. 19. № 1. С. 160–182.
- Марей М. Д. (2020). Не только мать, жена и королева: этические и политические стратегии женских персонажей в цикле романов «Песнь льда и пламени» Дж. Мартина // Социологическое обозрение. Т. 19. № 1. С. 209–226.
- Тенбрук Ф. (2013). Репрезентативная культура / Пер. с нем. А. В. Комаровского под ред. О. В. Кильдюшова // Социологическое обозрение. Т. 12. № 3. С. 93–120.
- Травин Д. Я. (2020). Историческая социология в «Игре престолов». СПб.: Страна.
- Филиппов А. Ф. (2009). Актуальность философии Гоббса. Статья вторая // Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. С. 113–122.
- Филиппов А. Ф. (2017). Другие «люди Гоббса»: о философских источниках и перспективах одного социологического заблуждения // Вишленкова Е. А., Дмитриев А. Н., Самутина Н. В. (ред.). Сад ученых наслаждений: сборник трудов ИГИТИ к юбилею профессора И. М. Савельевой. М.: ВШЭ. С. 23–40.
- Филиппов А. Ф. (2019). Элементарная социология: введение в историю дисциплины. М.: РИПОЛ классик.
- Шляхтин Р. (ред.). (2019). Игра престолов: прочтение смыслов. Историки и психологи исследуют мир Джорджа Мартина. М.: АСТ.

- Шмитт К. (2000). Политическая теология: четыре главы к учению о суверените-те / Пер. с нем. Ю. Коринца // Шмитт К. Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц. С. 7–98.
- Шоон Я. Д. (2015). «Почему мир так несправедлив?»: боги и проблема зла // Джей-коби Г., Ирвин У. (ред.). Игра престолов и философия / Пер. с англ. Н. И. Виленской. М.: ACT. С. 176–189.
- Штейнман М. А. (2019). Трансформация метафоры власти в XX — начале XXI сто-летия (на примере произведений Дж. Р. Р. Толкина и Дж. Мартина) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. № 2. С. 28–47.
- Шульцке М. (2015). Правила Игры престолов: уроки Макиавелли // Джейкоби Г., Ирвин У. (ред.). Игра престолов и философия / Пер. с англ. Н. И. Виленской. М.: ACT. С. 52–68.
- Энглбергер А. Дж. Дж., Хайеке А. (2015) Разная мораль: лорд Эддард Старк и коро-лева Серсея // Джейкоби Г., Ирвин У. (ред.). Игра престолов и философия / Пер. с англ. Н. И. Виленской. М.: ACT. С. 108–119.
- Azulus S. (2016). Philosopher avec «Game of Thrones». P.: Ellipses.
- Battis J., Johnston S. (eds.). (2015a). Mastering the Game of Thrones: Essays on George R. R. Martin's *A Song of Fire and Ice*. Jefferson: McFarland & Co.
- Battis J., Johnston S. (2015b). Introduction: On Knowing Nothing // Battis J., Johnston S. (eds.). Mastering the Game of Thrones: Essays on George R. R. Martin's *A Song of Fire and Ice*. Jefferson: McFarland & Co. P. 1–14.
- Baumann M. (2016). The King is Dead — Long Live the Throne? Zur Herrschaftsstruktur in ASOIAF // May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (Hrsg.). Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire». Bielefeld: transcript. S. 213–226.
- Brittnacher H. R. (2016). Bastarde und Barbaren // May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (Hrsg.). Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Per-spektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire». Bielefeld: transcript. S. 157–172.
- Chaillan M. (2016). «Game of Thrones»: une métaphysique des meurtres. P.: Le Passeur.
- Emig R. (2016). «What is Dead May Never Die, but Rises again, Harder and Stronger»: Religion als Macht in ASOIAF // May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (Hrsg.). Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire». Bielefeld: transcript. S. 103–112.
- Frankel V. E. (2014). Women in *Game of Thrones*: Power, Conformity and Resistance. Je-ferson: McFarland & Co.
- Frenschkowski D. (2016). Feuer innerhalb und außerhalb von ASOIAF // May M., Bau-mann M., Baumgartner R., Eder T. (Hrsg.). Die Welt von «Game of Thrones»: Kultur-wissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire». Bielefeld: transcript. S. 113–126.
- Gjelsvik A., Schubart R. (eds.). (2016). Women of Ice and Fire: Gender, Game of Thrones, and Multiple Media Engagements. L.: Bloomsbury Academic.

- Jacoby H. (ed.). (2012). *Game of Thrones and Philosophy: Logic Cuts Deeper than Swords*. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Larrington C. (2016). *Winter is Coming: The Medieval World of Game of Thrones*. L.: I. B. Tauris.
- Larrington C. (2017). *The Norse Myths: A Guide to Viking and Scandinavian Gods and Heroes*. L.: Thames and Hudson.
- Lowder J. (ed.). (2012). *Beyond the Wall: Exploring George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire, from A Game of Thrones to A Dance with Dragons*. Dallas: Smart Pop Books.
- Luhmann N. (1984). *Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Lushkov A. H. (2017). *You Win or You Die: The Ancient World of Game of Thrones*. L.: I. B. Tauris.
- May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (Hrsg.). (2016a). *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»*. Bielefeld: transcript.
- May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (2016b). Vorwort // May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (Hrsg.). *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»*. Bielefeld: transcript. S. 11–25.
- Petersen Ch. (2016). *Die drei Drachen des Königs: Politische Theologie in ASOIAF* // May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (Hrsg.). *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»*. Bielefeld: transcript. S. 227–246.
- Rolet S. (2014). *Le Trône de fer ou le pouvoir dans le sang*. P.: PUFR.
- Rüster J. (2016). 7 = 1: Der Glaube an die Sieben als synthetische Religion zwischen Apodiktik und Paraklese // May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (Hrsg.). *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»*. Bielefeld: transcript. S. 141–153.
- Silverman E. J., Arp R. (eds.). (2016). *The Ultimate Game of Thrones and Philosophy: You Think or Die*. Chicago: Open Court.
- Söffner J. (2017). *Nachdenken über «Game of Thrones»: George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»*. Paderborn: Wilhelm Fink.
- Stolleis M. (1990). *Staat und Staatsraison in der frühen Neuzeit: Studien zur Geschichte des öffentlichen Rechts*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Tönnies F. (1979). *Gemeinschaft und Gesellschaft*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Weng Ch. (2016). *Techniken und Funktionen von Filmmusik am Beispiel von GOT* // May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (Hrsg.). *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»*. Bielefeld: transcript. P. 293–306.

Social Order and Political Theology in the *Game of Thrones*: What Makes the Cult Series Interesting for Theoretical Sociology

Oleg Kildyushov

Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology, National Research University — Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: kildyushov@mail.ru

The paper is a review of a number of writings in the humanities and in social science devoted to George Martin's series of epic fantasy novels *A Song of Ice and Fire*, and the television-serial drama *Game of Thrones*. At the beginning, we analyze the researchers' most heuristically-fruitful intellectual reactions to *Game of Thrones*, that is, specific products such as texts that may be of interest to social theory. The main part of the article considers the institutional and discursive order of George Martin's saga through the research lens of the classics of modern social theory, such as Niccolo Machiavelli, Thomas Hobbes, and Max Weber. The paper then briefly touches upon the religious situation in Westeros, whose system of values and norms is paradoxically characterized by both post-secularism and a surge of religious fundamentalism. As a next step, it analyzes the political theology in the *Game of Thrones*, which is considered within the perspective of a transcendental legitimization of politics as proposed by Carl Schmitt. In conclusion, the paper considers Westeros' cognitive landscape which consists of various competing epistemic sets (maesters, septons, white walkers, etc.), and structurally reproduces the situation in the societies of late modernity.

Keywords: *Game of Thrones*, George Martin, social order, culture of representation, Max Weber, political theology

References

- Anglberger A., Heke A. (2015) Raznaja moral': lord Jeddard Stark i koroleva Serseja [Lord Eddard Stark, Queen Cersei Lanister: Moral Judgements from Different Perspectives]. *Igra prestolov i filosofija* [*Game of Thrones and Philosophy*] (eds. H. Jacoby H., W. Irwin), Moscow: AST, pp. 108–119.
- Azulus S. (2016) *Philosopher avec "Game of Thrones"*, Paris: Ellipses.
- Barthes R. (1989) Jeffekt real'nosti [The Reality Effect]. *Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika* [Selected Works: Semiotics, Poetics], Moscow: Progress, pp. 392–400.
- Battis J., Johnston S. (eds.) (2015) *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R. R. Martin's A Song of Fire and Ice*, Jefferson: McFarland & Co.
- Battis J., Johnston S. (2015) Introduction: On Knowing Nothing. *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R. R. Martin's A Song of Fire and Ice* (eds. J. Battis, S. Johnston), Jefferson: McFarland & Co, pp. 1–14.
- Baumann M. (2016) The King is Dead — Long Live the Throne? Zur Herrschaftsstruktur in ASOIAF. *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»* (eds. M. May, M. Baumann, R. Baumgartner, T. Eder), Bielefeld: transcript, pp. 213–226.
- Brittnacher H. R. (2016) Bastarde und Barbaren. *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»* (eds. M. May, M. Baumann, R. Baumgartner, T. Eder), Bielefeld: transcript, pp. 157–172.
- Chaillan M. (2016) *"Game of Thrones": une métaphysique des meurtres*, Paris: Le Passeur.
- Emig R. (2016) "What is Dead May Never Die, but Rises again, Harder and Stronger": Religion als Macht in ASOIAF. *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»* (eds. M. May, M. Baumann, R. Baumgartner, T. Eder), Bielefeld: transcript, pp. 227–248.

- R. R. Martins «*A Song of Ice and Fire*» (eds. M. May, M. Baumann, R. Baumgartner, T. Eder), Bielefeld: transcript, pp. 103–112.
- Filippov A. (2009) *Aktual'nost' filosofii Gobbса. Stat'ja vtoraja [The Relevance of Hobbes' Philosophy. Second Article]*. *Russian Sociological Review*, vol. 8, no 3, pp. 113–122.
- Filippov A. (2017) Drugie "ljudi Gobbса": o filosofskih istochnikah i perspektivah odnogo sociologicheskogo zabluzhdenija [The Other "Hobbes' People": On the Philosophical Sources and Perspectives of a Sociological Fallacy]. *Sad uchenyh naslazhdenij [The Garden of Academic Delights]* (eds. E. Vishlenkova, A. Dmitriev, N. Samutina), Moscow: HSE, pp. 23–40.
- Filippov A. (2019) *Jelementarnaja sociologija: vedenie v istoriju discipliny [Elementary Sociology: An Introduction to the History of the Discipline]*, Moscow: RIPOL klassik.
- Frankel V. E. (2014) *Women in Game of Thrones: Power, Conformity and Resistance*, Jefferson: McFarland & Co.
- Frenschkowski D. (2016) Feuer innerhalb und außerhalb von ASOIAF. *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»* (eds. M. May, M. Baumann, R. Baumgartner, T. Eder), Bielefeld: transcript, pp. 113–126.
- Gjelsvik A., Schubart R. (eds.) (2016) *Women of Ice and Fire: Gender, Game of Thrones, and Multiple Media Engagements*, London: Bloomsbury Academic.
- Jacoby H. (ed.) (2012) *Game of Thrones and Philosophy: Logic Cuts Deeper than Swords*, Hoboken: John Wiley & Sons.
- Jacoby H., Irwin W. (2015) *Igra prestolov i filosofija [Game of Thrones and Philosophy]*, Moscow: AST.
- Larrington C. (2016) *Winter is Coming: The Medieval World of Game of Thrones*, London: I. B. Tauris.
- Larrington C. (2017) *The Norse Myths: A Guide to Viking and Scandinavian Gods and Heroes*, London: Thames and Hudson.
- Larrington C. (2018) *Zima blizko: srednevekovyj mir "Igry prestolov" [Winter is Coming: The Medieval World of Game of Thrones]*, Moscow: RIPOL klassik.
- Larrington C. (2019) *Skandinavskie mify: ot Tora i Loki do Tolkina i "Igry prestolov" [The Norse Myths: A Guide to the Gods and Heroes]*, Moscow: Ivanov i Ferber.
- Littman G. (2015) Mejster Gobbс edet v Korolevskuju Gavan' [Maester Hobbes Goes to King's Landing]. *Igra prestolov i filosofija [Game of Thrones and Philosophy]* (eds. H. Jacoby, W. Irwin), Moscow: AST, pp. 21–36.
- Lowder J. (ed.) (2012) *Beyond the Wall: Exploring George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire, from A Game of Thrones to A Dance with Dragons*, Dallas: Smart Pop Books.
- Lowder J. (ed.) (2015) *Za stenoj: tajny "Pesni l'da i ognja" Dzhordzha R. R. Martina [Beyond the Wall: Exploring George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire]*, Moscow: AST.
- Luhmann N. (1984) *Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Lushkov A. H. (2017) *You Win or You Die: The Ancient World of Game of Thrones*, London: I. B. Tauris.
- Lushkov A. H. (2018) *Valar Morgulis: antichnyj mir "Igry prestolov" [You Win or You Die: The Ancient World of Game of Thrones]*, Moscow: RIPOL klassik.
- Marey A. (2020) Karlik, evnuh i bankir: intuicii modernogo gosudarstva v Vesterose [The dwarf, the eunuch, and the banker: the intuitions of modern state in Westeros]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 1, pp. 160–182.
- Marey M. (2020) Ne tol'ko mat', zhena i koroleva: jeticheskie i politicheskie strategii zhenskih personazhej v cikle romanov «Pesn' l'da i Plameni» Dzh. Martina [Not just mother, wife, and queen: the ethical and political strategies of female characters in George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire by]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 1, pp. 209–226.
- May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (eds.) (2016) *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»*, Bielefeld: transcript.
- May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (2016) Vorwort. *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»* (eds. M. May, M. Baumann, R. Baumgartner, T. Eder), Bielefeld: transcript, pp. 11–25.

- Petersen Ch. (2016) Die drei Drachen des Königs. Politische Theologie in ASOIAF. *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»* (eds. M. May, M. Baumann, R. Baumgartner, T. Eder), Bielefeld: transcript, pp. 227–246.
- Rolet S. (2014) *Le Trône de fer ou le pouvoir dans le sang*, Paris: PUFR.
- Rüster J. (2016) 7 = 1: Der Glaube an die Sieben als synthetische Religion zwischen Apodiktik und Paraklese. *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»* (eds. M. May, M. Baumann, R. Baumgartner, T. Eder), Bielefeld: transcript, pp. 141–153.
- Schulzke M. (2015) Pravila Igry prestolov: uroki Makavielli [Playing the Game of Thrones: Some Lessons from Machiavelli]. *Igra prestolov i filosofija [Game of Thrones and Philosophy]* (eds. H. Jacoby H., W. Irwin), Moscow: AST, pp. 52–68.
- Shlyakhtin R. (ed.) (2019) *Igra prestolov: prochtenie smyslov. Istoriki i psihologi issledujut mir Dzhordzha Martina* [A Game of Thrones: Reading the Meanings. Historians and Psychologists Explore the World of George Martin], Moscow: AST.
- Shoone J. (2015) “Pochemu mir tak nespravedliv?”: bogi i problema zla [“Why is the World so Full of Injustice?”: Gods and the Problem of Evil]. *Igra prestolov i filosofija [Game of Thrones and Philosophy]* (eds. H. Jacoby H., W. Irwin), Moscow: AST, pp. 176–189.
- Shtejnman M. (2019) Transformacija metafore vlasti v XX — nachale XXI stoletija (na primere proizvedenij Dzh. R. R. Tolkina i Dzh. Martina) [The Transformation of Power Metaphor in the 20th — the Early 21st Centuries (The Case of J. R. R. Tolkien's and G. Martin's Works)]. *Politeia*, no 2, pp. 28–47.
- Söffner J. (2017) *Nachdenken über “Game of Thrones”: George R. R. Martins “A Song of Ice and Fire”*, Paderborn: Wilhelm Fink.
- Stolleis M. (1990) *Staat und Staatsraison in der frühen Neuzeit: Studien zur Geschichte des öffentlichen Rechts*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Schmitt C. (2000) Politicheskaja teologija: chetyre glavy k ucheniju o suverenitete [Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty]. *Politicheskaja teologija [Political Theology]*, Moscow: KANON-press C, pp. 7–98.
- Tenbruk F. (2013) Reprezentativnaja kul'tura [Representative Culture]. *Russian Sociological Review*, vol. 12, no 3, pp. 93–120.
- Silverman E. J., Arp R. (eds.) (2016) *The Ultimate Game of Thrones and Philosophy: You Think or Die*, Chicago: Open Court.
- Tönnies F. (1979) *Gemeinschaft und Gesellschaft*, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Travin D. (2020) *Istoricheskaja sociologija v “Igre prestolov”* [Historical Sociology in the Game of Thrones], Saint Petersburg: Strata.
- Weber M. (2016) *Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii. T. 1: Sociologija* [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology, Vol. 1: Sociology], Moscow: HSE.
- Weng Ch. (2016) Techniken und Funktionen von Filmmusik am Beispiel von GOT. *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»* (eds. M. May, M. Baumann, R. Baumgartner, T. Eder), Bielefeld: transcript, pp. 293–306.

Карлик, евнух и банкир

Интуиции модерного государства в Вестеросе

Александр Марей

Кандидат юридических наук, преподаватель-исследователь,

Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Адрес: ул. А. Невского, д. 14, г. Калининград, Российская Федерация 236016

E-mail: fijodalgo@gmail.com

Статья посвящена анализу механизмов взаимодействия власти, денег, знания и силы в контексте премодерного общества, описанного Джорджем Мартином в «Песни льда и пламени». Автор отмечает, что Мартин создал практически уникальную картину – общество, примерно соответствующее Европе позднего Средневековья, лишенное государства, но напоенное его интуициями, предчувствиями. В рамках этого общества основными ценностями становятся личная верность, любовь, физическая сила и красота, то есть, качества, свойственные большей части главных героев. Однако будущее оказывается за другими людьми: карлик Тирион Ланнистер заботится о благе простого народа, евнух Варис олицетворяет власть знания, финансисты Петир Бейлиш и Иллирио Мопатис представляют собой власть денег. Наконец, Дейнерис Таргариен, после смерти ее мужа и рождения у нее драконов, также становится не столько человеком, сколько живым символом грядущего нового миропорядка. Ее атрибутами становятся абсолютная мощь, представленная драконами, и полное уравнение граждан будущего государства, символизируемое армией евнухов-безупречных. Таким образом, противостояние старого и нового, феодализма и модерна в романе Мартина идет не только на уровне социально-политических конструкций, но и на уровне эстетического противопоставления. Причем, выигрыш, по всей видимости, остается за уродливым новым временем.

Ключевые слова: власть знания, власть денег, власть оружия, авторитет, господство, Таргариены, Ланнистеры, Вестерос

Вводные замечания. Вопросы метода

Мир «Льда и пламени», созданный Джорджем Мартином, похоже, занял в западной интеллектуальной культуре ту же нишу, что и повесть А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом» в культуре позднесоветского периода. Фантастическое допущение¹, введенное Мартином в свой текст, не позволяет считывать его как рассказ о каких-либо реальных событиях или об отношении автора к реально суще-

© Марей А. В., 2020

© Центр фундаментальной социологии, 2020

DOI: 10.17323/1728-192X-2020-1-160-182

1. Точнее, даже два: во-первых, Мартин создает новый мир с узнаваемой, но все же фантазийной географией; во-вторых, применительно к самому пространству текста таким допущением является рождение драконов — для большинства героев «Песни льда и пламени» драконы представляются чем-то уже легендарным. Если мысленно вычесть эти два допущения (и их следствия) из саги Мартина, она превратится в весьма подробный исторический роман о войне Алой и Белой Розы.

ствовавшему Средневековью. С другой стороны, популярность эпопеи Мартина как у американского, так и отечественного читателя не оставляет шанса отнестись к «Песни льда и пламени» как к обычной развлекательной литературе. Очевидно, что эта эпопея затронула какие-то серьезные болевые точки современного общества, что делает возможным изучение ее именно под этим углом. Мир Мартина, несмотря на наличие в нем магии и даже драконов, уверенно опознается западным читателем как свой, органически связанный с прошлым реальной Европы. Потому и ценности, надежды и страхи Вестероса представляют собой отражение аналогичных чувств и ожиданий современного западного общества, помещенное в пространство воображаемого прошлого.

Тем интереснее, что, выбирая время действия своей эпопеи, Мартин остановился на аналоге европейского позднего Средневековья, образца примерно середины — конца XV столетия. Общество Вестероса, описанное им, опутано сложной сетью феодальных отношений² и при этом лишено государства³.

Общество подобного типа непросто придумать и очень сложно корректно описать. Такое описание уже само по себе представляет собой весьма серьезную и непростую задачу, так как современное государство, в рамках которого мы все сейчас живем, «производит и навязывает мыслительные категории, включая те, посредством которых следует осмысливать его самого» (Волков, 2018: 12). Весьма велик риск того, что автор, поставивший перед собой цель осмыслить и изобразить общество без государства, начнет, говоря словами П. Бурдье, «думать за государство» и использовать для описания категории, порожденные государством (Бурдье, 1999: 125). Мартину, как представляется, удается обойти этот риск. Практически вся его сага — это игра на контрасте между рушащимся в бездну междуусобиц феодальным миром и предчувствиями, интуициями того нового порядка, что может прийти ему на смену, т. е. модерного государства. Если же выйти за пределы его текста и попытаться взглянуть на мир «Льда и пламени» со стороны, как на пример евроамериканской культурной традиции эпохи позднего модерна, окажется, что в тексте саги собраны наиболее яркие страхи и ожидания, которые современное общество связывает с государством, с его становлением или, напро-

Термин «фантастическое допущение» взят мной из переработанного в статью интервью О. С. Ладыженского и Д. Е. Громова, опубликованного на ресурсе «Фантмир» (<https://www.mirf.ru/book/chtotakoe-fantasticheskoe-dopuschenie>).

2. Здесь нужно оговориться, что феодализм я трактую, вслед за Ф. Л. Гансхофом, скорее как систему личных связей, нежели как систему поземельных отношений, что предлагал Ф. Энгельс. См.: Ganshof, 1944.

3. В этом моменте я несколько расхожусь с точкой зрения О. В. Кильдишова, видящего в произведениях Мартина описание типично модерного общества, погруженного в реалии квазифеодализма: (Кильдишов 2020); данное расхождение, впрочем, вполне симптоматично и может быть объяснено как через разницу исследовательской оптики (взгляд социолога закономерно отличается от взгляда историка-медиевиста), так и через сходство позиций. Мы оба воспринимаем мир Вестероса как «свой» для современного западного общества.

тив, крахом⁴. В связи с этим следует отметить почти полное отсутствие исследований «Игры престолов» в рамках политической философии. Есть буквально пара работ, авторы которых пытаются рассматривать событийный или портретный ряд саги Мартина с позиций Томаса Гоббса или Никколо Макиавелли, и одна, по-настоящему сильная статья, в которой Джессика Уолкер привлекает для анализа «Игры престолов» цикл исторических хроник У. Шекспира (см.: Littmann, 2012; Schulzke, 2012; Walker, 2015). Впрочем, и эта работа больше посвящена философско-историческим вопросам, нежели политико-философским.

Анализ интуиций государства в текстах Мартина требует ряда предварительных замечаний. Прежде всего необходимо очертить основные границы общества классического Вестероса, наметить механизмы взаимодействия отдельных его частей друг с другом, выделить его базовые ценности. Лишь затем можно перейти к тем фигурам или событиям, которые, как кажется, взламывают этот порядок, вводя на его место иные реалии, прежде чуждые миру Вестероса. И, наконец, после этого станет возможным говорить о том, кто (или что?) идет на смену старому порядку, рассмотреть те лики государства, которые периодически проступают через плотную ткань повествования о битвах, грабежах, предательствах, убийствах и насилии.

Время

Анализ социального и политического устройства Вестероса необходимо начинать с рассмотрения его истории, так как сразу несколько принципиальных моментов, касающихся господства, авторитета и истоков наиболее важных конфликтов, коренятся в давнем (или не очень давнем) прошлом мира «Льда и пламени». Структура исторического времени саги Мартина уже сама по себе позволяет сделать некоторые наблюдения и выделить два основных прошедших времени и одно — настоящее.

Первый слой можно охарактеризовать как «легендарное прошлое». Он аккумулирует все легенды и мифы Вестероса, в том числе и самые политически важные — мифы об основании⁵. Сюда относятся мифы о Детях Леса, Первых людях и основании королевства Севера, о приходе андалов и о войне семерых богов, положившей начало еще шести королевствам Вестероса, легенда о Нимерии — королеве ройнаров — и о завоевании ройнарами Дорна и, наконец, легенда о крушении Валирийской империи в результате какого-то стихийного бедствия и о гибели драконов. Эти мифы, как правило, либо звучат из уст старых персонажей, претендующих на обладание некоей жизненной мудростью (такова, например, ста-

4. В этом смысле предельно любопытной выглядит «слепота» авторов исследований по «Игре престолов», которые не видят, что речь идет об обществе, не знавшем государства. См., например: Littmann, 2012.

5. Подробнее о мифах об основании (creation myth/foundation myth) и их роли в политической мифологии см.: Eliade, 1963; von Franz, 1978; Мелетинский, 1975, 1998; Неклюдов, 2000; Штейнман, 2019 и указанную там литературу.

рая Нэн из Винтерфелла, рассказывающая Брану о приходе долгой зимы и войне Иных с Первыми людьми) (GoT, Бран-4: 161–162), либо их рассказывают люди, почерпнувшие эти знания из книг, чаще всего мейстеры (рассказ мейстера Лювина Брану и Рикону о приходе Первых людей и, затем, андалов) (GoT, Бран-7: 468–470). Между тем обрывки сведений о событиях или реалиях тех времен встречаются в повествовании почти постоянно, а некоторые краткие упоминания о них входят даже в описание домов Вестероса, собранное в приложении к тексту (см. историю дома Дорна).

По наиболее полным версиям этих мифов можно при желании выстроить историю Вестероса в хронологическом порядке: дети Леса, согласно мейстеру Лювину, жили в «начале времен» (в тексте *Dawn Age*, в русском переводе «эпоха Зари») и не имели ни политических, ни торговых институтов⁶. За двенадцать тысяч лет до описываемых в книге событий появились Первые люди, прямыми потомками которых считают себя жители Севера. Они владели бронзой (в то время как вершиной искусства детей Леса была обработка обсидиана), умели ездить верхом, не знали какой-либо устоявшейся религии. В результате долгой войны между детьми Леса и Первыми людьми был заключен пакт, который, по словам Лювина, положил конец началу времен и начало Веку героев. Этот век длился 4 тысячи лет, и именно к этому периоду относится упомянутый выше рассказ старой Нэн про зиму и приход Иных. Тогда же на Севере была воздвигнута Стена и возник Ночной дозор. Век героев завершился с приходом Андалов, которых от Первых людей отличало владение сталью и развитая религия — культ Семи Богов. Они повели войну на уничтожение против прежнего населения, оттеснили детей Леса на Север, отняли у Первых людей шесть королевств из семи, кроме непосредственно Севера. Еще несколько веков спустя Нимерия, королева ройнаров — речного народа, жившего по реке Ройн, — привела флот размером в 10 тысяч кораблей и захватила Дорн, положив начало существующему на момент повествования дому Дорна. Наконец, еще какое-то время спустя в результате чудовищного катаклизма непроясненной природы в два дня рухнула и исчезла с лица земли Валирийская империя⁷, славившаяся высочайшим уровнем технологии, в частности непревзойденным искусством обработки металла, но прежде всего драконами. Среди осколков империи оказывается, в частности, крепость Драконий камень, в которой держали свою резиденцию Таргариены — представители одной из знатных семей Валирии. Спустя еще полтора века после падения империи Эйегон Таргариен вместе со своими сестрами Висеней и Рейенис объявил войну королевствам Вестероса и успешно покорил шесть из семи, все, кроме Дорна.

6. Сами дети Леса помнят о себе больше. В частности, они рассказывают Брану о своем родстве с великанами, что лишний раз заставляет задуматься о том, можно ли считать их людьми.

7. От себя замечу, что описания того, что произошло с Валирией, сочиненные Мартином, очень напоминают ядерный удар и его последствия. В ряде мест упоминается, что даже обладание какими-либо вещами, вывезенными из руин Валирии, может оказаться гибельным (ср. случай с валирийским рогом у Эурона Вороньего Глаза).

С этого момента начинается второй слой исторического времени Вестероса, который я бы определил как «политический». Он охватывает правление династии Таргариенов, от Эйегона Завоевателя до Эйериса II Безумного, то есть период в не-полные 300 лет. Несмотря на очевидную важность того периода (взять хотя бы то, что счет лет в мире Вестероса ведется от завоевания Эйегона), о нем в саге говорится гораздо меньше, чем о легендарной эпохе, предшествовавшей ему. Нет практически ни одного цельного повествования о королях-драконах, хотя отдельными упоминаниями, отсылками, аллюзиями на это — недавнее — прошлое и его действующих лиц текст почти переполнен.

Это показывает, что эпоха Таргариенов еще весьма жива в памяти и не успела стать историей *stricto sensu*, в отличие от эпохи появления андалов и Первых людей. Цельный нарратив о том времени еще не сложился, он существует пока лишь в виде нескольких трактатов, упоминающихся в тексте, но в коллективную память пока не вошел. Есть и еще одно серьезное отличие в ролях, которые играют в книге Мартина два слоя исторического времени. В «легендарное» уходят своими корнями все великие дома и королевства Вестероса, непрерывность этого времени обеспечивает целостность общей сюжетной канвы саги. В «политическом» укоренены все основные конфликты, развивающиеся в книге, завязаны все те узлы, которые приходится распутывать — или разрубать — на протяжении всей опубликованной на данный момент эпопеи. Иными словами, «легендарное» время играет роль стратегическую, а «политическое» — тактическую.

Отмечу и еще один важный, как мне представляется, момент: примерно в середине правления Таргариенов их последние драконы умирают. Магия уходит из мира, и к моменту наступления «настоящего времени» саги Мартина в этом мире остается только политика. Рождение драконов у Дейнерис в конце первой книги саги становится проколом в реальности мироздания, точкой возвращения в рациональное — мистического, моментом сращивания «легендарного» времени с временем «политическим».

«Настоящее время» мира «Льда и пламени» охватывает собой период правления династии Баратеонов, а точнее, Баратеонов и Ланнистеров. Оно начинается незадолго до первых событий «Игры престолов», с восстанием Роберта Баратеона, Эddара Старка и Роберта Аррена против законного короля и с последующим убийством Эйериса II. Таким образом, если легендарное время Вестероса — это история хаоса, из которого вырастает порядок, а политическое время — история этого самого порядка, то настоящее время — это время его обрушения и нового хаоса, гражданской войны. Война эта замирает на 15 лет правления Роберта Баратеона, а затем возобновляется вновь. О причинах возобновления войны говорит один из главных участников былого мятежа, ближайший друг Роберта, его десница Нед Старк. В разговоре Роберт, вспоминая свержение Эйериса, сетует на то, что трон достался ему, а не одному из его соратников — Старку или Аррену, — на что получает ответ от Старка, поясняющий ситуацию (GoT, Эddард-7: 204). «You had the better claim, Your Grace», — говорит королю Эddард.

То есть новый порядок, замиривший королевство на 15 лет, был основан не на законе и не на обычаях. В его основу было положено *личное притязание* (и, как следствие, личное право) феодального лорда, оказавшееся на тот момент сильнее, чем аналогичные притязания его соседей и соратников. Ситуация могла бы исправиться при наличии у Роберта законных детей: аналогичное *притязание* его сына и наследника было бы основано уже на праве наследования. Именно об этом говорит тот же Эддард Старк, обращаясь к Серсею в тронном зале и заявляя, что Джоффри не является законным наследником погибшего короля: «Your son has no claim to the throne he sits» (GoT, Эддард-14: 341). Итог известен — непризнание целым рядом лордов королевства притязаний Джоффри и Серсеи на трон привело фактически к продолжению войны, начатой Робертом и Недом пятнадцать лет назад.

Власть и общество

Упомянутый факт лишний раз иллюстрирует механизм формирования королевской власти в Вестеросе эпохи поздних Таргариенов и затем Баратеонов. Король сам по себе оказывается фигурой достаточно слабой, его власть обуславливается прежде всего согласием одних и невмешательством других подвластных ему лордов. Основную роль среди них играют представители так называемых «великих домов»⁸, ведущие свой род или от бывших правителей Семи королевств, или от сменивших их ставленников Эйегона Завоевателя и правящие в настоящее время одной из крупных областей Вестероса. Из их числа король назначает четырех «хранителей» (Севера, Юга, Запада и Востока), из них же, как правило, выбирается самая могущественная фигура всего королевства — «Десница короля». Существуют варианты — и Мартин их упоминает — когда десница оказывается слаба и не обладает реальной властью. Но это возможно лишь в одном из двух случаев: либо на троне оказывается по-настоящему сильная личность, властный и умный правитель, либо, напротив, туда садится безумец, подобный последнему Таргариену, убитому в итоге собственным гвардейцем. Нельзя, впрочем, не упомянуть и третью возможность, страшную именно своей реальностью, а именно совпадение первого и второго вариантов, умного, сильного, прозорливого тирана и убийцу на троне. Однако любой из названных вариантов обнаруживает основную слабость политического устройства Вестероса — оно все оказывается предельно зависимо от личного фактора, практически никакой институциональной «страховки» у него нет⁹.

Теоретически подобной «страховкой» мог бы выступать, пожалуй, единственный более-менее стабильный властный институт монархии Таргариенов, а затем

8. Старки, Аррены, Талли, Ланнистеры, Тиреллы, Баратеоны и Мартеллы.

9. См. предельно любопытный анализ обойденной мной стороны властных отношений Вестероса — того, что можно определить как «женскую власть», в статье М. Д. Марей, вошедшей в этот номер (Марей, 2020).

и Баратеонов — Малый совет. В нормальном состоянии он включал в себя, помимо ближайших родственников короля и нескольких представителей высшей наследственной знати королевства, десницу короля, лорда-командующего королевской гвардии, мастера над монетой (т. е. главу финансовой службы), мастера над шептунами (разведка и контрразведка) и верховного мейстера (как представителя Цитадели — местного аналога университета). Опять-таки, в штатном режиме на заседаниях Совета председательствовал или сам король, или его десница, решения принимаются либо в результате коллегиального обсуждения, либо единоличной волей короля. Однако, как можно видеть из текста, Малый совет тоже оказывается насквозь пронизан личными связями и практически полностью зависим от их конstellации. Есть и еще одно обстоятельство: состав Совета комплектуется королем в силу его разумения. Таким образом, при сильном короле оказывается достаточно сильный Совет, и наоборот. Так, Совет Роберта Баратеона, отнюдь не самого добродетельного и мудрого монарха, выглядит жесточайшим контрастом с Советом, созванным Серсеем после смерти ее отца и бегства брата. Более того, каждый из членов Совета (за одним исключением — мастера над шептунами, о котором подробнее будет сказано ниже) оказывается занят прежде всего собой, а уж затем, в меру сил и способностей, делами королевства.

На первый взгляд еще одним исключением выглядит Петир Бейлиш, мастер над монетой. Поначалу он производит впечатление человека, озабоченного сугубо проблемами финансового благосостояния королевства. При этом решает он эти проблемы весьма успешно, задействуя все доступные ему ресурсы: он берет деньги в долг из дюжины разных источников (от нескольких Великих домов до Железного банка Браавоса) и отдает их снова в рост под проценты; он развивает торговлю и делает еще разные вещи. По сути, Бейлиш описан как умелый и опытный финансист, то есть фигура, характерная более не для Средних веков, но для эпохи модерна. Но это ощущение если и не развеивается, то серьезнейшим образом корректируется после весьма показательной характеристики, котораядается ему в «Битве королей»: «Он всюду пристраивал своих людей. Хранителей ключей, всех четверых, назначил он, а также королевского счетовода и королевского вексовника, и начальников всех трех монетных дворов. Из десяти портовых смотрителей, откупщиков, таможенных сержантов, сборщиков пошлин, скупщиков шерсти, ростовщиков, винокуров девять были людьми Мизинца. <...> Никому не приходило в голову оспаривать эти назначения — да и зачем бы?» (СоК, Тирион-4: 220). Сам выходец из незнатного рода, Бейлиш проводит вполне понятную линию: назначая везде своих людей, преданных ему лично, он постепенно становится не-заменимым звеном системы управления державой¹⁰. Однако, достигнув предела своего карьерного роста, он практически перестает заниматься финансами коро-

10. Не зря Тирион приходит в ужас, когда его отец, лорд Тайвин, отправляет Бейлиша с посольством в Долину, а мастером над монетой назначает Тириона. Он оказывается во главе ведомства, все люди которого реально подчинены не ему, а Бейлишу. Тирион же не имеет нужных контактов, а значит, реальной власти над деньгами королевства.

левства и ввязывается в дворцовые интриги с целью увеличения личного влияния и богатства.

Общество¹¹ Вестероса также предстает, скорее, конгломератом малых сообществ, нежели чем-то единым и систематизированным. Нельзя даже назвать его разорванным или расколотым, поскольку каждое из этих двух слов подразумевает предшествующую расколу целостность, а здесь ее не было даже близко. С огромной долей условности можно выделить в Вестеросе три основных слоя населения (войны, духовенство, земледельцы и ремесленники), отдельно оговорив, впрочем, что они не являются ни сословиями¹², ни тем более классами. Наиболее подробно в саге описаны именно воины, в то время как духовенство и простолюдины, хотя и упоминаются многократно, систематического описания не получили. Поэтому сделанные утверждения я проиллюстрирую примером именно страты воинов.

Каждый из великих домов Вестероса, возглавляемых великими лордами, имеет в своем подчинении ряд домов меньшего масштаба, главами которых являются простые лорды. Тем, в свою очередь, подчиняются обычные рыцари, у каждого из которых есть по одному или несколько оруженосцев. Механизм подчинения и властования в данном случае один и тот же — это вассальная присяга со стороны нижестоящих, подразумевающая, с одной стороны, службу вассала сеньору за феод, полученный от него, с другой же — покровительство сеньора, оказываемое им вассалу. Эти механизмы не прописаны и не формализованы в тексте Мартина, так что об их соответствии «аналогам» из реального Средневековья можно лишь догадываться. Отдельно в плане социальной организации воинов стоит королевство Севера. Оно, как говорилось выше, не было захвачено и трансформировано андалами, оставшись владением Первых людей. Рыцарство же, теснейшим образом связанное с культом Семерых богов, принесли с собой именно андалы. На Севере место рыцарей занимают так называемые «вольные всадники». С известной долей условности их можно приравнять к рыцарям, однако по сути они ими, конечно, не являются. Соответственно, на Севере гораздо слабее выражена и «феодальная лестница», широко распространенная в других частях Вестероса.

Таким образом, перед читателем предстает несколько крупных социальных «пирамид», на вершине которых стоят великие дома, под ними же по расширяющейся идут все остальные. При этом ни одна из этих «пирамид» не обладает внутренней целостностью, но, напротив, состоит из подобных ей фигур, только меньшего объема, ведь каждый лорд, даже и незначительный, тешит себя иллюзией самостоятельности и независимости (пусть на словах, пусть хотя бы в мыслях!) от остальных, в том числе от своего сеньора. Нет целостности и на более высоком уровне: история Вестероса знает множество войн и отдельных битв между теми

11. Сразу оговорюсь, что в данном тексте я использую слово «общество» не в его техническом смысле, т. е. не подразумевая наличия в Вестеросе общества, характерного для периода позднего модерна.

12. Развернутую критику использования термина «сословие» применительно к реалиям Западной Европы (а Вестерос куда больше похож на нее, чем на Россию) см. в статье М. А. Бойцова (Бойцов, 2017).

или иными лордами, но в ней не известно ни одного случая, чтобы король всех Семи королевств поднимал бы свое знамя, собирая под него всех рыцарей своей державы. Более того, даже молодой принц Эйегон, вторгающийся вместе со своими наемниками в пределы Семи королевств в самом конце «Танца с драконами», не рассчитывает встретиться в бою с большим королевским войском. Напротив, он строит свои расчеты на том, что в королевстве царит раскол и каждый, в лучшем случае, держит руку своего непосредственного сеньора.

Буквально несколько слов можно сказать и о духовенстве Вестероса. Помимо майстеров оно представлено в Вестеросе служителями Семерых (септоны и септы соответственно), жрецами Красного и Утонувшего богов. О последних в книгах сказано настолько мало, что вряд ли вообще можно сделать хоть какие-нибудь выводы об организации их культа. Что же касается двух ветвей духовенства Семерых, они прекрасно встроены в упомянутые «пирамиды» разного масштаба. Септоны (и септы) привязаны к своим храмам, бродячих священников Семерых в мире Вестероса вроде бы нет. Существует верховный септон, держащий свой трон в Королевской гавани, но, по всей видимости, нет института церковных соборов. Вообще ни об одном собрании септонов в книгах не сказано ни слова, что позволяет предположить их отсутствие. В отсутствие же подобных мероприятий, манифестирующих солидарность значимой социальной группы, вряд ли септонов и септ можно принять за таковую.

На первый взгляд исключением из этого утверждения являются майстеры Цитадели. Они объединены общим местом обучения, формой, знаками различия, наконец, профессией. Но они разрознены как географически, так и политически. Их призвание — служить лорду того замка, куда направят их Цитадель, и это оказывается сильнее и личных симпатий (вспомним беседу Лювина с Теоном после взятия последним Винтерфелла), и профессиональной солидарности (Пилос, молодой майстер Драконьего камня в прологе к «Битве королей», не только не выступает за своего старшего коллегу, Крессена, перед королем Станисом, но и не препятствует убийству Крессена). Соответственно, и их признать единой сплоченной группой тоже не получается.

Наконец, простолюдины так же встраиваются в ту или иную властную «пирамиду», манифестируя себя как «люди такого-то лорда». Даже те повстанцы, которые вливаются в ряды отряда Берика Дондарриона во время его охоты на Григора Клигана, называют себя «людьми короля Роберта». Тот факт, что Роберта уже нет в живых, означает лишь то, что они хранят свою верность ему как последнему законному королю, но с той же легкостью склонятся перед следующим, которого они признают. Таким образом, можно утверждать, что вся социальная и политическая структура Вестероса в период, описанный в «Песни льда и пламени», строится на связях личной верности и преданности. Подобное общество оказывается весьма привлекательным с точки зрения рыцарского романа, но при этом предельно не прочным и некомфортным для повседневной жизни, особенно жизни обычного горожанина.

Знание, богатство, власть и право в мире Вестероса

Основные ценности Вестероса диктуются его описанной выше структурой. Элитой этого общества являются воины, прежде всего — рыцари, и наиболее значимые ценности определяются именно с их позиций. Поэтому, прежде чем начинать разговор о ценностях, следует отметить упомянутую выше роль личных связей верности, преданности и любви, становящихся настоящими скрепами этого социума.

Верность своему королю или сеньору в одном случае, верность своему дому или своей семье — в другом, является конституирующей чертой характера сразу нескольких персонажей саги, устойчиво опознаваемых как «свои». Таковы прежде всего Эддард и Кейтилин Старки, Тайвин и Серсея Ланнистеры, таков достаточно большой ряд героев второго плана, демонстрирующих верность в каждом значимом своем поступке. Таким оказывается в итоге и Джейме Ланнистер, хранящий верность своим представлениям о чести, своей любви и всеми своими силами служащий своей семье. При этом полным антиподом верности выступает, что естественно, предательство, представляющее в саге не как частный случай порока, но как его квинтэссенция, как порок вообще. Именно своим предательством, а не чем-либо еще оказываются мерзки и Теон Грейджой, и лорд Уолдер Фрей. Именно нарушение однажды данной клятвы, по сути, ситуативное предательство, и ломает жизнь нескольких значимых героев саги. Так гибнет лорд Старк, пошедший из-за верности своим принципам против последней воли своего короля, сеньора и друга, так гибнет его сын Робб, нарушивший слово, данное Фрею. Не гибнет (пока), но остается калекой Джейме Ланнистер — «Цареубийца» — символической платой которого за его преступление становится в тексте потеря правой руки...

В отличие от верности, преданности и любви, имеющих универсальную ценность, но при этом персональный характер, богатство и знание являются более сложными конструктами, осознаваемыми, скорее, в связи не с конкретными людьми, но с социальными группами. Так, знание в мире Вестероса имеет достаточно четкую социальную или даже корпоративную привязку: оно безусловно признается и одобряется, когда проявляется септонами (в том, что касается культа Семерых) или мейстерами (во всем остальном). В остальных случаях знание перестает расцениваться как добродетель и воспринимается, в лучшем случае, как странность или безобидное чудачество (см. отношение окружающих к книжечеству Тириона, к страсти к книгам Сэма Тарли и т. д.). Второе ограничение касается дозволенности или недозволенности того или иного знания: оно, как правило, хранится под замком, доступ к информации контролируют мейстеры, но даже им разрешено изучать далеко не все. Отдельные области знания остаются под гласным или негласным запретом и даже попытка вторгнуться в них вызывает осуждение. Так, Квиберн, еще до того, как стать верховным мейстером при дворе Серсеи, был изгнан из Цитадели за свое увлечение запрещенным искусством, против Пиата Прея и его колдунов Дейнерис предостерегают буквально все, наконец, Игрийт, стоя

на Стене, рассказывает Джону о напрасных поисках Мансом и его людьми рога Джорамуна и упоминает о том, что эта погоня за древним знанием привела лишь к появлению воскресших мертвецов.

Богатство, как и знание, тоже не является однозначной ценностью в Вестеросе, хотя природа этой его неоднозначности иная, чем в случае со знанием. Оно безусловно одобряется лишь в том случае, если имеет естественный характер. Так, золотые прииски Бобрового утеса — родовой земли Ланнистеров — вызывают зависть и восхищение у всего Вестероса, аналогичные эмоции пробуждает и Простор — владение дома Тирреллов, обеспечивающее им устойчивое процветание и экономическую стабильность. Аналогичные чувства переходят с земель на их хозяев — отсюда и завистливая присказка о том, что Тайвин Ланнистер испражняется золотом, и тому подобные шуточки о ряде других лордов. Отмечу, что оборотной стороной такого природного богатства обязательно становится показная роскошь и щедрость, временами перерастающая в расточительность. Роберт, невзирая на кризис, приказывает собрать роскошный турнир за счет короны в честь своего нового десницы; Серсея организует свадьбу своего сына с размахом, совершенно несоразмерным с бюджетом королевства; в то время как горожане Королевской гавани умирают от голода, в Красном замке закатываются богатейшие пиры¹³.

Совершенно иное отношение проявляется по отношению к богатству, собранному путем торговли или иного труда. Так, уже упоминавшийся здесь лорд Петир Бейлиш, сделавший себе имя и состояние на посту мастера по монете, вызывает у окружающих его лордов Малого совета сложную гамму чувств, он вечно служит им мишенью для насмешек. Они вынуждены принимать его за равного, потому что он им необходим, но не устают подчеркивать свое превосходство над ним. Объясняется это, с одной стороны, его незнатным происхождением, но с другой — что гораздо более важно — его родом занятий. Формально, будучи рыцарем, Бейлиш не гнушается давать деньги под проценты, зарабатывать на сфере услуг, торговаться, одним словом, ведет себя как купец, а не как рыцарь и тем более не как лорд. Когда Тайвин Ланнистер назначает мастером над монетой Тириона, это воспринимается и им самим, и многими вокруг как показательное унижение отцом сына. Особенно это подчеркивается неоднократными замечаниями самого Тириона о том, что это был второй раз в жизни, когда Тайвин поручил ему что-то конкретное, — в первый раз это были работы по прочистке канализации Бобрового утеса.

Купец Иллирио Мопатис, о котором я еще скажу дальше, многократно богаче практически каждого лорда Семи королевств и, соответственно, могущественнее многих. Но они относятся к нему с презрением, предпочитая даже не упоминать его по имени, обходясь эвфемизмами. Виной тому не его происхождение — социальная структура Семи королевств достаточно лабильна, наверх может пробиться

13. Все это организуется в полном соответствии с прекрасно описанной в антропологической литературе культурой потлача — престиж, получаемый в результате показного распыления и уничтожения своего богатства путем раздачи его своему окружению, оказывается гораздо ценнее самого богатства.

даже человек, не имеющий ни одного знатного предка, — но именно род его занятий, то есть торговля, которой никогда не станет заниматься ни один уважающий себя воин. Такое же презрение Дейнерис и ее окружение демонстрируют по отношению к богатым торговцам Кварты, Астапора и Юнкай — они не воины, они занимаются унизительным для человека ремеслом, т. е. торговлей, и уже потому не заслуживают к себе отношения как к равным.

Наконец, следует сказать несколько слов о самой, пожалуй, главной ценности мира Вестероса, а именно о власти. Она выглядит настолько фундаментальной и абсолютной в контексте этого мира, что поначалу даже не опознается как самостоятельная проблема. Между тем вся сага Мартина посвящена именно власти, ее осмыслинию, вопросам ее репрезентации и символики.

В тексте саги достаточно много описаний того, что можно назвать образами власти. Описываются короны нескольких королей, достаточно большое количество тронных зал и, собственно, тронов¹⁴, однако квинтэссенцией их всех, властью, явленной в себе самой, предстает, безусловно, образ Железного трона Семи королевств. В нем говорит буквально все, каждая деталь. Неоднократно упоминается, что он создан из тысячи мечей врагов Эйегона Завоевателя, сплавленных вместе огненным дыханием дракона. Сиденье, спинка и подлокотники трона изобилуют острыми углами, шипами и незатупленными лезвиями, сидеть на этом троне неудобно, а временами и просто опасно. При этом очередь претендентов на Железный трон не иссякает, хотя многие из тех, кто садится на него, понимают, что это, наверное, не то, к чему они стремились. Власть предстает в этом образе могущественной волей, многократно превосходящей любую частную волю и силу, так же как дракон превосходит обычных людей. При этом власть опасна, она может ранить или даже убить того, кто обращается с ней неумело или просто неосторожно. Это, однако же, не отменяет того, что она крайне желанна и является объектом постоянного страстного интереса со стороны многих людей, хотя получить ее может одновременно лишь один человек — тронов много, но Железный трон один.

Помимо этого образа о власти в тексте саги рассуждают несколько человек. Одно из наиболее интересных суждений принадлежит герою этой статьи — мастеру над шептунами лорду Варису. Беседуя с Тирионом, он загадывает тому ставшую уже знаменитой загадку про наемника с мечом, стоящего между богачом, королем и священником, каждый из которых приказывает ему убить двух других. Несколькими днями позже между ними происходит еще один занимательный разговор, фрагмент которого заслуживает того, чтобы привести его здесь:

— Одни говорят, что власть — это знание. Другие — что всякая власть исходит от богов. Третий — что она вырастает из права. Однако в тот день на ступенях септы Бейелора наш святейший верховный септон, законная ко-

14. Сравнительный анализ описаний тронов в тексте «Льда и пламени» сам по себе мог бы стать интересным предметом для отдельного исследования.

ролева-регентша и ваш столь хорошо осведомленный слуга оказались так же беспомощны, как всякий разносчик или медник в толпе. Как по-вашему, кто убил Эддарда Старка? Джоффри, отдавший приказ? Сир Илин Пейн, нанесший удар мечом? Или... кто-то другой?

Тирион склонил голову набок.

— Чего ты хочешь? Чтобы я разгадал твою проклятую загадку или чтобы голова у меня разболелась еще пуще?

— Тогда я сам скажу, — улыбнулся Варис. — Власть помещается там, где человек верит, что она помещается. Ни больше ни меньше.

— Значит, власть — всего лишь фиглярский трюк?

— Тень на стене... но тени могут убивать. И порой очень маленький человек отбрасывает очень большую тень (СоК, Тирион-2; перевод несколько скорректирован мной).

Можно отметить, что подобная трактовка власти весьма современна иозвучна тому, как видит этот феномен целый ряд отечественных и зарубежных исследователей. В качестве сравнения можно привести фрагмент из недавно вышедшей монографии под редакцией О. В. Аурова, где он рассуждает о том, что такое власть: «Ныне, в эпоху всеобщего господства PR-технологий, кажется, уже нет смысла доказывать очевидную истину: власть — это в первую очередь образ, утвержденный и поддерживаемый в общественном сознании. Именно поэтому презентация власти — ключевое условие ее бытия: там, где власть не обозначена символически, она как бы и не существует и, наоборот, там, где присутствует символ, власть проявляется как бы сама собой» (Ауров, 2017: 40)¹⁵. Предлагаемая в этом пассаже идея власти как образа, навязываемого волей властвующего и затем поддерживаемого в общественном сознании, представляет собой определенный извод так называемой «волевой концепции» власти, в рамках которой власть понимается как возможность или способность одного субъекта навязать свою волю другому или другим, заставляя их совершить какое-либо действие или воздержаться от такого-го даже против их воли (ср. также: Ледяев, 2001).

Высказывание Вариса, приведенное выше, позволяет сделать еще несколько утверждений. Во-первых, очевидно, в Вестеросе отсутствует единое понимание власти: мастер над шептунами перечисляет несколько превалирующих трактовок (власть от знания, власть от богов, власть из права), но ни одна из них не является господствующей. Во-вторых, несмотря на это, можно выделить одну константу в понимании власти — она устойчиво трактуется как воля, подкрепленная силой (откуда и образ наемника с мечом в загадке Вариса). Наконец, в-третьих, сам лорд-евнух интерпретирует власть как реципрокное отношение, в котором, с одной стороны (властвующего), проявляется сила и воля, с другой же (подвластного) — обязательно признание. Собственно, центр тяжести в этой трактовке власти пере-

¹⁵ Ср. сходное по смыслу заявление М. А. Бойцова в его программной статье «Скромное обаяние власти» о том, что «власть без «облика» не функционирует и даже попросту не существует» (Бойцов, 1995: 37); более подробный разбор отечественного политико-философского, а также историографического дискурса о власти см. в моей статье: Марей, 2019.

носится с проявления воли на его признание, на социальную природу властных отношений, в которых обязательно должны присутствовать как минимум два человека¹⁶.

Подобное понимание власти имеет несколько важных следствий. Во-первых, оно может возникнуть лишь в светском обществе, где нет не то что единой господствующей религии, но даже и устойчивого взгляда на мир, как на творение Божье. В противном случае, как прекрасно известно из достаточно многочисленных и разнообразных примеров, власть толковалась бы как Божественное установление и имела бы иную целевую причину существования помимо установления личного господства одного человека над многими. Во-вторых, подобная — волевая — концепция власти подразумевает существование в обществе уже достаточно развитых представлений о личности и, что естественно, о самостоятельной ценности индивидуального волеизъявления. Наконец, в-третьих, становление и развитие волевой концепции власти проходит, как правило, в условиях формирования модерного государства или, как вариант, уже в сформированном государстве. И отсутствие именно этого, третьего, элемента в мире Вестероса сразу создает сильный когнитивный диссонанс, заставляя вчитываться в текст в попытке понять, чего там не хватает.

Есть и еще одна особенность общества Вестероса, на которой следует остановиться перед тем, как перейти к последней части статьи. Это практически полное отсутствие в этом мире права в привычном нам понимании этого слова. Подобное заявление, безусловно, требует пояснения, ведь на первый взгляд с этим в Вестеросе все в порядке — в тексте описывается несколько судебных процессов, в том числе как минимум два (что характерно, оба над Тирионом Ланнистером) достаточно подробно; помимо этого, многократно упоминаются законы, а в Малом совете даже есть мастер над законами (в Совете Джоффри, а затем Томмена эту роль исполняет лорд Киван Ланнистер). И все же ситуация с правом в мире, описанном Martinом, более чем печальная.

Во-первых, в тексте нет ни одного упоминания ни одной книги законов, кодекса, судебника или чего-то подобного. Ни один из лордов или королей, выносивших те или иные судебные решения, не обращался ни к каким записям правовых актов. Все приговоры выносились, основываясь исключительно на устном решении судьи или судей. Что характерно, подобного рода сведений не сохранилось и об эпохе Таргариенов, то есть временах, когда все семь королевств были объединены под одной короной.

Во-вторых, можно обратить внимание на два упомянутых выше судебных процесса, обвиняемым в которых выступал Тирион Ланнистер. Первый из них про-

16. Ср. определение власти, предложенное А. Ф. Филипповым, где власть — это «отношение между людьми, которое наиболее внятным образом проявляется в виде повеления, которому соответствует, на стороне повинующегося, подчинение. Повеление и повиновение произвольны, воля есть с обеих сторон. Власть — это не событие повеления, а возможность, ожидание того, что подчинение будет иметь место, если состоится приказ» (Филиппов, 2016).

водила Лиза Аррен в присутствии своего сына, своей сестры и лордов Долины, второй вел Тайвин Ланнистер вместе с Мэйсом Тиреллом и принцем Оберином Мартеллом в присутствии огромного количества публики в Королевской гавани. Оба процесса проходили по одним и тем же лекалам: сначала выдвигалось обвинение, затем обвиняемый его отрицал, после чего начинался опрос свидетелей. По поводу этой процедуры можно отметить, что опрос проводили в обоих случаях судьи, они же до того выдвигали и обвинение. Ни обвинители, ни защитники в процессе не участвовали, право опрашивать свидетелей было только у судей; единственное, что мог обвиняемый, — это предоставить своих свидетелей, если они у него были. Никакие документы в ходе процесса не исследовались и в качестве доказательств или улик не принимались. Наконец, завершился процесс оба раза одним и тем же действием — судебным поединком, известным так же, как Божий суд.

Если собрать все перечисленные принципы действия права воедино, картина сложится вполне однозначная. Мир Вестероса не знает писаного права, на момент, описанный в книгах, он живет исключительно обычным правом. Соответственно, не знает он и инквизиционной процедуры, существующей в Европе как минимум с конца XII века и уже давно ставшей повседневной реальностью для западной культуры. Обычное право, что вполне понятно, еще больше укрепляет власть глав домов и, далее, королей (а точнее, их советников) — ведь именно они, чаще всего — представители старшего поколения, лучше других знают древние обычаи, передающиеся из уст в уста. С другой стороны, практически наверняка можно утверждать, что короли Вестероса крайне редко выступают в роли законодателей, они остаются судьями, хранящими в памяти старые обычаи и в сердце — лекало справедливости.

Новый порядок? Образы государства в саге «Льда и пламени»

Несмотря на отсутствие в мире Вестероса писаного права, там существуют достаточно развитые правила, по которым строится этот мир и развиваются внутри него человеческие взаимоотношения. Есть сформированный набор социально-культурных ролей (король, лорд, рыцарь, жена или дочь одного из них¹⁷, септон, мейстер, трактирщик, крестьянин и т. д.), и большинство персонажей саги вполне вписываются в них. К примеру, рыцарь должен быть (в идеале) красив, строен, прекрасно владеть мечом и копьем, а также искусством верховой езды, должен уметь поддерживать остроумную беседу, быть галантным кавалером в общении с дамами; напротив, он не должен бояться смерти, единственный серьезный его страх — это бесчестье. Рыцарей, соответствующих этому описанию, в книге много — таков Лорас Тирелл, служащий своеобразным эталоном рыцарства, таков Джейме Ланнистер, таков Барристан Селми, таковы легендарные рыцари эпохи

17. Об основных ролевых моделях женских персонажей и о том, как можно действовать вне этих моделей, см. статью М. Д. Марей в этом же номере журнала.

королей-драконов, таковы, наконец, многие из второстепенных и третьестепенных персонажей саги. Лорд, помимо перечисленных качеств, должен заботиться о своем доме и своих вассалах, должен верно служить своему королю. Идеалов лорда в саге показано несколько — это и Нед Старк, и Тайвин Ланнистер, и младший брат Роберта Ренли Баратеон...

При этом в мире Вестероса встречается целый ряд персонажей, которых можно назвать неформатными. Они, в свою очередь, делятся на две неравные группы: в одну, многократно большую по размеру, войдут люди, вылезающие за рамки, но при этом остающиеся в них, то есть не соответствующие одному или нескольким требованиям, предъявляемым к их социальным ролям, но при этом отвечающие ключевым ожиданиям изнутри и извне романного пространства, и ожиданиям окружающих их персонажей, и ожиданиям читателей¹⁸. В эту категорию входит большое племяbastardов и Джон Сноу как один из них, сюда же попадают карлики, прежде всего карлики-шуты, сюда же — женщины, пренебрегающие ролью, навязанной им обществом и делающие собственный выбор. Вторая группа гораздо меньше и включает в себя всего лишь четырех персонажей, о каждом из которых стоило бы говорить отдельно: Тирион Ланнистер, Варис, Иллирио Мопатис, Дейнерис Таргариен.

Меня же в рамках данной статьи они будут интересовать, скорее, не как личности, но как символы нового времени Вестероса. И, как мне кажется, следует отдельно обсуждать Тириона, Вариса и Иллирио¹⁹ и особо — Дейнерис.

Первый из них — Тирион Ланнистер — выламывается, казалось бы, сразу из всех рамок и условностей. Младший сын одного из знатнейших лордов королевства, хранителя Востока Тайвина Ланнистера, то есть человек, уже по своему рождению автоматически входящий в состав потомственной аристократии Вестероса, наследник Бобрового утеса (ведь старший брат, Джейме, надевает белый плащ), он рождается уродливым карликом. Уже одно это могло бы выделить его — по телосложению он, соответственно нравам эпохи, должен был бы умереть или стать шутом, по происхождению же в Вестеросе мало было людей, сравнимых с ним знатностью и значимостью. Но Тирион к тому же один из умнейших и наиболее начитанных людей Семи королевств.

Его «инаковость» проявляется буквально с самого начала — приехав в свите короля Роберта в Винтерфелл, Тирион затем, единственный из высшей знати,

18. Одним из наиболее ярких примеров подобного рода является Сандр Клиган по прозвищу Пес: принципиально не становясь рыцарем, он ведет себя как рыцарь, участвует в турнирах и сражениях, охраняет короля, и по отношению к Сансе Старк, а потом и к ее сестре проявляет больше достоинства, чем иные телохранители короля Джоффри.

19. Оговорю один важный момент. Вышедший на экраны сериал «Игра престолов», где роли этих трех персонажей исполнили великолепные актеры: Питер Динклэйдж (Тирион), Коннет Хилл (Варис) и Роджер Аллам (Иллирио Мопатис) — серьезно искалечает восприятие этих образов в тексте, заставляя видеть во всех троих весьма харизматичных людей. Между тем описание, данное каждому из них Мартином, не оставляет сомнений, что они воспринимались окружающими как уродливые и неполноценные создания.

добровольно едет на Стену, чтобы посмотреть, как там обстоят дела. Это можно трактовать и как досужее любопытство, но лишь сперва. Затем Ланнистер ведет подробные беседы со старшими офицерами Ночного дозора и, когда уже сам становится десницей короля, открывает для посланца Дозора тюрьмы, позволяя набрать людей для службы на Стене. Во время своего пути на Стену, а затем возвращения в Королевскую гавань (куда он в тот раз так и не доехал) Тирион останавливается в обычных гостиницах, общается с обычными же людьми, не ища общества, равного ему по знатности. Даже по дороге на суд, куда его везет Кейтилин Старк, Тирион умудряется завербовать наемников, а на обратном пути — завоевывать доверие диких горских племен, поступающих в итоге к нему на службу. Некоторое время спустя, когда он прибывает в ранге десницы короля в Королевскую гавань, он оказывается чуть ли не единственным, кого там заботят не собственная значимость и власть, а проблемы общего плана. Именно он готовит город к обороне от подступающих войск Станниса, а затем и возглавляет оборону, именно он пытается хоть как-то решить проблемы городской коррупции (смена начальника городской стражи), а затем и преступности, именно он — один из всех властей предержащих — занимается проблемой голода, терзающего население Королевской гавани.

Бездобразный карлик, ненавидимый значительным количеством горожан не столько за то, что он делает в городе (разрушение домов, стоящих вплотную к городской стене, регулирование продаж продовольствия, обязательный наряд всем городским кузнецам и т. д.), сколько за собственное уродство, он оказывается сильным лидером для тех, кто способен к нему прислушаться. Однако его настоящей отличительной чертой становится не харизма (которой у него практически нет), а способность ставить общее впереди частного, видеть картину в целом, заботиться не о себе, а о вверенном ему городе. Еще раз уточню важное — именно в целом, не о частном благе того или иного ремесленника, но об общем благе города и королевства.

Варис — лорд-мастер над шептунами, по сути, глава разведки и контрразведки Семи королевств — представляет собой одну из наиболее ярких и интересных фигур Вестероса, интересных и нестандартных. Из окружающих его лордов Варис выделяется прежде всего внешне, своим физическим уродством — он евнух, кастрированный в далеком детстве. Отличается он и происхождением: Варис родился не в знатной семье и даже не в Семи королевствах — он сын раба из города Лис, выбившийся в люди благодаря своей голове и железной воле. Попав ко двору Эйериса II, он становится там мастером над шептунами и сохраняет за собой эту позицию при последующих монархах: Роберте Баратоне и его преемнике Джоффри. Созданная им система сбора сведений о внешних угрозах и внутренней измене также привлекает внимание. Отмечу, что службы, аналогичные той, что создал Варис, в реальном мире начали появляться лишь в Новое время, в эпоху укрепления государства. Средние века не знали искусства разведки и особенно контрразвед-

ки, в античном мире, несомненно, были попытки создать секретные службы, но по размаху им было далеко до детища Вариса.

Выделяется Варис среди прочих героев саги и своими политическими взглядаами. Он во многом из-за своего увечья не имеет личных политических амбиций и не рвется к власти. Отсутствие подобных стремлений (а даже если бы они и были, то полное отсутствие всяких перспектив) позволяет Варису видеть королевство как целое и последовательно противостоять всем тем, кто хочет разодрать его на части, добиваясь тех или иных частных благ. Лейтмотивом мастера над шептуналами с самого начала саги становится его служение королевству²⁰. В этом он, кстати, отчасти схож с майстерами Цитадели, но те служат каждый своему замку, а Варис — всему королевству в целом, как он его понимает. В известной степени Варис с его убеждениями, с созданной им системой разведки и контрразведки королевства, с отсутствием личных политических амбиций и при этом с убежденностью в необходимости единой сильной власти в едином же королевстве выглядит анахронизмом среди всех остальных лордов, каждый из которых рвет себе все, что только может урвать. За счет этого его высказывания, в том числе и теоретические относительно власти, правления и организации королевства, выглядят авторской позицией самого Мартина, Варис получается своеобразным «лирическим героям», как бы провокативно эти слова ни звучали.

Третий из выделенных мной людей — богатый пентошийский купец Иллирио Мопатис. В далеком прошлом — браави, вор и наемный убийца, он познакомился, а затем и подружился с Варисом, зарабатывавшим тогда на жизнь всем, чем мог, т. е. воровством, проституцией и т. д. Вместе они вскоре перешли от воровства денег и драгоценностей к торговле информацией. В результате на момент смерти Роберта Баратеона Иллирио Мопатис — один из могущественнейших людей Семи королевств и вольных городов, ведущий торговлю по всему миру, держащий в руках судьбы самых разнообразных людей. Именно он дарит Дейнерис драконьи яйца, определяя тем самым ее дальнейшую судьбу, именно он укрывает Тириона, бежавшего из Королевской гавани, от преследования и переправляет его на Ройн, откуда тот в итоге попадает к той же Дейнерис. Наконец, именно он, в тесном контакте с Варисом, ведет на трон Вестероса молодого принца Таргариена, Эйегона, спасенного от гибели много лет назад. В целом дуэт Варис — Иллирио представляет собой прекрасно сработавшуюся команду серых кардиналов, где Варис олицетворяет власть знания, а Иллирио — власть денег. После своего побега из Королевской гавани к ним примыкает и Тирион Ланнистер с его концепцией правления как заботы о подданных ради интересов королевства в целом.

Если посмотреть на эту троицу вместе, то следует отметить несколько черт, роднящих их. Они все трое безобразны и вызывают у окружающих, скорее, отвра-

20. В английском тексте — *Realm*, в русском переводе — *государство*. Для обозначения королевства вообще, в целом, Мартин использует именно понятие *Realm*, а не, скажем, *State* или *Reign*. При этом в тексте есть выражения *matters of State* и *reason of State*, хотя и используются они считанные разы: по одному разу Недом Старком и Робертом, один раз — Тирионом.

щение, чем какие-либо иные эмоции. Они лишены не только красоты и восхищения окружающих, но и возможностей, которые есть у других героев саги. Тириону никогда не стать ни лордом Бобрового утеса, ни королем, ни даже любимым мужем; Варису закрыты вообще все пути, кроме того, по которому он идет, — в мужском, по преимуществу, обществе евнуха полноценным человеком не признают; Иллирио, как и было сказано, купец, а значит, по определению, человек неполнценный, второго сорта. Но вместе с тем каждый из этих троих обладает редким для мира Вестероса умением видеть целое и ставить интересы этого целого впереди своих частных интересов и стремлений. Эта особенность, в сочетании с их могуществом, основанным на информации, деньгах и знании простого народа, делает их даже не провозвестниками, но, скорее, символами какого-то нового порядка. Порядка, в котором не будет играть роль физическая красота правителя, порядка, построенного на формальном равенстве подданных перед короной, порядка, основанного на безопасности и заботе о стабильности. То есть порядка, весьма и весьма напоминающего модерное государство в его наиболее привлекательной ипостаси.

Дейнерис Таргариен — последний из персонажей саги, о котором мне надо сказать несколько слов. Ее биография достаточно четко делится на три этапа (бегство и изгнанничество, брак с Дрого, жизнь после смерти Дрого), и, в рамках этой статьи, интерес представляет только третий, последний этап. В начале своих странствий, еще вместе с Визерисом, она представляет собой только потенциальный источник беспокойства для Роберта Баратеона. После замужества за Дрого и особенно после начала своей беременности, став полноправной кхалиси, она входит в игру престолов как очередная, довольно могущественная, но в целом обычная фигура. После смерти Дрого и рождения драконов все меняется.

Само по себе рождение драконов стало, как уже говорилось выше, своеобразным проколом в реальности, тем, чего быть не могло и не должно было, но что все равно произошло. Дейнерис после их рождения становится потенциальной угрозой уже не для очередного короля на троне Вестероса, но для всего существующего миропорядка — мир достаточно давно уже жил без драконов, чтобы вновь привыкать к их присутствию. Применительно к политической игре Семи королевств появление драконов вводит в нее фактор абсолютной, непреодолимой силы. Несмотря на то что завоевание Эйегона произошло уже три века назад, сожжение целого ряда армий вместе с их полководцами, а также гибель Харренхолла вместе со своим правителем оказывается так и не пережитой исторической травмой. О драконах говорят скорее с ужасом, чем с надеждой, и поскольку имя Дейнерис вплотную связывают именно с драконами, оно вскоре начинает вызывать те же эмоции.

Вторым же и последним элементом, завершающим формирование облика Дейнерис как символа грядущих перемен и устроения нового порядка, становится

выкуп ею армии в десять тысяч «безупречных» и последующее освобождение их²¹. Со стороны, из Вестероса, глазам, умеющим не только смотреть, но и видеть, Дейнерис теперь предстает обладательницей оружия неодолимой силы (драконов) и командующей одинаковыми, словно штампованными, солдатами-евнухами. Над Семью королевствами повисает потенциальная угроза уже не тяжелой войны, как это было бы в случае с нашествием дотракийцев, но неминуемого разгрома и установления правления, опирающегося на одинаковых подданных, не имеющих собственных амбиций. Дейнерис становится вторым лицом того самого модерного государства, о котором я уже говорил выше применительно к Тириону, Варису и Иллирио Мопатису.

* * *

В заключение подведу краткие итоги. Кажется допустимым предположить, что мир, описанный Мартином в «Песни льда и пламени» соединяет в себе и мечты западного общества, и его страхи. Паралич права, практически постоянная гражданская война, нестабильная финансовая система и в то же время мир сильных мужчин и женщин, мир, в котором каждый получает то, чего может добиться, мир, лишенный столь надоевших в наше время излишних условностей и оговорок. Но этот мир стремительно мчится к своей гибели — сначала гибнут представители старшего поколения, затем начинают погибать их дети и жены. Противостоит же этому миру привычное современному западному человеку государство, строящееся на стабильности и заботе о гражданах. Однако у этого государства есть и другое лицо: ни с чем не сравнимое могущество, иногда слепое и калечашее своих же людей, и грядущая стандартизация подданных — завершение очередного «века героев» и превращение их в обычных, а главное, одинаковых граждан.

Литература

- Ауров О. В. (2017). О варварском и римском в характере королевской власти у вестготов (V — середина VI в.) // Ауров О. В., Марей Е. С. (ред.). Теология и политика: власть, Церковь и текст в Королевствах Вестготов (V — начало VIII в.). М.: Дело. С. 25–75.
- Бойцов М. А. (1995). Скромное обаяние власти (к облику германских государей XIV–XV вв.) // Бессмертный Ю. Л. (ред.). Одиссей: Человек в истории. Представления о власти. М.: Наука. С. 37–66.

21. Безупречные — евнухи, обязанные беспрекословным повиновением своему хозяину (или, после освобождения, — своей королеве), одни из лучших воинов мира, описанного Мартином. При этом в силу своего физического увечья они лишены возможности добиться хоть чего-нибудь для себя в случае бунта или получить это что-нибудь мирным путем, когда в них отпадет надобность.

- Бойцов М. А. (2017). Сословно-представительная монархия: ошибка в переводе? // Назаров В. Д. (ред.). Представительные институты в России в контексте европейской истории: XV — середина XVII вв. М.: Древлехранилище. С. 18–32.
- Бурдье П. (1999). Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / Пер. с франц. Н. А. Шматко // Шматко Н. А. (ред.). Поэтика и политика. СПб.: Алетейя. С. 125–166.
- Волков В. (2018). Государство, или Цена порядка. СПб: Изд-во ЕУСПб.
- Кильдюшов О. В. (2020). Социальный порядок и политическая теология в «Игре Престолов»: чем культовый сериал интересен для теоретической социологии // Социологическое обозрение. Т. 19. № 1. С. 139–159.
- Ледяев В. Г. (2001). Власть: концептуальный анализ. М: РОССПЭН.
- Марей А. В. (2019). О Боге и его наместниках: христианская концепция власти // Полития. № 2. С. 85–107.
- Марей М. Д. (2020). Не только мать, жена и королева: этические и политические стратегии женских персонажей в цикле романов «Песнь Льда и Пламени» Дж. Мартина // Социологическое обозрение. Т. 19. № 1. С. 209–226.
- Мелетинский Е. М. (1975). Поэтика мифа. М.: Наука.
- Мелетинский Е. М. (1998). Миф и двадцатый век // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ. С. 419–429.
- Неклюдов С. Ю. (2000). Структура и функция мифа // Аймермакер К., Бомсдорф Ф., Бордюков Г. (ред.). Миры и мифология в современной России. М.: АИРО-ХХ. С. 17–38.
- Филиппов А. Ф. (2016). Власть и вирус власти: претензия «быть» всегда // Интернет-журнал «Гефтер». URL: <http://gefter.ru/archive/18293> (дата доступа: 20.11.2017).
- Штейнман М. А. (2019). Трансформация метафоры власти в XX — начале XXI столетия (на примере произведений Дж. Р. Р. Толкина и Дж. Мартина) // Полития. № 2. С. 28–47.
- Eliade M. (1963). Myth and Reality. N. Y.: Harper & Row.
- Franz M.-L. von (1978). Creation Myths. Boulder: Shambhala.
- Ganshof F. L. (1944). Qu'est-Ce Que La Féodalité? Bruxelles: Office de publicité.
- Littmann G. (2012). Maester Hobbes Goes to King's Landing // Jacoby H. (ed.). Game of Thrones and Philosophy: A Logic Cuts Deeper than Swords. Hoboken: Wiley. P. 5–18.
- Schulzke M. (2012). Playing the Game of Thrones: Some Lessons from Machiavelli // Jacoby H. (ed.). Game of Thrones and Philosophy: A Logic Cuts Deeper than Swords. Hoboken: Wiley. P. 33–48.
- Walker J. (2015). «Just Songs in the End»: Historical Discourses in Shakespeare and Martin // Battis J., Johnston S. (eds.). Mastering the Game of Thrones: Essays on George R. R. Martin's *A Song of Ice and Fire*. Jefferson: McFarland & Company. P. 71–91.

Dwarf, Eunuch, and Banker: The Intuitions of the Modern State in Westeros

Alexander Marey

Candidate of Juridical Sciences, Research Lecturer, Immanuel Kant Baltic Federal University

Address: Nevskogo str., 14, Kaliningrad, Russian Federation 236016

E-mail: amarey@hse.ru

The article is dedicated to the analysis of the mechanisms of the interaction of power, money, and knowledge in the context of the pre-modern society described by George Martin in *A Song of Ice and Fire*. The author notes that Martin created an almost unique picture of a society roughly corresponding to Europe of the late Middle Ages, deprived of the state, but drunk with its intuitions and forebodings. In the framework of this society, personal loyalty, love, physical strength, and beauty, that is, the qualities inherent in most of the main characters, become the main values. However, the future turns to other people; the dwarf Tirion Lannister cares about the welfare of the common people, the eunuch Varis personifies the power of knowledge, and the financiers Petir Bailish and Ilirio Mopatis represent the power of money. Finally, Daenerys Targaryen, after the death of her husband and the birth of her dragons, also becomes not so much a real woman as a living symbol of the upcoming new world order. Her attributes are the absolute power represented by the dragons, and the complete equation of the citizens of the future state, symbolized by the army of impeccable eunuchs. Thus, the confrontation between old and new, and between feudalism and modernity in Martin's novel is not only at the level of socio-political constructions, but also at the level of aesthetic opposition. Moreover, the gain, most likely, remains with the ugly new times.

Keywords: power of knowledge, power of money, power of weapons, authority, lordship, Targaryen, Lannisters, Westeros

References

- Aurov O. (2017) O varvarskom i rimsrom v haraktere korolevskoj vlasti u vestgotov (V — seredina VI v.) [On the Barbarian and Roman in the Nature of Toyal Power among the Visigoths (5th — mid-6th Centuries)]. *Teologija i politika: vlast, Tserkov i tekst v Korolevstvah Vestgotov* (V — nachalo VIII v.) [Theology and Politics: Power, Church and Text in Visigothic Kingdoms (5th — Begging of the 8th Centuries)] (eds. O. Aurov, E. Marey), Moscow: Delo, pp. 25–75.
- Bourdieu P. (1999) Duh gosudarstva: genezis i struktura bjurokraticheskogo polja [The Spirit of the State: The Genesis and Structure of the Bureaucratic Field]. *Pojetika i politika* [Poetics and Politics] (ed. N. Shmatko), Saint Petersburg: Aleteya, pp. 125–166.
- Boytsov M. (1995) Skromnoe obajanie vlasti (k obliku germanskikh gosudarej XIV–XV vv.) [The Modest Charm of Power (On the Guise of German Sovereigns of the 14th–15th Centuries)]. *Odissej: Chelovek v istorii. Predstavlenija o vlasti* [Odiseus: Man in History. The Notions of Power] (ed. Y. Bessmertny), Moscow: Nauka, pp. 37–66.
- Boytsov M. (2017) Soslovno-predstavitel'naja monarhija: oshibka v perevode? [Representative Monarchy: Mistake in Translation?]. *Predstavitel'nye instituty v Rossii v kontekste evropejskoj istorii: XV — seredina XVII vv.* [Representative Institutions in Russia in the Context of European History: 15th — Mid-16th Centuries] (ed. V. Nazarov), Moscow: Drevlehranilishhe, pp. 18–32.
- Eliade M. (1963) *Myth and Reality*, New York: Harper & Row.
- Filippov A. (2016) Vlast'i virus vlasti: pretenzija "byt'" vsegda [Power and the Virus of Power: The Claim of "Being" Forever]. Available at: <http://gefter.ru/archive/18293> (accessed 20 November, 2017).
- Ganshof F. L. (1944) *Qu'est-Ce Que La Féodalité?*. Bruxelles: Office de publicité.
- Kildyushov O. (2020) Social'nyj porjadok i politicheskaja teologija v "Igre Prestolov": chem kul'tovyj serial interesen dlja teoreticheskoy sociologii [Social Order and Political Theology in the Game of Thrones: what is interesting for theoretical sociology]. Available at: <https://www.semantics.ru/semantics/2020/01/10/socialnyj-porjadok-i-politicheskaja-teologija-v-igre-prestolov-chem-kul-tovyj-serial-interesen-dlya-teoreticheskoy-sociologii/> (accessed 20 November, 2017).

- Thrones: What Makes the Cult Series Interesting for Theoretical Sociology]. Russian Sociological Review*, vol. 19, no 1, pp. 139–159.
- Ledyaev V. (2001) *Vlast': konceptual'nyj analiz* [Power: Conceptual Analysis], Moscow: ROSSPEN.
- Littmann G. (2012) Maester Hobbes Goes to King's Landing. *Game of Thrones and Philosophy: A Logic Cuts Deeper than Swords* (ed. H. Jacoby), Hoboken: Wiley, pp. 5–18.
- Marey A. (2019) O Boge i ego namestnikah: hristianskaja koncepcija vlasti [About God and His Governors: The Christian Concept of Power]. *Politeia*, no 2, pp. 85–107.
- Marey M. (2020) Ne tol'ko mat', zhena i koroleva: jeticheskie i politicheskie strategii zhenskih personazhej v cikle romanov «Pesn' L'da i Plameni» Dzh. Martina [Not Just Mother, Wife, and Queen: The Ethical and Political Strategies of Female Characters in George R. R. Martin's *A Song of Ice and Fire*]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 1, pp. 209–226.
- Meletinsky E. (1975) *Pojetika Mifa* [The Poetics of Myth], Moscow: Nauka.
- Meletinsky E. (1998) *Mif i dvadcatyj vek* [Myth and Twentieth Century]. *Izbrannye stat'i. Vospominanija* [Selected Works. Memoires], Moscow: RGGU, pp. 419–429.
- Neklyudov S. (2000) *Struktura i funkciya mifa* [The Structure and Function of Myth]. *Mify i mifologija v sovremennoj Rossii* [Myths and Mythology in Contemporary Russia] (eds. K. Aimermaher, F. Bomsdorf, G. Bordjukov), Moscow: AIRO-XX, pp. 17–38.
- Schulzke M. (2012) Playing the Game of Thrones: Some Lessons from Machiavelli. *Game of Thrones and Philosophy: A Logic Cuts Deeper than Swords* (ed. H. Jacoby), Hoboken: Wiley, pp. 33–48.
- Shteinman M. (2019) Transformacija metafory vlasti v XX — nachale XXI stoletija (na primere proizvedenij Dzh. R. R. Tolkiena i Dzh. Martina) [The Transformation of Power Metaphor in the 20th — the Early 21st Centuries (The Case of J. R. R. Tolkien's and G. Martin's Works)]. *Politeia*, no 2, pp. 28–47.
- Volkov V. (2018) *Gosudarstvo ili cena porjadka* [State; or, The Price of Order], Saint Petersburg: EUSPb Press.
- von Franz M.-L. (1978) *Creation Myths*, Boulder: Shambhala.
- Walker J. (2015) "Just Songs in the End": Historical Discourses in Shakespeare and Martin. *Mastering the Game of Thrones. Essays on George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire* (eds. J. Battis, S. Johnston), Jefferson: McFarland & Company, pp. 71–91.

«Игра престолов»

Культурный пессимизм как рецепт успеха

Аксель Кристиан Хорн

М.А., независимый исследователь в области политической науки и медиа
Адрес: Schillerstraße 52, Erfurt, Germany 99096
E-mail: axel_horn@hotmail.com

Олег Кильдюшов
(переводчик)

Научный сотрудник Центра фундаментальной социологии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

В нарративе сериала «Игра престолов» (ИП) известные элементы медиапродуктов на тему фэнтези удачно смещиваются с новыми формами и связываются с эмоциональным режимом, который своей базовой (культурно-)пессимистической окраской прямо отсылает к эмоциональной культуре современных обществ. Культурный пессимизм проистекает из комплексных проблемных ситуаций в Европе и Америке, формирующих контекст возникновения сериала, и позволяет заглянуть в социальное и политическое подсознание этих обществ. В статье предпринимается попытка выявить их путем исследования действий и мотивации персонажей сериала, а также драматургических средств и социальных рамок действия. Анализ показывает, что ИП можно читать как форму культурной переработки опыта социальных и политических потрясений в европейских и американском обществах. Культурный пессимизм оказывается рецептом успеха этого сериального формата, но в конечном счете мало что может противопоставить деструктивности доминирующих в культуре настроений.

Ключевые слова: «Игра престолов», культурный пессимизм, телесериалы, массовая культура

Снятый каналом HBO сериал «Игра престолов» (ИП), восьмой и последний сезон которого был показан в 2019 году, считается одним из самых успешных. Причины этого разнообразны, но важную роль здесь сыграли эстетические параметры сериала как продукта, основанного на цикле книг писателя Джорджа Мартина «Песнь льда и пламени». Кроме того, трансмедийный характер рассказанной истории (Ryan, 2013) предлагает поклонникам широкий спектр цифровых форм участия и расширяет возможности потребления продукта за пределами телепросмотра, перенося его в многочисленные нарративные и сюжетные пространства (Klastrup, Tosca, 2014).

Но определяющим для сохранения притягательной силы сериала, видимо, является и то, что в нем известные элементы медиапродуктов на тему фэнтези удач-

но смешиваются с новыми формами, связываются с эмоциональным режимом, который своей базовой (культурно) пессимистической окраской прямо отсылает к эмоциональной культуре современных обществ Северной Америки и Европы.

Такие продукты массовой культуры, как ИП, заслуживают внимания уже потому, что могут быть поняты как очевидные самоописания западного общества (Zorn, 2007). В качестве массмедиального интертекста популярные продукты культурного производства артикулируют в сжатой символической форме проблемные комплексы, формирующие контекст их возникновения, позволяя тем самым заглянуть в социальное и политическое подсознание этого общества (Koch, 2018; Jamerson, 1981). В случае ИП это (пост)современное общество США и связанный с ним англо-европейский мир. Даже несмотря на то что история ИП похожа на средневековый сценарий, в который интегрированы различные элементы фэнтези, сериал обращен к настоящему и в этом смысле затрагивает основы жизненного мира современных людей.

Если понимать культурный продукт ИП как форму культурной переработки социального опыта, интересно проанализировать то, как производится эта соотнесенность с социальным и политическим подсознанием и какой социальный опыт манифестируется в нарративе ИП.

Для анализа нарратива необходимо учитывать как действия и мотивацию представленных в формате сериала персонажей, так и драматургические средства и социальную рамку действия, в качестве которой в ИП выступает мир Вестероса. В соответствии с этим выстраиваются следующие итерации: в качестве первого шага выявляются события в мире Вестероса с точки зрения их актуальной соотнесенности с евроамериканским контекстом возникновения продукта. После этого персонажи и их действия рассматриваются внутри этой социальной сюжетной рамки, при этом в качестве центрального драматургического средства более подробно рассматривается гибель главных героев. В заключение делаются выводы о коллективном подсознании современного общества.

Контекст возникновения и социальный порядок в Вестеросе

В течение восьми сезонов в ИП демонстрируется сложная структура властных отношений в ситуации борьбы за осиротевший Железный трон. Практически все персонажи и их действия могут быть декодированы как воплощения различных властных рациональностей. Начиная с максимы Серсеи Ланнистер «Если ты играешь в Игры престолов, то либо побеждаешь, либо умираешь» (сезон 1, серия 7 «Ты побеждаешь или умираешь»), в сериале показаны различные способы калькуляции и типы силовых ресурсов, потенциал которых проверяется с точки зрения возможности сохранения гегемонии. При этом по ходу сериала видно, что ни один из участников в «Игре престолов» игроков не может объединить достаточно силовых ресурсов, чтобы окончательно победить в противостоянии. Следствием этого оказываются бесконечные политические и военные столкновения, все более

разрушающие общество и социальный порядок Вестероса¹. В результате сериал рисует мрачную картину распада порядка, сопровождаемого значительными социальными и политическими потрясениями, что переживается простыми людьми как Гоббсово естественное состояние. То, что существующий порядок разрушается, а ситуация ухудшается — это чувство разделяют многие в американском и европейском обществах, что и находит отражение в современных культурно-пессимистических настроениях.

«Борьба всех против всех» и усиление угрозы уничтожения слабых отражают все более ожесточенную борьбу за признание в затронутых обществах (Honneth, 2010). Экономическая уязвимость европейских и американского государств, которая стала особенно очевидной во время финансового кризиса 2008 года, подорвала благосостояние сокращающегося среднего класса, накопленное предыдущими поколениями. Радикализирующийся капитализм посредством новых соглашений о свободной торговле уступил конкурентную борьбу между государствами, в результате чего рабочие места переместились на периферию (Мексика, Азия), также усилилась конкурентная борьба внутри самих обществ, что привело к значительной прекаризации трудовых отношений.

В результате этой экономической динамики государство всеобщего благосостояния в этих странах подверглось огромному давлению в виде одной неолиберальной реформы за другой. В ходе этих реформ жизненные риски (Ewald, 1993), некогда сдерживаемые государством всеобщего благодеяния, стали угрожать человеку, вновь оказавшемуся беззащитным перед ними. Люди чувствуют, что они стали легко заменяемыми сотрудниками, чье рабочее место может быть в любой момент сокращено, перемещено в другой регион мира или отдано другому претенденту (Beck, 1986; Sennett, 1998). В обществах, где благосостояние растет лишь у и без того богатых и состоятельных (Piketty 2015), социальная деградация становится реальной угрозой для многих представителей среднего класса (Nachtwey 2016).

Жестокость противостояния в Вестеросе переживается многими как экзистенциальная угроза. Все чаще человек вынужден играть в игру, правила которой ему навязаны. Чувство полного бессилия усиливается непрозрачностью существующих опций социального действия. Это касается как внутригосударственных, так и geopolитических систем правил и ценностей. Кроме того, постмодернистские общества Америки и Европы характеризуются невиданным уровнем плюрализма и разнообразия внутри. От всех требуется максимальная толерантность к социальной неоднозначности, т. е. способность принимать многозначность, противоречия и другую точку зрения и успешно действовать в культурно или социально незнакомых ситуациях (Müller-Christ, Weßling, 2007). Непрозрачность и многозначность обнаруживаются и в глобальном масштабе, что с точки зрения гео-

1. Военное противостояние заканчивается только после неограниченного использования Дейнерис Таргариен (Эмилия Кларк) супероружия в виде дракона Дрогона, что приводит практически к полному разрушению имперского центра власти в Королевской Гавани (сезон 8, серия 5 «Колокола»).

политического центра воспринимается как утрата контроля. Вместе эти тренды порождают в европейских и американских обществах пессимизм по отношению к нынешним тенденциям и будущим событиям в политике и культуре, что также отражается в нарративе упадка в ИП.

В то время как Вестерос со своим политическим центром в Королевской Гавани символизирует распад, Стена на Севере и Залив работников на Востоке предстают как две дополняющие друг друга периферии, которые различным образом оказывают давление на центр власти (Koch, 2017).

Обе периферии играют в пространственном порядке ИП разные роли: если восточная периферия амбивалентно связана с насилием и обновлением, то северная периферия за Стеной четко обозначена как зона опасности (Poscheschnik, 2016).

Земли Семи Королевств отгорожены огромной Стеной от холодного и нереального Севера Вестероса. Живущих за Стеной людей называют одичальными, поскольку они как варвары влачат свое существование без государственного порядка и благ цивилизации и не могут конкурировать с правителями Вестероса (об определении семантики чужака как варвара прежде всего см.: Todorov, 2011). В то же время Север — это пространство, где вместе с Белыми ходоками и нежитью усиливается опасность для всех людей. В королевских землях Вестероса Белые ходоки сначала рассматриваются как миф и в процессе борьбы за трон просто игнорируются в качестве реальной угрозы.

Этот угрожающий сценарий нетрудно интерпретировать как угрызения совести европейского и американского обществ, чье процветание также базируется на эксплуатации чужих стран и хищнической добыче природных ресурсов. Здесь ИП играет с ощущением, что нашей собственной цивилизации каким-то образом угрожают ею же порожденные проблемы — хотя их упорно вытесняют, они как дамоклов меч нависают над этими обществами. Как и изменение климата для большинства европейцев и американцев, так и надвигающаяся зима все еще остается для большинства жителей Вестероса — из-за своей пространственной и временной удаленности — катастрофой без последствий. То, что атака будущего на настоящее уже началась, остается за пределами восприятия, мотивирующего действия героев — за исключением Джона Сноу (Кит Харингтон) и его соратников.

Помимо нереальной и диффузной угрозы в сериале также затрагиваются конкретные последствия за пределами собственного мира: когда одичальные, спасаясь от Белых ходоков, появляются у Стены и благодаря вмешательству Джона Сноу получают приют, здесь очевидна отсылка к актуальным проблемам с потоком беженцев. Возникшие из-за страха перед чужаками конфликты, которые в итоге обостряются и приводят к (временной) смерти Джона Сноу, хорошо знакомы зрителям в США и Европе, где не прекращается общественное обсуждение этой темы. Таким образом, в ИП в рамках сценария рисков рассматривается потенциал угроз и страха, исходящих от фигуры Другого (Bauman, 2017), все еще — или вновь — оказывающегося движущей силой политического воображения.

Диффузный сценарий угрозы с Севера со все более ощутимыми последствиями противопоставляется событиям на Востоке мира ИП — на континенте Эссос, отделенном морем от Вестероса. ИП рассказывает историю попытки последнего потомка древнего рода правителей Вестероса Дейнерис Таргариен создать там опору своей власти для дальнейшей борьбы за Железный трон. Несмотря на всю амбивалентность, фигура Дейнерис воплощает в себе проблеск надежды на предотвращение сценария конфликта, угрозы и кризиса.

Однако будучи носителем надежд, она сама полна неуверенности. Но, в отличие от других политических акторов в Вестеросе, она вполне готова учиться и в качестве королевы действовать на благо своих подданных. Как правитель в поисках собственной идентичности она не символизирует некую жесткую концепцию лучшего мира, а лишь попытку, с которой связаны надежды. Именно поэтому она выражает чувства тех многих в современных европейских и американских обществах, кто хотя и считает, что что-то идет не так, но при этом не знает, как все могло бы быть иначе. С одной стороны, широко распространено диффузное недовольство текущим общественным развитием и желание перемен, но в то же время — не в последнюю очередь из-за идеологического вакуума, возникшего в результате гибели левых утопий (Honneth, 2015), — царит полная неясность и отсутствие идей относительно того, как могла бы выглядеть убедительная альтернатива.

После объявленного «конца истории» сторонники победоносного глобального капитализма твердят мантру о безальтернативности нынешнего политического и экономического развития, что порождает у людей скептизм, тоску и надежду на другой, более человечный мир. Таким образом, надежда сохраняется, хотя пока не ясно, как она может выглядеть. На примере фигуры Дейнерис Таргариен в ИП продемонстрирована попытка предложить альтернативу, которая, однако, терпит полный крах в огненном штурме Королевской гавани (сезон 8, серия 5 «Колокола»). Не в последнюю очередь именно крушение этих надежд может быть причиной того, что бесчисленные зрители категорически не приняли ее гибель и даже требовали переснять концовку сериала (Knödler, 2019).

Однако помимо социальных рамок действия именно персонажи и обоснования их действий позволяют взглянуть на социальное и политическое подсознание в контексте возникновения, поэтому далее мы рассмотрим некоторые центральные моменты ИП.

Моральная амбивалентность и гибель действующих лиц

В телесериалах добро и зло, как правило, четко отделены друг от друга. Во-первых, это обусловлено технико-нarrативными причинами, так как тем самым облегчается объяснение действий отдельных фигур. Посредством этого также сознательно устанавливается дистанция к повседневной жизни, обеспечивающая зрителю некую форму эскапизма. Кроме того, таким образом для реципиента облегчается

идентификация фигур и понимание развития сюжета. Также благодаря четкому разграничению добрых и злых героев и их действий в продуктах массовой культуры воспроизводятся общественные нормы и ценности.

ИП не следует образцу моральной однозначности, а сталкивает зрителя с не-прикрытым реализмом в характерах и действиях главных героев. Таким образом, ИП демонстративно порывает с привычным моральным дуализмом жанра фэнтези, который можно обнаружить, например, во «Властелине колец» (2001–2003). Эта конститутивная мрачность сериала проявляется в жестокости и моральной амбивалентности практических персонажей.

Особенно ярким примером здесь является фигура Джейме Ланнистера, известного в Вестеросе как «цареубийца» и «клятвопреступник». Джейме предстает в сериале как характерная маска рыцаря, за которой бессердечная жестокость и беспринципность соединяются с тактическим мастерством и остатками чести в своеобразной постгероической личности: появиввшись уже в первом эпизоде (сезон 1, серия 1 «Зима близко»), персонаж проводит зрителя почти через всю палитру морального и аморального действия. Особенно значима для прорисовки этой фигуры ее роль в одном из ключевых эпизодов всего сериала, который одновременно предвещает многое из того, что произойдет дальше: данная сцена начинается с того, что десятилетний Брандон Старк, второй сын лорда Винтерфелла Неда Старк, простиившись с отправившимся в Королевскую Гавань отцом, лазает по башням и стенам крепости. Там он обнаруживает совокупляющуюся пару, которая позже окажется братом и сестрой — Джейме и Серсеей Ланнистер. Джейме Ланнистер обнаруживает незваного гостя и сталкивает его с башни с намерением заставить замолчать навсегда. Характеристика персонажа как инцестуозного детоубийцы, без сомнения, ставит его на самый край морального спектра.

Введенный в сюжет как холодный аморальный циник, который при попытке побега из плена в лагере Кейтелин Старк готов убить собственного кузена Алтона ради отвлечения от себя внимания, он впоследствии превращается в очень амбивалентную фигуру, чьи действия мотивированы прежде всего заботой о любимой сестре и общих детях. Как и его рыцарское поведение по отношению к Бриенне Тарт, потеря им основной фехтующей руки, поддержка брата Тириона Ланнистера — в отличие от презирающих последнего отца Тайвина Ланнистера и сестры Серсеи Ланнистер, — а также участие в битве за Винтерфелл против Белых ходоков (сезон 8, серия 3 «Долгая Ночь») придают персонажу черты личности, требующей от зрителя максимальной терпимости к неоднозначности. То, что он в конце гибнет вместе со своей любимой сестрой во время нападения дракона на Королевскую Гавань, до последнего момента демонстрирует зрителю его моральную раздвоенность.

В борьбе за Железный трон могут выстоять лишь те персонажи, которым хватает необходимой чувствительности и гибкости при принятии решений, что позволяет им адаптировать собственные действия к внешним социальным и по-

литическим условиям. В противном случае они терпят крах, как, например, Робб Старк, Станнис Баратеон или король Джоффри Баратеон.

Это особенно заметно по фигуре Эддарда (Неда) Старка, надежного и честного лорда Севера. Его прямолинейный характер и действия, ориентированные на моральные принципы, не соответствуют структуре личности, свойственной для жителей Вестероса. Подобно князю Льву Мышкину у Достоевского, он показывает зрителям этот мир с наивной точки зрения и в конце концов терпит неудачу. Оказавшись в центре политических махинаций в Королевской Гавани, он находит там смерть, поскольку его система координат, настроенная на различение правильного и ложного, не позволила ему вовремя распознать интриги. Чтобы добиться успеха в игре престолов хотя бы в среднесрочной перспективе, необходима способность к реальной политике, которая вместо моральной однозначности ориентирована на понимание двусмысличности политических игроков и их действий. Таким образом, гибель Неда Старка на эшафоте зrimo маркирует провал морального авторитета.

Однако в способе изложения и драматургии ИП проявляется разрыв не только с известными нарративными правилами сериального повествования. Как и в сцене инцеста и покушения на убийство Брана Старка, казнь одного из главных героев выводит ИП за пределы обычных телевизионных конвенций. И Нед, и Бран вводятся в качестве вызывающих симпатию персонажей. Как и попытка убийства сына, неожиданная смерть отца шокирует и задает стиль дальнейшего хода сериала. Здесь становится очевидным, что создателям ИП важно порвать с инфантильно-наивным горизонтом ожиданий аудитории, сформированным бесчисленными фильмами в жанре фэнтези (Koch, 2018).

Форма внезапной гибели главных и второстепенных персонажей, видимо, вытекающая из знаковой цитаты сериала — «Валар моргулис» («Все люди должны умереть»), представляет собой максимальную атаку на ожидания и привычки аудитории. Особенно резко этот момент неожиданности реализован в Красной свадьбе (сезон 3, серия 9 «Рейны из Кастамере»), когда была перебита большая часть семьи Старков вместе с новым королем Севера Роббом Старком, ранее предлагавшимся в качестве фигуры для идентификации. Предстоящая катастрофа и принцип гибели действующих лиц связаны между собой в том смысле, что восприятие зрителя меняется по ходу сериала, переключаясь с шока от смерти главного героя на ожидание того, что так будет происходить и далее. Сериал учит зрителей не только жить с надвигающейся катастрофой, но и ожидать смерти следующей идентификационной фигуры².

Сознательный разрыв ИП с традиционными для сериалов формами представляет собой проблему для среднего зрителя, так как требует от него максимальной толерантности к социальной неопределенности. Зритель постоянно запутывается

2. Это привело к тому, что особенно перед крупными битвами (сезон 6, серия 9 «Битваbastardov»; сезон 8, серия 3 «Долгая Ночь») интенсивно обсуждался вопрос, какой главный герой не переживет их.

и оказывается один на один со своими ожиданиями. Такое обращение с многозначностью, отсутствие четкой нормативной базы и постоянные изменения вполне привычны для большей части людей в обществах Америки и Европы, что позволяет им прибегать к привычным образцам действия. Эта коммуникативная способность сериала проявляется в разнообразных дискуссиях на фанатских сайтах, а также в интернет-порталах СМИ и социальных сетях. В этом смысле нарушение правил, игра с многозначностью и неожиданными моментами является отражением эпохи, которая полна противоречий и резких изменений.

Выводы

ИП может быть прочитана как форма культурной переработки опыта социальных и политических потрясений в европейском и американском обществе. То, что сюжетное пространство сериала представляет собой красочную смесь старинных и средневековых мотивационных комплексов, не отменяет его схожести с нынешней реальностью. Напротив, впечатление реалистичности изображаемого возникает именно из-за того, что ИП умело отсылает к регистрам подлинности дня сегодняшнего и к социальному опыту, которые убедительно выдаются за обычные правила игры во внутреннем мире сериала. «Игра престолов» оказывается пространственной наррацией, экспериментирующей с различными концепциями политической власти в geopolитическом обрамлении. И хотя сериал целенаправленно выражает смутный дискомфорт, вызванный уменьшением управляемости, навязанной комплексностью глобализации и ее последствий для социальной целостности европейского и американского обществ, в конечном итоге он мало что может противопоставить деструктивному характеру доминирующих культурно-пессимистических настроений (Stern, 2018).

Литература

- Bauman Z. (2017). *Die Angst vor den anderen: Ein Essay über Migration und Panikmache*. Berlin: Suhrkamp.
- Beck U. (1986). *Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Ewald F. (1993). *Der Vorsorgestaat*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Müller-Christ G., Weßling G. (2007). *Widerspruchsbewältigung, Ambivalenz- und Ambiguitätstoleranz: Eine modellhafte Verknüpfung* // Müller-Christ G., Arndt L., Ehnert I. (Hrsg.). *Nachhaltigkeit und Widersprüche: Eine Managementperspektive*. Hamburg: Lit. S. 180–197.
- Honneth A. (2010). *Kampf um Anerkennung: Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Honneth A. (2015). *Die Idee des Sozialismus: Versuch einer Aktualisierung*. Berlin: Suhrkamp.

- Jameson F.* (1981). *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. New York: Cornell University Press.
- Klastrup L., Tosca S.* (2014). «Game of Thrones»: Transmedial Worlds, Fandom, and Social Gaming // *Ryan M., Thon J.-N.* (eds.). *Storyworld across Media: Towards a Media-Conscious Narratology*. Lincoln: University of Nebraska Press. P. 295–314.
- Knödler J.* (2019). Von der unbändigen Wut auf ein Ende. URL: <https://www.sueddeutsche.de/medien/game-of-thrones-staffel-acht-fans-1.4454462> (дата доступа: 15.02.2020).
- Koch L.* (2018). «Power Resides where Men Believe It Resides»: Die brüchige Welt von Game of Thrones // *Besand A.* (Hrsg.). *Von Game of Thrones bis House of Cards: Politische Perspektiven in Fernsehserien*. Wiesbaden: Springer. S. 129–152.
- Nachtwey O.* (2016). *Die Abstiegsgesellschaft: Über das Aufbegehren in der regressiven Moderne*. Berlin: Suhrkamp.
- Piketty T.* (2014). *Das Kapital im 21. Jahrhundert*. München: Beck.
- Poscheschnik G.* (2016). «Game of Thrones»: Fernsehserien als Artikulation gesellschaftlich-unbewusster Phantasien // *MedienPädagogik*. № 26. S. 1–12.
- Ryan M.-L.* (2013). *Transmediales Storytelling und Transfiktionalität* // *Krings M., von Hoff D., Renner K. N.* (Hrsg.). *Medien — Erzählen — Gesellschaft: Transmediales Erzählen im Zeitalter der Medienkonvergenz*. Berlin: De Gruyter. S. 88–116.
- Sennett R.* (1998). *Der flexible Mensch: Die Kultur des neuen Kapitalismus*. Berlin: Berlin Verlag.
- Stern F.* (2018). *Kulturpessimismus als Politische Gefahr: Eine Analyse nationaler Ideologie in Deutschland*. Stuttgart: Klett-Cotta.
- Todorov T.* (2011). *Die Angst vor dem Barbaren: Kulturelle Vielfalt versus Kampf der Kulturen*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.
- Zorn C.* (2007). *Die Simpsons der Gesellschaft: Selbstbeschreibungen der Gesellschaft und die Populärkultur* // *Zorn C., Huck Z.* (Hrsg.). *Das Populäre der Gesellschaft: Systemtheorie und Populärkultur*. Wiesbaden: Springer. S. 73–96.

Game of Thrones: Cultural Pessimism as a Winning Formula

Axel Christian Horn

M.A., independent researcher

Address: Schillerstraße 52, Erfurt, Germany 99096

E-mail: axel_horn@hotmail.com

Oleg Kildyushov (translator)

Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology, National Research University — Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: kildyushov@mail.ru

In the narrative of *Game of Thrones*, a fantasy television drama, well-known elements of fantasy-media products successfully blend with their new forms. These elements connect to a specific emotional regime which refers directly to the emotional cultures of contemporary societies through its pessimistic coloring. Cultural pessimism stems from the complex, problematic situations in Europe and America which shape the context in which the television drama originated, and provides a glimpse into the social and political subconsciousness of these societies. The article attempts to reveal these situations by studying the actions and motivations of the drama's characters, as well as the dramatized means and social framework of the action. The analysis shows that *Game of Thrones* can be read as a form of a cultural reworking of the experiences of the social and political upheavals in European and American societies. Cultural pessimism is a recipe for the success of this serial drama, but ultimately there is little that can counteract the destructive attitudes that dominate the cultures of contemporary Western societies.

Keywords: *Game of Thrones*, cultural pessimism, television serial drama, mass culture

References

- Bauman Z. (2017) *Die Angst vor den anderen: Ein Essay über Migration und Panikmache*, Berlin: Suhrkamp.
- Beck U. (1986) *Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Ewald F. (1993) *Der Vorsorgestaat*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Müller-Christ G., Weßling G. (2007) *Widerspruchsbewältigung, Ambivalenz- und Ambiguitätstoleranz: Eine modellhafte Verknüpfung. Nachhaltigkeit und Widersprüche: Eine Managementperspektive* (eds. G. Müller-Christ, L. Arndt, I. Ehnnert), Hamburg: Lit, pp. 180–197.
- Honneth A. (2010) *Kampf um Anerkennung: Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Honneth A. (2015) *Die Idee des Sozialismus: Versuch einer Aktualisierung*, Berlin: Suhrkamp.
- Jameson F. (1981) *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*, New York: Cornell University Press.
- Klastrup L., Tosca S. (2014) "Game of Thrones": Transmedial Worlds, Fandom, and Social Gaming. *Storyworld across Media: Towards a Media-Conscious Narratology* (eds. M. Ryan, J.-N. Thon), Lincoln: University of Nebraska Press, pp. 295–314.
- Knödler J. (2019) Von der unbändigen Wut auf ein Ende. Available at: <https://www.sueddeutsche.de/medien/game-of-thrones-staffel-acht-fans-1.4454462> (accessed 15 February 2020).
- Koch L. (2018) "Power Resides where Men Believe It Resides": Die brüchige Welt von Game of Thrones. *Von Game of Thrones bis House of Cards: Politische Perspektiven in Fernsehserien* (ed. A. Besand), Wiesbaden: Springer, pp. 129–152.
- Nachtwey O. (2016) *Die Abstiegsgesellschaft: Über das Aufgebehn in der regressiven Moderne*, Berlin: Suhrkamp.
- Piketty T. (2014) *Das Kapital im 21. Jahrhundert*, München: Beck.
- Poscheschnik G. (2016) "Game of Thrones": Fernsehserien als Artikulation gesellschaftlich-unbewusster Phantasien. *MedienPädagogik*, no 26, pp. 1–12.
- Ryan M.-L. (2013) Transmediales Storytelling und Transfunktionalität. *Medien — Erzählen — Gesellschaft: Transmediales Erzählen im Zeitalter der Medienkonvergenz* (eds. M. Krings, D. von Hoff, K. N. Renner), Berlin: De Gruyter, pp. 88–116.
- Sennett R. (1998) *Der flexible Mensch: Die Kultur des neuen Kapitalismus*, Berlin: Berlin Verlag.
- Stern F. (2018) *Kulturpessimismus als Politische Gefahr: Eine Analyse nationaler Ideologie in Deutschland*, Stuttgart: Klett-Cotta.
- Todorov T. (2011) *Die Angst vor dem Barbaren: Kulturelle Vielfalt versus Kampf der Kulturen*, Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.
- Zorn C. (2007) Die Simpsons der Gesellschaft: Selbstbeschreibungen der Gesellschaft und die Populärkultur. *Das Populäre der Gesellschaft: Systemtheorie und Populärkultur* (eds. C. Zorn, Z. Huck), Wiesbaden: Springer, pp. 73–96.

Структура повествования и постклассическая реальность в фэнтези-саге Дж. Р. Р. Мартина «Песнь льда и пламени» и киносериале «Игра престолов»

Лариса Пискунова

Кандидат философских наук, доцент, кафедра истории философии,
философской антропологии, эстетики и теории культуры,
Уральский федеральный университет
Адрес: ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620002
E-mail: lppiskunova@gmail.com

Игорь Янков

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Лаборатория сравнительных исследований толерантности и признания,
Уральский федеральный университет
Адрес: ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620002
E-mail: iyankov@yandex.ru

Основная цель статьи: выявить специфику влияния структуры повествования на характер высказываний (литературного и кинематографического) и связь нарративных особенностей с социальным содержанием. В начале XXI века киносериал превращается в «серые зоны» искусства и играет роль, во многом аналогичную классическому роману XIX века. Нарратив «Игры престолов» отражает постклассический характер структурирования социальной реальности. Сочетание принципиально различных жанров, взаимодействие магической (сказочно-мифологической) и «реалистической средневековой» реальности в одном повествовательном пространстве, сюжетная асинхрония и т. п. — все это противоположно по своему содержанию одномерному пространству романов раннего модерна, описанному Бенедиктом Андерсоном в качестве феномена, лежащего в основании национального модерного государства и общества. Осуществление этих принципов приводит к ряду повествовательных парадоксов, связанных с фигурой автора, с его «политической»ластной позицией и с подвижным «местом» в реальности, а также порождает проблему с завершением произведения. Обесценивание базового мифа (инфляция катарсиса) ведет к дурной бесконечности удлиняющегося сюжета или к его принципиальной незавершенности. Эти повествовательные особенности киносериала отражают проблемы структурирования постклассической реальности как поля существования разнокачественных социальных феноменов.

Ключевые слова: нарратив, миф, постклассическая и постколониальная реальность, катарсис, сакральное и профанное

Состояние зрителя после просмотра фильма, как емко заметил в одном из своих докладов Марк Липовецкий, можно сравнить с похмельем¹. Зрительское же ощущение поклонников широко популярного сегодня киносериала «Игра престолов» по выходе последнего сезона схоже с депрессивным состоянием одного из центральных героев, Джона Сноу, который в finale киносаги отправляется на Север. И это не удивительно: катарсис, будучи важнейшим состоянием, в которое традиционно погружает зрителя финал произведения, не состоялся. Смертей героев много — а катарсиса нет.

За восемь сезонов, растянувшихся на восемь лет (2011–2019), «Игра престолов» приучила нас к непредсказуемым поворотам сюжета, внезапной гибели героев и неожиданным открытиям. Финал сериала также полон ошарашающих сюрпризов, однако главное ощущение от нагромождения этих ходов сводится к тому, что сама форма неожиданного сюжетного поворота отделилась от своего содержания и стала самодовлеющей.

Удаляясь с каждым сезоном от своей литературной основы — цикла фэнтези-романов Дж. Р. Р. Мартина «Песнь льда и пламени», — сюжет сериала становился все уже как по охвату персонажей, так и изображаемой социальной среды со всем многообразием составляющих ее взаимодействий и противоречий. В последних сезонах сюжет отчетливо персонифицируется, превращаясь в историю движения навстречу друг другу двух героев, вместе с этим нарастает ощущение неизбежной трагедии. Многообразие иных сюжетных линий редуцируется, в результате чего оказываются фактически обесценены события предшествующих сезонов, а сериал лишается прежней привлекательной ауры. Очевидно, сценаристам было трудно — а то и невозможно — удержать ту художественную широту литературного оригинала, которая присутствовала в книгах Мартина. Впрочем, Мартин как раз и взялся за написание саги потому, что она помимо прочего позволяла выйти за рамки сериальных ограничений. Однако сейчас для нас важен не столько изначальный замысел писателя, сколько получившийся результат и специфика его параллельной киноверсии — сериала «Игра престолов».

Нельзя не отметить, что эти своего рода «зазоры» между сериалом и книгами, по которым он снимался, имеют особое значение как для понимания того, что стоит за социальной реальностью вселенной «Песни льда и пламени», так и для описания специфики восприятия «Игры престолов» зрительской аудиторией.

И романский цикл, и сериал привлекательны не только драматическим повествованием и демонстрацией насилия и секса. Сага Дж. Р. Р. Мартина представляет интерес и как произведение «низкого жанра», ориентированного на прямую демонстрацию радикальных форм человеческого поведения, и как сочетание тонкой игры высокой драмы с трагедиями человеческих судеб, и в качестве продукта

1. Из доклада М. Н. Липовецкого «Больше, чем ностальгия: поздний социализм в сериалах 2010-х г.» на Международной научной конференции «Мания/магия истории: прошлое вместо настоящего и будущего» (г. Екатеринбург, 21–24 мая 2019 г.). Программу см.: https://philos-urgi.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15519/Programma_Manija.pdf.

сложного обращения писателя с историческим материалом. Последнее позволяет знатокам истории погружаться в анализ пронизывающих сагу исторических аллюзий и заимствований. В таком двойном и даже тройном кодировании скрывается значительная доля успеха и популярности «Игры престолов».

Какова же специфика изображения истории в повествовании подобного рода? И как структура самого повествования формирует характер произведения как целого? Каким образом эта повествовательная структура связана с актуальными социально-политическими процессами?

* * *

Попробуем рассмотреть повествовательную структуру сериала «Игра престолов», поместив ее в широкую перспективу социокультурной ситуации зрелого модерна и постмодерна.

В Новое время с формированием общества модерна складывается классическая прогрессистская философия истории и научная историография; этот же период характеризуется возникновением национальных исторических нарративов — нарративов «о нас» как неких тотальных общностей. В одном поле с этими процессами происходит и зарождение особой литературной формы — классического романа. Как убедительно показал в своей работе «Воображаемые сообщества» Бенедикт Андерсон (Андерсон, 2016), формирование романа не просто совпадает со становлением национальной идеи и национального государства, но оказывается одним из условий складывания национального модерного сознания.

Конституирующую роль для жанровой формы романа играет линейная модель времени. Иными словами, это одномерное и единое историческое время, в пределы которого укладывается все действие романа; время, которое объединяет героев в одно общее «мы» и позволяет читателю осознать то, что называется одновременностью. Герой классического романа — человек Нового времени; роман представляет историю его становления, развития, трансформации и падения в столкновении с надчеловеческими силами. Таким образом моделируется, условно говоря, «правильный мир правильного человека» — антропоцентрическая по своей природе реальность романа. При этом классический романский нарратив, равно как и нарратив исторического повествования, выстраивая развитие событий в их хронологической последовательности, из прошлого в будущее, ведется из будущего в прошлое — т. е. ввиду знания финала. Такой нарратив требует «подгонки» событий под известный финал: он опускает «лишние» детали и располагает в особом порядке главные и второстепенные, т. е. «нормальные», обладающие высокой степенью правдоподобия, и условно-художественные, эпизоды.

Именно рациональный мир классического романа, по мысли Андерсона, послужил в свое время соразмерным и продуктивным образцом для формирования одномерного, «правильного», социального пространства — национального, гражданского, правового, рыночного, имеющего национальный литературный

язык и единую непротиворечивую историю, — т. е. основы национального государства. Оно обеспечивалось как указанной выше однородностью времени, так и «забвением», т. е. вытеснением за пределы рационального мира так называемых «лишних» деталей — гетерогенных элементов, которые в силу своей иной или неопределенной природы не укладывались в общую картину.

ХХ век продемонстрировал радикальное усложнение мира, более того — его сложность, будучи активно видимой, начала восприниматься не в качестве помехи, а как принципиальное условие существования реальности. На это же время закономерным образом приходится кризис классической романной формы, который совпадает с кризисом наивной идеологии модерна, претендующей на одномерное общество. К началу ХХI века мировая литература отличается широкой представленностью сложных повествовательных форм, бурный расцвет, в частности, переживает фэнтези-литература — эти виды художественной словесности качественным образом не укладываются в линеарную логику классического нарратива эпохи зрелого модерна. Одномерное пространство модерна, пространство национальных государств с их линеарной историей также начинает дробиться, фрагментироваться, теряя прозрачность. В этой ситуации и создается фэнтези-сага Дж. Р. Р. Мартина и ее сериалная киноверсия.

При этом показательно не только то, как усложняется повествовательная и временная структуры этого произведения (будь то книжная или сериалная формы его бытования), но и те взаимоотношения, которые выстраиваются между циклом романов и сезонами киносериала.

Как мы отметили выше, литературный текст саги Дж. Р. Р. Мартина «Песнь льда и пламени» и сериал «Игра престолов» структурно не совпадают. Само взаимодействие романов и сериала порождает темпоральные парадоксы и отношения циклического типа, аналогичные парадоксам времени внутри сюжета саги. Подобно тому, как Бран Старк, путешествуя во времени, вторгается в прошлое и таким образом влияет на настоящее (эпизод с появлением Ходора), сериал, обогнавший в выходе на киноэкраны публикацию очередных частей романной серии, оказывается в парадоксальной ситуации переложения, влияющего на свой незавершенный источник. Будет ли Мартин повторять в своих книгах показанное в сериале или предпочтет создать альтернативные сюжетные ходы — неизвестно. Сам факт опережающего завершения киносериала задает специфику ожиданий и переживаний читателей и зрителей. Реакция зрителей на заключительные сезоны, их массовое неудовлетворение получившимся результатом и гадание, насколько он соответствует «истинному» тексту, который «должен быть» написан Мартином, включены в текущую историю саги. Все это ставит под вопрос саму возможность «истинного», «корректного», «адекватного» ее завершения.

Подобный рецептивный фон «Игры престолов» следует признать не случайным курьезным фактом, но одной из закономерностей существования саги как современного художественного произведения, представляющего собой фасеточное целое, составленное из подвижных, принципиально незавершенных, как бы

постоянно становящихся, элементов, и существующее в контексте дискредитации некогда абсолютного статуса «оригинала». Все это, собственно, и создает особый дух «Игры престолов».

* * *

Намеченные нами специфические черты фэнтези-саги «Песнь льда и пламени» и сериала «Игра престолов» наиболее отчетливо вырисовываются на фоне предшествующих киноэпопеи. Очевидной парой для сопоставления романисту Дж. Р. Р. Мартину выступает, конечно, Дж. Р. Р. Толкиен.

На контрасте с циклом Мартина создаваемый Толкиеном мир как повествование целен — это развертывание одного ведущего конкретного сюжета, в рамках которого главный герой и персонажи спасают мир, совершая подвиг самопожертвования. Чудесный, «божественный», но «грешный» мир Толкиена подчиняется упорядочивающей силе постепенного очеловечивания (приход времени людей). От книги к книге Толкиен ностальгически расстается с мифом и чудесным, и подвиг Фродо — это уже подвиг человека, противостоящего чудовищным силам, т. е. христианский по своей природе сюжет, традиционно структурирующий общество модерна.

В отличие от Толкиена, в книгах Мартина рисуется постклассический и постколониальный мир. На этом основании распространенное указание на прямое сходство «Песни льда и пламени» и «Властелина колец» следует признать некорректным. Их различие прослеживается как на уровне способов структурирования художественного высказывания, так и на уровне структурирования собственно сюжета.

Напомним: нарратив классического романа подчиняется линеарной логике развития сюжета, он историчен и в его центре — «рациональный» герой, развивающийся вместе с перипетиями сюжета. Романное пространство и время едины и «вытесняют» за свои границы — либо в область условно «непроговариваемого», либо в сферу художественных метафор (т. е. участки текста с отчетливо большей мерой художественной условности) — все, что иерархически «ниже» и не укладывается в линеарную логику. Напротив, эпический нарратив, существующий в условиях неодномерного постклассического, постколониального мира, утрачивает единую точку зрения, из которой ведется повествование, а вместе с ней и иерархический императив классического романа: те его элементы, которые прежде оказывались «вытесненными» в силу высокого градуса художественной условности (как «всего лишь» художественное, метафорическое), уравниваются в правах с обязательными, «нормативными» элементами, приобретая особое живое наполнение и реанимируясь в своей магической силе.

Так, в частности, в своем повествовании Дж. Р. Р. Мартин прибегает к следующим приемам:

- прежде всего это — нарушение конвенций, разрушение читательского ожидания. В радикальном виде этот прием реализуется в череде повторяющихся убийств главных героев и опрокидывании прежних статусов героев от эпизода к эпизоду. Мартин, как известно, «убивает всех»;
- разнообразие точек зрения, из которых видятся события (множественная фокализация), отсутствие привилегированного героя-рассказчика и, как следствие, — смешение линий романного повествования, когда различные эпизоды саги принципиально не выстраиваются на единственной временной оси, функционируя как разновременные;
- изображение в пределах одного произведения различных реальностей, которые относятся к разнородным и принципиально несовместимым мирам.

Нельзя сказать, что какой-либо из перечисленных приемов Мартина принципиально нов, однако их частота и радикальность способны поразить читателя и зрителя. Кроме того, эти приемы соседствуют с множеством традиционных «реалистических» повествовательных ходов и художественных описаний — т. е. с тем, что, по определению Ролана Барта, участвует в создании «эффекта реальности» за счет проработки деталей и узнаваемости образов (Барт, 1989). В нашем случае «реалистическая» составляющая повествования Мартина позволяет отнести изображаемые события к эпохе Средневековья, а в самом эпическом нарративе увидеть черты исторического романа. Именно привычные с рецептивной точки зрения конвенции реалистической прозы задают определенные читательские/зрительские ожидания на первых порах, которые впоследствии не оправдываются.

В качестве иллюстрации укажем на один показательный эпизод «Игры престолов». На заседании Малого совета королевский десница Тайвин Ланнистер, умный, сильный и расчетливый политик, получает донесения о состоянии дел как в подведомственном ему Вестеросе, так и в остальном мире за его пределами. Так он узнает, что где-то далеко за морем у юной Дейнерис появились Драконы, в то время как на Севере за Стеной объявились страшные и ужасные Белые Ходоки и армии мертвецов.

Очевидно, что Драконы, Белые Ходоки и ходячие мертвецы — это вымышенные персонажи условно «сказочного» мира, и это на первый взгляд не тема для настоящего политика, серьезного и правильного. Недаром один из зрителей сериала отозвался в фейсбуке: «...было бы правильно, если бы Дейнерис со своими драконами так и оставалась бы в Эссексе!» Эта ориентация реципиента на реалистическую по своей природе нормативность сформирована пространственными и сюжетными иерархиями «классического» мира. С такой позиции мир политической борьбы Вестероса представляется «правильным» миром «взрослой» рациональности, а пространство за Стеной и в глубинах Эссекса — сферой экзотики колониального мира, мира ориентального. Или, если привлечь другие понятия, «за Стеной» и «за Узким Морем» — это сфера мифа, магии и фрейдовского бессознательного, от которой «правильный» мир отделяется отчетливо считываемыми маркерами маргинального — Стеной и (узким) Морем.

Если же взглянуть с точки зрения постклассического, постколониального мира, учитывая специфику его художественного нарратива, сферы «за Стеной» и «за Морем» (при всех возможных попытках интерпретаторов увидеть в этих образах исторические прототипы) как раз и оказываются тем, что «нормальный», рациональный мир «вытесняет»² за свои пределы. В мире же «Песни льда и пламени» и «Игры престолов» эта, условно говоря, *сфера Другого* включается в жизнь средневекового Вестероса на правах соположения, полноправно входя вместе с тем и в сложный мир произведения как целого.

Специфика такого мира заключается в том, что он находится в состоянии бесконечного становления, его границы условны: они сдвигаются, разъезжаются, явления мира Другого прорываются в мир этот и оказываются уже не «там», а «тут» — вплоть до того, что становятся его частью и условием его существования. «Чудесное», «сказочное» (прежде застывшее в форме метафор) в ходе такого усложнения оживает, материализуется. Все это создает дополнительную динамику сюжета, но вместе с тем и порождает проблемы: с одной стороны, под вопрос становится возможность соединения разноконвенциональных элементов повествования саги в пределах экранного целого сериала, а с другой стороны, возникает эффект длящейся сериальности, о котором речь пойдет ниже.

* * *

Важнейший принцип совмещения несочетаемого реализуется в «Игре престолов» на разных уровнях. На *жанровом* уровне это совмещение элементов разных жанров: классической мелодрамы, исторического сериала и сказочной истории эпического толка, а также сериала про зомби. На уровне *сюжета* помимо разрыва сюжетных линий происходит их смешение; мы наблюдаем принципиальную *асинхронность* событий, представленных этими сюжетными линиями. На *содержательном* уровне в аспекте *телесного и стихий* это — сосуществование живых людей и мертвцев, в целом совмещение смерти и жизни, льда и пламени и т. д. Все перечисленное работает на слом одномерности пространства — пространство раскалывается, однако не рассыпается, а динамически перетекает из одной формы в другую; правда, происходят эти метаморфозы не гладко, а конфликтно.

Одним из явлений такого многомерного мира выступает *трансформация линейного времени*, которая состоит не только в указанной асинхронности эпизодов и фрагментов повествования, но также в своего рода «выворачивании» самого

2. Как «вытесняются» за пределы актуальной повестки дня простого обывателя сообщения о событиях мирового масштаба — отдаленных политических противостояниях, военных конфликтах, обвалах на нефтяных биржах и т. д. Для обыденного сознания все это оказывается фактами как бы из иного измерения. Дж. Р. Р. Мартину удается обнажить параллельность существования этих сфер, этих измерений и представить их как в разрыве, так и во взаимозависимости — на этом и строится гетерогенный постклассический мир его саги, с той лишь разницей, что по всем своим атрибутам он средневековый.

времени. Такие эффекты неизбежно порождаются материализацией тропов. На этом моменте остановимся подробнее.

Как мы отмечали выше, в отличие от классической саги, в саге Мартина повествование ведется не с точки зрения внеположного событиям книги «всеведающего» повествователя, а от имени тех или иных героев — полноценных действующих лиц. Горизонт восприятия таких героев ограничен их субъективным восприятием, и поэтому неожиданные удары из внешнего, не контролируемого ими мира воспринимаются особенно драматично. Одновременно с отсутствием «объективного» повествователя («внешнего наблюдателя») оказывается невозможным и линейный сюжет, выстраивающийся в свете заранее известного финала.

Эпизоды сериала и главы книги не следуют единому хронологическому порядку и потому не создают единого одномерного поля событий. Это обстоятельство Мартин специально оговаривает в каждой книге.

Отдельные персонажи, в частности, Трехглазый Ворон (Бран Старк), могут вторгаться в прошлое и нарушать линейный порядок событий.

Миря Ходоков и Драконов (т. е. топосы) с точки зрения «нормального» мира «Игры престолов» относятся к области сказок и прошлого (это уже — хронология). Таким образом, их вторжение в пространство Семи Королевств выступает не только «оживлением» сказаний, но и непосредственным оживлением прошлого. И, следовательно, своеобразным присутствием прошлого в мире настоящего.

Указанное смешение времен и топосов — один из наглядных признаков постклассического, постколониального мира, в котором разные, казалось бы, радикально разведенны друг от друга миры, центр и периферия, «вытесненное» и доминирующее (условно «нормальное») оказываются видимыми друг для друга и вступают в непосредственное взаимодействие, создавая различные культурные и социальные гибриды и монстры. Пространство современного мегаполиса, пространство и время политических противостояний демонстрируют разные примеры подобного смешения³. «Средневековые практики» оказываются в современном мире не далеким прошлым, но частью повседневной реальности.

3. Частным примером здесь может служить структура названий улиц и районов в пределах того или иного современного российского города: очень часто это поле сосуществования непримиримых разновременных феноменов — как в Екатеринбурге, где только сопротивление части жителей улицы Толмачева не позволило переименовать ее в Царскую целиком. Это, в свою очередь, исключило ситуацию, в которой улица Царская пересекалась бы с проспектом Ленина. Однако феномен «выворачивания» времени в современных условиях реализуется не только в прямом сосуществовании каких-либо названий «с историческими корнями», но и в сложных формах идентификаций. Так, например, нам известен анекдот, рассказывающий об уроке истории в наши дни в Калининграде, где оказалась возможной фраза: «С наших аэропортов взлетали самолеты, чтобы бомбить наши города». Ее парадоксальность создается совмещением в пределах одного предложения и одного грамматического времени совершенно разных фрагментов историко-политической картины. С одной стороны, «наши» — это политическая и государственная идентификация (связь со страной), а с другой — пространственная (связь с определенной территорией). Конечно, Калининград — пример радикальный, однако сегодня, строго говоря, весь современный мир пронизан подобными примерами, хотя и не столь наглядными.

Отсутствие объединяющей внешней объективной позиции повествователя в книгах Мартина также связано с этической подвижностью каждого героя и персонажа в рамках меняющихся контекстов его судьбы. Нельзя назвать Мартина проповедником этического релятивизма, что может сделать наивный интерпретатор, но он показывает сложную драму персонального выбора того или иного героя, оказывающегося в результате своих успехов в «неадекватной» позиции и терпящего неожиданное для себя и читателя крушение. Ничего подобного нет и не может быть в повествованиях типа «Властелина колец»⁴.

Помимо отмеченных нами парадоксов времени особая структура повествования в «Песни льда и пламени» и «Игре престолов» включает и собственно нарративные парадоксы, которые, в свою очередь, оказываются связаны с проблемой власти. Нарратив как таковой, являясь формой осмыслиения феномена времени посредством связи эпизодов и героев, способен активно формировать ту или иную социокультурную ситуацию. Так, нарративные структуры классического романа с его утверждением власти рассказчика/повествователя послужили условием формирования модерного национального общества (Андерсон, 2016), а множественная фокализация художественного повествования XX века, предполагающая временную и качественную подвижность авторских позиций, стала симптомом усложнения социального пространства.

В связи с этим выделим ряд принципиальных, на наш взгляд, моментов, связанных с парадоксами нарративизации саги, неизбежно проявившимися в сериале. В заключительных кадрах Сэм Тарли демонстрирует написанную им «Песнь льда и пламени», и это ставит несколько вопросов о статусе ее автора и характере самого текста. С одной стороны, Сэм Тарли предстает нарратором саги, изображающим и ее события, и самого себя, погруженного в их гущу; с другой стороны, получается, что Сэм напрямую отождествляется и одновременно не совпадает с Автором-писателем (Дж. Мартином). Здесь происходит пересечение объектного и метауровней. Некоторым образом, ситуация Сэма напоминает парадоксальные отношения Брана Старка и Трехглазого Ворона, в которых также обнаруживается проблема отношений разных уровней реальности. Важно то, как такое смешение оказывается на характере повествования. Превратившись в Трехглазого Ворона, Бран не только утратил многие человеческие качества, но и оказался не способен кциальному линейному нарративу. Он объясняет близким, что видит все в виде фрагментов — таким образом, он оказывается поставлен в условия постклассического повествования самой сутью ситуации. Многоголосье повествования саги совпадает с этой фрагментарностью взгляда Брана Трехглазого Ворона. Но киносериал выпрямляет это многоголосье и игру уровней повествования. Кроме того, возникает подозрение, что повествование от лица Сэма Тарли (в киносериале)

4. Необходимо отметить, что в сериале, в отличие от книжной версии саги, оптика героев, описывающих происходящие события из своего горизонта, выражена значительно слабее, а иногда совсем теряется. Самым выразительным примером и художественным достижением киносаги в этом отношении можно назвать изображение Битвы Бастардов, представленное глазами Джона Сноу.

написано в пользу победителей Старков, что само по себе является напоминанием о необходимости критического отношения к «наивным» натуралистическим формам повествования и учета их субъективности, т. е. ангажированности точки зрения рассказчика.

* * *

Как мы уже отмечали, контрастирующее на фоне привычного исторического нарратива многоголосие книги Мартина в телесериале удержать не удалось: отдаляясь от своего литературного источника, повествование сериала стремительно «сужается» к финалу, значительно редуцируя богатый набор персонажей, их конфликтов, позиций и интересов. Побочные сюжетные линии, будучи перенесенными на киноэкран, выполняют роль всего лишь фильтров (т. е. пустышек, заполнителей экранного времени). Магия, лютоволки, Король Ночи и многое другое в сериалльной версии саги для концовки не значимо, и это девальвирует все сезоны в целом. В итоге власть традиционного сериалльного формата оказывается сильнее, а потому в последнем, восьмом, сезоне «Игра престолов» возвращается из ранга «серьезного кино», которого она достигла за семь предшествующих сезонов, к примитивному, «низкому» жанру демонстрации человеческих страстей ошарашающими публику методами.

Важно оговориться отдельно, что «Игра престолов» видится нам ярким примером того, какую трансформацию переживает жанр⁵ сериала сегодня: из сферы «низких» жанров, некогда противопоставленных экранным полотнам «большого» кинематографа, он перемещается в область если не «высокого» искусства, то как минимум «серьезного кино», в то время как полнометражные киноблокбастеры все чаще оказываются продуктами для невзыскательных подростков.

Однако решающим в определении художественного статуса и ценности произведения становится фактор его завершенности/незавершенности, во многом обусловленный его жанровой природой. Таким образом, на пути превращения сериала в качественное кинопроизведение, как видим, встает проблема его бесконечного продолжения и адекватного завершения. На первый взгляд она является оборотной стороной совершенно внешнего, внеположного сфере искусства фактора коммерческой успешности продукта, побуждающего создателей множить число серий и сезонов. Но здесь нельзя не учитывать и внутренней сюжетной ло-

5. Процесс перехода «низкого» жанра в статус «высокого» можно проиллюстрировать как примером романа, который превращается в произведение высокой художественной словесности в XIX веке (Агамбен, 2018), совпадая со становлением модерного общества, так и историей самого киноискусства. Если в начале XX столетия кинематограф считался видом «низкого», массового искусства, то в течение века он медленно поднялся вверх по лестнице художественного признания, выработав внутри себя довольно сложную стратификацию «высоких», «низких» и переходных жанров. В этой иерархической системе переход сериала на позиции «серьезного кино» происходит в начале XXI века одновременно с общими процессами расширения сферы воспроизведения структур повседневности современных горожан, с ростом числа индивидуальных гаджетов для просмотра фильмов.

тики конкретного произведения, которая также может подчиняться установке на его продолжение, «дление» и порождение собственных вселенных. Это, в свою очередь, и характерно, как нам представляется, для мира «Песни льда и пламени». Иными словами, в нашем случае оказывается важна содержательная взаимосвязь между тем, что изображается в сериале, и его длиной. И здесь мы вновь подходим к вопросу о связи структуры нарратива, логики мифа, катарсиса и трансформации линейного сюжета.

* * *

Как известно, и литература, и театр, и кинематограф как формы художественного творчества восходят к первоначальным мифоритуальным формам. Миф и соответствующий ритуал повествуют о первоначале — следовательно, о рождении и обновлении (дети сменяют отцов, старое уходит — новое рождается, конфликты ищут пути разрешения и т. д.). Жертва и жертвенный обмен составляют содержательную основу, сердцевину ритуала. Аристотелевский катарсис (сопреживание зрителей гибели героя и последующее очищение души) наследует ритуальным жертвоприношениям, посредством которых общество поддерживает себя на протяжении смены времен, и выступает способом обновления. Драматизм катарсического переживания обеспечивается тем, что жертва приносится не «понарошку», а «всерьез», участники ритуала в реальности эмоционально переживают смерть и новое рождение.

Не будем восстанавливать весь ход развития мировой культуры и искусства, укажем лишь на наиболее яркий пример из XX века — историю создания киноэпопеи «Звездные войны». Как известно, ее режиссер Дж. Лукас ориентировался на мифоритуальную концепцию Дж. Кэмпбелла, изложенную в книге «Тысячеликий герой» (Кэмпбелл, 2016), и в качестве канвы для своей кинокартины взял выведенную Кэмпбеллом на основании исследования мифов различных народов мира сюжетную матрицу мономифа.

Специфика ритуала состоит в его цикличности: это — процесс, который вновь и вновь воспроизводится. При этом «эффективность» ритуала предполагает окончательность и завершенность каждого конкретного цикла как если бы он был последним. Так, например, в очередной раз просматривая культовую кинокартину вроде американских «Звездных войн» или советской «Иронии судьбы», зритель заново переживает своего рода ритуальную смерть и новое рождение героев и соответствующего социума.

Тем не менее, как отмечает Ж. Бодрийяр, современная культура тяготеет к *вытеснению смерти и символического обмена* простой циркуляцией знаков (Бодрийяр, 2013). «Серьезные» суровые мифы превращаются в условные добрые сказки, переживание трагического замещается щекотанием нервов, ритуальное обновление и начало нового цикла — сериалным *продолжением*. Последнее, в частности, отчетливо демонстрирует нам массовая кинокультура сегодняшнего дня, в кото-

рой широкое распространение находит жанр так называемого «продолжения» той или иной культовой ленты — будь это та же «Ирония судьбы» или «Звездные воины». Вторичные киноленты обесценивают и выхолащивают (кастрируют) первоначальную мифоритуальную структуру восприятия исходного, оригинального произведения. Оказывается, что в нем («там, в начале») решение было не окончательным, цикл был неполнценным. Получающийся на выходе «сериал» эксплуатирует первичную энергию мифа, «растягивает» ее, превращая еду в жвачку.

Как можно оценить то, что произошло в сериале «Игра престолов» с позиции мифоритуальной логики и катарсиса?

С точки зрения первичной логики мифа Джон Сноу не может выжить. Очевидно, что этот герой выступает некоторым аналогом Снегурочки Александра Островского, также являясь продуктом связи несоединимых по природе льда и пламени и задающим динамику сюжета. Но если в Снегурочке эта несоединимость была изначально задана как элемент романтической традиции и ее таяние обеспечивало восстановление мирового порядка, то в «Игре престолов» схожее функциональное содержание образа героя выявляется постепенно и оказывается элементом большой сети обменов и жертв.

Джон Сноу — живой мертвец. Его убивают несколько раз: братья ночного дозора закалывают ножом; в битве бастардов он погибает, но тут же на экране переживает новое рождение;тонет в битве с мертвецами... Приключения Джона Сноу — это типичное путешествие скрытого царя, который собирает силы и магию Неба, Земли, Огня, Воды и соответствующих им социальных сил. Он — интегральное целое; его перерождения отвечают космической миссии поддержания Универсума. Восстановив же Универсум, Джон Сноу должен уступить мир обычным людям — тем, что создадут памятники и ритуалы и с их помощью продолжат поддерживать этот Универсум. Это была бы логика, аналогичная логике «Властелина колец».

Согласно этой же логике не могла бы выжить и Арья — служительница бога смерти и убийца, ничего, кроме смерти, не ведающая. Она откололась от семьи, потеряла лютоволка и ее приключения — это приключения неприкаянной души, зависшей на границе миров. Показателен эпизод, в котором, получив рану в живот, Арья падает в канал, но выживает. Как объясняет Арье Пес (Сандор Клиган) в одном из эпизодов книги Мартина, раненный ею в живот человек обречен на гибель. Арья же в подобной ситуации выживает, что явно указывает на особую роль этого персонажа в саге. Однако сценарий сериала, выпуская эпизод с Псом, значительно обедняет сложную природу образа героини. Тот факт, что Короля Ночи убивает именно Арья, причем в конкретном месте — у Чардрева — и в конкретной ситуации высшего напряжения (и смешения всех границ и правил реальности), отсылает к ритуальным структурам отношения с ужасным, сакральным, травматическим. И здесь опять же наметившаяся тема не получает дальнейшего развития и завершения — в сериале она просто обрывается.

Таким образом, сценаристы «Игры престолов» разрывают «магическую» линию сюжета «Песни льда и пламени», низводя ее до формального, механического дополнения к линии отношений Джона и Дейнерис. Тем не менее им все-таки приходится найти промежуточное решение, согласно которому Джон отправляется в странствие на Север, а Арья — на Запад. Очевидно, эти путешествия, по сути, выступают субститутами смерти (так, на юридическом уровне ссылка в Ночной дозор — это гражданская смерть, в мифологии путешествие на Север — путешествие в страну мертвых, а скандинавская мифологическая великанша Хель (Hell), обитающая одновременно на Севере и за пределами человеческого мира, — правительница царства мертвых). В этом смысле Арья оказывается вечным странником, подобно Одиссею, которому не суждено вернуться домой. Возвращение Одиссея на Итаку — это лишь эпизод его бесконечных путешествий; в конце концов, он должен погибнуть от руки собственного сына Телегона, рожденного нимфой Цирцеей.

В результате сериалные герои саги, проходя через смертельные испытания, продолжают жить и жить, словно вечно живые зомби. С одной стороны, такой эффект отложенного конца требует от создателей сериала большего накала страстей, более острых переживаний, а с другой — в итоге обесценивает эти переживания, лишая зрителей финального катарсиса.

Отмеченное выше свидетельствует о том, что сложность сюжетных ходов «Песни льда и пламени» и парадоксы ее повествования не позволяют сценаристам завершить киносагу традиционным образом. В результате она либо обрывается, либо уходит в бесконечность. А на пересечении этих перспектив стоит Ходор и Hold the Door.

* * *

Подобно мифоритуальной составляющей мира фэнтези-саги Мартина, религиозная сторона жизни его героев в сериале также значительно обедняется и упрощается. Жители Вестероса оказываются лишены религиозного чувства и какого-либо присутствия трансцендентного. В их государстве возможны самые разные формы религиозной терпимости и экуменизма, характерные для позднего модерна. Оживший Джон Сноу не вызывает каких-либо особых переживаний у соратников из Ночного дозора или одичалых, кроме первичного удивления и надежд Красной Жрицы Мелисандры на явление обещанного мессии Ахава.

Северяне поклоняются старым богам через обращения к чардревам. Чардрево выступает главным вместилищем Трехглазого Ворона, который в мире Вестероса является медиатором всех социальных связей, своего рода «интернетом» государства и его общей памятью.

В этом смысле Трехглазый Ворон «Игры престолов» — это воплощение персонифицированного сакрального в понимании Эмиля Дюркгейма, который полагал, что религия как поклонение сакральному подразумевает превращенную фор-

му поклонения самому обществу и таким образом его поддержание (Дюркгейм, 2018). В этом свете избрание Брана Старка на трон, оформленное в сериале лишь как простое политическое решение элит, как компромисс после большой разрушительной войны, можно рассматривать и как особый сюжетный ход, который заключает в себе потенциал для последующего разворачивания новых сюжетов, разрабатывающих избрание на место короля не человека, а институции, вбирающей в себя все. Иными словами, это избрание предстает актом вторичного утверждения сакрального, только не в его чистой форме, а в еще раз превращенной.

На место возвышенной — и вместе с этим трагичной и драматичной — монархии в сериале приходит нечто более приземленное (сцена нового Малого Совета, в котором ньювестеросцы осваивают правила управления страной). Сценаристы не показывают процесс становления новых институтов и экономических практик в почти уничтоженной стране, они персонифицируют все новые отношения в сцене заседания. Таким образом, «трагический» мир «Игры престолов» заканчивается: смерть отступает и скрывается где-то по краям ойкумены Вестероса; Дракон улетает; Арья уплывает, а Джон Сноу отправляется на Север. Бран может увидеть все, проникнув в любой закоулок мира. Но получившийся в finale киносаги мир — это мир отложенных, незавершенных, не прожитых до конца сюжетов.

* * *

Итак, структура повествования в цикле фэнтези-романов Дж. Р. Р. Мартина «Песнь льда и пламени» отражает постклассическую парадигму освоения социальной реальности. Специфика его нарратива заключается в комбинации подвижных авторских позиций, асинхронности повествования, полноправном сосуществовании и взаимодействии гетерогенных онтологий в поле одного произведения. Последовательное осуществление этих принципов привело к повествовательным парадоксам, которые мы постарались проследить в данной работе и которые в рамках классического киносериала стали существенной проблемой, не получив адекватного экранного решения.

Обеднение и упрощение мифоритуальной основы исходного повествования в сочетании с парадоксами «выворачивания» линейного времени нарратива поставило создателей сериала «Игра престолов» перед лицом потенциальной бесконечности истории, лишив ее завершенности, а зрителей — ожидаемого катарсиса.

Литература

- Агамбен Дж. (2018). Человек без содержания / Пер. с итал. С. Ермакова. М.: Новое литературное обозрение.
- Андерсон Б. (2016). Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле.

- Барт Р. (1989). Эффект реальности / Пер. с франц. С. Н. Зенкина // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс. С. 392–400.
- Бодрийяр Ж. (2013). Символический обмен и смерть / Пер. с франц. С. Н. Зенкина. М.: Добросвет, КДУ.
- Дюргейм Э. (2018). Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с франц. А. Аполова и Т. Котельниковой. М.: Дело.
- Кэмпбелл Дж. (2016). Тысячеликий герой / Пер. с англ. О. Ю. Чекчуриной. М.: Питер.

The Narrative Structure and Postclassical Reality in George R. R. Martin's Epic Fantasy Novels *A Song of Ice and Fire* and the Television Series *Game of Thrones*

Larisa Piskunova

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Ural Federal University

Address: Mira str., 19, Ekaterinburg, Russian Federation 620002

E-mail: lppiskunova@gmail.com

Igor Yankov

Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Laboratory of Comparative Studies of Tolerance and Recognition, Ural Federal University

Address: Mira str., 19, Ekaterinburg, Russian Federation 620002

E-mail: iyankov@yandex.ru

The classical novels of the 19th century corresponded with early modern national society. At the beginning of the 21st century, serials have replaced classical novels in structuring the form of social reality. The narrative structure of *Game of Thrones* corresponded with postclassical, postcolonial social reality. The co-existence of different genres, the different types of co-existence between "realistic medieval" and mythological reality, the co-existence of different narrators without a dominant point of view, and the asynchrony of episodes and the dramatic unexpected turns of plot are specific features of forming non-linear space and time. The specific structure of narrative is connected with the specific position of the author and the relationship between the author, the narrators, and power. The depreciation of the ground mythological structure of narrative is a cause of the inflation of catharsis, and induces unlimited series events or an unfinished principal plot. Features of the narrative of *Game of Thrones* are correlated with the postclassical situation of the co-existence of different social phenomenon that deny each other, but are forced to be connected.

Keywords: narrative, myth, postclassical and postcolonial reality, catharsis, sacral and profane

References

- Agamben G. (2018) *Chelovek bez soderzhanija* [The Man without Content], Moscow: New Literary Observer.
- Anderson B. (2016) *Voobrazhaemye soobshhestva: razmyshlenija ob istokah i rasprostranenii nacionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism], Moscow: Kuchkovo pole.

- Barthes R. (1989) Jeffekt real'nosti [The Reality Effect]. *Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika* [Selected Works: Semiotics, Poetics], Moscow: Progress, pp. 392–400.
- Baudrillard J. (2013) *Simvolicheskij obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death], Moscow: Dobrosvet, KDU.
- Campbell J. (2016) *Tysjachelikij geroj* [The Hero with a Thousand Faces], Moscow: Piter.
- Durkheim E. (2018) *Jelementarnye formy religioznoj zhizni: totemicheskaja sistema v Avstralii* [The Elementary Forms of the Religious Life], Moscow: Delo.

Не только мать, жена и королева

Этические и политические стратегии женских персонажей в цикле романов «Песнь льда и пламени» Дж. Мартина

Мария Марей

Кандидат философских наук, ответственный секретарь журнала
«Философия. Журнал Высшей школы экономики», преподаватель Школы философии,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: mdyurlova@hse.ru

Статья представляет собой исследование этических и политических мотивов поведенческих стратегий основных женских персонажей цикла романов «Песнь льда и пламени» Джорджа Мартина. Автор статьи выделяет трех таких персонажей: Кейтилин Старк, Дейнерис Таргариен и Серсею Ланнистер. В статье рассматривается их гендерная и социальная идентичность, соответствие или несоответствие ожидаемым от них стереотипам поведения, а также избираемые ими жизнестроительные практики, способы оправдания поведенческих стратегий и причины их успешности или провала. Затем делается предположение, что исполнение своего долга и служение: своему делу, семье, людям, народу, оказываются не менее важными для реализации себя и достижения поставленных целей (в том числе и властных), чем обладание другими ресурсами: силой, мощью армии, рыцарской доблестью, хитростью или богатством. Особенно это касается тех, кто стремится к обладанию политической властью и удержанию ее. Это не значит, что те, кто добр и благороден, не погибают или выходят победителями из конфликтов. Верное понимание целей и смысла власти правителя является необходимым, но не достаточным условием. В силу его необходимости тот, кто не обладает этими качествами, не имеет шанса на долговременное удержание власти. Однако и обладание только им и ничем больше не дает претенденту на власть неоспоримого преимущества. Значимым является также то, что гендерная принадлежность персонажа не дает ему долговременного преимущества в политической игре. Автор статьи доказывает, что идеальным правителем в мире Мартина с равным успехом может быть и мужчина, и женщина.

Ключевые слова: Дж. Мартин, «Песнь льда и пламени», женщины, гендер, политическая власть, этика долга, справедливость

«Песнь льда и пламени», или, в другом переводе, «Льда и огня», — это серия романов в жанре фэнтези американского писателя и сценариста Джорджа Мартина, начатая им в 1991 году и изначально задуманная как трилогия, однако к настоящему времени разросшаяся до пяти томов (последний в двух частях) и предполагающая еще два, пока не написанные. Они переведены более чем на сорок языков, получили несколько премий как лучшие фэнтези-романы, на их основе канал HBO снял мгновенно ставший популярным сериал «Игра престолов», что сделало Мартина

одним из самых известных авторов в мире писателей-фантастов. Справедливости ради нужно отметить, что его повести и рассказы получали престижные премии «Хьюго» и «Небьюла» еще в конце 70-х годов прошлого века, однако можно с уверенностью утверждать, что именно «Песнь льда и пламени» принесла ему мировую известность.

Однако прежде, чем начать разговор о женских образах в романах Дж. Мартина «Песнь льда и пламени», необходимо прояснить, почему мы вообще считаем нужным исследовать этот фэнтезийный мир и почему уверены, что в нем есть важное политico-философское измерение. Причин тому несколько.

Нам представляется, что Мартину удалось создать цельный и хорошо продуманный романский мир с собственными, внутренне не противоречивыми законами существования. Это действительно целая вселенная условного позднего Средневековья, в которой подробно прописаны не только основные персонажи — короли, рыцари, их жены и дети, — но и их ближайшее окружение: мейстеры, септы и септоны, вассалы, слуги, а также многочисленные второстепенные персонажи: горожане и сельские жители, проститутки, воры, торговцы, моряки, пираты, жители вольных городов, кочевники и т. д. Это огромный сложно устроенный мир с богатой историей, разнообразными культурами¹. Почти все встреченные нами на страницах романов люди (и иные существа) выписаны с большим умением, фантазией и вниманием к деталям, при этом не создающими ощущение бесконечного мельтешения непонятно зачем упомянутых персонажей. Много внимания уделено описаниям истории и географии этого мира. За счет этого главные герои и те, на кого в данный момент обращено авторское внимание, помещаются в понятные читателю условия. Они кажутся живыми и настоящими, им сочувствуешь и понимаешь их мотивы, их истории убедительны и достоверны, у них есть прошлое, судьба и биография. Возможно, именно это стало одной из причин огромной популярности саги.

Коммерческий успех и читательская любовь, на наш взгляд, убедительно свидетельствуют об успешной реализации авторского замысла, а также о том, что рассказываемая им история оказалась близка и интересна читателям: сначала американцам и европейцам, а затем и всему остальному миру. Известно, что географическая и отчасти содержательная и событийная части романа неявно отсылают нас к войне Алой и Белой роз, и, хотя события в романах не претендуют на какую-либо историческую достоверность, мы можем предположить, что столь масштабная сага может претендовать на символическое осмысление прошлого Западного мира. Поклонники Мартина говорят, что подобной истории не создавалось со времен Толкина. С этим можно не соглашаться, но нельзя отрицать, что

1. Подробный анализ социального, религиозного и эпистемологического ландшафта этого мира, как он представлен в сериале «Игра престолов», можно найти в статье О. В. Кильдишова «Социальный порядок и политическая теология в „Игре престолов“: чем культовый сериал интересен для теоретической социологии» (Кильдишов, 2020). Также интересное исследование этого мира предложено в статье Акселя Хорна «Игра престолов: культурный пессимизм как концепция успеха» (Хорн, 2020).

в описываемом мире есть своя привлекательность. Во многом она обусловлена простыми и ясными законами жизни персонажей романа, вписанных в жесткую иерархию феодального мира, в которой судьба человека определяется тем, где и у кого он родился, на ком женат/за кем замужем и кому служит. Это система, в которой у каждого есть свое место, своя роль и отклонения возможны, но не очень значительные и не всегда поощряемые.

Однако произведения Мартина — это все-таки не исторические романы и не научные монографии, он связан не столько необходимостью излагать исторические факты, сколько внутренней логикой персонажей и собственным авторским замыслом. Поэтому мы рискаем предположить, что интересные для нас поведенческие стратегии женских персонажей романа во многом отражают его собственные установки. Но если рассматривать «Песнь льда и пламени» как целостный нарратив в жанре фэнтези, нельзя не вспомнить и о его потенциальной возможности выступать транслятором политических мифов. М. А. Штейнман, анализируя метафоры власти в романах Мартина, отмечает, со ссылкой на Дж. Р. Р. Толкина, что роман-фэнтези выполняет важнейшую функцию этической и социокультурной рефлексии: «Память жанра, выявленная Толкином в эссе «О волшебных историях», четко фиксирует три его функции — выздоровление (*recovery*), бегство от действительности (*escape*) и утешение (*consolation*), — одна из которых (вторая) самым непосредственным образом связана с современностью. Фэнтези (или отчасти синонимичная ей *fairy-story*) не просто позволяет бежать от действительности — сначала она дает возможность осознать ту действительность, от которой хочется спастись в мире воображаемого» (Штейнман, 2019: 32). Несомненно, в романах Мартина присутствует мифология власти, связываемая обычно с образом Железного Трона, к обладанию которым стремятся столь многие персонажи.

В данной статье мы будем говорить о том, как нам кажется, пока крайне редко становилось предметом внимания исследователей мира Вестероса: об этических и политических мотивах поведенческих стратегий основных женских персонажей саги. Нельзя сказать, что героини романа еще не становились объектами исследования ученых, — и о книгах, и о сериале уже написано достаточно много — однако их рассматривают в основном сквозь призму нарушения гендерных норм и выхода за пределы традиционных женских ролевых моделей (Jones, 2012: 14–21; Marques, 2019: 46–65) или исследуют различные телесные практики, через которые выражается их сущность (Gresham, 2017: 151–170). Мы же хотим обратиться к этико-политическим мотивам поведения героинь, попытавшихся поразмышлять о причинах их успешности (достижения желаемого) или провала (смерти, утраты власти и т. д.).

На наш взгляд, раскрытие представлений о власти в «Песни льда и пламени» и связанных с ними приемлемых и неприемлемых этико-политических стратегий персонажей можно успешно продемонстрировать на примере анализа женских образов, а не только через исследование метафоры Железного Трона и образов мужчин-королей. Женщинам Вестероса по изначально заданным условиям вроде

бы нет смысла стремиться к трону, поскольку они не могут быть королевами-правительницами, однако мы постараемся продемонстрировать, что это практически не ограничивает их в выборе жизнестроительных практик.

Основные героини романов Мартина вызывают у читателей, как и у зрителей сериала, горячий интерес, симпатию и осуждение, являясь предметом обсуждений ничуть не меньше, чем мужские. Это означает, что они получились, во-первых, не менее яркими и интересными, а во-вторых, самостоятельными, действующими — то есть субъектами, а не просто прекрасным фоном мужских поступков или объектами их интересов. Помещение таких персонажей в воображаемое европейское прошлое интересно и само по себе и особенно потому, что это не вызывает протест у читателей — возможно, за счет того, что внешне женские роли выглядят достаточно традиционными для феодального мира: королевы, жены лордов, матери, торговки, проститутки, септы, Молчаливые Сестры (аналог монахинь). Кажется, что их социальные роли заранее определены местом в мужском мире Вестероса и оставляют мало пространства для их собственного выбора. Но так ли это? Мы постараемся продемонстрировать, что логика их поступков, выборов, а также последствий их действий будут скорее соответствовать тому, что ожидается от мужских персонажей, а не традиционно женским ролям. Проводниками авторских представлений о прекрасном и безобразном, должном и недолжном, правильном и порицаемом у Мартина являются не только мужчины, и не только они участвуют в политических играх. Это делает квазисредневековый мир романов еще немного менее достоверным, но дает женщинам возможность участвовать в борьбе за власть. Каким должен быть идеальный правитель Семи королевств? Что для него важнее: удача, доблесть, военная мощь, умение верно выбирать союзников или вера в то, что именно он или она должны оказаться на троне? Или, может быть, стремление к власти не ради нее самой, а ради блага народа?² Нам кажется, что именно это последнее оказывается тем, в чем Мартин видит важнейшую властную добродетель, которая не имеет гендерного измерения и может быть свойственна как мужчинам, так и женщинам.

Как уже было сказано, женских персонажей в романах достаточно, однако в центре нашего внимания будут те, чей характер, мотивы поступков и биография (а также автобиография) представлены в романе наиболее полно, у кого громче собственный голос³: Кейтилин Старк, Серсея Ланнистер и Дейнерис Таргариен. Они воплощают собой этику чести и долга, стремление к политической власти и жажду справедливости и возмездия.

2. Подробнее об этой идее см: Марей, 2020.

3. Кстати говоря, все романы Мартина успешно проходят известный «тест Бекдель» (Bechdel test): в них есть как минимум две женщины; разговаривающие друг с другом; не о мужчине.

Долг, честь и авторитет: леди Кейтилин Старк

Леди Кейтилин Старк, урожденная Талли, появляется перед читателями в качестве жены Эддарда (Неда) Старка, лорда Винтерфелла, Хранителя Севера. Образ Кейтилин, этические и политические мотивы ее поступков уточняются через описание ее безусловной преданности семье — мужу и детям, — а также через любовь к отцу, сестре и брату. Она верная и любящая жена, любимая и уважаемая мужем и детьми. Когда с одним из ее сыновей, Браном, случается несчастье, Кейтилин забывает обо всем, о том, что ее долг — твердой рукой править Винтерфеллом в отсутствие мужа, помогать старшему сыну и заботиться о младших детях. Она вспоминает об этом, когда приходит в себя, после того, как спасает жизнь Брану, остановив его убийцу, и больше не забывает (Мартин, 2011b: 128). Ее муж после смерти короля Роберта обвинен в государственной измене и казнен, она остается вдовой и после этого ее судьба как женщины и жены заканчивается: никаких других мужчин возле нее нет и появиться не может. На все оставшееся время Кейтилин — помощница, советчица старшего сына Роба, поднявшего восстание, чтобы свергнуть с трона короля Джоффри и отомстить за смерть отца. Роб провозглашен Королем Севера и Кейтилин становится матерью короля. Как она считает, ее дочери, Санса и Арья, находятся в руках королевы, младшие дети, Бран и Рикон, убиты, остается только Роб. Они вместе гибнут в конце третьей книги, и можно сказать, что жизнь Кейтилин заканчивается, когда погибает все, ради чего она жила, — ее муж и дети.

Однако трактовать образ Кейтилин только как стереотипное воплощение жены и матери было бы опрометчиво. Уже в первой книге она показана как почти равноправная своему мужу, он с ней советуется при принятии важных, стратегических решений, она может навязать ему свою волю, как в случае с требованием удалить из Винтерфеллаbastarda Эддарда, Джона Сноу. Вероятно, это был не первый их конфликт за годы брака, однако из их внутренних монологов и воспоминаний мы узнаем, что их союз скрепляет любовь, уважение и признание за партнером права на личное пространство, куда другой не вмешивается ни с советом, ни с любопытством.

Нам кажется, что Кейтилин показана автором как женский вариант Неда Старка, со всеми его достоинствами и недостатками, этическими убеждениями и приемлемыми способами политического действия. Это цельные персонажи с сильной этической составляющей⁴: они оба хорошие в целом люди, справедливые, но не

4. Показательно, что никому из Старков не свойственно углубляться в размышления об этической составляющей своих поступков, хотя они постоянно говорят о долге и чести, а также о своей или чужой способности или неспособности соответствовать тому, что от них ожидается согласно их месту в обществе. Их могут одолевать сомнения не в том, как нужно поступить, а в том, способны ли они следовать верному решению, не окажутся ли они слишком слабыми, не поддадутся ли соблазнам. Верное решение известно и должно быть очевидно всякому считающему себя благородным человеком. Этические представления и требования к себе и окружающим, которые транслируют Нед и Кейтилин, — это не результат их собственных духовных поисков или интеллектуальных усилий,

склонные к милосердию; с сильно развитым чувством должного, но не особенно умные и довольно плохие стратеги, не способные просчитать последствия своих действий. Его это в итоге приводит к гибели, ставшей причиной начала войны, раскололвшей королевство. Она похищает брата королевы Тириона Ланнистера и увозит его к своей сестре Лизе Аррен для суда по обвинению в попытке убийства своего сына. В книге этот момент описан как чистый порыв, эмоция, желание действовать, которое она не успела сдержать (Мартин, 2011b: 275). Это событие стало первым толчком к конфликту, действия Неда — только вторым.

Интересно, что у Кейтилин оказывается достаточно авторитета, этического и властного, чтобы призвать себе на помощь лордов, которые служат ее отцу или мужу. Ее продолжительное общение с лордами-знаменосцами ее отца, мужа и сына показано в книгах несколько раз. Они относятся к ней с уважением и смеют ослушаться, только если ее действия нарушают прямой приказ ее сына Роберта, которого они признали своим королем. Даже после фактической измены — когда она выпускает из заключения Джейме Ланнистера, взяв с него слово в обмен на свободу привезти назад ее дочерей, — ее авторитет не уменьшается. Ее поступку находят оправдание и либо не осуждают ее совсем, либо оправдывают ее действия горем матери, потерявшей двоих сыновей.

На чем же основывается авторитет Кейтилин? На ее роли жены и матери, безупречной подруги своего безупречно честного лорда и матери его детей. Честь — это и сильная, и слабая сторона личности обоих Старков. Представления Неда о честных и бесчестных поступках достаточно своеобразны: лорд карает изменников собственоручно и отвечает за свои слова и свои клятвы, однако именно это следование слову в сочетании с неумением просчитывать последствия приводит его к тому, что после смерти короля Роберта он оказывается без союзников (отвергнув их всех), наедине с королевой Серсеей, которая знает о его планах разоблачить ее ложь и измену. Нед не делает ничего, чтобы обезопасить жизнь своих детей и близких до того, как начинает свою последнюю в жизни (и, видимо, почти единственную) интригу, он просто не думает ни о ком в этот момент. Кейтилин поступает так же, похищая Тириона и отпуская Джейме, ее не заботит то, как это отразится на ее муже, дочерях, а во втором случае — на сыне, на дальнейшем ходе войны. Представления Кейтилин о чести и ее поступки схожи с тем, как действует Нед, в ее чести и ее слове никто не может усомниться.

Когда действие происходит в Речных землях, ее политический авторитет подкрепляется ее положением дочери лорда Талли. Все это делает возможным договор о сотрудничестве с Уолдером Фреем, который она заключает вместо сына, и никто не может усомниться в ее праве соглашаться за него на брак и все остальное,

как, например, у Арии Старк или Тириона Ланнистера, это следствие полного внутреннего принятия тех норм, которые прививались им в процессе воспитания. В этом смысле Кейтилин оказывается типичной представительницей дома Старков (хотя по рождению она Талли), в которой нет внутреннего конфликта между тем, что нужно делать, и тем, чего она хочет, и лишь иногда она поддается порыву или слабости.

что просит старый лорд Фрей. Роб принимает условия, которые она выторговала, и утверждает их своей королевской волей, но Фрей и до того не сомневается, что слово не будет нарушено, раз его дает Кейтилин.

Именно она едет послом к Ренли Баратеону, она уговаривает братьев Баратеонов помириться и объединиться против общего врага. Ее воспринимают не как простого проводника воли ее сына, нет, с ней нужно договариваться, привлечь на свою сторону, убедить или запугать. Она же потом едет с сыном к старому Фрею, чтобы просить прощения, где они и погибают во время Красной свадьбы — символично, из-за предательства, на которое Фрея отчасти толкнуло то, что Роб и Кейтилин вместе нарушили свою клятву. Нарушение этического кодекса несет политические последствия и в итоге приводит к смерти героев.

Судьба леди Старк интереснее и богаче событиями, чем история многих мужчин, при этом она не является проводником чьей-то воли или силы. Она пример того, как может быть политически успешно и без остатка использован символический капитал верной жены и матери.

В конце четвертой книги убитая Кейтилин появляется вновь — в страшной роли мстительницы, не воскресшей к жизни, но и не мертвой, преследующей и убивающей тех, кто причастен к смерти ее детей, и тех, кто нарушил данную ей клятву (Мартин, 2012b: 929). Даже после смерти ее основная мотивация — честь и верность семье — остается с ней, только теперь у нее есть возможность не сдерживать себя человеческой этикой и убивать своих врагов. Для персонажа Кейтилин мало значима ее внешность, молодость, красота, сексуальная привлекательность — это не ее оружие и не особенная для нее ценность. В ее посмертном существовании это доведено до предела, ее внешний облик ужасает. Она больше не является частью мира людей Вестероса, ее существование поддерживается магией. Сложно предположить, что будет с персонажем в дальнейшем, однако с уверенностью можно сказать, что ее роль леди Севера закончилась.

Жажда власти сильнее материнства: королева Серсея

Серсея Баратеон, урожденная Ланнистер, жена, а затем вдова короля Роберта, дочь одного из влиятельнейших людей Вестероса. Она королева, мать принцев, после смерти Роберта — королева-мать, а после смерти ее старшего сына, Джоффри, — королева-регент при младшем сыне Томмене. Это самая красивая женщина королевства, при этом сексуальная привлекательность Серсеи является значимой характеристикой ее как персонажа и политического игрока. Ее тело, ее красота, обещание чувственных удовольствий — ее оружие в борьбе за власть, она часто пользуется им и в тех случаях, когда этого не стоило бы делать, когда более уместны были бы ее ум и опыт.

Основные мотивы Серсеи — жажда власти, политической власти, и любовь к своим детям, желание защитить их. В четвертой книге саги мы узнаем о давнем пророчестве, которое определило многие страхи Серсеи: в нем сказано, что она

выйдет замуж не за принца, а за короля; что появится другая королева, моложе и прекраснее, и правление Серсеи закончится; и самое страшное для нее — что у нее будет трое детей, и все они умрут еще при ее жизни (Мартин, 2012b: 343, 459–552). Мотив защиты детей на протяжении всех пяти книг тесно сплетается в действиях Серсеи со стремлением занять то место, которое она считает единственно подходящим для себя: место правящей королевы, а не просто жены короля Роберта.

Уже в самом начале первой книги нам показано, что Серсея не любит мужа, презирает его, знает, что он ей изменяет. Кроме того, Роберт демонстративно игнорирует ее чувства, сразу после приезда в Винтерфелл отправляясь в фамильный склеп Старков, чтобы поклониться могиле Лианны, сестры Неда, которую любил в юности и, видимо, любит до сих пор. Семейная история Серсеи поначалу вызывает сочувствие — ровно до того момента, пока мы не узнаем о ее романе с Джейме, ее братом-близнецом, как оказывается в дальнейшем — ее давней и единственной любовью, отцом всех ее детей. Эта информация становится известна Неду, он угрожает Серсее разоблачением, и тревога за свою судьбу и судьбу детей заставляют Серсею действовать: отравить Роберта, обвинить Неда в измене и устраниТЬ всех, кто может помешать ее старшему сыну взойти на трон. Она надеялась править вместе с сыном, руководить им, однако Джоффри оказывается неуправляемым и не поддается ни разумному убеждению, ни материнской заботе, только угрозам.

Отец Серсеи, лорд Тайвин, отстраняет ее от власти, сначала навязывая ей Тириона в качестве десницы короля, а затем, когда возвращается сам, занимая это место и принимая на себя заботу о королевстве. Серсея считает, что она могла бы быть лучшим наследником Тайвина, чем те сыновья, которые у него уже есть, однако она женщина и должна подчиняться воле отца. Это возмущает ее, она бунтует и стремится к независимости, считая, что сможет быть великой королевой: «Но я превзойду тебя, думала она. Тысячу лет спустя мейстеры в своих летописях помянут тебя лишь как родителя королевы Серсеи» (Мартин, 2011a: 109). Возможность больше не выходить замуж становится для Серсеи дополнительным преимуществом положения единолично правящей королевы, которая может не делить власть ни с кем.

После отравления короля Джоффри и убийства лорда Тайвина Серсея наконец получает то, к чему стремилась: она королева-регент при младшем сыне, имеющая ничем не ограниченную власть, могущая управлять королевством и вести войну так, как считает нужным. Она полагает, что полностью достойна такого положения, из ее автобиографических монологов читатель узнает, что она с детства мечтала быть королевой — женой принца Рейгара. Для ее самоощущения это значило бы, что она заняла должное место. Когда этого не случилось, и она была отдана в жены нелюбимому Роберту, ее политической амбицией становится желание единоличной власти, освобождающей ее от господства и доминирования мужа и отца.

Серсея, как и Кейтилин, имеет со своим мужем много общих черт: импульсивный, страстный характер, ярость, отсутствие склонности слушать разумные аргументы, злопамятность. Они оба также не особенно умны, не слишком хорошие стратеги, однако умеют требовать и добиваться того, что им нужно. Если у Роберта есть для этого его воинская доблесть, оружие Серсеи — ее физическая привлекательность, дополненная титулом и богатством.

Мы намеренно не говорим — властью, поскольку, с нашей точки зрения, власти у Серсеи нет, даже когда она становится королевой-регентом. У нее есть сила королевской гвардии, армия, за ней формально должна стоять вся мощь дома Ланнистеров и авторитет королевской власти. Однако на протяжении всей четвертой книги мы наблюдаем, как она постепенно остается одна, как ее оставляют даже те, кто связан с ней родственными узами (дядя Киван, ее бывший любовник Лансель Ланнистер, брат Джайме) или те, кого она считала надежно подкупленными (братья Кэтлблэки, леди Меривезер, члены ее Малого совета). Ей не желают подчиняться, ее не боятся, ей не хотят служить из любви или уважения. У нее нет важнейшей составляющей политической власти человека, стоящего за спиной короля, — авторитета (Марей, 2017: 17–18, 23). Именно поэтому ей не подчиняются.

Если Кейтилин Старк пользуется безусловным и безграничным уважением своего окружения, то публичная репутация Серсеи не оставляет такой возможности: прелюбодейка, подозреваемая в кровосмешении; предательница и убийца (хоть и чужими руками); неумелая интриганка, которую достаточно легко обмануть лестью; женщина, которая добивается мужской лояльности обещанием сексуальных утех. Во вселенной Мартина это не тот, кто может быть достойным правителем и уважаемым человеком.

Ведя повествование от имени Серсеи-регента, Мартин демонстрирует, что ее алчность, жажда власти, могущества и королевских почестей сочетаются с абсолютным неумением разбираться в людях, принимать мудрые решения, признавать свою неправоту. Она становится негодным правителем именно потому, что забывает, ради чего и ради кого она правит. Она стремится к власти ради самой власти и не знает в этом меры, не желает делиться властью ни с кем, предпочитая собрать в Малом совете тех, кто заведомо не станет перечить ей, а будет послушным проводником ее воли. В итоге заседания Малого совета короля Томмена становятся карикатурой на те времена, когда десницами короля были Тайвин или Тирион. Серсея не умеет заботиться о народе, не имеет представления об общем благе и не понимает, что такое долг правителя. Даже мотив заботы о детях извращается ею, превращается в стремление контролировать Томмена, оградить его от любого иного влияния, мужского или женского, как можно дольше оставить в роли короля-ребенка.

Закономерным итогом всего этого становится потеря Серсеей власти: ее неумелые интриги приводят к тому, что ее обвиняют в разврате и заставляют предстать перед судом. Находясь в заключении в ожидании суда, Серсея узнает, что ее отстранили от регентства, вероятно, навсегда, во всяком случае, к концу пятого тома

«Песни льда и пламени» читатель не видит никаких предпосылок к тому, что падение Серсеи только временное, а возврат к ее прежнему положению еще возможен.

Кающаяся грешница, униженная (хотя и не сломленная), без власти, влияния и друзей — такой Серсея предстает к концу повествования, и это положение оказывается следствием череды совершенных ею ошибок, неизбежных, учитывая ее характер. И здесь, как нам кажется, Мартин снова не делает особенной разницы между судьбой Серсеи как женщины и аналогичной судьбой мужчины с теми же чертами характера. Проблема Серсеи, несмотря на то что она сама думает по этому поводу, не в том, что она женщина, а в том, что она не умеет пользоваться для достижения цели чем-то, помимо собственной красоты и коварства, и не видит иной цели, кроме власти ради власти. Ее этическая система такова, что получение и удержание власти оправдывает любые средства, однако она забывает, что цель должна быть благой. Серсея ничего не знает о благе: ни об общем благе, ни о благосостоянии и процветании государства. А за ее личные интересы никто не хочет бороться. Она остается одна и проигрывает борьбу за власть, потому что «Тот, кто играет в престолы, либо побеждает, либо погибает. Середины не бывает» (Мартин, 2012а: 459).

Мать драконов, справедливая и милосердная: Дейенерис Таргариен

Персонаж Дейенерис, последней из династии Таргариенов, дочери Эйериса II, — один из самых сложных во всей книге, в нем тесно сплетены магическое и политическое. В первый раз мы встречаем ее совсем юной девушкой, живущей в изгнании, которую собираются выдать замуж за Кхала Дрого — предводителя одного из племен кочевников-дотракийцев. Ее брат Визерис надеется с помощью этого брака добиться военной поддержки: он хочет вернуть себе Железный Трон, наследником которого является как последний мужчина династии Таргариенов. Визерис довольно быстро сходит со сцены и Дейенерис остается без кровных родственников. Это важно, поскольку дает ей определенную свободу в выборе судьбы: она может принять ту жизнь, которая у нее начинается в кхаласаре ее мужа, и остаться просто женой Дрого и матерью его детей, а может продолжать помнить, что она — принцесса из рода Таргариенов, и действовать исходя из этого, надеясь возродить династию — или создать новую.

Важно также, что она ничего не помнит о Вестеросе, поэтому королевство ее отца остается для нее мечтой, символом возвращения той жизни, которую у нее отняли, обретения себя — той, кем ей предполагалось быть по праву рождения. К моменту смерти Визериса выясняется, что муж Дейенерис не особенно стремится в неведомый ему Вестерос, а ее саму временно больше занимает будущий ребенок, чем завоевательные планы. Однако постепенно в Дейенерис прорастает мотив возвращения королевства ради сына, который должен стать великим королем. Старухи из дош кхалин предсказывают, что ее сын станет «жеребцом, который покроет весь мир» (Мартин, 2011б: 460–461). Примерно в это же время ее пытаются

отравить по приказу Роберта Баратеона, и взбешенный кхал Дрого обещает Дени, что захватит для нее Железный Трон.

Здесь в судьбу Дейенерис вмешивается магия: ее муж и сын погибают от рук колдуньи, мейеги, кхаласар уходит, оставляя ее с несколькими верными людьми. На погребальный костер мужа Дени приносит три драконьих яйца, подаренные ей на свадьбу, и входит на него сама. Колдунья, убившая Дрого, предсказывает ей, что у нее никогда не будет детей, потому что ее сын стал бы не великим правителем, а ужасным тираном. У Дейенерис больше ничего не осталось, но она обретает силу и утешение в драконьих яйцах. Они становятся основой ее новой идентичности. Происходит перерождение: истинные Таргариены не боятся огня, и Дейенерис остается на пепелище живой и с тремя драконами, вылупившимися из яиц, — своими единственными детьми. С этого момента начинается история Матери Драконов.

Мотив Матери, утешающей, утирающей слезы, дающей надежду, прощающей, обещающей социальное возрождение, — это важнейшая часть образа Дейенерис. Освобожденные ею рабы Юнкая зовут ее «Миса» — мать и, видя ее, рвутся к ней, чтобы просто прикоснуться к этому живому чуду. О ней идет слава как о разрушительнице оков, спасительнице несчастных, той, которая лечит и защищает. Это амбивалентный образ, потому что мать может и защищать, и наказывать, что Дейенерис и делает.

Как королева Дейенерис вызывает у народа не просто симпатию, а любовь, страстную, неистовую (Мартин, 2011а: 495). Ее ближайшее окружение также любит ее и восхищается ею, хотя они могут критиковать то, что она делает, злиться, что она игнорирует их советы или отвергает их привязанность. Они критикуют ее за неосмотрительность и доверчивость, за то, что она руководствуется зовом сердца, а не соображениями рассудка, но не могут перестать любить ее. Дейенерис принимает это, но отвергает попытки сблизиться в другом, романтическом смысле: ей нужен мужчина, но не для того, чтобы он стал равным ей соправителем.

Слушающая свое сердце и ведомая страстью к справедливости, Дейенерис не может терпеть несправедливость и неравенство. В ее поступках начинает доминировать мотив возмездия. Она освобождает рабов, потому что никто не должен быть в рабстве против воли. Она мстит за них, убивая их прежних господ, потому что считает это справедливым воздаянием за преступления. Она не видит различий между господами и служителями, потому что видит только людей, которых считает хорошими или плохими. В этом проявляется своеобразный демократизм Дейенерис, для которой любая властная иерархия является искусственной. Она считает себя королевой, но ощущать себя матерью своего народа, быть с ним одним целым для нее тоже важно. Дени хотела бы стать для своего народа такой правительницей, которая не создает между ним и собой дополнительное «средостение» в виде знати или бюрократии, оставаться той, до которой всегда можно дотянуться, которой всегда «есть дело до них» (Мартин, 2012с: 514). В этом смысле символично, что она покупает армию евнухов, которые не смогут стать новой аристократией. Они

также не смогут претендовать на ее трон, даже став ближайшими доверенными людьми.

Ее мечты о новом мире для жителей Астапора, Юнкая и Мирина разбиваются о реальность: она сталкивается с тем, что не может угодить всем и осчастливить всех, что те, кого она оставила, снова возвращаются к прежней жизни, потому что она не создала условий для трансформации социального порядка. Оказалось, чтобы рабы начали жить в справедливом обществе, мало убить всех господ и оставить рабам память о великой Матери, которая их освободила, нужно дать им еще что-то. Невозможность реализации идеи о счастливой жизни для всех приводит Дейнерис в отчаяние, и она, не желая, становиться не такой королевой, как хотела изначально, улетает на одном из драконов, чтобы исполнить пророчество и «вернуться к началу» (Мартин, 2012а: 464). Дени знает и другое пророчество, смысла которого пока не понимает. Во второй книге саги описано, как Дейнерис приходит в Дом Бессмертных в Кварте, чтобы понять, куда ей двигаться дальше. Там она видит рождение принца Эйегона, сына Рейгара Таргариена. Этот мальчик назван «обещанным принцем», и из дальнейшего повествования мы узнаем, что он был спасен Варисом, который готовит из него будущего правителя Семи Королевств (Мартин, 2012а: 559). Однако Дени этого пока не знает.

Из того опыта правления Дейнерис, который Мартин показывает нам в книгах, можно сделать вывод, что Дени не умеет управлять, однако, как и Серсея, хочет быть великой королевой, правящей самостоятельно. Различаются только их цели: для Дейнерис важно, чтобы ее любили и чтобы ее народ был счастлив. У нее есть смутное ощущение этого счастья, связанное с материнским теплом и заботой, безопасностью и покоем.

Кроме того, у Дейнерис есть драконы. Их можно рассматривать как физическое воплощение ее силы, как ее собственной (как их Матери), так и силы династии Таргариенов, принадлежность к которой дает ей возможность ими управлять. Ее образ и в глазах тех, кто рядом с ней, и тех, кто наблюдает за ней из-за Узкого моря, нераздельно связан с ними. Драконы ужасают и олицетворяют собой разрушительную мощь, перед которой нет защиты. Это такой Левиафан Гоббса, только с тремя головами. В то же время к тем, кто не вызывает гнев Дени, обращена другая сторона: милосердная, справедливая правительница, могущественная и прекрасная, которую легко любить и которой приятно подчиняться. Образ Дейнерис как политика предполагает, что честное соблюдение правил, которые заранее известны и обговорены, гарантируют мир, покой и безопасность, а нарушение обещает наказание, ужасное и неотвратимое.

В отличие от Серсеи, Дени практически не использует свою сексуальную привлекательность как орудие. Она делает это единожды, когда осознает себя кхалиси, а не просто девочкой, которую продали в жены чужаку, языка которого она не знает. Но этот момент в книге символически связан с ее сном о драконе, после которого она ощущает «незнакомую силу и ярость» (Мартин, 2011б: 216), долго размышляет о том, кто же она такая, а также с последующей беременностью.

В дальнейшем Дени наполовину утрачивает женское начало, т. к. остается привлекательной и желанной женщиной, но не может родить детей, своих будущих наследников. Это делает ее символически бесполой, она может быть королевой, но никогда не станет королевой-матерью. Ее дети — это ее народ, весь, без различий в богатстве и статусе. Любой может прийти к ней и стать частью ее народа, и он будет принят без дополнительных условий, кроме тех, которые обязательны и для всех остальных. Она опирается на армию евнухов-Безупречных, которые служат ей бескорыстно и не желают для себя ни карьеры, ни богатства, ни положения для себя и своих детей.

Будущий правитель такого рода вряд ли сможет встроиться в политическую систему Вестероса, основанную на иерархии, подчинении, военной мощи, богатстве, вассальных связях и брачных договорах, однако Дейнерис отчаянно стремится туда. Ее приход к власти будет означать установление нового порядка, радикально отличающегося от существующего. Однако Вестерос охвачен гражданской войной, и на тот момент, на котором Мартин останавливает повествование, там, кажется, нет силы, которая могла бы ей противостоять.

Иные стратегии

Кейтилин, Серсея и Дейнерис — это центральные женские персонажи романа, однако кроме них, необходимо упомянуть и других героинь. Мы не говорили о них отдельно, поскольку их жизнестроительные практики: а) либо не выходят за пределы традиционных, социально одобряемых женских ролей, б) либо являются маргинальными, в) либо имеют отношение к мистическим или религиозным практикам, что исключает возможность воспроизведения.

Первые — это леди, жены и матери.

Леди Лиза Аррен, воплощающая собой невротическое материнство, доведенное до предела, не имеющая других желаний, кроме абсолютного обладания своим сыном и Петиром Бейлишем, которого она жаждет заполучить в мужья.

Леди Оленна Тирелл, гораздо более авторитетная и влиятельная, чем ее сын, опытная и умеющая вести политическую игру тихо, помогающая своей внучке Маргери стать королевой и уберегающая ее от брака с королем Джоффри. Она предана интересам семьи и показана настоящим мудрым матриархом. Она больше всего напоминает Кейтилин Старк и намного умнее ее, но ее линия в романе мало развита.

Королева Маргери Баратеон, которая может стать прекрасной королевой, поскольку обладает всеми нужными для этого качествами: она умна, красива, добра к людям, милосердна, умеет вызывать искреннюю симпатию и любовь народа. Последнее она делает осознанно и умело.

Леди Санса Старк, настоящая леди, милая, воспитанная и поначалу очень наивная, но умеющая использовать вежливость, такт и этикет как щиты, не позволяющие никому проникнуть в ее мысли и увидеть ее настоящую.

Вторые — это женщины, избирающие мужской путь: леди Мейдж Мормонт, Бриенна Тарт и Аша Грейджой. Они в разной степени успешны в своем выборе, к ним в романах по-разному относятся, у них разные цели и мотивы выбора линии поведения, но объединяет их то, что они занимают места мужчин. Аша заменяет отцу Теона, который почти всю жизнь воспитывается как заложник в доме Старков, Мейдж становится леди Медвежьего острова после позорного изгнания брата, а Бриенна отвергает свою женскую природу и хочет быть рыцарем.

Третий — это септы, колдуны, жрицы, Молчаливые сестры и прочие персонажи культа. Среди них можно особо выделить Мелиссандру, одну из жриц Красного бога, которая помогает Станнису Баратеону. Она единственная включается в борьбу за Железный Трон, и убийства, совершенные с помощью ее магии, несколько раз меняют баланс сил в Вестеросе. Однако эта стратегия не может быть воспроизведена никем другим, поскольку подкрепляется ее верой в избранность Станниса.

Арья Старк, младшая дочь Неда и Кейтилин, также заслуживает отдельного упоминания. Ее путь — путь странницы, она идет к цели, которую сама пока не видит. Убегая из Королевской Гавани после казни отца, она идет на Север, к родным. Ее попутчики меняются, она скрывает лицо и имя, и идет, идет. Она добирается до места к самой Красной свадьбе, когда погибают ее брат и мать, и окончательно оказывается одна, без семьи. Отчасти ее путь похож на то, как ее брат Бран ищет путь к себе, уходя за Стену. Арья тоже оказывается вне пределов Вестероса, приходит в храм Безлика бога и учится быть «никем» — человеком без лица и имени, убийцей, служителем Безлика. На этом ее линия в романе обрывается и остается одной из самых загадочных и неопределенных.

Заключение

Практически в самом начале повествования Эддард Старк, уезжающий из Винтерфелла вместе с королем Робертом, думает о том, что мужчина не всегда вправе находиться там, где он хочет (Мартин, 2011b: 114). К женщинам это тоже применимо, для них также значимо ощущение себя на своем месте или стремление к тому, чтобы его занять, — и не всегда это место будет определяться ролью жены, матери или королевы, супруги короля. В целом можно сказать, что Мартин не делает особенного различия между мотивациями главных героев: с нашей точки зрения, нам удалось продемонстрировать, что этика чести и долга, жажда неограниченной власти, желание править справедливо и милосердно, заботясь о нуждах народа, свойственны героям в той же степени, что и героям. Кейтилин и Нед принимают решения вместе, в дальнейшем она ведет свою игру, стремится помочь сыну, но там, где считает себя в своем праве, действует, не раздумывая. Серсея считает, что только ее пол мешает отцу и окружающим счастье ее достойной участия в управлении королевством, и во многом это именно так. Дейнерис не мешает то, что она женщина, так как это органично сочетается с ролью Матери Драконов.

Причины успешности или провала их политических игр не связаны с тем, что они не мужчины, здесь важно совсем другое. Мы сознательно обратили внимание именно на тех героинь, которые не отрицают свою гендерную идентичность, и тем не менее могут быть носителями политических добродетелей, традиционно приписываемых мужчинам.

С нашей точки зрения, Мартин вводит в мир Вестероса допущение, что король (или королева) должен помнить о цели своего правления. Безусловно, для этого мира важна сила, мощь армии, рыцарская доблесть, хитрость, богатство — и это важные составляющие политической успешности персонажа. Однако нам кажется, что более важным оказывается понятие долга и связанного с ним служения: своему делу, семье, людям, народу. Когда в герое или героине этот мотив утрачен, вместе с ним он теряет и власть. Предательство и нарушение клятвы обычно заканчиваются смертью. Это не значит, что те, кто добр и благороден, не погибают и выходят победителями из конфликтов. Верное понимание целей и смысла власти правителя является необходимым, но недостаточным условием. В силу его необходимости тот, кто не обладает этими качествами, не имеет шанса на долговременное удержание власти. Однако и само по себе оно не дает ничего — иначе на троне вполне мог бы оказаться и Варис, чуть ли не единственный, кого заботят интересы простого народа.

Можем ли мы сказать, что в книгах Мартина власть, легальная и легитимная, связана с этикой? Да, безусловно. Власть короля или королевы предполагает попечение о должном. Мария Штейнман в уже упомянутой ранее статье пишет о значимости для Мартина метафоры «игры», смены претендентов на обладание властью (Штейнман, 2019: 37). Однако нам кажется, что эта смена королей, королев и претендентов наводит на мысль не о жребии, не о случайном выборе судьбы, а о том, что «за рукоять меча еще не взялся достойный». И одной из важнейших проблем, которую должны разрешить претенденты на Железный Трон, является необходимость оказаться (или остаться) у власти, чтобы иметь возможность реализовать себя как истинный правитель. Как уже было сказано, правителем должен оказаться самый достойный, но в этом утверждении две составляющие: быть достойным (стремиться к власти не ради славы и богатства, а чтобы править мудро, вести страну к процветанию, а народ — к спокойной и мирной жизни) и вовремя оказаться у власти, чтобы проявить себя.

Со времен смерти Безумного короля мир Вестероса находится в неустойчивом равновесии: недостойный король потерял власть, но достойный пока так и не нашелся. Роб Старк мог бы быть им, но поставил личные интересы важнее общего блага. О короле Томмене мы знаем мало — но ему точно нужен достойный воспитатель. Вероятно, претендентом на трон еще может стать Дейнерис. Возвращение драконов снова разбудило в мире магию, однако мы не знаем, запустила ли этот процесс проснувшаяся сила Дени или взросление ее племянника, «обещанного принца», на стороне которого сейчас Варис. Таким образом, на начало шестой книги мы имеем нескольких достойных претендентов на престол, и женщины уча-

ствуют в этой борьбе наравне с мужчинами, не уступая им ни в чем. Настоящая политическая драма развернется, если дальнейшее повествование покажет, что есть больше одного претендента на трон, который в силу воспитания и собственных убеждений может быть хорошим правителем. Тогда должны сыграть какие-то иные переменные, помимо нравственного совершенства принца или принцессы и их желания править во имя народа. Вряд ли Мартин обставит это как результат удачного стечения обстоятельств, однако мы, кажется, можем быть вполне уверены в том, что гендерные мотивы здесь будут не самыми важными.

Литература

- Кильдюшов О. В. (2020). Социальный порядок и политическая теология в «Игре престолов»: чем культовый сериал интересен для теоретической социологии // Социологическое обозрение. Т. 19. № 1. С. 139–159.
- Марей А. В. (2017). Авторитет, или Подчинение без насилия. СПб.: Изд-во ЕУСПб.
- Марей А. В. (2020). Карлик, евнух и банкир: интуиции модерного государства в Вестеросе // Социологическое обозрение. Т. 19. № 1. С. 160–182.
- Мартин Дж. (2012а). Битва королей / Пер. с англ. Н. И. Виленской. М.: Астрель.
- Мартин Дж. (2011а). Буря мечей / Пер. с англ. Н. И. Виленской. М.: Астрель.
- Мартин Дж. (2011б). Игра престолов / Пер. с англ. Ю. Р. Соколова. М.: Астрель.
- Мартин Дж. (2012б). Пир стервятников / Пер. с англ. Н. И. Виленской. М.: Астрель.
- Мартин Дж. (2012с). Танец с драконами. Грэзы и пыль / Пер. с англ. Н. И. Виленской. М.: Астрель.
- Хорн А. (2020). Игра престолов: культурный пессимизм как концепция успеха // Социологическое обозрение. Т. 19. № 1. С. 183–192.
- Штейнман М. А. (2019). Трансформация метафоры власти в XX — начале XXI столетия (на примере произведений Дж. Р. Р. Толкина и Дж. Мартина) // Полития. № 2. С. 28–48.
- Gresham K. (2015). Cursed Womb, Bulging Thighs and Bald Scalp: George R. R. Martin's Grotesque Queen // Battis J., Johnston S. (eds.). Mastering the Game of Thrones: Essays on George R. R. Martin's *A Song of Ice and Fire*. Jefferson: McFarland & Company. P. 151–169.
- Jones R. (2012). A Game of Genders: Comparing Depictions of Empowered Women between A Game of Thrones Novel and Television Series // Journal of Student Research. Vol. 1. № 3. P. 14–21.
- Marques D. (2019). Power and the Denial of Femininity in Game of Thrones // Canadian Review of American Studies. Vol. 49. № 1. P. 46–65.

Not Just Mother, Wife, and Queen: The Ethical and Political Strategies of Female Characters in George R. R. Martin's *A Song of Ice and Fire*

Maria Marey

Candidate of Philosophical Sciences, executive secretary of Philosophy: Journal of Higher School of Economics, lecturer, School of Philosophy, National Research University — Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: mdyurlova@hse.ru

The article is a study of the ethical and political motives of the behavioral strategies of the main female characters in the cycle of novels of *A Song of Ice and Fire* by George Martin. The author of the article identifies three such characters; Caitlin Stark, Daenerys Targaryen, and Cersei Lannister. The article considers their gender and social identity, compliance or non-compliance with the stereotypes of behavior expected from them, as well as the life-building practices they choose, ways to justify the chosen behavioral strategies, and the reasons for their success or failure. It is then assumed that the fulfillment of one's duty and service, to one's business, family, or people are no less important for the realization of oneself and the achievement of goals (including imperious ones) than the possession of other resources such as strength, the power of the army, chivalrous valor, cunning, or wealth. This is especially true for those who seek to possess and retain political power. This does not mean that those who are kind and noble do not perish or emerge victorious from conflicts. A correct understanding of the goals and meaning of the ruler's power is a necessary, but not sufficient, condition. Since it is necessary, one who does not possess these qualities does not have a chance for a long-term retention of power. However, owning only it and nothing more gives the applicant for power an undeniable advantage. It is also significant that the gender of the character does not give any long-term advantage in the political game, which is shown in the series of Martin's novels. The author of the article convincingly proves that either a man and or a woman can be an ideal ruler with equal success in Martin's world.

Keywords: G. R. R. Martin, *A Song of Ice and Fire*, women, gender, political power, ethics of duty, justice

References

- Gresham K. (2015) Cursed Womb, Bulging Thighs and Bald Scalp: George R. R. Martin's Grotesque Queen. *Mastering the Game of Thrones. Essays on George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire* (eds. J. Battis, S. Johnston), Jefferson: McFarland & Company, pp. 151–169.
- Jones R. (2012) A Game of Genders: Comparing Depictions of Empowered Women between A Game of Thrones Novel and Television Series. *Journal of Student Research*, vol. 1, no 3, pp. 14–21.
- Horn A. (2020) Igra prestolov: kul'turnyy pessimizm kak kontseptsiya uspekha [Game of Thrones: Cultural Pessimism as a Concept of Success]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 1, pp. 183–192.
- Kildyushov O. (2020) Social'nyj porjadok i politicheskaja teologija v "Igre Prestolov": chem kul'tovyj serial interesen dlja teoreticheskoy sociologii [Social Order and Political Theology in the Game of Thrones: What Makes the Cult Series Interesting for Theoretical Sociology]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 1, pp. 139–159.
- Marey A. (2017) *Avtoritet, ili Podchineniye bez nasiliya* [Authority; or, Submission without Violence], Saint Petersburg: EUSPb Press.
- Marey A. (2020) Karlik, yevnukh i bankir: intuitsii modernogo gosudarstva v Vesterose [Dwarf, Eunuch, and Banker: The Intuitions of the Modern State in Westeros]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 1, pp. 160–182.
- Marques D. (2019) Power and the Denial of Femininity in Game of Thrones. *Canadian Review of American Studies*, vol. 49, no 1, pp. 46–65.
- Martin G. (2011) *Burya mechey* [The Storm of Swords], Moscow: Astrel.

- Martin G. (2011) *Igra prestolov* [Game of Thrones], Moscow: Astrel.
- Martin G. (2012) *Pir stervyatnikov* [Vulture Feast], Moscow: Astrel.
- Martin G. (2012) *Bitva koroley* [Clash of the kings], Moscow: Astrel.
- Martin G. (2012) *Tanets s drakonami. Grezy i pyl'* [Dance with the Dragons. Dreams and Dust], Moscow: Astrel.
- Shteinman M. (2019) Transformacija metafory vlasti v XX — nachale XXI stoletija (na primere proizvedenii Dzh. R. R. Tolkiena i Dzh. Martina) [The Transformation of Power Metaphor in the 20th — the Early 21st Centuries (The Case of J. R. R. Tolkien's and G. Martin's Works)]. *Politeia*, no 2, pp. 28–47.

Глобальное, национальное и местное в восприятии гражданами чемпионата мира по футболу 2018

Александр Долганов

Генеральный директор фонда «Социум» (Екатеринбург)

Адрес: ул. Пушкинская, д. 5, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620075

E-mail: dolganov@fsocium.ru

Елена Трубина

Доктор философских наук, директор Центра глобального урбанизма,

профессор Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет

Адрес: ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620002

E-mail: elena.trubina@gmail.com

В статье представлены материалы полевого исследования, проведенного в Екатеринбурге весной-летом 2018 года до, во время и после чемпионата мира по футболу. Полученные данные анализируются на основе полимасштабного подхода к мегасобытиям (Flint, 2003; Peck, Theodore, Brenner, 2009; Barret, 2013; Trubina, 2019), который предполагает рассмотрение того, как супралокальные и супранациональные процессы кристаллизуются в сложных городских системах и их связях с другими системами. Обращение к динамике глобального, национального и городского масштабов в осуществлении и восприятии мегасобытия позволяет дополнить существующие исследования ЧМ в России, которые, как правило, фокусируются на отдельных темах и единичных уровнях (масштабах) (прежде всего национальном) и редко строятся на эмпирических исследованиях. Статья демонстрирует «игру масштабов» в восприятии гражданами ЧМ-2018. С одной стороны, они видят в мегасобытии часть национальной стратегии развития, в частности привлечения инвестиций, с другой — им очевидно, что главные выигрыши от события получены транснациональными игроками (ФИФА) и национальными центральным и региональным правительствами. Авторы приходят к выводу, что суждения информантов свидетельствуют о сильном влиянии националистической и geopolитической пропаганды, но одновременно связаны с их представлениями о глобальных влияниях, значимости экономической логики в оценке происходящего, в том числе важности брендинга наций и городов. Показано, что граждане видят в мегасобытиях и политическую стратегию, призванную «заставить уважать», с одной стороны, а с другой — открыть экономические возможности для страны и города. То, что люди на местах заплатят за спортивный праздник своими налогами, от внимания людей также не укрылось. Авторы подчеркивают двусмысленность мегасобытий как потенциально открытых для всех и способных всем принести радость, и в то же время неизбежно усиливающих социальное и географическое неравенство.

Ключевые слова: мегасобытия, чемпионат мира 2018, Екатеринбург, болельщики, граждане, футбол

© Долганов А. Е., 2020

© Трубина Е. Г., 2020

© Центр фундаментальной социологии, 2020

DOI: [10.17323/1728-192X-2020-1-227-255](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-1-227-255)

Спортивные мегасобытия (Олимпиады и чемпионаты мира) часто рассматриваются в качестве главных рычагов городского развития в странах-хозяевах (Gold, Gold, 2008; Kaplanidou, Karadakis, 2010). Такие события также считаются политическими и социальными механизмами, сплачивающими нацию (Zhou, Ap, 2009; Horne, Whannel, 2012). Мегасобытия осмысляются и как важные инструменты *soft power* и глобального продвижения проводящих их стран и городов (Schatz, 2008; Finlay, Xin, 2010; Grix, Houlihan, 2013). Решение ФИФА сделать Россию хозяйкой ЧМ-2018 проявило все эти варианты понимания данного мегасобытия в России, о чем можно судить по его освещению в спортивных и иных массмедиа и в социальных сетях. Чемпионат мира по футболу — одно из самых крупных и вызывающих массовый интерес спортивных событий, трансляции матчей которого смотрят сотни тысяч и миллионов людей. Сочетание национального (и националистического) значения футбольных матчей и возможность смотреть их в компании всего человечества приводит к уникальной популярности чемпионата. Он проводится Международной федерацией футбола (ФИФА) — обладающей огромной политической и экономической властью международной организацией, исполнительный комитет которой никому не отчитывается за принимаемые им решения и эффективно навязывает национальным правительствам свои условия проведения чемпионатов (Tomlinson, 2014). Среди этих условий — строительство новых стадионов, модификация законодательства, охрана связанных с ЧМ брендов, согласие со специфическим распределением прибыли от ЧМ и трансляции его матчей.

Управление футболом в ряде стран ведется закрытыми группами спортивных чиновников, исповедующих закрытый же стиль принимаемых решений и в ряде случаев не являющихся профессионалами. Так, в социальных сетях и на кухнях миллионы болельщиков рассуждают о том, как плохо сочетаются преобладающий в России способ управления проектами — вертикальный, авторитарный, персоналистский — и условия, необходимые для того, чтобы добиваться международных побед. Среди этих условий значимы доверие специалистам, создание системы подготовки спортсменов на местах, приглашение харизматичных тренеров вместо послушных, но не способных повести команду к победам.

В имеющейся о ЧМ-2018 академической литературе поднят ряд важных его аспектов. Поскольку в последние двадцать лет страны — члены БРИКС стали хозяевами целого ряда мегасобытий, резонно провести сравнение между тем, как данные страны справились с этими амбициозными задачами. Так, по мнению М. Мюллера и К. Гафни, разработавших типологию сравнения мегасобытий и предложивших в качестве одного из критериев модификацию правовой системы страны в ходе подготовки к нему, «события в России и Бразилии были отмечены особенно сильной модификацией. Эти страны не только выполнили обширные требования... ФИФА, предполагающие особое законодательство в таких областях, как защита брендов, прав на маркетинг, безопасность, трудовые отношения, возмещение убытков и налоги и т. д., но и пошли дальше этих требований» (Müller,

Gaffney, 2018; см. также: Müller, 2017). Взаимодействие российского президента и федерального правительства с международными организациями разобрано А. Макарычевым и А. Яцык, подчеркивающими, что, если в целом отношения России с международными организациями и транснациональными акторами претерпевают кризис, с ФИФА, МОК и другими международными спортивными организациями взаимодействие и коммуникация продолжаются, составляя «включающее исключение», сочетающее дистанцирование страны от Запада и включенность страны в глобальную индустрию мегасобытий (Makarychev, Yatsyk, 2018: 10).

К сожалению, в этих и иных академических текстах реакции граждан на ЧМ-2018 почти не рассмотрены. Между тем поддержка местных жителей важна для того, чтобы события оправдали свою репутацию масштабных спортивных праздников. Местные жители становятся волонтерами, пытаются на чемпионате заработать и вместе с туристами и спортсменами создают нужную атмосферу праздничного «тусования». Фокус на болельщиках характерен для работ, выполненных в традициях городской этнографии. Антрополог Ричард Гулианотти исследовал негативное воздействие на фанатскую субкультуру попыток урегулировать футбольные спектакли. Хоть болельщики и не были в восторге от старых стадионов с плохо работающими туалетами и крошащимся под ногами бетоном, порядки, введенные владельцами новых стадионов, убили, считают они, былую живую атмосферу спортивного праздника (Giulianotti, 2005: 351). О неоднозначном отношении футбольных фанатов к их «менеджменту» со стороны владельцев, угрозе терроризма и повышенным мерам безопасности на основе опроса полутора тысяч болельщиков написали социологи Дж. Келланд и Э. Кэшмор (Cleland, Cashmore, 2018). Есть и попытки осмыслить связь между национализмом, идентичностью и отношением к чемпионату мира. Так, используя смешанные методы, группа изучающих коммуникацию американских ученых пришла к выводу, что влияние националистической риторики непрямо увеличивает патриотизм разной степени критичности (Seate, Ma, Iles, McCloskey, Parry-Giles, 2017). Среди методов, используемых для объяснения поведения фанатов, преобладают масштабные опросы. Так, английские социологи провели онлайн-опрос 2500 болельщиков о связи расизма и футбола, обнаружив, что болельщики считают уровень расизма сегодня существенно снизившимся по сравнению с 1970–1980-ми годами. Ученые также пишут о том, что вряд ли справедливо считать расизм присущим лишь культуре болельщиков — представителей рабочего класса: классовые привилегии не являются гарантией прогрессивных взглядов (Cleland, Cashmore, 2013). Отдавая должное осуществленным коллегами трудоемким проектам, мы считаем, что и методология качественных исследований должна более активно применяться для исследования суждений и установок граждан.

В литературе также недостаточно рассмотрена и парадоксальная взаимосвязь разных масштабов, в которых проходят политические и экономические процессы, кристаллизующиеся на городских стадионах и в фан-зонах. Как бы ни был значим анализ деятельности федерального правительства России, теоретический и поли-

тический приоритет не должен отдаваться какому-тоциальному уровню. Важнее допустить, что существует сложный континуум процессов и практик, вариантов политики и финансирования, которые — в случае проведения крупного международного события — перетекают друг в друга: от глобального к индивидуальному, от городского к национальному.

Наше исследование включает в себя глубинные и структурированные интервью и фокус-группы с екатеринбуржцами ($n = 72$), с экспертами в области футбола и проведения спортивных мероприятий ($n = 19$). Большинство интервью и фокус-группы проводились в офисе фонда «Социум» (фокус-группы отдельно с болельщиками и гражданами). Для первых отбирались лица в возрасте старше 18 лет, указавшие, что они купили билеты на матчи ЧМ, либо планировавшие смотреть игры в фан-зонах. Среди респондентов примерно равное количество мужчин и женщин различных возрастных групп. Для отбора респондентов использовалась тактика «снежного кома».

Глобализация и положение россии в международном сообществе

Чемпионаты и олимпиады — события глобальные, свидетельствующие о желании правительства и граждан различных стран стать более заметными на карте мира. Они проводятся в странах с разными политическими режимами, использующими ту или другую идеологию для своей легитимации. Политика российского правительства сочетает элементы открытости, заинтересованности в сотрудничестве со спортивными международными организациями и значительную самоизоляцию, сопровождающуюся тем, что целый ряд других международных организаций и фондов из страны вытеснен, а работа некоторых из них осложняется ограничениями статуса «иностранных агентов» и «нежелательных организаций» (Карев, 2019). Проведение в стране мегасобытия — хорошая возможность посмотреть, как две логики — глобальная и изоляционистская — сочетаются в реакциях людей на происходящее. Как футбольный матч способен принести приятные и неприятные сюрпризы, так и включение страны в глобальную индустрию мегасобытий чревато обретениями и рисками. Глобализация, будь то экономическая или культурная — противоречивый процесс со своими лидерами и аутсайдерами. Многие из последних — развивающиеся страны — видят в мегасобытиях способ заявить о своей претензии на более значимое место в мировой иерархии. Они вступают в круг стран — хозяев мегасобытий слабо подготовленными: нет ни эффективных транспортных систем, ни развитой «индустрии гостеприимства», ни новых стадионов. В то же время стоимость проведения чемпионатов постоянно растет, что побуждает их международных и национальных популяризаторов систематически воспроизводить аргументы о преимуществах и выгодах проведения мегасобытий. Вопрос о том, кто именно получит преимущества от проведения таких дорогостоящих событий, встает перед многими людьми, и наш замысел заключался в том, чтобы, беседуя с гражданами, снять «срез» их экономической и политической реф-

лексии. Это казалось нам тем более значимым, что, в отличие от Бразилии, где нерациональное расходование средств на мегасобытия при нерешенности ключевых социальных проблем возмутило миллионы граждан, вышедших на улицы протестовать, в России ни Олимпиада в Сочи, ни ЧМ-2018 активных и открытых протестов не вызвали. Означало ли это, что люди не видят вызванных мегасобытиями проблем? Мы начинали свои фокус-группы и интервью с предложения поразмышлять о том, как респонденты понимают и оценивают глобализацию. Наша посылка здесь заключалась в следующем: рецепты роста городов (а организация мегасобытий — один из самых популярных) циркулируют глобально, и власти свои решения в пользу мегасобытий тем или иным образом гражданам, как правило, объясняют. Были ли предложены такого рода объяснения российским гражданам? И если да, то что в этих объяснениях люди считают резонным, а с чем не согласны? Если вопрос поставить более общим и критическим образом, то нас интересовало, чувствуют ли люди, что к ним обращаются, пытаясь убедить в правомерности проводимой политики? Нас также интересовало, как люди переживают включенность свою, сограждан и правительства в большой мир.

Большинством участников глобализация воспринимается как положительный процесс: «Глобализация — это что-то типа синергии, когда совместные усилия приносят больший результат. ...конкуренция дает толчки отдельным частностям. Бизнесу там, например...»; «Это в принципе положительно. В экономике той же: если одна экономика зависит от другой, есть возможность избежать конфликтов между странами. В спорте, футбол — это вообще всегда как праздник. Сейчас собираются болельщики из разных стран у нас. Это положительный эффект». В то же время многие информанты относятся к глобализации с настороженностью, с опаской рассуждая о том, что еще неизвестно, какими будут ее результаты: «...наверное, все-таки мы сейчас находимся... в процессе этой глобализации, и ее последствия... я не знаю... увидит ли наше поколение последствия этой глобализации, еще вопрос. Потому что она еще не закончилась. И когда она закончится, чем она закончится, тоже вопрос большой. Я не готов ответить»; «Для каких-то стран, может быть, благоприятно влияет. Для каких-то — может быть, отрицательно».

Разговор о глобализации проявил оправданно противоречивые представления участников. Ее осмысление как процесса прогрессивного и желательного и признание ее значимости и неизбежности сочетается с ее демистификацией (Petras, 1999; Kiely, 2005), т. е. осознанием, что усиливаемая ею взаимозависимость между разными масштабами человеческой деятельности сопровождается продолжающейся маргинализацией бедных и среднеразвитых стран и их граждан в ходе реализации интересов международных альянсов элит. Космополитическое измерение глобализации тем самым сочетается с ее жесткой неолиберальной логикой. Если к тому же учесть, до какой степени «быстрой и травматичной» (Laruelle, Radvanyi, 2018: 1) была российская глобализация после того, как пал железный занавес, то понятно, как легко вернуть людей к стереотипам холодной войны. В высказываниях информантов проявились и признание важности открытости миру, и допуще-

ние того, что от него надо защищаться. До какой степени политическая трезвость людей («глобализация благотворна далеко не для всех») сочетается с влиянием государственной пропаганды, строящейся на образе «враждебного Запада», нам сказать сложно. Однако проведенные интервью и дискуссии проявили влияние как либерально-прогрессивного отношения к глобализации (с присущим ему фокусом на развитии технологии, туризма и поощрения доброжелательного интереса людей друг к другу, на правах человека), так и отношения, подразумевающего подозрительность ко всему, что исходит от «враждебного Запада» и находится вне рамок разделяемых некоторыми респондентами ценностей (консервативно-правого толка). Отдельные участники обращали внимание на такие отрицательные аспекты глобализации, как ее быстрота, ускорение технического прогресса, за которым невозможно успевать людям пожилым или имеющим низкий уровень образования.

Результаты фокус-групп показали противоречия в понимании связи глобального и национального участниками. Информанты в ходе дискуссий говорят о своем недоверии к иностранным СМИ. Так, в начале ФГ ее участники отмечали включенность России в процессы мировой глобализации, роль интернета и интернационализации российского и мирового сообщества, а также то, что подобные мегасобытия способствуют общемировому процессу глобализации. А далее, противореча самим себе, утверждают, что для иностранцев Россия — либо агрессор, либо белое пятно. Причиной этому якобы является формирование образа РФ зарубежными медиа. Для респондентов зарубежные/иностранные СМИ являются распространителями ложных сведений о нашем государстве (понятно, что это мнение сформировано российскими СМИ, так как почти никто из респондентов самостоятельно к зарубежным СМИ никогда не обращался). Для того чтобы понять, «как живет Россия», иностранцам нужно приехать сюда и увидеть все своими глазами, поскольку респонденты уверены в однозначной презентации России за рубежом как «агрессора»: «Россия — это чуть ли не страна-агрессор, которая постоянно смотрит на западный мир с точки зрения военной силы. И все, больше-то никакой информации не доносят. То есть я имею в виду белое пятно, что информации-то больше никакой нет о России...»; «Даже интернет этого не доносит...»; «Фильтруется все, реально...»; «...Как по новостям иностранным, они показывают, как мы тут друг друга убиваем, пьем кровь младенцев. А сейчас они приезжают, а мы их всех встречаем с улыбками и мы рады...»; «Наши СМИ так говорят, что там про нас так плохо говорят. Вот там со Скрипалями, Британия была вообще против, чтобы сюда их команда приезжала, вот я такие новости слышала».

О роли России в глобализирующемся мире участникам было столь же сложно рассуждать, как и о процессах глобализации. Высказывания демонстрируют противоречивые представления о целях, смысле и результатах внешней политики РФ. Патриотическая логика вроде бы заставляет искать и находить какие-то смыслы и достижения родной страны («мы же лучшие» — остается обнаружить, в чем это проявляется). Достижения видят в том, что Россия в последние годы начала

играть роль «геополитической» державы — вести самостоятельную, решительную политику на преодоление «однополярности», она противостоит США, старается вернуть себе статус сверхдержавы, интенсивно вооружается и т. п. Большинство согласно с тем, что это необходимо, «чтобы нас не обижали и не ущемляли наши интересы». Но высказывания такого рода часто вызывают возражения других участников, да и авторы их не всегда уверены в сказанном.

Включенность России в процесс глобализации подразумевает расширение сотрудничества с другими, прежде всего передовыми странами. Однако примеров такого рода участники привести почти не могут. Российская Федерация, по высказываниям отдельных респондентов, это «сырьевой придаток», а то и «глобальная помойка». Страна, в которой они живут, — это разработчик передовых технологий и поставщик в развитые страны «хороших мозгов», которые сама почему-то не может использовать. Вот показательный обмен репликами на одной из фокус-групп:

- Программисты-то самые лучшие российские.
- С американскими паспортами... Если бы они производили все это в России, я только двумя руками «за». Но они почему-то работают все на Западе, в «Силиконовой долине».
- Ну, у нас они есть, но почему мы это все не можем реализовать у себя... Потому что у нас нет финансирования должного... Потому что мы не умеем продавать. Американцы продавать умеют.

Отношения с союзниками, как и их наличие, оцениваются большинством опрошенных неоднозначно: «То есть, с одной стороны, вроде бы мы какую-то роль пытаемся играть на мировой арене, какие-то создаем союзы, коалиции и т. д. А с другой стороны, мы почему-то их потом перестаем поддерживать. Какое-то двоякое... Сложное, да, двоякое какое-то понимание всего происходящего». Или еще: «Мы со всеми дружим... Венесуэле долг простили. Этим долг простили. Всем простили... Монголии долг простили... Так вот с нами и дружат за деньги, правиль-но».

По мнению респондентов, РФ играет важную роль в «борьбе с международным терроризмом», но это не очень ценят другие страны, наоборот, они вводят санкции, «всячески вредят», ведут информационную войну, покушаются на российские богатства: «Россия сейчас в центре находится на самом деле... В центре внимания, по крайней мере... Потому что очень лакомый кусочек для всех практически... Они просто жаждут, все со всех сторон, раздербанивают».

Озвученные угрозы кажутся опрошенным достаточно весомой причиной для того, чтобы поддерживать военную активность России. Включенность страны в процессы глобализации, которую многие участники признают, сочетается в их восприятии с оправданностью военно-политического противостояния кажущемуся враждебным окружающему миру. Высказывания многих свидетельствуют о невозможности выстроить целостную картину происходящего и представить

место страны в мире, однако некоторые участники продемонстрировали более непротиворечивые позиции. Чаще такая позиция целиком «патриотическая», отличающаяся эмоциональностью: «чувствуем, что за нами Россия», «РФ и ее президент несут в мир конструктив» и т. п. Пример характерной реплики: «Какая-то появилась у меня гордость... за свою страну. Потому что в свое время, вот в наши молодые годы... как-то чувствовали себя неуверенно. А сейчас, уезжая... за границу, уже как-то смотришь и русских видишь, и как-то народ себя ведет все-таки... чувствует защиту страны... Что за тобой все-таки Россия. И не хочется таких фраз, но все-таки благодаря нашему президенту мы немножко, так сказать, себя почувствовали россиянами».

Реже — позиция целиком скептическая, отрицающая роль России в глобальных процессах: «Вот в энергетике тоже... Да и науку тоже, если в целом взять... И наука, и энергетика ведь в общем-то рассыпается. Не хочется громких слов...» Эти участники подчеркивают колоссальное отставание России в технологических и других аспектах («Россия в XVIII веке живет»), ее «ответвление» от магистрального пути общественного прогресса, следование своим непонятным и необъяснимым путем. Драматичные отношения России и мира либо оправдываются тем, что мы и так «самые лучшие», «нам и так хорошо», за нами идут другие страны, а если не идут, проживем и без других, своим умом. Либо же эти отношения осознаются как отставание, как выпадение на обочину технологического прогресса, как колоссальная проблема страны:

— У нас в институте нам конкретно прямым текстом говорили: Россия воспринимается остальными странами как сырьевой призрак. То есть что мы сейчас продаем, это мы продаем наши народные богатства... У нас богатства: лес, нефть, железо...

— И мозги.

— И разворовывается еще.

— Что сюда нам везут, это отходы. И мы еще глобальная помойка, потому что мы эти отходы везем... За деньги принимаем.

— Мозгами мы независимы, но технологически...

— У нас не развивается производство реально... Оно сократилось.

— Я думаю, вклад как раз измеряется вот... 1,5% мирового ВВП — экономика России... И из них еще, наверно, не меньше половины — это... сырьевый экспорт. О чём тут говорить, мне кажется, о каком вкладе...

Отсюда — мнение о том, что пора заняться внутренними проблемами страны, так как в своем сегодняшнем состоянии она не развивается: «Да, мы пытаемся создать противовес там Соединенным Штатам... Мы пытаемся стать geopolитической державой снова, как был в свое время Советский Союз. Это нормально. Но надо как-то и про свой народ не забывать, как-то внутреннюю политику еще подтягивать».

Спорт и нация

Связь между спортом и национализмом хорошо исследована в социологической и спортивной литературе. Позитивное переживание национальной принадлежности редко доступно в повседневной жизни без систематически получаемых со стороны массмедиа стимулов. Спортивные праздники, и прежде всего самые крупные из них, дают редкую возможность совместно пережить и воплотить коллективные связи в общей радости или в общем огорчении. Спортивный национализм (Bairner, 2015; Gorokhov, 2015; Jeffreys, 2012), с одной стороны, усиливает чувство национальной принадлежности, с другой — невозможен без осознания связей своей и других стран. Неочевидность национальной принадлежности граждан в повседневной жизни делает особенно значимыми события, которые подчеркивают национальные связи. Ученые отмечают исключительную роль спортивных событий в укреплении национальных чувств: «никакие другие события не объединяют массы в нацию столь выразительно» (Tosa, 2015: 1). В то же время они говорят о снижении национализма среди фанатов (Tamir, 2014). Наше понимание связи между ролью спорта в усилении чувства национальной принадлежности и собственно национализмом заключается в следующем: мы полагаем, что чувство связи с нацией и у отдельного индивида, и у социальной группы может быть крайне многосоставным и противоречивым. Если у некоторых членов общества оно может базироваться на идеологии национального единства и превосходства, то у других очевидная гордость от победы «наших» в конкретном матче может совмещаться с тем, что они не считают себя лучше других и не думают, что живут в стране, которая лучше, чем другие. Национализм как чувство — это форма национальной гордости и национальной принадлежности, проистекающая из политических и этнокультурных обстоятельств и объединенная с верой в превосходство своей нации. Способность спорта укреплять как национальную идентичность, так и националистические установки достаточно подробно описана в литературе (Poulton, 2004; Topic, Coakley, 2010). Метонимическое значение футбольных матчей — в том, что «боление» позволяет заявить о своей национальной идентичности (Polley, 2004), а спортсмены воспринимаются как прежде всего национальные герои (Hobsbawm, 1990). Политики используют спорт в целом и футбол в частности для укрепления национальной мобилизации и роста собственного символического капитала. Народная память, семейный и собственный опыт, ностальгия, идеалы «фитнеса» — многое переплетено в процессах «боления» за национальные команды и любимых игроков.

Участники фокус-групп явно смешивают спортивные события, такие как ЧМ или Олимпиада в Сочи, политическое положение и поведение страны, международные отношения. Они говорят о том, что Россия является «страной-тылом», которая готова защитить другие страны и свой суверенитет в моменты обострения конфликтов, даже когда такие конфликты «видимы» лишь из самой России. В центре рассуждения о любых политических событиях, в том числе ЧМ, всегда

стоит Россия, и лидер страны как развивающий ее субъект. Автор цитаты говорит о сотрудничестве с другими странами, но только при условии, если это не ущемит интересы нашей страны: «Но у нас Путин очень четко дает понять, что он за мир и за сотрудничество. Но при этом не готов уступать. Чтобы нас не обижали и не ущемляли наши интересы в том числе... И мне очень нравится, например, политика нашей страны в этом отношении. Как мы помогаем странам, которые к нам обращаются...»

Проведение игр чемпионата в почти дюжине городов страны — итог много летней работы множества организаций, компаний, фирм, правительств. Этот сложный организационный процесс соединяется в восприятии людей с историей футбола в стране, историей международных выступлений российских команд, включающей как запоминающиеся победы, так и обескураживающие поражения, историей чемпионатов, того, как их смотрели в России, а также историей того, как связаны футбол профессиональный и любительский: «У меня отец — фанат, болельщик. Еще когда я маленький был... он смотрел дома футбол. Я был маленький, где-то 5 лет. Там был финал чемпионата 94-го, Бразилия — Италия, помню, что пенальти были в конце. Я как-то подошел, посмотрел, видимо, что-то понравилось. Потом я уже стал во дворе играть, что-то пытаться. Потом продолжил, команду себе выбрал, уже не помню, понравилась, приглянулась. С того момента начал больше интересоваться».

До начала игр ЧМ мы спрашивали информантов о том, как изменится в связи с ЧМ по футболу в России международный статус страны, какие нас здесь ждут выгоды и потери. Все участники, болельщики и неболельщики, ожидали, что событие принесет России как стране дополнительные «очки», надеялись, что праздник спорта пройдет без происшествий. Основанием для этого могло служить представление о том, что Россия имеет опыт проведения больших соревнований, в частности Олимпиады в Сочи, которые действительно в основном обходились без серьезных ЧП и создавали в целом положительное впечатление у иностранных гостей. Некоторые опасения высказывались отдельными участниками, к примеру, о том, что могут проявиться «пророссийские», а на самом деле ультрапатриотические, настроения с «хулиганским уклоном» со стороны некоторых граждан. Не исключали информанты и возможность расистских выступлений (упоминались скинхеды): «[Иностранные болельщики] куда-нибудь забредут и... А тут скины...»

Опрошенные после ЧМ участники групп были согласны с тем, что событие положительно повлияло на статус России как принимающей страны: «Это же навсегда в истории останется»; «Для престижа сыграет»; «Главная-то цель... не столько... матчи, игры, а показать страну изнутри. Показать простым людям, болельщикам, да. То есть, грубо говоря, имея опыт проведения Олимпиады в Сочи, захотели еще провести чемпионат мира по футболу. То есть больше, так скажем, показать страну изнутри простым обывателям иностранным, да... Показать... простым людям со всего мира, что вот мы русские такие же люди, как вы все. И то, что вам там

льют на Западе про нас, что мы там звери, изверги, мы на вас всех готовы напасть и убить и т. д. и т. п. Так вот вы посмотрите на нас, какие мы есть, да. Так вот мы не такие. Мы такие же люди, как вы». Последнее высказывание весьма характерно для респондентов. Многие из них высказывались так, как если бы они призывали их воображаемых современников в других странах признать россиян полноправными членами современного мира, перестать их демонизировать.

Положительная оценка чемпионата и уверенность, что он поднял статус России, увязывались с безупречным проведением игр, хорошей их организацией, теплым приемом спортсменов и болельщиков из других стран населением принимающих городов: «Все высказывались, что это был просто идеальный чемпионат мира. Никаких поблажек. Все было организовано на высшем уровне. Все, кто писал...»; «Безусловно, поднял [престиж страны]. Причем это слышно с обеих сторон. Как, например, со стороны тех, кто отстаивает точку зрения России. Практически сейчас на каждом углу упоминается, насколько сейчас положительный образ России в мире. И в то же время анти... те, кто против политики России. Например, в американской прессе как минимум в четырех журналах я видел, что Путин сейчас будет использовать положительный образ России из-за чемпионата мира, действуя в интересах России».

По мнению респондентов, отсутствие каких-либо ЧП и обеспечение безопасности участников и гостей крайне положительно характеризуют ЧМ-2018. Сам по себе чемпионат, безусловно, мог бы стать важным событием для подъема политического престижа страны. Однако события ЧМ могли лишь отчасти повлиять на размывание стереотипов, лишь на короткое время чемпионата был, возможно, преодолен отрицательный пропагандистский тренд в описании РФ как государства в мире: «[Приезжавшие гости] никогда не назовут Россию агрессором. Это те люди, которые приезжали с позитивом, с праздником»; «Россия воспринимается... среди тех, кто посетил нашу страну, весьма притягательной страной... у подавляющего большинства... осталось положительное ощущение... по мнению... иностранцев... с которыми мне довелось учиться, работать, многие страны, которые воспринимают нас как агрессоров, как диктаторство, приезжают сюда и видят здесь относительную свободу. Доступность в плане потребления. Та же архитектура старая... И доброжелательность по отношению к иностранцам. Это всегда играет положительную роль в оценивании страны. Поэтому... Я знаю много людей, которые влюбились в Россию».

После завершения чемпионата респонденты более охотно рассуждали о реакциях рядовых болельщиков, чем о международно-политическом значении ЧМ. Россия как страна, по мнению участников, получает значительные политические, моральные и психологические бонусы от проведения ЧМ на своей территории. Как правило, местные жители проявили дружелюбие и доброжелательность по отношению к иностранным гостям. И даже государственные органы работали эффективно, т. е. сумели обеспечить удобства, логистику, безопасность, поддержание праздничного настроения приезжих гостей. Те из участников, кто убежден

в преобладании отрицательного общественного мнения по отношению к России в зарубежных странах, считают, что проведение ЧМ позволило отчасти изменить это мнение, разрушить отрицательные стереотипы, транслируемые западными массмедиа. Во всяком случае, утверждается, что практически все (а это около двух миллионов) болельщики, посетившие российские города, вынесли благоприятные впечатления от страны. Респонденты надеются, что это сможет реально повлиять на общественное мнение о России в других странах. Хотя некоторые из них выражают скепсис («здесь говорят, что понравилось, а дома говорят совершенно другое»). Но и те из участников, кто изначально характеризовал отношение к россиянам за рубежом как негативное, отмечают роль ЧМ в повышении «осведомленности о России» и в формировании благожелательного к ней отношения на уровне общественного мнения в зарубежных странах: «...у них, к сожалению, идет такая политика в Америке, что им нужен враг, чтобы продавать оружие в другие страны. А сейчас у нас были гости из Латинской Америки, много приехало туристов из других стран. Из Америки самая большая делегация была... И они приезжали и говорили, что они не знали... Тут говорят, что иностранцы про нас плохо думают. Но даже все те, кто к нам приезжал, я очень со многими разговаривал, и они все за Россию. Они приезжали и говорили, что все так [хорошо]. Что они думали, что у нас тут медведи ходят».

По итогам фокус-групп можно также отметить, что информанты время от времени чувствуют ангажированность отечественных СМИ, тенденциозность их позиций по некоторым вопросам. Однако при этом они выражают убежденность в том, что только данные от национальных медиа считаются ими надежными и «логичными». С этим также связан высокий антирейтинг и недоверие к некоторым российским и в особенности к зарубежным СМИ, а также отказ от знакомства с материалами СМИ, отличных от пронациональных. Так, респонденты, как правило, демонстрируют привязанность и высокий уровень доверия главным национальным телеканалам и той позиции, что транслируется ими, — «прогосударственной»: «Да те же СМИ. В Крыму были, там у них канал Интер и 1+1. И слушаешь их... Я иногда интересные фильмы переключал и слушал новости их. Это настолько несвязно! Потом переключаешь на Первый канал — ну логика есть. Я пытался с разных точек зрения. Ну мне навязали. Попробую с этой точки зрения посмотреть. И у них оно идет — и ты понимаешь, ну не дурачок, что вещи-то не связные. Зачем российские обстреляли там кого-то просто так? И когда начинаешь эту тему поднимать, логику не прослеживаешь. Причинно-следственные связи. Оно конечно, и нас тут зомбируют. Это везде так. СМИ на это и нужны...»

Участники исследования в то же время признают, что положительные эффекты ЧМ являются временными. Для некоторых проведение ЧМ в России — это «пир во время чумы»: признавая положительный эффект от проведения ЧМ, они подчеркивают, что сначала надо создать высокий уровень благополучия для собственных граждан, как, например, сделали в Норвегии, а уже потом предлагать Россию как площадку для международных мероприятий: «Мы, Россия, мы помо-

гаем другим странам, прощаем долги. И это в то время, когда население живет вот так. А мы устраиваем пир во время чумы. Я, конечно, очень рад, что чемпионат мира прошел. Я — за. Но можно было деньги использовать как-то по-другому»; «С туристами придет поток денег, которые они все равно потратят в нашей стране. Плюс еще, я понимаю, что при строительстве объектов другие страны-участники тоже участвуют».

Кто в выигрыше? От ФИФА до волонтеров

Участники не сомневаются в том, что международные организаторы ЧМ в лице ФИФА — основные бенефициары проведения: подчеркивалось, что они обязательно на нем заработают, получат свою прибыль: «В любом случае, ФИФА — это организаторы, они всяко убытки не будут иметь. Не первый год проводят такие чемпионаты»; «Так это же не ФИФА платит за это, их-то это не волнует»; «А страна наша может быть в убытке, потому что она вложилась, и могут затраты не отбиться. Ну а ФИФА, она в любом случае не проиграет, она с прибылью уйдет». Весьма точное понимание баланса сил и интересов в ходе организации ЧМ сочеталось в высказываниях со стремлением «национальное» в этом процессе как-то тоже учесть и признать: «Понимаете, мы просто исполнители. Мы не придумали ничего. Эта схема уже давным-давно известна и она идет из страны в страну. Когда просто дали механизм, вот делайте его. Понятно, что мы со своим подходом, со своим менталитетом, со своей русской душой все исполняем». Понимание национальных особенностей проведения мегасобытия отразилось в готовности, с какой на вопрос о том, а кто еще выигрывает от ЧМ, люди отвечали так: «Правительство страны, руководство. Материальные и политические бонусы».

Правительство и президент, по мнению большинства участников, также в числе бенефициаров ЧМ: «Успешное проведение Олимпиады — это бонус был... президенту, да, как практически личный бонус, и правительству всему... это уже материальная составляющая — кому чего перетекло. Это вопрос второй. Но... это был большой политический бонус. ...С чемпионатом мира будет то же самое... при успешном его проведении... будет большой политический бонус всей действующей власти, начиная от самых верхов и вплоть до руководителей на местах...»

Участники признают невозможность достоверно судить о материальной выгодах этих субъектов: «Сколько было освоено, мы никогда не узнаем. Можем рассуждать бесконечно долго». Однако политические бонусы от чемпионата руководство страны получает, по мнению участников, безусловно. Отдельные участники понимают так же, что помимо повышения престижа руководства от успешного проведения Игр преследуется и иная цель — затушевать, замаскировать футбольным праздником непопулярные решения во внутренней и экономической политике государства, такие как повышение налогов, повышение возраста выхода на пенсию и т. п. И эта цель в значительной мере была достигнута. Некоторые респонденты осознают, что за ЧМ население России будет расплачиваться, в том числе и за счет

указанных мер, но при этом твердо убеждены, что они сами и все сограждане никак не могут оспорить эти важные внутриполитические решения: «Понимаете, мы не можем повлиять на нашу внутреннюю политику, никоим образом. Даже с учетом того, что сейчас такое глобальное событие идет, как чемпионат мира. Мы же никак не можем повлиять, что нам повысили пенсионный возраст, на то, что за тот период повысили НДС с 18 до 20%...: да, и ряд вот еще таких негативных моментов. Поэтому вот этот позитивный момент от этого праздника, от чемпионата, он и рассчитан на все эти...»

Критически оценивая потенциал чемпионата как стимула экономического развития, информанты говорили о разрыве между риторикой и реальными последствиями чемпионата. На фокус-группах те же люди, кто десять минут назад с энтузиазмом рассуждал о хороших впечатлениях приезжих, трезво указывали на разрыв в доходах между властями и гражданами и о собственных перспективах: «Мы будем расплачиваться... Мы потом будем дальше расплачиваться».

Получателями выгод от чемпионата мира становятся не только игроки высоких уровней, такие как чиновники, правительства или интернациональная организация ФИФА. На локальном уровне это различные предприятия и бизнес, что позволяет проследить связь глобального и локального и в вопросе получения различных благ от проведения глобального спортивного события. Выгоды от проведения чемпионата, по мнению участников, получает строительный бизнес, туристический бизнес — гостиницы, рестораны, «общепит», продажа сувениров. Это те отрасли, которые, очевидно, и должны зарабатывать на крупных мероприятиях с большим количеством гостей. Люди привычно упоминали «бизнес» и «чиновников» вместе: «Есть компания «Спортивный инжиниринг», которая связана и с Минспорта, и курирует строительство. Поскольку они построили объекты, они уже выиграли. Чиновники точно выиграли».

В то же время некоторые из респондентов приводили примеры того, как в результате обмана со стороны чиновников страдали строительные фирмы — подрядчики, а иногда даже магазины и заведения общепита, чья работа попадала под различные запреты, связанные с проведением ЧМ: «Общепит не выигрывает... Нет. Потому что они... их уже проверками просто заколебали в течение двух лет... И столько заплатили. Поэтому я вам скажу, что он не выигрывает»; «Я еще могу сказать, есть случаи такие, что строителям деньги не выплачены до сих пор. За строительство Олимпиады. Наш стадион, вот который для чемпионата готовили, тоже я знаю людей, которым просто... в Екатеринбурге. Подрядчикам не заплатили»; «Знаю, слышал только новости о том, что вот те, кто строил, некоторые сейчас банкроты».

Информанты отдают себе отчет в том, что определенные выгоды от проведения игр ЧМ получило как руководство принимающего города и субъекта Федерации, так и от части отдельные домохозяйства. В целом для населения страны ЧМ принес, по мнению участников, больше положительного, чем наоборот. Так, материальные выгоды имели те, кто смог сдать имеющуюся свободную жилпло-

щадь для проживания приехавших болельщиков: «Тот же заработка... например, кто живет недалеко от стадиона, могут сдавать спокойно квартиры, за довольно большие суммы. Плюс... если тебе повезет, и попадут нормальные люди... можно закончиться, да, и потом какие-то знакомства иметь...». Шанс развить полученные контакты с иностранными болельщиками рассматривается как ценность. Последнее говорит о том, что на уровне местных жителей ЧМ, как мегасобытие, способствовал наращиванию сети социальных отношений с субъектами, с которыми в отсутствие спортивного праздника не удалось бы наладить связь.

Выгода отдельных жителей страны также выражалась в наращивании культурного и профессионального капитала. Ценные впечатления и профессиональный опыт получили те, кто поработал на матчах в качестве волонтеров, болельщики из числа тех, кто был на матчах, активно участвовал в болельщиках «тусовках» на улицах города и в фан-зоне. Для них проведение игр ЧМ в Екатеринбурге — положительный и яркий эпизод в жизни. Они — в числе тех, кто считает, что проведение ЧМ в России однозначно оправдалось. Как правило, они неохотно рассуждают об оправданности или неоправданности понесенных материальных затрат. Для них полученные положительные эмоции представляют настолько большую значимость, что в их глазах это выводит за скобки все затраты, понесенные страной как организатором спортивного мероприятия: «Я... у нас в городе волонтером работал. На матчах, которые в Екатеринбурге были. Я, естественно, ничего не заработал и не планировал. Для меня просто было большой честью быть частью всего этого... Поработать с чемпионами мира — это было потрясающее. Как потом выяснилось».

Некоторые участники отметили такой аспект ЧМ, как повышение привлекательности футбола и спорта в целом в глазах детей и подростков. Вместо того чтобы сидеть дома за компьютерами (что, как правило, они делают в гораздо больших объемах, чем это полезно для них), они гоняют мяч на улице: «Я вот в выходные видела сцену, ребята лет 8 или 9 играли в мяч футбольный. Просто бегали по Вайнера, это такой праздник, просто радостно на них смотреть»; «Если бы не было чемпионата, их бы тут тоже не было...»

Среди отмеченных потерь — отвлечение полицейских на игры ЧМ в Екатеринбург «оголило» другие города области, что создало реальные проблемы на значительный период с охраной правопорядка: «У нас собирались [полицейские] с нашей только области... У нас получается на тот же Североуральск остались две патрульных машины ППС и человек пять, наверное, полицейских. На Каменск-Уральский осталось тоже копейки... В Каменск заезжаешь — там вообще никого. Обычно там на каждом углу стоят... с Североуральска знакомый, он говорит, что полицейские физически не успевают, выезжают только на тяжкие преступления. А на какие-то грабежи, они говорят: «Мы не успеваем»; «Со всей области к нам... охрана идет, потому что все посты милиции с области забирают... Там, может быть, в области начнется повышенная, не знаю, там преступления, потому что все отряды, наряды сюда стекаются на повышенную охрану... Со всех регионов, да, сюда, все к нам

сюда стекается и, соответственно, им должна быть и повышенная зарплата, это, видимо, опять же идет на бюджет, ложится. Опять же бюджет это что — это наши налоги с вами».

Очевидной неудачей организаторов участники групп назвали случай с тысячами пустующих мест на стадионе в Екатеринбурге во время первого матча ЧМ в городе. Респонденты связали это со спекуляцией билетами (что обнажило масштабы спекулятивных операций), а также с сознательными действиями организаторов, устроивших себе «халаву» с билетами на матчи: «Были группы населения, кому бесплатно выдавали билеты... на самые лучшие места. И при этом болельщики, которые ночи напролет пытались купить в онлайн-очередях билеты, не могли их сутками, неделями купить... При этом какие-то люди получали абсолютно бесплатно. Ну ладно, спонсоры. Но были... например, люди из оргкомитета, кто получали эти билеты. Причем на лучшие места. Люди из онлайн-очередей покупали билеты на места намного хуже. При этом они покупали за деньги и той же категории. Я сталкивался с этим...» Во всяком случае, многие болельщики, немало потратившиеся на матчи, а также те, кому не досталось билетов, почувствовали себя обиженными. Данный случай был замечен журналистами, получил огласку, в том числе в федеральных СМИ.

Наш замысел опросить и болельщиков и неболельщиков был связан с очевидными различиями в отношении этих двух групп к футболу, чемпионатам и чемпионату в России. Информанты спокойно констатировали, что «болельщики, конечно, выигрывают». В их реакциях чувствовалось сознание беспрецедентности момента: чемпионат «пришел в Россию», поэтому «...у людей... дома есть шанс поболеть. Я сам не болельщик, честно говоря, но вижу, как болеют люди. Готовы... на край света ехать и покупать билеты за бешеные деньги. А тут такой уникальный шанс сходить... дома на стадион».

Горожане и чемпионат

С целью точнее зафиксировать спектр переживаемых людьми эмоций, мы просяли информантов отрефлексировать те чувства, которые у них вызывает тот факт, что ЧМ проходит в России (от гордости до страха, что что-то пойдет не так — всего было предложено 12 разных вариантов). Респонденты должны были отметить 4 позиции, ранжируя их по значимости для себя. Каждой отмеченной первой позиции присваивались 4 балла, второй — 3 балла, третьей — 2 балла, и четвертой — 1 балл. В таблице указана сумма баллов по каждой позиции, чем больше баллов по варианту — тем выше его позиция и значимость для ответивших. Приведем пример реакций респондентов (8 человек) из группы неболельщиков (до начала чемпионата):

	Баллы
1. Причастность к глобальному событию, единение с человечеством	20
2. Любопытство, интерес к уникальному событию	16
3. Гордость за свою страну, за то, что я россиянин	13
4. Радость, праздничные чувства	13
5. Отвращение (от показухи, фальши и т. п.)	8
6. Грусть от бессмыслинности происходящего	6
7. Раздражение, гнев (например, от нарушения привычного порядка жизни, проверок и пр.)	6
8. Энтузиазм, желание внести свой вклад	6
9. Солидарность, единение с соотечественниками	5
10. Страх (например, от того, что что-то может случиться, «пойти не так»)	4
11. Безразличие, равнодушие	2
12. Стыд за свою страну	0

Показательно, что даже среди людей, которые не считают себя футбольными болельщиками, превалируют положительные чувства по отношению к ЧМ. Интересно, что на первых двух местах (20 и 16 баллов) среди чувств, испытываемых неболельщиками, не патриотические чувства, а чувства, связанные с интересом к глобальному событию, причастностью к его уникальности, ощущение единения с человечеством. Третье-четвертое место (13 баллов) — ощущение праздника, радость. Это говорит о том, что проведение ЧМ этими людьми в первую очередь воспринимается как проявление открытости миру, единства с человечеством, участие в объединяющем всех празднике. Также на 3–4 месте (13 баллов) — гордость за свою страну.

Среди неболельщиков есть и те, у кого ЧМ вызывает в основном негативные чувства — от отвращения (8 баллов) до грусти от бессмыслинности происходящего (6 баллов), а также раздражения и гнева (6 баллов). Эти чувства испытывают меньшим числом высказавшихся, но свидетельствуют о том, что противники у ЧМ есть, и если он им не нравится, то это достаточно сильная эмоция.

Посредством данного тестирования в рамках фокус-группы мы обнаружили, что болельщики не очень сильно отличаются от неболельщиков по набору испытываемых положительных чувств. Правда, разница прежде всего в превалировании радости, праздничных чувств (30 баллов). Но на 2-м и 3-м месте у них, так же как и у неболельщиков, чувства причастности к глобальному событию, единение с человечеством (25 баллов) и любопытство, интерес к уникальному событию (17 баллов). Патриотические чувства болельщики испытывают так же часто, как и неболельщики, но интенсивность их проявления не столь выражена (9 баллов), при этом чувство солидарности с соотечественниками — 8 баллов. Понятно, что негативные чувства в связи с проведением ЧМ болельщики испытывают гораздо реже.

По окончании игр ЧМ набор чувств, испытываемых болельщиками, существенно изменился. Негативные эмоции почти полностью исчезли, лишь единичные участники отчасти испытывают раздражение, гнев, связанные с нарушением привычного ритма жизни, проверками, а также отвращение, безразличие, стыд и т. п. Но зато на первое место вышли радость, праздничные чувства (25 и 29 баллов). Иными словами, ожидания праздника, ярко выраженные до начала ЧМ, оправдались. Более того, именно фестивальная, праздничная, раскрепощающая составляющая ЧМ для горожан стала важнейшей, вызвала наиболее выраженные и массово ощущаемые чувства.

По завершении ЧМ заметно выросла «патриотическая» составляющая в гамме испытываемых чувств — гордость за свою страну, за свой статус россиянина (15 и 20 баллов). Возможно, что здесь сказалось как ощущение успеха самой организации (чемпионат прошел хорошо, организация и прием понравились всем), так и относительный успех российской сборной.

Любопытство, интерес к уникальному событию (26 и 12 баллов), а также чувство сопричастности глобальному событию, единение с человечеством (22 и 16 баллов) в той или иной степени присутствует практически у каждого участника фокус-групп, и даже более выражены, чем «патриотическая» составляющая. Можно констатировать, что «глобализационная» составляющая, непосредственная причастность к редкому событию, когда можно приобщиться к празднику, наглядно проявившемуся как международный, «всепланетный», возможность увидеть десятки тысяч иностранных граждан — все это полностью оправдало ожидания и достаточно сильно подействовало на причастных к событию горожан.

Если екатеринбургские болельщики демонстрировали на группах в основном положительное отношение к событию чемпионата мира в городе, участники, не относящие себя к болельщикам, признавая в целом его ценность для города, отмечали и то, что для многих горожан его проведение либо не вызывало особых эмоций, либо было связано с негативными впечатлениями: «Да посмотрите на лица простых людей, которые едут в общественном транспорте. Россиян. Обычных людей. Которые не могут себе позволить купить билет...» Далеко не все горожане оказались заинтересованы событиями ЧМ: «Я даже не слышал», «По настроениям людей незаметно пока, что это мегасобытие». Мало кто из участников групп был осведомлен и тем более посетил мероприятия, относящиеся к культурной программе чемпионата. Среди высказываний прозвучали и сетования на плохую рекламную кампанию, большинство и не подозревало, что в городе в связи с ЧМ были организованы культурные мероприятия, рассчитанные на значительно большую посещаемость, чем она была в реальности: «Была футбольная Ночь музеев... я даже хотела на нее пойти, но там с работой не получилось... она как-то не пользовалась популярностью ни у спортсменов, ни у жителей города, потому что не было достаточно рекламы, никто и не знал».

Не все, кто был связан с организацией и проведением ЧМ, были рады своему участию в этом. Так, сотрудники некоторых служб работали с большей перегруз-

кой, по тяжелому графику: «У меня есть приятель, который работает в Роспотребнадзоре, он ненавидит уже вот этот чемпионат мира. ...Потому что у них круглогодичная работа... они вот берут пробы, где вот только не попадя, начиная от стадиона и заканчивая Вайнера... где только бывают иностранцы. Боятся заразы, боятся, что кто-то занесет сейчас заразу... Это как бы красиво всем восхищаться и прочее, это действительно чревато очень большими последствиями... ехали кто ни попадя, мы же не знаем, кто здесь был и кто что вез с собой. Вот он: ...я уже ненавижу этот чемпионат мира по футболу, меня, говорит, уже тошнит, ночами не спать, днями работать... Я не знаю, как у них там оплачивается, но это действительно ненормальный ритм. И я думаю, что все структуры, которые завязаны... на этих серьезных мероприятиях, у них у всех такое отношение».

Иностранцы и местные: между национализмом и космополитизмом

В число поднятых нами тем неизбежно вошла тема близкого культурного контакта: что изменилось в самоощущении горожан в связи с массовым приездом иностранцев? Укрепились ли хозяева в своем национализме? Был ли чемпионат приглашением к проявлению космополитических установок — гостеприимства, открытости другому опыту, культурного любопытства?

Большинство участников считают, что они и раньше (до ЧМ) хорошо относились к иностранцам. Так, латиноамериканцы заочно вызывали симпатию, о чем активно говорили участники фокус-групп: «Они, конечно, поразили... Латиноамериканцы. Мы такого раньше не видели. Люди такие — постоянно веселятся, все время улыбаются. Хорошее отношение и было к ним, но усугубилось все это». Это отношение укрепилось благодаря личным впечатлениям, в том числе благодаря незабываемому зрелищу многочисленных улыбчивых, беззаботных, поющих и веселящихся перуанских и мексиканских болельщиков на улицах города: «...они себя чувствовали здесь в безопасности. Развлекались там, гуляли... Спокойно. В безопасности себя чувствовали, им было комфортно, вот это, наверное, главное... именно то, что не было какой-то зажатости...» Те же, кому удалось лично пообщаться с латиноамериканскими болельщиками, даже заразились специальным интересом к этим странам и их жителям, возникли личные отношения и связи: «(Гость из Перу): вот мы добавили друг друга в фейсбуку, он сейчас в Санкт-Петербурге будет две недели, пишет мне свои впечатления, приятные воспоминания. Он говорит, что приезжайте в Перу со всеми друзьями, мы всех встретим, будем рады. Но вот это мое частное. В большинстве случаев вряд ли, что люди резко рванут...»

Большое впечатление на екатеринбуржцев, обычно не избалованных обилием разнообразных иностранных туристов на улицах города, произвело огромное количество колоритных латиноамериканских болельщиков, которых приехало на игры ЧМ в город значительно больше, чем, например, французов или японцев. Затруднение возникло, когда участников групп попросили объяснить, каким об-

разом десятки тысяч болельщиков, по распространенному представлению, из небогатых стран могут позволить себе поездку на другой край света. При этом подавляющему большинству российских болельщиков, которые считают, что живут в «богатой стране», такие поездки не по карману: «Особенно вот это направление Южной Америки... вызывает интерес, съездить, посмотреть, вот то, что перуанцы, мексиканцы побывали в Екатеринбурге, мы со своей стороны тоже хотели бы съездить туда, посмотреть. А с другой стороны, это слишком далеко. И это в первую очередь влияет на цену. Это надо делать несколько пересадок, даже притом что большинство этих стран для нас безвизовыми являются, даже этот момент не сказать что сильно побуждает, прям, взять и поехать».

Объяснения разницы в возможностях спортивного туризма между гражданами Латинской Америки и России были предложены разные. Неоднократно было высказано мнение, что тут мы сталкиваемся с настолько высоким уровнем футбольного фанатизма, что он заставляет людей продавать последнее: «В Латинской Америке футбол — это же религия. Если вы видели, например, матчи Аргентины, то весь стадион — ну как будто в Буэнос-Айресе где-то проходит. И тоже далеко не богатая страна»; «Я думаю, что они четыре года копят. Или как вот эти истории с перуанцами, вы слышали? Квартиры продавали, дома, машины». По мнению гостей из Перу, которых опрашивал один из авторов данной статьи, этому есть другое объяснение: Перу вернулась в число стран — участниц ЧМ после почти сорокалетнего перерыва. Инженеры и университетские преподаватели могут на свои зарплаты позволить себе такую поездку, как и путешествия в целом.

Большинство респондентов тоже путешествуют: отсылки к зарубежным впечатлениям на фокус-группах звучали часто. Можно предположить, что люди с опытом путешествий больше радовались наплыvu зарубежных гостей и возможности пообщаться с ними: «Для меня это — мировое событие. Куча огромная знакомств, людей, предложений сейчас разные страны посетить. Сенегальцы, которые черные, как угли, я никогда их не видел, просто смотришь — тень черная. А это сенегалец, оказывается. Они еще по-французски как-то разговаривают... Японцы разные. Я увидел, как выглядят бабушки с дедушками японские.... И когда забивали японцы, японские бабушка с дедушкой — они просто обнимались, целовались, плакали, рыдали. Это огромные факторы, много всего. Я увидел столько событий, и плохих, и хороших...»

Проведение игр ЧМ в Екатеринбурге и личные наблюдения за происходящим позволили респондентам удивиться, задуматься и отчасти начать лучше понимать иностранцев: «Узнали, что мы без агрессии, они без агрессии. Личные впечатления оказались целиком положительными». Поведение самих екатеринбуржцев в отношениях с иностранцами позволило горожанам проявить свои лучшие качества: «Мне кажется, обычное большинство понимает, что никто к нам с топором не собирается. Поэтому они показывают, что в душе они добрые, и иностранцам стараются показать самое лучшее. Доброжелательно. Многие безвозмездно оказывали услуги, селили иностранцев, в том же Екатеринбурге селили у себя дома. Никто не

заставлял, никто указаний таких не давал, все сами...» Открытость, доброжелательность, дружелюбие — оказалось, что эти качества в отношениях с приезжими «пригождаются» гораздо больше, чем настороженность, предвзятость, враждебность.

Ссылаясь на материалы национальных медиа, респонденты сравнивают, как они демонстрируют реакции, поведение русских и зарубежных болельщиков. Рассказывая о личных впечатлениях, участники ФГ отмечают, что им интересно наблюдать за схожими эмоциональными реакциями зарубежных болельщиков, это способствует взаимопониманию и росту симпатий к иностранцам. Но эти впечатления вступают в противоречие с ощущениями от репортажей главных телевизионных каналов страны. Да, Россия показана ими как страна, жители которой адекватно реагируют на положительные результаты в таком мегасобытии, как ЧМ. Но при этом телеканалы демонстрируют то, как на Западе даже на положительное спортивное событие люди реагируют агрессивно или «неадекватно»: «Для меня было приятно, что наши люди адекватно, хорошо радуются. Наши выиграли: погуляли, флагами помахали, поездили, побибликали — все. Просто показывают французов — это жесть. Вроде Европа. Вроде цивилизованные люди — машины переворачивают от радости, бьют витрины».

В то же время некоторые участники обратили внимание, что события игр — это «как сигнал, чтобы быть лучше», но пройдет ЧМ — и это пройдет: «...на чемпионат мира ездит, тусуется — это один человек. Потом он приедет домой — и это другой. То есть тут он на отдыхе — у него все круто, все супер. Он чуть подвыпил, у него праздник. На него смотрят: «Так вот они какие, иностранцы. Супер». Ну и мы немножко были другие... я имею в виду, когда встречали их. Когда ждали. Доброжелательные чересчур были люди. Приедут они через год — уже немножко по-другому будет: серый Екатеринбург». Хорошее отношение к «другим», т. е. к зарубежным гостям, есть у многих, и ЧМ отчасти закрепил его, но это временный эффект. Взрослый человек, по мысли респондента, не меняется, но его поведение меняют обстоятельства — так, на празднике ЧМ, или в отпуске в другой стране он проявляет себя иначе (может быть, лучше, доброжелательней), чем он есть в других (не столь праздничных) обстоятельствах.

Следует отметить, что в восприятии отдельными участниками приезжающих на ЧМ иностранцев можно проследить и элементы отношения как к «чужакам», как к «другим», к тем, кто отличается не только культурно, но и физически; как к кому-то, кто может также обладать особыми заболеваниями, которые способны навредить жителям нашей страны, в частности самим респондентам и их близким. При отсутствии беспокойств по поводу ежедневных бытовых контактов с соотечественниками, некоторые информанты отмечают особую потребность в том, чтобы иностранцы обладали документами о проверке состояния здоровья и об отсутствии заболеваний. «Они вот берут пробы... где только бывают иностранцы. Боятся заразы, боятся, что кто-то занесет сейчас заразу... это действительно чревато очень большими последствиями. Ведь никого сюда, так сказать, не пускали

с паспортами здоровья, ехали кто ни попадя, мы же не знаем, кто здесь был и кто что вез с собой. Вот он явно — вот я уже ненавижу этот чемпионат мира; Южную Америку не рассматривала никогда, потому что там много заразных заболеваний, всякие денге и прочее...»

Среди респондентов на одной из групп оказался участник событий в Донбассе, работавший во время игр ЧМ в качестве сотрудника службы безопасности в фан-зоне. Его восприятие праздника сильно отличалось от того, что демонстрировали другие, и он отмечает, что таких, как он, немало: «Есть люди, которые после военных событий не совсем... Их видно сразу... вы просто не представляете, сколько людей через это все прошло». Для этих людей, как и для данного респондента, привыкшего на войне смотреть на «чужих» через прицел, проявление дружелюбия к иностранцам неестественно, общение с ними возможно только с позиции силы.

— Я в прошлом военный и участник некоторых военных действий. И я со многими лицом к лицу сталкивался.

— И? Они нас воспринимают как мирную страну?

— Посидят у нас в яме — и начинают воспринимать как хороших (с сарказмом).

Стремясь продемонстрировать дружелюбие и открытость иностранным гражданам на ЧМ, информанты тем не менее не скрывают постоянной готовности к конфликту, готовности отвечать на какие-либо «provokacii» активными насилиственными действиями («...кто к нам с топором придет, тот от топора и получит... Не надо к нам приезжать с топором...»). Во время интервью была смоделирована проективная ситуация для выяснения отношения к провокационным действиям (действиям негативного характера, демонстрирующим притязания иностранцев на личную безопасность или благосостояние принимающей стороны). Проективная ситуация (взятая из российских СМИ) заключалась в том, что иностранцы могут предлагать детям отправленную жвачку или сигареты с наркотиками. Данная ситуация была преподнесена как опасение, слух, якобы обсуждавшийся на родительских собраниях. Некоторые информанты сразу отметали саму возможность возникновения подобных событий, либо отсутствие личного опыта взаимодействия в подобных условиях. Другие участники выражали изначальную готовность решительно действовать в случае «подтверждения подобного слуха»: «А если такое получится... Я сам лично встану, если услышу, что такое было. И каждого буду втаптывать в землю».

Несмотря на отсутствие опыта близких отношений с иностранными гражданами и отсутствие опыта каких-либо провокаций, респонденты склонны проецировать действия РФ во внешней политике (как они преподносятся федеральными СМИ) на собственные бытовые отношения с приезжими на ЧМ иностранцами. Личные отношения с иностранцами во время ЧМ респонденты уподобляют отношениям России и западных стран: «Я не знаю, как английские дальше поведут

себя... если вот не едут драться, то нормальные болельщики. Может быть, конечно, в Англии отловили их и не пустили. Или наши спецслужбы сыграли роль. Не знаю».

Многие участники фокус-групп (и не только по тематике ЧМ и футбола) демонстрируют приверженность идеологии «особого пути России», разделяют идею «исконной враждебности» Запада и России, а также ключевого противопоставления западных ценностей российским. Источники этой идеи видятся нам не только в телевидении, но и в образовании, особенно в закрытых учебных заведениях, от кадетских школ до военных академий. Даже те респонденты, кто не особенно доволен окружающей действительностью, может более или менее взято критически анализировать факты и текущие события, в той или иной степени обнаруживают элементы подобной «патриотической картины мира», и не всегда рефлексируют над ее согласованностью с собственными мировоззрением и окружающей действительностью. Так, на одной из фокус-групп состоялся следующий разговор модератора с участниками. На вопрос «Россия — это Запад или Восток?» участники без доли сомнения дружно ответили: «Восток». Когда модератор попытался уточнить, где респонденты (за рубежом бывали все) чувствуют себя более «своими», в Европе или же в Китае, Таиланде и т. д., то есть какая культура им ближе, понятнее — европейская или азиатская, — выяснилось, что понятнее и ближе Европа, в ней они чувствуют себя более комфортно. При этом участники не изменили своей позиции относительно принадлежности России к Востоку. Некоторые высказали компромиссную точку зрения: «Россия — особая страна, со своим путем, но уж точно не Европа». Поскольку эти рассуждения об особом пути прозвучали в контексте взаимодействия России и мира в связи с ЧМ, прозвучало и такое критическое мнение: «У нас давно уже в стране такая жертвенная позиция, желание понравиться иностранцам... Складывается ощущение, что мы хотели очень сильно понравиться всему миру. Но при этом забывали, насколько нам хорошо здесь самим... Практически все отлично. Но при этом все-таки позиция должна быть такая — не у страны, а у человека на первом месте, насколько тебе хорошо, а потом уже всем остальным. И мне кажется, что это весьма жертвенная позиция сделать все возможное, чтобы понравиться другим прежде всего».

Было бы преувеличением считать, что проведение ЧМ в России произвело некие существенные сдвиги в национальном самосознании россиян. Во-первых, значительная часть российского населения чемпионата просто «не заметила». Это относится не только к тем, кто живет вне городов проведения игр. По мнению участников групп, даже многие жители периферийных районов Екатеринбурга, расположенных вдали от стадиона, фан-зоны и центральных улиц, где «тусовались» болельщики, практически никак футбольного праздника не почувствовали. И даже те соотечественники, кто считает себя болельщиком, имевшие возможность предаваться этому занятию лишь с помощью телевизора, практически «духа» чемпионата вживую почувствовать не могли, их «боление» проходило в тех же формах, как если бы чемпионат проходил в любой другой стране.

Во-вторых, те, кто мог лично приобщиться к событиям чемпионата, испытали редкую остроту ощущений, вдохнули атмосферу праздника, получили новые впечатления от наблюдений за иностранными болельщиками и от общения с ними, но все это происходило на достаточно короткой временной дистанции. За праздником, как известно, всегда следуют будни, постепенно отодвигающие яркие события в глубину воспоминаний. Вряд ли подавляющее большинство российских болельщиков, даже пережившее некоторые подвижки в сложившихся стереотипах национального самосознания, было этими событиями затронуто настолько, чтобы эти стереотипы могли подвергнуться радикальной трансформации.

Заключение

Чемпионат мира 2018 был рассмотрен нами с применением полимасштабного подхода, т. е. с учетом взаимодействия главным образом трех масштабов: глобального, национального и местного (городского) в его проведении и в реакциях на него городских жителей. Анализ наших данных позволил зафиксировать следующий парадокс: Россия хочет быть сильным игроком на международной арене, но само ее участие в ЧМ на условиях, предписанных международной организацией с высокой репутацией, свидетельствует о том, что она подчиняет и свою правовую систему, и интересы граждан целям и задачам, заданным извне. Проведение мегасобытия — дорогостоящий способ послать правительствам и гражданам других стран позитивный сигнал о либерализации внешнеэкономических отношений, открытости и глобальных амбициях. В то же время происшедший в 2014 году в российской политике «поворот» сопровождается милитаризацией экономики и патриотической пропагандой, немалую часть которой составляет внушение идеи «враждебного окружения». Реакции граждан на ЧМ-2018 продемонстрировали противоречивую динамику соревнующихся идентичностей, включающих и космополитизм, и национализм, и примирение со сверхцентрализованным управлением страной. И все же проведение ЧМ в России отчасти способствовало размыванию стереотипных представлений российских граждан о России как об «особой» стране, принципиально отличающейся от других. Особенно активно проявлялся следующий ход мысли: раз такая значительная масса иностранцев нашла здесь, в общем, нормальные условия для «цивилизованного боления» (комфортные стадионы, транспорт, нормальное жилье и питание), почувствовала в целом высокий и даже местами чрезесчур высокий градус доброжелательности и дружелюбия, ощутила себя в России, в общем, свободно, не хуже чем в любой цивилизованной стране, значит, от других стран Россия не отличается, по крайней мере, внешне и на бытовом уровне. Приезжие иностранцы, как оказалось (или показалось), мало и плохо знают Россию, но сами по себе они — обычные люди, которые проявляют неожиданно активный интерес, настроены не опасаться русских, а доверять и дружить с ними. Россия смогла устроить большой, яркий и успешный футбольный праздник. Все это, конечно, поднимает граждан принимающей страны в собственных

глазах, повышает самоуважение и самооценку. Им есть чем гордиться, и это тот случай, когда гордость обоснована, в этом чувстве отсутствуют отрицательные коннотации, связанные с ощущением превосходства.

Чемпионат на время приглушил общий негативный информационный тон в отношении «враждебного Запада», отчасти вернул людей в те времена, когда население воспитывалось в идеалах дружбы со всем «прогрессивным человечеством». Ситуация вокруг ЧМ дала нам множество примеров реального взаимодействия россиян с иностранцами, которое крайне маловероятно в обычных обстоятельствах (ввиду вышеупомянутой невозможности для многих путешествовать). При этом изначально разделяемые или как минимум неотрицаемые установки на конфликт с зарубежными странами не находят отражения в повседневных практиках взаимодействия с иностранными гостями. По всей видимости, такие установки даже не вступают в конфликт с поведением россиян, по-прежнему выражаясь в основном в вербальной форме («ненавижу понехавших»), а также иногда в политическом поведении (симпатии к радикально-националистическим политическим лозунгам, поддержка ЛДПР) и в обостренной эмоциональной реакции на этнические конфликты с гражданами стран СНГ и «национальных субъектов» РФ. Здесь проявляется «парадокс Лапьера» — большинство людей вербально транслируют устоявшиеся и широко разделяемые ценностные стереотипы, не имеющие, однако, никакой силы в бытовой практике, где люди руководствуются правилами этикета — отвечать вежливостью на вежливость, быть доброжелательным и готовым помочь любому человеку, а иностранцу, испытывающему затруднения в незнакомой обстановке, в особенности.

Литература

- Karev A. (2018). Vostok — дело громкое. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/03/01/79741-vostok-delo-gromkoe> (дата доступа: 01.03.2019)
- Bairner A. E. S. (2015). Assessing the Sociology of Sport: On National Identity and Nationalism // International Review for the Sociology of Sport. Vol. 50. № 4/5. P. 375–379.
- Barnett M., Duvall R. (2005). Power in International Politics // International Organization. Vol. 59. № 1. P. 39–75.
- Barrett S. (2012). The Necessity of a Multiscalar Analysis of Climate Justice // Progress in Human Geography. Vol. 37. № 2. P. 215–233.
- Cleland J., Cashmore E. (2015). Football Fans' Views of Racism in British Football // Journal of Sport and Social Issues. Vol. 40. № 2. P. 124–142.
- Cleland J., Cashmore E. (2018). Nothing Will Be the Same Again After the Stade de France Attack: Reflections of Association Football Fans on Terrorism, Security and Surveillance // Journal of Sport and Social Issues. Vol. 42. № 6. P. 454–469.
- Finlay C., Xin X. (2010). Public Diplomacy Games: A Comparative Study of American and Japanese Responses to the Interplay of Nationalism, Ideology and Chinese Soft

- Power Strategies Around the 2008 Beijing Olympics // *Sport in Society*. Vol. 13. № 5. P. 876–900.
- Flint C.* (2003). Political Geography: Context and Agency in a Multiscalar Framework // *Progress in Human Geography*. Vol. 27. № 5. P. 627–636.
- Gold J., Gold M.* (2008). Olympic Cities: Regeneration, City Rebranding and Changing Urban Agendas // *Geography Compass*. Vol. 2. № 1. P. 300–318.
- Gorokhov V. A.* (2015). Forward Russia! Sports Mega-events as a Venue for Building National Identity // *Nationalities Papers*. Vol. 43. № 2. P. 267–282.
- Grix J., Houlihan B.* (2014). Sports Mega-Events as Part of a Nation's Soft Power Strategy: The Cases of Germany (2006) and the UK (2012) // *British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 16. № 4. P. 572–596.
- Giulianotti R.* (2005). Towards a Critical Anthropology of Voice: The Politics and Poets of Popular Culture, Scotland and Football // *Critique of Anthropology*. Vol. 25. № 4. P. 339–360.
- Hobsawm E.* (1990). Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press.
- Horne J., Whannel G.* (2012). Understanding the Olympics. L.: Routledge.
- Jeffreys K.* (2012). Sport and Politics in Modern Britain: The Road to 2012. L.: Palgrave Macmillan.
- Kaplanidou K., Karadakis K.* (2010). Understanding the Legacies of a Host Olympic City: The Case of the 2010 Vancouver Olympic Games // *Sport Marketing Quarterly*. Vol. 19. № 2. P. 110–117.
- Kaplanidou K., Karadakis K.* (2012). Legacy Perceptions among Host and Non-host Olympic Games Residents: A Longitudinal Study of the 2010 Vancouver Olympic Game // *European Sport Management Quarterly*. Vol. 12. № 3. P. 243–64.
- Kiely R.* (2005). Globalization and Poverty, and the Poverty of Globalization Theory // *Current Sociology*. Vol. 53. № 6. P. 895–914.
- Laruelle M., Radvanyi J.* (2018). Understanding Russia: The Challenges of Transformation. L.: Rowman & Littlefield.
- Makarychev A., Yatsyk A.* (2018). Entertain and Govern: From Sochi 2014 to FIFA 2018 // *Problems of Post-Communism*. Vol. 65. № 2. P. 115–128.
- Müller M.* (2017). How Mega-Events Capture Their Hosts: Event Seizure and the World Cup 2018 in Russia // *Urban Geography*. Vol. 38. № 8. P. 1113–1132.
- Müller M., Gaffney C.* (2018). Comparing the Urban Impacts of the FIFA World Cup and Olympic Games From 2010 to 2016 // *Journal of Sport & Social Issues*. Vol. 42. № 4. P. 247–269.
- Peck J., Theodore N., Brenner N.* (2009). Neoliberal Urbanism: Models, Moments, Mutations // *SAIS Review*. Vol. 29. № 1. P. 49–66.
- Petras J.* (1999). Globalization: A Critical Analysis// *Journal of Contemporary Asia*. Vol. 29. № 1. P. 3–37.

- Polley M.* (2004). Sport and National Identity in Contemporary England // *Smith A., Porter D.* (eds.). Sport and National Identity in the Post-War World. L.: Routledge. P. 10–20.
- Poulton E.* (2004). Mediated Patriot Games: The Construction and Representation of National Identities in the British Television Production of Euro'96 // International Review for the Sociology of Sport. Vol. 39. № 4. P. 437–455.
- Schatz E.* (2008). Transnational Image Making and Soft Authoritarian Kazakhstan // Slavic Review. Vol. 67. № 1. P. 50–62.
- Tamir I.* (2014). The Decline of Nationalism among Football Fans // Television & New Media. Vol. 15. № 8. P. 741–745.
- Tomlinson A.* (2014). FIFA (Fédération Internationale de Football Association): The Men, the Myths and the Money. L.: Routledge.
- Topic M., Coakley J.* (2010). Complicating the Relationship between Sport and National Identity: The Case of Post-socialist Slovenia // Sociology of Sport Journal. Vol. 27. № 4. P. 371–389.
- Tosa M.* (2015). Sport Nationalism in South Korea: An Ethnographic Study // SAGE Open. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/2158244015604691> (дата доступа: 01.10.2019).
- Trubina E.* (2019). The Sochi 2014 Olympics: Nationalism, Globalized Place-Making and Multiscalar Legitimacy // Urban Geography. Vol. 40. № 4. P. 387–408.
- Zhou Y., Ap J.* (2009). Residents' Perceptions towards the Impacts of the Beijing 2008 Olympic Games // Journal of Travel Research. Vol. 48. № 1. P. 78–91.

The Global, the National, and the Local in the Citizens' Perceptions of the 2018 World Cup

Alexander Dolganov

Director of the fund "Sotsium" (Ekaterinburg)

Address: Pushkinskaya str. 5, Ekaterinburg, Russian Federation 620075

E-mail: dolganov@fsocium.ru

Elena Trubina

Professor, Director of the Center for Global Urbanism, Ural Humanities Institute, Ural Federal University

Address: Mira str. 19, Ekaterinburg, Russian Federation 620002

E-mail: elena.trubina@gmail.com

This paper employs the multi-scalar approach towards mega-events (Flint, 2003; Peck, Theodore, and Brenner, 2009; Barret, 2013; and Trubina, 2019) to examine the results of fieldwork conducted in Ekaterinburg in the spring and summer of 2018, namely before, during, and after the 2018 World Cup. The multi-scalar approach allows the consideration of how the supra-local and supranational processes crystallize in complex urban systems, and their connections with other systems. The

article addresses the question of the dynamics of the global, the national, and the local scales in the implementation and perception of the mega-event. Since the existing studies of the World Cup in Russia tend, as a rule, to focus on isolated topics and the national scale of the event's preparation, the article expands the focus of existing research. It demonstrates "the game of scales" in the citizens' perceptions of the World Cup. They, on the one hand, consider this mega-event as a part of the national strategy of development, including seeking investment, while on the other, they are aware that it is the transnational players (FIFA) and the federal and regional governments that predominantly benefit from the event. The authors argue that the respondents' judgements, on the one hand, are strongly informed by nationalist and geopolitical propaganda, while on the other hand, stem from the respondents' understanding of the global influences and the significance of economic logic, including the importance of the branding of the nations and cities. The citizens see both the political strategy devised to "force to show respect" and the economic driver of the national and urban growth in the mega-events. They, at the same time, are aware that it is the citizens who will be paying for the sporting festival with their taxes. The mega-events are ambiguous undertakings: while potentially open and bringing joy to everyone, they facilitate a social and geographic inequality.

Keywords: mega-events, the 2018 World Cup, Ekaterinburg, football fans, citizens, football

References

- Bairner A. E. S. (2015) Assessing the Sociology of Sport: On National Identity and Nationalism. *International Review for the Sociology of Sport*, vol. 50, no 4/5, pp. 375–379.
- Barnett M., Duvall R. (2005) Power in International Politics. *International Organization*, vol. 59, no 1, pp. 39–75.
- Barrett S. (2012) The Necessity of a Multiscalar Analysis of Climate Justice. *Progress in Human Geography*, vol. 37, no 2, pp. 215–233.
- Cleland J., Cashmore E. (2015) Football Fans' Views of Racism in British Football. *Journal of Sport and Social Issues*, vol. 40, no 2, pp. 124–142.
- Cleland J., Cashmore, E. (2018) Nothing Will Be the Same Again After the Stade de France Attack: Reflections of Association Football Fans on Terrorism, Security and Surveillance. *Journal of Sport and Social Issues*, vol. 42, no 6, pp. 454–469.
- Finlay C., Xin X. (2010) Public Diplomacy Games: A Comparative Study of American and Japanese Responses to the Interplay of Nationalism, Ideology and Chinese Soft Power Strategies Around the 2008 Beijing Olympics. *Sport in Society*, vol. 13, no 5, pp. 876–900.
- Flint C. (2003). Political Geography: Context and Agency in a Multiscalar Framework. *Progress in Human Geography*, vol. 27, no 5, pp. 627–636.
- Giulianotti R. (2005) Towards a Critical Anthropology of Voice: The Politics and Poets of Popular Culture, Scotland and Football. *Critique of Anthropology*, vol. 25, no 4, pp. 339–360.
- Gold J., Gold M. (2008) Olympic Cities: Regeneration, City Rebranding and Changing Urban Agendas. *Geography Compass*, vol. 2, no 1, pp. 300–318.
- Gorokhov V. A. (2015) Forward Russia! Sports Mega-events as a Venue for Building National Identity. *Nationalities Papers*, vol. 43, no 2, pp. 267–282.
- Grix J., Houlihan B. (2014) Sports Mega-Events as Part of a Nation's Soft Power Strategy: The Cases of Germany (2006) and the UK (2012). *British Journal of Politics and International Relations*, vol. 16, no 4, pp. 572–596.
- Hobsbawm E. (1990) *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Horne J., Whannel G. (2012) *Understanding the Olympics*, London: Routledge.
- Jeffreys K. (2012) *Sport and Politics in Modern Britain: The Road to 2012*, London: Palgrave Macmillan.
- Kaplanidou K., Karadakis K. (2010) Understanding the Legacies of a Host Olympic City: The Case of the 2010 Vancouver Olympic Games. *Sport Marketing Quarterly*, vol. 19, no 2, pp. 110–117.
- Kaplanidou K., Karadakis K. (2012) Legacy Perceptions among Host and Non-host Olympic Games Residents: A Longitudinal Study of the 2010 Vancouver Olympic Game. *European Sport Management Quarterly*, vol. 12, no 3, pp. 243–264.

- Karev A. (2018) Vostok — delo gromkoe [East is a Big Deal]. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/03/01/79741-vostok-delo-gromkoe> (accessed 01 March 2019).
- Kiely R. (2005) Globalization and Poverty, and the Poverty of Globalization Theory. *Current Sociology*, vol. 53, no 6, pp. 895–914.
- Laruelle M., Radvanyi J. (2018) *Understanding Russia: The Challenges of Transformation*, London: Rowman & Littlefield.
- Makarychev A., Yatsyk A. (2018) Entertain and Govern: From Sochi 2014 to FIFA 2018. *Problems of Post-Communism*, vol. 65, no 2, pp. 115–128.
- Müller M. (2017) How Mega-Events Capture Their Hosts: Event Seizure and the World Cup 2018 in Russia. *Urban Geography*, vol. 38, no 8, pp. 1113–1132.
- Müller M., Gaffney C. (2018) Comparing the Urban Impacts of the FIFA World Cup and Olympic Games From 2010 to 2016. *Journal of Sport & Social Issues*, vol. 42, no 4, pp. 247–269.
- Peck J., Theodore N., Brenner N. (2009) Neoliberal Urbanism: Models, Moments, Mutations. *SAIS Review*, vol. 29, no 1, pp. 49–66.
- Petras J. (1999) Globalization: A Critical Analysis. *Journal of Contemporary Asia*, vol. 29, no 1, pp. 3–37.
- Polley M. (2004) Sport and National Identity in Contemporary England. *Sport and National Identity in the Post-war World* (eds. A. Smith, D. Porter), London: Routledge, pp. 10–20.
- Poulton E. (2004) Mediated Patriot Games: The Construction and Representation of National Identities in the British Television Production of Euro'96. *International Review for the Sociology of Sport*, vol. 39, no 4, pp. 437–455.
- Schatz E. (2008) Transnational Image Making and Soft Authoritarian Kazakhstan. *Slavic Review*, vol. 67, no 1, pp. 50–62.
- Tamir I. (2014) The Decline of Nationalism among Football Fans. *Television & New Media*, vol. 15, no 8, pp. 741–745.
- Tomlinson A. (2014) *FIFA (Fédération Internationale de Football Association): The Men, the Myths and the Money*, London: Routledge.
- Topic M., Coakley J. (2010) Complicating the Relationship between Sport and National Identity: The Case of Post-socialist Slovenia. *Sociology of Sport Journal*, vol. 27, no 4, pp. 371–389.
- Tosa M. (2015) Sport Nationalism in South Korea: An Ethnographic Study. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/2158244015604691> (accessed 01 October 2019).
- Trubina E. (2019) The Sochi 2014 Olympics: Nationalism, Globalized Place-Making and Multiscalar Legitimacy. *Urban Geography*, vol. 40, no 4, pp. 387–408.
- Zhou Y., Ap J. (2009) Residents' Perceptions towards the Impacts of the Beijing 2008 Olympic Games. *Journal of Travel Research*, vol. 48, no 1, pp. 78–91.

Война и госпитали *Почему менялась архитектура последние 300 лет*

Мария Федорова

Oxford Russia Fellow, кандидат архитектуры, доцент кафедры «Архитектура»,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Адрес: ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620002
E-mail: m.s.fedorova@yandex.ru

В статье представлены взаимосвязи между архитектурой военных госпиталей и изменениями, которые происходили в организации военных действий, отношением к армии и солдату, а также развитием медицинских технологий. На примере военных госпиталей демонстрируется то, как в архитектуре отражаются многие представления о значимости и ценности каждого функционального элемента в планировочной схеме и фасадных решениях. Среди наиболее важных детерминант, определяющих изменения в архитектуре военных госпиталей, были выделены изменение идеологии войны и роли солдата, изменение представлений о медицине и гигиене, развитие военной техники и оружия. В силу своей специфики военный госпиталь имеет ряд свойственных только ему характеристик, которые включают закрытость системы, неравномерный характер поступающего потока, особое сообщество. Военный госпиталь, — это прежде всего машина для возвращения комбатантов в строй. Через изменение архитектуры военных госпиталей можно увидеть развитие медицины, изменения роли солдата, врача, разделение на ранги «солдаты» и «офицеры», военные и гражданские, отношение к дисциплине и организации лечения, развитие военных технологий и совершенствование способов транспортировки. Хронологические рамки исследования охватывают период в 313 лет, а архитектура госпиталей представлена сменой 5 основных этапов. Материалами для исследования послужили полевые дневники и записки, исторические справки, архивные материалы, книги и статьи по истории России, военной истории, медицине, а также интервью с военными врачами, историками, оружейниками.

Ключевые слова: социология архитектуры, военный госпиталь, архитектура, медицинские технологии, армия, война

Анализ влияния социальных факторов на архитектуру различных типов зданий, их облик и объемно-планировочные решения не раз становился предметом исследования социологов. Вальтер Беньямин в своих работах показывает, каким образом в устройствах пассажей конца XIX века (просторные помещения, легкие конструкции и использование стекла) отразились новые торговые привычки буржуазии, он доказывает, что такие черты торговых пассажей, как роскошная отделка, комфортность пребывания и комплексность представляемых товаров, объяснялись не только развитием торговли и строительных материалов, но и переходом

повседневной жизни к коммодификации, эстетизации мира товаров (Беньямин, 2000: 153–167). В. Гепхарт в своей статье рассматривает судебные здания Германии и описывает взаимосвязи между правовой системой и ее визуальным отражением в архитектуре, он показывает, что, после того как суды стали пониматься как функциональное место для бюрократической работы, происходит переход к новой, утратившей парадность архитектуре (Гепхарт, 2007). Влияние политики на архитектуру рассматривается Эльвиroy Ибрагимовой на примере истории правительского здания Народной скупщины в Белграде. Она показала, как смена политических режимов связана с разгромом и захватом здания (Ибрагимова, 2014). Влияние устройства общества на архитектуру продемонстрировано в статье А. Желниной (Желнина, 2011), где показано, как менялись устанавливаемые нормы поведения и городские пространства потребления (размещение входов, копирование пространства улиц), создавались пространства ограниченной публичности. Общие вопросы и проблематика социологии архитектуры описаны в статье Хайке Делитц (Делитц, 2008), в которой она определяет архитектуру как средство отражения социальных процессов. Делитц демонстрирует, как изменившаяся картина мира повлияла на архитектуру, и описывает стиль деконструктивизм, направленный на усиление коммуникативности, гибкости и креативности.

Подобный подход к архитектуре как к изменяемому под воздействием других факторов в случае с военными госпиталями обещает быть состоятельным, богатая история (более 300 лет с момента появления первого госпиталя), а также большое количество военных действий, в которых участвовала Россия за эти три века, позволяют оценить и продемонстрировать, какое влияние оказывала и продолжает оказывать война на госпитальное строительство.

Военный госпиталь: определение и характерные особенности

Проект современного госпиталя, как и проект любого гражданского медицинского учреждения, в первую очередь должен соответствовать Своду правил 158.13330.2014 «Здания и помещения медицинских организаций». Специфика с точки зрения существующих правил заключается в высоком, глухом заборе по периметру, КПП на въезде и ряде специализированных отделений, но есть и несколько ключевых характеристик, которые позволяют объяснить, чем является военный госпиталь.

Первое, на что необходимо обратить внимание, это причина, по которой появились постоянные госпитали в России. Система военных госпиталей была необходима для возвращения раненых и травмированных комбатантов обратно в строй, и эта цель за последующие годы не изменилась: «Цель военных госпиталей есть временное призрение больных военных чинов...» (из письма управляющего военным министерством графа Чернышева, август 1830) (Алелеков, 1907: 616). Сегодняшним предназначением военного госпиталя остается возвращение солдат и офицеров обратно на передовую, лечение есть способ достижения этой

цели. Ключевым показателем работы госпиталя являются «безвозвратные потери», к ним относятся не только убитые и умершие, к этой категории отнесут и тех, кто не вернется в строй из-за серьезных травм: «в некоторых случаях безвозвратные потери характеризуются общим числом выбывших из строя, когда к числу убитых, умерших и попавших в плен прибавляются еще уволенные из армии солдаты и офицеры после ранения и болезней» (Урланис, 1994: 15). Они безвозвратно потеряны для военной системы, даже если живы.

Во-вторых, современное здание госпиталя это не просто система отделений, по типу организации и приоритету функции над формой, это скорее машина, которая в период пиковых нагрузок может дать сбой в слабых местах. Госпиталь — это объект с неравномерной нагрузкой, в войну госпитали экстренно расширяются в разы и эти возможности должны быть в них заложены изначально. То есть меняющимся потребностям должно отвечать одно и то же здание. Изначально самым слабым элементом было приемное отделение, «бутылочное горло», которое не справлялось с непрекращающимся потоком, с введением сортировки слабым местом могло стать любое из отделений, если в нем не происходило оттока. Сортировка становится постоянной задачей госпиталя. Входящий поток, умело распределенный по палатам, отсекам, избам, кроватям, не должен останавливаться надолго ни на одном из этапов, госпиталь, даже постоянный, — это временное место пребывания, логистический хаб, который перераспределяет все входящие в него потоки по новым векторам. Больница, санаторий или клиника рассчитываются исходя из коечной мощности и сменяемости, определяющей динамику этой системы, пропускную способность, количество человек, которым могут оказать помощь. В ситуации с госпиталем при такой же заданной заранее коечной мощности, входящий поток может возрастать в разы, и «предустановленная» функциональная схема не имеет права на сбой.

И, в-третьих, при перегрузке, то есть слишком большом потоке раненых, пребывание в госпитале из лечебного легко могло стать губительным: при размещении большого количества людей в одном помещении инфекционные заболевания легко передавались от одного солдата к другому. Подобная перегрузка возникает при ошибках в планировании и подготовке войн. Как будет показано далее, мы всегда готовимся к войнам прошедшим, а не будущим. Вплоть до Второй мировой войны предполагаемые потери, то есть то, к чему готовились госпитали, были несравнимо меньше реальных.

Здесь я определяю военный госпиталь как закрытую многоэтапную технологизированную логистическую площадку, используемую определенным сообществом и позволяющую наиболее эффективно решать вопросы обеспечения квалифицированной медицинской помощью членов этого сообщества для выполнения ими прямых должностных обязанностей.

Военный госпиталь — это первое государственное медицинское учреждение в России, задавшее развитие всего медицинского направления. Его военные истоки во многом определили статус гражданской медицины, беспрекословный ав-

торитет врачей и места, где «людей как субъектов воли и действия почти нет, все они превращены в объекты воздействия чужой воли» (Степун, 1917). Чтобы отразить в комплексе все те изменения, которые влияют и влияли на формирование архитектуры военных госпиталей, в качестве основного ориентира были выбраны самые крупные войны, в которых участвовала Россия с момента появления госпитальной структуры. Опираясь на хронологическую последовательность, я хочу проследить, как менялось отношение к солдату и офицеру, боли и страданиям, долгу и чести, как эти понятия отражались в архитектуре госпиталей, чем являлся госпиталь в тот или иной отрезок времени (см. рис. 1).

Рис. 1. Схема изменения отношения к госпиталю начиная с 1707 года

Рассматривая войну как процесс, я хочу показать, какое влияние она оказывала на здание госпиталей, как менялась архитектура со сменой типов оружия и развитием медицины.

1700–1735. Северная война: постоянный госпиталь для регулярной армии

Затяжная Северная война, начавшаяся в 1700 году, выявила слабые места в организации русской армии, к которым относилось не только большое количество иноземцев, не оправдывающих надежд на поле боя, но и неразвитая система оказания медицинской помощи, в которой опять же отсутствовали русские врачи, а иностранцы не всегда обладали должным уровнем знаний, и отличалась примитивными методами лечения (Федорова, 2017: 14). В России не было собственной госпитальной школы и в первой половине XVII в. в армии почти не было врачей: «В то время от больных и раненых даже откупались, выдавая на руки на «лечьбу» деньги, а где и как лечиться — предоставлялось на усмотрение каждого» (Ураланин, 1994: 73).

Работа по каждому из этих двух направлений, создание постоянной и профессиональной армии и инструмента ее возобновления была необходима Петру I для достижения поставленных целей: «Для Петра I государство — институт, механизм, который должен слаженно работать. Он прекрасно понимал, что и армия — важнейший механизм, и, конечно же, она должна быть возобновляема. Отсюда он заимствует из-за рубежа те способы возобновления армии, которые уже были там.

Сама война им рассматривается как инструмент деятельности государства, улучшения положения государства» (Полевые материалы автора: историк).

Изменения в организации военных действий касались не только изменения состава и подготовленности участников, в первую очередь историки отмечают тот факт, что с каждым годом совершенствуется оружие и «меняется характер травм, их массовость, появление в XIV веке огнестрельного оружия и его применение в войнах качественно изменило характер боевой травмы» (Гуманенко, 2008: 25). При этом увеличивается количество раненых и полковой лекарь, и монахи больше не могли справляться с увеличивающимся потоком: «До XVII века военной медицины как таковой не было: после битвы раненых развозили по ближайшим монастырям, где ими занимались монахи. Полковые лекари появились, когда вдобавок к ополчению стали создаваться регулярные полки, полностью состоявшие на обеспечении государства» (Кипнис, 2012). Переход к медицинской помощи, оказываемой государством, является необходимым шагом, при этом параллельно решалась и другая важная задача — подготовка русских лекарей одновременно с созданием госпитальной системы на имеющейся базе создается первая медицинская школа.

В 1707 году в Лефортово по приказу Петра I был открыт первый в России военный госпиталь, первое государственное лечебное учреждение в России и «еще при жизни Петра I создается система из 10 крупных госпиталей и около 500 лазаретов» (Будко, 2007: 113). Многие первые госпиталя функционируют до сегодняшнего дня.

Простейшие операции и манипуляции, весьма скромные требования к гигиене — это то, что отличает медицину начала XVIII века. Поэтому и требования к планировочным решениям госпиталя были самые минимальные: возвышенное место, наличие воды, свежего воздуха и достаточного места для обустройства всех вспомогательных помещений (кухня, конюшня, баня, квасоварня, ботанический сад и т. п.). Например, в госпитале Лефортово «двухэтажное деревянное здание, состоящее из нескольких срубов, поделили на светелки (палаты), в которых и размещались солдаты, в середине размещалась церковь, анатомический театр примыкал к общему зданию госпиталя» (Алелеков, 1907: 76; Бруин, 1873: 249).

Поскольку чертежей первого здания не сохранилось, а восстановление после пожара происходило по старому проекту, то можно предположить, что госпиталь имел примерно следующую планировочную схему (см. рис. 2).

Планы первых проектов госпиталей состоят всего из нескольких помещений, нет разделения на отделения, на заразных и незаразных больных, внутреннего деления инфекционных палат по заболеваниям. Предполагалось, что просторные палаты с хорошим воздухообменом являются достаточной мерой для пресечения передачи инфекции. Только в 1789 году выходит новое положение о строительстве госпиталей, где во избежание распространения инфекционных болезней предусматривается разделение: «для наружных; лихорадочных и горячками одержимых; венерических; честных; выздоравливающих» (Государственный архив Свердловской области, Ф 24. 1Т2,2779).

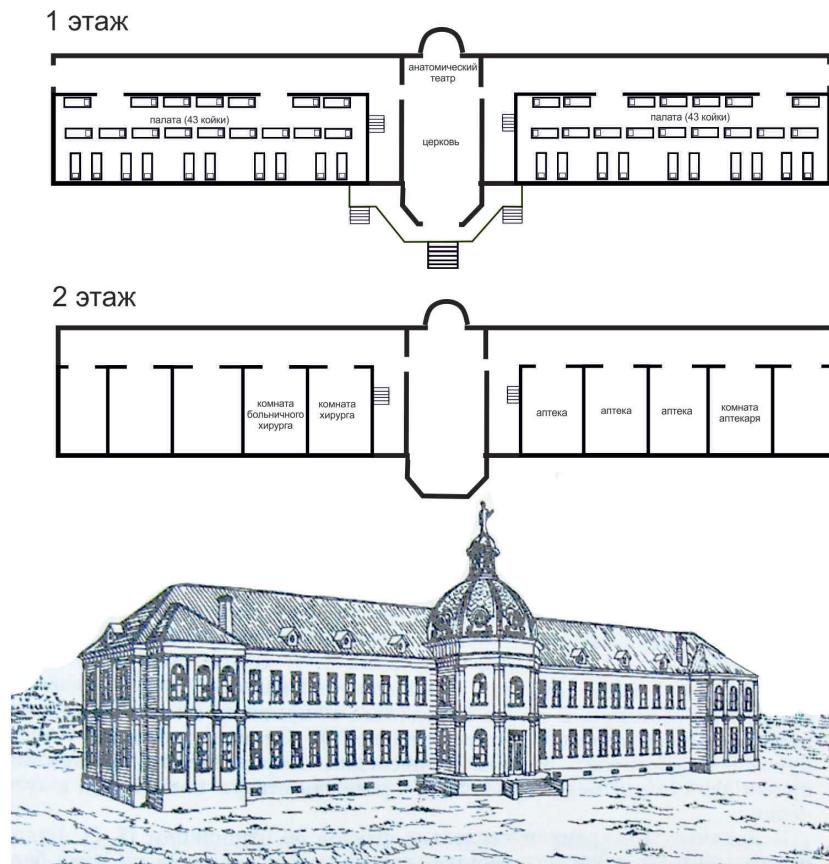

Рис. 2. Сверху — схема плана первого военного госпиталя в Лефортово (предположительно на основании описания и рисунка).
Снизу — рисунок, выполненный Н. Бидлоо в 1723–1725 года (архив музея ФГБУ «Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко» Министерства обороны Российской Федерации, далее — архив музея госпиталя им. Н. Н. Бурденко)

Если обратиться к вопросу функционального зонирования территории госпиталя, то помимо собственно медицинского корпуса и вспомогательных служб в госпитале ЛеФортово, а позднее и в остальных госпиталях в непосредственной близости к главному корпусу размещали покой главного врача (см. рис. 3). Дом врача и в дальнейшем останется на плане госпиталя изолированной и уединенной территорией, максимально приближенный к эпицентру событий, но в то же время создающей личное неприкосновенное пространство среди общественного и обезличенного.

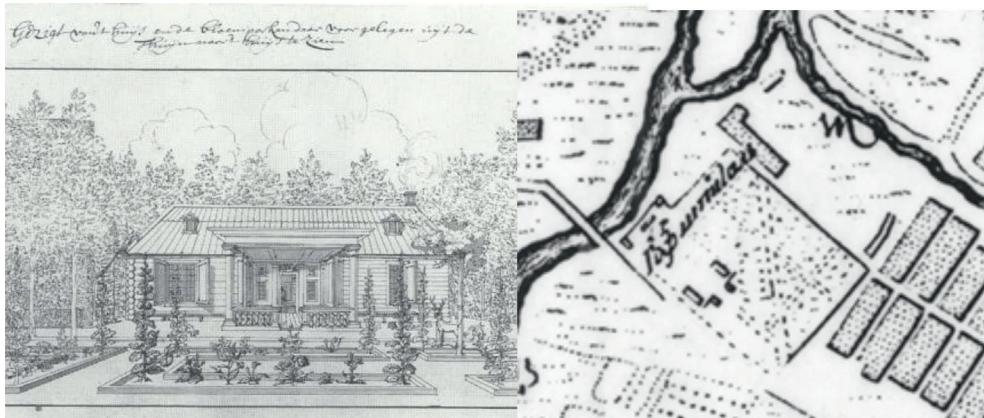

Рис. 3. Общий вид усадьбы Бидло и схема генерального плана госпиталя
(архив музея госпиталя им. Н. Н. Бурденко)

Для дальнейшего развития системы госпиталей по всей России Петр I издает ряд указов, которые предусматривают продолжение строительства медицинских учреждений в Петербурге (1716), Кронштадте (1720), Ревеле (1720), Казани (1722), Астрахани (1725) и других городах страны: «Указом Петра I (1721) магистраты обязывались строить госпитали в губерниях, так создается система заводских госпиталей, основанных на принципах, заимствованных из военной сферы» (Шестова, 2004: 4). Таким образом, в России появляется система военных госпиталей, функционирующая и сегодня.

За время Северной войны меняется не только отношение к армии (от временной к регулярной), к солдату (от временного наемника к более ценному рекруту), но и отношение к офицерству. Вводятся постоянные рекрутские наборы и создаются специализированные военные учреждения, образование становится обязательным для получения чина офицера. Армия реорганизовывается в жестко структурированную по чину (солдаты и офицеры). Отголоски этих изменений отразятся и в архитектуре, когда мы увидим на плане разделение палат на солдатские и офицерские: «...в ту госпиталь и сумасшедшие присылаться имеют, иногда офицеры, и для них надлежит иметь особые покой» (Алелеков, 1907: 362). Разделение госпиталя на классы было закреплено положением, в котором каждому классу соответствовала своя коечная мощность для офицеров и солдат.

Развитие системы медицинской помощи в госпиталях неразрывно связано с организацией медицинской или первой помощи непосредственно рядом с театром военных действий. В 1735 году по инициативе Павла Захаровича Кондоиди в русской армии впервые был организован полевой лазарет на 6 тысяч мест — теперь раненых не отправляли в тыл, а старались лечить на месте, чтобы потом вернуть в строй (Кипнис, 2012). Это нововведение значительно влияет на характер поступающего потока раненых и эффективность госпиталя, знаменуя переход ко второму этапу развития военных госпиталей.

Госпитали первого этапа с точки зрения развития медицины и архитектуры представляют собой весьма простые объекты, но их появление, рост и совершенствование находились под особым вниманием царя. Все элементы и их изменения в этой системе находятся во взаимосвязи: с одной стороны, совершенствование армии, обучение военному делу русских солдат и офицеров повышают ценность жизни каждого солдата. С другой стороны, наблюдается стремительное увеличение количества огнестрельного оружия на поле боя, которое определило новый характер ранений и травм. Требовалось особый уход, покой, манипуляции, и все это могли дать только постоянные военные госпитали. Вслед за этими запросами следует и архитектура, отвечающая на новые требования к помещениям. Раненного во время боя солдата впереди ждало непростое испытание: выжить после ранения, выжить во время транспортировки до госпиталя и найти в себе силы, чтобы выжить после всех манипуляций в самом госпитале без анестезии и обезболивающих. Поэтому, по оценкам экспертов, солдат, выживший после ранения в то время, считался практически святым (Полевые материалы автора: военный историк).

1735–1834. Русско-турецкая война, Семилетняя война, Русско-шведская война и парадная архитектура госпиталей

На втором этапе развития системы оказания помощи в военных госпиталях продолжается постепенное развитие медицины, Россия участвует в нескольких кровопролитных войнах, госпитали нужны и крайне необходимы, но «широкому внедрению активной хирургической тактики в лечении огнестрельных ран до XIX в. мешало отсутствие методов обезболивания при оперативных вмешательствах и средств профилактики инфекционных осложнений. Для предупреждения смертельных септических осложнений при огнестрельных переломах конечностей хирурги широко применяли первичные ампутации» (Гуманенко, 2008: 27). Эта цитата ярко демонстрирует то, чем являлся госпиталь второй половины XVIII века, это место инвалидизации. Место, куда поступают еще вчера здоровые и сильные солдаты, а выписываются инвалиды. Госпиталь — это место боли, в качестве обезболивающих использовались слабые эфиры, лишь немного притупляющие боль.

Эти важные и определяющие госпиталь XVIII века противоречия, возрастающее количество раненых, подчеркнутое уважение к воинскому делу и малоразвитость консервативных методов лечения, гигиены не могли не найти своего отражения в архитектуре. Именно на этом этапе строятся самые впечатляющие и монументальные здания госпиталей, которые позже попадут во всем своды памятников архитектуры с формулировкой «в их величественной архитектуре отражалась мощь и боевой дух русской армии» (см. рис. 4, 5).

Рис. 4. Главный корпус госпиталя Лефортово, 1799–1802, арх. И. Егров
(архив музея госпиталя им. Н. Н. Бурденко)

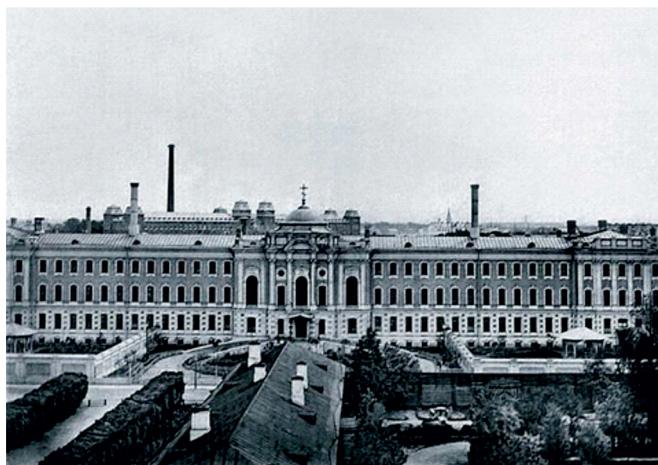

Рис. 5. Николаевский военный госпиталь,
Санкт-Петербург, 1835, арх. А. Е. Штаубер

Ранения напрямую связаны с оружием, которым они наносятся, оружие заставляет медицину развиваться: «Были луки и стрелы, всякая рана была резаной, и ее лечить научились. Огнестрельная рана появилась, когда изобрели мушкеты, аркебузы и т. п. И выяснилось, что огнестрельная рана совсем по-другому выглядит и совсем по-другому протекает, просто так взять и зашить ее не получается, солдаты все равно погибали» (Полевые материалы автора: военный врач (нейрохирург)). Были необходимы новые подходы к лечению, старые методы на фоне возрастающего количества раненых и тяжести их ранений все более серьезным оружием показывали свою неэффективность.

В 1759 году, через два года после начала Семилетней войны, русская армия впервые использует короткоствольное полевое орудие «Единорог», снабженное прицелом. Новый тип оружия, его мощь изменили расстановку сил на поле сражения и определили рост количества пострадавших, в этот момент в архитектуре госпиталей появляется и закрепляется новый тип корпусов — бараки. Барак — универсальное решение для размещения большого количества людей в условиях отсутствия финансирования, использовались они в основном как летние помещения, с добавлением каминов они становятся всесезонными: «...еще выстроено из городской суммы пять деревянных лазаретных балаганов с каминаами, удобных к помещению в каждом не менее 100 человек больных» (1826 год) (Алелеков, 1907) (см. рис. 6). Существующие госпитали начинают расширяться за счет устройства бараков, чтобы вместить всех нуждающихся.

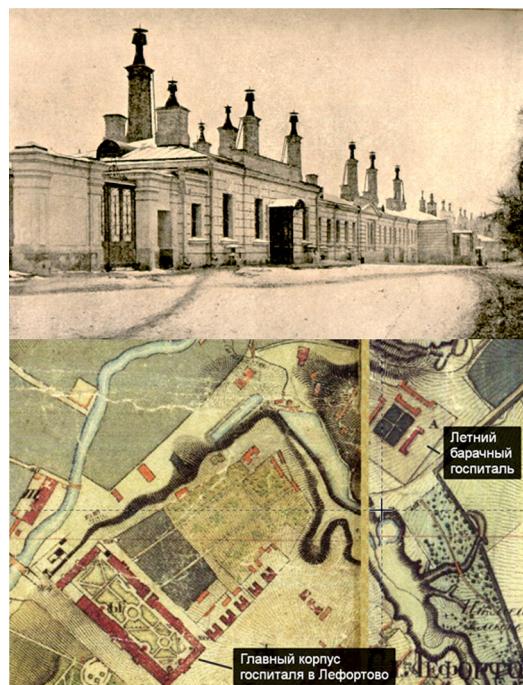

Рис. 6. Заразные бараки в госпитале в Лефортово, карта расположения летних бараков госпиталя (архив музея госпиталя им. Н. Н. Бурденко)

В это время формируется патриотическое сознание солдата, война становится символом восстановления справедливости и участие в войне уважаемо. Госпитали этой эпохи в Лефортово, Николаевский, Кронштадтский — одни из самых высоких зданий в городе, они богато декорированы и демонстрируют уважение к ра-

боте врача и долгу солдата. Как пишет в своем исследовании Золотарев о войнах второй половины XVIII века: «Солдатская масса не столько умом, сколько сердцем ощущала историческую справедливость собственного участия в этих событиях. Она не могла относиться к войнам, которые вела Россия, как к безразличным для нее „барским“ делам... Высокий моральный дух русского войска превратился в один из основных факторов боеспособности армии» (Золотарев, 2001: 39).

Из воспоминаний прапорщика-пехотинца, участвовавшего в кампании 1821: «Не перестану до конца дней ставить себе щастием величайшим, что судьба удостоила меня быть в рядах защитников Отечества, сей чести ничем заменить не допускаю; всякий раз, когда вспоминаю о том, внезапная радостная гордость, подобная чудному восторгу, озаряет дух и сердце, не забывающее тех славных событий, в коих и я, право имею сказать, участвовал, — как капля в бурном океане» (Ивченко и др., 1985: 2). При серьезном ранении шансы выжить, сохранить здоровье были минимальны, госпиталь представлял собой не место для отдыха, а скорее еще одно испытание за жизнь. К примеру, хирургию, которая была одним из основных отделений, старались размещать как можно дальше от палат: «дабы крику и жалости другие больные не слышали и не видели» (Алелеков, 1907: 362).

Дневники полевых и военных врачей в один голос говорят о нехватке мест, персонала, помещений, сноровки, времени, знаний: «Спертым воздух рождал болезни, больные лежали на полу, не имея ни соломы для подстилки, ни одеял, ни лекарств. Скоро и медиков стало недостаточно, и госпитали вместо того, чтобы служить для пользования и отдохновения для больных, способствовали сами распространению заразительных болезней» (Затлер, 1861: 35). Об отношении к госпиталям можно судить и по высказываниям Суворова: как в своих обращениях к солдатам, так и в организованной им строевой дисциплине, он предпринимал все усилия, чтобы его подчиненные никогда не оказались на госпитальной койке. Причина его негативного отношения крылась не только в методах лечения, но также в бюрократизации и хищении, совершаемых администрациями госпиталей. В «Науке побеждать» он формулирует основную опасность, таящуюся в госпиталях того времени: «Один умирает, а десять товарищей хлебают его смертельный дух». Его понимание необходимости чистоты очень тонко отражало требование к гигиене, которая должна быть в госпиталях (Суворов, 2019).

Принционально другим становится внешний облик госпиталей, доказавших свою важность и значимость. Из деревянных, временных, малоэтажных и недолговечных оболочек они перерождаются в каменные исполинские здания с богатым декором. Деревянными остаются лишь те постройки, которые можно быстро восстановить. Архитектуре свойственна «величественная приподнятость образа, соответствующая общественному назначению старейшего лечебного заведения России» (Виноград, 1951), как, например, у госпиталя в Лефортово. Архитектура нового военного госпиталя в Риге, построенного 1808–1810 годах по проекту Ф. И. Демерцова (уже имевшего опыт проектирования и строительства госпиталя в Санкт-Петербурге, см. рис. 7, 8), «впитала в себя характерные направления клас-

цизма рубежа третьего и четвертого десятилетий XIX века: строгая симметрия всех элементов, геометрическая ясность объемов, простота внешнего убранства, четкие архитектурные формы, непременным атрибутом которых был колонный портик с треугольным или ступенчатым фронтом. Здание стало передовым для своего времени, полностью отвечавшим новейшим требованиям тогдашней медицины» (Сурин, 2010).

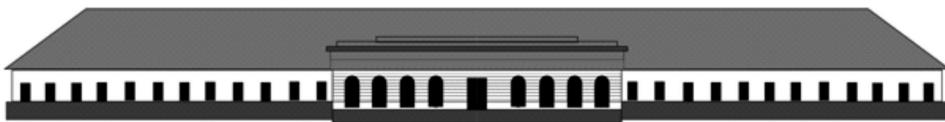

Рис. 7. Госпиталь в Риге, архитектор Ф. И. Демерцов, 1808–1810 (Сурин, 2010)

Рис. 8. Госпиталь Лейб-гвардии Семеновского полка в Санкт-Петербурге, архитектор Ф. И. Демерцов, 1797 (Карцов, 2008)

Госпитали второго этапа, здания которых занимали целые улицы и кварталы, своей мощью и незыблемостью демонстрировали силу не только русской армии, готовой на столь значительные расходы, но и дань уважения к боли и испытаниям, которые ожидают попавших в них солдат.

Очередной кризис медицины переживет в Крымскую войну, которую я выделяю в отдельный этап. Изменения, заложенные в этот период, полностью изменили структуру госпиталя и сделали его таким, каким мы знаем его сегодня, изменили его образ в сознании солдат.

1853–1903. Крымская война, переход к утилитарной архитектуре

К моменту начала Крымской войны в 1853 году противоречия, обозначенные еще в прошлом этапе: увеличение потока раненых и больных и отсутствие возможностей для оказания медицинской помощи, позволяющей сохранить здоровье, обострились до предела. При этом патриотический дух солдат, столь важный для боя,

падал, как пишет Н. И. Пирогов: «За кого же считают солдата? Кто будет хорошо драться, когда он убежден, что раненого его бросят, как собаку?» (Пирогов, 1950). Пожалуй, одним из самых шокирующих итогов войны 1853–1856 гг. стало число умерших в госпиталях и лазаретах от болезней, несопоставимо превосходившее количество погибших от оружейного огня неприятеля (Наумова, 2012: 354). До Крымской войны основной хирургической тактикой была ампутация. Отсутствие гигиены, асептики приводило к тому, что даже при удалении пуль или осколков из раны, она все равно начинала гноиться. Процентное отношение числа умерших от ран к числу убитых колебалось в довольно широких пределах в зависимости от степени летальности при ранениях. В большинстве войн XIX века число умерших от ран составляло половину и даже три четверти числа убитых (Урланис, 1994: 126).

В этот период были приняты на вооружение нарезные артиллерийские орудия, которые обладали значительно большей огневой мощью и отличались повышенной кучностью при стрельбе. После 1860 года меняется и расстановка сил на поле боя: артиллерия уступила первенство пехоте по плотности и точности огня.

Два главных открытия этого этапа кардинально меняют план военного госпиталя. Первое это анестезия, которая позволила проводить операции под наркозом, без спешки и не отвлекаясь на крики пациента. Анестезия дала возможность хирургам заниматься лечением ран, исключив самого человека из операционной, где остается только тело, но и эти изменения внедрялись постепенно и были доступны не всем, в зависимости от чина велась и разная статистика потерь (Урланис, 1994).

Вторым открытием, навсегда изменившим как военный госпиталь, так и любое другое медицинское учреждение, стало развитие бактериологии. Понятие чистой раны изучается с новых точек зрения, исследуются причины заражений, появляется асептика, развивается гигиена, и все помещения госпиталя делятся на белые и черные, то есть на чистые и грязные. В одном здании появляется особый, новый, невидимый подуровень, попасть на который можно только с особых точек входа, выполнив ряд правил. Чистые потоки никогда не будут пересекаться с грязными, сначала помещения, затем воздух (через вентиляционные трубы) — все будет поделено: «Гигиена, прежде вовсе не существовавшая, будучи сама молодая, старается обнять собою почти всю медицину. Не лечить она ставит своею задачею, но предупредить заболевания, не человек в отдельности является объектом ее попечений, но человеческие общества и целые массы людей» (Алелеков, 1907: 668).

Появилась необходимость создания предоперационной, «где хирург готовит свои руки (были способы обработки рук, стерилизации), где одевали халаты, маски, то есть чистую одежду» (Полевые материалы автора: военный врач (анестезиолог)) (см. рис. 9).

На фоне роста огневой мощи оружия, увеличения его точности, медицина не могла не совершить грандиозный скачок в тактике оказания помощи раненым. Эти революционные по характеру изменения отразились в архитектуре, в планировочных решениях. В то же время, этот этап знаменует начало упрощения фасадных решений, госпиталь перестал быть местом боли, местом, где солдатам

и офицерам все еще приходилось сражаться за собственную жизнь, проявлять мужество и стойкость.

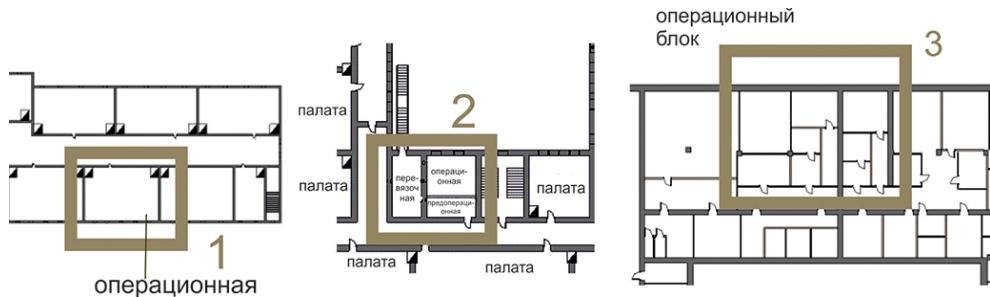

Рис. 9. Схема трансформации операционного блока от палаты к современному состоянию (1809, 1910, 1994).

1904–1989. Войны начала и середины XX века: госпитали массовых войн

Войны XX века представляют собой отдельный этап, который включает в себя Русско-японскую войну, Гражданскую войну, Первую и Вторую мировую войны. Интенсивность военных действий и недостаточное финансирование стали причиной того, что все чаще госпитали устраиваются в пустующих общественных зданиях вместо строительства новых. С другой стороны, большой объем практики для военных врачей и отдача от нововведений, описанных на прошлом этапе, позволили значительно повысить эффективность госпиталя, несмотря на медленно снижающийся показатель смертности. Также на этом этапе происходит переход от госпиталя, в котором солдата ждали боль и страдания, к госпиталю, который ассоциировался с укрытием и местом отдыха.

Соотношение боевых и санитарных потерь «в первой половине XX века — в Русско-японской...» число умерших от ран было в 4 раза меньше числа убитых. Это было результатом широкого применения принципов, разработанных Пироговым, Листером и Пастером (Урланис, 1994: 131). И, если во второй половине XVIII и начале XIX века на войне умирали по большей части не от ран, а от концентрации больших масс людей в одном месте, то именно в эпоху массовых войн, когда подобные скопления могли иметь самые тяжелые последствия, ситуация поменялась. Однако показатели смертности остаются примерно на том же уровне, несмотря на кардинальные изменения в работе госпиталя: наравне с изменениями, которые происходят внутри госпиталя, совершенствуется и система эвакуации раненых с поля боя, «прогресс в организации военно-санитарного дела способствовал более быстрой и полной госпитализации раненых, что означало увеличение количества тяжело раненых» (Золотарев, 2015: 74), а следовательно, большее количество тяжелораненых в госпиталях требовали новых мер по оптимизации, сортировке и выбора метода лечения, этот замкнутый круг — адаптация госпиталя

под поток, увеличения потока, новая адаптация стал причиной того, что, несмотря на все те качественные изменения, которые уже произошли, показатели смертности остались прежними. Следующая война, Первая мировая, принесла с собой еще большие потери, убитыми насчитывается более 2 млн человек, санитарные потери ранеными около 3 млн человек. Летальность среди раненых составляла 13,5%, в строй вернулось только 40% военнослужащих. Оперируемость продолжала постепенно расти, но господствовала консервативная тактика в лечении раненых (Гуманенко, 2008: 33). С развитием технологий меняется и характер войны, во Вторую мировую войну «зарождаются новые рода войск — авиация и танки, а также резкий рост нарезной и гладкоствольной артиллерии», война становится маневренной (Смирнов, 1976: 58). Маневренному характеру боевых операций присуще преобладание боевых санитарных потерь над небоевыми. Использование механического транспорта также сделало возможным эвакуацию больных в тыл и быструю ликвидацию скоплений больших масс раненых, среди которых обычно возникали эпидемиологические заболевания (Уралнис, 1994: 296).

В дневниках солдат и офицеров, участников боевых действий, прослеживается новое отношение к госпиталю, из места боли он превращается в укрытие, безопасное место: «Я знаю несколько офицеров, которые были тяжело ранены и даже ампутированы, но, несмотря на это, считали себя счастливыми, что, наконец, могли, хоть в госпиталях, отдохнуть от перенесенных ужасов и треволнений. <...> Но и в госпиталях не приходилось им долго отдыхать, так как мало-мальски оправившихся офицеров немедленно опять отправляли на позицию» (Лилье, 2002).

Описания участников Великой Отечественной войны представлены наиболее широко, возможно, поэтому они настолько сильно разнятся. Н. Н. Никулин в своих дневниках представляет ранение как спасение, а возможность попасть в госпиталь как способ избежать смерти на поле боя: «Те, кто на передовой, — не жильцы. Они обречены. Спасение им — лишь ранение. Те, кто в тылу, останутся живы, если их не переведут вперед, когда иссякнут ряды наступающих» (Никулин, 2017: 177). Он также описывает свое ранение, которое оперировалось без наркоза: «сел я под елку, дали мне водочки, и врач ножницами, без наркоза, раз, два, три, четыре, — взрезал мне спину. Так, наверное, лечили еще в легионах Юлия Цезаря. Можете вы представить, что это такое? Не можете! И не дай бог вам это испытать... В общем, через несколько минут я потерял сознание от боли» (Никулин, 2017: 177). Но, как мы ранее уже говорили, так лечили не только в легионах Юлия Цезаря, но и всего за каких-нибудь 100 лет до описываемых событий. Образ госпиталя как места боли очень быстро стерся из памяти солдата. В результате работы санитарно-медицинской службы во время Великой Отечественной войны к службе было возвращено 72,3% раненых и 90,6% больных (Иванов и др., 1985: 272).

Госпитали XX века во многих случаях размещались в неприспособленных под их нужды зданиях, в школах, производственных помещениях, общественных зданиях. Архитектура как таковая была отодвинута на второй план и уступила место стандартизации (см. рис. 10). У госпиталя появляются все признаки военного объ-

екта, контрольно-пропускной пункт и забор, «на определенном этапе в госпитале появляется секретный отдел, а его работа должна охраняться особо тщательно и строго, вот вам и первый забор» (Полевые материалы автора: руководитель отделения военного госпиталя). Найти имя архитектора или автора таких проектов становится все сложнее, типовые серии, адаптированные и готовые к строительству, требуют лишь небольшого проекта привязки.

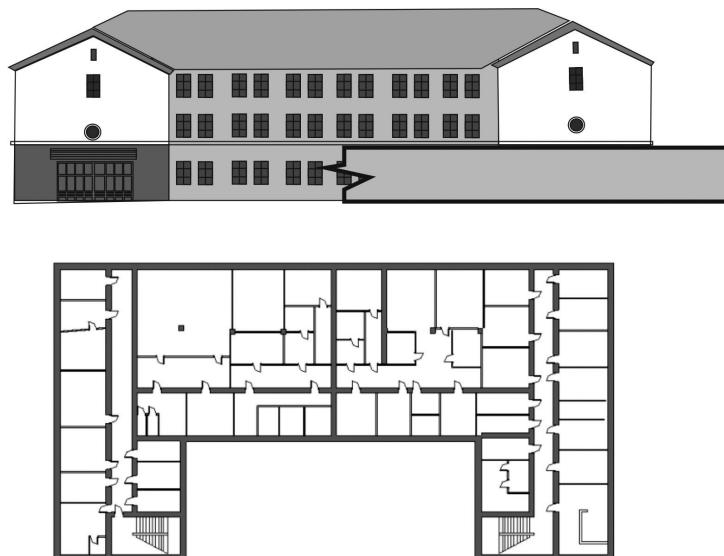

Рис. 10. Военный госпиталь в Шадринске, не действующий
(ОАО «Военпроект11», Архив)

Смена тактики, использование нового вида оружия (химического), рост количества маневренных орудий определили траекторию развития военной медицины. Войны XX века — это период, когда война становится образом жизни (Сенявская, 1999), необходимость в госпиталях была стабильно высокой и для размещения раненых используют любые здания, основный упор в развитии определяется эффективностью лечения, а не условиями оказания помощи. Ушедшая эпоха массовых войн изменила отношение к солдату, что отмечают и военные врачи, сегодня «солдат — это всего лишь один из видов оружия, его можно применить удачно, а можно неудачно. Поэтому армия — это не демократия» (Полевые материалы автора: военный врач (нейрохирург)). Изменились и правила игры: от слов о долге, чести к «на войне правил нет. Хороши те средства, которые приносят результат, а уж какие они там с точки зрения морали, на войне это солдат беспокоит в последнюю очередь» (Полевые материалы автора: оружейник). И изменилось отношение к потерям: «Всё, что не измеряется тысячами, это ерунда. Цинично, но правда» (Полевые материалы автора: оружейник).

1989–2019. Госпитали локальных войн, размытие границ и обезличенность

Локальные войны выделены в отдельный этап, поскольку принцип ведения боевых действий, количество и контингент пострадавших не позволяют объединить их с предыдущим этапом. Локальные войны и вооруженные конфликты второй половины XX — начала XXI в. унесли сотни тысяч человеческих жизней, но наиболее крупные из них одновременно послужили очередным импульсом в развитии военно-полевой хирургии (Гуманенко, 2008: 43). В новых войнах прослеживается тенденция к размытию границы между военным и гражданским сектором, о чем, к примеру, пишет Мэри Калдор: «Различие между войной и миром провести настолько же трудно, насколько трудно провести различие между политическим и экономическим, публичным и частным, военным и гражданским» (Калдор, 2016: 234). Потери среди гражданского населения в новых войнах значительно превышают потери среди комбатантов, что ставит вопрос о назначении военного госпиталя в условиях новых войн. После 1945 года история насчитывает несколько сотен локальных войн: «современные войны фактически не признают различия между фронтом и тылом, между солдатом, сражающимся на поле боя, и тружеником глубокого тыла, между мужчиной и женщиной, стариками и детьми» (Тюшкевич, 2018).

Характерное для локальных войн размытие границ между гражданским и военным находит свое отражение и в госпиталях, в мирное время «любое лицо может заключить договор и прийти в госпиталь и платно получить помочь» (Полевые материалы автора: руководитель отделения военного госпиталя), а в период ведения военных действий, как подчеркивают сами врачи, они оказывают помощь всем, даже боевикам (Полевые материалы автора: военный врач (анестезиолог)). Это размытие отражается в универсальных требованиях архитектуры к проектам военных госпиталей и гражданских больниц. Но при этом никто из опрошенных мной экспертов не видит возможности объединения двух структур и создания единого центра помощи пострадавшим в войне, связывая это с тем, что «сообщение секретности не позволит слить их в одно, потому что люди, которые участвовали в боевых действиях и выполняли различные задачи, все равно будут изолироваться, они могут являться носителями каких-то секретов» (Полевые материалы автора: военный историк).

Обязательным элементом любого госпиталя этого этапа является высокий глухой забор, причины его появления и установки называются самые разные. Те, кто находится вне госпитальной системы, видят в этом заборе способ защиты и скрытия как информации, так и происходящих внутри процессов. Те же, кто находится внутри, видят в нем возможности изолировать раненых и больных, не допустить побега, защитить их так же, как они защищали свою страну на поле боя, поскольку военный госпиталь является объектом повышенного внимания: «во втором или третьем году был взорван Моздокский госпиталь, мне кажется это

ключевой момент, после которого все госпитали стали строить в глубине, далеко за забором, они перестали быть доступными взгляду» (Полевые материалы автора: военный врач (нейрохирург)).

Обезличенность как прием в современном госпитале используется повсеместно, так, в одном из интервью врач говорит о том, что даже российские военные в госпитале в Сирии «носили форму без всяких опознавательных знаков и на тему войны не общались» (Ридус, 2017). В условиях современных войн госпиталь вновь перестал быть безопасным: «поэтому не носят погоны, чтобы не узнали солдат или офицеров. Вот поэтому обезличивание происходит для того, чтобы всех уравновесить» (Полевые материалы автора: военный врач (анестезиолог)). А скромные архитектурные решения «отражают в этом случае не изыск мастера, а простую экономию на всем, на чем можно. Хочет того государство или нет, оно показывает, что, с его точки зрения, самое главное для государства с пациентами и пользователями этих зданий случилось где-то в другом месте» (Полевые материалы автора: социолог архитектуры) (см. рис. 11).

Рис. 11. Фасад военного госпиталя, проект 2007 г. (ОАО «Военпроект 11», Архив)

В интервью один из сотрудников госпиталя, когда мы затронули тему внешнего вида, сказал: «посмотрите на новый проект, он безликий, у госпиталя нет лица. Скоро у нас юбилей и что мы можем напечатать на памятных открытках?» (Полевые материалы автора: руководитель отделения военного госпиталя). Что отличает военный госпиталь сегодня и позволяет проходящему мимо человеку идентифицировать этот объект правильно? Никаких маркеров медицинского учреждения у этого объекта нет, он воспринимается только как военный. Госпитали локальных войн характеризует безликость, это безликие здания, скрытые за высоким забором, которые, с одной стороны, своими скромными фасадами сливаются с окружающей застройкой, а с другой — скрывают реальных солдат, ужасы войны и обманчивость ее гуманизации.

Как пишет В. А. Золотарев в середине столетия, когда закончилась Вторая мировая война, научная мысль рассматривала мир иначе, чем сейчас. Особенность традиционного мышления состояла в том, что оно было силовым. Военная сила считалась ключевым средством решения политических вопросов (Золотарев, 2001: 582), возможно, это и послужило одним из факторов ввода войск в Афганистан. Цифры, показывающие эффективность работы госпиталя, разительно отличаются от войн первой половины XX века. Если в прошлом периоде отмечалось, что совершенствование системы эвакуации увеличило нагрузку на госпитали за счет

солдат и офицеров с тяжелыми ранениями, которые при быстрой эвакуации успевали попасть в госпиталь вовремя, то на этапе локальных войн развитие медицинских технологий и оптимизация работы госпиталя (сортировка, размещение, дисциплина) позволили существенно снизить и смертность, и увеличить количество возвращенных в строй солдат, так, в Афганистане были возвращены в строй 82% (Гуманенко, Самохвалова, 2011: 44), а в первой Чеченской кампании (1994–1996 гг.) — 87% солдат и офицеров (Гуманенко, Самохвалова, 2011: 46). Госпиталь стал логистической площадкой, на которой все поступающие потоки раненых перераспределяются в нужных векторах для получения профессиональной, необходимой для каждого случая помощи, архитектура подстроилась под нужды этой системы, и теперь все ее элементы работают как единый слаженный механизм.

Как пишет Урланис: «Изучение соотношения между числом раненых и числом убитых важно для различных целей <...> оно свидетельствует о степени смертносности оружия, ожесточенности сражений и т. п.» (Урланис, 1994: 130). Показатель «количество боевых потерь» отражает интенсивность огня, используемый тип оружия, санитарные потери отражают общую заболеваемость и количество раненых, эти значения во многом определяются войной, которая ведется, и тактикой. Но ключевым показателем эффективности работы госпиталя является процент вернувшихся к службе солдат (см. рис. 12).

Рис. 12. Изменение процента вернувшихся в строй после ранения или болезни солдат и офицеров

График по нескольким крупным войнам был составлен на основе материалов из различных источников (Урланис, 1994; Кривошеев, 2001; Богданович, 1860; Золотарев, 2001; Гуманенко, Самохвалова, 2011; Затлер, 1861), во многом данные в этих источниках отличаются (иногда в разы), и процент вернувшихся в строй приводится только для войн начиная со Второй мировой, но складывающийся тренд вполне очевиден.

В данном графике я не привожу показатель летальности, поскольку он не может в полном мере отразить цель работы самого военного госпиталя, направленного на возвращение в строй, на поддержание армии. Кроме того, точных данных зачастую нет, в войнах XVIII века этот показатель приравнивают к 9–15%, что кажется неоправданно заниженным.

Потери России в XVIII, XIX и XX веках (сведения о более ранних периодах не сохранились (Затлер, 1861: 73)) относительно других стран поражают. Опыт, накопленный военной медициной за эти три столетия, был приобретен путем колоссальных жертв и потерь.

Грядущие войны, архитектура военных госпиталей ближайшего будущего

Любое здание имеет планируемые показатели морального и физического износа, они подразумевают, что объект, который мы проектируем и создаем сегодня, должен быть безопасным и пригодным для эксплуатации на протяжении 125–175 (для госпиталей) ближайших лет, при этом его планировочные решения и внешний облик также должны отвечать требованиям современного и последующих поколений.

Те госпитали, которые строятся сегодня, будут работать и в следующем веке, при этом история изменений их планировочных решений за прошедшие 300 лет, описанная выше, наглядно демонстрирует, насколько сильно меняется представление о структуре и внешнем облике этого военного лечебного учреждения.

Самым современным госпиталем сегодня можно назвать Филиал № 4 ФГКУ «419 ВГ» Минобороны Российской Федерации в Анапе. Компоновка, объем и отделка фасадов отсылают нас к американским hospitals, которые имеют совершенно другой смысл и действительно направлены на оказание помощи всем желающим, отсюда и обширное втягивающее пространство, и прозрачный и приветливый холл.

Из обычной стилистики военного госпиталя в этом фасаде лишь строгость, неизыблемая параллельность линий и голые колонны у входа (см. рис. 13).

Рис. 13. Филиал № 4 ФГКУ «419 ВГ» Минобороны Российской Федерации, Анапа, открыт в 2018 г. (источник: anaparegion.ru)

Как многократно подчеркивалось ранее, оружие определяет направление работы госпиталя. В Первую мировую войну впервые использовалось химическое оружие, ядерное — при бомбардировке Хиросимы, какими технологиями будет вестись война в будущем и кто будет ее вести — вопрос дискуссионный: «в эпоху ядерного вооружения мы не можем позволить военным машинам себя разрушить, поскольку они неминуемо заберут нас собой» (Деланда, 2014: 124). Эксперты в этом вопросе дают разные оценки: «еще сильнее уменьшится воздействие личного оружия, стрелкового, то есть пулевого поражения, осколочное останется примерно таким же, то есть на уровне 85%, а вот ожоговое, температурное, термобарическое оружие, оно начнет активно развиваться (Полевые материалы автора: оружейник). Или же другое мнение: «Тенденции определяются тем, к какой войне мы готовимся. Одни считают, что в возможной грядущей войне мы сможем сохранить господство в воздухе, а значит, целой останется инфраструктура, дороги, не будет проблем со снабжением. Вторые считают, что господство в воздухе мы можем потерять, а значит, необходимы бомбоубежища, дополнительные источники питания и многое другое» (Полевые материалы автора: руководитель отделения военного госпиталя).

Заключение

Разобранный мной пример взаимосвязи архитектуры и сообщества, медицины и технологий, показывает, что все эти процессы развиваются одновременно, и изучение зданий в отрыве от их социального контекста дает лишь усеченную, недостаточную картину. Военный госпиталь — это лишь пример, на котором эти изменения отражались особенно ярко, но тот же подход мы можем применить и к другим зданиям.

За годы изменений госпиталь как особый тип здания утратил свое «лицо», его сложно идентифицировать и отличить от любого другого военного объекта. Однако связывать эту трансформацию исключительно с финансированием было бы слишком поверхностно, ведь кардинально изменилось отношение к солдату: от скрупулезного формирования лица армии (постоянная служба, обучение, рекрутинг) в начале XVIII века к современной безликости солдатской массы. Каждая война обозначала и бросала новые вызовы врачам, диктуя не только поток раненых, но и характер травм и ранений, медицина следовала за изменением типа войны и оружия, подстраиваясь под новые реалии. За три столетия система оказания медицинской помощи усовершенствовалась настолько, что показатели вернувшихся в строй приближаются к максимально возможной отметке, это отражается и в архитектуре, в сложной разветвленной планировочной структуре, где каждому кабинету или палате было найдено определенное место, и на фоне этой развитой планировочной структуры очень контрастно выглядят фасады, лишь терявшие за прошедшие годы былую значимость.

Литература

- Аалто А. (1978). Архитектура и гуманизм. М.: Прогресс.
- Алелеков А. Н. (1907). История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летнему его юбилею 1707–1907 гг. М.: Типография Штаба Военного округа.
- Амосов Н. М. (1974). ППГ-2266, или Записки полевого хирурга. Симферополь: Салта.
- Басов Н. Ф. (2012). Социальная работа с инвалидами. М.: КНОРУС.
- Беньямин В. (2000). Париж, столица XIX столетия // Беньямин В. Озарения. М.: Мартис. С. 153–167.
- Богданович М. И. (1860). История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. СПб: Типография Торгового дома С. Струговщика.
- Боткин Е. С. (1908). Свет и тени Русско-японской войны: 1904–1905 гг. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича.
- Бруин К. де (1873). Путешествие через Москвию Корнелия де Бруина / Пер. с франц. П. П. Барсова под ред. О. М. Бодянского. М.: ИОИ и ДРМУ.
- Будко А. А. (2001). Полевая военно-медицинская организация Красной Армии так и не была создана в предвоенный период // Военно-исторический журнал. № 1. С. 91–96.
- Будко А. А. (2007). Основные этапы истории военной медицины в России // Вопросы истории. № 7. С. 113–120.
- Вилле Я. (1806). Краткое наставление о важнейших хирургических операциях. СПб.: Медицинская типография.
- Виноград В. А. (1951). История русской архитектуры. М.: Стройиздат.
- Гепхарт В. (2007). Места правосудия: судебная архитектура между сакральными и профанными строениями / Пер. с нем. В. Гиряевой под ред. А. Ф. Филиппова // Социологическое обозрение. Т. 6. № 3. С. 21–32.
- Гуманенко Е. К. (2008). Военно-полевая хирургия. Москва: ГЭОТАР-Медиа.
- Гуманенко Е. К., Самохвалова И. М. (2011). Военно-полевая хирургия локальных войн. Москва: ГЭОТАР-Медиа.
- Деланда М. (2014). Война в эпоху разумных машин / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Институт общегуманитарных исследований.
- Делитц Х. (2008). Архитектура в социальном измерении / Пер. с нем. М. Б. Вильковского и А. Г. Воробьевой // Социологические исследования. № 10. С. 113–121.
- Дельвиг В. С. (2013). Место и роль Московского госпиталя в истории реформирования российской медицины в 1707–1735 гг. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-moskovskogo-gospitalya-v-istorii-reformirovaniya-rossiyskoy-meditsiny-v-1707-1735-gg> (дата доступа: 03.09.2019).
- Желнина А. (2011). «Здесь как музей»: торговый центр как общественное пространство // Laboratorium. № 2. С. 48–69.

- Затлер Ф. К. (1861). О госпиталях в военное время. Санкт-Петербург: Типография т-ва «Общественная польза».
- Золотарев А. В. (2015). Суворов: русское военное искусство второй половины XVIII века и становление новых форм ведения войны // Военный академический журнал. Т. 7. № 3. С. 35–48.
- Золотарев В. А. (2001). Военная история России. М.: Кучково поле.
- Ибрагимова Э. (2014). Воплощенная власть: здание Народной скупщины в Белграде и политические тренды в Королевстве Сербия — Королевстве Югославия // Социология власти. № 2. С. 123–141.
- Иванов Н. Г., Георгиевский А. С., Лобастов О. С. (1985). Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945. Л.: Медицина.
- Ивченко Л. (2008). Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. М.: Молодая гвардия.
- Исаковский М. (1976). Стихотворения. М.: Советская Россия.
- Калдор М. (2016). Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / Пер. с англ. А. Апполонова и М. Дондуковского. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Карпенко И. В. (2008). Становление организации и тактики медицинской службы в России в 1620–1918 гг. Автореф. дисс ... канд. мед. наук: 07.00.10. Москва.
- Карцов П. П. (2008). История лейб-гвардии Семеновского полка, 1683–1854. URL: <http://polki.mirpeterburga.ru/seimion/topo/new3361/new3375> (дата доступа: 03.09.2019).
- Кипнис Б. Г. (2012). Первый шаг Великой войны // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Т. 13. № 4. С. 12–20.
- Кияненко К. (2012). Социология и социальная теория архитектуры: проблемы междисциплинарности // IV Всероссийский социологический конгресс. Секция 40. Социология архитектуры. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=339 (дата обращения: 03.09.2019).
- Красных В. И. (2003). Военный или воинский? // Культура речи. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200303503> (дата доступа: 02.11.2019).
- Кривошеев Г. Ф. (2001). Россия и СССР в войнах XX века: потери Вооруженных сил. М.: ОЛМА-ПРЕСС.
- Кутепов В. А. (2017). Военная история. Омск: Изд-во ОмГТУ.
- Лилье М. И. (2002). Дневник осады Порт-Артура. М.: Центрполиграф.
- Милашева Н. В., Самойлов В. О. (2013). Петр Великий, Северная война и госпитали на Выборгской стороне // Вестник Российской военно-медицинской академии. Т. 42. № 2. С. 211–219.
- Никулин Н. Н. (2017). Воспоминания о войне: фронтовой дневник. М.: Директ-Медиа.
- Пасько Г. В. (2016). Афганские уроки военной медицины: чему научились врачи в боевых условиях. URL: <https://mediarepost.ru/channel/war/48014-afganskie->

- <uroki-voennoy-mediciny-chemu-nauchilis-vrachi-v-boevyh-usloviyah.html> (дата доступа: 02.11.2019)
- Печникова О. Г. (2013). Устав воинский Петра I и его роль в организации медицины // Черные дыры в Российском законодательстве. № 1. С. 32–36.
- Пирогов Н. И. (1950). Севастопольские письма и воспоминания. М.: Изд-во АН СССР.
- Проект «1905» (2019). Николаевский военный госпиталь. URL: <http://1905.rpg.ru/game/regions/13/> (дата обращения: 03.09.2019).
- Ридус (2017). Военный врач из Петербурга: мои 23 дня в Сирии. URL: <https://www.ridus.ru/news/244060> (дата обращения: 03.09.2019).
- Сегал М. (2007). Рижский военный госпиталь — больница с богатой историей и туманным будущим. URL: <http://www.myriga.info/rigacy/node/68> (дата обращения: 03.09.2019).
- Сенявская Е. С. (1999). Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН.
- Скориченко Г. Г. (1910). Столетие Военного Министерства, 1802–1902. Т. 9.: Императорская военно-медицинская (медико-хирургическая) академия. Санкт-Петербург: Типография М. О. Вольф.
- Смирнов Е. И. (1976). Война и военная медицина, 1939–1945 годы (мысли и воспоминания). М.: Медицина.
- Степун Ф. А. (1917). Из писем прaporщика-артиллериста. URL: https://dom-knig.com/view_459464 (дата обращения: 03.09.2019).
- Суворов А. В. (2019). Наука побеждать. М.: ACT.
- Сурин Н. (2010). Рижский военно-сухопутный госпиталь. URL: <https://www.russkije.lv/ru/lib/read/riga-military-hospital.html> (дата обращения: 03.09.2019).
- Титков А. С. (2017). Социология архитектуры: кирпичи для сборки (рец. на книгу: Вильковский М. Б. (2010) Социология архитектуры. М.: Фонд «Русский авангард») // Социология власти. Т. 29. № 1. С. 233–257.
- Тюшкевич Ю. И. (2018). О законах войны: вопросы военной теории и методологии. М.: Проспект.
- Урланис Б. Ц. (1994). История военных потерь. СПб: Полигон.
- Федорова М. С. (2017). История эволюции объемно-планировочных решений военных госпиталей в России. Дисс. ... канд. арх. 05.23.20. Нижний Новгород.
- Чеканов В. Е. (2007). Организационно-правовые проблемы реализации некоторых социальных гарантий военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы и членов их семей // Право в вооруженных силах. Вып. 3. С. 14–19.
- Шестова Т. Ю. (2004). Становление и развитие здравоохранения Урала в XVIII — начале XX в. Дисс. ... докт. ист. наук. 07.00.02. Пермь.

War and Hospitals: Why Their Architecture has Changed during the Last Three Centuries

Mariia Fedorova

Oxford Russia Fellow, Candidate of Architecture, Associate Professor, Department of Architecture, Ural Federal University

Address: Mira str, 19, Ekaterinburg, Russian Federation 620002

E-mail: m.s.fedorova@yandex.ru

The article presents the relationships between the architecture of military hospitals and the changes that have taken place in the organization of hostilities, the attitude towards the army and the soldier, as well as the development of medical technologies. The case of military hospitals highlights the way architecture reflects many insights about the importance and value of each functional element in architectural design and facade solutions. Several of the crucial factors determining the change in the architecture of military hospitals were the shift in the ideology of war and the role of the soldier, the transformation of dominant views concerning medicine and hygiene, and the development of military equipment and weapons. A military hospital has several characteristics specific to this type, which include the closure of the system, the uneven nature of the incoming flow of casualties, and the specific community which makes a military hospital a machine for returning combatants to service. Through the changes in the architecture of military hospitals, it is possible to see the development of medicine, the change in the role of the soldier, the doctor, the division into the classes of "soldiers" and "officers," military and civil, the attitude to discipline and the organization of treatment, and the development of military technologies. The timeline of the study covers a period of 313 years, during which the architecture of the hospitals has undergone five major changes corresponding to five temporal stages explicated by this paper. Materials for the study include field diaries and notes, historical references, archival materials, books and articles on Russian history, military history and medicine, as well as interviews with military doctors, historians, and gunsmiths.

Keywords: architecture, sociology, military hospital, medicine, army, history, war

References

- Aalto A. (1978) *Arhitektura i gumanizm* [Architecture and Humanism], Moscow: Progress.
- Alelekov A. (1907) *Istorija Moskovskogo voennogo gospitalja v svjazi s istoriej mediciny v Rossii k 200-letnemu ego jubileju 1707–1907 gg.* [History of the Moscow Military Hospital in Connection with the History of Medicine in Russia for its 200th Anniversary of 1707–1907], Moscow: Shtab voennogo okruga.
- Amosov N. (1974) *PPG-2266, ili Zapiski polevogo hirurga* [PPG-2266; or, Field Surgeon's Notes], Simferopol: Salta.
- Basov N. (2012) *Social'naja rabota s invalidami* [Social Work with Invalids], Moscow: KNORUS.
- Bogdanovich M. (1860) *Istorija Otechestvennoj vojny 1812 goda, po dostovernym istochnikam* [History of the Patriotic War of 1812, According to Reliable Sources], Saint Petersburg: S. Strugovtshikov.
- Botkin E. (1908) *Svet i teni russko-japonskoj vojny 1904–1905 gg.* [Light and Shadows of the Russian-Japanese War 1904–1905], Saint Petersburg: M. M. Stasjulevich.
- Budko A. (2001) Polevaja voenno-medicinskaja organizacija Krasnoj Armii tak i ne byla sozdana v predvoennyj period [The Field Military Medical Organization of the Red Army was not Created during the Pre-War Period]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*, no 1, pp. 91–96.
- Budko A. (2007) Osnovnye jetapy istorii voennoj mediciny v Rossii [The Main Stages of History of Military Medicine in Russia]. *Voprosy istorii*, no 7, pp. 113–120.
- Chekanov V. (2007) Organizacionno-pravovye problemy realizacii nekotoryh social'nyh garantij voennosluzhashhih, grazhdan uvolennyyh s voennoj sluzhby i chlenov ih semej [Organizational and Legal Problems of Implementation of Some Social Guarantees for Military Personnel,

- Citizens Dismissed from Military Service, and Members of Their Families]. *Pravo v vooruzhennyh silah*, vol. 3, pp. 14–19.
- Delanda M. (1991) *Vojna v jepohu razumnyh mashin* [War in the Age of Intelligent Machines], Moscow: Institute of General Humanities.
- Delitz H. (2008) Arhitektura v social'nom izmerenii [Architecture in the Social Dimension]. *Sociological Studies*, no 10, pp. 113–121.
- Delvig V. (2013) Mesto i rol' Moskovskogo gospitalja v istorii reformirovaniya rossijskoj mediciny v 1707–1735 gg [Place and Role of the Moscow Hospital in the History of Reforming the Russian Medicine in 1707–1735]. *Obshhestvo. Sreda. Razvitiye* (Terra Humana), vol. 26, no 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-moskovskogo-gospitalya-v-istorii-reformirovaniya-rossijskoy-meditsiny-v-1707-1735-gg> (accessed 3 September 2019).
- Fedorova M. (2017) *Istoriya evolyucii ob'emno-planirovочных reshenij voennyh gospitalej v Rossii* [History of Evolution of Space-Planning Decisions of Military Hospitals in Russia]. Candidate of Architecture Dissertation, Nizhny Novgorod.
- Gephart V. (2007) Mesta pravosudija: sudebnaja arhitektura mezhdu sakral'nymi i profannymi stroenijami [Places of Justice: Judicial Architecture between Sacred and Profane Buildings]. *Russian Sociological Review*, vol. 6, no 3, pp. 21–32.
- Gumanenko E. (2008) *Voenno-polevaya hirurgiya* [Field Surgery], Moscow: GEOTAR-Media.
- Gumanenko E., Samohvalova I. (2011) *Voenno-polevaya hirurgiya lokal'nyh vojn* [Field Surgery in Local Wars], Moscow: GEOTAR-Media.
- Ibragimova E. (2014) *Voploshhennaja vlast': zdanie Narodnoj skupshhiny v Belgrade* [Embodied Power: The Building of the Assembly in Belgrade]. *Sociology of Power*, no 2, pp. 123–141.
- Isakovsky M. (1976) *Stihotvoreniya* [Poems], Moscow: Soviet Russia.
- Ivanov N., Georgievsky A., Lobastov O. (1985) *Sovetskoe zdravoozranenie i voennaja medicina v Velikoj otechestvennoj vojne 1941–1945* [The Soviet Health Care and Military Medicine in the Great Patriotic War of 1941–1945], Leningrad: Meditsina.
- Ivchenko L. (2008) *Povsednevnnaja zhizn' russkogo oficera jepohi 1812 goda* [Everyday Life of the Russian Officer of an 1812 Age], Moscow: Molodaja gvardija.
- Kaldor M. (2016) *Novye i starye vojny: organizovannoe nasilie v global'nuju jepohu* [New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Karpenko I. (2008) *Stanovlenie organizacii i taktiki medicinskoy sluzhby v Rossii v 1620–1918 gg.* [Formation of the Organization and Tactics of Health Service in Russia in 1620–1918] (Candidate of Medical Sciences Dissertation), Moscow.
- Kartsov P. (2008) *Istoriya lejb-gvardii Semenovskogo polka, 1683–1854* [History of Leyb-Guard of the Semenovsky Regiment, 1683–1854]. Available at: <http://polki.mirpeterburga.ru/semin/topo/new3361/new3375> (accessed 3 September 2019).
- Kijanenko K. (2012) *Sociologija i social'naja teorija arhitektury: problemy mezhdisciplinarnosti* [Sociology and Social Theory of Architecture: Interdisciplinarity Problems]. Available at: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=339 (accessed 3 September 2019).
- Kipnis B. (2012) *Pervyy shag Velikoj vojny* [First Step of Great War]. *Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*, vol. 13, no 4, pp. 12–20.
- Krasnykh V. (2003) *Voennyj ili voinskij? [Military or War?]*. *Kul'tura rechi*. Available at: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200303503> (accessed 3 September 2019).
- Krivosheev G. (2001) *Rossija i SSSR vojnah XX veka: poteri Vooruzhennyh sil* [Russia and USSR in the Wars of the 20th Century: Losses of Armed Forces], Moscow: OLMA-PRESS.
- Kutepov V. (2017) *Voennaja istorija* [Military History], Omsk: OmGTU.
- Lilie M. (2002) *Dnevnik osady Port-Artura* [Diary of a Siege of Port Arthur], Moscow: Centrpolygraf.
- Milasheva N., Samoilov V. (2013) *Petr Velikij, Severnaja Vojna i gospitali na Vyborgskoj storone* [Peter the Great, Northern War and Hospitals on the Vyborg Side]. *Herald of the Russian Academy of Military Medicine*, vol. 42, no 2, pp. 211–219.
- Nikulin N. (2017) *Vospominanija o vojne: frontovoj dnevnik* [Reminiscence of War: Front Diary], Moscow: Direkt-Media.
- Pasko G. (2016) *Afganskie uroki voennoj mediciny: chemu nauchilis' vrachi v boevyh uslovijah, interv'yu*. [Afghan Lessons of Military Medicine: What Doctors in Combat Conditions]. Available at: <https://>

- mediarepost.ru/channel/war/48014-afganskie-uroki-voennoy-mediciny-chemu-nauchilis-vrachiv-boevyh-usloviyah.html (accessed 3 September 2019).
- Pechnikova O. (2013) *Ustav voinskij Petra I i ego rol' v organizacii mediciny* [Army Regulations of Peter the Great and Its Role in the Organization of Medicine]. *Black Holes in Russian Legislation*, no 1, pp. 32–36.
- Pirogov N. (1950) *Sevastopol'skie pis'ma i vospominanija* [Sevastopol Letters and Memories], Moscow: AN SSSR.
- Ridus (2017) *Voennyj vrach iz Peterburga: moi 23 dnya v Sirii* [The Medical Officer from St. Petersburg: My 23 Days in Syria]. Available at: <https://www.ridus.ru/news/244060> (accessed 3 September 2019).
- Segal M. (2007) *Rizhskij voennyj gospital' — bol'nica s bogatoj istoriej i tumannym budushhim* [The Riga Military Hospital — A Hospital with Rich History and Foggy Future]. Available at: <http://www.myriga.info/rigacy/node/68> (accessed 3 September 2019).
- Shestova T. (2004) *Stanovlenie i razvitiye zdraivoohranenija Urala v XVIII — nachale XX v.* [Formation and Development of Health Care of the Ural in 18th — Early 20th Century] (Doctor of Historical Sciences Dissertation), Perm.
- Skorichenko G. (1910) *Stoletie Voennogo Ministerstva. 1802–1902. T. 9* [Century of the Ministry of Defense, 1802–1902, Vol. 9], Saint Petersburg: M. O. Wolfe.
- Smirnov E. (1976) *Vojna i voennaja medicina, 1939–1945 gody* [War and Military Medicine, 1939–1945], Moscow: Meditsina.
- Stepun F. (1917) *Iz pisem praporshnika-artillerista* [From Letters of the Ensign-Gunner]. Available at: https://dom-knig.com/view_459464 (accessed 3 September 2019).
- Surin N. (2010) *Rizhskij voenno-suhoputnyj gospital'* [Riga Military and Overland Hospital]. Available at: <https://www.russkije.lv/ru/lib/read/riga-millitary-hospital.html> (accessed 3 September 2019).
- Suvorov A. (2019) *Nauka pobezhdat'* [Science of Winning], Moscow: AST.
- Titkov A. (2017) *Sociologija arhitektury: kirkichi dlja sborki* [Sociology of Architecture: Bricks to Construct From]. *Sociology of Power*, vol. 29, no 1, pp. 233–257.
- Tushkevich Y. (2018) *O zakonah vojny: voprosy voennoj teorii i metodologii* [About Laws of War: Questions of the Military Theory and Methodology], Moscow: Prospekt.
- Urلانis B. (1994) *Istorija voennyyh poter'* [History of Military Losses], Saint Petersburg: Poligon.
- Ville Y. (1806) *Kratkoe nastavlenie o vazhnejshih hirurgicheskikh operacijah* [Short Manual on the Major Surgeries], Saint Petersburg: Meditsinskaya tipografia.
- Vinograd V. (1951) *Istoriya russkoj arhitektury* [History of the Russian Architecture], Moscow: Stroyizdat.
- Zatler F. (1861) *O gospitaljah v voennoe vremja* [On Hospitals in Wartime], Saint Petersburg: Obschestvennaya polza.
- Zheltnina A. (2011) "Zdes' kak muzej": torgovyj centr kak obshhestvennoe prostranstvo ["It's Like a Museum Here": The Shopping Mall as Public Space]. *Laboratorium*, no 2, pp. 48–69.
- Zolotarev A. (2015) Suvorov: russkoe voennoe iskusstvo vtoroj poloviny XVIII veka i stanovlenie novyh form vedenija vojny [Suvorov: Russian Military Art of the Second Half of the 18th Century and Development of New Forms of Warfare]. *Voennyj akademicheskij zhurnal*, vol. 7, no 3, pp. 35–48.
- Zolotarev V. (2001) *Voennaja istorija Rossii* [Military History of Russia], Moscow: Kuchkovo pole.

Исследование смысла в организациях

Предпосылки и элементы концепции sensemaking K. Вейка

Елена Гудова

Кандидат социологических наук, преподаватель, департамент социологии,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 9/11, Москва, Российской Федерации 101000
E-mail: egudova@hse.ru

В статье рассматриваются основные положения и наследие концепции производства смыслов (*sensemaking approach*), предложенной Карлом Вейком в рамках организационной психологии и теории организаций. Производство смыслов представляет собой ретроспективное конструирование приемлемых объяснений происходящего и деятельности людей с целью их рационализации, или чуть более широко — приздание смысла происходящему для снижения неопределенности. Для этого, как утверждает Вейк, индивид задается двумя вопросами: «Что происходит? И что я должен в связи с этим делать?» Ответы на них и последующие действия индивида зависят от семи характеристики производства смыслов: идентичности действующего, ретроспективности, исполнения, социальности, развертывания, сигналов и правдоподобия. Вейк предлагает «культурную карту для понимания социального пространства» организации, а черпает вдохновение в анализе джазовой импровизации. Его пока что обделенные вниманием в России работы могут предложить инструмент для анализа как кризисных ситуаций, так и повседневных событий, в рамках которых произошла «потеря смысла». Идеи Вейка нашли развитие в исследованиях коммуникации, идентичности, языка, нарративов, власти и многих других аспектов деятельности организации, а также часто считаются основным источником процессуального подхода, проблематизирующего то, как происходит организовывание (*organizing*).

Ключевые слова: производство смыслов, организация, Карл Вейк, коммуникация, идентичность, ретроспективность, сигнал, фрейм

Обретение смысла

На замечание взрослых о том, что нужно понимать смысл сказанного еще до произнесения слов, практикующаяся в стихосложении маленькая девочка ответила: «Как я могу знать, что я думаю, пока не увижу, что я сказала?» (How can I know what I think until I see what I say?) (Weick, 1995: 12). Любому человеку в той или иной ситуации случалось хотя бы раз задаться двумя вопросами: «Что происходит? И что я должен в связи с этим делать?» Согласно Карлу Вейку, это и есть два ключевых момента *sensemaking*, который буквально заключается в том, что индивиды придают смысл происходящему (Weick, 1995).

Нельзя сказать, что интерес к смыслу в организациях отсутствовал у предшественников Вейка. Например, его можно обнаружить уже в работе Ф. Ж. Ретлисбергера и У. Дж. Диксона «Management and the Worker», в которой они впервые опубликовали результаты Хоторнского проекта и подчеркнули, что все окружение сотрудников (материальная среда, вещи, график, зарплаты и т. п.) пронизано социальными смыслами и значениями и не может пониматься иначе (см.: Roethlisberger, Dickson, 2003: 275). Однако именно К. Вейк проблематизировал возникновение смыслов и коммуникацию по поводу определений тех или иных событий и ситуаций индивидами и сделал их ключевыми для процесса *организовывания* (*organizing*)¹.

Производство смыслов является собой «осмысление, понимание, объяснение, приписывание значений, их экстраполяцию и прогнозирование в рамках той или иной ситуации для упорядочивания неизвестного» (Gephart, Topal, Zhang, 2010: 276), «ретроспективное конструирование приемлемых объяснений происходящего и деятельности людей с целью их рационализации» (Weick, Sutcliffe, Obstfeld, 2005: 409). Оно представляется важным, поскольку: проблематизирует классические объекты анализа теории организаций (такие как структура, цель, изменения и др.) с позиций участников (Balogun, Johnson, 2004; Gioia, Chittipeddi, 1991; Lüscher, Lewis, 2008; Конобеева, 2015); показывает, каким образом индивиды распознают и решают возникающие трудности в различных ситуациях, попутно создавая предпосылки для возникновения новых проблем (Jeong, Brower, 2008); объясняет генезис кризисных ситуаций (Weick, 1993, 2010) и предлагает способы их предотвращения. Помимо этого, подход является важной теоретической предпосылкой для исследований идентичности (Gioia, Thomas, 1996; Gioia, Schultz, Corley, 2000; Humphreys, Brown, 2002; Ashforth, Harrison, Corley, 2008), целой ветви исследований языка и коммуникаций, а также возникшего внутри нее нарративного анализа организаций (Czarniawska, 1997; Gabriel, 2000; Gabriel, Connell, 2010). Крайне значимой оказывается развитая Вейком и его последователями исследовательская оптика процессуального подхода, организации как совокупности взаимосвязанных событий в рамках определенных границ (Gergen, 2010), в которой организация представляет собой живой и постоянно разворачивающийся процесс. Подобное понимание позволяет глубже заглянуть в повседневную жизнь организации и понять, из чего она состоит и на чем основывается.

В данной работе сделана попытка проследить предпосылки концепции² производства смыслов, ее элементов и этапов, а также рассмотреть ее ограничения

1. Перевод *organizing* на русский язык также сопряжен с лингвистическим затруднением, поскольку термин «организация» помимо устоявшихся смысловых коннотаций нивелирует динамический аспект, а глагол «организовывать» не схватывает нелинейность происходящего. Поэтому ввиду отсутствия конвенционального перевода нами будут использоваться «процесс организации» и «организовывание» в качестве синонимичных и отсылающих к вейковскому пониманию *organizing*.

2. Сам Вейк отмечает, что «нет такой теории организаций, которая была бы характерна для *paradigmы* производства смыслов» («There is no such thing as a theory of organizations that is characteristic of the sensemaking paradigm») (Weick, 1995: 69). Среди его последователей также нет устоявшегося на-

и дальнейшее развитие в работах последователей Вейка. В статье будут рассмотрены появление термина *sensemaking* в работах Вейка, основные элементы предложенной им модели SIR COPE, выделенные им в более поздней статье этапы производства смыслов и критика и нерешенные проблемы концепции. Однако прежде чем погружаться в теоретические особенности подхода, необходимо уточнить два весьма важных аспекта, которые более четко определяют место, возможности и ограничение концепции — а именно язык и особенности развития индустриальной и организационной психологии (*industrial and organizational psychology* — I/O psychology).

Смысл, значение, производство и строительство

Прежде всего необходимо сказать несколько слов о языке. В русском языке *смысл* и *значение*, как и *Sinn* и *Bedeutung* в немецком, занимают если и не концептуальную оппозицию, то как минимум разводятся (Leontiev, 2007). В подробнейшем разборе генеалогии пары «смысл — значение» в своей книге «Психология смысла» Д. А. Леонтьев указывает, что истоки разделения восходят еще к герменевтике, где *значение* (соответственно, *meaning*) больше сопряжено с коннотацией семантических единиц. *Смысл* же требует контекстуализации, носителя и связи между ними (Леонтьев, 2014).

В отечественной психологии анализ смысловой сферы личности вплоть до 1980-х годов хоть и мог похвастаться целой палитрой смежных понятий (смысловое образование, смысловая установка...), по большей части оставался структурно-функциональным. В постепенно возникшем динамическом анализе выделились три процесса:

- 1) Смыслообразование — расширение смысловых систем на новые объекты и порождение новых производных смысловых структур.
- 2) Смыслоосознание — восстановление контекстов и смысловых связей, позволяющих решить задачу на смысл объекта, явления и действия.
- 3) Смылостроительство — содержательная перестройка жизненных отношений в смысловых структурах, в которых они преломляются (Леонтьев, 2007: 270).

Смылостроительство при этом может быть связано с критическими ситуациями (столкновения), взаимодействиями с другими или с художественным опытом, что делает его достаточно близким по своим теоретическим основаниям *sensemaking* Вейка.

Существенной же особенностью английского языка является достаточно близкое использование *sense* и *meaning*. Плюрализм подходов в зарубежной психологии не задает четкой границы между индивидуальным и колективным и не указывает

звания — это и подход, и линза, и рамка, и концепция, и даже теория (Maitlis, Christianson, 2014: 62). В силу стилистических и содержательных особенностей основным термином в данной статье будет *подход*, а *концепция* используется исключительно в качестве синонима, для большего лингвистического разнообразия.

однозначно на интенциональность смысла. *Meaning* в равной степени относится к объективной и субъективной действительности или сфере коммуникации и взаимодействия, а *sense* вызывает больше ассоциаций с сенсорными процессами, чем с динамикой личности (Leontiev, 2007)³.

«Sense-making» встречается еще у Гарфинкеля, где используется в качестве способа исследования повседневных практик индивидов в процессе их взаимодействий и интерпретации полученного опыта реальности (Maitlis, Christianson, 2014; Гарфинкель, 2007). С. Мэйтлис и Т. Кристиансон (2014) указывают, что в 1960–1970-е годы термин разрабатывался в основном под влиянием феноменологии, этнометодологии и социального конструктивизма, а в 1980-е фокус сместился на когнитивные аспекты производства смыслов. Подобное лингвистическое и теоретическое наследие вкупе с тем, что *meaning-making* закрепился в психологии развития и психологии образования, где может обозначать вообще практически любую деятельность по созданию нового знания, не могло не повлиять на выбор *sensemaking* в качестве ключевого понятия. Впервые Вейк использует «sense-making» во втором издании своей книги «The Social Psychology of Organizing» в 1979 году, затем, уже в слитном написании, оно появляется в статье «Enacted Sensemaking in Crisis Situations» 1988 года. И только в 1995 году выходит книга «Sense-making in Organizations», окончательно закрепившая понятие.

Опять же стоит отметить, что в единственном русскоязычном переводе термин превратился в «смыслопроизводство» (Вейк, 2015), что само по себе является отсылкой к описанной выше традиции советской и российской психологии. Используемый здесь другой вариант перевода, «производство смыслов», подобных коннотаций не имеет, а также позволяет лучше подчеркнуть процессуальность и социальный характер явления⁴.

Еще одной особенностью, о которой стоит упомянуть, является специфика институциональных различий индустриальной и организационной психологии в отечественной и зарубежной версиях. Прикладной характер исследований труда, работников и рабочего места с самого начала формировал дисциплину I/O psychology⁵ на стыке академии и практики, что, с одной стороны, было весьма выигрышно для роста области, но с другой — создало ситуацию «разлома». Чрезмерное внимание к теории, методологическая педантичность и игнорирование реальных результатов вкупе с другими грехами привели к тому, что академическая

3. При этом если ориентироваться на словарное употребление *sense* и *meaning* хотя бы в «Cambridge Dictionary», *sense* будет больше соответствовать русскоязычному «ощущение», а *meaning* — «смыслу». Более основательное разведение английских терминов не входит в задачи статьи, однако необходимо представлять данную терминологическую путаницу и при работе с концепцией Вейка.

4. Хотя оба перевода, безусловно, создают ненужные смысловые коннотации «заводской» логики.

5. В которой изначально появился сам термин. Дальнейшие разграничения привели к тому, что *sensemaking* вслед за своим автором постепенно оказался в домене организационного поведения (*organizational behavior*). Более подробное рассмотрение этой истории не входит в задачу данной работы, здесь мы лишь считаем необходимым подчеркнуть изначальную институциональную привязку термина со всеми присущими области сложностями.

составляющая индустриальной психологии постепенно потеряла свой авторитет, в то время как модные темы и понятия упростились и вошли в повседневный инструментарий «гуру» и практиков в сфере консалтинга, коучинга и т. п. (Онес и др., 2017). Эта далеко не уникальная ситуация в данном случае важна тем, что изначальная и первичная практическая составляющая терминов, в т. ч. и *sensemaking*, была крепко связана с задачами бизнеса.

В то же время отечественной индустриальной и организационной психологии фактически не сложилось, хотя психологические и социологические службы функционировали на отдельных предприятиях. Практическая работа началась намного раньше, чем концептуализация, да и в той существенной части была заимствована из зарубежных наработок (Толочек, 2017). В советской и российской науке психологические исследования труда оказались прочно связаны с инженерной психологией и эргономикой, именами В. П. Зинченко и Б. В. Ломова. Институционализация инженерной психологии произошла на рубеже 1960-х, и в ее генезисе были инженерные задачи, медицина и системный подход⁶. Эта опять же не уникальная ситуация важна тем, что дисциплина со своей терминологией отвечала запросам оптимизации производственных процессов, взаимоотношений человека и техники, организации рабочего места.

Эти социально-политические, экономические и идеологические предпосылки во многом определили различные отношения теории и практики: если академическая зарубежная I/O psychology оказалась в тени практикоориентированных моделей, то в современной российской пока не нашлось иного способа работы с имеющейся эмпирикой, кроме как путем адаптации западных моделей. Подобную генеалогию дисциплинарных различий необходимо иметь в виду в попытках работать и с категорией «смысла», и с концепцией *sensemaking* (как, впрочем, и любыми другими).

Производство смыслов и его составляющие в подходе К. Вейка

Как и большинство терминов в социальных науках, *sensemaking* возник под определенные цели и в определенном контексте, а в дальнейшем был многократно переосмыслен, реинтерпретирован и обнаруживался там, где его могло бы не быть.

Карл Эдвард Вейк начинал свою карьеру в социальной психологии, посвятив диссертацию связи когнитивного диссонанса и качества выполнения задания работниками. Выводом стало то, что между ними существует прямая связь, поскольку затраченные на разрешение диссонанса усилия являются источником дополнительной мотивации и включения и, следовательно, улучшают производительность и выполнение задач (Weick, 1962: 3–4). Далее интересы Вейка постепенно мигрировали в организационную психологию, и уже в «The Social Psychology of Organizing» (1969) одной из центральных идей стало утверждение, что люди ор-

6. См. обзор в: Бодров, 1999, 2009.

ганизуются ради управления двусмысленностью, загадками, неопределенностью и неясностью.

По наследству от популяционной экологии и теории систем в организационную психологию пришло внимание к изменениям и адаптации, которым требовался контекст, в который организацию можно было бы поместить. Вейка интересовала возможность помыслить организационную жизнь как «последовательность, движение, реализацию рецептов, цепочки событий, серию действий (исполнение, выбор, закрепление), нарративные конструкции с началом — серединой — связкой, достижением и текущестью» (Weick, 2015а: 189). Для этого широкая «окружающая среда» была приближена им к микроуровню действия через «экологическое изменение» (*ecological change*) — изменения и смещения в потоке опыта индивидов, которые требуют осмыслиения и однозначности (Weick, 1979: 130).

Крайне важной в разрабатываемой объяснительной модели стала фундаментальная для социокультурной эволюции Дональда Кэмпбелла идея о механизме «вариации — выбора — закрепления» (*variation — selection — retention*), с той поправкой, что Вейк заменил вариацию на исполнение (*enactment*) (Weick, 1979: 130–131). Исполнение подчеркивает социальную сконструированность организационной реальности — она воспринимается избирательно, когнитивно переупорядочивается и реализовывается интерсубъективно. Эта надындивидуальная реальность предполагает, что субъекты и объекты взаимно влияют друг на друга, что производят многочисленные изменения (Weick, 1979: 165–166). Здесь в связке с коммуникацией и появляется производство смыслов. Уже в книге «*Sensemaking in Organizations*» (1995) оно развивается в отдельную концепцию, подтягивая феноменологию, интеракционизм, прагматизм и другие философские традиции, работающие с категорией «смысла». Именно важность коммуникации и внимание к внешним изменениям среды, частую непредсказуемым и критическим, в теоретическом плане больше всего сближают производство смыслов со смыслостроительством⁷.

В «классическом» понимании Вейк в одноименной книге определяет производство смыслов как процесс, имеющий следующие семь характеристик: основа на сконструировании идентичности, ретроспективность, исполнение, социальность, развертывание, использование сигналов и стремление к правдоподобию (а не точности/истинности) (Weick, 1995: 17). В дальнейших работах появился акроним SIR COPE (Social context, Identity, Retrospect, salient Cues, Ongoing projects, Plausibility, Enactment). Ниже рассмотрим эти характеристики подробнее.

1. *Идентичность* (*identity*). Производство смыслов начинается с вопроса «Кто я?», соотносимого с тем, что индивид думает про себя и про окружающий

7. Однако и здесь следует подчеркнуть, что Ф. Е. Василюк в «Психологии переживания», где этот термин вводится, использует его всего единожды, обращая внимание на то, что проблему представляют собой не поиск смысла, а активное действование по отношению к нему: «Подлинная проблема (не в осознании смысла ситуации, не в выявлении скрытого, но имеющегося смысла, а в его созидании, в смыслопорождении, смыслостроительстве)» (Василюк, 1984: 8).

его мир, и тем, что он транслирует другим. Связь между индивидом и окружающим миром двунаправлена — одно способно определять другое. Именно поэтому создание и поддержание идентичности является самой первой характеристикой. Нарушение на данном этапе может привести к существенным проблемам для дальнейшего действия, что можно наблюдать, например, в анализе лесного пожара в Мэн Галче (США, Монтана). Отказ пожарников подчиниться приказу бросить инструменты и бежать от наступающего огня налегке частично объясняется связью между инструментами и пониманием себя как пожарного — вместе с инструментами команда пришлось бы выбросить свои идентичности, а затем и организацию (Weick, 1993).

2. *Ретроспективность* (retrospective). Ретроспективность связана с имеющимися у индивида опытом, «как я могу знать, что я думаю, пока не увижу, что сказал?». Любое наделение происходящего смыслом есть осознанный процесс, но осознается он касательно лишь того, что уже произошло. При этом прошедшее время относится ко времени как непрерывному потоку этого самого опыта, а не к дискретным событиям.

Вейк многократно акцентирует внимание на том, что sensemaking нацелено не на предсказание будущего с позиции настоящего, а на действие в настоящем относительно прошлого (Weick, 1995, 1998, 2012; Weick, Sutcliffe, Obstfeld, 2005). Это связано с пониманием самого действия, которое Вейк развивает с основой на работах А. Шюца и Т. Лукмана.

Так, действие в настоящем является последовательным исполнением планируемого действия в будущем совершенном времени (*future perfect tense*). Оно может иметь некую цель и быть рациональным и ориентируется на предполагаемое будущее — ожидаемое, но еще не наступившее (Jeong, Brower, 2008; Maitlis, Christianson, 2014). Подобное понимание действия никак не отменяет развертывания (*ongoing*) действия, однако акцент на ретроспективности послужил одним из основных сюжетов критики всего подхода sensemaking (о чем подробнее будет сказано ниже).

3. *Исполнение* (enactment). Исполнение возникает как связка между действием и окружающей индивида средой: «[During enactment] I create the object to be seen and inspected when I say or do something» (Weick, 1995: 71). Для Вейка важно подчеркнуть, что индивиды активно участвуют в непрерывном создании окружающей среды, а она своими изменениями может определять их дальнейшие действия. Это взаимное влияние продолжается вплоть до момента, когда индивид фокусируется на каких-то определенных изменениях в собственном опыте и действует с ориентацией на них, т. е. буквально исполняет. Именно поэтому исполнение сменяет «вариацию» в связке с «селекцией — закреплением».

В исполнении ключевое отличие между производством смыслов и интерпретацией. Последняя сама по себе является конечным результатом и предполагает завершенность, а также реактивность интерпретирующего (т. к. нам интересна его реакция на сигналы, а не дальнейшее выстраивание действия относительно

них). Производство смыслов же активно и ставит в центр сам процесс: мир не просто лежит и ждет, будучи уже проинтерпретированным, для его осмыслиения нужно действие (Hernes, Maitlis, 2010: 31). Важна также и смысловая рамка: в случае с интерпретацией она уже задана, и от индивида требуется лишь встроить в нее новую информацию, в то время как в производстве смыслов рамка не столь очевидна и требует постоянной аprobации как раз путем исполнения (Weick, 1995; Czarniawska, 2005).

4. *Социальность* (social). Индивид едва ли может быть исключен из общества, ведь окружающий его мир состоит из «разговоров, символов, обещаний, лжи, интересов, знаков внимания, угроз, соглашений, ожиданий, воспоминаний, слухов, индикаторов, сторонников, недоброжелателей, веры, доверия, подозрений, выступлений, лояльности и обязательств» (Weick, 1995: 41). Для выработки общих определений происходящего необходима коммуникация, поэтому то, что люди говорят и делают, во многом определяется направленностью на определенную аудиторию. При этом Вейк, ссылаясь на Ф. Г. Оллпорта и Г. Блумера, уточняет, что аудитория может быть воображаемой, а действие монологом. Особенно выпукло социальность показывает себя в процессе социализации.

В «The Social Psychology of Organizing» Вейк утверждает, что смысл берется из ретроспективного разделения предыдущего опыта на содержательные блоки (chunks), которые затем упорядочиваются и определенным образом связываются в каузальные карты (cause maps) (Weick, 1979; Sandberg, Tsoukas, 2015). Организации случаются тогда, когда каузальные карты участников совпадают, и именно в этом социальная составляющая sensemaking.

5. *Разворачивание* (ongoing). Производство смыслов не имеет четко определенного начала, поскольку оно никогда не заканчивается. Поток опыта непрерывен, как непрерывна реакция индивидов и соответствующие действия. Люди всегда чем-то заняты, и это что-то становится значимым благодаря ретроспективности (Weber, Glynn, 2006). Данные проекты деятельности могут прерываться, что часто требует осмыслиения происходящего и его причин. И здесь, как отмечает Вейк, находится место эмоциям. Негативные эмоции возникают, если наши планы прерываются неожиданно, и с этим ничего нельзя сделать; позитивные — если устраивается причина этого прерывания, либо если этот перебой способен ускорить выполнение нашего проекта (Weick, 1995; Weber, Glynn, 2006).

Влияние на эту характеристику sensemaking можно проследить в интеракционизме и философии pragmatizma: и там, и там мир не рассматривается как предзаданный, он открыт для различных определений и представляет собой динамический процесс. Индивид одновременно является продуктом и автором этих определений, а общество — результатом взаимодействия, пересечения различных смысловых схем и конструкций (Shalin, 1986; Ритцер, 2002).

Предложенная Вейком непрерывность, развертывание деятельности индивидов и самой организации оказали крайне сильное влияние на формирование так

называемого процессуального подхода (processual approach)⁸ и дали исследователям буквально новый язык. Как замечает К. Джерджен, западная философская традиция долгое время уделяла внимание таким «долговечным» понятиям, как «знание», «мораль», «эстетика» и т. д., что делало «процессуальность» в принципе излишней (Gergen, 2010). Она же не только ставит под вопрос существование границ объектов и событий, но также смещает фокус с линейности причинно-следственных связей на констелляцию факторов. Отсутствие четкого разграничения между причиной и следствием, в свою очередь, позволяет поставить организацию «на паузу» и отойти от понимания ее деятельности лишь в терминах успеха/неудачи (Chia, 2010).

«*Reality is ongoing*», и для сохранения динамики и процессуальности Вейк отдает предпочтения глаголам перед существительными. Глаголы содержат в себе способность познать, т. е. отвечают за онтологию, в то время как эпистемологии необходимы существительные, позволяющие разделить и категоризировать поток опыта (Bakken, Hernes, 2006). Такое лексическое разделение помогает говорить об организации как о процессе, а не структуре.

6. *Сигналы (cues)*. Сигналы вычленяются как значимые частицы информации из контекста и встраиваются в модель восприятия индивида. Они используются для дальнейшего действия, на их основе принимаются решения, на производимые в результате этих решений действия, как на новые сигналы, ориентируются другие. Сигналы «запускают» производство смыслов, маркируя ситуацию как изменившуюся, (не)определенную, существующую в рамках того или иного контекста (фрейма). «Толчком» для запуска могут послужить изменения условий внешней среды или в самой организации, кризисные события и угроза идентичности (Maitlis, Lawrence, 2007; Maitlis, Christianson, 2014).

Поскольку поток опыта является непрерывным, выделение сигналов размечает границы между событиями. Однако распознавание и понимание сигналов невозможно без соотнесения с фреймом. Сигнал, фрейм и связь между ними (*cue, frame and connection*) представляют собой «единицы значения» (*unit of meaning*), на которые можно было бы условно разделить весь процесс *sensemaking*. Эти единицы значения базируются на опыте индивидов, их представлении о себе и происходящем, но также существенную роль могут играть отношения власти (символической или фактической), идет ли речь о симптомах ухудшения состояния ребенка или управлении самолетом (Weick, 1990; Weick, Sutcliffe, Obstfeld, 2005).

Важным сюжетом также является вера в полученные сигналы и существующее определение происходящего. Практически любой сигнал может подтолкнуть индивида действовать, и как только производство смыслов «запущено», воображенное становится реальным путем исполнения. Это прямая отсылка к теореме Томаса, которая наилучшим образом иллюстрируется Вейком через историю о солдатах, потерявшихся в Альпах: не имея проводников или знания местности,

8. Более подробно см.: Гудова, 2019.

отряд сумел выбраться к лагерю по старой карте, лишь по возвращении осознав, что то была карта Пиренеев (Weick, 1995).

7. *Правдоподобие* (*plausibility*). Производство смыслов не предполагает достижения конечной истины, важнее достоверность. Что является достоверным для одного, может не быть таковым для другого, а сложившаяся у каждого участника картинка в любом случае окажется фрагментарной (Weick, Sutcliffe, Obstfeld, 2005).

Критерий правдоподобия и внимание к конструированию идентичности индивида отличают производство смыслов от концепта принятия решений (*decision making*), поскольку последний предполагает нормативность. Принятое решение всегда можно оценить по его последствиям, тем самым приписывая индивиду «хорошие» или «плохие» навыки в этой области. Правдоподобие, здравый смысл и логическая связанность намного предпочтительнее точности — они оставляют пространство для гибкости и импровизации, намного менее затратны по времени, да и в принципе достижимы (Weick, 1995; Eisenberg, 2006; Manning, 2008). *Sense-making* характеризуется неопределенностью и двусмысличностью, которые постоянны, в отличие от приписываемых происходящему смыслов, и проблемы возникают тогда, когда мы считаем ровно наоборот (Weick, 2015b).

Хорошой иллюстрацией здесь может послужить джазовая импровизация. Вейк анализирует игру четырех цирковых музыкантов, каждое представление которых строилось по простому принципу: на стенах прозрачного аквариума на каждом выступлении рисовался нотный стан, в аквариум запускались семь рыбок, а музыканты в случайном порядке занимали места вокруг аквариума. Складывающаяся мелодия каждый раз представляла собой совокупность уже известных музыкальных элементов и совершенно новых ходов, но в результате постепенного организовывания произведение выстраивалось во все более благозвучное (Weick, 1989b).

Как только индивиды начинают действовать (или приводить в действие, исполнять что-либо), их деятельность приводит к ощущим для других результатам⁹ (сигналам) в различных контекстах взаимодействия и помогает ретроспективно установить, что происходит, что требует правдоподобного объяснения и что следует предпринять для поддержания собственной идентичности и собственного развития (Weick, 1995). Таким несколько запутанным, но емким образом Вейк объединяет все семь характеристик и показывает, что связь между действием и смыслом представляется нелинейной и неконечной.

Экологические изменения и этапы производства смыслов

Ответ на вопрос «Что происходит?» возникает из ретроспективного осмысливания имеющегося опыта и вписывания в общий разделяемый контекст; ответ на вопрос «Что я должен в связи с этим делать?» возникает из предположений о будущем, одновременного коммуницирования и действования в рамках проектов, которые

9. Причем не так важно в данном случае, желательным ли и запланированным ли.

обретают постепенную ясность (Weick, Sutcliffe, Obstfeld, 2005: 413). Изначально Вейк не раскладывает этот циркулярный процесс на более мелкие элементы, но делает это в статье 2005 года в попытке объяснить, как производство смыслов связано с экологическим изменением. Вместе с К. Сатклифф и Д. Обстфельдом они выделили следующие этапы:

- Упорядочивание потока опыта индивида (*organizing flux*).
- Распознавание и схватывание определенных значений (*noticing and bracketing*).
- Маркировка и категоризация (*labeling*).
- Ретроспективность (*retrospective*).
- Предположения (*presumptions*).
- Социальность и системность (*social and systemic aspects*).
- Деятельное начало (*action*).
- Процесс организации через коммуникацию (*organizing through communication*) (Weick, Sutcliffe, Obstfeld, 2005)

Реальность, как поток опыта индивида, упорядочивается из некоторого первоначального хаоса благодаря постановке ситуации «на паузу». Следующие далее распознавание и схватывание отвечают за поиск определения уже случившегося, но еще не имеющего названия и не встречавшегося прежде в опыте в качестве самостоятельного события (Magala, 1997). Распознавание является своеобразным переходом между «непроизвольным» и «активным» мышлением, индивиды начинают замечать новизну/несоответствие между проживаемой ситуацией и имеющейся интерпретацией (Mills, 2008). Как только распознавание происходит, мир в буквальном смысле становится проще.

Категоризация необходима для дальнейшего упорядочивания опыта через дифференциацию, идентификацию и последующую рутинизацию. Категории обладают определенной пластиностью, «радиальной структурой» (*radial structure*) с центральными и периферийными понятиями. Все, что находится в центре, воспринимается однозначно и позволяет действовать стабильно. Находящееся на периферии неоднозначно и может лишь усилить неопределенность происходящего (Weick, 1993, 1995).

Два данных этапа в процессе производства смыслов крайне важны, поскольку определяют репертуар возможных вариантов поведения и реакции на сигналы. Анализируя предпосылки Бхопальской катастрофы, Вейк пришел к выводу, что способность к распознаванию сигналов («бдительность» [*alertness*]) и способность связать полученные сигналы с имеющимися категориями («осведомленность» [*awareness*]) могут предотвратить или эскалировать кризисные ситуации. Так, утечка метилизоцианата осталась незамеченной, поскольку работники ночной смены завода Union Carbide вначале не смогли распознать перебои давления в одном из резервуаров, а далее приписали характерный запах испаряющегося газа спрею от комаров. Вейк заключает, что «восприятие без понимания слепо, понимание без восприятия пусто» (Weick, 2010, 2012). В условиях постоянно меняю-

щейся среди интерпретации также должны меняться, а проблемы в деятельности индивидов или организаций возникают, как только интерпретации закрепляются.

Ретроспективность, как уже было сказано выше, позволяет соотнести происходящее с имеющимся у индивида опытом и знаниями. Наделить что-то смыслом — значит связать абстрактное с конкретикой и действовать в соответствии с этим. Например, при импровизации в джазовом оркестре музыканты больше стараются, если предполагают, что произведение было написано профессиональным композитором, а зрители готовы слушать только-только формирующуюся музыкальную тему из-за уверенности в креативности и навыках исполнителей (Bougon, Weick, Binkhorst, 1977; Weick, 1989a).

Аспекты социальности и системности переносят процесс производства смыслов из плоскости «внутри» в плоскость «между» индивидами, тем самым позволяя говорить о переходе от индивидуального понимания к коллективному. Для Вейка реальность социально сконструирована и интерсубъективна, хотя именно сочетание индивидуального когнитивного и коллективного социального в подходе является одним из наиболее частых сюжетов критики и расхождений (Maitlis, Christianson, 2014).

Выделяемое Вейком деятельное начало исходит из вопроса «Что я должен делать в связи с этим?». Зачастую действие ограничено заданной, «главенствующей» историей, а альтернативные варианты поведения рассматриваются как экстремальные и немыслимые (Weick, 2012). Важно то, что действие неотделимо от говорения, и эта связь является не линейной, а циклической. Вещи и события проговариваются и благодаря этому существуют, упорядочиваются поток опыта, категоризуют его. Неявное знание артикулируется и становится эксплицитным и годным для использования через коммуникацию. Взаимодействие с другими позволяют индивиду получить новую релевантную информацию и скорректировать свое понимание «здесь и сейчас», сделать его видимым и понятным для других¹⁰.

Критика и развитие подхода

Как часто бывает с теоретическим наследием классиков, единственного и общепринятого понимания идей Вейка не сложилось, хотя в целом существует консенсус, согласно которому sensemaking — процесс, с помощью которого люди стремятся к правдоподобному пониманию неоднозначных или запутанных событий, к преодолению несоответствия в ожидаемом и фактическом положении вещей. Эти различия ожиданий возникают в нескольких случаях (Weick, Sutcliffe, Obstfeld, 2005):

10. Подобное внимание к коммуникации как одной из важнейших характеристик организовывания и производства смыслов (здесь имеется в виду последовательность теоретических идей Вейка, а не место концепта в объяснительной модели) обеспечило успех всего подхода не только в рамках теории организаций, но также в коммуникациях и лингвистике. Именно отсюда берет свое начало нарративный анализ организаций (*organizational narration*) и более практикоориентированное использование сторителлинг (*storytelling*) в анализе организаций.

1) При «драматической» потере смысла — это могут быть кризисные ситуации, которые, по определению Вейка, драматичны из-за небольшой вероятности наступления и ужасающих последствий, например Бхопальская катастрофа (Weick, 2010).

2) В повседневных, но от этого не менее проблемных ситуациях — как в примере с импровизацией джазового оркестра (Bougon, Weick, Binkhorst, 1977; Humphreys, Ucbasearan, Lockett, 2012; Weick, 1989b).

3) В контекстах, где смысл как бы «ускользает» — например, при реорганизации структуры компании (Gioia, Thomas, 1996; Gioia, Chittipeddi, 1991).

Выделенные Вейком, Сатклифф и Обстфельд этапы производства смыслов по сравнению с характеристиками SIR COPE вызывают больше теоретических разногласий. В том, как непосредственно совершается производство смыслов, чаще всего выделяются распознавание сигналов, интерпретация и вовлечение в действие (Weber, Glynn, 2006; Brown, Colville, Pye, 2015), к ним могут добавляться различные контексты — экологический, институциональный и социальный (Jeong, Brower, 2008). Иногда внимание обращается не столько на этапы, сколько на сам способ взаимодействия с окружающей действительностью, в котором есть фрейм смыслов, сигнал (он же выказывание) [cue] и связи между ними [connection] (O'Connell, 1998; Czarniawska, 2005).

Мэйтлис и Кристиансон провели метаанализ теоретических и эмпирических работ по sensemaking и выделили два принципиально важных момента в использовании подхода: является производство смыслов больше субъективным когнитивным или интерсубъективным социальным процессом или оно вообще дискурсивно (с основным акцентом на лингвистику и коммуникацию); может ли производство смыслов быть ориентировано на будущее (Maitlis, Christianson, 2014)? Попытки оспорить заявленную ретроспективность и посмотреть на sensemaking проспективно предпринимаются. Прошлое носит лишь указательный характер, именно будущее должно рассматриваться в качестве источника инновационности и креативности, а также выступать ориентиром, который учитывается индивидами для действий в настоящий момент (Gephart, Topal, Zhang, 2010).

Помимо этих онтологических различий и размытия термина под конкретные нужды авторов в литературе по аналогии стали встречаться специфические формы производства смыслов — культурная, рыночная, политическая, ориентированная на будущее, ресурсная и т. п. Появился также целый ряд смежных понятий — sensebreaking, sensegiving, sensehiding и другие (Maitlis, Christianson, 2014).

Также среди последователей Вейка нет единого мнения, можно ли говорить о производстве смыслов как непрерывной деятельности в обыденной жизни, либо как о деятельности в ситуациях кризиса и нарушения привычного порядка. Дж. Сандберг и Х. Тсокас (Sandberg, Tsoukas, 2015) также провели метаанализ 150 статей из девяти ведущих журналов по теории организаций и менеджменту и систематизировали типичные события, «запускающие» производство смыслов, составные процессы (создание и распознавание сигналов, их интерпретацию и по-

следующее исполнение), основные результаты (например, «восстанавливается» смысл или нет) и основные оказывающие влияние факторы (от языка и идентичностей до специфики фреймов) (см. табл. 1). Они также отметили, что в эмпирических работах в качестве объекта часто используются эпизоды жизни организации¹¹, уже изначально характеризуемые как неопределенные — например, введение в эксплуатацию нового программного обеспечения или деловая встреча рабочей группы.

Таблица 1. Основные составляющие производства смыслов (Sandberg, Tsoukas, 2015)

Комплексные составляющие подхода			
Производство смыслов разграничивается на отдельные эпизоды с того момента как какие-либо аспекты организовывания прерываются и до момента их восстановления (или, в отдельных случаях, завершения)			
События, «запускающие» производство смыслов	Процессы	Результаты	Факторы, оказывающие влияние
<ul style="list-style-type: none"> • Значительные запланированные события • Значительные незапланированные события • Второстепенные запланированные события • Второстепенные незапланированные события • Смешанные события 	<ul style="list-style-type: none"> • Создание (сигналов в потоке опыта) • Интерпретация • Исполнение 	<ul style="list-style-type: none"> • Восстановленный смысл • Восстановленное действие • Бес-смысленность • Не-восстановленное действие 	<ul style="list-style-type: none"> • Контекст • Язык • Идентичность • Когнитивные схемы, фреймы • Эмоции • Политика • Технологии

Сам Карл Вейк вместе с коллегами Кэтлин Сатклифф и Дэвидом Обстфельдом в уже неоднократно упомянутой статье 2005 года указывают на несколько основных недостатков текущей версии подхода, которые могут стать перспективами дальнейшего развития. Проблему представляют взаимосвязанные обобщение индивидуальных смыслов, выработка общих определений и отсутствие власти в самом подходе в той или иной форме¹². Требует внимания долгое время игнорируемая эмоциональная окраска происходящего (Weick, Sutcliffe, Obstfeld, 2005).

Отдельный и большой сюжет критики подхода связан с его эвристичностью и сложностями с выходом на макроуровень. То, как люди понимают происходя-

11. Это могут быть важные для выживания организации значительные запланированные или незапланированные события, такие как изменения в стратегии развития.

12. Хотя последний момент частично компенсируется при введении понятия *sensegiving* — наделения смыслом.

щее и действуют в соответствии с этим, фактически развивает идеи социальной психологии и в лучшем случае позволяет анализировать воспроизведение существующего порядка. Попытка отстраивать концепцию от представления об организовывании может ответить на вопрос «как?», но не говорит, что делать с этим дальше, возможно ли какое-то изменение — что, в частности, ограничивает использование *sensemaking*, например в критической теории (Mills, 2008). Помимо этого, достаточно редко рассматривается вопрос об изначальном наборе альтернативных решений, которые может принять индивид в той или иной ситуации, этот набор зачастую предзадан. Тем самым практически полностью игнорируется институциональный контекст, который напрямую влияет на все этапы производства смыслов и, если исходить из самых первых теоретических наработок Вейка, определяет и исполнение, и выбор, и закрепление (Weber, Glynn, 2006).

Тем не менее, несмотря на указанные различия в понимании производства смыслов и его эмпирических импликациях, подход хорошо себя чувствует и стал общим местом в исследованиях организационных изменений, ритуалов и рутинных практик, организационных инноваций и обучения и многих других темах. Добавление Вейком смыслотворчества в организационную теорию позволило посмотреть на реакцию сотрудников на неопределенность происходящего под увеличительным стеклом, разглядеть, как вырабатываются общие определения ситуации, на основании которых участники смогут дальше действовать. Это попытка исследовать микроуровень индивидуальных действий с надеждой охватить и проинтерпретировать их макроуровневые последствия. С момента публикации второго издания «The Social Psychology of Organizing» (1979) и подробного рассмотрения *sensemaking approach* теория организаций существенно продвинулась в этом, но именно Карл Вейк был одним из первых, кто наглядно продемонстрировал: организация «происходит» не только в решениях наделенных властью акторов, но и в повседневных взаимодействиях совершенно разных участников.

Заключение

В данной статье мы ставили перед собой задачу представить концепцию производства смыслов и проанализировать ее элементы и этапы, а также обозначить ее дальнейшее развитие и ограничения предложенного Карлом Вейком варианта. Придание смысла происходящему рассматривается им через идентичность, ретроспективность, исполнение, социальность, развертывание, использование сигналов и стремление к правдоподобию, которые позволяют индивиду ответить на два значимых вопроса — «Что происходит? И что я должен в связи с этим делать?» — для снижения неопределенности и возможности дальнейшего действия.

Внимание к индивидуальным смыслам участников организации, как и многие другие теоретические построения социальной теории, сегодня уже надежно входят в *common sense* — багаж организационных психологов, исследователей коммуникации и идентичности (и многих других, разумеется). Но одной из идей

в фундаменте подобной оптики является представление о том, что изменения в происходящем требуют от людей осмысления с опорой на предыдущий опыт, коммуницирования этого осмысления и дальнейшего действования. Статичные структуры правила — цели внутри организации тем самым обрели гибкость в действиях своих участников, а организации оказались в процессе постоянного становления.

Дальнейшее развитие смежных понятий и специфических форм производства смыслов, вариативность использования подхода и расстановка акцентов внутри него, разделение на «этапы» и разные формы цикличности — все это, безусловно, размывает «классический» вариант, предложенный Вейком, но в то же время свидетельствует об эвристическом и теоретическом потенциале sensemaking.

Попытки Вейка детально рассмотреть роль индивидуального смыслотворчества как активного авторства изменений окружающей среды, внимание к связям субъективного когнитивного и интерсубъективного социального уровней в этом смыслотворчестве — именно они позволили поставить организацию «на паузу» и «растянуть» эпизоды организационной жизни от мельчайших действий до крупных последствий. То, как смыслы и определения ситуации зарождаются в голове каждого конкретного актора в организации, может в равной степени оставаться незамеченным или повлиять на деятельность всей организации в целом (что будет зависеть от власти и авторитетности, фрейма, языка коммуникации и других аспектов). Однако нельзя отрицать, что данный процесс позволяет организации «осуществляться» через действия ее участников.

Литература

- Бодров В. А. (1999). Отечественной инженерной психологии — 40 лет // Психологический журнал. Т. 20. №. 2. С. 5–20.
- Бодров В. А. (2009). Современный этап развития отечественной инженерной психологии // Психологический журнал. Т. 30. №. 6. С. 66–80.
- Василюк Ф. Е. (1984). Психология переживания. М.: Издательство Московского университета.
- Вейк К. (2015). Смыслопроизводство в организациях: психология, организация, персонал / Пер. с англ. П. К. Власова и А. В. Коченгина под науч. ред. П. К. Власова. Харьков: Гуманитарный центр.
- Гарфинкель Г. (2007). Исследования по этнометодологии / Пер. с англ. З. Замчук, Н. Макаровой, Е. Трифоновой. СПб: Питер.
- Гудова Е. А. (2019). Процессуальный подход к анализу организационных изменений: кейс «Почты России» // Российский журнал менеджмента. Т. 17. № 2. С. 251–272.
- Конобеева Е. А. (2015). Производство смыслов в работе государственных организаций: случай «Почты России» // Экономическая социология. Т. 16. № 3. С. 46–70.

- Леонтьев Д. А. (2007). Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл.
- Леонтьев Д. А. (2014). Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт // Мир психологии. № 1. С. 104–116.
- Онес Д., Кайзер Р., Чаморро-Премузик Т., Свенссон С. (2017). Индустриально-организационная психология: тупик или новый виток развития? // Организационная психология. Т. 7. № 2. С. 126–136.
- Ритцер Д. (2002). Современные социологические теории / Пер. с англ. А. Бойкова и А. Лисицыной. СПб: Питер.
- Толочек В. А. (2017). Парадоксы развития отечественной индустриальной организационной психологии // Организационная психология. Т. 7. №. 4. С. 129–144.
- Ashforth B. E., Harrison S. H., Corley K. G. (2008). Identification in Organizations: An Examination of Four Fundamental Questions // Journal of management. Vol. 34. №. 3. P. 325–374.
- Bakken T., Hernes T. (2006). Organizing is Both a Verb and a Noun: Weick Meets Whitehead // Organization Studies. Vol. 27. № 11. P. 1599–1616.
- Balogun J., Johnson G. (2004). Organizational Restructuring and Middle Manager Sense-making // Academy of Management Journal. Vol. 47. № 4. P. 523–549.
- Bougon M., Weick K.E., Binkhorst D. (1977). Cognition in Organizations: An Analysis of the Utrecht Jazz Orchestra // Administrative Science Quarterly. Vol. 22. № 4. P. 606–639.
- Brown A. D., Colville I., Pye A. (2015). Making Sense of Sensemaking in Organization Studies // Organization Studies. Vol. 36. № 2. P. 265–277.
- Chia R. (2010). Rediscovering Becoming: Insights from an Oriental Perspective on Process Organization Studies // Hernes T., Maitlis S. (eds.). Process, Sensemaking, and Organizing. Oxford: Oxford University Press. P. 112–139.
- Czarniawska B. (1997). A Narrative Approach to Organization Studies. London: Sage Publications.
- Czarniawska B. (2005). Karl Weick: Concepts, Style and Reflection // Sociological Review. Vol. 53. № 1. P. 267–278.
- Eisenberg E. M. (2006). Karl Weick and the Aesthetics of Contingency // Organization Studies. Vol. 27. № 11. P. 1693–1707.
- Gabriel Y. (2000). Storytelling in Organizations. Oxford: Oxford University Press.
- Gabriel Y., Connell N. A. D. (Con). (2010). Co-creating Stories: Collaborative Experiments in Storytelling // Management Learning. Vol. 41. № 5. P. 507–523.
- Gephart R. P., Topal C., Zhang Z. (2010). Future-Oriented Sensemaking: Temporalities and Institutional Legitimation // Hernes T., Maitlis S. (eds.). Process, Sensemaking, and Organizing. Oxford: Oxford University Press. P. 275–312.
- Gergen K. J. (2010). Co-constitution, Causality, and Confluence: Organizing in a World without Entities // Hernes T., Maitlis S. (eds.). Process, Sensemaking, and Organizing. Oxford: Oxford University Press. P. 55–69.

- Gioia D. A., Chittipeddi K.* (1991). Sensemaking and Sensegiving in Strategic Change Initiation // *Strategic Management Journal*. Vol. 12. № 6. P. 433–448.
- Gioia D. A., Thomas J. B.* (1996). Identity, Image, and Issue Interpretation: Sensemaking during Strategic Change in Academia // *Administrative Science Quarterly*. Vol. 41. № 3. P. 370–403.
- Gioia D. A., Schultz M., Corley K. G.* (2000). Organizational Identity, Image, and Adaptive Instability // *Academy of Management Review*. Vol. 25. № 1. P. 63–81.
- Hernes T., Maitlis S.* (2010). Process, Sensemaking, and Organizing: An Introduction // Hernes T., Maitlis S. (eds.). *Process, Sensemaking, and Organizing*. Oxford: Oxford University Press. P. 27–37.
- Humphreys M., Brown A. D.* (2002). Narratives of Organizational Identity and Identification: A Case Study of Hegemony and Resistance // *Organization Studies*. Vol. 23. № 3. P. 421–447.
- Humphreys M., Ucbasaran D., Lockett A.* (2012). Sensemaking and Sensegiving Stories of Jazz Leadership // *Human Relations*. Vol. 65. № 1. P. 41–62.
- Jeong H.-S., Brower R. S.* (2008). Extending the Present Understanding of Organizational Sensemaking Three Stages and Three Contexts // *Administration, Society*. Vol. 40. № 3. P. 223–252.
- Leontiev D.* (2007). The Phenomenon of Meaning: How Psychology Can Make Sense of It // Wong P. T. P., Wong L., McDonald M. J., Klaassen D. K. (eds.). *The Positive Psychology of Meaning and Spirituality*. Abbotsford: INPM Press. P. 33–44.
- Lüscher L. S., Lewis M. W.* (2008). Organizational Change and Managerial Sensemaking: Working through Paradox // *Academy of Management Journal*. Vol. 51. № 2. P. 221–240.
- Magala S. J.* (1997). The Making and Unmaking of Sense // *Organization Studies*. Vol. 18. № 2. P. 317–338.
- Maitlis S., Christianson M.* (2014). Sensemaking in Organizations: Taking Stock and Moving Forward // *Academy of Management Annals*. Vol. 8. № 1. P. 57–125.
- Maitlis S., Lawrence T. B.* (2007). Triggers and Enablers of Sensegiving in Organizations // *Academy of Management Journal*. Vol. 50. № 1. P. 57–84.
- Manning P. K.* (2008). Goffman on Organizations // *Organization Studies*. Vol. 29. № 5. P. 677–699.
- Mills A. J.* (2008). Getting Critical about Sensemaking // Barry D., Hansen H. (eds.). *The Sage Handbook of New Approaches in Management and Organization*. London: Sage Publications. P. 29–30.
- O'Connell D.* (1998). Sensemaking in Organizations // *Administrative Science Quarterly*. Vol. 43. № 1. P. 205–208.
- Roethlisberger F. J., Dickson W. J.* (2003). *Management and the Worker. The Early Sociology of Management and Organizations*. London: Routledge.
- Sandberg J., Tsoukas H.* (2015). Making Sense of the Sensemaking Perspective: Its Constituents, Limitations, and Opportunities for Further Development // *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 36. № 1. P. 6–32.

- Shalin D. N.* (1986). Pragmatism and Social Interactionism // American Sociological Review. Vol. 51. № 1. P. 9–29.
- Weber K., Glynn M. A.* (2006). Making Sense with Institutions: Context, Thought and Action in Karl Weick's Theory // Organization Studies. Vol. 27. № 11. P. 1639–1660.
- Weick K. E.* (1962). The Reduction of Cognitive Dissonance through Task Effort, Accomplishment, and Evaluation. PhD Thesis. Ohio: The Ohio State University.
- Weick K. E.* (1979). The Social Psychology of Organizing. New York: Addison- Wesley.
- Weick K. E.* (1989a). Organized Improvisation: 20 Years of Organizing // Communication Studies. Vol. 40. № 4. P. 241–248.
- Weick K. E.* (1989b). Theory Construction as Disciplined Imagination // Academy of Management Review. Vol. 14. № 4. P. 516–531.
- Weick K. E.* (1990). The Vulnerable System: An Analysis of the Tenerife Air Disaster // Journal of Management. Vol. 16. № 3. P. 571–593.
- Weick K. E.* (1993). The Collapse of Sensemaking in Organizations: The Mann Gulch Disaster // Administrative Science Quarterly. Vol. 38. № 4. P. 628–652.
- Weick K. E.* (1995). Sensemaking in Organizations. London: Sage Publications.
- Weick K. E.* (1998). Improvisation as a Mindset for Organizational Analysis // Organization Science. Vol. 9. № 5. P. 543–555.
- Weick K. E.* (2010). Reflections on Enacted Sensemaking in the Bhopal Disaster // Journal of Management Studies. Vol. 47. № 3. P. 537–550.
- Weick K. E.* (2012). Organized Sensemaking: A Commentary on Processes of Interpretive Work // Human Relations. Vol. 65. № 1. P. 141–153.
- Weick K. E.* (2015a). Karl E. Weick (1979), The Social Psychology of Organizing, Second Edition // M@n@gement. Vol. 18. № 2. P. 189–193.
- Weick K. E.* (2015b). Ambiguity as Grasp: The Reworking of Sense // Journal of Contingencies, Crisis Management. Vol. 23. № 2. P. 117–123.
- Weick K. E., Sutcliffe K. M., Obstfeld D.* (2005). Organizing and the Process of Sensemaking // Organization Science. Vol. 16. № 4. P. 409–421.

Finding Sense in Organization Studies: Assumptions and Features of K. Weick's Sensemaking Approach

Elena Gudova

PhD in Sociology, Lecturer, Department of Sociology, National Research University — Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 9/11, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: egudova@hse.ru

This article discusses some of the theoretical foundation of the sensemaking approach introduced by Karl Weick within the fields of organizational psychology and organizational theory. Weick,

Sutcliffe, and Obstfeld wrote that "Sensemaking involves the ongoing retrospective development of plausible images that rationalize what people are doing" (2005: 409), or, in more general terms, making sense out of what is happening in order to reduce uncertainty and to act upon it. For this purpose, according to Weick, an individual deals with two questions: "What is going on? and, what should I do about it?" Answers to these questions and their following implications in the individual's actions depend on the seven characteristics of the sensemaking: the individual's identity, retrospective, enactment, social activity, ongoing [events and flux of experience], cues, and plausibility. Weick offers a "navigation of social space [of organization] with cultural maps in hand", and draws inspiration from the analysis of jazz improvisation. His works, still lacking attention in Russia, offer an instrument for both crisis situations with dramatic "loss of sense" and quite common everyday events. Weick's ideas were broadly developed within research on communication, identity, language, narratives, power, and other aspects of organizational activity. At the same time, sensemaking is believed to be one of the main theoretical inspirations for the processual approach in organization studies, which is focused on organizational becoming, or *organizing*.

Keywords: sensemaking, organization, Karl Weick, communication, identity, retrospective, cue, frame

References

- Ashforth B. E., Harrison S. H., Corley K. G. (2008) Identification in Organizations: An Examination of Four Fundamental Questions. *Journal of Management*, vol. 34, no 3, pp. 325–374.
- Bakken T., Hernes T. (2006) Organizing is Both a Verb and a Noun: Weick Meets Whitehead. *Organization Studies*, vol. 27, no 11, pp. 1599–1616.
- Balogun J., Johnson G. (2004)). Organizational Restructuring and Middle Manager Sensemaking. *Academy of Management Journal*, vol. 47, no 4, pp. 523–549.
- Bougon M., Weick K. E., Binkhorst D. (1977) Cognition in Organizations: An Analysis of the Utrecht Jazz Orchestra. *Administrative Science Quarterly*, vol. 22, no 4, pp. 606–639.
- Bodrov V. (1999) Otechestvennoj inzhenernoj psihologii — 40 let [40 Years of Russian Engineer Psychology]. *Psychological Journal*, vol. 20, no 2, pp. 5–20.
- Bodrov V. (2009) Sovremennyj jetap razvitiya otechestvennoj inzhenernoj psihologii [Modern Stage of Development in Russian Engineer Psychology]. *Psychological Journal*, vol. 30, no 6, pp. 66–80.
- Brown A. D., Colville I., Pye A. (2015) Making Sense of Sensemaking in Organization Studies. *Organization Studies*, vol. 36, no 2, pp. 265–277.
- Chia R. (2010) Rediscovering Becoming: Insights from an Oriental Perspective on Process Organization Studies. *Process, Sensemaking, and Organizing* (eds. T. Hernes, S. Maitlis), Oxford: Oxford University Press, pp. 112–139.
- Czarniawska B. (1997) *A Narrative Approach to Organization Studies*, Thousand Oaks: Sage Publications.
- Czarniawska B. (2005) Karl Weick: Concepts, Style and Reflection. *Sociological Review*, vol. 53, no 1, pp. 267–278.
- Eisenberg E. M. (2006) Karl Weick and the Aesthetics of Contingency. *Organization Studies*, vol. 27, no 11, pp. 1693–1707.
- Gabriel Y. (2000) *Storytelling in Organizations*, Oxford: Oxford University Press.
- Gabriel Y., Connell N. A. D. (Con). (2010) Co-creating Stories: Collaborative Experiments in Storytelling. *Management Learning*, vol. 41, no 5, pp. 507–523.
- Garfinkel' G. (2007) *Issledovaniya po jetnometodologii* [Studies in Ethnometodology], Saint Petersburg: Piter.
- Gephart R. P., Topal C., Zhang Z. (2010) Future-Oriented Sensemaking: Temporalities and Institutional Legitimation. *Process, Sensemaking, and Organizing* (eds. T. Hernes, S. Maitlis), Oxford: Oxford University Press, pp. 275–312.
- Gergen K. J. (2010) Co-constitution, Causality, and Confluence: Organizing in a World without Entities. *Process, Sensemaking, and Organizing* (eds. T. Hernes, S. Maitlis), Oxford: Oxford University Press, pp. 55–69.

- Gioia D.A., Chittipeddi K. (1991) Sensemaking and Sensegiving in Strategic Change Initiation. *Strategic Management Journal*, vol. 12, no 6, pp. 433–448.
- Gioia D. A., Thomas J. B. (1996) Identity, Image, and Issue Interpretation: Sensemaking during Strategic Change in Academia. *Administrative Science Quarterly*, vol. 41, no 3, pp. 370–403.
- Gioia D.A., Schultz M., Corley K.G. (2000) Organizational Identity, Image, and Adaptive Instability. *Academy of Management Review*, vol. 25, no 1, pp. 63–81.
- Gudova E. (2019) Processual'nyj podhod k analizu organizacionnyh izmenenij: kejs "Pochty Rossii" [Processual Approach to Organizational Change: A Case of Russian Post]. *Russian Management Journal*, vol. 17, no 2, pp. 251–272.
- Hernes T., Maitlis, S. (2010) Process, Sensemaking, and Organizing: An Introduction. *Process, Sensemaking, and Organizing* (eds. T. Hernes, S. Maitlis), Oxford: Oxford University Press, pp. 27–37.
- Humphreys M., Brown A. D. (2002) Narratives of Organizational Identity and Identification: A Case Study of Hegemony and Resistance. *Organization Studies*, vol. 23, no 3, pp. 421–447.
- Humphreys M., Ucbasean D., Lockett A. (2012) Sensemaking and Sensegiving Stories of Jazz Leadership. *Human Relations*, vol. 65, no 1, pp. 41–62.
- Jeong H.-S., Brower R. S. (2008) Extending the Present Understanding of Organizational Sensemaking Three Stages and Three Contexts. *Administration, Society*, vol. 40, no 3, pp. 223–252.
- Konobeeva E. A. (2015) Proizvodstvo smyslov v rabote gosudarstvennyh organizacij: sluchaj "Pochty Rossii" [Sensemaking in State-Owned Enterprises: The Case of Russian Post]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 16, no 3, pp. 46–70.
- Leontiev D. (2007) The Phenomenon of Meaning: How Psychology Can Make Sense of It. *The Positive Psychology of Meaning and Spirituality* (eds. P. T. P. Wong, L. Wong, M. J. McDonald, D. K. Klaassen), Abbotsford: INPM Press, pp. 33–44.
- Leontiev D. (2007) *Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of Sense: Nature, Structure and Dynamics of Notional Reality], Moscow: Smysl.
- Leontiev D. (2014) Smysloobrazovanie i ego konteksty: zhizn', struktura, kul'tura, opyt [Developing Sense and Its Contexts: Life, Structure, Culture, and Experience]. *The World of Psychology*, no 1, pp. 104–116.
- Lüscher L. S., Lewis M. W. (2008) Organizational Change and Managerial Sensemaking: Working through Paradox. *Academy of Management Journal*, vol. 51, no 2, pp. 221–240.
- Magala S. J. (1997) The Making and Unmaking of Sense. *Organization Studies*, vol. 18, no 2, pp. 317–338.
- Maitlis S., Christianson M. (2014) Sensemaking in Organizations: Taking Stock and Moving Forward. *Academy of Management Annals*, vol. 8, no 1, pp. 57–125.
- Maitlis S., Lawrence T. B. (2007) Triggers and Enablers of Sensegiving in Organizations. *Academy of Management Journal*, vol. 50, no 1, pp. 57–84.
- Manning P. K. (2008) Goffman on Organizations. *Organization Studies*, vol. 29, no 5, pp. 677–699.
- Mills A. J. (2008) Getting Critical about Sensemaking. *The Sage Handbook of New Approaches in Management and Organization* (eds. D. Barry, H. Hansen), London: Sage Publications, pp. 29–30.
- O'Connell D. (1998) Sensemaking in Organizations. *Administrative Science Quarterly*, vol. 43, no 1, pp. 205–208.
- Ones D., Kajzer R., Chamorro-Premuzik T., Svensson, S. (2017) Industrial'no-organizacionnaja psihologija: tupik ili novyj vitok razvitiya? [Has Industrial-Organizational Psychology Lost Its Way?]. *Organizational Psychology*, vol. 7, no 2, pp. 126–136.
- Roethlisberger F. J., Dickson W. J. (2003) *Management and the Worker. The Early Sociology of Management and Organizations*, London: Routledge.
- Ritzer D. (2002) *Sovremennye sociologicheskie teorii* [Modern Sociological Theories], Saint Petersburg: Piter.
- Sandberg J., Tsoukas H. (2015) Making Sense of the Sensemaking Perspective: Its Constituents, Limitations, and Opportunities for Further Development. *Journal of Organizational Behavior*, vol. 36, no 1, pp. 6–32.
- Shalin D. N. (1986) Pragmatism and Social Interactionism. *American Sociological Review*, vol. 51, no 1, pp. 9–29.

- Tolochek V. (2017) Paradoxsy razvitiya otechestvennoj industrial'noj organizacionnoj psihologii [Paradoxes of Development in Russian industrial and organizational psychology]. *Organizational Psychology*, vol. 7, no 4, pp. 129–144.
- Weber K., Glynn M. A. (2006) Making Sense with Institutions: Context, Thought and Action in Karl Weick's Theory. *Organization Studies*, vol. 27, no 11, pp. 1639–1660.
- Weick K. E. (1962) *The Reduction of Cognitive Dissonance through Task Effort, Accomplishment, and Evaluation* (PhD Thesis), Ohio: Ohio State University.
- Weick K. E. (1979) *The Social Psychology of Organizing*, New York: Addison-Wesley.
- Weick K. E. (1989) Organized Improvisation: 20 Years of Organizing. *Communication Studies*, vol. 40, no 4, pp. 241–248.
- Weick K. E. (1989) Theory Construction as Disciplined Imagination. *Academy of Management Review*, vol. 14, no 4, pp. 516–531.
- Weick K. E. (1990) The Vulnerable System: An Analysis of the Tenerife Air Disaster. *Journal of Management*, vol. 16, no 3, pp. 571–593.
- Weick K. E. (1993) The Collapse of Sensemaking in Organizations: The Mann Gulch Disaster. *Administrative Science Quarterly*, vol. 38, no 4, pp. 628–652.
- Weick K. E. (1995) *Sensemaking in Organizations*, London: Sage Publications.
- Weick K. E. (1998) Improvisation as a Mindset for Organizational Analysis. *Organization Science*, vol. 9, no 5, pp. 543–555.
- Weick K. E. (2010) Reflections on Enacted Sensemaking in the Bhopal Disaster. *Journal of Management Studies*, vol. 47, no 3, pp. 537–550.
- Weick K. E. (2012) Organized Sensemaking: A Commentary on Processes of Interpretive Work. *Human Relations*, vol. 65, no 1, pp. 141–153.
- Weick K. E. (2015a) Ambiguity as Grasp: The Reworking of Sense. *Journal of Contingencies, Crisis Management*, vol. 23, no 2, pp. 117–123.
- Weick K. E. (2015b) Karl E. Weick (1979), The Social Psychology of Organizing, Second Edition. *M@nagement*, vol. 18, no 2, pp. 189–193.
- Weick K. E., Sutcliffe K. M., Obstfeld D. (2005) Organizing and the Process of Sensemaking. *Organization Science*, vol. 16, no 4, pp. 409–421.

Экономика обогащения и структура товаров

BOLTANSKI L., ESQUERRE A. (2017). ENRICHISSEMENT: UNE CRITIQUE DE LA MARCHANDISE. PARIS: GALLIMARD. 672 P. ISBN 978-20-7014-787-8

Ольга Добрянская

Студентка магистерской программы «Социальные институты и практики»,
факультет социологии и философии, Европейский университет в Санкт-Петербурге
Адрес: Гагаринская ул., д. 6/1, литера А, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 191187
E-mail: odobryanskaya@eu.spb.ru

В 2017 году во Франции вышла книга Люка Болтански и Арно Эскера, название которой можно перевести на русский язык как «Обогащение. Критика товара»¹ («Enrichissement: une critique de la marchandise»). Данное произведение можно рассматривать в рамках социологии оправдания, или социологии критической способности, выделение которой в отдельную область социологии связано с публикацией бестселлера Люка Болтански и Лорана Тевено «Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов» («De la justification: les économies de la grandeur»). «Прагматический поворот», по версии Болтански и Тевено, характеризуется тремя основными чертами: анализом ситуаций, вниманием к вещам и переходом от критической социологии к социологии критической способности. Все три черты характерны и для новой книги Болтански и Эскера.

Хотя книга Болтански и Тевено буквально в течение нескольких лет «приобрела репутацию новой классики и последнего слова социальной теории»², перевода на русский язык ей пришлось ждать более 20 лет (оригинал вышел во Франции в 1991 году, а русский перевод был опубликован лишь в 2013 году). Книге Болтански и Эскера в этом отношении повезло больше: «Обогащение» должно выйти в русском переводе уже в 2020 году. В ожидании публикации книги на русском языке предлагаем читателям ознакомиться с основными ее положениями.

Экономикой обогащения (*économie de l'enrichissement*) авторы называют тип экономики, характерный для стран Западной Европы XXI века (в первую очередь для Франции, которая, по мнению авторов, как нельзя лучше подходит для изучения экономики обогащения), основанный не на производстве новых вещей,

© Добрянская О. В., 2020

© Центр фундаментальной социологии, 2020

DOI: 10.17323/1728-192X-2020-1-305-317

1. Далее по тексту (если не указано иное) перевод наш.

2. Копосов Н. Е. (2013). Грамматика демократии: «социология градов» Люка Болтански и Лорана Тевено // Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов / Пер. с франц. О. В. Ковеневой под ред. Н. Е. Копосова. М.: Новое литературное обозрение. С. 7.

а на стремлении «обогатить» вещи уже существующие (аналогично обогащению металлов), в особенности посредством рассказов, или нарративов (*récits*). Обогащением также можно назвать особенность этой экономики, которая состоит в извлечении прибыли из торговли вещами, в первую очередь предназначенными для богатых и составляющими для них дополнительный источник обогащения.

В книге рассматриваются истоки экономики обогащения, ее особенности, основные сферы, в которых она наиболее ярко проявляется, и социальные изменения в обществе, связанные с ней (части I и IV), а также структуры товара (*structures de la marchandise*) и формы валоризации³ (*formes de mise en valeur*) вещей, свойственные для экономики обогащения (части II и III).

Авторы объединяют исторический и аналитический подходы, рассматривая вселенную товаров как структурированный ансамбль, в котором отношения между вещами, их ценой и стоимостью имеют исторический характер. Товаром при этом считается «любая вещь, которой присваивается цена, когда она меняет владельца» (с. 12)⁴. Болтански и Эскер ставят целью не только описать трансформацию, произошедшую в бывших развитых индустриальных странах Европы, в частности во Франции, но и понять и описать структуры, посредством которых в экономике обогащения формируются отношения между вещью, ее ценой и стоимостью. Именно понятие стоимости позволяет рефлексировать по поводу отношения между вещью и ценой, критикуя или оправдывая его. Стоимость, таким образом, для авторов является механизмом обоснования (*justification*) или критики цен вещей.

Ниже мы более подробно рассмотрим идеи и положения книги Болтански и Эскера, которые, на наш взгляд, являются основными.

Истоки экономики обогащения

В последней четверти XIX века в странах Западной Европы, ставших в XIX и XX веках «очагом мирового капитализма» (с. 21), происходит deinдустрIALIZация: массовое производство перестает быть основным способом максимизации прибыли и накопления богатства, происходит развитие финансовой сферы и высоких технологий, а также коммодификация, или товаризация (*marchandisation*), отраслей, долгое время остававшихся на периферии капитализма (таких как культура и искусство). Географическая экспансия капитализма сопровождается индустри-

3. Французский термин *mise en valeur* можно перевести разными способами: создание стоимости, наделение ценностью и т. д. В англоязычных статьях, посвященных данной книге, используются термины *valorization* или *valuation*. Мы используем здесь термин «валоризация», т. к. именно этот вариант будет использован в переводе книги О. Е. Волчек под научной редакцией С. Л. Фокина. Термин «валоризация», принятый в современной экономике, отсылает нас к понятию *Verwertung*, введенному Карлом Марксом в «Капитале». На марксистскую теорию авторы опираются при описании «стандартной» формы валоризации.

4. Здесь и далее номера страниц, указанные в скобках, будут относиться к рассматриваемой в данной рецензии книге Болтански и Эскера.

альной делокализацией: западные компании открывают производство в странах с низким уровнем заработной платы (*pays à bas salaires*), что является ответом на кризис капитализма середины 1960-х — 1980-х гг.

Во Франции в регионах, где промышленность являлась основным источником богатств (*richesses*), происходит потеря рабочих мест, и регионы начинают использовать и трансформировать в источник богатств новые «месторождения» (*gîsements*), которые ранее играли второстепенную роль, обращаясь к новым формам валоризации (*formes de mise en valeur*). В противовес индустриальному капитализму авторы предлагают понятие «интегрального» (*integral*) капитализма, основанного на экономике обогащения, «в том смысле, что в нем соединяются разные способы создавать стоимость» (с. 26).

Примером перехода от индустриальной экономики к экономике обогащения может служить бывший завод по производству автомобилей «Фиат» в Турине, работавший с 1922 по 1982 год, здание которого было затем преобразовано в современный многофункциональный комплекс, в котором сегодня представлены произведения из коллекции живописи его бывшего управляющего. Таким образом, произошел переход от массового производства стандартных автомобилей к «молчаливому и уважительному лицезрению произведений искусства» (с. 32). Другим примером перехода от индустриальной экономики к экономике обогащения является французский город Арль, которому после закрытия в 1980-х гг. промышленных предприятий, составлявших основу экономики города, удалось справиться с безработицей и бедностью за счет развития культурной индустрии (с. 56–63).

Сфера экономики обогащения

«Обогащенные» вещи присутствуют повсеместно, поэтому сфера экономики обогащения представляется разнородным скоплением, «туманностью» (*nébuleuse*), границы которой трудно очертить и для которой сложно подсчитать экономические показатели, в том числе занятость. Экономика обогащения охватывает разные секторы, виды деятельности, статусы и профессии, которые оказываются «разбросаны» в статистической номенклатуре и для которых не существует единого механизма учета (с. 29).

Несмотря на «туманный» характер, авторы выделяют несколько основных сфер экономики обогащения, в основном на примере Франции. В центре экономики обогащения находится индустрия роскоши (с. 32–37). Ссылаясь на статистику, авторы приводят данные о том, что экспорт товаров потребления класса «люкс» вырос в два раза с 2000 по 2011 год, при этом две трети этих товаров происходят из стран Западной Европы, в основном Франции и Италии. Многие из этих товаров производятся в странах с низким уровнем заработной платы (*pays à bas salaires*), но продаются под европейскими брендами, что увеличивает их стоимость. Это как раз и является основной чертой индустрии роскоши: она основана на брендах, престиж которых в первую очередь связан со страной их происхождения, кото-

рая в экономике обогащения сама по себе является брендом (с. 36). Особое место в секторе занимают продовольственные товары класса «люкс» (*luxe alimentaire*), пришедшие на смену стандартной продовольственной продукции, чья ценность объясняется связью с местными традициями и историей.

Вторым фактором обогащения является наследие, а точнее, процессы «превращения в наследие» (*patrimonialisation*), то есть конструирования, в результате которого предмет становится частью наследия (с. 37–41). Они касаются как сохранения и использования исторических зданий, так и создания новых музеев и культурных центров, организации фестивалей и пр. Превращение в наследие опирается в первую очередь на рассказы (*récits*), благодаря которым место или вещь оказываются вписанными в прошлое. Систематическая эксплуатация прошлого осуществляется за счет реактивации связей с определенными историческими персонажами или событиями.

Еще одним фактором создания богатства (*création de richesse*) в экономике обогащения является развитие внутреннего и международного туризма, тесно связанного с развитием индустрии роскоши и наследия, с которыми ассоциируется имидж (бренд) Франции (с. 42–47). Развитие туризма благоприятно сказалось на торговле предметами роскоши, а также за последние двадцать лет стало одним из наиболее важных факторов, стимулировавших процессы превращения в наследие. «Массовому туризму» (*tourisme de masse*) противопоставляется «культурный туризм» (*tourisme culturel*), зарождению и популяризации которого способствовали такие международные организации, как ЮНЕСКО, ИКОМОС и ЮНВТО.

Культура в широком смысле является четвертой сферой развития экономики обогащения (с. 47–52). За последние несколько десятков лет во Франции наблюдался значительный рост культурного сектора, связанный с ростом внутреннего спроса и уровня образования: так, количество людей, занятых в секторе, выросло более чем на 50% с начала 1990-х гг. Сюда относятся исполнительское и изобразительное искусство, музеи, фестивали и т. д. Примером коммерциализации культуры является область современного искусства, которую Болтански и Эскер рассматривают как отдельную сферу экономики обогащения (с. 53–56).

Развитие экономики обогащения проявляется не только в росте каждого из указанных выше секторов по отдельности, но и в интенсификации связей между ними. И именно это растущее количество связей, по мнению авторов, является наиболее значимым явлением, свидетельствующим о том, что современный капитализм нацелен на систематическую эксплуатацию богатств прошлого (с. 103).

Особенности экономики обогащения

Если в индустриальной экономике товары предназначены для практического использования и их цена со временем снижается, а сами товары рано или поздно обречены стать отходами (*déchets*), то в экономике обогащения, напротив, цена товара со временем может вырасти, при этом самые ценные объекты, такие как

произведения искусства и антиквариат, а также предметы роскоши, не имеют практического применения, а хранятся как предметы коллекции. В соответствии с этой логикой с ростом количества вещей спрос на них не уменьшается, а только увеличивается, так как коллекционеры стремятся приобрести недостающие предметы для своей коллекции.

Каким же образом определяется стоимость вещей в экономике обогащения? Другими словами, как конструируются аргументы, которые позволяют обосновать (*justifier*) цену этих вещей? В этом случае речь идет не о производственных расходах, которые влияют на стоимость в индустриальной экономике, а скорее о расходах на реставрацию и сохранение объектов и, более широко, о расходах на валоризацию (*mise en valeur*) — процессы по «обогащению» вещей, в результате которых увеличивается их стоимость и растет цена. В основе этих процессов лежит нарративный механизм (*dispositif narratif*), который позволяет выбрать из безграничного множества определенные отличительные характеристики (*différences*) данной вещи и вывести их на первый план (с. 72). Таким образом, характер экономики обогащения определяется не только растущей ролью культуры и ее связи с коммерцией, но и способом создания богатства, основанном на эксплуатации «месторождений» прошлого, для которых нарративность является основным способом повышения стоимости (с. 73–74).

В центре внимания авторов оказываются особые моменты «социальной жизни» вещей, когда те меняют владельца, то есть становятся предметом обмена (*commerce*). В такие моменты происходит испытание (*épreuve*) вещи, то есть ставится вопрос о ее стоимости, которая выражается в форме цены (с. 103–104). Напомним, что в книге Болтански и Тевено «Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов» также используется понятие «испытание» для обозначения ситуаций разногласия, в которых испытываются на обоснованность суждения о справедливости⁵.

Цена, стоимость и структура

Вещи, на которых основывается экономика обогащения, циркулируют среди множества других, для которых повышение стоимости может происходить разными способами. Формы валоризации (*formes de mise en valeur*) делят и структурируют вселенную товаров, но сами товарные структуры (*structures de la marchandise*) должны иметь общий характер. Авторы выделяют три основных компонента структуры, необходимых для того, чтобы вещь могла участвовать в обмене.

Во-первых, товар должен быть определен, то есть продавец и покупатель должны быть согласны по поводу определения предмета обмена. Определить вещь — означает определить класс товаров, к которому она относится, и ее место в нем. При этом классификация вещей как товаров осуществляется по особым критерии-

5. Болтански, Тевено. Указ. соч. Например, с. 204.

ям, не только с точки зрения их использования, но и с точки зрения того, каким способом определяется их цена. Так, например, пластиковый табурет и кресло Людовика XV не будут относиться к одному и тому же классу товаров, хотя оба с точки зрения практического применения выполняют одну и ту же функцию (с. 120).

Во-вторых, товару должна быть присвоена определенная цена, которая, однако, не является его неотъемлемой характеристикой (в отличие от, например, размера или веса), а скорее знаком, и имеет собственную систему измерения, выраженную в денежной форме. Цена каждой вещи устанавливается только по отношению к цене других вещей (с. 121) и не имеет смысла в изоляции. Она зависит от обстоятельств и может увеличиваться или уменьшаться со временем (с. 124–133).

В-третьих, отношение между ценой и стоимостью (которая не имеет собственной системы измерения) позволяет критиковать или оправдывать цены вещей (с. 109). Поскольку цена, по которой предлагается вещь, может быть оспорена, то необходимо иметь аргументы и конкретные механизмы, чтобы ее обосновать. Авторы определяют стоимость (*valeur*) как механизм обоснования цены (*dispositif de justification du prix*) (с. 138). Обоснование (*justification*) цены может либо быть ответом на попытку оспорить цену, то есть критику, либо оно может быть представлено заранее, чтобы убедить потенциального покупателя в необходимости покупки (этую функцию выполняет реклама). Стоимость является неотъемлемым атрибутом вещи, а следовательно, более стабильным, чем цена. Но описать и измерить стоимость позволяет только цена, так как у стоимости нет собственной системы измерения. Отсылка к стоимости — это единственный аргумент, которым мы располагаем для критики цены (с. 149).

Формы валоризации

Авторы предлагают структуру для анализа форм валоризации (*formes de mise en valeur*), которая учитывает две оси, по которым распределяются и оцениваются вещи. Вертикальная ось определяет характер представления отличительных особенностей вещи (*présentation différentielle*). По вертикальной оси форма может быть аналитической (анализ) или нарративной (повествование, рассказ) (с. 155). Аналитическое представление предполагает описание и разбор свойств и характеристик вещи, вне зависимости от контекста и времени, позволяющее сравнение с другими вещами на базе одной характеристики. Нарративное представление дает целостное описание вещи и связанных с ней ситуаций, событий и людей. Оно включает в себя хронологический аспект и позволяет активировать память о прошлом, в отличие от аналитического представления, имеющего вневременной характер (с. 168–169).

Горизонтальная ось показывает рыночную силу (*puissance marchande*) вещи, которая может увеличиваться или уменьшаться со временем и выражается в росте или падении цены (с. 158).

Выделив два способа представления вещи — анализ и рассказ — и два направления ее товарной силы — понижение или повышение стоимости со временем, — авторы предлагают четыре формы валоризации вещей⁶ (с. 159):

	Аналитическое представление (présentation analytique)	Нarrативное представление (présentation narrative)
Отрицательная рыночная сила (puissance marchande négative)	Стандартная форма (forme standard)	Трендовая форма (forme tendance)
Положительная рыночная сила (puissance marchande positive)	Активная форма (forme actif)	Коллекционная форма (forme collection)

Эти формы позволяют обосновать или подвергнуть критике цену вещи, но в каждой из них способ валоризации и аргументы будут различны. При этом перемещение вещей от одной формы к другой не только возможно, но и является необходимым условием их существования (с. 163).

«Четыре формы, которые мы выделили, безусловно, не исчерпывают все способы, которые потенциально могли бы быть использованы для валоризации вещей. Но при современном положении структур товара представляется сложным создать стоимость какой-либо вещи, не обращаясь к одной из этих форм» (с. 239), — утверждают авторы. Тем не менее, по мнению авторов, в будущем возможно расширение сферы товаризации, связанное, в частности, со стиранием границ между материальными и нематериальными объектами, что сделает более сложным возможность валоризации в соответствии с одной из этих форм. Формы валоризации являются историческими образованиями и, следовательно, могут меняться. При этом для исследования нематериальных объектов, связанных с развитием интернета и цифровой экономики, необходимо заново ставить вопрос о формах валоризации и проводить новое исследование (с. 241).

Стандартная форма ассоциируется с индустриальным обществом, так как именно благодаря ей стало возможно массовое производство. Она предполагает наличие прототипа и потенциально неограниченного количества сделанных на его основе копий. Свойства прототипа фиксируются аналитически (с. 201). Вещи, валоризация которых обусловлена стандартной формой, всегда предназначены для практического использования и рано или поздно обречены стать отходами.

В *активной форме* вещи покупают для того, чтобы затем продать (с. 355). Она опирается на аналитическое представление, так же как и стандартная форма, но, в отличие от последней, здесь вещи не обесцениваются со временем, а, наоборот, способны повыситься в цене (с. 327).

6. Названия форм валоризации буквально могут быть переведены на русский язык как форма «стандарт» (forme standard), форма «тенденция» (forme tendance), форма «актив» (forme actif) и форма «коллекция» (forme collection). В данной рецензии мы используем вариант, который будет использован в переводе книги на русский язык О. Е. Волчек под научной редакцией С. Л. Фокина.

В этой форме стоимость вещи определяется отношением между ценой и так называемой метаценой (*métaprix*), то есть возможной ценой в будущем. При этом, в отличие от финансовых активов, вещь как актив не приносит дохода и может стать прибыльной только в момент продажи (в зависимости от того, сопровождалась ли сделка приростом капитала или нет) (с. 357).

Обоснование стоимости вещей в активной форме опирается на их ликвидность (*liquidité*), то есть то, насколько легко их можно перевести в деньги (с. 362), и капитализацию (*capitalisation*), их способность принести прибыль в будущем (с. 366).

Трендовая форма, в отличие от стандартной и активной, использует нарративное представление вещей, но эти вещи очень быстро обесцениваются. В трендовой форме вещи быстрее становятся отходами, чем в стандартной, т. к. они выходят из моды быстрее, чем теряют способность выполнять свои практические функции. Трендовая форма, таким образом, может являться синонимом расточительства (*gaspillage*), в котором обвиняют общество потребления (с. 346).

Фундаментальной временной модальностью в этой форме является настоящее время: предмет соотносится с трендом, существующим в данный момент (с. 334). Нарративное представление (рассказ) сосредоточено не на прошлом, а на настоящем, и соответствует рекламному стилю, который не информирует потребителей о качествах товара, а смещает акцент с самой вещи на людей и атмосферу (с. 337). Для вещей в трендовой форме характерны высокие расходы на рекламу и маркетинг по сравнению с расходами на производство (с. 343).

Характерная черта трендовой формы состоит в том, что она опирается одновременно на миметизм (стремление быть похожим на других) и различие (стремление выделяться из массы) — противоречие, разрешить которое призвано понятие стиля (с. 337).

В трендовой форме вещи ценятся как знаки (*signes*), маркеры положения, занимаемого в социальной иерархии (с. 329). При этом высокая цена сама по себе относится к отличительным характеристикам вещи, из-за которых она ценится. Таким образом, нивелируется различие между ценой и стоимостью (с. 343).

Коллекционная форма. Коллекция стала матрицей создания новой формы валоризации вещей, которая играет центральную роль в экономике обогащения. Когда производство стандартных вещей переместилось в страны с низким уровнем заработной платы и капитализм переориентировался на эксплуатацию прошлого, эта форма способствовала изменению способов создания богатства (с. 251). Коллекция предполагает накопление материальных вещей, объединенных по какому-либо общему принципу (*principe directeur*), но отличных друг от друга. При этом степень различия (*différences*) должна быть такой, чтобы вещи можно было различать, но чтобы они не перестали быть похожими (с. 260–261).

Коллекционная форма предполагает использование аргументации иного рода, чем стандартная или другие формы. Объектами коллекции могут становиться в том числе вещи, вышедшие из производства и употребления, то есть «отходы», которые в стандартной форме обладают нулевой ценностью (с. 256). Эти вещи ро-

дом из прошлого, изъятые из области практического применения, хранят память о людях и событиях, с которыми ранее были связаны, то есть обладают «силой памяти» (*force mémorielle*), подобно сувенирам (с. 258).

Именно силой памяти, связанной с нарративным представлением вещи, а также ее редкостью и уникальностью (в противовес стандартным вещам), обосновывается цена в коллекционной форме. Ценностью обладают только оригинальные (аутентичные) вещи (с. 269), происхождение которых можно проследить и описать в рассказе (с. 283). Нарративное представление вещей сравнивается с техникой сторителлинга (*storytelling*) в маркетинге, которая нацелена на то, чтобы представить товары, модели и марки как уникальные, ассоциируя их с определенными историческими персонажами и знаменитостями (с. 302).

В качестве примера, иллюстрирующего переориентацию капитализма и переход от преобладания стандартной формы к коллекционной, авторы приводят французскую компанию Kering, которая, начав с торговли древесиной в 1960-х гг., постепенно сменила сферу деятельности на торговлю предметами роскоши и сегодня владеет такими крупнейшими мировыми брендами, как Gucci, Yves Saint-Laurent и другие (с. 304–314).

Прибыльность прошлого

Именно достижение массовым производством порога прибыльности (по крайней мере в странах Западной Европы) стимулировало развитие экономики обогащения и переход капитализма к коммерциализации новых областей, которые ранее были на периферии.

Связывая макро- и микропроцессы, авторы рассматривают, как генерируется прибыль в экономике в зависимости от формы валоризации, на которую она опирается. Так, если в стандартной форме акцент в получении прибыли делается на серийное производство (с. 376), то в трех других формах, на которые опирается экономика обогащения, авторы выделяют следующие общие особенности: производство играет меньшую роль в формировании прибыли, чем другие аспекты превращения вещи в товар; приоритет отдается извлечению максимальной прибыли от продажи каждой вещи (в противовес массовой продаже); растет ориентация на богатых (с. 378–379).

На протяжении своей жизни вещь может менять форму, с помощью которой создается ее стоимость. С точки зрения прибыли в этом случае смена формы может позволить дорого продать вещь, которую в другой форме было бы сложно продать. Так, возможность «мигрировать» в коллекционную или активную форму позволяет надеяться на получение прибыли вещам, обреченным стать отходами в стандартной форме (с. 394).

Экономика обогащения на практике (ножи «Лайоль»)

Опираясь на полевое исследование, проведенное в районе плато Обрак, в деревне Лайоль (департамент Аверон), авторы приводят пример того, как развитие экономики обогащения происходит на локальном уровне, путем использования локальных ресурсов и создания рассказов в соответствии с коллекционной формой (и в меньшей степени в соответствии с трендовой формой) (с. 403–404). С начала 1980-х гг. прежние формы экономической активности, такие как скотоводство, начинают играть меньшую роль в деревне, в то время как экономика обогащения набирает оборот и проявляется в следующих чертах: развитие туризма, процессы превращения в наследие, создание рассказов о прошлом, а также учреждение локального ремесленного производства старинных ножей «Лайоль», как стандартных, так и коллекционных, сравнимых с произведениями искусства (с. 416).

Анализируя процессы превращения в наследие в деревне Лайоль, авторы обращают внимание на тот факт, что ремесленное производство ножей «Лайоль» прекратилось в 1920-х гг. и было возобновлено лишь в 1980-х гг. (с. 413). И хотя современное производство позиционируется как старинное, ножи «Лайоль» сегодня имеют мало общего со своими предками (авторы при этом ссылаются на шеститомник Камиля Паже конца XIX века, посвященный ножевому производству) (с. 420–422). Таким образом, передача навыков старинного производства ножей «Лайоль» оказывается основанной на вымысле (с. 423), что не мешает развитию производства и успешной конкуренции с одноименными ножами, которые производятся промышленным образом в странах с низким уровнем заработной платы (Китай и Пакистан).

Изменение социального состава общества

Отдельно в книге рассматривается и вопрос об изменении состава общества в связи с развитием экономики обогащения. Авторы выделяют четыре типа центральных персонажей, которые играют все большую роль в экономике обогащения и в разной степени извлекают прибыль из прошлого (с. 479): 1) «рантье» (rentiers), распоряжающиеся капиталом; 2) «прислуга» (serviteurs), обеспечивающая содержание объектов; 3) «аутсайдеры» (laissés-pour-compte), например бывшие рабочие, выполняющие низкоквалифицированный труд; и 4) «творцы» (créateurs) — работники культуры, обладающие высоким культурным капиталом, которым отводится особое место в экономике обогащения. Правда, «творцы» не создают нового, а опираются на существующую культуру и традиции, выявляя, интерпретируя и реактивируя формы прошлого (с. 470–471). Рост их числа в 1960-х — 1970-х гг. и в особенности в 1980-х — 2000-х способствовал развитию экономики обогащения во Франции (с. 459).

«Творцы», как правило, не имеют постоянной работы с фиксированным графиком (что способствует смешению рабочего времени с личным) и зависят от раз-

ных работодателей. В условиях высокой конкуренции они вынуждены создавать собственную стоимость, так же как они создают стоимость вещей (с. 471), одновременно являясь продавцом своего труда и товаром (с. 489). «Творец» должен, чтобы преуспеть, сделать себе имя, то есть обосновать свои требования получения дохода, повысив стоимость собственного имени, которое выступает как бренд (с. 472).

Критика капитализма

В книге Люка Болтански и Эв Кьяпелло «Новый дух капитализма» («Le nouvel esprit du capitalisme»), опубликованной на русском языке в 2011 году, авторы как раз анализируют сферу труда и наемных работников и рассматривают вопрос критики капитализма с этих позиций. В книге Болтански и Эскера объектом критики становятся сами процессы обогащения.

Сегодня критика капитализма нацелена в основном на частный сектор — богатых людей, международные компании и глобальные рынки, в то время как роль государства в развитии капитализма слаживается. В то же время нарисованная авторами картина развития экономики обогащения в Европе и в особенностях во Франции, по их мнению, высвечивает роль государства в формировании и накоплении богатств. Эксплуатация ресурсов прошлого не может осуществляться без государственной поддержки, а следовательно, экономика обогащения объединяет интересы владельцев капитала и государства (с. 487–488).

Тем не менее экономика обогащения сегодня не признается отдельной экономической сферой, функционирующей по законам, отличным от законов индустриальной экономики. Несмотря на очевидный упадок индустриального капитализма, государство не признает экономические и социальные последствия развития экономики обогащения (с. 483). А значит, не существует и системы учета и контроля за тем, как в экономике обогащения распределяется богатство между теми, кто участвовал в его производстве (с. 490), то есть не все участники процесса «обогащения» вещей получают прибыль от их коммерциализации, хотя основу экономики обогащения составляет прошлое, которое, как и культура, является общим благом (с. 485).

Таким образом, экономика обогащения еще больше обогащает самых богатых и изолирует их от остальных (с. 484), не давая последним рычагов для привлечения внимания к своему положению и критики (с. 489). Развитие экономики обогащения, таким образом, способствует увеличению неравенства в мире (с. 363).

Заключение

Итак, рассмотрев основные положения книги «Обогащение», постараемся ответить на вопрос о том, в чем основная заслуга авторов и как их подход может применяться в дальнейшем.

В «Обогащении» авторы использовали подходы социологии, антропологии, истории, политической философии и экономики. Главная задача, по словам авторов, состояла в том, чтобы преодолеть разногласия, часто разделяющие социологию и антропологию с экономикой и приводящие к тому, что социологи и антропологи либо игнорируют экономику, либо поспешно хватаются за экономические модели, пытаясь применить их к своему предмету, либо критически относятся к экономике в целом. Авторы выступают за унифицированное видение социальных наук и стремятся преодолеть разногласия между подходами, унаследованными от позитивизма (более свойственными экономистам), и конструктивистскими подходами (более характерными для социологов) (с. 14–16).

Стоит отметить, что подобную задачу ставили Болтански и Тевено в «Критике и обосновании справедливости», стремясь преодолеть традиционное противоречие между социологами и экономистами, состоящее в противопоставлении колективного индивидуальному, и выявить элементы сходства между этими методологическими установками, доказывая, что противоречие между общим и частным «лежит в основе каждой системы»⁷, а не является результатом конфликта между теориями.

В «Обогащении» авторы предлагают понятие прагматического структурализма (*structuralisme pragmatique*), для того чтобы связать социальную историю и анализ когнитивных компетенций, используемых при осуществлении действий. Таким образом, авторы стремятся объединить и примирить два подхода, часто считающихся противоположными: системный (*systémique*), исследующий макропроцессы, и прагматический (*pragmatique*), анализирующий микроструктуры интерпретации действий (с. 496). По мнению авторов, оба подхода изучают связанные между собой явления, что и показывает анализ товарных структур. Тогда как географические и исторические перемещения капитала способствуют коммерциализации новых областей и расширению вселенной товаров, именно от когнитивных структур зависит возможность оценки вещей и координации между участниками обмена, которые должны достичь согласия по поводу цены, делающей его возможным (с. 496–497). Структуры в данном случае являются когнитивными операторами, без которых люди были бы лишены критических способностей (с. 500).

Интерес книги состоит не только в междисциплинарном подходе, но и в разнообразии методов и областей исследования, а значит, потенциальных областей применения данного подхода. Свой методологический аппарат авторы называют «эклектичным» (с. 16), перечисляя такие методы, как сбор статистических данных, формальные и неформальные интервью, анализ коммерческой и рекламной документации, а также учебников по маркетингу роскоши, туризму, искусству и культуре и этнографическое исследование на местах.

Области исследования также варьируются и включают современное искусство, индустрию роскоши, культурное наследие, туризм и другие. Каждая из этих об-

⁷. Болтански, Тевено. Указ. соч. С. 62.

ластей может быть подвергнута более глубокому исследованию, и именно к этому призывают авторы, приглашая дополнить результаты и развить гипотезы, представленные в «Обогащении», на примере этих или других областей исследования (с. 17).

Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что авторы возвращают в область современного теоретического анализа категории классической политической экономии, такие как «богатство», «распределение», «валоризация» и «стоимость», рисуя перед читателем новую модель экономики и, по сути, предлагая новую теорию стоимости.

В рецензии 2014 года на книгу Болтански и Тевено, Г. Б. Юдин утверждал, что «прагматическая социология Люка Болтански и Лорана Тевено давно заняла свое место в арсенале российских исследователей»⁸. Учитывая, что развитие экономики обогащения касается прежде всего стран Западной Европы, интересно будет посмотреть, как идеи Болтански и Эскера будут восприняты российскими исследователями и как их подход может быть применен для анализа российской действительности.

Economy of Enrichment and the Structure of Commodities

Olga Dobryanskaya

Master's Student, Department of Sociology and Philosophy, European University at St Petersburg

Address: Gagarinskaya str, 6/1A, Saint Petersburg, Russian Federation 191187

E-mail: odobryanskaya@eu.spb.ru

Book Review: Luc Boltanski, Arnaud Esquerre, *Enrichissement: une critique de la marchandise* (Paris: Gallimard, 2017).

8. Юдин Г. Б. (2014). Рецензия на книгу: Люк Болтански, Лоран Тевено. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов // Laboratorium. № 3. С. 126.

«Цифровой капитализм» и старая сказка о потерянном времени

ВАЙСМАН Д. (2019). ВРЕМЕНИ В ОБРЕЗ: УСКОРЕНИЕ ЖИЗНИ ПРИ ЦИФРОВОМ КАПИТАЛИЗМЕ / ПЕР.
С АНГЛ. Н. ЭДЕЛЬМАНА ПОД НАУЧ. РЕД. С. ЩУКИНОЙ. М.: ДЕЛО. 304 С. ISBN 978-5-7749-1469-8

Эдуард Сафонов

Старший лаборант, Институт философии РАН

Адрес: ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация 109240

E-mail: safronoveduard@gmail.com

Для многих из нас уже давно стал очевидным парадокс: электронная почта, которая якобы должна облегчить процессы коммуникации и сделать нашу жизнь более удобной и эффективной, порою «съедает» все наше время — рабочее и нерабочее, социальное и физическое. И чем дальше, тем, кажется, больше наше время поглощается цифровыми технологиями. Исследователи и мыслители со всего мира уже не первое десятилетие пытаются объяснить такие противоречия «цифровой эпохи», непосредственно влияющие на общество вообще и на нашу жизнь в частности. Среди этих исследователей известный социолог Джуди Вайсман, книга которой 2015 года «Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме» вышла на русском языке в 2019 году в Издательском доме «Дело» РАНХиГС. Вайсман — профессор социологии в Лондонской школе экономики и политических наук — долгое время занималась исследованиями феминистской теории, социологии труда и социальными исследованиями техники. Основываясь на таком теоретико-практическом фундаменте, она решила обратиться к вопросу, который волнует многих из нас: почему техника, созданная для удобства человека, превратила жизнь в перманентный цейтнот?

Представленную попытку ответа на этот актуальный вопрос сложно оценить однозначно. С одной стороны, в книге есть ценные эмпирические данные по социологии труда, хотя и не всегда с достаточно удовлетворительным анализом. В частности, это исследование помех, создаваемых мобильным телефоном и электронной почтой в процессе трудовой деятельности, а также анализ роли женщин в домохозяйствах в контексте современного развития техники и технологий и в перспективе возможной цифровизации и роботизации. С другой стороны, мы наблюдаем концептуальную неразбериху и попытку осветить множество проблем на страницах не самой толстой книги. Само название задает слишком широкую дискурсивную рамку: здесь и цифровой капитализм, и время, и ускорение. После нескольких страниц введения к этим темам добавляются: техника и технологии,

труд, досуг, феминистский анализ и «политические последствия». На сегодняшний день каждому из вышеперечисленных дискурсов посвящены отдельные монографии, сборники, журналы и т. д. Ни о каком консенсусе по любому из этих вопросов не может быть и речи. Давайте посмотрим, насколько автору удалось раскрыть эти темы и сказать что-то новое читателям.

Первую и вторую главы книги можно условно отнести к «концептуальному блоку». Здесь Вайсман пытается проработать некоторую теоретическую фундированность исследования. Из всего обилия заявленных проблем она концентрируется на времени и связанных с ним феноменах: ускорения и скорости. В первой главе Джуди Вайсман предлагает методологическую рамку, которую будет использовать в исследовании. Поскольку, как говорилось выше, Вайсман — специалист в области социальных исследований техники, то нет ничего странного в том, что красной нитью через исследование проходит Science and Technology Studies (STS). Мысль о том, что «социальный мир нельзя свести к технике, составляющей его содержание» (с. 31), постоянно повторяется на страницах книги в той или иной форме. Озвучив этот тезис, Вайсман переходит к анализу и критике концепций сверхскоростного общества.

Следуя наработкам немецкого социолога Хартмута Роза, Вайсман предлагает разделять ускорение на техническое, социальное и ускорение темпа жизни (с. 32). Связь между этими видами ускорений неочевидна и зачастую парадоксальна: так, техническое ускорение, освобождающее от многих рабочих и бытовых процессов, должно экономить наше время и тем самым замедлять темп жизни, однако это приводит лишь к постоянной нехватке свободного времени, что мы так ощущаем во всей полноте. Попытка понять этот парадокс является целью исследования. Вайсман последовательно переходит от идей Дэвида Харви о том, что новые коммуникационные возможности экспоненциально ускорили экономические процессы, позволив контрагентам со всех концов света существовать в режиме «реального времени», тем самым символически уничтожив сначала пространство, а потом и само время, к теории «сетевого общества» Мануэля Кастельса и работе «Социология за пределами обществ» Джона Урри¹. Не останавливаясь подробно на содержании этих книг, Вайсман эксплицирует из концепций темпоральный аспект и анализирует понятия «вневременного» и «мгновенного времени» Кастельса и Урри соответственно. Она критикует оба концепта за несоответствие эмпирической реальности, где личная встреча по-прежнему — важный социальный феномен, даже в сфере экономических отношений, а информация не эфемерна, но имеет физическое воплощение в data-центрах и физическое же ограничение в скорости обмена и передачи (с. 39–40). Стоит отметить, что автор критикует эти

1. Harvey D. (1989). *The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Cambridge: Blackwell Publishers; Castells M. (1996). *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell; Урри Д. (2012). Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: НИУ ВШЭ.

концепты Кастельса и Ури, не обращаясь к их содержанию, которое подразумевает скорее описание тенденций, а не новые законы природы.

Далее Вайсман рассматривает идеи французского философа Поля Вирильо² и социологов Барбары Адам и Роберта Хассана — ключевых (вместе с упомянутым выше Хартмутом Роза) современных исследователей ускорения и времени (с. 44–52). Стратегия Вайсман остается прежней: она указывает на неявный технологический детерминизм, культурный пессимизм и страх перед техникой и технологиями. Автор последовательно показывает, как из предпосылки «технологии представляют собой итог ряда конкретных решений, принимаемых конкретными людьми в конкретных местах в конкретное время в своих целях» (с. 55) следует, что техника не формирует время, а находится с ним в постоянном взаимном влиянии. Кроме того, технология также взаимодействует с человеком, который волен использовать ее как для освобождения, так и для колонизации свободного времени. Таким образом, Вайсман показывает, что техника как социоматериальная практика всегда имеет несколько сторон и что ускорение технического развития неизбежно приводит к ускорению темпа жизни, как считают многие теоретики ускоряющегося общества. Интересно, что Вайсман совершенно не рассматривает политическое измерение ускорения: теории «акселерационизма» Ника Ланда и Ника Срничека с Алексом Уильямсом³, постулируя в дальнейшем политический потенциал своего исследования как стремление к равенству возможностей по использованию времени между социальными группами разного достатка и дальнейшей эмансипации женщин от темпорального напряжения, связанного с работой по дому и воспитанием детей.

В целом очевидно, что концептуальная часть мало интересует автора: постоянные скачки между временем, ускорением, скоростью, пространством, темпоральными режимами не дают полноценного представления о теоретическом аппарате, который будет использоваться в дальнейшем, тем более что многие из обсуждаемых авторских концепций остаются исключительно в теоретической части работы. Эти главы скорее представляют собой экскурс в дискуссию о времени и ускорении. Вайсман представляет несколько удобных ей концепций, не обращая внимания на другие социальные теории времени⁴, обвиняет их в технологическом детерминизме и непонимании природы техники, после чего постулирует несложный тезис о том, что все не так просто, как кажется. Другая составляющая оптики

2. В частности, дромологический закон, согласно которому ускорение порождает новые формы замедления. См.: *Virilio P. (2006). Speed and Politics. Los Angeles: Semiotext(e).*

3. См.: Морозов А. В. (2019). Навигация по акселерационизму: от некапитализма к посткапитализму через платформы // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. Т. 1. № 2. С. 226–242; Павлов А. В. (2019). Постмодернистский ген: является ли посткапитализм постпостмодернизмом // *Логос*. № 2. С. 1–24. Сафонов Э. (2019). Как акселерационизм превратился в платформенный капитализм // *Логос*. № 3. С. 279–289.

4. Луман Н. (2004). Мировое время и история систем: об отношениях между временными горизонтами и социальными структурами общественных систем / Пер. с нем. В. Бакусева // *Логос*. № 5. С. 131–168; Люbbe Г. (2016). В ногу со временем: сокращенное пребывание в настоящем / Пер. с нем. А. Б. Григорьева и В. А. Куренного под науч. ред. В. А. Куренного. М.: НИУ ВШЭ.

Вайсман — феминистская теория и неравенство. Опираясь на гендерную критику труда, Вайсман аргументирует несостоительность теорий мобильности Урри и Гидденса в связи с тем, что они не учитывают неравенство возможностей по отношению к феномену мобильности у малообеспеченных слоев населения и женщин. Все это приводит Вайсман к выводу о том, что для полноценного анализа феномена нехватки времени необходимо подключать эмпирический материал. Одним словом, мы видим, что социальные теории, названные Вайсман, оказываются не слишком полезными для работы с эмпирикой, но феминизм и STS — «работают» на протяжении всего изложения материала. Собственно, именно работа с эмпирическим материалом через призму STS и феминистской теории составляет большую часть книги, благодаря чему она становится по-настоящему ценной.

«Парадокс нехватки времени» — третья глава книги. В ней автор вплотную подходит к вопросу, почему, несмотря на объективные показатели об увеличении количества свободного времени в западных странах, люди все больше чувствуют постоянную спешку и отсутствие возможностей решать личные вопросы. Вайсман предлагает рассмотреть три подхода к изучению подобного восприятия времени: экономический, культурный и темпоральный. Экономический подход объясняет парадокс нехватки времени тем, что статистика о сокращении рабочего времени складывается из усредненных данных, которые показывают, что одни группы населения тратят на работу все меньше времени или не тратят вообще, в то время как другие уделяют работе все больше времени. Другим важным фактором в рамках экономического подхода, по мнению Вайсман, является выход женщин на рынок труда и, как следствие, рост домохозяйств с двумя кормильцами. В этом случае кроме работы по найму остается работа по дому и воспитанию детей, которая в большем объеме ложится на плечи женщин, оставляя им ничтожное количество «качественного свободного времени» (с. 105–120). Культурный подход объясняет нехватку времени с точки зрения новых практик. Например, возникновение «культуры переработок» или гиперопека при воспитании детей. Кроме того, «загруженность» как антоним «праздности» приобретает позитивные коннотации и становится синонимом успеха. При этом загруженность распространяется не только на рабочее время, но и подразумевает под собой активный досуг как активное потребление. Индивид, принимающий такие правила игры, начинает свой бег в «потребительском колесе» — работает не покладая рук ради повышения своего уровня потребления, жалуется на нехватку времени, а если выпадает свободная минута — корит себя за бездеятельность (с. 120–126).

Третий — темпоральный — подход основывается на работе британских социологов Марка Томлинсона и Дэйла Саутертона⁵. Они выделили три составляющих темпорального «сжатия»: количество времени на работу и потребление; темпоральную дезорганизацию — сложность координации социальных практик между людьми; темпоральную плотность, которая зависит от многозадачности

5. Southerton D., Tomlinson M. (2005). Pressed for Time: The Differential Aspects of a Time Squeeze // Sociological Review. Vol. 53. № 2. P. 232–233.

и насыщенности определенных временных промежутков. Первый параметр не может дать нам полного представления о «сжатии», так как увеличение количества свободного времени противоречит чувству его недостатка. Темпоральная дезорганизация связана с разрушением институционально стабильных социальных ритмов, стандартная рабочая неделя больше не является обязательной нормой, гибкая занятость,очные смены, постоянная подключенность перекраивают темпоральный ландшафт, следовательно, временные промежутки для социализации сокращаются, заставляя нас постоянно подстраиваться для рабочей, семейной и дружественной коммуникации. Этот процесс создает ощущение спешки из-за трудностей синхронизации графиков работы и досуга. Темпоральная плотность описывается на примере многозадачности. Так, утро для многих является наиболее «темпорально плотным» отрезком времени: умывание, чистка зубов, параллельные попытки приготовления завтрака и чтения новостей вызывают чувство измотанности. Через темпоральную плотность Вайсман анализирует досуг, разделяя его на чистый, который не сопровождается дополнительными делами, и перемежающийся с делами (например, просмотр телевизора во время глажки белья). Здесь автор возвращается к гендерному анализу и показывает, как домашние заботы влияют на темпоральную плотность женского досуга, разделяя его на краткосрочные отрезки, которые не позволяют в полной мере расслабиться и вызывают чувство постоянной измотанности (с. 128–142).

Экономический подход представляет собой эмпирическую работу со статистикой, темпоральный — объединяет в себе обращение к эмпирике и некоторую степень концептуализации, а культурный — строится на теориях Пьера Бурдье и Джонатана Гершуни. При этом очевидно, что от культурного подхода до анализа капитализма Вайсман отделяет один шаг, который она, что удивительно, так и не делает. Это не идет на пользу книге в целом. Во второй главе Вайсман обращается к знаменитой статье английского историка Эдварда П. Томпсона «Время, трудовая дисциплина и промышленный капитализм» (1967), чтобы показать истоки современного понимания социального времени как максимы «время–деньги». При этом в той же статье Томпсон пишет о различении двух форм труда: почасового и эффективного, ориентированного на решение конкретных задач⁶. Индустримальный капитализм делал ставку на почасовой труд, сопротивляясь чему могли люди, не занятые на производстве, — ученые, художники, студенты, фермеры. Когнитивизация капитализма и переориентация основной массы работников с индустримального на «постиндустриальный» способ производства постепенно сделали «эффективный» труд преобладающей парадигмой. Так, менеджмент взамен почасового выполнения должностных обязанностей начал делать ставку на ключевые показатели эффективности (КПИ), то есть на личные качества отдельного работника, а не на трудовую операцию. Экономика в итоге и сформировала современную культу-

6. Thompson E. P. (1967). Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism // Past & Present. № 38. P. 56–97.

ру, если обратиться к идее Фредрика Джеймисона⁷. В книге этот аспект совершен-но упускается из виду, несмотря на термин «цифровой капитализм» в названии. Этот «цифровой капитализм» никак не концептуализируется в исследовании и в тексте представлен скорее набором технических артефактов, нежели социальной или экономической «абстракцией». «Цифровой капитализм» в понимании Вайсман — скорее темпоральная категория, период, начало которого четко не обозна-чается.

Отсутствие теоретической абстракции особенно заметно в следующей части, состоящей из четвертой и шестой глав книги. В четвертой главе Джуди Вайсман рассуждает о взаимосвязи работы и ИКТ. Ключевой тезис здесь состоит в том, что «трудовые практики переформатируются по мере того, как наемные работники приспособливаются к постоянной подключенности, свойственной их труду» (с. 147). По мнению Вайсман, представление о работнике как о пленнике современ-ных технологий не соответствует действительности. Этого работника как субъ-екта цифрового капитализма характеризует использование в рабочем процессе электронной почты, Интернета и мобильного телефона. Данные технологии вли-яют на темп работы: помехи и многозадачность — ключевые аспекты интенси-фикации труда. Ссылаясь на собственные исследования, Вайсман показывает, что непосредственно ИКТ, в частности электронная почта и мобильный телефон, вы-ступают скорее в качестве символа перегрузки, при этом темп и интенсификация работы зависят не от непосредственных технических артефактов, а от новых прак-тик менеджмента, подкрепленных возможностью отслеживать ход работы при по-мощи анализа почты и звонков. Помехи (например, необходимость реагировать на уведомления почты в ходе другого рабочего процесса) также не обусловлены техникой и скорее встраиваются в новый «коммуникационный репертуар», стано-вясь важным аспектом новой профессиональной парадигмы. А многозадачность как выполнение нескольких действий одновременно не является характеристикой исключительно цифрового общества и может быть прочитана скорее как личная темпоральная ориентация, нежели как непосредственный результат влияния ИКТ (с. 145–182).

В шестой главе техника рассматривается как сближающая сила для семейных и дружеских коммуникаций. Если телефон выступает как символ постоянной подключенности, то такая подключенность работает не только как фактор произ-водственного стресса во время досуга, но и как досуговый фактор во время про-изводственного процесса. Мобильный телефон в личном использовании стано-вится сближающим средством. Скупулезность проведенного Вайсман анализа диссонирует с банальностью и очевидностью выводов. Вряд ли даже в 2015 году

7. Джеймисон Ф. (2019). Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Пер. с англ. Д. Кралечкина под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара; Павлов А. В. (2019) Странная жизнь постмодернизма // Джеймисон. Указ. соч. С. 7–53. См. также рецензию на эту книгу в «Социологическом обозрении»: Афанасов Н. Б. (2019). В поисках утраченной современности // Со-циологическое обозрение. Т. 18. № 1. С. 256–265.

(год выхода книги на английском языке) можно было кого-то удивить фактом, что мобильный телефон как материальный артефакт не только интенсифицирует работу, но и заключает в себе освободительный потенциал, а электронная почта может рассматриваться и как символ постоянной подключенности, вызывающей стресс, и как возможность асинхронной коммуникации, позволяющей оптимизировать рабочие и личные контакты. Объяснить банальность такого вывода достаточно легко. Это связано с отсутствием необходимой социальной и экономической абстракции в концепции Вайсман, о чём говорилось ранее. Поэтому автор рассматривает телефон и электронную почту в узком контексте коммуникационных феноменов, что не позволяет Вайсман проанализировать режим постоянной подключенности в его «тотальности». Очевидно, что телефон не может заставить работника принимать и совершать рабочие звонки во время семейного ужина. Однако если над системой социально-технологических отношений есть система отношений социально-экономических, которая тотализирует всю жизнь наемного или самозанятого субъекта и заставляет его из соображений конкуренции находиться на связи 24/7, посвящать свободное время самообучению и повышению конкурентных навыков, то освободительная функция ИКТ хоть и остается осозаемой, но отходит на задний план.

Интернет также рассматривается Вайсман как социоматериальный феномен с позиций STS, при этом автор лишь вскользь обсуждает вопросы цифрового труда и новой цифровой социальности, которая формируется на стыке онлайн и онлайн, производства и потребления контента. В начале второй главы Вайсман пишет, что процессы технического развития обуславливаются культурными ценностями и властными моделями социально-производственных отношений, при этом вопрос использования ИКТ в качестве средства контроля над производительностью сотрудника не анализируется. Насколько же силен освободительный потенциал Интернета на рабочем месте, если брандмауэр, установленный работодателем, оставляет лишь узкую амбразуру в дивный цифровой мир? Можно расценивать телефон и телефонные звонки исключительно как инструмент, подчиняющийся воле работника, самостоятельно и креативно формирующего свои коммуникационные иерархии. Однако если в качестве артефакта рассматривать смартфон как соответствующее духу времени устройство, то в игру неожиданно вступит капиталистическая конкуренция за наше время. Социальные сети, игры и приложения борются за внимание пользователей намного успешнее и отвлекают нас куда чаще, чем книга, кроссворд, радио или газета индустриальной эпохи. Гораздо сложнее анализировать и искать освободительный потенциал с точки зрения STS в мобильной игре, спроектированной с применением результатов исследований в когнитивной психологии и созданной для борьбы за наше время, внимание и деньги. Все эти феномены имеют большее отношение к «цифровому капитализму», чем телефон и электронная почта в качестве личного и рабочего телеграфа.

Пятая глава «Время и быт» имеет опосредованное отношение к цифровизации, за исключением последней части, посвященной утопичности проекта умного дома как решения проблемы бытовой занятости. Однако это делает данную часть книги наиболее интересной и содержательной. Джуди Вайсман показывает, как революция в бытовой технике, призванная освободить время в домохозяйствах, в итоге привела к тому, что дом так и остался ареной борьбы с домашними делами. Это обуславливается тем, что вместе с техническими возможностями, такими как микроволновая печь, стиральная машина, морозильник, выросли и стандарты потребления и чистоты, тем самым заново «захватив», казалось бы, освободившееся время. Также Вайсман подробно рассматривает процесс воспитания детей, который требует качественного свободного времени и не поддается ускорению с помощью цифровизации. Кроме того, стандарты воспитания за последнее время возросли, и сегодня родители проводят больше времени с ребенком, чем в середине прошлого века. При этом дом по-прежнему остается местом гендерного неравенства в части распределения обязанностей (с. 185–223). На примере этой главы мы видим, как капитализм совершил виток от «капитализма услуг» к «капитализму самообслуживания». Рассматривая аутсорсинг домашних обязанностей, Вайсман делает акцент на росте количества дешевой рабочей силы из стран третьего мира, однако при этом не проговаривает феномен возвращения к услугам через «бережливые платформы» и «уберизацию»⁸.

В заключении Вайсман пишет о способах нахождения свободного времени в цифровую эпоху. Мы вновь возвращаемся к тому, что техническое ускорение не равно ускорению темпа жизни, что техника не детерминирована, а формируется человеком и подстраивается под человека, и что нам необходим не технологический пессимизм, а поиск в технологиях и технике освободительного потенциала. Завершается все призывом «бросить вызов эйфории скорости и техническому импульсу к ее достижению и обуздать нашу изобретательность, чтобы обрести более полный контроль над нашим временем» (с. 301).

Влияние цифровизации на социальные, политические, экономические, культурные и другие аспекты жизни общества давно стало очевидным и неоспоримым. Началом процесса концептуализации «информационного общества», с некоторой долей условности, можно назвать работу американского социолога Даниела Белла «Грядущее постиндустриальное общество», выпущенную в 1973 году⁹. С момента выхода книги Белла ведущими социологами и философами было предпринято множество попыток ухватить и описать характерные особенности постиндустриальной эпохи, и если в 1970-х и начале 1980-х годов под ними чаще подразумевались экономика услуг, знаний и глобализация, то в конце XX века во

8. Срничек Н. (2019). Капитализм платформ / Пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. М.: НИУ ВШЭ.

9. Белл Д. (2004). Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia.

главу угла встала компьютеризация, в частности развитие информационно-коммуникационных технологий.

Как мы указывали во вступлении, книга одним своим названием сулит нам перспективы исследования большого спектра актуальных проблем. Но именно это и делает работу Вайсман уязвимой для критики. Сам по себе «цифровой капитализм» не является устойчивой и понятной всем концепцией и выступает скорее как зонтичный термин, объединяющий актуальную проблематику на стыке экономики, социологии, философии и политической теории. Вайсман же пытается представить цифровой капитализм в качестве преемника капитализма индустриального, показывая во второй главе, что вопросы времени, ускорения и скорости были свойственны индустриальной эпохе на протяжении всего времени существования и что качественным изменением в коммуникации было изобретение телеграфа, а не мобильного телефона и электронной почты. Такой подход спасает от эйфории перед новыми технологиями, однако мешает за телефоном и почтой увидеть и проанализировать качественно новые феномены.

Так, Интернет (на наш взгляд, более релевантный пример технологического влияния «цифрового капитализма») трансформирует дихотомию работы и досуга до неузнаваемости. Сегодня свободный, нематериальный, цифровой труд¹⁰ уже не может описываться через анализ исследовательской рамки «работа-дом». Некоторые авторы ставят под сомнение коммуникацию в Сети, утверждая, что Сеть устроена таким образом, что коммуникационный акт превращается в поток циркуляции контента и теряет свое содержание¹¹. Другие изучают, каким образом техника из помощника становится элементом глобальной сети контроля¹². Вопросы такого рода исследуются не только на более высоком концептуальном уровне, но и с большим погружением в определенную проблематику. Например, объемное исследование Адама Гринфилда описывает работу множества современных технологий от смартфона до искусственного интеллекта, раскрывая их демократический потенциал и показывая их капиталистическую и неолиберальную изнанку. Герт Ловинк подробно исследует Интернет с точки зрения социальной и медиатерий, Ник Срничек и Алекс Уильямс пытаются представить проект посткапиталистического общества, проблематизируя современную трудовую этику, автоматизацию производства и сокращение рабочего дня¹³. Все эти и многие другие авторы

10. Dyer-Witheford N. (2015). *Cyber-Proletariat. Global Labour in the Digital Vortex*. L.: Pluto Press; Lazzarato M. (1996). *Immaterial Labor* // Virno P., Hardt M. (eds.). *Radical Thought in Italy*. Minneapolis: University of Minnesota Press. P. 133–147; Terranova T. (2000). *Free Labor: Producing Culture for the Digital Economy* // Social Text. Vol. 18. № 2. P. 33–58.

11. Dean J. (2009). *Democracy and Other Neoliberal Fantasies: Communicative Capitalism and Left Politics*. Durham: Duke University Press.

12. Zuboff S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism*. New York: PublicAffairs.

13. Гринфилд А. (2018). Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / Пер. с англ. И. Кушнаревой под науч. ред. С. Щукиной. М.: Дело; Ловинк Г. (2019). Критическая теория интернета / Пер. с англ. Д. Лебедева и П. Торкановского под ред. А. Гуменского. М.: Ад Маргинем Пресс; Срничек Н., Уильямс А. (2019). Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / Пер. с англ. Н. Охотина. М.: Strelka Press.

вкупе дают более полное представление о различных феноменах цифрового капитализма, чем в книге Вайсман.

На данный момент именно описание через конкретные проявления помогает составить общую картину современной капиталистической формации. Это лишний раз подтверждает, что широкое и не определенное проблемное поле вкупе с не во всем проработанной концептуальной рамкой не позволяет сегодня всерьез анализировать современный капитализм. Но, в конце концов, бумажная книга — прекрасный физический артефакт, который мы можем использовать для временного выхода из режима повышенной «temporalной плотности», вызванной цифровизацией, и получить тем самым несколько вечеров приятного вдумчивого чтения и неторопливых размышлений.

“Digital Capitalism” and the Old Fairytale about Lost Time

Eduard Safronov

Senior Research Assistant, Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Address: Goncharnaya str. 12/1, Moscow, Russian Federation 109240

E-mail: safronoveduard@gmail.com

Book Review: Judy Wajcman, *Vremeni v obrez: uskorenije zhizni pri tsifrovom kapitalizme* [Pressed for Time: The Acceleration of Life in Digital Capitalism] (Moscow: Delo, 2019).

Российское поколение миллениалов

РАДАЕВ В. (2019). МИЛЛЕНИАЛЫ: КАК МЕНЯЕТСЯ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО. М.: НИУ ВШЭ. 224 С. ISBN 978-5-7598-2009-3

Александр Субботин

Аспирант кафедры демографии, Высшая школа современных социальных наук,

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Студент Европейской докторской школы по демографии,

Институт демографических исследований Макса Планка (Росток, Германия)

Центр демографических исследований, Автономный университет Барселоны

(Барселона, Испания)

Адрес: ул. Ленинские горы, д. 1, г. Москва, Российская Федерация 119991

E-mail: aasubbotin@yahoo.com

Книга Вадима Радаева «Миллениалы: как меняется российское общество», вышедшая в Издательском доме Высшей школы экономики, пытается дать ответ на вопрос о причинах резкого отличия так называемых миллениалов, хронологически маркируемых в работе временем рождения с конца 1980-х по конец 1990-х (с. 10), от предшествующих им поколений. Автор, известный российский специалист в области экономической социологии, профессор и первый проректор НИУ ВШЭ, опирается не только на теоретические достижения генерационной социологии, но также на собственные исследования, данные социально-экономических мониторингов НИУ ВШЭ и личный преподавательский опыт. Впрочем, педагогике посвящены по преимуществу заключительные страницы издания, а основная его часть описывает перемены в российском обществе.

Свое исследование ученый начинает с признания, что «операциональное выражение категории «поколение» и в самом деле весьма проблемно» (с. 10). Она относится к категориям вроде «класса» или «этничности», то есть к теоретическим конструкциям, не имеющим четко определенного значения (в лучшем случае исследователь определяет его ситуативно, в рамках конкретной работы), но широко используемым социальными науками. Однако, как подчеркивает автор, его «интересуют не поколения как таковые» в смысле составления их портрета или перечисления характеристик, но поколение как социологический инструмент, позволяющий идентифицировать условия становления (взросления) той или иной возрастной группы, задающей новые долгосрочные тренды и определяющей характер «социальных изменений в целом» (с. 10).

Для начала ученый опровергает политизированный подход к проблеме поколений. В теоретическом разделе автор подвергает критике доминирующее в отечественном генерационном анализе представление о поколениях, связанное с так на-

зывающей «школой Левады» и продвигаемой ей концепцией «советского простого человека», который продолжает «воспроизводиться», несмотря на то что условия и структурные предпосылки его существования давно исчезли (с. 15–16). Именно устойчивостью и «непотопляемостью» этого социально-антропологического типа «школа Левады» объясняет все срывы и провалы модернизации политических институтов в России. Подобный подход, по мнению автора, склонен к чрезмерной политизации проблемы, поскольку выводит на первое место в границах поколения исключительно политические ценности и предпочтения (с. 17). По мнению «школы Левады», новый, «несоветский» человек должен был стать абсолютным антиподом своего предшественника. Если последний был «лукавым, адаптивным конформистом», то поколение, не заставшее СССР, должно было в подобной бинарной логике стать «совершенными гражданами», которым есть дело до самых незначительных политических вопросов и проблем. Когда подобный «взгляд сверху» (с. 18) сталкивается с несоответствием реальности своим ожиданиям (а данные опросов это подтверждают, показывая довольно высокий уровень политической индифферентности и конформизма в первом полностью постсоветском поколении), возникающая фрустрация оборачивается наивными морализаторскими инвектиками в адрес молодежи, погрязшей в консюмеризме и не оправдавшей ожиданий позднесоветской либеральной интеллигенции (с. 23–25).

Автор отвергает подобный подход, отстаивая при этом гипотезу о наличии «поколенческого слома» между последними советскими поколениями и миллениалами. Впрочем, чтобы зафиксировать этот существенный трансгенерационный сдвиг, анализа одних только политических предпочтений совершенно недостаточно. Необходимо принять во внимание еще целую совокупность параметров. Например, многие миллениалы, полностью игнорируя политику, посвящают очень много своего времени благотворительности, волонтерству, экологии, защите животных и другим социальным проблемам (с. 27). Читателю предлагается новая исследовательская методология, которая состоит из двух частей, включающих, соответственно, авторскую классификацию поколений и описание того, откуда брались и как анализировались данные. Самую обширную часть книги составляет эмпирический раздел с результатами статистических расчетов, сопоставляющий миллениалов с предшествующими поколениями по ряду значимых социальных параметров и описывающий новые тренды, формирующиеся среди молодого поколения (с. 11). Разумеется, для контраста и полноты картины Вадим Радаев исследует не только поколение Y, но и все поколения «рожденных в СССР». Перед этим ученый приводит другие существующие в науке деления поколений с опорой на обязательный для данной проблематики классический текст Карла Мангейма «Проблема поколений». С определенными упрощениями его теоретическая схема выглядит так: любая возрастная группа в один и тот же период истории переживает одни и те же значимые события, формирующие важную часть условий взросления, а они, в свою очередь, определяют специфические практики поведения, отличающие конкретное поколение от предшествующего и последующего (с. 34–35).

Попутно автор указывает, что подобный взгляд на формирование поколений близок по своей сути понятию «габитуса» у Пьера Бурдье (с. 34). При этом возникает вопрос о том, какие события следует считать значимыми (с. 35), поскольку они должны восприниматься в этом качестве критической массой представителей данного поколения. Например, для советских людей первый полет человека в космос имеет историческое значение, а вот акции диссидентов — нет. Отсюда автор делает вывод об относительно четких вехах российской истории последнего столетия: «Великая Отечественная война — период оттепели — период застоя — перестройка и либеральные реформы — период стабилизации» (с. 39).

Дальнейшее развитие этой проблематики породило теорию поколенческих коорт (generational cohort theory) Нормана Райдера (с. 36). Затем Рональд Инглхарт разделил послевоенные поколения на материалистически и постматериалистически ориентированные (с. 36), а уже на рубеже 1990-х годов в качестве базового инструмента появляются более дробные деления поколений протяженностью по 15–20 лет, куда в том числе входит и поколение миллениалов (с. 37). Именно классификация, введенная Нейлом Хоувом и Вильямом Штраусом (в некоторых переводах — Нилом Хау и Уильямом Страусом), является наиболее известной поколенческой классификацией, в том числе за пределами академического сообщества¹ (с. 44). Применительно к отечественным реалиям ученый модифицирует ее так, что первые три относятся к советским поколениям, а вторые три — к постсоветским, поскольку период взросления самых старших из них начинается во времена перестройки (с. 49):

Таблица 1. Классификация российских поколений (с. 49)

Поколения	Период рождения	Период взросления
<i>Мобилизационное поколение</i>	1938 г. и ранее	1941–1955 гг.
<i>Поколение оттепели</i>	1939–1946 гг.	1956–1963 гг.
<i>Поколение застоя</i>	1947–1967 гг.	1964–1984 гг.
<i>Реформенное поколение</i>	1968–1981 гг.	1985–1999 гг.
<i>Поколение миллениалов</i>	1982–2000 гг.	2000–2016 гг.
<i>Поколение Z</i>	2001 г. и позднее	2017 г. и позднее

Книга Радаева, разумеется, — не первое издание, посвященное теории поколений: например, выше уже упоминались исследования Штрауса и Хоува. Их первая книга рассказывает о смене англо-американских поколенческих биографий,

1. — величайшее поколение, поколение победителей (1900–1923 г.р.);
— молчаливое поколение (1923–1943 г.р.);
— поколение беби-бумеров, или бумеров (1943–1963 г.р.);
— поколение X, или неизвестное поколение (1963–1983 г.р.);
— поколение Y, или поколение Сети, миллениалы (1983–2003 г.р.);
— поколение Z (2003–2023 г.р.)

начиная с 1584 года и заканчивая современностью: на ее страницах происходит связанное со сменой интенсивности общественной активности чередование типажей: «пророков», «странников», «героев» и «художников»². Уже из этого очевидно отличие «Миллениалов» — речь не идет о циклизации. Однако уже следующая работа Штрауса и Хоува посвящена одному отдельному поколению³. Это же часто будет характеристикой и последующих исследований — в том числе и рецензируемой книги, хотя миллениалы в ней все же помещены в сравнительный контекст вместе с предыдущими поколениями. Более того, сама книга была написана для того, чтобы понять, как их настоящее способно повлиять на будущее общества.

Эта же особенность отличает книгу Радаева от недавно переведенных на русский язык монографий Алексея Юрчака⁴ и Дональда Рейли⁵. Методологически она построена на сравнительном анализе. Также автор декларирует отход от избыточного акцента на политике — книга по преимуществу исследует частную жизнь, что и отмечается им в критике предшествующих подходов. Кроме того, книги американских исследователей ориентированы на символические процессы, посредством которых формируется представление субъекта о самом себе — основой концепции Юрчака является понятие перформативного сдвига в языке официальной идеологии позднего СССР, а Рейли опирается на прямую речь, сделав фактически подборку интервью. Радаев же пользуется инструментами статистики и социологических опросов, которые «отстранены» от субъекта и с точки зрения «строгой науки» более «объективны». Вообще при чтении книги возникает впечатление, что автор пытается заглянуть в будущее через телескоп настоящего, чтобы понять, как вступить в близкий контакт с цивилизацией, которая кажется иной поколениям, рассмотренным в монографиях Юрчака и Рейли.

Кроме книг переводных, стоит обратить внимание и на отечественные издания, затрагивающие проблематику поколенческого анализа. Например, Владимир Лисовский предложил свою классификацию поколений, но не по датам появления на свет, а по критериям выделения: «демографическое», «антропологическое», «историческое», «хронологическое» и «символическое»⁶. Исходя из этой классификации, можно предположить, что представители одного и того же года рождения могут быть отнесены к разным поколениям, а также очевидно, что она имеет прежде всего теоретическое значение. Автор же «Миллениалов», если принимать

2. Strauss W., Howe N. (1991). *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow.

3. Strauss W., Howe N. (1993). *13th Gen: Abort, Retry, Ignore, Fail*. New York: Vintage Books.

4. Юрчак А. (2014). Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение.

5. Рейли Д. (2015). Советские беби-бумеры: послевоенное поколение рассказывает о себе и своей стране. М.: Новое литературное обозрение.

6. Лисовский В. (2000). Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб.: СПбГУП. Классификация предполагает обращение не к однаковому критерию для разных поколений, где он в таком случае является определяющей переменной, а к различным типам обобщенных характеристик. Благодаря этому границы, например, хронологических и символических поколений могут не совпадать.

во внимание третью часть его работы, стремится к практическому применению полученного знания. Анализируя методы хронологической идентификации поколений, автор разбирает поколенческую классификацию Ю. Левады (с. 45), которую выбрал, как сам замечает, в качестве примера. При этом последний еще не выделяет миллениалов, сам термин, согласно Радаеву, появляется позже — в статье Виктории Семеновой. Однако классификации Семеновой недостает «четкого разделения возрастных групп, и недостаточно специфицированы исторические периоды, к которым привязаны годы рождения и годы формирования выделенных поколений» (с. 45–46). Таким образом, рецензируемое издание в целом отличается от предшествующих работ о поколениях, как от самых первых, так и от недавних, как от зарубежных, так и от отечественных.

Ознакомив читателя с базовыми положениями своего исследования, Радаев предполагает, что в деле отслеживания социальных изменений, непродуктивно исследовать представителей отдельных поколений, а нужно использовать так называемые формативные для каждого поколения годы, которые, как правило, определяются возрастным интервалом от 17 до 25 лет (с. 37–38). При этом автор не утверждает, что поколенческие различия могут заменить другие категории социальной дифференциации — например, этнические группы, хотя кроме поколения им использовались другие переменные — например, пол или место проживания (город либо село) опрашиваемых. Это было необходимо для обнаружения в рамках одной когорты различий, связанных с данными типами принадлежностей. Соседние поколения сравнивались с предшествующими по их формативным годам, иначе говоря, по времени вступления каждого из них в сознательную взрослую жизнь. Автор называет подобный подход исследованием медианного возраста (с. 59–60).

Концентрируясь на неполитических сферах деятельности и общественного восприятия, Радаев выдвигает гипотезы по поводу наиболее заметных перемен в обществе: «*Гипотеза 1. Миллениалы значимо опережают предшествующее реформенное поколение и другие старшие поколения по уровню распространения новых практик поведения. Гипотеза 2. Миллениалы ускоряют ранее возникшие тренды по сравнению с предшествующими поколениями или способствуют перелому этих трендов*» (с. 51).

При проверке гипотез различия, например, начинаются с того, что у представителей этого поколения доля владеющих каким-либо иностранным языком, помимо языков бывших республик СССР, удваивается и достигает 36% (с. 67). Причем среди женщин она выше (39% и 31% соответственно) — возможно, потому, что они чаще выбирают гуманитарные и иные специальности, где требуется знание языка (с. 68).

Радаев рассматривает весьма сложное и комплексное понятие взрослости как состоящее из нескольких аспектов обретаемой самостоятельности. Одним из них является вступление в брак и деторождение. Оказалось, что к 27 годам 41% миллениалов, причем почти половину из них составляют мужчины, ни разу не

образовывали семью, в то время как в реформенном поколении в аналогичном медианном возрасте безбрачных было лишь 24%. Не имели детей еще больше опрошенных — 54%, а среди их предшественников в том же возрасте — лишь 31%. Это неудивительно, потому что во всем мире, невзирая на либерализацию сексуальных норм, начало половой жизни откладывается, а также снижается и средняя ее активность (с. 70) — вероятно, молодежь, как будет показано ниже, виртуальное интересует больше, чем реальное.

Отделение от родителей, то есть переезд в собственное жилье (купленное или арендованное), также происходит позже. Здесь стоит сделать замечание, что при анализе результатов не были приняты во внимание некоторые из важных причин миграции за пределы места рождения, а также изменения места жительства в пределах одного населенного пункта. Первая — это поступление на учебу или работу в другой город, что коррелирует с данными Радаева о более позднем выходе на рынок труда (с. 72). Вторая — переезд по причине вступления в брак, более характерный для женщин: здесь более позднее отделение от родителей или отсутствие такового очевидно связаны с отложенным началом брачных отношений либо безбрачием (сюда стоит добавить, что часто брачного партнера находят во время учебы). Кроме того, взросление для человека, материально ограниченного, означает не столько отдельное проживание, сколько самообеспечение, а платить процент от счета за коммунальные услуги явно дешевле, чем снимать даже необустроенную комнату на окраине мегаполиса либо однокомнатную квартиру в пригороде. Данные опроса Центра Юрия Левады говорят о том, что даже при возможности приобрести квартиру однозначно не съехали бы все равно 17% россиян, а доля тех, кто уехал бы при первой же возможности, за последние 15 лет снизилась с 68 до 47% (с. 72). Молодежь слишком долго нуждается не столько в финансовой, сколько в эмоциональной поддержке старшего поколения. Автор, однако, не принимает адресуемых в связи с этим молодому поколению упреков в инфантилизме: «...просто времена изменились. Возможно, должен измениться подход и к самому понятию взрослости и взросления» (с. 74).

Что касается работы, то здесь гораздо тревожнее не более поздний выход на рынок труда (поскольку так в том числе сохраняются рабочие места для старших поколений), а более частые смены места работы и/или профессии: за год так поступает более чем 21%, причем в каждом предшествующем работающем поколении эта доля меньше в 1,5 раза (с. 73). Автор называет миллениалов «самым „нетерпеливым“ поколением, которое ищет возможности для более быстрого успеха (и материального, и профессионального) и интенсивно пробует разные возможности для его достижения» (с. 73).

Возможно, такое качество молодежи, уже практически не подверженной акселерации (с. 74–75), связано с развивающимися процессами цифровизации и коррелирующей с ними клиповой культурой, чьи идейные установки фрагментации и быстрой смены образов распространяются на все сферы общества. Рубеж компьютеризации проходит не между миллениалами и реформенным поколением,

а между реформенным поколением и поколением застоя (с. 77). При этом по обеспеченности банковскими пластиковыми картами миллениалы не превосходят старшие поколения, причиной чему молодость (с. 85), а также отсутствие у многих официальной или/и постоянной работы (получение стипендии на карту, возможно, не учитывалось), хотя и здесь они «растут» быстрее других. Различные формы отдыха и досуга тем не менее у миллениалов и старших поколений отличаются: они меньше смотрят телевизор, однако две трети из них ежедневно, вне зависимости от пола, играют на компьютере и проводят время в сети Интернет (с. 87). Это не мешает им встречаться с друзьями и родственниками — более половины (57%) делают это не реже раза в неделю, даже чуть чаще, чем остальные четыре поколения (с. 88). Что касается спорта и ЗОЖ, то тенденции у миллениалов здесь скорее положительные — пьющих и курящих среди них в процентном соотношении меньше, чем в предыдущих поколениях, хотя мужчин среди предающихся порокам все же больше, чем женщин, — однако, к примеру, доля потребителей табака среди последних снижается быстрее (с. 92–101). Автор не склонен считать причинами этого «переключение» на наркотики (с. 105–106), потребление которых, по крайней мере, согласно численности лиц, проходящих лечение от данной зависимости, напротив, снижается, или такое модное веяние, как вейпы [электронные системы доставки никотина]. Скорее дело в том, что «повысился уровень морализации на тему здоровья и здорового образа жизни в публичном дискурсе — это явление получило название „хелсизм“⁷» (с. 99). При этом спортом традиционно больше на 7–10% занимаются мужчины, а диетам, которые не столь популярны, отдают предпочтение женщины (с. 103–104).

Что касается некоторых исследуемых моральных качеств, тенденции свидетельствуют о росте независимости (идущем вразрез с инфантильной привязанностью к родителям). В вопросе отношения к религии снижается процент не только верующих (с. 106–108), что можно было бы объяснить новым витком популяризации научного мышления (после СССР), но и имеющих так называемое *обобщенное доверие* — то есть веру в других людей, и в отсутствие у них «задних намерений» (с. 109). При этом растет процент субъективно благополучных (который в любом поколении уменьшается с возрастом) и надеющихся на экономическое процветание в будущем — несколько упавший в период кризиса (с. 110–113).

Радаев сравнивает городских и сельских миллениалов, выдвигая три гипотезы, которые по большей части подтверждаются: «Гипотеза 1. Сельские миллениалы отстают от городских по уровню распространения новых практик поведения. Гипотеза 2. Сельские миллениалы близки представителям старших поколений (городских и сельских вместе) по уровню распространения новых практик поведения. Гипотеза 3. Сельские миллениалы опережают сельские старшие поколения по уровню распространения новых практик поведения» (с. 126).

⁷. *Healthism*, от англ. *health* — здоровье.

Здесь находят подтверждение скорее первая и третья гипотезы, например, в области владения иностранными языками, сельские миллениалы все еще отстают от городских, но уходят в отрыв от предшествующих поколений (с. 129). Что интересно, сельские миллениалы опережают городских по двум показателям взросления — они позже вступают в брак (что можно объяснить оттоком активной молодежи из сел) и позже выходят на рынок труда, что может быть связано с более низкими возможностями трудоустройства (с. 130–131). Автор, правда, не учитывает, что последнее можно объяснить в том числе их возможной занятостью в домохозяйствах родителей. При этом по деторождению сельская молодежь имеет более высокие показатели, чем городская. По представленным данным неясно, идет ли речь о многодетности созданных семей или о большей доле рожденных вне брака. Интересным представляется и то, что, вопреки расхожим представлениям, на селе меньше пьют (с. 140–141) — можно предположить потому, что в городе купить спиртное проще — в круглосуточно работающих барах (в магазинах продавать спиртное ночью запрещено).

Третья часть книги состоит из очерков о проблемах преподавания, о необходимости изменения педагогических практик, а также о существующих между «отцами и детьми» некоторых моментах непонимания. Для начала Радаев опровергает обвинение в том, что молодежь якобы ленива и чрезмерно ориентирована на личное благополучие. Причину отчуждения молодежи от серьезных семейно-трудовых отношений он видит в навязанной нарциссическим воспитанием ориентации на недостижимые стандарты собственного совершенства и пристекающим из нее *социальном перфекционизме* (с. 159). Кроме того, нынешняя молодежь, существует в условиях переизбытка выбора (с. 161), позволяющего не углубляться в конкретные сферы знания или же посвящать себя какому-то определенному набору занятий. При этом усиливается ориентация на «новые» индивидуальные проекты, не требующие крепких, фундаментальных знаний — например, блогерство (с. 165–167). Отсюда исследователь переходит к одной из важнейших проблем книги: как научить молодежь, новых студентов учиться? Да, наступил конец трудоголизма (Радаев это не осуждает), на смену ему приходит забота о собственном стиле жизни (с. 167), включающем не только ЗОЖ (в том числе в негативных формах коммерциализации и паники (с. 170)), но и отчасти противоречащие ему гаджеты, делающие коммуникацию поверхностной (с. 174–176). «Свобода от других» к тому же оборачивается столкновением с «проклятыми» или экзистенциальными вопросами и ростом протестного потенциала. Куда же девать эту неуправляемую энергию? Использовать для получения образования? А как?

Отказ от чтения сложных текстов, привычка не учить и даже не понимать, а искать в интернете, гаджеты на лекциях — как с этим бороться? Студенты почти не задают вопросов, удерживать их внимание становится все труднее, зато они активно борются за свои права — например, за оценки. Однако при растущем pragmatizme у них сохраняется интерес к общему (неприкладному) гуманитарному знанию как к средству индивидуализации (с. 191–192). Поэтому, по мнению

Вадима Радаева, решение есть: нужно начать с того, что университет обязан подтолкнуть к модному нынче саморазвитию: мода на него есть, но нет умения им заниматься. Нужно также нарабатывать критическое мышление и умение слушать других, учить академическим навыкам не как «специфическим» навыкам (*specific skills*) профессионального исследователя, а как дженералистским навыкам (*general skills*), востребованным в различных видах профессиональной деятельности (с. 197). Поскольку усваивается только то, что было проработано самостоятельно, необходимы различные формы коллективной работы, не переходящие в развлече-ние — если уж и переводить какие-то занятия в онлайн, то используя обязательную отчетность (с. 207) и демонстрируя при преподавании личные достижения (с. 201). Новое в представленных книгой Радаева дискуссиях о поколении, таким образом, состоит в том, что она исследует не только влияние прошлого на настоящее, но и ориентирована на будущее. Следовательно, главный исследовательский вопрос книги, как и ответ на него, отличаются от уже имеющихся. Это вопрос не о том, «почему так стало?». И ответ заключается совсем не в том, «что официальная риторика утратила связь с реальностью». Это вопрос о том, «что делать с настоящим ради достойного будущего?». Правильный ответ будет состоять в том, что нужно «принять новые особенности молодежи и не пытаться втиснуть ее в прокрустово ложе прежних норм, а работать с имеющимся материалом, учитывая не только его отрицательные, но и положительные стороны». Это книга, посвященная не прустовской рефлексии, но надежде.

Таким образом, «поколение Y», или миллениалы, представляет собой принципиально новую генерацию «молодых взрослых». Она не лишена недостатков, особенно с точки зрения поколения их родителей или работодателей (преподавателей). Однако при этом она обладает способствующими развитию общества достоинствами, одним из которых является опора не на авторитеты, а на самостоятельное суждение. Книга заставляет задуматься над причинами подобных трансформаций, над тем, чтобы изменить понятие взросления, смирившись с фактом меньшей политизированности миллениалов, а также с тем, что данное обстоятельство все же уместнее оценивать положительно. Хотя, по мнению Радаева, социальная наука и отстает от перемен в обществе, сам автор не предполагает серьезного перелома в следующем поколении — центениалах, или поколении Z (с. 211). Отсюда перед читателем, который, скорее всего, к миллениалам и принадлежит, встает следующая задача: изучить не только саму книгу, но также и самого себя, свое окружение и своих ровесников, признать ошибки и проблемы, а также увидеть перспективы и достоинства нового «техногенного человека», пришедшего на смену порожденному трудом «человеку советскому».

Russian Generation of Millennials

Alexander Subbotin

PhD Student, Demography Department, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University

Student, European Doctoral School of Demography, Max Planck Institute for Demographic Research, Rostock, Germany

Centre for Demographic Studies, Autonomous University of Barcelona, Barcelona, Spain

Address: Leninskie Gory str., 1, Moscow, Russian Federation 119991

E-mail: aasubbotin@yahoo.com

Book Review: Vadim Radaev, *Millenialy: kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo* [Millennials: How the Russian Society Changes] (Moscow: HSE, 2019) (in Russian).

**Оттхайн Рамштедт
(Otthein (Otto-Heinrich) Rammstedt)**
(26.01.1938, Дортмунд — 27.01.2020, Мангейм)

Скончался Оттхайн (Ото-Генрих) Рамштедт, историк социологии, главный редактор полного собрания сочинений Георга Зиммеля, выпуск которого он успел завершить в 2018 году. Почти вся профессиональная карьера Рамштедта была связана с факультетом социологии Билефельдского университета ФРГ. Он учился во Франкфурте-на-Майне и Мюнстере и лично был связан в разное время с такими выдающимися социологами, как Готфрид Заломон-Делатур (единственный докторант Зиммеля, защитивший у того диссертацию в Страсбурге), Теодор Адорно (студент Заломон-Делатура во Франкфурте в 1920-е гг. и там же — профессор Рамштедта в 60-е), Хельмут Шельски (у которого Рамштедт был докторантом и защитил диссертацию в Мюнстере), а также Никлас Луман (сделавший при решающей поддержке Шельски стремительную профессиональную карьеру во второй половине 60-х гг.) — у Лумана Рамштедт работал ассистентом в руководимом Шельским исследовательском центре (*Sozialforschungsstelle*) Мюнстерского университета в Дортмунде, и первым ассистентом Лумана он был в Билефельдском университете. С 1968 года он продолжил там свою работу и там же оставался профессором (с 1980 г.) до выхода на пенсию в 2003 году.

Эта, в общем, не богатая внешне значительными событиями биография на самом деле весьма интенсивна и очень многозначительна. Рамштедт находился, говоря словами Зиммеля, на скрещении социальных кругов — довольно необычном, если смотреть в ретроспективу с точки зрения партийно-догматической, без учета специфики истории социологии и немецкой университетской жизни. Тонкие линии идейных влияний, развития аргументов, скрытых от неискушенного читателя споров, организационных решений, конфликтов — все это еще предстоит узнать, но что-то потеряно теперь навсегда. Нам грустно осознавать, что кончина Рамштедта — это не просто личное горе для всех, кто его знал, но и обрыв одной из самых интригующих нитей в той самой истории немецкой социологии, которой он посвятил основные исследовательские усилия.

Конечно, наиболее широко признанным достижением Рамштедта стало издание сочинений Зиммеля¹. В отличие от *Max-Weber-Gesamtausgabe* — полного собрания сочинений Макса Вебера, осуществленного большой группой ученых

© Филиппов А. Ф., 2020

© Центр фундаментальной социологии, 2020

DOI: 10.17323/1728-192X-2020-1-339-341

1. *Simmel G. Gesamtausgabe in 24 Bänden / Hrsgg. v. Otthein Rammstedt. Frankfurt am Main: Suhrkamp.*

и поддержанного в Германии, в том числе и финансово, очень щедро, издание Зиммеля происходило на иных принципах, в иных условиях, через отдельные проекты и сотрудничество с издательством «Suhrkamp». Несмотря на активную работу над отдельными томами многих высококвалифицированных специалистов, выдающихся историков социологии, душой издания оставался Рамштедт, потративший много сил не столько на комментирование и создание оригинальных интерпретаций Зиммеля, сколько на черновую работу, благодаря которой ряд текстов классика нашей науки впервые стал доступен читателю, не говоря уже о научной подготовке всего корпуса сочинений плодовитого автора, архив которого пропал в годы войны. Небольшую часть этой работы мне довелось увидеть самому, когда Рамштедт приезжал в Москву, чтобы найти в наших архивах переписку Зиммеля с его русскими корреспондентами. Это был огромный труд, приносивший часто совсем небольшие результаты. Энергия Рамштедта казалась мне, насмотревшемуся и на других трудолюбивых и продуктивных немецких профессоров, совершен но безграничной.

Несмотря на то что другие работы Рамштедта, начиная с его раннего исследования о мюнстерских анабаптистах² и кончая вызвавшей большие споры книгой об истории немецкой социологии в период нацизма³, не остались в тени его главного предприятия, я не могу не пожалеть, что другая сторона его дарований не развернулась с такой же мощью и полнотой. Рамштедт, безусловно, обладал задатками великолепного социального теоретика. Его статья о повседневном сознании времени⁴ является в своем роде классической работой, повлиявшей на многих немецких авторов, но не получившей полноценного продолжения. В 1990 году в Билефельдском университете я рассчитывал посещать объявленный им курс о природе социального, однако курс не состоялся и больших публикаций на эту тему у него так после этого и не было.

Рамштедт запомнился мне как образцовый немецкий профессор, широко и глубоко эрудированный, немного экспансивный, очень рациональный и очень великодушный. Он мог неожиданно произносить длинные речи об очень разных, далеко отстоящих одна от другой материалах, не только об истории социологии, но и об истории искусства, знатоком и ценителем которого он был. Он не только загорался сам, но умел зажечь собеседника. Он любил говорить, но умел также и слушать, слышать, откликаться на аргумент, спорить. Возможно, такими же были классики немецкой социологии, герои той эпохи, о которой мы знаем теперь немного больше также и благодаря его стараниям.

Александр Филиппов

2. Rammstedt O. (1966). *Sekte und soziale Bewegung*. Wiesbaden: Springer.

3. Rammstedt O. (1986). *Deutsche Soziologie 1933–1945: Die Normalität einer Anpassung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

4. Rammstedt O. (1975). Alltagsbewußtsein von Zeit // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Bd. 27. № 1. S. 47–63.

Теодор Шанин

(29.10.1930, Вильно — 04.02.2020, Москва)

Ушел из жизни Теодор Шанин — выдающийся социолог, профессор Манчестерского университета, основатель и президент Московской высшей школы социальных и экономических наук.

Шанин родился в буржуазной семье города Вильно. В 1941 году из-за советских репрессий мальчиком он вместе с семьей оказался сначала в ссылке в Сибири, потом в Средней Азии. Юность Теодора Шанина проходила сперва в сионистском движении Польши, затем добровольцем сражался в войне за создание государства Израиль. В 1950-е годы Шанин обучался на факультете социальной работы, затем получил второе высшее образование по социологии и экономике в Иерусалимском университете, активно участвовал в партийной и политической жизни Израиля середины XX века.

В 1963 году, получив стипендию, Теодор Шанин стал аспирантом Бирмингемского университета в Великобритании, где защитил PhD диссертацию по теме «Циклическая мобильность и политическое сознание русского крестьянства: 1910–1925 гг.». На ее основе вышла в свет его первая монография «Неудобный класс», сразу утвердившая его авторитет глубокого исследователя крестьянства в академической науке.

В 1970–1980-е годы Теодор Шанин реализовал ряд исследовательских проектов в области сельской социологии развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, он стал одним из основателей и соредакторов «Journal of Peasant Studies» — в настоящее время ведущего международного журнала в области аграрной социологии. Свою исследовательскую работу Шанин успешно совмещал с преподаванием ряда социологических дисциплин в университетах Англии и других стран мира. Им опубликованы многочисленные статьи и несколько монографий, посвященных методологии социального знания и историко-социологическим исследованиям развития России.

В период перестройки в СССР Шанин стал одним из ключевых экспертов в области развития и трансформации социальных наук в России, он активно способствовал сотрудничеству с западными университетами, организуя летние школы для молодых советских социологов в университетах Великобритании.

В начале 1990-х годов он руководит крупным российско-британским проектом «Социальная структура советского села». На основе этого и ряда других исследовательских проектов Шанин создает центр крестьяноведения и ежегодник «Кре-

стяноведение», которые в настоящее время превратились в Чаяновский исследовательский центр МВШСЭН и ежеквартальный журнал «Крестьяноведение».

В 1993 году Теодор Шанин совместно с Татьяной Заславской организовывает междисциплинарный академический исследовательский центр социальных наук «Интерцентр», а в 1995 году — российско-британский университет Московская высшая школа социальных и экономических наук, МВШСЭН (Шанинка).

Тогда же в 1993 году Шаниным и Заславской был впервые проведен международный симпозиум «Пути России», до сих пор собирающий ежегодно на свои заседания ведущих российских и зарубежных социологов.

На научное мировоззрение Теодора Шанина особое влияние оказали марксизм, веберианство, феноменологическая социология. В области истории социальной мысли Шанин плодотворно занимался исследованием идей К. Маркса, В. И. Ленина, К. Каутского, А. В. Чаянова и многих других ученых и политиков.

Достижения Шанина как ученого очень значительны. Он разработал системные определения крестьян и крестьянских обществ, динамические модели их социальной эволюции. Ценный вклад в развитие междисциплинарного научного знания Шанин внес исследованиями социальных структур и революционных преобразований в развивающихся странах, описанием моделей эксполярной — неформальной экономики, практик социальной работы и институтов образования, развитием методологии двойной рефлексивности. Теодор Шанин органично сочетал в себе дар исследователя, преподавателя и организатора. Он неутомимо искал в истории и современности социального развития альтернативные возможности нового гуманистического знания и действия, ведущего к более справедливому общественному устройству. Шанин руководствовался собственным мировоззренческим лозунгом: «Иное всегда дано!»

В качестве ректора Московской школы Шанин способствовал реализации одного из проектов, в рамках которого был основан в 2000 году журнал «Социологическое обозрение».

Память о Теодоре Шанине как выдающемся ученом, организаторе науки и образования, энергичном и харизматичном лидере с глубокой признательностью сохраняют его ученики и коллеги.

Основные научные труды Т. Шанина

Шанин Т. (1996). Перспективы исследования крестьянства и проблема восприятия параллельности общественных форм // Данилов В. П., Шанин Т. (ред.). Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М.: Аспект Пресс. С. 8–25.

Шанин Т. (1997). Революция как момент истины: Россия 1905–1907 гг. → 1917–1922 гг. / Пер. с англ. Е. М. Ковалева. М.: Весь мир.

Шанин Т. (1998). Социальная работа как культурный феномен современности: новая профессия и академическая дисциплина // Заславская Т. И. (ред.). Куда идет

- Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. М.: Дело. С. 303–321.
- Шанин Т. (1999). Эксполярные структуры и неформальная экономика современной России // Шанин Т. (ред.). Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос. С. 11–32.
- Шанин Т. (2002). Рефлексивное крестьяноведение и русское село // Шанин Т., Никулин А. М., Данилов В. П. (ред.). Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России. М.: РОССПЭН. С. 9–30.
- Шанин Т. (2005). История поколений и поколенческая история // Левада Ю. А., Шанин Т. (ред.). Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение. С. 17–38.
- Shanin T. (1971). Peasants and Peasant Societies. L.: Penguin. Рус. перевод: Шанин Т. (1992). Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Пер. с англ. под ред. А. В. Гордона. М.: Прогресс-Академия.
- Shanin T. (1972). The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925. Oxford: Clarendon Press. Рус. перевод: Шанин Т. (2019). Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе. Россия, 1910–1925 / Пер. с англ. А. В. Соловьева под науч. ред. А. М. Никулина. М.: Дело.
- Shanin T. (1983). Late Marx and the Russian Road: Marx and «the Peripheries of Capitalism». N.Y.: Monthly Review Press.
- Shanin T. (1985). Russia as a «Developing Society». New Haven: Yale University Press.
- Shanin T. (1990). Defining Peasants: Essays Concerning Rural Societies, Exploitative Economies, and Learning from Them in the Contemporary World. Oxford: Blackwell.

Александр Никулин

«В центре всего должен быть вопрос этики...»

*Интервью с Теодором Шаниным**

Теодор Шанин

Профessor, президент Московской высшей школы социальных и экономических наук
Председатель редакционного совета журнала «Крестьяноведение»
Адрес: пр-т Вернадского, д. 82, г. Москва, Российская Федерация 119571
E-mail: shinin@universitas.ru

Александр Никулин

Кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Директор Чаяновского исследовательского центра, Московская высшая школа
социальных и экономических наук
Адрес: пр-т Вернадского, д. 82, г. Москва, Российская Федерация 119571
E-mail: harmina@yandex.ru

Марина Пугачева

Старший научный сотрудник, Центр фундаментальной социологии,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Заместитель главного редактора журнала «Социологическое обозрение»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: puma7@yandex.ru

Публикуемое ниже интервью с президентом Московской высшей школы социальных и экономических наук, кавалером Ордена Британской империи Теодором Шаниным и директором Центра аграрных исследований Александром Никулиным затрагивает ключевые проблемы человеческого самоопределения в истории XX века. Темой послужила работа историка Михаила Яковлевича Гефтера «Апология человека слабого», которую собирался разместить на своем сайте интернет-журнал «Гефтер». Однако беседа вышла далеко за пределы обсуждения этой работы. Шанин поделился своими воспоминаниями о начале изучения крестьянства в России, интересе к идеям Бухарина и А. В. Чаянова, встречах с Моше Левином, руководителем «Красной капеллы» Домбом и многими другими. Шанин обозначил свое отношение к Сталину и сталинизму, XX съезду КПСС и разоблачениям культа личности. В его рассуждениях о силе и слабости, трусости и выдержанке отчетливо проявлены этическая позиция ученого-историка и активного участника событий XX века как в мире, так и в России.

Ключевые слова: Шанин, Гефтер, Бухарин, Чаянов, сталинизм, история России, крестьяноведение

© Шанин Т., 2020

© Никулин А. М., 2020

© Пугачева М. Г., 2020

© Центр фундаментальной социологии, 2020

* <http://gefter.ru/archive/6597>

DOI: 10.17323/1728-192X-2020-1-345-362

МП: Теодор, позволю себе немного напомнить биографию Михаила Яковлевича Гефтера, с которым вы были знакомы. Он известный историк, начинал еще в советские времена, затем у него был длительный период, когда после ликвидации его сектора методологии истории в начале 1970-х годов он молчал, не публиковался.

ТШ: Можно сказать: его молчали.

МП: Да, «его молчали», в 1976 году он уволился из Института истории и долгое время был просто приватным человеком. Писал тексты в самиздатовские «Поиски». Когда наступила перестройка, он заявил о себе как политический публицист, стал чрезвычайно востребован, но все равно оставался историком. И его взгляды на политические процессы в России оставались взглядами историка. И вот я сегодня хотела бы побеседовать о его работе «Апология человека слабого», посвященной письму Бухарина Сталину из тюрьмы, письму, которое долгое время было неизвестно и опубликовано уже в перестроенное время. Весь текст Михаила Яковlevича выводит на проблемы отношения советских людей к сталинизму. К Сталину, сталинизму в целом и, с моей точки зрения, к теме предательства идеалов, революционных идеалов. Но поскольку речь идет о Бухарине, а вы хорошо знакомы с его работами и с его биографией, то интересно ваше мнение о Бухарине как человеке, Бухарине как философе, Бухарине как политическом деятеле, который пытался выстроить траекторию развития России иначе, чем Сталин. Каково ваше отношение ко всему этому комплексу вопросов, сложных и очень болезненных?

ТШ: Я хочу начать с короткого рассказа, который, быть может, не имеет обязательной связи с тем, о чем мы говорим. И, быть может, не стоит его вводить, а быть может, стоит. Поговорим об этом позже. В данную минуту я просто поведаю рассказ, который может оказаться ценным. Когда мне предложили начать мою докторскую работу в Бирмингеме, Боб Дэвис, директор этого центра, и Боб Смит, которые после этого руководили моей работой, встретились со мной в первый раз в своей формальной позиции моих супервайзеров. И вместо того чтобы предложить мне, над чем работать, сделали обратное: сказали, что хотят знать, над чем я хочу работать. И я ответил, что меня интересует революция в России, поэтому я и попал в их центр по изучению России. Меня интересуют две социальные группы, которые, мне кажется, недостаточно поняты и отработаны. Одна — это крестьянство, а вторая — это интеллигенция. Потому что, на мой взгляд, то, что было уже сказано о рабочем классе и о буржуазии, хотя недостаточно (поскольку все недостаточно всегда), но это уже кое-что, какие-то материалы есть, а эти две темы как-то серьезно не начали развиваться. Тогда они меня спросили: «Как бы ты подошел ко всему этому?» Я сказал, что в теме интеллигенции меня интересует подтема: те, кто был обязателен для удачной революции и перестал быть возможной частью дальнейшего развития после того, как революция победила. Я бы взял Бухарина как типичного представителя, ведущего представителя этой группы революционеров, и через его развитие, его мышление, развитие его мышления, его поведения, через все это попробовал бы построить картину этой группы революции. Они жестко воспротивились этому, так как оба были позитивистами

в своих взглядах, методологических и философских: «Как же ты сможешь на базе одного человека или нескольких только, как ты сможешь войти в это? Как можно количественно определить?» И так далее, и так далее. Мы проспорили полдня, разошлись, не выйдя на окончательный ответ. И когда назавтра мы встретились, я сказал: «У меня чувство, что я веду себя по-свински. Моя страна не дала мне стипендии, вы мне дали стипендию, что я необыкновенно оценил. А я упрямлюсь и лаюсь с вами вокруг темы. Если вы чувствуете, что эта тема недостаточно солидна, что это не сможет дать докторскую работу в рамках времени, которое у нас выделяется на это, и так далее, то я готов взять вторую общую тему: крестьянство».

Я над этим немного уже работал, потому что моя дипломная работа была о сравнении причинности революционных действий китайского и русского крестьянства. И получил за это самую высокую оценку, которая есть, и поэтому я готов повернуть к этой теме. У них загорелись глаза: «Как прекрасно! Вот уже десять лет, а то и более, не было ни одной работы по русскому крестьянству. Очень хорошо, очень хорошо, мы очень рады!» Так я нашел себя исследующим крестьянство, и после этого — это уже другой рассказ, непростой, потому что я врезался в тему очень резко, — я пробовал изучить сугубо марксистским методом марксистский материал, чтобы объяснить, что происходило с крестьянством. Ну и, конечно, у меня ничего не получалось. Я год бился смертельно с этим материалом. И у меня все больше крепло чувство, что я абсолютный идиот, что, по-видимому, слишком стар для того, чтобы докторскую начинать, и так далее (мне уже было тридцать с чем-то). Но меня спасли двое людей — Чаянов и Галенски. Я им до сих пор благодарен за это, потому что так вышло, что в то время, когда я мучился и мне не нравилось все, что я писал, Боб Смит получил для перевода книгу «Теория крестьянского хозяйства» Чаянова, которую только что открыли.

МП: Это какой год был?

АН: Чаянова опубликовали в 1964-м, где-то в середине 1960-х.

ТШ: Да, 1963–1964-й — что-то так.

МП: В СССР — оттепель.

ТШ: Боб сидел и переводил Чаянова. И каждый раз, когда у него была проблема с переводом, он меня вызывал — как друга и докторанта — посоветоваться, что делать с этим элементом перевода, с таким предложением, с сяким. И я все это, конечно, прочел с ходу, и чем больше читал — тем больше умнел. И параллельно к нам прислали в центр по изучению России книгу Галенски «Что такое крестьянство» — определение крестьянства, по-польски. И никто не мог прочесть. И меня вызвали, спросили: правда ли, что я говорю по-польски? Я сказал: «Ну, польский был моим первым языком в жизни, так что вполне говорю по-польски». «Ты был бы готов написать реview? Потому что нам неприятно, мы обещали, но мы никак не разберем этот язык». И я взял это на себя, прочел и чем больше читал — тем больше умнел. Так я вышел на эту тему — крестьянство — и исторически, и аналитически, через Чаянова и Галенски. Поляки вообще в анализе крестьянства сделали больше, чем кто-либо в Европе. Это были оригинальные исследования, привед-

шие к созданию нескольких научных школ. Галенски же был марксистом, но из тех марксистов, которые по советским понятиям были антимарксистами.

МП: Ревизионист.

ТШ: Крайний ревизионист, очень умный ревизионист. Поляки вообще всегда были самыми умными...

МП: ...Ревизионистами?

ТШ: Ревизионистами. Вот, если хотите, пролог.

МП: В какую минуту появился в ваших крестьяноведческих исследованиях Бухарин?

ТШ: Когда я начал работать над всеми этими темами, я все же не уходил от марксизма с ходу, я искал в рядах марксистских людей, которые имели бы какое-то отношение и к марксизму, и к пониманию крестьянства, но другим манером. И поэтому я довольно быстро вышел на то, что Бухарин был такого sorta человеком и что вся его тематика была довольно ясной. Между прочим, в то время открыл через исследования (уже не помню кого), кто-то работал над темой смерти Ленина. И один из вопросов, который был поставлен: что мы знаем о смерти Ленина?

АН: В 1968 году, по-моему, вышла книга Моше Левина «Последняя битва Ленина».

ТШ: Да, совершенно точно. Мы с Мишней дружили близко, и этот вопрос, конечно, муссировался среди нас. Помню, за что я зацепился очень сильно: там был список книг, которые лежали около постели Ленина, над которым Мишка работал. И в списке этих книг был и Чаянов — «Теория крестьянского хозяйства». Что как-то заставило всех тех, кто это заметил (заметили немногие), задуматься, что это значит. Что значит, что Ленин лежит и умирает, но упрямо продолжает работать, и анализировать, и думать, что делать. И я тогда же вышел на еще одну вещь: на последние пять коротких работ Ленина. Последние пять работ Ленина — это «Как нам организовать Рабкрин», само политическое завещание. Там есть целая серия вещей, которые потрясают совершенно: скажем, он предлагает создать руководящие органы, в которых есть большое представительство крестьян.

АН: Да, Рабкрин — рабоче-крестьянскую инспекцию, Ленин предлагал, чтобы пятьдесят процентов в ней составляли крестьяне, пятьдесят процентов — рабочие.

ТШ: Это невероятная идея. Ведь всю историю Ленина можно прочесть как антикрестьянство, и уж, наверное, контроль пролетарского большинства должен быть и так далее. А тут вдруг он уходит от идеи пролетарского большинства и приходит к идеи реального крестьянского и рабочего союза. Ясно, что такие взгляды были бы близки Бухарину, если бы дали ему говорить.

АН: Теодор, вы говорите, что у вас начиналось все с Бухарина, потом вы открыли Чаянова и эту тему у Ленина, как бы сейчас сказали, как использовать «кreatивный потенциал крестьянства для гуманистической революции». Но есть другая проблема: вы в своем творчестве практически никогда не писали, не исследовали тему Сталина и сталинизма, хотя, так сказать, ваши любимые герои — Чая-

нов и Бухарин — погибли благодаря именно Сталину и сталинизму. В чем причина того, что вы по этому поводу хранили молчание? И каково ваше отношение (я думаю, все-таки у вас оно имеется) к теме погибших революционеров и интеллектуалов, линии их поведения, их взаимоотношениям со сталинизмом? Что вы об этом думаете?

ТШ: Здесь есть несколько вещей. Одна из вещей — это то, что мои взгляды менялись, и менялись как раз в связи с тем, что ты поставил как вопрос. Мои взгляды менялись, потому что я вначале верил в то, что Сталин был честным революционером или тем, что я считал «быть честным революционером». Что он старался, что он делал, что мог. Он делал ошибки, несомненно, но это были ошибки, это не было преступление, которое ты сам понимаешь прекрасно, что это преступление. Со временем, чем дальше я углублялся в это дело, тем больше я терял Сталина как честного человека, а для меня вопрос честности очень централен, всегда был, но становился все более, потому что касался моральных устоев марксизма. Если хотите, это вышло в самые крайние формы. У меня есть рассказ про Домба, который я люблю рассказывать иногда. Домб был одним из создателей коммунистической партии Израиля. Его настоящая фамилия — Треппер. Английская контрразведка его как коммуниста изгнала из Палестины во Францию. Во Франции его нашла русская военная разведка (ГРУ), и он начал работать на ГРУ. Он стал вождем «Красной капеллы», то есть самой мощной советской шпионской организации в Западной Европе.

АН: И самой успешной.

МП: И самой легендарной.

ТШ: Самой легендарной в своей успешности. Между прочим, если бы вы его увидели, вы бы были потрясены еще больше: маленький, ноги кривые, длинный нос — ну совершенно как изображались евреи в антисемитских журналах. И, несмотря на это, он как-то сумел создать такую мощную организацию и остаться в живых. Его рассказ где-то важен, поэтому расскажу. Он был из левых «Поалей Цион» в сионистском движении. Была социалистическая организация, главным теоретическим мыслителем в ней был Борохов. Борохов был марксистом, марксистом более большевистским, чем меньшевистским (это значение тогда играло), но еще он был богословием. То есть когда шла борьба между Лениным и Богдановым за то, кто настоящий большевик, он был из тех, кто поддерживал Богданова. И на каком-то этапе многие из «Поалей Цион» ушли оттуда и перешли в коммунистическую партию, он был одним из них. Он попал в Палестину, и в Палестине он как добрый сионист разочаровался, решил, что то, что они делают, антимарксистское, антисоциалистическое и так далее. И примерно в то же время его изгнали из Палестины. Изгнали всегда в страну, откуда ты приехал, то есть его изгнали во Францию, и во Франции ГРУ его нашла, и он начал работать на ГРУ. Вождем ГРУ был Берзин, который был позже расстрелян, когда начались расстрелы 1937 года. Но он оценил этого молодого человека и посадил его во Франции как малодействующего до минуты, когда надо будет действовать.

МП: «Спящего агента».

ТШ: «Спящего агента». И когда любовь между Советским Союзом и нацистами вдруг прервалась, его активизировали. И в этой активизации он показал себя необыкновенно эффективно, создал очень мощную организацию, в которую входили, между прочим, немецкие офицеры и всякое такое — и впрямь интернационалистическая организация. И он командовал ею до минуты, когда его поймали, а когда поймали, начали с ним играть, то есть хотели его перевербовать. И он объяснил им, что его надо показывать, иначе узнают, что он в лапах нацистов. Человек, который с ним работал, вывозил его показывать, так сказать, населению, и ему удалось удрать. Когда он удрал, он вспомнил свои связи с подпольной компартией Франции, которая была совершенно отдельно от ГРУ, он перепрыгнул туда, и они его спрятали. И он там оставался, в их рядах, до минуты, когда в этот район вошли западные войска. После этого прилетел самолет из Москвы, который привез Мориса Тореза, чтобы принять руководство компартией, а Домб тем же самолетом полетел обратно в Москву. Его арестовали на аэродроме. И он с того времени сидел в тюрьме на Лубянке. На него наседали-наседали, чтобы сказал, что он шпионил, что он не удрал, а его отпустили, и всякое такое прочее. Он упрямо отвечал, что он не виноват, и в определенный день его вызывали, и человек за столом был не тот же самый, который его жал, но другой, он сказал ему: «Садитесь, товарищ Домб». Когда он услышал «товарищ Домб», он чуть ли не сел на пол! Человек сказал, что Берия арестован и под судом, а его освободят, но он должен понимать, что это займет время. И его отпустили и заявили: «Возвращайся в ранг полковника» и всякое такое прочее.

МП: Ну это история человека сильного.

ТШ: Я не случайно его выбрал, и через минуту конец моего рассказа определит, почему я его выбрал. Ему сказали, что он свободен, дали адрес его семьи, и он пошел в семью. И там сидел молодой паренек, его сын, и он спросил этого парня: «Кто ваш отец?» Тот сказал: «Моего отца расстреляли». — «А откуда вы знаете?» — «Это мама сказала». — «А где мама?» — «Мама теперь работает как фотограф, переезжает с места на место на Кавказе где-то, но она вернется, она зарабатывает на нас обоих этой работой фотографа».

Я встретился с Домбом вот как: я был членом коммунистической партии Израиля тогда, и в коммунистической партии шла буча огромная, шла схватка, связанная с XX съездом. Те, кто требовал изменения характера партии как ответ на XX съезд, были в меньшинстве, но их было все же немало, особенно в Тель-Авивском отделении. Мы стояли на страже в центральном комитете, потому что его постоянно атаковали фашистские группы, били стекла и так далее.

И вдруг у меня дома появился мой сосед и товарищ по партии Милек с каким-то чужим человеком, который спросил: «Вы партиец? Я понимаю из разговора с товарищами, что есть партийная оппозиция. Я бы хотел поговорить с кем-нибудь из вождей оппозиции». Домб начал с того, что рассказал, что происходит в Польской рабочей партии, как там идет борьба сталинистов и антисталинистов, и только по-

сле этого спросил: «Вы готовы теперь рассказать про вашу партию?» Я сказал: «Да, я теперь готов рассказать про нашу партию». Рассказал. И когда он прощался, он вдруг сказал: «Я должен попрощаться, потому что через два дня я уже должен быть в Польше, меня вызвали». Я не понял в точности, что значит «меня вызвали», но когда через четыре дня нашел в газете, что собрался Центральный комитет Польской рабочей партии, мне стало ясно, зачем его вызвали. И это заседание Центрального комитета избрало Гомулку генеральным секретарем прямо «из тюремной камеры». И еще, уходя, он добавил: «Мы, по-видимому, не встретимся далее, потому что меня вызвали, я возвращаюсь в Польшу спешно, хотели бы вы задать какие-нибудь вопросы?» Я сказал: «Да, у меня есть один вопрос. Я новый партиец, для меня все ново. Вы, из того, что понял из вашего рассказа, не менее тридцати лет были членом партии». Он улыбнулся, сказал: «Больше». Я, между прочим, еще не понял, каким членом партии он был. То, что он руководил «Красной капеллой», я только позже узнал. Я сказал: «Да, у меня есть один вопрос. Вы были членом партии много лет, я — человек новый. Как вы оцениваете то, что произошло? То, что вы прочли в материалах XX съезда, теперь я понимаю из нашего разговора, для вас не было ново. Что это все значит для вас?» И он мне ответил: «То, что я понял, можно суммировать в одном предложении: нельзя лгать во имя революции, ложь контрреволюционна». С этим ушел. Это, так сказать, повисло в воздухе и осталось для меня очень важным.

Позже я узнал, кто такой был Домб, нашел материалы о «Красной капелле». Домб вернулся в Польшу, играл там какую-то позитивную роль в коммунистическом движении. Когда началась в компартии антисемитская история, он заявил, что хочет уехать из Польши. Ему сказали, что не выпустят. Тогда он обратился к президенту Франции и к королю Бельгии (на нем было нескончаемое количество орденов за отвагу обеих этих стран). И они потребовали его — и получили. Здесь кончается мое знание про этого человека. Но это фундаментальная идея, что где-то в центре всего должен быть вопрос этики: нельзя лгать во имя революции. Это этическое что-то, что совершенно не политично в узком смысле этого слова.

МП: А тогда как вы оцениваете позицию Бухарина?

ТШ: Я думаю, что Бухарин — это тот случай, когда вождь коммунистического движения не имел в себе достаточно сил признать, что есть вещи важнее партии, важнее политизированного мышления, что есть не политическая, но этическая основа в человеческом понимании и в человеческом действии. Я думаю, что это Домб понял, а Бухарин — нет. И поэтому Бухарин все глубже уходил в ситуацию, из которой не было выхода.

МП: Когда я читаю письмо, которое опубликовал Михаил Яковлевич, у меня как раз, наоборот, создается ощущение, что Бухарин постоянно апеллирует к своим собственным моральным ценностям, он за них хватается, держится за них, и именно это ему мешает отчасти, что называется, прозреть.

ТШ: Но, с другой стороны, он не борется по-настоящему за это, он хватается, но не приходит к пониманию, которое сформулировано, как у Домба: «Нельзя

лгать во имя революции». Это значит, что если надо, то быть готовым за это умереть.

МП: Нет, в письме не чувствуется, что он боится смерти, там этого нет.

ТШ: Я не думаю, что он боится смерти, я не думаю, что его согнули тем, что он испугался смерти. Если бы так было, было бы все просто. Я думаю, что он не испугался смерти — он просто не понял, что с ним происходит.

МП: А что заставило его пойти на этот процесс? Играть по чужим правилам?

ТШ: То, что он решил служить партии, воздать последнюю службу своей партии.

АН: Ну это иронический лозунг коммунистов: «Во имя мировой революции можно пойти на любое преступление».

ТШ: Да. Если хотите, то здесь и мышление иезуитов надо вытащить для понимания того, как люди думают.

АН: Меня всегда удивляли тексты Гефтера его чудовищной сензитивностью, и не просто этичностью, но такой чувствительной эмоциональностью, изумлением, я бы сказал, перед феноменом того, что человек есть существо, колеблемое во всех отношениях. Например, в своих юношеских воспоминаниях он пишет: мы все, советская молодежь, были тогда очень политизированы. И вот начало Второй мировой войны, они рассматривают карту и видят, что уже вся Европа под Гитлером, и остается один остров — Англия. И они обсуждают: ну почему же англичане не сдаются, ведьrationально в этой ситуации — сдаться этой мощи. И одновременно восхищение, удивление перед этим островом Англией, которая продолжает вести борьбу. И вот вдруг «Апология человека слабого». Апология — это не просто защита, это в некоторой степени оправдание, и не просто человека слабого, а образца твердокаменного большевика, такого, о ком Маяковский писал: «Если в музее выставить плачущего большевика» и так далее. А здесь такой большевик и все его товарищи раздавлены, возводят друг на друга чудовищные небылицы, и все они плачут. И плачет Бухарин, в письме видно, как он плачет. А ведь у человека, воспитанного в классической морали гуманизма, это может вызвать брезгливый шок, страшное разочарование в человеческой натуре, в революции, в коммунизме, в гуманизме, если хотите. И я считаю, что это из «достижений» сталинизма: он поставил вообще под сомнение гуманистическую природу человека, когда он своими экспериментами на Лубянке, на Колыме продемонстрировал: «Вот, смотрите, в каких перепуганных, забитых животных превращаются интеллигентные и умные люди». И Чаянов, и Бухарин — вообще сотни, тысячи интеллигентов, как они ломаются. Мне кажется, это по-прежнему вопрос неразрешимый, до сих пор мучающий наше общество как кошмар: опять может прийти какой-нибудь якобы хитрый революционер, а на самом деле — диктатор-властолюбец, и опять скрутит всех в бараний рог до животного ужаса, и история повторится.

МП: Да, такие опасения есть.

ТШ: Несомненно.

АН: И вот в этой ситуации Гефтер пытается встать на защиту человека, в данном случае Бухарина, в том его чудовищном состоянии унижения, разбитости, полубезумия, пытается найти какие-то, опять я бы сказал, не только рационалистические и гуманистические основания для его полубезумного поведения, его письма, но и что-то даже, я бы сказал, более глубокое, связанное с состраданием и попыткой показать, что в самой слабости человека, пусть и погибающего, есть некоторые гуманистические основания его силы. Но для меня это только попытка, потому что то, что я читал у Гефтера, — это, на мой взгляд, именно поиски альтернативы. Гефтер весь создан из альтернатив, он постоянно рассматривает предмет с точки зрения того, куда бы это могло двигаться: и личная, персональная судьба, и судьба страны, и судьба мира. И мне представляется, что это очень ценно, потому что это не путь прекраснодушного гуманизма, когда человек творит прогресс, и не коммунистического видения человека как железного большевика, борющегося с природой, с отсталостью, с мерзавцами, но понимание того, что человек чудовищно слаб и в этом его сила. И опять в конкретных деталях того, как Гефтер рассматривает судьбу Бухарина и его предсмертное письмо, его предсмертное поведение, для меня самого больше вопросов, чем ответов и к Бухарину, и к Гефтеру.

ТШ: Здесь у меня в кабинете висит рисунок самого известного политического карикатуриста Англии Дэвида Лоу. Как раз про англичан в 1940 году.

МП: Да, для меня самой удивителен этот текст Михаила Яковлевича. Совсем недавно мы опубликовали его «Кодекс гражданского сопротивления», где он пишет, что без сопротивления в принципе невозможны ни демократия, ни индивидуальная судьба человека. А сейчас я читаю «Апологию человека слабого» и понимаю, что, по идеи, здесь речь тоже идет о сопротивлении. Но остается вопрос, я не знаю, как для вашего, Теодор, поколения, но для моего он остается без ответа: почему эти стойкие революционеры, прошедшие горнило революции, рисковавшие своей жизнью, не сопротивлялись террору, почему? Откуда идет это? И здесь речь не идет о моральных основаниях, здесь что-то другое. Твердые моральные принципы у них были. Гефтер приводит только два примера сопротивления: Крестинского и Рютина. Один, Крестинский, отказался от своих обвинений против товарищей прямо на процессе, а второй пытался организовать оппозицию против Сталина. Все остальные «оппозиции» были, строго говоря, дискуссиями по поводу возможных путей развития страны.

АН: Я думаю, Теодор как раз об этом и говорил: это были люди, воспитанные на партийной дисциплине, на идеях, что социализм надо беречь любой ценой и во имя сохранения СССР. Может быть, им всячески подсказывали, чтобы сломать их: мол, ты пойми, этот поклеп на товарищей пишешь во имя партии, для того, чтобы мы стали крепче, сильнее накануне войны. И это опять одно из дьявольских искушений в данном случае. Теодор начинал с тем интеллигенции и крестьянства, и я вспоминаю Варлама Шаламова, у которого центральным был вопрос как раз о несломанном человеке. У него есть очень горькая концепция: мол, считается, что если люди попадают в тяжелые условия, они проявляют человеческую солидарность, взаимопомощь, но это бывает только тогда, когда условия недостаточно тяжелые. Если они попадают в условия Колымы, то начинают вести себя, как пауки в банке, уничтожают друг друга, совершенно теряют свое человеческое достоинство. Правда, он сам же и опровергал это в своих «Колымских рассказах», приводя немногочисленные, но все же имевшие место примеры сопротивления, когда, несмотря ни на что, люди оставались людьми. Он размышляет над этим и пишет: «Видал я и интеллигентов, видал я и крестьян, и вся их интеллигентская или крестьянская этика улетучилась на Колыме». В массе своей они вели себя так, как добивалось колымское начальство. И дальше: «Я видел только один тип людей, который в большинстве своем оставался людьми, — это старообрядцы-сектанты». Не вообще верующие, а прежде всего старообрядцы, которые, до конца оставаясь христианами, никого не предавали, не сдавали, не топили окружающих. Но они были в одиночестве, абсолютно изолированы и, как на картинке у Теодора, «на том стою, не могу иначе».

Шаламов приводил примеры некоторых исключительных личностей, например, в рассказе «Житие инженера Кипреева» персонаж — просто технарь, который тоже вел себя с чувством собственного достоинства и не шел ни на какие компромиссы с системой. Собственно говоря, и сам Шаламов о себе самокритично пишет: «Я был революционер-троцкист, я себе представлял, что если меня доведут

до состояния, до которого они могут довести, я пойду на штыки, на колючую проволоку, меня пристрелят. Но я не смог повести себя так, потому что, понимаете, многомесчное воздействие, голод, холод, слабеет твоя воля, и постепенно ты превращаешься в доходягу, который подбирает крошку хлеба, который думает, как просто выжить, и уже нет сил пойти на колючую проволоку, чтобы тебя пристрелили». И после этого «когда я вернулся из лагерей — все мое творчество — это пощечина сталинизму, все мои колымские рассказы направлены на это». Но опять вопросы здесь остаются в общем-то такими, я бы сказал, мрачно, чудовищно открытыми. И если у Гефтера — «апология человека слабого», то у Шаламова это, скорее, «эпистемология человека слабого», очень горькая, очень трагическая. Он тоже пытался понять, что происходило. «Сталинизм — это система человеческого растления», — пишет он, очень длительная система растления: и в лагере, и в тюрьме — человек действительно держит оборону, он может очень долго держаться, но, в конце концов, где-то его подловили, и дальше он начинает сдавать позиции. Хотя, опять-таки, и Теодор, и Шаламов приводили примеры абсолютно несгибаемых одиноких людей.

МП: Мы начали обсуждать противостояние человека и системы. Гефтер пытается определить, когда, собственно говоря, сталинизм стал системой, в каком году: 1927-м? 1923-м? После убийства Кирова? В 1936-м? Когда именно, в какой момент? А ваше мнение, Теодор, как историка, в какой момент сталинизм стал сталинизмом, когда система террора стала необратимой?

ТШ: Я думаю, что сталинизм как проект в довольно полной форме существовал в мозгах у Сталина. А для меня это было как-то на определенном этапе ново. Я не очень понимал, насколько это неслучайно, что это выглядит как что-то довольно продуманное, и Stalin вполне выражает этим самого себя. Stalin создал систему, которую он понимал. Другие не понимали, но он понимал, что он делает. Все рассказы, которые находишь про Сталина, показывают, что он был трусом. Этому есть ясные доказательства. Есть рассказ о дне, когда он поехал на фронт (и это подтверждается многими людьми, которые там были), но не доехал до фронта, вылез из машины, присел, причем открыто, и очистил свой желудок. Затем опять сел в машину и вернулся в Кремль. Это поведение человека, который не сумел в себе перебороть страх, потому что есть такая вещь, как перебороть в себе. То есть коротко — трус. И многое лучше понимаешь, если считаешь его трусом.

МП: Ну не знаю, трусов много, а трястись-то он заставлял других людей.

АН: Теодор, здесь я сказал бы, что трус — это, в медицинском смысле, параноик, человек с системой тревожного восприятия действительности, у которого постоянно рождались фантазии по поводу того, что весь окружающий мир враждебен и может нанести ему удар. Отсюда, мне кажется, его теория, что по мере развития социализма классовая борьба будет обостряться, и отсюда его пассажи, что мы все окружены врагами, шпионами и надо быть бдительными. Stalin говорил о том, что он берегает наше общее детище — СССР, но в центре-то находился он сам, речь шла, собственно говоря, об обороне этой его модели. Поэтому, да, Тео-

дор, я думаю, у него действительно была своя система, большинству окружающих (ни за рубежом, ни внутри страны) абсолютно не понятная. А чем параноик отличается от банального труса? Тем, что это системно-философствующий трус, он выстраивает и мировоззрение, и целую социальную систему вокруг своего страха. И когда Марина говорит, что он заставлял всех вокруг себя трястись, это его собственный страх таким образом выплескивался на окружающих. Это тревога параноика заставляет трепетать от ужаса весь окружающий мир.

ТШ: Есть еще одно свидетельство. Когда началась война, Сталин не выступил перед народом. Шли дни, он не вылезал с дачи, никто от него ничего не слышал, я не думаю, что он говорил по телефону или вызывал к себе людей. И когда к нему явились члены Политбюро, которые испугались своего собственного одиночества, видимо, не знали, что без него делать, он сказал им что-то в духе: «Я думал, что вы приехали меня арестовать». Что вполне связывается с твоей идеей о паранойе. Он был, если хочешь — параноиком, если хочешь — трусом. Как мы это назовем — не так уж и важно. Но он был человеком фундаментально испуганным, что определяло в большой мере и его действия, и его противодействия, и его жестокость, между прочим. Потому что такой человек защищает себя абсолютно, тут нет места для какого-то компромисса: ты должен уничтожить все, что тебя пугает, это единственный способ жить.

МП: Теодор, когда мы начали наш разговор, вы сказали, что у вас прозрение относительно Сталина и сталинизма пришло не сразу.

ТШ: Не сразу.

МП: А когда? В какой момент?

ТШ: Это происходило поэтапно, куда более поэтапно, чем, я думал, будет или, что теперь я думаю, — должно было быть. Мне очень долго не верилось, что люди могут быть, как Сталин. Потому что я другой.

МП: А когда это произошло по времени?

ТШ: Последние полтора десятилетия.

МП: Не после ХХ съезда?

ТШ: Нет, не после ХХ съезда.

АН: Даже не после падения СССР? Для вас все это было проблематично?

ТШ: Это было проблематично. Но это не был ХХ съезд, который как раз на меня вообще не повлиял, потому что все, что говорилось после ХХ съезда с таким истерическим накалом в коммунистической партии и в других местах, для меня не было новым. Ведь все, что там говорилось, я знал. Можно сказать, на своей шкуре: я ведь сидел, когда мне было десять лет, я видел, как расправлялись с людьми. Это было свинство, но это не значит, что так хотели сделать. Это могло быть в какой-то мере случайным, в какой-то мере — непониманием, в какой-то мере люди попали впросак из-за своих собственных идей и так далее. Это долго у меня оставалось как возможное объяснение, не как объяснение, но как возможное объяснение. И пока есть такое возможное объяснение, было такое чувство, что я не готов судить. Я думаю, последние десять лет я шел мучительно к этому, потому что

я люблю красивых людей, я люблю красоту, я люблю героический жест, героическую поэзию. Я глубоко верю, что за этикой часто стоит эстетика, и есть не только оппозиция «добро-зло», но и оппозиция «красота-безобразие».

Не думаю, что есть какая-то такая ясно выраженная точка, где можно мне сказать: «Вот видишь, тут — полный наоборот». Частично потому, что меня ведь, как надо, не мучили, как Шаламова год за годом... Но этого не было, поэтому я не знаю, что бы было, если бы. И, быть может, я бы пропустил самую главную опасность, пропустил бы ту минуту, когда надо кончить самоубийством. Есть такая минута, когда ты еще можешь, потому что есть в тебе еще силы это сделать, и ты обязан это сделать. Я до этой точки никогда не доходил, меня жизнь не поставила в эти условия. Меня жизнь ставила в очень трудные условия, раз за разом, но это все мелочи по сравнению с шаламовскими лагерями. Или с Мандельштамом, когда он сошел с ума. Ну для начала он был, конечно, физически человеком слабым. А есть такая вещь, как быть слабым физически: трудно поднять этот груз ужасов, если ты физически слаб. Этого просто Бог не дал мне: я физически был всегда здоров, крепок, это было проще тогда, в этих условиях. И трудные условия были всегда довольно короткими, что тоже спасало, давало время передохнуть. Дай человеку передохнуть, и он поймет, что это невозможно, это не разрешается, этого я делать не буду и так далее, и так далее. Но для этого нужно минуту передохнуть.

МП: Что же тогда произошло в последние десять лет? Ведь основной пик разоблачений, информации о том, что представлял собой сталинизм в своей самой ужасающей и антигуманной части, приходился на конец 1980-х — начало 1990-х. Почему сейчас? Почему в последние десять лет, казалось бы, благополучные для страны, для мира?

ТШ: Потому что было время спокойно подумать. Меня воспитали в вере в моральные принципы. Я из еврейской секты миснагдим, а миснагиды в своем понимании религии и своего места в религии — почти что гугеноты. Где-то в центре спора, из-за которого евреи раскололись на хасидов и миснагидов, стояло то, что хасиды имели своего реби, своего религиозного вождя, к которому ты идешь советоваться. Моя секта выделялась тем, что такого не было, твоя связь с Богом была прямой, ты не мог спрятаться за своего реби. Ты должен брать это на самого себя, нести этот груз. И я часто видел, что могут измениться теологические основания, а вот моральные принципы неизменны. И я думаю, что центральная причина, почему начало приходить ко мне это видение действительности в последние десять лет, — это то, что это не был период зверской и ужасной схватки, а время, когда можно было спокойно думать, я накапливал факты, продумывал... Ведь когда я первый раз прочел этот рассказ, как Сталин ехал на фронт, я принципиально отмел его: это невозможно, чушь собачья.

АН: Действительно, ведь это могли и насочинять.

ТШ: Поэтому вопрос: что в таких рассказах правда? Приходится или отказываться решать: правда или неправда, или же идти через определенную интуицию своего понимания человеческой сущности определенных людей. Я думаю, что

у меня больше второе, и мой вопрос: было ли это возможно? Эту вещь про Сталина двадцать лет тому назад я бы отмел: «Нет, невозможно». А примерно десять лет тому назад начала приходить мысль: «Нет, все же возможно, все же возможно». И в это «все же возможно» входило и то, как Сталин вел себя, и то, как сталинцы вели себя, когда он им не мешал, и то, что Сталин видел в тех, кто по-другому думал. Да, я думаю, что эти последние десять лет я провел с точки зрения продвижения моего понимания человеческой сущности людей. И первый этап моей реакции был: «Это невозможно, так себя не ведут». Думал, что это поклеп. А после этого, все больше смотря на те факты, которые мы знаем, стал считать: «Возможно ли это?» — «Да, возможно». Все больше было чувство, что «возможно».

МП: Тогда ответьте, базируясь на своих интуициях, возможно ли сейчас в современной России повторение подобной ситуации?

ТШ: Да. Я надеюсь, что этого не будет. Я готов в той мере, в которой я могу, бороться против этого, я готов подставить себя под пулю, если надо, чтобы это сдерживать. Но возможно ли это? Возможно. Потому что вопрос сдерживающих факторов, вопрос тех вещей, которые заставляют определенных людей ни под каким видом не сдвинуться. Таких вещей немного, но есть, и таких людей немного, но есть. Я думаю, что через смотрение на эти факты, так сказать, надо решать, что возможно, что невозможно. Я думаю, возможно, потому что в этой стране достаточно людей, которые, вообще говоря, не видят ничего неправильного в определенных формах поведения.

МП: То есть все дозволено?

ТШ: Все дозволено. Есть люди, которым наплевать, вообще говоря, на все это дело. Можно все — и точка. А есть люди, которые будут в какой-то мере сопротивляться, но не очень, и найдут объяснение, почему так. У Брехта есть такая умная штука в «Жизни Галилея» — беседа учителя и ученика. Андреа говорит: «Несчастна та страна, у которой нет героев». И Галилео отвечает: «Нет! Несчастна та страна, которая нуждается в героях!» Это очень брехтовское, конечно, потому что Брехт, совершенно ясно, не был героем, но это про то, о чем мы говорим в данном случае.

АН: Я думаю, что то, что вы, Теодор, сказали, — это еще проблема общей иррациональности социальной жизни в мире и в особенностях в России, какого-то перманентно тягостного бреда, из которого могут возникать такие фигуры, как Сталин, и которые могут «намагничивать» вокруг себя эти самые поля страха. Тот же Шаламов сказал: «На основании всего моего жизненного опыта я пришел к выводу, что девяносто процентов людей — трусы». Именно из-за этого существовал и существует такой порядок вещей. Замечательный публицист и поэт Аронов написал страшное и одновременно ироническое стихотворение «Пятьдесят шестой год»:

Среди бела дня
Мне могилу выроют.
А потом меня
Реабилитируют.

Пряжкой от ремня,
Апперкотом валящим
Будут бить меня
По лицу товарищи.

Спляшут на костях,
Бабу изнасилуют,
А потом простят.
А потом помилуют.

Скажут: — Срок ваш весь.
Волю мне подарят.
Может быть, и здесь
Кто-нибудь ударит.

Будет плакать следователь
На моем плече.
Я забыл последовательность,
Что у нас за чем.

И эта перманентная последовательность, мне кажется, продолжается в России и в XXI веке, и это все очень тревожно. Но истоки сопротивления надо искать в любой возможности, и в том числе в самой сути человеческой слабости. И, мне кажется, Гефтер шел по этому пути.

ТШ: Я не понимаю твоей идеи — силы в слабости. Объясни. Потому что ты несколько раз возвращался к этому, для тебя это важно, а для меня непонятно.

АН: А вы мне объясните, что есть человек сильный. Я так подозреваю, перефразируя название пьесы Островского, что не только на всякого мудреца довольно простоты, но также и на всякого силача довольно слабости. Любой Илья Муромец, как известно, рождается слабым и беспомощным. Любой могучий солдат-богатырь на поле боя может через минуту превратиться в беспомощное существо, пронзенное стрелой или пулей. Но предположим, что наш супергерой, целым и невредимым, или даже несмотря на все ранения, доблестно прошел через все войны, революции и... вот он сначала стареет — силы его убывают, потом, если он будет жить очень долго, он дряхлеет и становится опять слабеньkim, как младенец. И эта относительность силы и слабости касается, конечно, не только физической, но также и интеллектуальной сущности человека. Например, могу-

чий сверхинтеллектуал Ницше к концу своей жизни превратился в очень слабое существо. Поэтому по-настоящему нравственно сильный человек всегда помнит об относительности физической и интеллектуальной силы, подобно Ньютону, смиренно повторяя, что он в своей научной деятельности всего лишь, как ребенок, играл камешками на берегу великого океана знания, а если чего-то новое свершил, то потому что стоял на плечах гигантов предшествующих поколений. Такие авторы, как Паскаль, Кафка, Акутагава Рюноске, большинство русских писателей-классиков от Пушкина до Платонова, призывают нас переосмыслить значение так называемой слабости в истории общества. У Пушкина в «Медном всаднике» слабый Евгений, по крайней мере, равновелик сильному Петру. В этом смысле Гефтерова апология человека слабого (Бухарина) — это также критика человека сильно-го (Стилина).

МП: Мне кажется, что Теодор отчасти ответил сам же на этот вопрос, когда сказал, что эти люди погибали, потому что верили только в партию и только партия для них была всем и вся, они были сильные люди, они верили в партию, именно поэтому они погибали. А слабые люди, которые в общем-то апеллируют к чему-то другому в себе, живут не ради чего-то единственного, — вот они, может быть, и сильнее.

ТШ: Вопрос: не является ли это не единственным, за что они живут? Является ли это формой...

МП: Коллаборационизма?

ТШ: Нет, наоборот, не является ли это формой еще не развитого определения, окончательного определения «что есть что»?

МП: Возможно, но мне кажется, что, говоря о слабом человеке, речь идет на самом деле о гуманном человеке, о гуманизме в первую очередь.

АН: Классический гуманизм — это все про прекрасную сущность человека, апелляция к прекрасным примерам — вот то, что вы, Теодор, говорили о героической личности, героическом поступке. Как там у Чехова: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и мысли». А тема слабости — это христианская тема. Ницше, например, за это христианство люто ненавидел, он говорил: «Ой, какое ублюдочное вообще это все христианство с его апелляцией к слабости». И он как раз говорил о сверхчеловеке опять же в традициях грядущего сверхгуманизма. И мне-то кажется, что Марина права: с христианских позиций слабость защищать легко. Но Гефтер стремился понять слабость с гуманистических позиций, найти эти очаги сопротивления слабости, между прочим, в конкретных исторических условиях конца 1930-х годов — времени оргий культа силы сталинизма и гитлеризма.

МП: На самом деле он еще призывал любить и не судить слабого человека, и, собственно говоря, в этом тоже есть определенная сила.

АН: Ну опять остается вопрос, и все это оставляется открытым и животрепещущим. Мы свидетели и участники всех этих вопросов: силы и слабости человека.

ТШ: К сожалению. Есть также вещь, в которую очень многие верили, что это вектор ослабления силы человеческой. Это очень центрально. Если нет сопротивления или механизма увеличения сопротивления, а есть только механизм ослабления, то будущее можно ясно определить.

АН: Опять говоря о каких-то образах в очень комической форме, иногда в такой, я бы сказал, дурачащейся комической форме, этот принцип человека слабого заключен в игре Чарли Чаплина. Например, в фильме «Диктатор» — это действительно маленький, слабый человек, у него куча слабостей, он физически слабый, как Мандельштам, он недисциплинированный, хаотичный, можно говорить, что он ленивый и глупый и так далее. Но тем не менее в нем есть некоторая вообще великая человеческая сущность, и он побеждает, успешно борется с физически сильными, с дисциплинированными, но малочеловечными. Конечно, недостаточно одного чаплинского подхода к веку катастроф, но образ героя Чаплина — это тоже апология человека слабого.

МП: Все-таки мне кажется, что Михаил Яковлевич ставит вопросы в первую очередь самому себе и не всегда находит ответы. Именно поэтому этот такой пронзительный текст заставляет как-то с ним дискутировать и задавать те же вопросы и самому себе.

АН: Был еще такой чудесный поэт, Николай Глазков, он был юродивым, писал как раз в тридцатые-сороковые годы, конечно, его ругали, не печатали, ему все время говорили, что он отсталый, что он пишет неправильно, то есть вопреки канонам социалистического реализма. Его личная «апология человека слабого» заключалась в ответе: «История еще покажет, кто из нас дегенеративнее». И в этом отношении история еще покажет, кто из нас слабее.

ТШ: Ну не знаю, возможно, что это все, а возможно, что не все. Потому что вопрос: как мы сами отреагируем на этот разговор? Это я и про себя, и про вас, и про каждого другого человека. Потому что какова реакция на то, что мы сказали, а ведь сказали мы вещи довольно трудные, тяжелые для нас высказывания, залезая в глубины определенных вещей. Так? Это может значить, что есть еще что сказать.

“The Question of Ethics should be at the Core of Everything . . .”: Interview with Teodor Shanin

Teodor Shanin

Professor, President of the Moscow School of Social and Economic Sciences

Address: Vernadskogo prospekt, 82, Moscow, Russian Federation 119571

E-mail: shanin@universitas.ru

Alexander Nikulin

Candidate of Economical Sciences, Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences

Address: Vernadskogo prospekt, 82, Moscow, Russian Federation 119571

E-mail: harmina@yandex.ru

Marina Pugacheva

Senior Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology, National Research University — Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: puma7@yandex.ru

We publish an interview of Alexander Nikulin, Head of the Center for Agrarian Studies, with Teodor Shanin, President of the Moscow School of Social and Economic Sciences, who was awarded the Order of the British Empire. The interview focuses on the key issues of personal self-determination in the history of the 20th century. The interview was to focus on the work of the historian Mikhail Gefter 'Apology of the weak man' which the online journal Gefter wanted to publish. However, the conversation went far beyond the discussion of this work. Shanin shared his memories of how he began to study the Russian peasantry and ideas of Nikolai Bukharin and Alexander Chayanov, of his meetings with Moshe Levin, the head of the Rote Kapelle (Red Chapel) with alias Domb and many others. Shanin expressed his attitude to Stalin and Stalinism, the XX Congress of the CPSU and denunciation of the personality cult. His arguments about strength and weakness, cowardice and self-control reveal his ethical position as a historian and an active participant of the 20th century events both in the world and Russia.

Keywords: Shanin, Gefter, Bukharin, Chayanov, Stalinism, Russian history, peasant studies